This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

И. 101
2840
2840

Очеркъ

жизни и научной дѣятельности

Константина Николаевича

Бестужева-Рюмина.

1829 — 1897.

Е. Шмурло.

Юрьевъ.
Печатано въ типографіи К. Маттисена.
1899.

80/178.

И. 101
2840
2840

Очеркъ

жизни и научной дѣятельности

2840

Константина Николаевича

Бестужева-Рюмина.

1829 — 1897.

Е. Шмурло.

ОДЕССКАГО ИНСТИТУТА
БИБЛІОТЕКА
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ

1900 Г.

Юрьевъ.
Печатано въ типографіи К. Маттисена.
1899.

DK38.7
B4

Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго Университета“ 1899 г., № 3.

2840

Съ именемъ Константина Николаевича Бестужева-Рюмина неразрывно связывается представленіе о крупномъ выдающемся талантѣ, о видномъ ученомъ, чья память съ благодарностью будетъ помянута каждымъ, кому дороги и близки успѣхи русской науки. Безкорыстному служенію этой наукѣ Бестужевъ-Рюминъ посвятилъ, можно сказать, всю свою жизнь, и вотъ почему его личная біографія такъ неразрывно связана съ его дѣятельностью, какъ ученаго. По всему своему облику и складу мыслей типичный представитель той эпохи, которую издавна принято называть „эпохою сороковыхъ годовъ", Бестужевъ-Рюминъ до конца дней сохранилъ пламенную вѣру въ конечное торжество свѣтлыхъ идеаловъ, благородную жажду просвѣщенія, гуманное отношеніе къ личности, чарующую прелесть души, отзывчивой на все прекрасное, изящное и благородное, — и на ряду съ этимъ вѣчно колеблющійся, нерѣшительный, всю жизнь проводитъ онъ въ борьбѣ съ обуревавшими сомнѣніями, съ невѣріемъ въ самаго себя. Его колебанія

и нерѣшительность происходили не отъ того, чтобы онъ стоялъ на распутьѣ — хотя въ его жизни и былъ періодъ, когда ему пришлось извѣриться въ абсолютную правду того, чему до тѣхъ поръ онъ поклонялся безусловно — а именно отъ недовѣрія къ своимъ силамъ, отъ добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу: идеалы были уяснены, и уже давно, но высокая мѣрка, какую прилагалъ къ нимъ Бестужевъ-Рюминъ, постоянно держала его въ состояніи напряженія.

Вотъ эти-то особенности личнаго характера и нашли до извѣстной степени отраженіе въ научныхъ построеніяхъ Бестужева: извѣстно, какую видную роль въ работахъ нашего историка играютъ сомнѣніе, критика, осторожное отношеніе къ каждому мнѣнію, и въ то же время сколько въ этихъ работахъ горячаго увлеченія своею идеей, сколько чуткости ко всему истинно художественному и прекрасному, сколько любви и прощенія! Въ русской исторіографіи Бестужевъ-Рюминъ несомнѣнно займетъ особое, лично ему принадлежащее мѣсто, и это мѣсто онъ себѣ завоевалъ не только путемъ вдумчивой, упорной работы, но и совокупностью тѣхъ особенностей, которыя опредѣляютъ его физіономію, какъ человѣка. Вотъ почему изученіе дѣятельности Бестужева-Рюмина, какъ ученаго, много потеряетъ, если будутъ упущены изъ вниманія данныя его личной жизни.

Къ сожалѣнію, дать теперь же обстоятельную біографію и оцѣнку Константина Николаевича мѣшаютъ и близость времени (многое еще такъ свѣжо!), и недостаточность наличнаго матеріала. А между тѣмъ пол-

ное и всестороннее жизнеописаніе стоитъ быть написаннымъ: Бестужевъ-Рюминъ соприкасался со многими выдающимися людьми своего времени, велъ съ ними обширную переписку, съ неослабнымъ интересомъ слѣдилъ за ходомъ и развитіемъ нашей общественной жизни, принималъ въ ней непосредственное участіе, проводя свои взгляды, воздѣйствуя на умы; наконецъ, столь свѣтлую память оставилъ онъ по себѣ въ исторіи образованія русской женщины. . . Авторъ не теряетъ надежды со временемъ возстановить симпатичный и поучительный обликъ Константина Николаевича полнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ это могло быть сдѣлано на этихъ страницахъ, и потому позволяетъ себѣ обратиться съ просьбою ко всѣмъ, кому дорога память о покойномъ историкѣ, посильно содѣйствовать подписавшемуся присылкою писемъ, воспоминаній, указаній, замѣтокъ, хотя бы даже простыхъ поправокъ къ настоящему труду, — вообще всѣмъ, что могло бы способствовать разрѣшенію намѣченной цѣли; что же до настоящаго „Очерка", то авторъ самъ понимаетъ, сколь многаго еще оставляетъ желать онъ по своимъ пробѣламъ, неполнотѣ и неравномѣрности въ изложеніи.

Въ основу настоящей книги положенъ печатный и рукописный матеріалъ: частью письма Константина Николаевича, его дневникъ и литературные труды, въ числѣ каковыхъ нашлось нѣсколько еще неопубликованныхъ; частью же личныя воспоминанія, а также сообщенія и замѣчанія лицъ, хорошо знавшихъ покойнаго и близкихъ къ нему. Безъ ихъ дѣятельной помощи предлагаемый трудъ едва ли бы могъ появиться

въ своемъ настоящемъ видѣ. Нижеподписавшійся весьма благодаренъ проф. М. Н. Бережкову за его воспоминанія и сообщеніе нѣсколькихъ выдержекъ изъ писемъ къ нему Константина Николаевича. Кромѣ того авторъ считаетъ долгомъ выразить свою глубокую благодарность вдовѣ покойнаго, Е. В. Бестужевой-Рюминой, за ея позволеніе пересмотрѣть бумаги Константина Николаевича и воспользоваться нѣкоторыми изъ нихъ, а также проф. И. Я. Фойницкому, который любезно подѣлился своими воспоминаніями о Бестужевѣ за первые годы его профессорской дѣятельности въ Петербургскомъ университетѣ.

Май 1899 г. Е. Ш.

P. S. Подготовительнымъ этюдомъ къ настоящему труду служила статья, помѣщенная мною въ журналѣ *Сѣверный Вѣстникъ* [1]), гдѣ однако жизнеописаніе Бестужева-Рюмина доведено лишь до времени профессуры въ Петербургскомъ университетѣ. Значительно дополненная и передѣланная, статья эта входитъ теперь въ составъ главъ I, II, III, IV, V, VII и VIII настоящаго „Очерка". Кромѣ того уже во время печатанія послѣдняго, въ газетѣ *С.-Петербургскія Вѣдомости* были помѣщены мною двѣ статьи: „Одинъ изъ такъ-называемыхъ славянофиловъ (К. Н. Бестужевъ-Рюминъ)" [2]) и „Памяти хорошаго человѣка" [3]). Содер-

1) 1897, №№ 4, 5, 6, 8.

2) 1898, №№ 274, 281.

3) 1899, № 1.

жаніе первой основано главнымъ образомъ на главѣ XIII „Очерка“; матеріалъ для второй заимствованъ изъ разныхъ мѣстъ книги. Эта вторая статья тотчасъ по своемъ появленіи вызвала возраженіе въ видѣ „Замѣтки“ Б. Н. Чичерина [1]), энергически возставшаго противъ тѣхъ словъ, которыми я характеризовалъ семью его родителей и кои можно читать на стр. 55 настоящей книги:

„Въ міросозерцаніи и во всемъ складѣ понятій этой семьи довольно отчетливо звучала одна характерная нотка: большее или меньшее безразличіе къ явленіямъ окружающей жизни, своего рода общественный и политическій квіетизмъ, эгоистическое спокойствіе людей, сознающихъ свое духовное превосходство“.

Г. Чичеринъ на это замѣчаетъ: „Откуда авторъ могъ взять такую характеристику, — для меня непонятно. Конечно, не отъ самаго Бестужева, который, даже на старости лѣтъ, говорилъ, что онъ въ своей жизни не встрѣчалъ человѣка, который имѣлъ бы на него такое благотворное нравственное вліяніе, какъ мой отецъ, за что онъ ему вѣчно благодаренъ. Если авторъ такъ понялъ сказанное въ моей статьѣ, то это совершенно невѣрное толкованіе“.

Основаніемъ моему сужденію о складѣ жизни и духовныхъ интересахъ образованной помѣщичьей семьи того времени служила, дѣйствительно, только статья г. Чичерина, т. е. извѣстныя „Воспоминанія“ его, напечатанныя въ *Русскомъ Архивѣ*, а Бестужевъ-Рюминъ

---

1) *С. Петерб. Вѣдом.* 1899, № 12.

самъ объ этомъ ничего не говорилъ. Что онъ всегда высоко ставилъ благотворное вліяніе Николая Васильевича Чичерина и его семьи — на это и въ моей книгѣ достаточно указаній, и благотворности этого вліянія я не думалъ отрицать.

Въ своей „Замѣткѣ" г. Чичеринъ говоритъ: „Мой отецъ былъ искренній патріотъ, и именно въ ту пору, когда жилъ у насъ Бестужевъ, во время Крымской кампаніи, онъ горячо принималъ къ сердцу судьбы русскаго оружія. Въ духѣ служенія общественному дѣлу и благу отечества онъ старался воспитывать и своихъ сыновей. Отсюда, могу сказать, то страстное увлеченіе общественными вопросами, которому я, старшій членъ младшаго поколѣнія, предавался въ своей молодости. Отцу, какъ болѣе зрѣлому и опытному человѣку, приходилось внушать мнѣ осторожность, не въ видахъ эгоистическаго квіетизма, о которомъ не было и помину, а съ тѣмъ, чтобы при тогдашнихъ условіяхъ себя не погубить и не подорвать той пользы, которую я могъ впослѣдствіи принести. Бестужева не нужно было воздерживать, — ибо онъ менѣе увлекался, нежели я. Но равнодушія къ общественнымъ вопросамъ онъ, конечно, не могъ встрѣтить въ той семьѣ, въ которой жилъ".

Эти любопытныя и цѣнныя показанія рисуютъ обстановку пребыванія Бестужева въ Караулѣ въ еще болѣе симпатичномъ освѣщеніи, чѣмъ какою она представлялась мнѣ до сихъ поръ, и мнѣ остается лишь сожалѣть, что они опубликованы только теперь. Что же до нашего разногласія, то коренится ли оно въ

неправильномъ пониманіи мною той картины, которая съ такимъ талантомъ нарисована въ „Воспоминаніяхъ“ г. Чичерина, или въ нѣкоторой неравномѣрности въ расположеніи красокъ на этой самой картинѣ, судить не берусь. Во всякомъ случаѣ компетентность г. Чичерина по затронутому вопросу внѣ сомнѣнія, и я прошу читателей своей книги принять это во вниманіе при чтеніи соотвѣтствующихъ страницъ моего „Очерка“.

И. 101.
2840
1900 г.
ОДЕССКАГО ИНСТИТУТА БИБЛІОТЕКА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

I.

Дѣтство.

Обстановка дѣтскихъ лѣтъ кладетъ свой отпечатокъ обыкновенно тѣмъ сильнѣе, чѣмъ даровитѣе и воспріимчивѣе натура ребенка. Чѣмъ глубже западаютъ въ сознаніе первыя впечатлѣнія дѣтства, тѣмъ рѣзче и ярче опредѣляютъ они характеръ и духовную физіономію человѣка въ его зрѣлые годы. Это особенно приходитъ на умъ, когда говоришь о Константинѣ Николаевичѣ Бестужевѣ-Рюминѣ. Впечатлѣнія, которыя вынесъ и выростилъ онъ подъ родительскимъ кровомъ, остались навсегда неразлучными спутниками его жизни. Уваженіе къ началу семейному, облагороживающее и гуманизирующее вліяніе образованія, интересъ къ исторіи и литературѣ, къ чтенію вообще, — словомъ, тѣ вкусы и понятія, что̀ были достояніемъ лучшей части дворянскаго помѣщичьяго класса въ Николаевскую эпоху, подъ вліяніемъ образовательныхъ и воспитательныхъ идей второй половины XVIII столѣтія — вотъ основы его духовнаго развитія.

Отецъ Бестужева, Николай Павловичъ, изъ старинной дворянской семьи, воспитаніе свое получилъ въ Университетскомъ Благородномъ пансіонѣ, въ эпоху Жуковскаго [1]), служилъ въ военной службѣ, былъ раненъ (кажется, подъ Фридландомъ) и позже, объѣзжая лошадей для великаго князя цесаревича Константина Павловича [2]), сломалъ себѣ ногу, что̀

1) И всегда съ благодарностью вспоминалъ о немъ (*Бестужевъ-Рюминъ*, Біографіи и Характеристики, 239, прим.).

2) Николай Павловичъ былъ женатъ два раза. Первую жену онъ увезъ, и в. кн. Константинъ Павловичъ оказалъ ему большую помощь и покровительство при возникшихъ по этому случаю затрудненіяхъ. Отсюда и отношенія семьи Бестужевыхъ къ вел. князю. Нашъ Константинъ Николаевичъ былъ названъ въ честь его.

заставило его поселиться въ родовомъ имѣніи, въ сельцѣ Кудрешкахъ, Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. Онъ поставилъ Кудрешки на хорошую ногу, развелъ прекрасный садъ, устроилъ паркъ и, увлекаясь оранжереями, выписывалъ самые рѣдкіе сорта сѣмянъ, цвѣтовъ и плодовъ [1]). Имѣніе славилось при немъ во всей губерніи [2]).

Но еще болѣе сада занимался Бестужевъ-отецъ чтеніемъ книгъ и воспитаніемъ старшаго сына Константина, родившагося 14 мая 1829 г.[3]). По убѣжденіямъ, Бестужевъ былъ деистъ съ оттѣнкомъ піэтизма, — такимъ по крайней мѣрѣ выяснилось міросозерцаніе отца самому К. Н. позже, при болѣе тщательномъ изученіи тѣхъ умственныхъ теченій, подъ вліяніемъ которыхъ развивались ученики Благороднаго пансіона. Николай Павловичъ никогда не засыпалъ безъ того, чтобы не перекреститься, и въ то же время въ церковь не ходилъ, не пріобщался и, вообще, церковныхъ обрядовъ не исполнялъ. Въ домѣ Бестужевыхъ не было Евангелія или, вѣрнѣе, былъ одинъ экземпляръ, да и тотъ на французскомъ языкѣ. Съ Новымъ Завѣтомъ К. Н. познакомился впервые не по этому экземпляру, принадлежавшему его матери, а по книгѣ, которую онъ нашелъ и взялъ у сельскаго священника [4]). Однажды отецъ засталъ сына за ея чтеніемъ и съ увлеченіемъ заговорилъ съ нимъ о Христѣ, объ его ученіи, о христіанствѣ. Восторженная рѣчь глубоко запала въ душу ребенка, и эту бесѣду К. Н. всегда отчетливо помнилъ и любилъ вспоминать [5]).

---

1) *А. Румянцева,* К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. *Дѣтское Чтеніе* 1897, № 6, стр. 244. Въ саду у маленькаго К. Н. былъ свой уголокъ, гдѣ ребенокъ тоже сажалъ свои цвѣты (Ibidem).

2) *Усовъ,* Этнографъ-беллетристъ. *Историч. Вѣстникъ* 1884, № 12, стр. 568, прим.

3) *Бестужевъ-Рюминъ,* Автобіографическая записка въ Словарѣ русскихъ писателей Венгерова, т. III, стр. 188.

4) „Я помню, съ какимъ удовольствіемъ читалъ я въ первый разъ Евангеліе, взявъ его у священника (тогда русское Евангеліе было рѣдкостью, ибо перепечатывать не позволяли, и въ продажѣ его не было). Мнѣ было тогда 10 лѣтъ". (Письмо К. Н. Бестужева-Рюмина отъ 14 августа 1883 г.).

5) Вотъ еще подробность изъ позднѣйшихъ воспоминаній К. Н., въ письмѣ его отъ 7 сентября 1883 г. (рѣчь шла объ образѣ І. Христа со словами: „придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и Я успокою васъ"): „Помню, что въ сельской церкви, гдѣ мы были прихожанами, былъ

„К. Н. росъ тихимъ и серьезнымъ ребенкомъ, не особенно сильнымъ физически, малоподвижнымъ, увлекавшимся болѣе всего чтеніемъ, за которымъ онъ забывалъ весь міръ". Азбукѣ „учился онъ по старинному способу и съ большимъ усиліемъ заучивалъ слоги: буки — рцы — азъ = бра и т. п. Былъ у него учитель чистописанія, но плохой; поэтому и почеркъ у него образовался неразборчивый, мелкій" [1]).

Зло помѣщичьяго быта, съ его отталкивающими чертами барства и крѣпостничества, проникло и въ домъ Бестужевыхъ. Взрослымъ К. Н. очень не любилъ комнатныхъ собакъ и кошекъ, съ горечью объясняя это тѣмъ, что слишкомъ часто видѣлъ въ дѣтствѣ, какъ животныхъ предпочитали людямъ. Но зло крѣпостного права съ избыткомъ выкупалось въ воспитаніи мальчика тѣмъ облагораживающимъ вліяніемъ умственныхъ интересовъ, которыми жила его семья и тонъ которымъ давалъ главнымъ образомъ его отецъ.

Еще ребенкомъ, засыпая въ своей дѣтской, К. Н. прислушивался къ голосу матери, читавшей вслухъ въ сосѣдней комнатѣ его гувернанткѣ „Евгенія Онѣгина"; еще съ этой поры пріучился онъ любить геніальнаго поэта, художественные образы котораго на всю жизнь сохранили для него неотразимую прелесть, — того поэта, чья геніальная муза благоухала для Бестужева самымъ тонкимъ ароматомъ неувядающаго цвѣтка. Вскорѣ мальчикъ и самъ взялъ „Онѣгина" въ руки; еще до поступленія въ гимназію онъ прочелъ его всего [2]).

Бестужевъ отчетливо помнилъ обстоятельства, при какихъ узналъ о смерти Пушкина. Въ то время ему не было еще и 8 лѣтъ. Семья жила въ Нижнемъ-Новгородѣ, у тетки. Къ ней заѣхалъ оренбургскій губернаторъ Катенинъ, по дорогѣ изъ Петербурга къ мѣсту своей службы, и разсказывалъ подробности дуэли. Съ жадностью слушалъ маль-

---

этотъ образъ, и помню, какъ мнѣ, ребенкомъ, было пріятно читать эти слова и знать, что во всякомъ горѣ есть куда обратиться. Мнѣ памятно даже мѣсто, гдѣ стоялъ этотъ образъ. Теперь, кажется, и самой церкви нѣтъ".

1) *А. Румянцева,* стр. 244.

2) *Моравекъ,* К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Протоколъ торжеств. общаго собранія членовъ Спб. Слав. Благ. Общества 10 февраля 1897 стр. 16.

чикъ печальную повѣсть, и въ его памяти на всю жизнь запечатлѣлось четверостишіе, услышанное отъ Катенина:

Не смыть ей горькими слезами
Съ себя пятна,
Не отмолиться ей мольбами —
Жалка она!

Подъ нею поэтъ подразумѣвалъ жену Пушкина. Тщетно старался К. Н. узнать, кто авторъ этихъ стиховъ, но самые стихи не забылъ.

Воспитательное значеніе въ жизни ребенка великій русскій поэтъ дѣлилъ съ другой знаменитостью своего времени — Жуковскимъ. Болѣе того. Вліяніе Жуковскаго въ эти годы было несомнѣнно сильнѣе. Отецъ русскаго романтизма вмѣстѣ съ Карамзинымъ были его первыми „учителями нравственности". „Жуковскій" — вспоминалъ впослѣдствіи К. Н. — „другъ воспитателя моего дѣтства, я долго жилъ почти исключительно подъ его вліяніемъ, котораго не заглушило и вліяніе Пушкина, а съ Пушкинымъ я тоже рано освоился. Памятью стараго свѣжаго впечатлѣнія повѣяло на меня отъ нѣкоторыхъ балладъ, особенно отъ Орлеанской Дѣвы. Вспомнилось мнѣ то время, когда подъ вліяніемъ этой драмы Іоанна казалась мнѣ одною изъ самыхъ великихъ личностей (о ней можно сказать: личность) во всеобщей исторіи. Послѣ, читая о ней на блистательныхъ страницахъ Мишлэ, я все же не чувствовалъ того трепетанія, которое обнимало меня при первомъ чтеніи драмы. О, моя юность, о моя свѣжесть! воскликнешь съ Гоголемъ. Помню, какъ дѣйствовало на меня прощаніе Іоанны съ родиною и монологъ у собора. Перечелъ, и показалось мнѣ, что я опять дома, и опять бѣгаю въ рубашечкѣ, и опять читаю эту вѣчно-юную драму, тамъ, подлѣ библіотечныхъ шкаповъ въ кабинетѣ отца . . ." [1]).

Въ 1838 г. прочиталъ онъ въ журналѣ неподписанную „Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ" и былъ очарованъ красотою незнакомаго еще ему Лермонтовскаго стиха. Вообще литературные вкусы мальчика опредѣлились съ очень раннихъ поръ. Однажды мать, собираясь въ Москву, — это было тоже еще до поступленія въ гимназію, — спросила сына, что привезти

1) Письмо 31 октября 1889 г.

ему оттуда; тотъ назвалъ „Иліаду“ Гнѣдича и, получивъ книгу, съ наслажденіемъ прочиталъ ее всю до конца.

У К. Н. хранилась старенькая тетрадь-альбомъ въ желтомъ переплетѣ съ какими-то радужными ободочками; въ ней записывались стихотворенія, замѣтки, разныя мысли, въ самомъ началѣ нѣсколько страницъ историческаго конспекта (aperçu), написанныхъ рукою его матери по французски. Въ домѣ вообще господствовало французское вліяніе, а вмѣстѣ съ нимъ и французскій языкъ. Въ разговорной рѣчи мать всегда прибѣгала къ нему, неудивительно, если и ребенокъ овладѣлъ имъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, съ семи или восьми. Кромѣ французскаго К. Н. учился у матери также и родному языку; нѣмецкій же усваивался пока мало и съ гораздо бо́льшимъ трудомъ, при помощи двухъ недолго жившихъ въ домѣ гувернантокъ [1]). Англійскій языкъ Бестужевъ узналъ гораздо позже, едва ли не въ университетѣ. Вполнѣ уже въ зрѣлую пору усвоилъ онъ языки итальянскій и польскій.

Впрочемъ необходимо замѣтить, что французское вліяніе въ домѣ находило извѣстный противовѣсъ въ Бестужевѣ-отцѣ. Послѣдній превосходно владѣлъ французскимъ языкомъ, однако всегда упорно отказывался говорить на немъ и отвѣчалъ русскою рѣчью даже на вопросъ, обращенный пофранцузски. Кромѣ того это вліяніе, можетъ быть, еще болѣе умѣрялось тою любовью къ русской исторіи, какую онъ внесъ въ свою семью. Николай Павловичъ приходился родственникомъ князю М. М. Щербатову, извѣстному историку и публицисту, воспитывался въ домѣ княжны Щербатовой и вынесъ оттуда благоговѣйное отношеніе къ исторіи нашей родины. Его завѣтной мечтою было когда-либо увидѣть своего сына профессоромъ исторіи. „Какъ былъ-бы доволенъ отецъ“ — говаривалъ впослѣдствіи К. Н. — „еслибы узналъ, что я послѣдовалъ его совѣту!“ Даже одна изъ первыхъ игрушекъ ребенка была историческая: сборная деревянная Троице-Сергіева лавра [2]). „Князю Щербатову обязанъ я тѣмъ, что сталъ русскимъ историкомъ“, повторялъ

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Автобіографическая записка въ Словарѣ русскихъ писателей Венгерова, т. III. стр. 188. Но все же еще будучи гимназистомъ, К. Н. уже свободно читалъ нѣмецкихъ поэтовъ.

2) *А. Румянцева,* стр. 244—245.

не разъ К. Н. У отца была обширная и хорошо подобранная библіотека; здѣсь имѣлись чуть-ли не всѣ выдающіеся писатели XVIII и XIX столѣтія, русскіе и иностранные, большой запасъ историческихъ мемуаровъ, богатая коллекція театральныхъ пьесъ (впослѣдствіи пожертвованная К. Н. въ Импер. Публичную Библіотеку). Отецъ руководилъ сыномъ въ выборѣ книгъ, многое читалъ съ нимъ совмѣстно, сопровождая чтеніе поясненіями. Такъ, вмѣстѣ съ отцомъ прочиталъ К. Н. еще до поступленія въ гимназію всю „Исторію" Карамзина, Плутарха (и притомъ не разъ [1]), Роллена, а также всеобщую исторію аббата Миллота. Въ бесѣдахъ съ отцомъ ребенокъ обязанъ былъ отдавать отчетъ въ прочитанномъ [2]).

Вотъ что писалъ К. Н. въ письмѣ 13 іюня 1883 года: „Въ числѣ любимыхъ мною книгъ еще до гимназіи были двѣ: Карамзинъ и Плутархъ (въ полномъ переводѣ Дестуниса). Я нѣсколько разъ перечитывалъ эти книги, какъ не разъ перечитывалъ Иліаду". Всегда съ теплымъ чувствомъ признательности вспоминалъ онъ объ этихъ совмѣстныхъ чтеніяхъ и сопровождавшихъ ихъ бесѣдахъ.

Въ теченіе всей жизни у Бестужева по отношенію къ Карамзину чувство уваженія къ нему, какъ ученому, неразрывно сливалось съ благоговѣйной благодарностью воспитанника, обязаннаго своему наставнику существенными сторонами своего нравственнаго міра. „Пріятно говорить", — замѣчаетъ онъ въ одной изъ статей объ авторѣ „Исторіи Государства Россійскаго", — „о томъ произведеніи, съ которымъ связаны для меня, какъ и для многихъ, дорогія воспоминанія дѣтства: по „Исторіи Государства Россійскаго" мы знакомились съ тѣмъ, что совершалось въ давніе годы; въ ней находили мы уроки высокой нравственности, учились любить родную землю, любить добро, ненавидѣть зло, презирать ложь, лесть и коварство; въ живыхъ образахъ являлись намъ и великіе подвиги, и позорныя дѣянія; яркіе образы запечатлѣвались въ памяти и на всю жизнь становились свѣтлыми маяками" [3]). И въ другомъ мѣстѣ: „Мы были какъ

---

1) Карамзинъ былъ прочитанъ три раза. (*Моравекъ,* К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Протоколъ торжеств. общ. собр. членовъ Спб. Слав. Благотв. Общества 10 февр. 1897 г., стр. 16).

2) *А. Румянцева,* 245.

3) *Бестужевъ-Рюминъ,* Біографіи и Характеристики, стр. 205.

будто лично знакомы и съ Олегомъ, и съ Мономахомъ, и съ Іоанномъ III, и съ Годуновымъ; содрогались отъ ужасовъ временъ Грознаго; съ напряженіемъ слѣдили за Скопинымъ, знали ихъ всѣхъ, какъ героевъ Плутарха или Вальтеръ-Скоттовскихъ романовъ. Да, у воспитателя нашего дѣтства было много общаго съ херонейскимъ мудрецомъ и съ аббатсфордскимъ отшельникомъ: та же любовь къ прошлому, та же житейская мудрость; какъ много добрыхъ чувствъ будятъ въ душѣ нравственныя разсужденія Карамзина, надъ которыми такъ потѣшались потомъ всѣ, кто только захотѣлъ потѣшаться!" [1]). Это впечатлѣніе Бестужевъ сохранилъ на всю свою жизнь и позже постоянно сожалѣлъ, что послѣдующія поколѣнія „забросили" „Исторію" Карамзина, хотя „трудно найти книгу, болѣе способную въ гимназическіе годы пробудить и патріотизмъ, и любовь къ исторіи" [2]).

Плутархъ подкупалъ тѣмъ же, чѣмъ и Карамзинъ: живыми лицами, воздѣйствіемъ на нравственную сторону ребенка. „Люди нашего поколѣнія" — говорилъ впослѣдствіи Бестужевъ — „навѣрное не забыли, съ какимъ трепетомъ и восторгомъ читали они когда-то Плутарха, вспоминая того наставника какого-то принца, который, на просьбу своего питомца показать ему героя, вручилъ ему Плутарха. Читая Плутарха, мы жили одною жизнью съ Фабіями и Сципіонами, съ Аристидами и Ѳемистоклами, какъ съ живыми [3]) людьми. Херонейскій Вальтеръ-Скоттъ былъ намъ такимъ-же другомъ, какъ и аббатсфордскій Плутархъ. Дѣйствительно, трудно найти двухъ писателей, которые на разстояніи многихъ вѣковъ были-бы такъ похожи другъ на друга. Молодость любитъ эти простодушные разсказы, напоминающіе разсказы дѣда у домашняго очага окружающимъ его внукамъ" [4]).

Духовная жизнь началась для К. Н. рано. Нервная, воспріимчивая, вдумчивая натура ребенка рано стала оста-

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* „Исторія Россіи. Д. И. Иловайскаго, ч. 2. Владимірскій періодъ". *Истор. Вѣстникъ* 1880, № 10, стр. 400.

2) *Бестужевъ-Рюминъ,* Біографіи и Характеристики, стр. 258.

3) Въ печатномъ текстѣ: *смѣлыми.* Измѣнено по печатному экземпляру, правленному рукою К. Н.

4) *Бестужевъ-Рюминъ,* „Мелкія сочиненія, статьи, письма 1857 – 1887 гг. Д. И. Иловайскаго". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1888 г., № 3, стр. 273.

навливаться надъ явленіями окружающей жизни, задумываться надъ ними, искать себѣ отвѣта. Мальчикъ любилъ уединяться на островкѣ, что лежалъ на пруду въ ихъ деревенскомъ садѣ, островкѣ, обсаженномъ кедрами, пихтой и лиственницею, уходилъ туда читать и мечтать. „Помню" — говорилъ впослѣдствіи К. Н. — „въ 1839 г. разъ овладѣла мною мысль о томъ, что 1839-й годъ уже не повторится болѣе, и стало мнѣ очень тяжело. Это было первое сознаніе скоротечности жизни . . . Вообще очень рано находили на меня минуты тоски, особенно къ ночи; помню, что я даже не могъ объяснить себѣ, что это; мнѣ казалось, что мнѣ чего-то хочется" [1]).

Вообще, дни своего дѣтства, родительскій домъ, откуда всю жизнь свѣтился передъ нимъ лучезарный образъ отца, К. Н. всегда вспоминалъ съ умиленіемъ и память о нихъ благоговѣйно хранилъ, какъ святыню. „Для меня съ этимъ уголкомъ" — писалъ онъ лѣтомъ 1883 г., получивъ заграницей извѣстіе о продажѣ имѣнія — „съ этимъ домомъ, съ этимъ садомъ, съ этими рощами соединяются такія воспоминанія о дняхъ дѣтства, что сердце сжалось, когда получилъ извѣстіе, что все кончено . . . Тяжело!" [2]). Въ другомъ письмѣ и другому корреспонденту онъ такъ передаетъ охватившее его настроеніе: „Мнѣ на дняхъ пришлось испытать горькое чувство: имѣніе отца, родное гнѣздо, пришлось продать: раздѣлить — управлять нельзя; въ однѣ руки — у меня денегъ не было, а больше никто не хотѣлъ. Итакъ вѣковое гнѣздо, въ которомъ жили съ половины XVIII-го вѣка, разрушено. Говорю аллегорически, ибо дѣдова дома не существуетъ уже болѣе 40 лѣтъ, но есть домъ отцовскій, передѣланный изъ стараго флигеля. Стало быть, я никогда не увижу мѣста, гдѣ началъ учиться, гдѣ читалъ Карамзина, Плутарха, Жуковскаго, куда послѣ ѣздилъ на вакацію изъ гимназіи и изъ университета. Ничего не увижу — тяжело" [3])... Наконецъ, полгода спустя послѣ того какъ были написаны эти строки, К. Н. снова возвращается къ мысли о дѣтской порѣ и семейной обстановкѣ. Ни яркое итальянское солнце,

1) Письмо 23 января 1884 г.
2) Письмо 20 іюля 1883 г.
3) Письмо 7 іюля 1883 г.

2840

ни желтѣющіе апельсины, заглядывающіе въ окна его комнаты, ни мощные кактусы и алоэ не могутъ вознаградить его тяжелой утраты: „родная сосна и уральскій кедръ ближе всякихъ кактусовъ. Помню я" — говоритъ онъ — „небольшую плантацію кедровъ, пихтъ и лиственницъ на островѣ (оставшемся недоконченнымъ) нашего деревенскаго сада. Не увижу я болѣе этого острова, и сердце сжимается невольно, какъ ни заставляешь себя думать о необходимости разстаться съ этимъ садомъ. Все какъ-то тянетъ туда, и не разъ, засыпая, видѣлъ я передъ собою и домъ, и садъ: на яву я ихъ болѣе не увижу, а домъ, вѣроятно, и существовать перестанетъ, да и садъ, если его не срубятъ, будетъ инымъ. Какъ будто что-то оторвалось отъ души послѣ продажи деревни . . . . Зачѣмъ я говорю? Такъ, солнце вызвало въ памяти другой солнцемъ же освѣщенный ландшафтъ, который равно милъ и дорогъ и подъ бѣлымъ покровомъ зимы, и при шумящихъ подъ блистательнымъ солнцемъ ручьяхъ весны, и подъ зеленымъ ковромъ лѣта, — ландшафтъ моего дѣтства и первой молодости, тѣ кедры, куда я уходилъ и читать, и мечтать" [1]). Вотъ почему, когда однажды ему пришлось случайно провести съ любимою сестрою въ дорогомъ уголкѣ двѣ недѣли, онъ назвалъ эти дни „счастливѣйшими въ своей жизни".

1) Письмо изъ Рима, 23 января 1884 г.

2840

II.

Гимназія.

До одиннадцати лѣтъ Бестужевъ воспитывался дома, если не считать немногихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ пансіонѣ Камбека, въ зиму 1837 г., когда вся семья жила въ Нижнемъ-Новгородѣ. Въ этомъ пансіонѣ учился въ ту пору и А. Н. Плещеевъ [1]). Осенью или, можетъ быть, даже въ самомъ концѣ [2]) 1840 г. К. Н. поступилъ въ первый классъ Нижегородской гимназіи, въ устроенный при ней благородный пансіонъ. Старая педагогія уже отживала въ немъ свой вѣкъ, но патріархальные нравы господствовали еще вполнѣ. Каждую субботу сѣкли виновныхъ; учителя дрались въ классѣ, таскали учениковъ за волосы. Задаваніе уроковъ сводилось къ зачеркиванію указываемыхъ фразъ и словъ въ учебникѣ. Были учителя, которые въ теченіе многихъ лѣтъ подрядъ ни сами не говорили въ классѣ, ни учениковъ не спрашивали.

Впрочемъ среди учителей этого періода К. Н. выдѣляетъ двухъ: Е. Т. Лѣтницкаго и П. И. Мельникова. Первый

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Автобіографическая записка въ Словарѣ русскихъ писателей Венгерова. Т. III, стр. 188.

2) „Въ концѣ 1840 г. привезъ меня отецъ въ Нижній и помѣстилъ въ благородный пансіонъ при гимназіи. Толпа школьниковъ, по обыкновенію, осадила новичка, кто билъ, кто щипалъ. Въ этой толпѣ оказался одинъ только человѣкъ, который принялъ меня подъ свою защиту и ласково отнесся ко мнѣ, — это былъ ученикъ шестого класса", Е. А. Бѣловъ, впослѣдствіи ставшій большимъ пріятелемъ К. Н. *(Бестужевъ-Рюминъ,* Е. А. Бѣловъ [Некрологъ]. *Ж. М. Нар. Просв.* 1895, № 12, стр. 102). К. Н. нерѣдко вспоминалъ, что поступилъ въ гимназію около „Наума", память котораго чествуется нашею церковью 1 декабря. Въ старину передъ началомъ ученія служились молебны этому святителю.

обучалъ латинскому языку. „Постоянное вниманіе, постоянное повтореніе стараго, педантическое требованіе точности въ отвѣтахъ и упражненіяхъ были очень полезны для учениковъ; полное знаніе того круга предметовъ, въ которомъ вращалось преподаваніе, умѣніе отвѣтить на всѣ вопросы учениковъ, тактъ, съ которымъ держалъ себя учитель, все внушало къ нему уваженіе и ставило его выше насмѣшекъ“ [1]). Но самымъ лучшимъ учителемъ того времени былъ П. И. Мельниковъ, впослѣдствіи знаменитый авторъ „Въ лѣсахъ“ и „На горахъ“. Бестужевъ учился у него и въ младшихъ, и въ старшихъ классахъ гимназіи. Правда, самымъ преподаваніемъ занимался Мельниковъ мало: „рѣдко говорилъ къ классѣ, никогда не слушалъ отвѣтовъ учениковъ [2]), не исполнялъ самыхъ основныхъ началъ педагогіи. Говорятъ, въ началѣ педагогической дѣятельности онъ усиленно работалъ для классовъ; но по неопытности требовалъ слишкомъ многаго съ учениковъ . . . Неудача этихъ требованій охладила его: онъ впалъ въ рутину; но если случалось ему замѣчать, что который-либо изъ учениковъ интересуется историческими вопросами, онъ говорилъ съ нимъ по цѣлымъ часамъ, звалъ его къ себѣ на домъ, давалъ книги, спрашивалъ о прочитанномъ, толковалъ и, такимъ образомъ, поддерживалъ интересъ“ [3]). Все это на себѣ испыталъ и Бестужевъ, хорошая историческая подготовка котораго и любовь къ чтенію, конечно, не могла быть не замѣчена его учителемъ. Говорилъ Мельниковъ всегда превосходно, книги вы-

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Біографіи и Характеристики, стр. 275—276.

2) Впослѣдствіи, въ частной бесѣдѣ, Бестужевъ любилъ вспоминать различные эпизоды, относящіеся къ педагогической дѣятельности Мельникова. „Мельниковъ задастъ вопросъ, да и начнетъ ходить по комнатѣ, не слушая, что говоритъ ученикъ. Классу, разумѣется, эта слабость была хорошо извѣстна, и дѣло не обходилось безъ шалостей. Такъ одинъ изъ учениковъ обѣщался посереди отвѣта вставить громко сказанную фразу: „а у Эвеніуса на дворѣ дрова стоятъ“, выполнилъ обѣщаніе, и вполнѣ успѣшно. Мельниковъ ничего не замѣтилъ. Въ другой разъ Ешевскій, дойдя до половины заданнаго отвѣта, началъ сначала. Мельникову показалось, что онъ слышитъ что-то знакомое. — Вы, кажется, уже говорили это? — спрашиваетъ онъ. — Нѣтъ, я продолжаю, отвѣчалъ Ешевскій. — А, ну, хорошо, говорите. — И Ешевскій продолжалъ свое повтореніе.

3) *Бестужевъ-Рюминъ,* Біографіи и Характеристики, стр. 276.

биралъ интересныя, и Бестужевъ впослѣдствіи чувствовалъ себя чрезвычайно ему обязаннымъ. Выпуская въ 1885 г. второй томъ своей „Русской исторіи", онъ посвятилъ его „Памяти своихъ учителей", и во главѣ Грановскаго, Кудрявцева, Соловьева и Кавелина, университетскихъ преподавателей, поставилъ имя и своего гимназическаго учителя исторіи.

Вторая половина гимназическаго періода прошла для Бестужева вообще въ иной и несравненно лучшей обстановкѣ. Въ 1844 г. пансіонъ былъ преобразованъ, получивъ отдѣльное отъ гимназіи существованіе, подъ именемъ Нижегородскаго Александровскаго института. „Для двухъ заведеній потребовался двойной комплектъ учителей, и потому пріѣхало много новыхъ лицъ изъ Казани, изъ Петербургскаго педагогическаго института; пріѣзжіе привезли съ собою новое обращеніе и новые педагогическіе пріемы" [1]). Какъ пансіонеръ, Бестужевъ поступилъ въ новооткрытый институтъ въ V классъ и хотя черезъ годъ снова перешелъ въ гимназію, хотя преподаваніе стояло въ институтѣ, повидимому, не особенно высоко, но пребываніе въ немъ все же не осталось для юноши безплоднымъ: въ институтѣ нашлись хорошіе преподаватели, стоявшіе выше школьной рутины; они умѣли заинтересовать своихъ учениковъ, вызвать въ молодыхъ умахъ живую работу мысли.

Ненапечатанныя „Воспоминанія" К. Н. Бестужева объ Александровскомъ институтѣ даютъ любопытныя черты, цѣнныя для біографіи самого автора. Главная роль въ преобразованіи пансіона принадлежала губернскому предводителю дворянства Н. В. Шереметеву, ставшему почетнымъ попечителемъ и гимназіи, и института. „То былъ русскій баринъ первой половины XIX в., воспитанный на французской литературѣ съ изящными манерами, аристократически благосклонный и привѣтливый. Онъ зналъ и учителей, и большинство учениковъ, иногда принималъ у себя и угощалъ прекраснымъ обѣдомъ. Садоводъ, псовый охотникъ, онъ любилъ читать и читалъ не только романы: мнѣ случалось брать у него и Тьера, и Луи Блана. Замѣчательно, что, не смотря на свое французское образованіе, онъ хорошо говорилъ и писалъ порусски".

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Біографіи и Характеристики, 274.

„Изъ учителей“ — пишетъ дальше Бестужевъ — „упомяну тѣхъ, которые учили въ моемъ классѣ. Законоучителемъ былъ опредѣленъ К. Н. Миловидовъ, только-что кончившій магистромъ въ Кіевѣ. Намъ онъ преподавалъ исторію церкви и усердно, сколько помню, приготовлялъ свой курсъ (общаго учебника тогда не было). Онъ читалъ намъ Иннокентія: „Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего“. Лично я помню, что онъ давалъ мнѣ читать „Духоборцевъ“ Новицкаго. Русскую словесность (т. е. частную риторику) и логику преподавалъ В. Л. Баевъ, кончившій курсъ въ Петербургскомъ университетѣ. Учитель онъ былъ не особенно даровитый, зналъ, кажется, не очень много. Сочиненій, которыя я писалъ тогда, перефразируя Бѣлинскаго, онъ поправлять не умѣлъ; но всетаки я ему обязанъ за то, что онъ познакомилъ меня съ лекціями Плетнева, сообщавшими много любопытныхъ подробностей о писателяхъ, съ нѣкоторыми статьями Надеждина и съ логикой Новицкаго . . .

Исторію преподавалъ Е. А. Розовъ, кандидатъ казанскаго университета, ученикъ Иванова. Зналъ онъ не особенно много, педагогомъ хорошимъ не былъ, но былъ добрымъ, доступнымъ человѣкомъ. Мнѣ онъ давалъ читать „Fragments historiques et géographiques“ Потоцкаго, откуда я познакомился впервые съ средневѣковыми лѣтописцами“. — Грацинскій, бывшій директоромъ гимназіи, объѣзжая уѣздныя училища, обратилъ вниманіе на учителя исторіи и географіи въ одномъ изъ училищъ, В. И. Иванова, и намѣтилъ его для института. „Выборъ оказался чрезвычайно удачнымъ. В. И., не смотря на то, что кончилъ курсъ только въ Гатчинскомъ институтѣ, былъ замѣчательнымъ учителемъ. Постоянно разсказывая, постоянно заставляя повторять разсказанное, самъ чертя карты и заставляя учениковъ чертить ихъ, онъ добился того, что незнающихъ у него не было. Въ тѣ старые годы я зналъ двухъ учителей безъ высшаго образованія: въ гимназіи Е. Т. Лѣтницкаго, не пошедшаго дальше семинаріи, а въ институтѣ Иванова: оба принадлежали къ лучшимъ учителямъ. Вотъ доказательство того, что люди, одаренные педагогическимъ талантомъ, могутъ сдѣлать много и безъ высшаго образованія и даже безъ спеціальной педагогической подготовки“.

М. Л. Руммель, преподававшій въ институтѣ алгебру, временно училъ тамъ ботаникѣ и очень заинтересовалъ К. Н. сво-

ими разсказами по физіологіи растеній, а передъ этимъ ботанику излагалъ К. Н. Солодовниковъ, „преимущественно органографію и систематику. Курсы онъ составлялъ (замѣчаетъ Бестужевъ-Рюминъ), сокращая Декандоля, въ чемъ я убѣдился тогда же, прочитавъ Декандоля". Греческій языкъ былъ не обязательнымъ, но Бестужевъ учился и ему; впрочемъ неаккуратность и безтолковость преподавателя (директора Грацинскаго) принесла юношѣ мало пользы. Наконецъ, необходимо отмѣтить курсъ отечественнаго законовѣдѣнія: „Шиманскій преподавалъ государственныя и губернскія учрежденія, Жаворонковъ — права состоянія и уставъ о службѣ гражданской. Въ слѣдующихъ классахъ знакомили съ гражданскимъ и уголовнымъ правомъ, съ гражданскимъ и уголовнымъ судопроизводствомъ. Поступавшіе на службу не разъ, вѣроятно, поблагодарили ихъ".

Вообще Бестужевъ, хотя и не раскаивался въ своемъ переводѣ въ гимназію, но съ удовольствіемъ вспоминалъ объ институтѣ, гдѣ у него были и добрые товарищи, въ числѣ ихъ „дорогой незабвенный Ѳ. А. Дивѣевъ, гордость института, первый получившій золотую медаль. О немъ скажу" — замѣчаетъ Бестужевъ — „словами Пушкина, что его

Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта
Ждала высокая ступень.

Одаренный большимъ умомъ, поэтическимъ дарованіемъ, которое рано сказалось въ немъ, Дивѣевъ могъ-бы быть человѣкомъ замѣчательнымъ; но, избалованный дома", онъ рано сбился съ пути и кончилъ трагически. Съ именемъ Дивѣева у Бестужева связывалось воспоминаніе о стихотвореніи Лермонтова: „Въ полдневный жаръ въ долинѣ Дагестана", которое тогда впервые удалось ему прочесть. Дивѣевъ гдѣ-то списалъ его, принесъ въ классъ и долго поддразнивалъ новинкой, прежде чѣмъ подѣлиться. „Наконецъ" — разсказываетъ Бестужевъ — „смиловался, далъ. Я помню даже, что стихотвореніе было переписано красными чернилами".

Я дольше остановился на этихъ воспоминаніяхъ, такъ какъ они прекрасно рисуютъ умственную атмосферу, въ какой росъ и воспитывался въ гимназическіе годы Бестужевъ-Рюминъ. Въ только-что приведенныхъ фактахъ наше вниманіе невольно останавливается на характерной чертѣ, которая, подобно красной нити, проходитъ чрезъ всѣ воспоми-

нанія. Учителя того времени могли быть средней руки, общій педагогическій уровень не безупреченъ, *формальное* знаніе недостаточнымъ; нѣкоторые изъ педагоговъ и совсѣмъ даже плохи (Штейнъ — геометріи, Никольскій — латинскаго языка, Лебланъ — французскаго, Гриммъ — нѣмецкаго); но чувствовалось присутствіе жизни духовной, присутствіе тѣхъ силъ, которыя воспитываютъ человѣка, создаютъ интересы, выходящіе за тѣсный кругъ личнаго эгоизма. Литературныя вліянія, вынесенныя Бестужевымъ изъ родительскаго дома, въ школьные годы не только не ослабли, но окрѣпли еще болѣе. Пятнадцатилѣтній мальчикъ читаетъ Тьера и Л. Блана, Шиллера и другихъ нѣмецкихъ поэтовъ, Декандоля, журнальныя статьи Бѣлинскаго и Надеждина; учителя оживляютъ свое преподаваніе живою мыслью, и если она не находитъ соотвѣтствующаго выраженія въ обязательномъ учебникѣ, то не отказываются прибѣгать къ помощи профессорскихъ лекцій или лучшихъ трактатовъ по богословію. Лишь на этой почвѣ — умѣньѣ затронуть лучшія стороны человѣческаго духа — и можно было пробудить любовь къ гуманитарнымъ знаніямъ, а пробудивъ и закрѣпить ее на всю жизнь, сдѣлать преобладающимъ интересомъ, условіемъ самого существованія.

Съ осени 1842 г., значитъ, еще до поступленія въ институтъ, Бестужевъ познакомился съ С. В. Ешевскимъ, ровесникомъ по годамъ (род. 2 февр. 1829 г.), шедшимъ на одинъ классъ выше Бестужева. Переходъ послѣдняго въ институтъ не порвалъ знакомства. Въ молодомъ товарищѣ Бестужевъ нашелъ ту-же отзывчивость, тѣ-же наклонности, что складывались у него самого, и не удивительно, если общіе вкусы связали обоихъ юношей теплою дружбой, которую не могла порвать и болѣе ранняя смерть одного изъ нихъ. Неудивительно также, если среди только-что отмѣченныхъ литературныхъ вліяній и Ешевскій, и Бестужевъ рано взялись за перо. Тотъ началъ писать стихи, этотъ прозу. Первые литературные опыты Бестужева, не напечатанные, относятся къ 1844 г., т. е. къ институтскому періоду, когда ихъ автору было всего 15 лѣтъ. Это были повѣсти, написанныя, конечно, подъ сильнымъ вліяніемъ тогдашнихъ корифеевъ нашей литературы. Какого-либо серьезнаго значенія этимъ попыткамъ юношескаго пера Бестужевъ не придавалъ, но любилъ вспоминать о нихъ, какъ о

справедливомъ доказательствѣ того, насколько въ его время живы были среди молодежи литературные интересы и какъ, наоборотъ, охладѣло къ нимъ современное молодое поколѣніе, по крайней мѣрѣ большинство его представителей.

Конечно, не каждый былъ Бестужевымъ, не каждый Ешевскимъ; значительная часть гимназистовъ, вѣроятно, ничего не писала, какъ и позже никогда не бралась за перо. Но дѣло не въ отдѣльныхъ выдающихся личностяхъ, а въ той обстановкѣ, какая ихъ воспитывала, въ тѣхъ условіяхъ, при какихъ вырабатывалось ихъ направленіе. А этимъ условіямъ можно всецѣло придать эпитетъ *литературныхъ*. Отсутствіе общественной жизни, какихъ-либо политическихъ интересовъ дѣлали отвѣтъ на умственные запросы возможнымъ только въ этомъ направленіи. Литературные интересы — вотъ къ чему преимущественно сводилась духовная жизнь лучшей части русскаго общества того времени.

Прочитайте воспоминанія Ѳ. И. Буслаева: Пенза тридцатыхъ годовъ была такою-же, какъ и Нижній-Новгородъ въ сороковые годы. И тамъ гимназисты знаютъ „Исторію" Карамзина, и тамъ только-что появившіеся „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки" съ воодушевленіемъ читаются въ классѣ. Въ наше время такъ еще недавно (а, можетъ быть, мѣстами и по сей часъ?) составляло большой вопросъ, вводить-ли Тургенева, Достоевскаго или Льва Толстого въ кругъ гимназическаго преподаванія; тогда-же — свободно знакомились съ новѣйшими писателями въ родѣ Пушкина или Марлинскаго. Рѣдкость книгъ не смущала: не лѣнились списывать въ особыя тетради одинаково и мелкія стихотворенія, и повѣсти крупныхъ размѣровъ. Гимназисты подражаютъ „Страданіямъ молодого Вертера"; учителя поощряютъ учениковъ въ сочинительствѣ; даже первая юношеская любовь возникаетъ на почвѣ литературной. Такъ Буслаевъ приводитъ разсказъ о томъ, какъ 15-лѣтняя ученица страстно (и при томъ заочно!) влюбилась въ одного гимназиста, пріобрѣвшаго среди учащейся молодежи громкую и лестную славу автора одного удачнаго сочиненія [1]).

Наше время живетъ въ иныхъ условіяхъ. Кругъ интересовъ, въ своей потенціальной силѣ, конечно, сталъ шире;

---

1) *Буслаевъ,* Мои воспоминанія. *Вѣстникъ Европы* 1890 г. № 11, стр. 23—25.

но въ такомъ объемѣ онъ доступенъ реально далеко не каждому. Явилась возможность выбора, и литература, вообще humaniora, сильно подалась на задній планъ.

Въ институтѣ пробылъ Бестужевъ всего одинъ годъ. Семья уже болѣе двухъ лѣтъ жила въ городѣ, и К. Н. хотѣлось жить дома. Онъ воспользовался тѣмъ, что экзаменъ по геометріи сошелъ у него плохо, хотя и безъ помѣхи для перехода, даже съ наградой, и упросилъ отца перевести его въ гимназію. Невыразимо счастливъ былъ онъ „въ ту минуту, когда отецъ вручилъ ему пять рублей для передачи директору (такова была тогда годичная плата за ученіе) и послалъ его въ гимназію“ [1]). Итакъ съ VI класса (съ 1845 г.) онъ снова въ гимназіи. Если раньше юноша часто видался съ Ешевскимъ, то теперь они стали почти неразлучны: „мы вмѣстѣ ходили“ — вспоминалъ Бестужевъ — „по корридору гимназіи; сходились по вечерамъ то у него, то у меня, то въ знакомыхъ семействахъ . . . . Много мы толковали въ это время и много спорили; я былъ въ обаяніи отъ Бѣлинскаго и отъ Григорьева (странное сопоставленіе, возможное только въ молодые годы) и бредилъ Жоржъ-Зандомъ . . . Я весь предался чтенію литературному почти исключительно, перечитывалъ старыхъ и новыхъ русскихъ писателей, читалъ Жоржъ-Занда, Гюго, Гете . . .“ [2]).

„Старые и новые русскіе писатели“ — это, конечно, Ломоносовъ, Державинъ, Херасковъ, Озеровъ, Козловъ, Одоевскій, Марлинскій, Крыловъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь... впрочемъ, всѣхъ ихъ не перечислишь. Скандируя знаменитую „Россіяду“, Бестужевъ еще съ этой поры запечатлѣлъ въ своей душѣ образъ ея героя, а въ „Димитріи Донскомъ“ учился съ восторгомъ и благодарной памятью потомка относиться къ другому историческому дѣятелю, представителю великой эпохи подъема народныхъ силъ въ пору ея національнаго освобожденія отъ ига татарскаго.

Но чтеніе литературное не заслоняло историческаго, подобно какъ и раньше въ институтѣ, такъ и теперь въ гимназіи, оба они шли параллельно, дополняя одно другое. Однажды директоръ засталъ юношу за Гиббономъ во фран-

---

1) *А. Румянцева*, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. *Дѣтское Чтеніе* 1897, № 6, стр. 246.

2) *Бестужевъ-Рюминъ*, Біографіи и Характеристики, стр. 277—278.

цузскомъ переводѣ; онъ невольно усомнился, въ состояніи-ли молодой читатель извлечь пользу изъ этой книги, и спросилъ, понимаетъ ли Бестужевъ прочитанное. Тотъ для доказательства предложилъ перевести одну изъ главъ, написалъ переводъ . . . „не знаю только (добавлялъ въ послѣдствіи Бестужевъ, разсказывая этотъ эпизодъ), былъ ли онъ прочитанъ".

Новый попечитель Казанскаго учебнаго округа, къ которому принадлежала Нижегородская гимназія, М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, ввелъ въ ней ежемѣсячныя литературныя бесѣды,— новый толчокъ литературному развитію талантливаго юноши. Одинъ изъ учениковъ VI или VII класса готовилъ сочиненіе, читавшееся „въ присутствіи другихъ учениковъ и всего гимназическаго начальства; кто изъ учениковъ хотѣлъ, тотъ могъ возражать; завязывался споръ. Этотъ диспутъ, записанный учителемъ, вмѣстѣ съ сочиненіемъ, посылался въ Казань на разсмотрѣніе профессора словесности, отчеты профессора о достоинствахъ присылаемыхъ отовсюду сочиненій печатались въ „Начальственныхъ распоряженіяхъ" (тогдашній журналъ округа). Съ трепетомъ ждалъ каждый изъ учениковъ, что-то скажетъ К. К. Фойхтъ о его сочиненіи" [1]). Въ 1846 г. начальство гимназіи, желая доказать, что заведеніе, въ противуположность распространяемому мнѣнію, ничего не потеряло съ отдѣленіемъ института, затѣяло пригласить на бесѣду губернскаго предводителя дворянства и губернатора. Читалъ Бестужевъ свое сочиненіе: „Борисъ Петровичъ Шереметевъ". Оно понравилось, и опытъ повторили. На другой бесѣдѣ выступилъ Ешевскій съ работой „О мѣстничествѣ". Оба молодыхъ автора серьезно готовились къ своимъ сочиненіямъ; прочитывали всѣ доступные имъ источники. Чтобъ дать нѣкоторое понятіе объ этой подготовкѣ, напомнимъ, что для „Мѣстничества" Ешевскій прочелъ два тома мѣстническихъ дѣлъ, изданныхъ Ивановымъ, пересмотрѣлъ въ „Полномъ Собраніи Законовъ" акты царствованія Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича, „Акты археографической экспедиціи" и т. п. [2]). Въ наше время съ трудомъ вѣришь, что это продѣлывали гимназисты; нынче это въ пору и въ университетѣ.

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Біографіи и Характеристики, стр. 278.
2) Ibidem.

Развитіемъ вкуса къ историческимъ занятіямъ въ гимназіи Бестужевъ несомнѣнно обязанъ П. И. Мельникову. Послѣдній, какъ редакторъ Нижегородскихъ губернскихъ вѣдомостей, оживилъ это изданіе рядомъ интересныхъ статей по исторіи, этнографіи и археологіи. Публичныя лекціи его о Смутномъ времени, видимо, произвели большое вліяніе на юношу, который услышалъ здѣсь сочувственную характеристику Грознаго и навсегда удержалъ въ памяти нѣкоторыя изъ высказанныхъ мыслей (напр. о томъ, что царь Иванъ Васильевичъ, „подвергая опалѣ князей, при помилованіи переводилъ ихъ изъ той мѣстности, гдѣ у нихъ были предковскія вотчины, въ другую")[1]). Отношенія Бестужева къ Мельникову не были только отношеніями ученика къ учителю: онъ видѣлъ его не только въ классѣ, но и въ домѣ своего отца, какъ хорошаго добраго знакомаго[2]), который охотно посвящалъ его даже въ литературныя свои отношенія[3]), читалъ ему свои произведенія, напримѣръ, какую-то философскую статью въ буддисткомъ духѣ[4]). „Осенью 1845 г. Мельниковъ съѣздилъ въ Москву, гдѣ увеличилъ свои литературныя связи и откуда привезъ тогда еще новинку: „Отношенія Новгорода къ великимъ князьямъ" С. М. Соловьева, которымъ увлекся[5]). Можно съ увѣренностью сказать, что тогда-же на эту книгу указалъ онъ и Бестужеву: иначе трудно было-бы допустить, чтобы самъ по себѣ такой ничтожный фактъ изъ жизни *Мельникова,* какъ привозъ книги, могъ сохраниться въ памяти у Бестужева; съ другой сто-

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, П. И. Мельниковъ (Некрологъ). *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1883, № 3, стр. 45—46.

2) „Въ 1845 г." — вспоминалъ Бестужевъ — „гостила въ домѣ моего отца одна молодая дѣвушка, родственница, веселая, живая и умная. Вздумалось ей испытать Мельникова, и она предложила ему, на сообщенный ею сюжетъ, тутъ же на мѣстѣ разсказать повѣсть. Мельниковъ выслушалъ двухминутный планъ, подумалъ и началъ разсказывать тѣмъ неподражаемымъ народнымъ языкомъ, который впослѣдствіи составилъ его славу". Ibidem, 45.

3) Бестужевъ вспоминалъ, что въ 1846 г. онъ читалъ переписку Мельникова съ однимъ изъ петербургскихъ редакторовъ, и называетъ ее „драгоцѣнною, такъ много подробностей тогдашняго литературнаго быта" заключала она въ себѣ (*Бестужевъ-Рюминъ,* П. И. Мельниковъ (Некрологъ). *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1883, № 3, стр. 44, 45.

4) Ibidem, 43.

5) Ibidem, 46.

роны послѣдній самъ свидѣтельствуетъ, что ко времени выхода изъ гимназіи названное сочиненіе было имъ уже прочитано [1]); „я помню“ — говоритъ онъ — „съ какою жадностью читалъ я тогда эту диссертацію, и какимъ неожиданнымъ свѣтомъ облились для меня событія древней русской исторіи“ [2]).

Говоря о вкусахъ литературныхъ и историческихъ, какіе воспитала въ юношѣ Нижегородская гимназія, не слѣдуетъ забывать и вліяній болѣе отвлеченнаго характера: умственной работы на пути философскаго мышленія. Впослѣдствіи Бестужевъ такъ вспоминалъ объ этомъ: „Въ наше время интересъ къ философіи былъ довольно развитъ: формальная логика съ обрывками психологіи преподавались въ гимназіи два года, въ V и VI классѣ, причемъ въ VI-омъ проходилась методологія, слабый намекъ на то, что нынѣ называется индуктивная логика, органонъ знаній. Еще въ гимназіи я прочелъ кое-какіе попадавшіеся мнѣ элементарные курсы философіи, между прочимъ превосходное „Введеніе“ покойнаго Сидонскаго“ [3]). Этотъ интересъ къ философіи у Бестужева, какъ увидимъ ниже, получилъ дальнѣйшее развитіе въ Московскомъ университетѣ, и онъ-то, конечно, явился тѣмъ фундаментомъ, на которомъ строились историческіе выводы и обобщенія будущаго историка. Пока же онъ воспитывалъ молодую мысль въ духѣ уваженія къ серьезному знанію и давалъ ей первую практику въ области отвлеченія.

Будучи въ VI классѣ, Бестужевъ вмѣстѣ съ Ешевскимъ замѣняли П. И. Мельникова, уѣхавшаго на мѣсяцъ въ отпускъ: они давали за него уроки исторіи въ младшихъ классахъ (въ III и IV) [4]). Тотъ-же Мельниковъ поддержалъ и литературную дѣятельность молодого Бестужева: незадолго до окончанія курса Бестужевымъ, въ Нижегородскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ появились первыя печатныя произведенія его пера. Это были разборы и рецензіи сочиненій Фонъ-Визина и Озерова, въ новомъ изданіи Смирдина, Крылова и „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, Біографіи и Характеристики, стр. 287.
2) Ibidem, 261.
3) Письмо 14 февраля 1884 г.
4) *Бестужевъ-Рюминъ*, Біографіи и Характеристики, стр. 280.

Гоголя[1]). Послѣднюю статью, хотя и четвертую въ ряду остальныхъ по времени появленія ея въ свѣтъ[2]), Бестужевъ всегда считалъ „первымъ своимъ произведеніемъ". Уже по одному этому она заслуживаетъ нашего вниманія. Непосредственное знакомство отчетливѣе уяснитъ какъ степень умственнаго развитія 17-лѣтняго юноши, такъ и литературные его вкусы, вообще ту подготовку, съ какой онъ, покидая гимназію, выступалъ на болѣе широкое поприще жизни. Первое произведеніе Бестужева любопытно для насъ еще и тѣмъ, что оцѣнка Гоголя, сдѣланная въ этой статьѣ, въ основѣ своей мало чѣмъ разнится отъ взглядовъ, какихъ держался авторъ относительно этого писателя и въ болѣе зрѣлую пору своей литературной дѣятельности. Разбору „Выбранныхъ Мѣстъ" молодой критикъ предпосылаетъ бѣглый обзоръ предшествовавшей дѣятельности Гоголя; его стóитъ привести, несмотря на нѣкоторыя длинноты.

„Была пора въ литературѣ русской", — этими словами начинается статья молодого Бестужева — „когда великій поэтъ, авторъ „Бахчисарайскаго фонтана", „Руслана и Людмилы", „Кавказскаго плѣнника" являлся хорегомъ цѣлой толпы талантовъ. Прошли года, творецъ „Полтавы", „Годунова", „Дубровскаго" и „Капитанской дочки" цѣлой головой перевысилъ окружавшую его толпу и одинокъ явился на литературной аренѣ. Въ то время на поприще вышелъ новый авторъ. Его простодушные разсказы напомнили читателямъ тѣ поэтически-простыя легенды, которыя такъ нравятся южанину. Какой-то очарованный міръ открылся передъ читателемъ въ этихъ разсказахъ. Чудная природа юга, какъ въ зеркалѣ, отразилась въ нихъ: и Днѣпръ, и лунная украинская ночь, и безтолочь сельской ярмарки, и лѣнивая натура южанина, и чудная красота украинской дѣвушки, и странные разсказы бандуристовъ, и рыцарскіе подвиги казаковъ. Вы закрыли уже книгу, и передъ вами все еще носится образъ стараго колдуна, все еще вамъ слышится звонкій смѣхъ Оксаны, и ваше сердце все еще волнуютъ вопли панни Катерины. Но современный судъ не понялъ всей прелести этихъ разсказовъ. Только великій поэтъ по-

1) *Козеко,* Библіографическій указатель трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина, стр. 5.

2) *Нижегородскія Губернскія Вѣдомости* 1847 г. №№ 30, 31.

нялъ ихъ, — онъ провидѣлъ въ юношѣ своего преемника и дружно подалъ ему руку; поэтъ былъ — Пушкинъ; юноша — Гоголь. Первый опытъ его — „Вечера на хуторѣ". Второе его произведеніе „Миргородъ" было гораздо выше „Вечеровъ на хуторѣ". Въ этомъ первомъ собраніи особенно замѣчательны двѣ повѣсти: „Старосвѣтскіе помѣщики" — лучшая русская идиллія и „Тарасъ Бульба" — эта дивная трагедія, обхватившая собой всю жизнь Запорожья, того любопытнаго края, исторія котораго представляетъ поэтическій эпизодъ въ однообразномъ теченіи русской до-петровской исторіи. Жизнь казаковъ отразилась въ этой повѣсти во всей своей простотѣ и истинѣ. Выборъ кошевого, набѣгъ на предѣлы польскіе, осада Дубно, бой подъ стѣнами этого города, пепелище аббатства, остроты Демида Поповича — черты характеристическія. Характеръ Тараса напоминаетъ собой героевъ древняго міра, этихъ желѣзныхъ людей, всегда готовыхъ на борьбу съ судьбою. А какими лицами окруженъ Тарасъ? Какъ чудно созданы эти Остапъ и Андрій, эта очаровательная полька! А сцена казни, а смерть Тараса? Да кто не знаетъ этой повѣсти? За „Миргородомъ" послѣдовали „Арабески". Здѣсь вмѣстѣ съ повѣстями помѣщены были и статьи ученаго содержанія. Изъ повѣстей лучшія: „Невскій проспектъ", это высоко-поэтическое изображеніе контраста жизни животной съ жизнію въ высшей степени человѣческой. Пискаревъ, погибшій отъ неосторожнаго столкновенія съ дѣйствительностью, и Пироговъ, забывшій все свое горе за пчелкой — два разные міра, два полюса, которымъ не суждено встрѣчаться. „Записки сумасшедшаго", чудный психическій анализъ души человѣческой — это одно изъ тысячи доказательствъ того, какъ много угадывается ясновидѣніемъ поэта того, что почти недоступно анализу философа. Между статьями учеными особенно замѣчательны статьи объ исторіи, изъ которыхъ лучшія о среднихъ вѣкахъ, гдѣ авторъ такъ вѣрно опредѣлилъ характеръ этого періода. Статьи о Брюлловѣ и Пушкинѣ показываютъ, какимъ вѣрнымъ эстетическимъ тактомъ обладаетъ Гоголь.

„Вслѣдъ за этимъ собраніемъ вышелъ „Ревизоръ". Комедія эта вмѣстѣ съ „Повѣстью о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ" (въ „Миргородѣ") были первымъ выраженіемъ того грустнаго юмора,

который, по собственному слову Гоголя, „озираетъ міръ сквозь видимый ему смѣхъ и невидимыя и незримыя для него слезы“, того юмора, который похожъ на чистое зеркало, отражающее все, что есть въ мірѣ, во всей истинѣ. Въ изображеніяхъ его нѣтъ преувеличенія, они истинны, какъ самая правда, они портреты, а не каррикатуры. „Ревизоръ“ прекрасно отразилъ всю пошлую сторону уѣздной жизни, лица его давнымъ давно стали типами. Прекраснымъ комментаріемъ къ „Ревизору“ служатъ: „Письмо къ другу объ Ревизорѣ“ самого Гоголя и его-же „Разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи“, гдѣ онъ такъ мастерски охарактеризовалъ разнохарактерность мнѣній, господствующую въ современномъ обществѣ. По мастерской отдѣлкѣ многихъ сценъ пьеса эта принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ Гоголя.

„Шесть лѣтъ авторъ „Ревизора“ молчалъ; въ тиши его кабинета зрѣло твореніе совершенное, которому по замышленію авторскому надобно было обхватить всю русскую жизнь. Это твореніе — „Мертвыя Души“, первая часть которыхъ вышла въ 1842 г. Въ пріемѣ публикой „Мертвыхъ Душъ“ открылась вся ея разнохарактерность: восторженно приняли ихъ юноши, затвердили наизусть цѣлыя тирады, образовалась школа, которую самые враги почтили именемъ *натуральной,* и многіе таланты стали подъ ея знамена. Вспомнимъ г. г. Некрасова и Достоевскаго. Люди пожилые напротивъ приняли совсѣмъ иначе: одни, не отвергая таланта въ Гоголѣ, считали новое его произведеніе удачной каррикатурой, другіе сравнивали его съ Поль-де-Кокомъ, и всѣ, особенно дамы, нападали на грязность нѣкоторыхъ мѣстъ. Впрочемъ, несмотря на это, „Мертвыя Души“ были всѣми прочитаны и признаны однимъ изъ лучшихъ произведеній литературы русской. Еще нигдѣ не являлась пошлая сторона русской жизни съ такой поразительной вѣрностью, какъ въ этой части „Мертвыхъ Душъ“, никто еще до этого романа не заглядывалъ такъ глубоко въ сердце русскаго человѣка и не выносилъ оттуда такихъ грустныхъ образовъ, каковы герои „Мертвыхъ Душъ“. Самъ авторъ написалъ на нихъ комментаріи — 4 письма къ разнымъ лицамъ по поводу „Мертвыхъ Душъ“.

„Но были мѣста въ поэмѣ этой, которыя останавливали всѣхъ критиковъ, ихъ не понимали, ихъ толковали различно, по большей части не въ выгоду автора. Это были такъ на-

зываемыя лирическія отступленія. Какая-то особенная восторженность при мысли о Россіи, какое-то желаніе обхватить въ одномъ созданіи весь ея безграничный просторъ слышались въ отступленіяхъ. Точно такой-же восторженностью отзываются мечты князя, главнаго лица въ пьесѣ „Римъ", о будущемъ римскаго народа. Мы, можетъ быть, ошибаемся, но намъ кажется, что здѣсь подъ римскимъ народомъ разумѣется другой народъ, еще многочисленнѣйшій и еще менѣе развитый, однимъ словомъ, народъ русскій. Любя свою Русь, авторъ и самъ не замѣтилъ, какъ передалъ свои мечты другому лицу и перенесъ ихъ въ среду другого народа. Не будемъ останавливаться ни на этой прекрасной пьесѣ, ни на другихъ произведеніяхъ ея автора, а прямо перейдемъ къ новому направленію, принятому его талантомъ.

„Напрасно говорятъ критики, что Гоголь совершенно перемѣнился, что въ немъ не видно прежняго Гоголя. Мы видимъ въ новой дорогѣ, принятой его талантомъ, только новую ступень его развитія, ступень, которой онъ не могъ миновать [1]). Погруженный въ изученіе свѣтлой стороны русскаго быта, которую онъ хотѣлъ выставить во 2-й части своей пьесы, авторъ обратился къ источнику всего прекраснаго на Руси — св. православной церкви, и въ немъ со-

---

1) Ср. позднѣйшіе слова Бестужева: „Постигнуть Гоголя какъ человѣка очень нелегко: онъ самъ сознавался, что въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями" онъ многое говорилъ коротко, чтобы вызвать возраженія и получить точныя свѣдѣнія о Россіи, которыхъ онъ, по его сознанію, не имѣлъ. Внутренній процессъ, происходившій въ Гоголѣ, составляетъ все еще загадку, разрѣшить которую предстоитъ его біографамъ. Всѣ теперешнія толкованія этого процесса нельзя считать удовлетворительными. Кажется, въ основу надо положить мысль, что процессъ этотъ былъ искренній, и что корни его надо искать въ Гоголѣ еще до „Ревизора" (*Бестужевъ-Рюминъ,* „Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе десятое, Тихонравова". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1890, № 4, стр. 410 [опечатка: 404]). И еще позже: „Душевное настроеніе Гоголя, которое овладѣло имъ въ послѣдніе годы его жизни . . . глубоко коренится и въ его природѣ, и въ его воспитаніи, и въ тяжелыхъ часто для него обстоятельствахъ его жизни, и въ условіяхъ окружающаго его общества, значительная часть котораго стояла во враждебныхъ отношеніяхъ къ его творчеству". (*Бестужевъ-Рюминъ,* „Матеріалы для біографіи Гоголя, В. Шенрока, т. III. Спб. 1895 г.". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1895 г., № 4, стр. 476).

2840

вершилось то же обращеніе, которое онъ изобразилъ прежде въ своей повѣсти „Портретъ“ въ лицѣ старика-художника, а теперь въ письмѣ объ Ивановѣ. Въ это-то время посѣтила его болѣзнь, и обращеніе было совершено. Что же касается до элементовъ его таланта, они сохранились и при новомъ направленіи его литературной дѣятельности. Та же лирическая восторженность, тотъ же юморъ — вспомнимъ пьесу „Предметы для лирической поэзіи“, гдѣ очерчиваются многіе современные характеры. Только слезы, прежде скрываемыя беззаботно-веселымъ съ виду смѣхомъ, выступили наружу. Авторъ, какъ самъ говоритъ, обладалъ всегда способностью видѣть свои недостатки и освобождаться отъ изображенія ихъ въ создаваемыхъ лицахъ. Способность эта усилилась во время болѣзни и произвела то самоуниженіе, то презрѣніе къ своимъ трудамъ, которое показалось критикамъ притворнымъ. Откровенность, съ которою онъ говоритъ о своемъ портретѣ, прося сжечь его, или ежели кому хочется купить его, такъ по крайней мѣрѣ сдѣлать доброе дѣло, купивъ его у Іордана, происходитъ отъ того же чувства.

„Новое произведеніе его является вѣстникомъ новаго направленія, залогомъ будущихъ великихъ произведеній. Пьесы, составляющія это собраніе, принадлежа къ разнымъ эпохамъ обращенія автора, не всѣ одинаковаго достоинства. Есть пьесы превосходныя, выдержанныя вполнѣ и есть пьесы не выдержанныя, не вполнѣ развитыя. Мы обратимъ вниманіе преимущественно на первыя. Пьесы этого собранія можно раздѣлить на выражающія взглядъ автора на общество и выражающія его собственное душевное состояніе“.

Слѣдя за содержаніемъ книги, Бестужевъ останавливается на упрекахъ Гоголя современному обществу за его нравственное разслабленіе, за духовную гордость. „Грустно, невыразимо грустно становится отъ картинъ, изображающихъ современное общество!“ Всего болѣе обвиняетъ Гоголь современниковъ въ недостаткѣ привязанности къ религіи отцовъ, и „видимость“, замѣчаетъ Бестужевъ, „къ несчастью говоритъ въ пользу гоголева упрека. Недавно случился фактъ, подтвердившій эту горькую вѣроятность, фактъ, подавшій одному изъ проповѣдниковъ православныхъ поводъ произнести слово, достойное лучшихъ временъ духовнаго краснорѣчія Византіи, временъ Василіевъ и Златоустовъ; мы говоримъ . . . да читатели сами догадались, о чемъ мы гово-

римъ". Этими словами Бестужевъ намекалъ на „Слово" Харьковскаго архіепископа Иннокентія, произнесенное въ день св. Троицы и напечатанное въ „Москвитянинѣ" 1846 г., №№ 9 и 10.

„Холодность, разочарованіе, смутность идей" — продолжаетъ Бестужевъ — „недостатки, въ которыхъ упрекаетъ Гоголь современную литературу — факты не подверженные сомнѣнію. Духовная гордость современнаго человѣка тоже дѣйствительна. Не отъ нея-ли происходитъ упорство партій литературныхъ, философскихъ и пр., не отъ нея-ли происходитъ то суровое отчужденіе человѣка отъ своего ближняго, тотъ строгій судъ, которымъ мы встрѣчаемъ всѣ проступки другихъ? Полные увѣренности въ своей чистотѣ, мы спѣшимъ осуждать пороки братьевъ нашихъ, забывъ великое слово Спасителя: „Не судите, да не судимы будете".

Эти мысли въ устахъ 17-лѣтняго критика очень характерны, и ихъ нельзя обойти молчаніемъ. Въ нихъ слышится мягкая натура, душевная деликатность почти въ той же степени, какая отличала Бестужева всегда въ теченіе всего зрѣлаго періода его жизни. Нелюбовь къ партійности, всепрощающее сердце, наряду съ строгими, подчасъ даже суровыми требованіями къ самому себѣ, все это, если окрѣпло и выросло въ полное сознаніе лишь позже, то, несомнѣнно, въ зародышѣ уже существовало и теперь, въ 1847 г., будучи воспитано всей обстановкою той духовной атмосферы семьи и школы, въ которой росъ и крѣпъ характеръ Бестужева. „Строгій судъ, которымъ мы встрѣчаемъ всѣ проступки другихъ" . . . Эти характерныя слова произноситъ тотъ юноша, который позже, во всеоружіи знанія, съ такой снисходительностью будетъ дѣлать оцѣнку чужихъ трудовъ, даже въ плохихъ стараясь отыскать черты, заслуживающія одобренія.

Очень понравилась Бестужеву статья Гоголя о русскихъ поэтахъ. Онъ называетъ ее „замѣчательнѣйшимъ критическимъ обзоромъ русской литературы". Соотвѣтственныя строки разбора показываютъ, что молодой критикъ сразу вступаетъ на болѣе твердую для себя почву. Раньше, говоритъ ли онъ объ упрекахъ Гоголя русскому современному обществу, о взглядахъ ли его на общественную роль помѣщика, женщины, — всюду замѣчается нѣкоторая туманность мысли, нетвердость; чувствуется, что авторъ еще не въ силахъ вполнѣ критически оцѣнить чужую мысль. Иначе вы-

ражается онъ по поводу упомянутой статьи Гоголя о русскихъ поэтахъ. Дѣло не въ глубинѣ мысли, а въ той бодрости стиля, въ той бо̀льшей увѣренности, съ какою выливается мысль изъ подъ пера, въ томъ умѣньѣ подмѣтить не только что есть у разбираемаго автора, но чего и нѣтъ.

„Изъ прочихъ статей этого рода" — замѣчаетъ Бестужевъ — „довольно близко подходятъ къ ней только статьи г. г. Никитенки, Бѣлинскаго, Плетнева и кн. Вяземскаго. Прочтите эти немногія страницы, и вы лучше поймете корифеевъ нашей поэзіи, нежели тогда, когда бы вы прочли цѣлые томы комментаріевъ. Какой мастерской кистью очеркнуты эти портреты! Какъ умно въ немногихъ чертахъ собрано все, что только можно сказать объ авторѣ! Такъ великій художникъ небрежно набросаетъ очеркъ лица и немного чертъ, кажется, да и работы-то немного, а попробуй кто другой въ рамѣ самой обширной собрать столько характеристическаго, — и во вѣкъ не успѣетъ. Для доказательства укажемъ на характеристику Пушкина. Какъ вѣрно уловлена здѣсь главная черта его поэзіи — на все откликаться. Но Лермонтовъ, кажется, понятъ не такъ хорошо. О немъ сказано мало, о школѣ его совсѣмъ ничего, тогда какъ и до сихъ поръ поэты наши варіируютъ Лермонтовскіе мотивы. Впрочемъ, слово *безочарованіе* очень вѣрно характеризуетъ его поэзію; однако-же, понявъ характеръ ея, Гоголь не понялъ ея значенія и потому представилъ безочарованіе явленіемъ случайнымъ. Очень жаль, что Гоголь пропустилъ Кольцова; эта мощная душа, это чувство глубокое и истинно-русское, эта простая и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени художественная форма его поэзіи стоили бы глубокаго изученія. Намекъ на три источника поэзіи въ будущемъ: пѣсни, пословицы и краснорѣчіе церковное — чрезвычайно замѣчателенъ".

Закончимъ свои выписки еще одною:

„Статьи о церкви и духовенствѣ показываютъ въ авторѣ истиннаго сына церкви. Взглядъ его на изолированное положеніе нашего духовенства въ обществѣ, на величавое спокойствіе нашей церкви, на что такъ нападаетъ Западъ, полонъ глубины. И если мы захотимъ попристальнѣе всмотрѣться въ предметъ спора, мы должны будемъ согласиться съ выводами автора и убѣдиться въ той великой будущности, которую принесетъ міру православная церковь, такъ долго

готовившаяся къ св. дѣлу уединеніемъ и удаленіемъ въ самое себя".

И здѣсь нельзя не видѣть извѣстной связи съ позднѣйшими возрѣніями автора на православіе, его задачи и высокія нравственныя преимущества, какія онъ признавалъ за нимъ позже.

Таковъ былъ первый литературный опытъ Бестужева; онъ наглядно говоритъ о широкомъ литературномъ образованіи юноши, равно и о тѣхъ нравственныхъ стимулахъ, съ какими вступалъ онъ въ жизнь. Недаромъ впослѣдствіи такимъ добрымъ словомъ помянулъ онъ эту раннюю эпоху своей жизни.

„Оглядываясь назадъ на это давноминувшее время, конечно, можно быть" — говоритъ Бестужевъ — „недовольнымъ многимъ въ нашемъ первоначальномъ образованіи; можно сказать, что въ занятіяхъ нашихъ не было методы, что, узнавая много, мы узнавали какъ-то случайно и безсвязно: мы были всѣ самоучки. Тѣмъ не менѣе, мы многое знали, хотя отъ случайности пріобрѣтенія между нужнымъ много было и ненужнаго; а, главное, *мы получили любовь къ знанію, стремленіе къ труду* и *уваженіе къ наукѣ;* прониклись тѣмъ въ началѣ смутнымъ благоговѣніемъ къ ея высшему вмѣстилищу, университету, которое сопровождало насъ во всю жизнь. Думаю, что этимъ благомъ съ избыткомъ выкупается безпорядочность нашего образованія, бывшая естественнымъ слѣдствіемъ того состоянія науки и общества, при которомъ совершалось наше развитіе. За эти блага можно поблагодарить руководителей нашей молодости и литературу, которая насъ воспитала" [1]).

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Біографіи и Характеристики, 280—281.

III.

Университетъ.

Бестужевъ и Ешевскій были, несомнѣнно, выдающимися учениками, гордостью Нижегородской гимназіи. На нихъ надѣялись, имъ предсказывали почетное будущее. Когда Бестужевъ, лѣтомъ 1847 г., по окончаніи курса, собирался поступить въ Московскій университетъ, старинный другъ дома, А. И. Мессингъ, обратился къ Погодину, хотя въ ту пору болѣе и не профессору, съ просьбою оказать будущему студенту необходимое содѣйствіе, особенно въ виду вступительнаго экзамена, который онъ еще долженъ былъ держать, какъ поступавшій изъ другого округа [1]). „Онъ хотя очень хорошо приготовленъ“ — такъ писалъ Мессингъ о Бестужевѣ — „и имѣетъ отличныя способности, но при всемъ томъ родители его, зная застѣнчивость, крайне безпокоятся въ ожиданіи результата предстоящаго ему испытанія“ [2]).

Одновременно съ Мессингомъ Погодину писалъ и П. И. Мельниковъ: „Позвольте вамъ представить молодого человѣка, поступающаго въ вашъ университетъ, К. Н. Бестужева-Рюмина. Восемь лѣтъ я былъ преподавателемъ исторіи въ двухъ гимназіяхъ и смѣло могу сказать, что никогда не видалъ другого молодого человѣка, который-бы съ такою ревностью и съ такими успѣхами занимался исторіей и въ особенности русской. Примите его подъ свое археологическое покровительство. Вамъ можно будетъ изъ него сдѣлать одного изъ самыхъ замѣчательныхъ будущихъ дѣятелей русской исторіи. Онъ поступаетъ въ Московскій университетъ

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Автобіографическая записка въ Словарѣ русскихъ писателей Венгерова, т. III, стр. 188.

2) *Барсуковъ,* Жизнь и труды Погодина, IX, 147.

болѣе для того чтобы, среди старины московской, учиться русской исторіи въ такомъ заведеніи, гдѣ эта наука постоянно шла лучше, нежели въ другихъ университетахъ. Я увѣренъ, что Бестужевъ-Рюминъ оправдаетъ ваше довѣріе, если вы удостоите его имъ. Дайте средства и возможность усовершенствовать себя. Введите его въ свои сокровищницы" [1]).

На счастье Бестужева, Ешевскій, годомъ раньше окончившій гимназію и поступившій въ Казанскій университетъ, перешелъ теперь въ Москву, и гимназическіе друзья снова очутились вмѣстѣ. Окончивъ экзаменъ, Бестужевъ, пользуясь свободными днями, остававшимися до начала лекцій, съѣздилъ съ Ешевскимъ къ Троицѣ. Будущихъ историковъ влекли туда великія воспоминанія прошлаго, памятники церковной древности. Да и въ самой столицѣ историческая старина сразу овладѣла ихъ чувствомъ. „Москва и Кремль" — говоритъ Бестужевъ — „повѣяли на насъ своею старою историческою жизнью. Какое-то чувство восторга и благоговѣнія къ старинѣ пробивалось въ нашихъ разговорахъ. Съ юношескимъ негодованіемъ смотрѣли мы на перестройки старыхъ зданій и пристройки къ нимъ: намъ больно было видѣть, что новая жизнь коснулась исторической святыни. Я поселился у своихъ родныхъ на Прѣснѣ, Ешевскій у своей тетки въ Хамовникахъ. Мы видѣлись каждый день, иногда оставались ночевать другъ у друга, а иногда тотъ, у котораго другой былъ въ гостяхъ, шелъ провожать почти-что всю дорогу и возвращался домой одинъ. О чемъ тутъ не было переговорено! Но главный вопросъ, который занималъ, былъ: что-то скажетъ намъ университетъ, тогда гремѣвшій по всей Россіи?

„Съ нѣкоторыми изъ профессоровъ мы были знакомы по сочиненіямъ: оба мы прочли „Волинъ, Іомбургъ и Винету" Грановскаго, С. М. Соловьева „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великому князю" и тогдашнюю новинку, на которую мы съ жадностію кинулись по пріѣздѣ въ Москву, „Исторію родовыхъ отношеній между князьями Рюрикова дома". Помню, какъ по дорогѣ, во Владимірѣ, попался мнѣ листокъ газеты съ извѣстіемъ о диспутѣ Соловьева и съ

1) *Барсуковъ,* Жизнь и труды Погодина, IX, 148.

краткимъ изложеніемъ книги: новый міръ, казалось, откроется передо мною, когда прочту книгу. Въ Москвѣ я прочелъ полемику между Соловьевымъ и Погодинымъ; немедленно сталъ на сторонѣ Соловьева и тогда-же досталъ себѣ его лекціи. Слѣдя за журналами, мы читали и статьи профессоровъ: оба мы чуть не наизусть знали статью К. Д. Кавелина: „Юридическій бытъ древней Россіи", которою открывался „Современникъ" 1847 г. . . . С. П. Шевырева и Ѳ. И. Буслаева мы тоже знали: перваго и по журнальнымъ статьямъ, и по „Теоріи поэзіи", съ которою я былъ близко знакомъ, и по только-что появившейся „Исторіи русской словесности", а послѣдняго по его книгѣ „О преподаваніи отечественнаго языка", которая для меня тогда была мало понятна. М. Н. Каткова оба мы знали, какъ переводчика „Ромео и Юлія" и автора нѣсколькихъ журнальныхъ статей, изъ которыхъ съ особымъ наслажденіемъ читалась статья о Саррѣ Толстой . . . Все эти были имена извѣстныя намъ; но рядомъ съ ними произносились два другія имени, какъ надежда будущаго: изъ-за границы пріѣхалъ П. Н. Кудрявцевъ и П. М. Леонтьевъ. Мы и не подозрѣвали тогда, что Кудрявцевъ былъ авторомъ тѣхъ изящно-грустныхъ и поэтически-задушевныхъ повѣстей, которыя, за подписью „А. Н." и „А. Нестроевъ", плѣняли насъ въ современныхъ журналахъ; мы не знали тогда, что граціозная статья „О Венерѣ Милосской" (въ „Отеч. Зап.", а послѣ въ Пропилеяхъ) принадлежала тому-же перу" [1]).

Въ этихъ строкахъ прекрасный итогъ всему, что дала Бестужеву гимназія, равно и объясненіе, почему и въ университетѣ молодой студентъ оказался въ силахъ исчерпать полностію все, что предлагала ему современная наука въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей.

А Московскій университетъ сороковыхъ годовъ, по крайней мѣрѣ на историко-филологическомъ и юридическомъ факультетахъ, представленъ былъ на рѣдкость хорошо. Бестужевъ впослѣдствіи любилъ говорить, что въ исторіи русскаго просвѣщенія былъ такой счастливый періодъ, подобнаго которому не существовало ни раньше, ни позже, — когда въ каждомъ университетѣ можно было найти по нѣскольку про-

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Біографіи и Характеристики, 287—288.

фессоровъ, болѣе или менѣе даровитыхъ и выдающихся, подобно Иванову и Мейеру въ Казани, Максимовичу въ Кіевѣ. Но во главѣ всѣхъ стоялъ старѣйшій университетъ, Московскій. 50—60 лѣтъ тому назадъ онъ поднялся на такую высоту, что давалъ тонъ всей умственной жизни русскаго общества; во всѣхъ концахъ Россіи были его ученики, разносившіе далеко о немъ славу [1]).

Въ эти, по выраженію Бестужева, „счастливые и отдаленные годы“ [2]), Московскій университетъ былъ „общимъ чаяніемъ почти всего, что было мыслящаго въ Россіи, верховнымъ ареопагомъ въ дѣлѣ науки; онъ блисталъ плеядою талантовъ въ разныхъ родахъ и разныхъ направленіяхъ: Соловьевъ и Шевыревъ, Катковъ и Рѣдкинъ, Грановскій и Крыловъ, Кавелинъ и Морошкинъ, Кудрявцевъ и Чивилевъ — что можетъ быть противоположнѣе по таланту и направленію, по складу ума и характера? Но надъ всѣмъ этимъ разнообразіемъ умовъ, характеровъ и даже направленій подымалось одно общее свойство“ — духъ высокой нравственности [3]). Этому духу навѣкъ остался вѣренъ и Бестужевъ.

Всмотримся нѣсколько поближе въ тѣхъ изъ московскихъ профессоровъ, вліяніе которыхъ на Бестужева было сильнѣе и болѣе прочно.

П. Г. Рѣдкинъ, своимъ изложеніемъ энциклопедіи будившій, по свидѣтельству кн. Черкасскаго, въ „неопытныхъ слушателяхъ сознаніе ихъ невѣжества, а слѣдовательно и необходимости серьезнаго занятія“ [4]), плѣнилъ молодого студента необыкновенною логикой, стройностью мыслью. Рѣдкинъ электризовалъ силою своего одушевленія, глубокою вѣрою въ то, что онъ излагалъ. Его лекціи, какъ свидѣтельствуетъ самъ Бестужевъ, „вводили въ міръ мысли и будили нравственное чувство — двѣ заслуги, которыя рѣдко соединяются вмѣстѣ“ [5]). „Вы“ — писалъ впослѣдствіи Бесту-

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Лекціи (литографированныя) по исторіографіи, читанныя на Высшихъ Женскихъ Курсахъ въ 1881—1882 г., стр. 166.

2) Ibidem.

3) *Бестужевъ-Рюминъ,* Біографіи и Характеристики, стр. 289.

4) *Барсуковъ,* Жизнь и труды Погодина, VIII, 102.

5) *Бестужевъ-Рюминъ,* П. Г. Рѣдкинъ [Некрологъ]. *Ж. М. Нар. Просв.* 1891, № 4, стр. 167.

жевъ Рѣдкину по случаю его 60-лѣтняго юбилея — „вы своимъ строго-логическимъ изложеніемъ учили насъ мыслить; вы своимъ неуклоннымъ сознаніемъ долга внушали желаніе идти тѣмъ же путемъ; вы умѣли зажигать въ сердцахъ своихъ слушателей тотъ огонь, который послѣ въ жизни оберегалъ ихъ отъ многихъ опасностей житейскаго пути“ [1]). Краснорѣчиво и глубокомысленно заговорилъ онъ въ своей вступительной лекціи „о правѣ, какъ внѣшнемъ лишь выраженіи нравственнаго начала, какъ области нравственной свободы, въ которой нравственное начало побѣдило дикій произволъ“. Лекція кончилась воззваніемъ: „придите, сыны свѣта и свободы, въ область свободы“ — и рѣшила дальнѣйшую судьбу Бестужева: поступивъ было на историко-филологическій факультетъ („1-е отдѣленіе философскаго факультета“), онъ перешелъ послѣ лекціи Рѣдкина на юридическій [2]). Переходу содѣйствовали также разговоры съ товарищами [3]), нежелательная перспектива быть вынужденнымъ погрузиться въ грамматическія тонкости [4]), но Рѣдкинъ былъ послѣднимъ рѣшающимъ толчкомъ. У Рѣдкина слушалъ Бестужевъ на первомъ курсѣ введеніе въ науку вообще и введеніе въ энциклопедію, общія понятія о правѣ и обозрѣніе всѣхъ юридическихъ наукъ вообще [5]). Система Гегеля, ревностнымъ проповѣдникомъ которой былъ профессоръ, конечно, впервые только на этихъ лекціяхъ могла быть раскрыта молодому слушателю. „Я знаю“ — говорилъ позже Бестужевъ — „какъ я много обязанъ гегельянскимъ очеркамъ Рѣдкина, знакомившаго въ общихъ чертахъ съ философіею Гегеля и примѣнявшаго ея общую схему къ праву“. Молодой студентъ „упивался Гегелемъ“, цѣлыхъ полгода читалъ его Логику и конспектировалъ прочитанное, задавшись притомъ смѣлой попыткой перевести термины нѣмецкой книги порусски [6]).

---

1) Изъ ненапечатаннаго письма К. Н. Бестужева-Рюмина П. Г. Рѣдкину по случаю его юбилея.

2) *Бестужевъ-Рюминъ,* П. Г. Рѣдкинъ [Некрологъ]. *Ж. М. Нар. Просв.* 1891, № 4, стр. 167.

3) Ibidem, 167.

4) *Бестужевъ-Рюминъ,* Автобіографич. записка въ Словарѣ Венгерова, III, 188.

5) *Бестужевъ-Рюминъ,* Некрологъ П. Г. Рѣдкина. *Ж. М. Нар. Пр.* 1891 г., № 4, стр. 167—168.

6) Письмо 14 февраля 1884 г.

Изъ аудиторіи Рѣдкина съ осени 1848 г., значитъ, уже на второмъ курсѣ, Бестужевъ попалъ въ аудиторію *Н. И. Крылова,* читавшаго римское право. „Здравая нѣмецко-философская“ рѣчь гегеліанца смѣнилась „живымъ образнымъ преподаваніемъ“ знаменитаго романиста[1]), первую же лекцію свою посвятившаго насмѣшкамъ надъ „троичностью Гегеля съ явнымъ намекомъ на Рѣдкина“[2]). Обладая широтою міровоззрѣнія, Крыловъ никогда не могъ успокоиться на простомъ созерцаніи явленій. „Каждое отдѣльное явленіе представлялось ему въ сложной совокупности отношеній, близкихъ и отдаленныхъ, служило отголоскомъ чего-то болѣе общаго и крупнаго. Онъ сближалъ предметы, на видъ совершенно разнородные, и въ области наиболѣе сухой и частной находилъ источникъ для мыслей съ общимъ значеніемъ“. Курсъ римскаго права становился такимъ образомъ общеобразовательнымъ курсомъ[3]). Впослѣдствіи, въ ученыхъ трудахъ своихъ, особенно въ университетскихъ лекціяхъ, Бестужевъ обыкновенно заботливо выдвигалъ психологическіе факторы исторіи, всегда внимательно подчеркивалъ роль, какую игралъ *человѣкъ* въ созданіи историческихъ явленій, — и въ этомъ отношеніи въ немъ слышится вѣрный ученикъ Крылова. Высокимъ достоинствомъ чтеній Крылова, говоритъ С. А. Муромцевъ, была роль, которую онъ отводилъ указаніямъ психологическаго свойства. „Большая наблюдательность и близкое непосредственное знакомство съ природою человѣка, съ его увлеченіями и страстями, съ сильными и слабыми сторонами человѣческой души открывали богатый источникъ для характеристики историческихъ явленій. Въ историческомъ разсказѣ, посвященномъ изложенію послѣдовательнаго роста римскаго права, слушатель Крылова . . . . присутствовалъ при цѣломъ процессѣ постепеннаго развитія и творчества римскаго гражданина, во всѣхъ его историческихъ положеніяхъ, преобразованіяхъ и столкновеніяхъ. Въ исторіи государства и права выяснялся человѣкъ, ее сози-

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Литографированныя лекціи по исторіографіи, курсъ 1881—1882 г., стр. 168.

2) *Бестужевъ-Рюминъ,* „Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. VIII“, *Ж. М. Н. Пр.* 1894, № 9, стр. 214.

3) *С. Муромцевъ,* Н. И. Крыловъ [Некрологъ]. Рѣчь и отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи Имп. Московск. Университета 12 янв. 1880 г., стр. 91—92.

давшій. . . . Необыкновенная пластичность представленія и языка дѣлали лекцію Крылова доступною и неизбраннымъ слушателямъ. . . . Въ счастливомъ сочетаніи глубины мысли съ пластичностью ея передачи и слѣдуетъ искать источникъ могучей силы Крылова, какъ профессора. Трудно передать на словахъ всю увлекательность его рѣчи, изобразить напряженное состояніе, которое переживала, слушая Крылова, его аудиторія", прикованная смѣлой и блестящей аналогіей, рѣзкимъ и не менѣе блестящимъ противоположеніемъ, сильнымъ, здоровымъ юморомъ, тонкимъ психологическимъ анализомъ. Нерѣдко слушатель уходилъ съ лекціи „съ головою, встревоженною рядомъ вопросовъ и, пожалуй, даже сомнѣній", — результатъ сильнаго „возбужденія, произведеннаго въ молодомъ умѣ лекціей; это была та работа ума, вызвать которую должно составлять наиболѣе высокую цѣль каждаго профессора" [1]).

Психологъ - художникъ, или, какъ его называетъ С. А. Муромцевъ [2]), „профессоръ - артистъ", Н. И. Крыловъ навсегда остался для Бестужева образцомъ университетскаго лектора. Между ними существовало духовное родство. Когда вспомнишь увлеченіе, съ какимъ самъ Бестужевъ читалъ свои лекціи, обыкновенно носившія характеръ оживленной, непринужденной бесѣды, пересыпанной остроумными замѣчаніями, всегда тонкими, психологически вѣрными, — лекціи, обиловавшія постоянными отступленіями отъ главной темы, на первый взглядъ, повидимому, и лишними, но благодаря которымъ основная мысль становилась вполнѣ конкретной и осязательной, — то легко поймешь, почему такъ цѣнилъ Бестужевъ Крылова. Онъ всегда съ неподдѣльнымъ восторгомъ вспоминалъ о его лекціяхъ и съ горечью говорилъ, что отъ этого глубокаго ума ничего не осталось, кромѣ воспоминаній. Но если онъ „пропалъ для русской науки" [3]), то на „юридическое воспитаніе имѣлъ большое вліяніе" [4]), въ томъ числѣ и на самого Бестужева. Чѣмъ скромнѣе и ограниченнѣе по своимъ размѣрамъ являлась литературная дѣя-

1) Ibidem, 93—96.

2) Энциклопедическій словарь, изд. п. ред. Арсеньева и Петрушевскаго, XVI, 870.

3) *Бестужевъ-Рюминъ*, Литогр. лекціи по рус. исторіографіи, 169.

4) Ibidem.

тельность Крылова, тѣмъ, казалось, ярче вырисовывалась собственная его фигура на университетской каѳедрѣ. Она сильно врѣзалась въ память Бестужева. По его мнѣнію, это былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ профессоровъ. „Все въ этомъ человѣкѣ" — говорилъ онъ впослѣдствіи — „было необычайно; нѣтъ ничего подобнаго его лекціямъ: у него особый языкъ, особое міросозерцаніе. Всѣ юридическія понятія, самыя тонкія и запутанныя, всѣ казуистическія тонкости получали въ его изложеніи яркій образъ, — и чѣмъ тоньше, чѣмъ запутаннѣе былъ вопросъ, тѣмъ съ бо̀льшею любовью занимался онъ имъ, тѣмъ яснѣе и ярче выступалъ созданный имъ образъ. Замѣчательна была его лекція о правѣ на чужую вещь и quasi-contractus; переходъ отъ строгаго права квиритскаго къ праву народному изумителенъ. Языкъ Крылова нѣчто необыкновенное: мѣткій, образный, живой, онъ представлялъ старые институты, какъ будто это были настоящія живыя лица. Вліяніе его было такъ сильно, что ученики Крылова долго писали его языкомъ, долго сохраняли его своеобразное изложеніе" [1]).

Поклонникъ Нибура и Савиньи, послѣдователь исторической школы въ юриспруденціи, Крыловъ вносилъ въ юридическое образованіе историческій методъ и былъ по преимуществу историкомъ [2]). Вообще, не слѣдуетъ забывать, что въ теченіе своего университетскаго курса Бестужевъ не только слушалъ профессоровъ-историковъ, каковы Соловьевъ, Грановскій, Кудрявцевъ, но и на юридическомъ факультетѣ имѣлъ возможность заниматься вопросами историческими. Вотъ почему, по спеціальному образованію юристъ, онъ могъ впослѣдствіи безъ труда превратиться въ спеціалиста-историка. Въ міръ историческихъ вопросовъ вмѣстѣ съ Крыловымъ, и даже болѣе его, вводилъ Бестужева другой профессоръ-юристъ, *К. Д. Кавелинъ*. Бестужевъ засталъ Кавелина уже на выходѣ изъ Московскаго университета, однако, успѣлъ прослушать у него цѣлый курсъ исторіи русскаго законодательства. Курсъ этотъ открывался общимъ взглядомъ на юридическій бытъ древней Россіи съ краткимъ содержаніемъ котораго Бестужевъ, какъ мы ви-

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, Литогр. лекціи по рус. исторіографіи, 167.
2) Ibidem, 168.

дѣли, уже познакомился раньше, по статьѣ, напечатанной въ „Современникѣ“.

Это была смѣлая попытка построить всю русскую исторію на основаніи развитія трехъ началъ: родового, вотчиннаго и государственнаго, путемъ постепеннаго развитія личности и освобожденія ея отъ формъ родового быта. Взглядъ этотъ, по свидѣтельству Бестужева-Рюмина, „производилъ тогда необыкновенно сильное впечатлѣніе“. Прежде всего онъ поражалъ совершенною новизною (а нашъ студентъ, благодаря своей начитанности, уже былъ въ состояніи подмѣтить и тѣмъ болѣе оцѣнить ее), вызывалъ къ самодѣятельности, будилъ умъ, пробуждалъ охоту работать.

За введеніемъ въ курсѣ Кавелина слѣдовало обширное изложеніе древняго быта славянъ, на основаніи первоисточниковъ и современныхъ путешествій по землямъ Балканскихъ славянъ. „Дальнѣйшее изложеніе было сокращено: два мѣсяца Кавелинъ не читалъ лекцій и представлялъ только общій обзоръ государственной исторіи до Петра Великаго“[1]). Кромѣ того, Кавелинъ читалъ и объяснялъ памятники законодательные, начиная съ Русской Правды[2]). Эту послѣднюю Бестужевскій курсъ изучалъ и комментировалъ на лекціяхъ подъ руководствомъ профессора[3]).

„Трудно представить себѣ“ — вспоминалъ позже Бестужевъ-Рюминъ — „то обаяніе, которое производилъ тогда Кавелинъ своимъ изящнымъ изложеніемъ, своимъ необыкновенно скромнымъ, но чрезвычайно пріятнымъ видомъ“[4]). „Подъ вліяніемъ его чтеній, у многихъ молодыхъ людей сложилось убѣжденіе, что исторія права есть самая важная часть исторіи, что смѣна институтовъ и понятій юридическихъ вполнѣ выражаетъ собою все историческое движеніе. Впрочемъ, мнѣніе это тогда высказывалось и за университетскими стѣнами. Подъ вліяніемъ подобнаго мнѣнія, зашелъ я разъ (въ 1847 г.) къ М. П. Погодину и началъ развивать ему эту мысль. Выслушавъ меня, М. П. отвѣтилъ мнѣ

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, К. Д. Кавелинъ [Некрологъ]. *Ж. Мин. Нар. Просв.* 1885, № 6, стр. 79.

2) Біографич. Словарь Имп. Моск. Унив. I, 366.

3) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. IX“. *Ж. Мин. Нар. Просв.* 1895, № 3, стр. 227.

4) *Бестужевъ-Рюминъ*, К. Д. Кавелинъ [Некрологъ]. *Жур. Мин. Нар. Просв.* 1885, № 6, стр. 79.

одной фразой, вѣрность и глубину которой я понялъ только гораздо позднѣе: „А св. Сергія куда вы дѣнете съ вашимъ юридическимъ характеромъ?“ Въ самомъ дѣлѣ, куда дѣть св. Сергія, т. е. всю нравственную, всю религіозную сторону общественнаго сознанія? Но тогда мы не поняли этого слова и увлекались одностороннимъ, но стройнымъ развитіемъ, которое представлялось намъ въ лекціяхъ Кавелина. До сихъ поръ еще свѣжо для меня то впечатлѣніе, которое я выносилъ изъ этихъ лекцій, полныхъ юношескаго пыла, свѣжихъ и яркихъ. Профессоръ былъ тогда почти такъ-же молодъ, какъ и его студенты, и оттого его воодушевленіе электрическою искрой сообщалось студентамъ. Общій смыслъ всей русской исторической жизни, еще до сихъ поръ запечатанный семью печатями, казался намъ уже постигнутымъ: мы вѣрили тому, что этотъ смыслъ, выраженный завѣтною смѣною трехъ началъ, родового, вотчиннаго и государственнаго, вполнѣ передавался намъ изящною рѣчью одного изъ самыхъ изящныхъ профессоровъ, котораго мнѣ случалось слышать“ [1]).

Чѣмъ ярче врѣзывались въ память лекціи талантливыхъ профессоровъ, тѣмъ сильнѣе давали себя чувствовать противоположными качествами ихъ преемники. „Рѣдкина, умѣвшаго возбуждать мысли въ своихъ слушателяхъ, замѣстилъ Орнатскій, безжизненный и сухой; Кавелина съ его пламенною рѣчью, съ его молодымъ увлеченіемъ — Калачевъ, ученый полезный, но не профессоръ. Калачевъ читалъ намъ на четвертомъ курсѣ объ Уложеніи, что́ было очень полезно; но вступительная его лекція на первомъ курсѣ, на которой я былъ изъ любопытства, поражала безжизненностью“ [2]).

Не мало обязанъ былъ Бестужевъ-студентъ и *С. М. Соловьеву*, хотя вліяніе послѣдняго вообще было гораздо слабѣе. Послѣдовательность и ясность изложенія, необыкновенная сила, сжатость и твердость убѣжденія, строгая точность мысли — всего этого, конечно, нельзя было не оцѣнить [3]),

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, Біографіи и Характеристики, 295—296.

2) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. VIII“. *Ж. М. Н. Пр.* 1894, № 9, стр. 214.

3) *Бестужевъ-Рюминъ*, Литографир. записки по русской исторіографіи, 155.

но на ряду съ Кавелинымъ Соловьевъ казался менѣе даровитымъ, фигура его болѣе блѣдной. Эта фигура выросла въ глазахъ Бестужева гораздо позднѣе, въ ту пору, когда и значеніе самого Соловьева въ русской наукѣ обрисовалось болѣе положительно и несомнѣнно. Бестужевъ аккуратно посѣщалъ и тщательно записывалъ лекціи Соловьева; но его преподаваніе, „приноровленное къ уровню большинства и чисто фактическое, давало мало новаго“ ему, „порядочно уже знакомому съ исторической литературою, а отчасти и съ источниками“ [1]).

Общій курсъ Соловьева приходилось слушать послѣ Кавелина; въ основахъ оба они мало чѣмъ отличались одинъ отъ другого. Разница въ главномъ сводилась къ тому, что Кавелинъ останавливался преимущественно на бытовой сторонѣ, Соловьевъ же выдвигалъ на первый планъ исторію политическую [2]). Онъ начиналъ съ выясненія понятія исторіи, какъ народнаго самосознанія; краткими, но мѣткими чертами характеризовалъ разные виды лѣтописей и переходилъ затѣмъ къ изложенію исторіографіи. Изложеніе самой науки открывалось географическимъ очеркомъ русской территоріи — для того времени совершенной новинкою, такъ какъ статья Надеждина въ „Библіотекѣ для Чтенія“ была мало извѣстна. За географіей страны слѣдовало изложеніе дружинной теоріи; событій варяжскаго періода Соловьевъ не разсказывалъ, но зато далъ прекрасную характеристику дѣятельности первыхъ князей. Для удѣльнаго періода Соловьевъ сокращалъ свою докторскую диссертацію, а смутное время излагалъ по статьямъ, появившимся въ „Современникѣ“. „Помню живо“ — замѣчаетъ Бестужевъ — „превосходную характеристику Смутнаго времени, какъ эпохи, когда всѣ старыя начала, подавленныя Москвою, возстали, пробовали добиться господства и, потерпѣвъ крушеніе, уступили мѣсто здоровымъ элементамъ, желавшимъ прежде всего порядка и безопасности отъ внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ крамолъ“. Время первыхъ Романовыхъ и Петра изображалось въ бѣглыхъ очеркахъ, въ видѣ наброска [3]). Гораздо больше вынесъ Бестужевъ изъ спеціальныхъ курсовъ Соловьева,

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Біографіи и Характеристики, 296.
2) Ibidem, 263.
3) Ibidem, 262—263.

посвященныхъ XVII и XVIII в.в., гдѣ и Петръ, и первые Романовы были анализированы гораздо внимательнѣе и детальнѣе [1]). При всемъ сходствѣ въ основныхъ воззрѣніяхъ Соловьева и Кавелина, теорія вотчинности, которую вводилъ послѣдній и отвергалъ первый въ представленіяхъ о родовомъ бытѣ, установляла между ними и яркія различія, сопоставленіе которыхъ способствовало, разумѣется, лишь только къ болѣе отчетливому уясненію обоихъ оттѣнковъ. Соловьевъ, обыкновенно избѣгавшій полемики, на этотъ разъ отступилъ отъ своего правила и счелъ нужнымъ на лекціяхъ изложить свои возраженія Кавелину [2]), что студентамъ, безъ сомнѣнія, могло принести одну лишь пользу.

Говоря объ университетскихъ профессорахъ Бестужева, нельзя обойти молчаніемъ *Т. Н. Грановскаго* и *П. Н. Кудрявцева*. Одинъ плѣнялъ яснымъ, образнымъ, антично-изящнымъ разсказомъ, рѣдкимъ умѣньемъ сжатость рѣчи соединить съ полнотой образа; другой — обширнымъ изложеніемъ самыхъ дробныхъ психологическихъ соображеній, умѣньемъ заглянуть въ самые тайники человѣческой мысли. „Если на лекціяхъ Грановскаго" — говоритъ Бестужевъ — „увлекалъ насъ быстрый, художественный очеркъ цѣлыхъ эпохъ и народовъ, то у Кудрявцева мы слѣдили внимательно за тонкимъ разборомъ характеровъ". Оба взаимно дополняли другъ друга, сходясь между собою въ признаніи за исторіей воспитательнаго значенія: „оба въ своемъ изложеніи старались дѣйствовать на нравственное чувство, и за это имена обоихъ будутъ навѣки памятны" [3]).

А все-же роль Грановскаго въ духовномъ развитіи Бестужева значительно выше роли Кудрявцева. „Въ преподаваніе Кудрявцева, какъ и въ лицо его, надо было всмотрѣться, чтобы оно начало нравиться" [4]); Грановскій-же сразу овладѣвалъ молодымъ умомъ, чаруя его тою гуманностью и благородствомъ, какими вѣяло отъ всей его фигуры. Я думаю, то „высоко-нравственное" значеніе, какое имѣлъ Московскій университетъ для Бестужева, главнымъ образомъ соединялось съ именемъ Грановскаго. Въ послѣднемъ [5]) Бестужевъ

1) Ibidem, 296.
2) Ibidem, 264.
3) Ibidem, 295, 294.
4) Ibidem, 300.
5) Одинаково, какъ и въ С. М. Соловьевѣ.

2840

цѣнилъ его „стараніе воспитать въ своихъ слушателяхъ сознаніе вѣчныхъ законовъ историческаго развитія, уваженіе къ прошлому, стремленіе къ улучшенію и развитію въ будущемъ; стараніе пробудить сознаніе того, что успѣхи гражданственности добываются труднымъ и медленнымъ процессомъ, что великіе люди суть дѣти своего общества и представители его, что имъ нужна почва для дѣйствія. Не съ насмѣшкою сожалѣнія относился онъ къ прошлому, но съ стремленіемъ понять его въ немъ самомъ и въ его отношеніяхъ къ настоящему“ [1]). Такимъ образомъ, для Грановскаго исторія была наукою, по преимуществу воспитывающею гражданина.

Уже по выходѣ изъ университета, лѣтъ черезъ десять, въ одной изъ полемическихъ статей своихъ, Бестужевъ въ такихъ словахъ вспоминалъ высокоблаготворную воспитательную роль, которую сыгралъ въ его жизни Московскій университетъ. „Московскій университетъ“ — говорилъ онъ — „долго считалъ въ числѣ своихъ членовъ такихъ людей, вся жизнь которыхъ была проникнута сознаніемъ высокаго долга профессора, все помышленіе которыхъ направлено было на исполненіе этого долга. Сильные своимъ сознаніемъ, чуждые и личнаго самолюбія, и личнаго раздраженія, люди эти внушали къ себѣ не только любовь, но какое-то фанатическое обожаніе, почти непонятное для тѣхъ, кто зналъ только ихъ литературную дѣятельность. Въ мрачныя эпохи, которыя не разъ случалось переживать нашему старѣйшему университету, въ нихъ, въ этихъ людяхъ, студенты находили и помощь, и опору: могучее слово ихъ вносило успокоеніе въ колеблющіеся умы, примѣръ ихъ побуждалъ къ дѣятельности въ то время, когда у всѣхъ остальныхъ опускались руки. Вотъ за что мы, ученики Московскаго университета, любили этихъ немногихъ изъ нашихъ профессоровъ, и до сихъ поръ, хотя уже давно они умерли, не заросла дорога къ ихъ могиламъ, и долго ихъ именами, ихъ нравственнымъ вліяніемъ поддерживалось довѣріе къ ихъ бывшимъ товарищамъ, къ ихъ любимымъ ученикамъ“ [2]). Въ послѣднихъ словахъ—„давно они умерли“ — явный намекъ на Кудрявцева и Грановскаго.

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Біографіи и Характеристики, 256.

2) *Бестужевъ-Рюминъ,* Историческое и политическое доктринерство въ его практическомъ положеніи. *Отеч. Записки* 1861, № 11, стр. 1.

Но вліяніе Грановскаго можно прослѣдить и далѣе. Грановскій, говоритъ Кавелинъ, былъ „натура въ высшей степени художественная, удивительно изящная, гармоническая, нѣжная, сосредоточенная. Мысль всегда представлялась ему въ художественномъ образѣ, и въ немъ онъ передавалъ свои мысли и взгляды“ [1]). Если сопоставить съ этимъ то удовольствіе, съ какимъ въ своихъ воспоминаніяхъ Бестужевъ подчеркивалъ „изящество“ рѣчи самого Кавелина; какъ по взглядамъ и вкусамъ онъ самъ чуждался всего угловатаго, рѣзкаго; какой духъ примиренія обыкновенно преобладалъ въ его собственныхъ словахъ, — то не трудно понять, почему Грановскій нашелъ въ Бестужевѣ одного изъ наиболѣе отзывчивыхъ слушателей, одного изъ наиболѣе вѣрныхъ своихъ поклонниковъ.

Профессоръ Корсаковъ очень вѣрно замѣчаетъ, что „Грановскій и Кавелинъ имѣли много родственнаго въ характерѣ, въ организаціи духовной природы. Отличительнымъ свойствомъ талантливой и мягкой натуры того и другого было гармоническое равновѣсіе душевныхъ силъ, создавшее и развивавшее въ нихъ то міровоззрѣніе, которое принято называть оптимизмомъ, спасавшее ихъ отъ рѣзкости въ собственныхъ воззрѣніяхъ и побуждавшее стремиться къ примиренію крайностей чужихъ взглядовъ на вещи“ [2]). Здѣсь-то и надо искать объясненія симпатій Бестужева къ тому и другому, потому что именно *оптимизмомъ, стремленіемъ примирить крайности чужихъ взглядовъ* отличался въ теченіе всей своей жизни и Бестужевъ. Но Кавелинъ при Бестужевѣ оставался въ Московскомъ университетѣ не долго, Грановскій-же въ теченіе всего его университетскаго курса. Кромѣ того, какъ увидимъ ниже, Бестужевъ-студентъ имѣлъ возможность видѣться съ Грановскимъ и внѣ университета — вотъ почему вліяніе послѣдняго сказалось неизмѣримо глубже.

Къ тому-же Грановскій вліялъ не одною художественной формою мысли, не одной только нравственной силою своей личности. Въ цвѣтущую пору своей дѣятельности (а это было какъ разъ въ сороковые годы) Грановскій „принадлежалъ“— я снова пользуюсь словами Кавелина —„къ числу

---

1) *Д. Корсаковъ,* К. Д. Кавелинъ. *Вѣстникъ Европы* 1886, № 7, стр. 26.

2) Ibidem, 26.

тѣхъ очень немногихъ, которые умѣли понимать и цѣнить долю истины, заключающуюся въ каждомъ направленіи, въ каждой мысли, и потому онъ оставался связующею нитью между противоположными взглядами, уже въ то время начинавшими зарождаться въ московскихъ литературныхъ и ученыхъ кружкахъ. И сильными, и слабыми своими сторонами Грановскій, полнѣе, лучше всѣхъ другихъ, выражалъ характеристическую черту тогдашняго умственнаго движенія въ Москвѣ. То было пробужденіе умственной жизни. Существенный и важный смыслъ его заключался въ неопредѣлившихся еще стремленіяхъ и предчувствіяхъ; напрасно старались-бы мы увидѣть въ немъ развитіе и борьбу уже установившихся мнѣній и взглядовъ; ни тѣхъ, ни другихъ еще не существовало. Тогда совершался такой-же переломъ въ русской мысли, какой, вслѣдъ затѣмъ, начался и во внутренней жизни Россіи. Между тѣмъ и другимъ явленіемъ нельзя не замѣтить тѣсной органической связи. Взгляды, появившіеся во время этого литературнаго и научнаго движенія, представляютъ первыя попытки самостоятельнаго критическаго отношенія къ нашему прошедшему и настоящему; они многозначительны не какъ твердые результаты науки, а какъ признаки пробужденія у насъ литературныхъ и научныхъ интересовъ. При этомъ характерѣ тогдашняго нашего умственнаго движенія, натура, подобная Грановскому, должна была играть одну изъ первенствующихъ ролей. Его чуткій, исполненный такта умъ какъ будто сознавалъ, что время формулировать мнѣнія и взгляды для насъ еще не приспѣло, и онъ какъ-будто медлилъ рѣшительно стать въ ряды которой-либо изъ враждовавшихъ между собою литературныхъ партій" [1]).

Послѣдняя фраза какъ будто списана прямо съ Бестужева. Такимъ по крайней мѣрѣ былъ онъ въ сложившіеся годы. Вліяніе Грановскаго въ этомъ направленіи допустимо уже по самому складу ума его ученика. Мы видѣли сейчасъ, какъ въ письмѣ къ Погодину Мельниковъ называлъ 18-лѣтняго Бестужева застѣнчивымъ. Эта застѣнчивость была юношескимъ выраженіемъ той деликатности, какою на рѣдкость обладалъ Бестужевъ и всегда проявлялъ въ отношеніяхъ къ

1) *Вѣстникъ Европы* 1866, кн. IV. Литерат. хроника, стр. 41—42. Взято изъ статьи г. Корсакова (см. выше), стр. 25.

окружающимъ. Эта деликатность вмѣстѣ съ тонкимъ художественнымъ чутьемъ оберегала его отъ крайностей, дѣлала особенно чуткимъ и вдумчивымъ въ чужую мысль, а подъ вліяніемъ оптимизма Грановскаго заставляла въ каждомъ отыскивать преимущественно хорошее. Бестужевъ безсознательно чувствовалъ духовное родство свое съ Грановскимъ, потому-то и была для него такъ священна память о незабвенномъ учителѣ.

Изъ остальныхъ профессоровъ много дали Бестужеву лекціи *П. М. Леонтьева* о римскихъ древностяхъ и *М. Н. Каткова* по исторіи философіи. Первыя „приносили, кромѣ богатства фактовъ и легкости систематическаго изложенія, одну чрезвычайно плодотворную мысль: онѣ наглядно представляли существенную важность такъ называемой внутренней исторіи, преимущественно экономической, на которую тогда у насъ обращали еще такъ мало вниманія. . . . Лекціи Каткова имѣли въ ту эпоху особое обаяніе: онъ излагалъ намъ“ — говоритъ Бестужевъ — „стройно и изящно Шеллингову систему миѳологіи; всѣ дивились необыкновенному умѣнію сжатыми и рѣзкими чертами наглядно передавать самыя отвлеченныя представленія; съ этой стороны особенно ярко помнится лекція, въ которой передано было ученіе Шеллинга о первой порѣ религіознаго сознанія, о поклоненіи Богу ходячаго неба (Урану, Сварогу). Изъ этихъ лекцій вынесли мы сознаніе историческаго значенія религіознаго процесса, его вліянія на судьбу и развитіе человѣчества, его первостепенной важности исторической. Здѣсь преимущественно научились мы понимать, какъ стройно все связано въ поступательномъ движеніи; отъ системы можно отказаться, можно понимать такъ или иначе это движеніе; но отрицать его уже нельзя“ [1]). Книга Шеллинга въ то время еще не появлялась, и потому съ системой германскаго философа пришлось знакомиться изъ вторыхъ рукъ. Но Бестужевъ не удовлетворился этимъ и добылъ рукописный курсъ лекцій Шеллинга, составленный Кудрявцевымъ, благодаря чему получилъ возможность гораздо основательнѣе ознакомиться съ заинтересовавшимъ его ученіемъ [2]).

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, Біографіи и Характеристики, 296—297.
2) Ibidem, 309.

Своему любимому предмету, русской исторіи, Бестужевъ-Рюминъ учился не у однихъ университетскихъ профессоровъ. Мы видѣли, что, отправляясь въ Москву, онъ имѣлъ рекомендательныя письма къ Погодину, видѣли, что онъ бывалъ у него, обмѣнивался впечатлѣніями, выслушивалъ его замѣчанія. Бестужевъ познакомилъ съ Погодинымъ и своего друга Ешевскаго. Тотчасъ-же по поступленіи въ университетъ, они обратились къ знаменитому историку за совѣтомъ, какъ начать свои занятія? „Читайте Шлецера", сказалъ имъ Погодинъ; и вотъ они „принялись читать Шлецера; читали его мѣсяца три и, прочитавъ, говорили о прочитанномъ, запоминали, соображали съ тѣмъ, что̀ уже знали. . . . Въ томъ-же 1847 году Погодинъ указалъ еще работу: его занималъ вопросъ о томъ, съ какого времени начинается разница въ спискахъ лѣтописей, и потому онъ считалъ нужнымъ сличить извѣстія первыхъ двадцати лѣтъ послѣ 1111 г., гдѣ стоитъ Селивестрова приписка. Это сличеніе" — замѣчаетъ Бестужевъ — „взяли мы на себя; проработали много, но работа оказалась неудовлетворительною, потому, разумѣется, что самые пріемы для насъ были неясны: мы сдѣлали сводъ однородныхъ извѣстій по всѣмъ напечатаннымъ спискамъ, а надо было ярче обозначить разницу. Словомъ, дѣло остановилось на черновой работѣ" [1]).

Въ бумагахъ Бестужева сохранилась эта „черновая работа", повидимому, первая ея половина, если только вторая вообще была написана, — небольшая рукопись (12 лист. in-fol.), на первомъ листѣ которой записано: „Сличенный текстъ главнѣйшихъ лѣтописей: Ипатьевской, Лаврентьевской, Новгородскихъ I, II и III, Густинской, Никоновской, Воскресенской и Софійскаго Временника. № 1. (отъ 1111 года до 1121). Составлено трудами студента юридическаго факультета Константина Бестужева-Рюмина. Москва 1847 года". Изъ этой рукописи ясно, почему трудъ молодаго студента оказался „неудачнымъ": это простыя механическія выписки изъ лѣтописей и столь же механическія сопоставленія ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, съ отмѣткою варіантовъ въ чтеніи, — простая работа переписчика, безъ малѣйшаго намека на анализъ и оцѣнку памятника. Неудивительно, что „математическія" пріемы Погодина встрѣтили мало сочувствія въ юношѣ,

---

3) Ibidem, 299. Ср. стр. 236.

воспитавшемся на вкусахъ иного рода. Хотя маститый ученый отнесся къ нему привѣтливо, не отказывалъ въ указаніяхъ и совѣтахъ, но молодой студентъ не особенно ревностно шелъ имъ на встрѣчу. Погодинъ принадлежалъ къ иному направленію, чѣмъ господствовавшее тогда въ университетѣ, и совершенно естественно, если симпатіи Бестужева были направлены въ эту послѣднюю сторону [1]). Наконецъ, не говоря про положительныя преимущества Соловьева передъ Погодинымъ, какъ ученаго, послѣдній — „человѣкъ безсистемный" уже по одному этому долженъ былъ уступить мѣсто Соловьеву — „человѣку системы" [2]): на молодой умъ система дѣйствуетъ всегда такъ обаятельно! Не забудемъ, однако, что 20 лѣтъ спустя Бестужевъ снова вернулся къ вопросу о лѣтописяхъ, но на этотъ разъ въ гораздо болѣе широкой постановкѣ, совсѣмъ съ другими пріемами, и рѣшилъ свою задачу блестящимъ образомъ: то было изслѣдованіе „О составѣ русскихъ лѣтописей", одно изъ лучшихъ произведеній его пера.

Резюмируя свои университетскія впечатлѣнія, Бестужевъ-Рюминъ такъ охарактеризовалъ своихъ учителей и то, что они ему дали: „Многое было отвлеченно въ ту эпоху, многое неприложимо къ жизни, многое не годилось для русскаго общества; но мысль привыкала къ работѣ, смотрѣла съ разныхъ сторонъ на одно и то же явленіе, и вырабатывалось убѣжденіе въ томъ, что только разностороннее воззрѣніе можетъ привести къ истинѣ. Нельзя остановиться на одной ступени развитія; но нельзя-же не сказать, что та ступень, которую мы тогда переживали, была въ высшей степени плодотворна для насъ, и святыя впечатлѣнія молодости никогда не изгладятся изъ памяти" [3]).

Убѣжденіе въ томъ, что только разностороннее воззрѣніе можетъ привести къ истинѣ — фраза, чрезвычайно характерная для Бестужева. Эту мысль проповѣдовалъ онъ неустанно и въ печати, и въ устной бесѣдѣ, и на университетскихъ лекціяхъ; ей остался онъ вѣренъ до конца дней

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. III". *Ж. М. Н. Пр.* 1890, № 3, стр. 234.

2) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. VIII". *Ж. М. Н. Пр.* 1894, № 9, стр. 212.

3) *Бестужевъ-Рюминъ*, Біографіи и Характеристики, 297.

своихъ, и міросозерцаніе Бестужева останется навсегда невыясненнымъ, если мы упустимъ изъ виду это убѣжденіе, воспринятое имъ, какъ девизъ цѣлой жизни, еще съ университетской скамьи.

У представителей тогдашней науки бросается въ глаза еще одна черта, общая всѣмъ имъ. 50 лѣтъ назадъ наука еще не успѣла такъ спеціализоваться, какъ нынѣ, знаніе еще не было разсортировано по такимъ мелкимъ клѣточкамъ, какъ теперь, — и студентъ гораздо больше выносилъ руководящихъ идей, болѣе понималъ, на что можетъ пригодиться его знаніе, болѣе интересовался имъ. Анализъ не останавливался на полдорогѣ, а всегда приводилъ къ синтезу. Современное поколѣніе ученыхъ, можетъ быть, и основательнѣе знаетъ предметъ своей спеціальности, зато прежніе профессора обладали большею разносторонностью и силою обобщенія. Благодаря этому, и ихъ ученики, если и меньше *знали*, чѣмъ нынѣшніе, то во всякомъ случаѣ больше ихъ *думали*. А мы видѣли, что даже и по познаніямъ такіе студенты, какъ Бестужевъ и Ешевскій, поступившіе въ университетъ съ рѣдкою подготовкою, сдѣлали-бы честь любому университету въ любую пору его существованія.

Интересы научные и литературные преобладали у Бестужева и за стѣнами университета. Тогдашніе студенты, какъ и въ наше время, дробились на разныя группы: Бестужевъ дѣлилъ ихъ на кутящихъ и занимающихся [1]). Можетъ быть, такое дѣленіе охватывало и не все московское студенчество, особенно если вспомнить, что другіе дѣлили его на аристократовъ, семинаристовъ, поляковъ и остальныхъ студентовъ, „гдѣ по преимуществу коренилась и любовь къ русской наукѣ и русской народности“ [2]), но бестужевская группировка, думается, характерна прежде всего для ея автора: по его понятіямъ, тотъ кто не занимался, уже по тому самому былъ „кутящій“. Студенческія вечеринки бывали не часто; сходясь, толковали о прочитанномъ, спорили. Университетскіе годы Бестужева пришлись на ту пору, когда въ обществѣ царила реакція; слухи, соображенія и мысли, передававшіеся втихомолку, въ качествѣ запретнаго плода, дѣй-

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, Біографіи и Характеристики, 298.

2) *А. Н. Аѳанасьевъ*, Московскій Университетъ 1843—1849 г. г. *Русская Старина* 1886, № 8, стр. 393.

ствовали на молодые умы обаятельно, но сущность явленія понималась еще плохо[1]), и большого вліянія имѣть они не могли, именно потому что интересъ умовъ былъ направленъ главнымъ образомъ въ сторону литературы.

Общимъ развитіемъ своимъ за эти годы Бестужевъ обязанъ былъ впрочемъ не одной университетской средѣ. Въ написанной имъ біографіи Ешевскаго читаемъ слѣдующее любопытное свидѣтельство о литературномъ кружкѣ, который посѣщали оба университетскихъ товарища: „Центромъ этого кружка, въ которомъ постоянно жилъ Кудрявцевъ, куда часто являлся Грановскій, и гдѣ бывали всѣ, кромѣ славянофиловъ, была въ то время умная женщина, отличавшаяся большою начитанностью, много видѣвшая. Въ ея пріятномъ обществѣ можно было не всегда играть въ карты, что̀ въ то время составляло поневолѣ развлеченіе многихъ умныхъ людей. Правда, были въ этомъ кружкѣ нѣкоторыя крайности западнаго направленія; но тогда онѣ не такъ рѣзко поражали, какъ поразили-бы теперь. Но зато въ этомъ кружкѣ строго осуждались легкость, пустозвонство, выражалось уваженіе къ наукѣ и серьезной литературѣ, употреблялись всѣ усилія не пасть нравственно; словомъ, въ немъ жилъ духъ Московскаго университета“[2]). Эта „умная женщина“ была графиня Саліасъ, извѣстная писательница. Вліяніе ея на Бестужева несомнѣнное и большое. Онъ всегда вспоминалъ о ней съ особенно теплымъ чувствомъ. Говоря о значеніи образованной женщины, о томъ вліяніи, какое можетъ имѣть она на окружающихъ, онъ часто, въ доказательство своей мысли, указывалъ на графиню. Живо рисовалъ онъ ея крохотный кабинетикъ съ дверью на балконъ; диванъ, на которомъ она сиживала, куря свои тонкія папироски; умѣнье, съ какимъ незамѣтно для окружающихъ давала разговору желаемый тонъ, — а окружающіе все были люди горячіе, увлекающіеся. Увлеченіе Бестужева Жоржъ-Зандомъ, начавшееся еще на гимназической скамьѣ, нашло себѣ здѣсь новую поддержку. К. Н. до конца дней своихъ хранилъ маленькій томикъ „Valentine“, подаренный ему графинею Саліасъ.

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Біографіи и Характеристики, 298.
2) Ibidem, 306.

Студентомъ же былъ вхожъ Бестужевъ и въ другой домъ — графовъ Толстыхъ: онъ тамъ давалъ уроки[1]). Хозяйка-графиня съумѣла оцѣнить недюжинныя способности учителя-студента, и Бестужевъ впослѣдствіи съ удовольствіемъ вспоминалъ о простотѣ и деликатности ея отношеній къ нему. Знакомство, начатое въ классной комнатѣ, продолжалось и крѣпло съ годами. Графиня Толстая принадлежала къ числу самыхъ близкихъ и старыхъ друзей Бестужева, который говорилъ о ней почти такъ же часто, какъ и о графинѣ Саліасъ. Онъ высоко цѣнилъ ея умъ, энергію и обыкновенно находилъ большую отраду въ бесѣдахъ съ нею и въ тѣхъ воспоминаніяхъ, что̀ пробуждали въ немъ эти бесѣды.

---

1) Матеріальныя средства Бестужева-студента были вообще не изъ обильныхъ: помогать изъ дома могли не много, „приходилось отказывать себѣ во многомъ и давать уроки, иногда на самыхъ отдаленныхъ концахъ Москвы“ (*А. Румянцева*, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. *Дѣтское Чтеніе* 1897, № 6, стр. 249).

IV.

Семья Чичериныхъ.

По окончаніи университета, Бестужеву пришлось подумать о выборѣ занятій, которыя бы обезпечили его матеріальное положеніе. Отца онъ потерялъ еще въ 1848 г., служить не хотѣлось, и онъ принялъ мѣсто домашняго учителя въ семьѣ Чичериныхъ, жившихъ въ Кирсановскомъ уѣздѣ Тамбовской губ. [1]).

Счастливая звѣзда привела теперь Бестужева въ среду высокоинтеллигентныхъ людей. Говорю: счастливая, потому что почти [2]) трехлѣтнее пребываніе (1851—1854) въ домѣ Чичериныхъ оставило неизгладимый и плодотворный слѣдъ на всемъ умственномъ развитіи Бестужева. Глава семьи, Николай Васильевичъ Чичеринъ, отецъ извѣстнаго писателя и ученаго, профессора Б. Н. Чичерина, былъ, по словамъ его сына, „человѣкъ яснаго и твердаго ума, высокаго нравственнаго строя, съ сильнымъ характеромъ, съ глубокимъ знаніемъ людей, съ тонкимъ литературнымъ вкусомъ и врожденнымъ чувствомъ изящнаго“ [3]). Вся семья отличалась тѣмъ высокимъ умственнымъ аристократизмомъ и тою нравственною устойчивостью, которые всегда такъ отличали самого К. Н.

---

1) По дорогѣ къ Чичеринымъ Бестужевъ заѣхалъ на нѣсколько дней къ графинѣ Саліасъ и пробылъ у нея — цѣлый мѣсяцъ. „Лѣтомъ и осенью графиня обыкновенно жила на Выксѣ, въ Муромскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи“ (*Л. Н. Майковъ*, Е. М. Ѳеоктистовъ [Некрологъ]. *Жур. М. Н. Пр.* 1898, № 8, стр. 30).

2) „Караулъ — это деревня Чичериныхъ, гдѣ я прожилъ 2½ года и гдѣ послѣ не бывалъ“ (Письмо К. Н. Бестужева-Рюмина 14 мая 1890 года).

3) *Б. Н. Чичеринъ*, Изъ моихъ воспоминаній. По поводу дневника К. П. Кривцова. *Русскій Архивъ* 1890, № 4, стр. 507.

Село Караулъ, имѣніе Чичериныхъ, было средоточіемъ духовныхъ интересовъ всего мѣстнаго дворянства. Умственная жизнь била здѣсь полнымъ ключемъ; новинка въ литературномъ мірѣ возбуждала оживленныя бесѣды; короче говоря, на всемъ чувствовалось полное отсутствіе чего-либо пошлаго и банальнаго. Если въ пятидесятые годы Чичерины, повидимому, уже и не жили, какъ двадцать лѣтъ передъ этимъ, въ томъ живомъ и разнообразномъ кругу людей, какими были ихъ сосѣди помѣщики Кривцовы и Баратынскіе, — въ той заманчивой обстановкѣ, яркую и привлекательную картину которой еще недавно нарисовалъ живыми красками въ своихъ воспоминаніяхъ Б. Н. Чичеринъ, — то самихъ ихъ эта перемѣна отнюдь не коснулась. Чичерины и въ Караулѣ остались тѣми-же, что̀ и раньше, когда между Любичами, Уметомъ и Марою[1]), гдѣ блестящія дарованія мужчинъ соперничали съ обаяніемъ изящныхъ, умныхъ и образованныхъ женщинъ[2]), существовалъ „почти ежедневный обмѣнъ, если не посѣщеній, то записокъ и посылокъ"; тогда изъ столицъ получались всѣ новости дня; тогда Кривцову присылалъ свои новинки Пушкинъ, а стихи Баратынскаго становились извѣстными прежде всего въ Марѣ. „Изъ Москвы Павловъ и Зубковъ извѣщали Чичерина обо всемъ, что появлялось въ литературѣ русской и иностранной, пересылали ему выходящія книги. Послѣдній романъ Бальзака, недавно вышедшія лекціи Гизо, сочиненія Байрона пересылались изъ Умета въ Любичи и изъ Любичей въ Мару. И все это, при свиданіи, становилось предметомъ оживленныхъ бесѣдъ"[3]).

Повторяю, хотя съ 1837 г. Чичерины болѣе и не жили въ Уметѣ, переселившись въ Караулъ за 50 верстъ отъ центра этой умственной жизни, хотя сношенія съ друзьями стали значительно рѣже, умеръ и Кривцовъ, но традиціи недавней поры непоколебимо хранились и на новомъ мѣстѣ. Въ 1851 г. Бестужевъ засталъ ту же умственную атмосферу, то же преобладаніе духовныхъ интересовъ. Не даромъ съ такимъ восторгомъ встрѣтилъ онъ статью Б. Н. Чичерина[4]):

---

1) Имѣнія Кривцовыхъ, Чичериныхъ и Баратынскихъ.

2) *Чичеринъ*, 511.

3) Ibidem, 517.

4) Изъ моихъ воспоминаній. По поводу дневника Н. И. Кривцова. *Русскій Архивъ* 1890, № 4.

посвященная хотя и болѣе ранней порѣ, она всецѣло перенесла К. Н. въ міръ тѣхъ высокихъ умственныхъ запросовъ, какими жилъ Караулъ въ его время, живо напомнивъ ему далекіе свѣтлые годы, подъемъ бодраго духа и ту нравственную мощь, что̀ столько разъ потомъ поддерживала на жизненномъ пути его самого. Здѣсь „все правда" — говорилъ Бестужевъ объ этой статьѣ — „только облито поэтическимъ свѣтомъ глубокой любви" [1]). Свободно и легко жилось Бестужеву въ этой атмосферѣ, и онъ всегда съ чувствомъ живой признательности и нравственнаго удовлетворенія вспоминалъ эти три года, какъ одну изъ лучшихъ полосъ своей жизни. „Ваша статья" — обратился онъ къ автору „Воспоминаній" послѣ прочтенія ихъ — „грѣшитъ лишь однимъ: вамъ слѣдовало бы прибавить, что Караулъ былъ оазисомъ въ тогдашней дворянской средѣ". Въ этихъ словахъ прекрасная оцѣнка впечатлѣній, вынесенныхъ Бестужевымъ изъ пребыванія въ тамбовской деревнѣ.

Такимъ образомъ счастливый случай далъ возможность молодому Бестужеву и внѣ Москвы продолжать жить въ мірѣ тѣхъ-же возвышенныхъ и благородныхъ идей и попрежнему держаться въ сторонѣ отъ пошлостей обыденной жизни. Нельзя, однако, не видѣть, что характеръ новой обстановки былъ совершенно иной. Кружокъ графини Саліасъ принадлежалъ къ разряду такъ называемыхъ либеральныхъ: направленіе Чичериныхъ было лишено какого-бы то ни было оттѣнка „оппозиціи". „Безъ сомнѣнія" — говоритъ уже цитованный мною бытописатель этого круга — „образъ мыслей образованныхъ помѣщиковъ того времени былъ либеральный, насколько это требуется отъ всякаго просвѣщеннаго человѣка. Они цѣнили свободу, понимали потребность реформъ. Въ бумагахъ Кривцова найдены были даже проекты освобожденія крестьянъ посредствомъ выкупа съ землею. Тѣмъ не менѣе, въ нихъ не было рѣшительно ничего похожаго на тотъ оппозиціонный, воинствующій либерализмъ, съ кото-

---

1) Письмо 14 мая 1890 г. Срав. другое письмо Бестужева-Рюмина, 19 марта 1890 г.: „Въ „Русскомъ Архивѣ" его (Б. Н. Чичерина) прелестная статья о Кривцовѣ и кругѣ его отца, Н. В. Чичерина. Я ее читалъ въ рукописи и нашелъ и живою, и правдивою. Можетъ быть, о выводахъ можно бы спорить, но дѣло не въ выводахъ, а въ картинѣ.

рымъ я впослѣдствіи познакомился въ Москвѣ. Напротивъ, они уважали власть, въ которой видѣли охрану порядка и залогъ общаго благосостоянія. Но, уважая ее издали, они не преклонялись передъ нею, держали себя въ сторонѣ, съ независимостью и достоинствомъ. Причина этого различія понятна. Въ столицахъ живо чувствовался тотъ тяжелый деспотизмъ, который въ то время безпощадно подавлялъ всякое живое движеніе мысли, всякое свободное слово и обращалъ въ преступленіе самые невинные поступки. Тамъ власть являлась на каждомъ шагу, въ самыхъ непривѣтливыхъ своихъ формахъ, и на каждомъ шагу, во всякомъ человѣкѣ, у котораго шевелился мозгъ, у котораго были образованныя стремленія, возбуждала оппозиціонныя чувства. До какой степени эта оппозиція была права, показали послѣдующія событія. Въ Крымскую войну оказалась полная несостоятельность этой системы, которая стремилась все русское общество подчинить солдатской дисциплинѣ, превратить Россію въ полкъ, гдѣ каждый долженъ былъ стоять во фронтѣ, молчать и маршировать по командѣ. Съ новымъ царствованіемъ, при всеобщемъ ликованіи, все это зданіе рухнуло разомъ. Но дѣло въ томъ, что въ провинціи эта система далеко не могла найти такого примѣненія, какъ въ столицахъ. Безконечныя пространства ослабляли ея дѣйствіе, слово команды терялось въ просторѣ степей. Даже въ самую темную пору царствованія императора Николая, съ 48-го года по 55-й, каждый, переѣзжая въ деревню, могъ чувствовать, до какой степени въ провинціи дышалось свободнѣе. Тутъ не было ни цензурныхъ нелѣпостей, ни тайной полиціи, ни генералъ-губернаторской расправы. Всякій могъ думать и говорить, что хотѣлъ. . . Конечно, въ то время не было никакой публичной жизни, о плодотворной дѣятельности на общую пользу не могло быть рѣчи. Но къ этому и не стремились тѣ образованные помѣщики, о которыхъ я говорю. Вполнѣ понимая современныя условія, они не искали ни государственной, ни даже общественной службы. Еще менѣе они добивались какихъ-либо почестей. Все это они предоставляли людямъ иного разряда. Сами-же они довольствовались независимымъ положеніемъ, счастьемъ и благоустройствомъ домашняго быта, образованнымъ кругомъ друзей, хозяйственными занятіями, наконецъ, управленіемъ подвластныхъ имъ крестьянъ, которыхъ благосостояніе росло подъ ихъ просвѣщеннымъ попе-

ченіемъ. И эта полная, обезпеченная и независимая жизнь не встрѣчала никакихъ преградъ. Даже мѣстныя власти не только не давали чувствовать своего оффиціальнаго превосходства, но, напротивъ, сами искали сближенія съ этими мѣстными тузами, которые своимъ умомъ, образованіемъ и общественнымъ положеніемъ возвышались надъ общимъ уровнемъ и пользовались тѣмъ бо̀льшимъ авторитетомъ, что ничего не искали" [1]).

Я позволилъ себѣ привести эту довольно обширную выдержку съ цѣлью нагляднѣе представить ту духовную атмосферу, въ какой провелъ молодой Бестужевъ первые годы своей послѣ-университетской жизни. Мы лишены прямыхъ указаній, насколько эта атмосфера вліяла и даже вліяла ли вообще на складъ понятій, на окончательную выработку вкусовъ и воззрѣній будущаго ученаго, однако самое вліяніе несомнѣнно. Объ этомъ можно судить не только по тѣмъ свѣтлымъ и благодарнымъ воспоминаніямъ, какія всегда сохранялъ Бестужевъ объ этой порѣ, не только потому что трудно допустить, чтобы 22-лѣтній юноша съ еще не вполнѣ сложившимся характеромъ и міровоззрѣніемъ въ силахъ былъ уберечь себя, если бы даже и хотѣлъ, отъ воздѣйствія высоко-культурной обстановки, съ которой онъ соприкасался изо-дня въ день. Признать фактъ вліянія слѣдуетъ еще и потому, что трудно найти что-либо иное болѣе родственное и болѣе близкое по духу съ убѣжденіями Бестужева въ зрѣлую пору его жизни, чѣмъ тѣ воззрѣнія и вкусы, которыя составляли отличительныя черты семьи Чичериныхъ и людей ихъ круга. Бестужевъ тоже всегда былъ чуждъ „оппозиціоннаго духа" и вмѣстѣ съ тѣмъ тоже умѣлъ „цѣнить свободу, понимать потребность реформъ". Онъ тоже уважалъ власть и тоже никогда не смѣшивалъ ее съ органами власти. Было бы неправильно утверждать, что такимъ воспитала и сдѣлала его исключительно семья Чичериныхъ, хотя бы по одному тому, что человѣкъ вообще складывается подъ воздѣйствіемъ весьма разнообразныхъ и сложныхъ факторовъ; но съ другой стороны несомнѣнно, что трехлѣтнее пребываніе въ Караулѣ способствовало въ значительной степени форми-

---

1) *Чичеринъ*, Изъ моихъ воспоминаній. *Русскій Архивъ* 1890, № 4, стр. 515—516.

рованію его характера въ указанномъ направленіи [1]). Въ этомъ отношеніи позволительно сказать, что вліяніе Чичериныхъ было до извѣстной степени коррективомъ вліянію Московскаго университета, разумѣется, не въ смыслѣ примиренія съ отрицательными сторонами тогдашней дѣйствительности, а въ смыслѣ болѣе спокойнаго, терпѣливаго къ ней отношенія, что̀ вообще такъ гармонировало съ мягкой натурой самого К. Н.

Однако это былъ коррективъ, дѣйствительно, только „до извѣстной степени". Духовное родство съ Чичериными имѣло свои предѣлы. Въ міросозерцаніи и во всемъ складѣ понятій этой семьи довольно отчетливо звучала одна характерная нотка: большее или меньшее безразличіе къ явленіямъ окружающей жизни, своего рода общественный и политическій квіетизмъ, эгоистическое спокойствіе людей, сознающихъ свое духовное превосходство. Но на этой почвѣ Караулъ по отношенію молодого Бестужева оказался безсиленъ: онъ никогда не могъ заглушить въ немъ вліянія того университета, что̀ въ сороковые годы, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, воспитывая молодое поколѣніе въ духѣ истины и добра, будилъ въ немъ живое и горячее отношеніе къ окружающей дѣйствительности, благородное рвеніе собственнымъ словомъ и примѣромъ содѣйствовать торжеству этой истины и этого добра. Вотъ почему въ зрѣлые годы Бестужевъ-Рюминъ уважалъ власть, но не „издали", и хотя никогда не преклонялся передъ нею, никогда не смѣшивалъ ее съ органами власти, но къ самому правительству и къ дѣламъ правительства относился всегда гораздо болѣе горячо и дѣйственно, чѣмъ это бывало у обитателей замкнутаго „оазиса". Впослѣдствіи даже кабинетная работа К. Н. была проникнута чувствомъ любви къ своей родинѣ, со всѣми ея недостатками и недочетами. Самое порицаніе, если онъ его себѣ позволялъ, было всегда согрѣто искреннимъ и глубокимъ сожалѣніемъ. Общественная дѣятельность, особенно

---

1) Сравн. позднѣйшія слова Бестужева: „Иногда слишкомъ большое значеніе придается школѣ; но когда всмотришься въ жизнь знаменитыхъ людей, тогда видишь, какъ много въ развитіи каждаго изъ нихъ значитъ обстановка и собственное чтеніе" (Кн. П. А. Вяземскій. Чтеніе К. Н. Бестужева-Рюмина. Публичное засѣданіе И. Ак. Наукъ 19 окт. 1892 г., стр. 23).

если разумѣть и соединенную съ нею славу, дѣйствительно, никогда не влекла его, и внутренній міръ духовныхъ интересовъ въ общемъ удовлетворялъ его; но въ немъ никогда не потухала потребность, воспитывая себя, въ то же время воспитывать и другихъ, и вотъ почему вполнѣ хорошо онъ чувствовалъ себя только на каѳедрѣ, когда имѣлъ возможность живымъ словомъ, преподавая науку, указывать своей аудиторіи путь къ добру и правдѣ.

Съ особенной признательностью вспоминалъ Бестужевъ бесѣды свои съ Чичеринымъ-отцомъ [1]). Онъ съ нимъ совѣтовался объ урокахъ и сочиненіяхъ, которыя задавалъ своимъ ученикамъ (сестрѣ и двумъ младшимъ братьямъ Бориса Николаевича), просилъ указаній относительно выбора книгъ. Колеблясь одно время, давать ли дѣтямъ въ руки Плутарха, нѣкоторыя страницы котораго смущали его, Бестужевъ обратился съ вопросомъ къ Чичерину и получилъ въ отвѣтъ: „Дайте: чистому все чисто". Къ урокамъ своимъ Бестужевъ тщательно готовился. Въ числѣ произведеній, прочтенныхъ имъ совмѣстно съ учениками, была Божественная Комедія Данта.

---

1) „Н. В. Чичеринъ одно изъ самыхъ дорогихъ для меня лицъ: портретъ его постоянно у меня въ кабинетѣ" (Письмо 19 марта 1890 г.).

V.

Журнальная дѣятельность.

Вернувшись въ 1854 г. въ свой университетскій городъ, Бестужевъ поступилъ учителемъ въ московскіе корпуса, I-й и III-й, и съ этою цѣлью ѣздилъ въ Петербургъ читать тамъ въ Главномъ штабѣ пробныя лекціи на заданныя темы. Но педагогическая дѣятельность мало влекла его къ себѣ. Научныя занятія русскою исторіею уже и теперь получили для него значеніе основного содержанія жизни, и потому тѣмъ тяжелѣе было ему сознавать, что обстоятельства складывались крайне къ тому неблагопріятно. Пробовалъ онъ (въ 1855 г.) держать экзаменъ на кандидата историко-филологическаго факультета [1]), но не поладилъ съ Бодянскимъ. Въ 1856 г. онъ промѣнялъ корпуса на обязанности помощника редактора „Московскихъ Вѣдомостей", выходившихъ тогда подъ редакціею В. Ѳ. Корша; но выигрышъ отъ этого былъ развѣ только матеріальный. Правда, онъ не могъ игнорировать и этого: въ 1855 г. онъ обзавелся своимъ домомъ, женившись на Е. В. Ешевской, сестрѣ своего пріятеля [2]).

Вообще 1854—1865 гг. — самый тяжелый (въ смыслѣ внѣшней обстановки) періодъ жизни К. Н.: забота о хлѣбѣ насущномъ стоитъ на первомъ планѣ. Это время усиленной спѣшной журнальной работы, компиляцій и переводовъ. Отношенія къ Коршу сложились не особенно удачно. Газетное дѣло, срочное, всегда за-полночь, назойливо вымучивая мысль, даже если она не шла въ голову и тѣмъ болѣе не укладывалась въ литературную форму, требовало большого напря-

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, Автобіографическая записка въ Словарѣ русскихъ писателей Венгерова, т. III, стр. 188.

2) Ibidem, 188.

женія, и умственнаго, и физическаго. Коршъ, какъ извѣстно, до конца жизни всецѣло оставался въ лагерѣ западниковъ; но Бестужевъ, хотя воспитался тамъ-же, но уже и теперь, въ пятидесятые годы, началъ относиться критически къ нѣкоторымъ изъ его положеній. А между тѣмъ время было горячее: Крымская война, первые шаги новаго царствованія по пути реформъ, — пунктовъ разногласія между редакторомъ и его помощникомъ было не занимать стать.

Къ этому времени относится характерный эпизодъ, передаваемый мною со словъ самого Бестужева. Это было 12 апрѣля 1877 г., въ день объявленія турецкой войны. Настроеніе, охватившее тогда русское общество, вызвало К. Н. на воспоминанія о другой войнѣ, Крымской, о томъ, какъ совершенно иначе въ ту пору относилось общество къ борьбѣ, и главнымъ образомъ къ правительству. „Однажды вечеромъ" — разсказывалъ Бестужевъ — „зашелъ я къ Кудрявцеву и засталъ тамъ М. Н. Каткова, который, принеся кипу свѣжихъ иностранныхъ газетъ, съ восторгомъ выбиралъ изъ нихъ мѣста, гдѣ говорилось о нашихъ пораженіяхъ. Я знаю, что А. Д. Галаховъ пропускалъ уроки, хотя только и существовалъ ими, если этой цѣною можно было купить возможность услыхать вѣсточку о томъ, гдѣ и какъ насъ поколотили. Въ тогдашнихъ пораженіяхъ видѣли единственно ударъ ненавистному правительству. Когда я возражалъ, говоря, что ненавидѣть правительство можно, радоваться же пораженію и подтачиванію народныхъ силъ не совсѣмъ естественно, — то меня называли за это юнкеромъ. По поводу этихъ споровъ одна барыня нарисовала на меня карикатуру: я сидѣлъ съ печальной миной, задумчиво подпирая голову всею ладонью руки".

Какъ ни тяжелы были условія газетной работы, Бестужевъ все же усиленно выбивался изъ положенія зауряднаго журналиста. Параллельно со статьями, писанными спѣшно и безъ желанія, со значеніемъ вполнѣ преходящимъ, встрѣчаются статьи, свидѣтельствующія объ упорномъ трудѣ, серьезныхъ замыслахъ и еще болѣе о серьезныхъ требованіяхъ къ самому себѣ. Они-то и послужили краеугольнымъ камнемъ дальнѣйшаго историческаго образованія Бестужева. Остановимся нѣсколько подробнѣе на главнѣйшихъ изъ нихъ.

Еще въ 1854 г. вниманіе Бестужева остановила литературная новинка того времени: „Сумароковъ и современная

ему критика", сочиненіе Булича, и онъ посвятилъ книгѣ обстоятельный разборъ[1]). Далеко выходя изъ рамокъ шаблонной рецензіи, отзывъ Бестужева носитъ характеръ вполнѣ самостоятельнаго пересмотра вопроса и по справедливости можетъ быть названъ *критическимъ* анализомъ книги. Взявшись за перо впервые послѣ гимназическихъ опытовъ 1847 г., Бестужевъ теперь уже не робкій юноша; онъ свободно чувствуетъ себя въ сферѣ поставленной темы и точку опоры своему сужденію ищетъ и находитъ прежде всего въ основательномъ знакомствѣ съ литературой предмета. Оспаривая или соглашаясь, онъ каждый разъ опирается на твердую почву реальныхъ фактовъ. Видимо, что въ чичеринскомъ Караулѣ не только слагалось его міровоззрѣніе, но и удѣлялось не мало времени на упорное, серьезное чтеніе.

Приступая къ оцѣнкѣ книги Булича, нашъ критикъ прежде всего отмѣчаетъ, что̀ сдѣлано было въ предшествующей литературѣ для изученія Сумарокова; справка дала лишь „груду матеріаловъ и нѣсколько весьма важныхъ и полезныхъ замѣчаній, не приведенныхъ однако въ систему". За одно Бестужевъ устанавливаетъ и требованія, какимъ вообще, по его мнѣнію, долженъ удовлетворять историкъ литературы. „Широки" — говоритъ онъ — „современныя требованія отъ историко-литературной монографіи. Авторъ ея долженъ познакомить читателя съ выбранною личностью или эпохой во всей полнотѣ. Онъ долженъ обозначить вліяніе общества на писателей и писателя на общество, представить литературныя идеи того времени, когда авторъ началъ писать и когда онъ окончилъ свое поприще, и слѣдовательно, означить его отношеніе къ его предшественникамъ и къ послѣдовавшимъ за нимъ литераторамъ. Онъ долженъ представить постепенное развитіе идей въ самомъ авторѣ, человѣкомъ объяснить автора и авторомъ человѣка. Слѣдовательно, историкъ литературы долженъ быть библіографомъ и эстетикомъ; онъ долженъ знать состояніе общества въ данный моментъ. Трудъ пріуготовительный, предлежащій ему, громаденъ: онъ долженъ изучить вполнѣ предшественниковъ, своего автора и преемниковъ его, и сличить его съ образцами, если литература была подражательною. Но прежде

1) *Москов. Вѣд.* 1854, №№ 40, 47, 68.

всего и важнѣе всего для такого труда полное и обстоятельное знакомство съ сочиненіями автора. Окончивъ пріуготовительный трудъ свой, онъ долженъ мыслію возвыситься надъ своимъ предметомъ, чтобъ опредѣлить его настоящее мѣсто" [1]).

Въ данномъ случаѣ главную заслугу Булича Бестужевъ-Рюминъ видитъ въ томъ, что онъ остановился не на однихъ только крупныхъ явленіяхъ, но внимательно изучилъ и самыя незначительныя теченія въ русскомъ обществѣ и литературѣ XVIII в., въ томъ, что онъ вѣрно понялъ невозможность схватить характеръ даннаго направленія безъ предварительнаго изученія всѣхъ дѣятелей и при томъ въ той связи, въ какой всѣ они соприкасаются одинъ съ другимъ, взаимно другъ друга объясняютъ и расчищаютъ почву будущимъ геніальнымъ произведеніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бестужевъ находитъ, что, „вѣрно опредѣливъ господствующій характеръ дѣятельности Сумарокова и современной ему литературы — характеръ сатирическій", Буличъ все же начертилъ нѣсколько односторонній образъ писателя и его времени: его книга даетъ право думать, что тогдашняя дѣятельность только и была что сатирическою. Такое впечатлѣніе напрашивается оттого что „всѣ другія стороны дѣятельности Сумарокова, правда, менѣе носящія печать таланта, менѣе важныя для насъ, если мы отыскиваемъ въ Сумароковѣ прямое отраженіе общества" — эти стороны указаны Буличемъ поверхностно и вскользь. А между тѣмъ, по мнѣнію Бестужева, сумароковскія эклоги, элегіи, оды и трагедіи достойны такого же изученія, какъ и его басни, сатиры и комедіи: „въ нихъ его взглядъ на жизнь, его идеалы, противорѣчіе которымъ вызвало его сатиру".

Критикъ кромѣ того находитъ, что анализъ басень, самъ по себѣ, „не смотря на его новость и смѣлость", совершенно вѣрный, развитъ однако и обоснованъ довольно слабо; отмѣчаетъ онъ и еще недостатокъ — отсутствіе сравненія Сумарокова съ Хемницеромъ: „при сближеніи ихъ было бы ясно, что Хемницеръ держится больше на Сумароковскомъ основаніи, хотя, разумѣется, часто образы его изящнѣе, но зато менѣе оригинальны. Сумароковъ грубъ и рѣзокъ, но мѣ-

1) № 40, стр. 155.

токъ и характеренъ. Этого-то и не достаетъ какъ у простодушнаго (даже черезъ чуръ) Хемницера, такъ и въ легкой баснѣ Дмитріева, слишкомъ изящной, слишкомъ тонкой и не русской, не смотря на правильность русской рѣчи".

Указанные пробѣлы критикъ пытается восполнить (поскольку, конечно, это было допустимо въ ограниченныхъ рамкахъ газетной статьи) по мѣрѣ своего пониманія; вслѣдствіе этого послѣдующія страницы рецензіи [1]) изъ простого разбора превращаются въ самостоятельный экскурсъ въ область русской литературы XVIII в. Большее значеніе Сумарокова Бестужевъ-Рюминъ объясняетъ недостаткомъ „живого основанія" въ сатирѣ Хемницера: „видно, что предметъ сатиры трогаетъ его не такъ живо, какъ Сумарокова: Хемницеръ видитъ въ явленіи, вызывающемъ сатиру, болѣе предметъ для складнаго разсказа, чѣмъ такое явленіе, которое должно быть выставлено на публичный позоръ". Вотъ почему и болѣе изящная форма Хемницеровскихъ басень оставляла меньшее впечатлѣніе. Задача сатиры „представить дѣйствительность, входить въ ежедневные интересы, и потому обиліе и вѣрность чертъ, взятыхъ изъ общественной жизни — вотъ первое и главное условіе сатиры, а мы видимъ, читая Хемницера, что это условіе едва исполнено вполовину. Въ басняхъ его, не имѣющихъ предметомъ подъячихъ, мы не находимъ ни одной черты новой и скажемъ болѣе — въ самомъ разсказѣ мы видимъ болѣе легкость стилиста (довольно замѣтную даже и въ наше время), чѣмъ оригинальность писателя истинно самобытнаго" [2]).

Съ восторгомъ встрѣтилъ Бестужевъ появленіе сочиненій Пушкина въ новомъ изданіи Анненкова [3]), гдѣ такъ наз. „матеріалы" для біографіи поэта впервые дали возможность прослѣдить за ходомъ поэтическаго развитія Пушкина и за пріемами его художественнаго творчества. Какъ раньше, въ оцѣнкѣ Булича, Бестужеву-Рюмину помогаетъ большая начитанность въ литературѣ XVIII в.; такъ и теперь возможность сознательно слѣдить за издателемъ ему облегчена хорошимъ знакомствомъ съ литературой Пушкинскаго періода. Между прочимъ, говоря о привычкѣ Пушкина бо̀ль-

1) №№ 47, 68.
2) № 68, стр. 277.
3) *Москов. Вѣд.* 1855, №№ 42, 70.

шую часть мыслей выражать предварительно въ прозѣ, а потомъ уже, по этой краткой программѣ, развивать ихъ стихами, Бестужевъ замѣчаетъ: „Намъ случалось видѣть нѣкоторыя бумаги Лермонтова, и въ нихъ мы видѣли ту же манеру обозначать мысль намекомъ, однимъ стихомъ или даже однимъ словомъ, и замѣщать точками ненаписанныя еще строфы“ [1]).

При всѣхъ своихъ крупныхъ достоинствахъ изданіе Анненкова все же, по мнѣнію критика, не сказало послѣдняго слова. Если процессъ внутренняго развитія поэта въ немъ и представленъ чрезвычайно ясно, зато все остальное изложено слишкомъ обще; многое приходится отыскивать у другихъ писателей: недостаетъ подробностей о лицеѣ, отношеній Пушкина къ Дельвигу, вообще литературныхъ отношеній поэта. „Напримѣръ, эстетическія теоріи издателей Московскаго Вѣстника стоили бы болѣе подробнаго изложенія. . . Въ англійскихъ изданіяхъ писателей мы находимъ не только критики, написанныя на цѣлое произведеніе, но даже мнѣніе критиковъ о томъ или другомъ мѣстѣ сочиненія; выписки эти у г. Анненкова недостаточно знакомятъ насъ съ состояніемъ критики, современной Пушкину“ [2]).

Любопытны замѣчанія Бестужева по поводу того, что, по его мнѣнію, издатель оставилъ совершенно въ тѣни личныя и литературныя отношенія поэта къ Баратынскому, тогда какъ послѣдній имѣлъ, „по всей вѣроятности, вліяніе на Пушкина, который высоко уважалъ поэта-мыслителя. Объ этихъ отношеніяхъ мы не встрѣтили почти ничего въ матеріалахъ для біографіи, а трудно повѣрить, чтобы на дѣятельность Пушкина Баратынскій не имѣлъ никакого вліянія, не смотря на видимую противоположность ихъ направленія: вѣроятно даже, что вліяніе было взаимное; напримѣръ, Баратынскій говоритъ:

И поэтическаго міра
Огромный очеркъ я узрѣлъ
И жизни даровать, о лира!
Твое согласье захотѣлъ [3]).

„Не отзывается ли это Пушкинымъ!

1) № 42, стр. 161.
2) № 70, стр. 281.
3) Стихотворенія Евг. Баратынскаго, т. I, стр. 232.

„У Пушкина же мы встрѣчаемъ такого рода отзывъ о Баратынскомъ: „Никто болѣе Баратынскаго не имѣетъ чувства въ своихъ мысляхъ и вкуса въ своихъ чувствахъ“ [1]). О Баратынскомъ у Пушкина есть небольшая критическая статья [2]). Дружескія ихъ отношенія извѣстны уже давно изъ посланія Пушкина, изъ насмѣшекъ журналовъ того времени, изъ статьи г. Гаевскаго, изъ обѣщанія г. Тургенева [3]) издать ихъ переписку“ [4]).

Интересъ къ литературѣ Бестужевъ-Рюминъ дѣлилъ съ интересомъ къ другой области знанія — къ русской исторіи. Съ 1856 г. въ Московскихъ Вѣдомостяхъ начинаютъ появляться небольшія статьи его, посвященныя разбору и оцѣнкѣ выдающихся произведеній нашихъ историковъ. И, подобно тому какъ въ рецензіяхъ на книгу Булича и на сочиненія Пушкина, онъ показалъ себя далеко не зауряднымъ знатокомъ затронутыхъ вопросовъ, такъ и здѣсь замѣтно выступаетъ его начитанность и большое тщаніе въ изученіи литературы предмета. Едва ли будетъ ошибкою сказать, что первымъ печатнымъ трудомъ Бестужева спеціально по русской исторіи былъ отзывъ о статьѣ Б. Н. Чичерина „Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи“ [5]). Уже здѣсь выступаетъ Бестужевъ сторонникомъ „новаго историческаго направленія“, заслуги котораго позже онъ будетъ подчеркивать обстоятельно и съ особымъ удовольствіемъ. Соглашаясь со взглядомъ г. Чичерина на общину, онъ однако оспариваетъ его воззрѣнія на вотчинный періодъ и на племенныхъ старшинъ. Полагаю не лишнимъ привести эту рецензію дословно [6]); конечно, она любопытна не столько

---

1) Сочиненія Пушкина, т. V, стр. 19.

2) Сочиненія Пушкина, изд. 1838–41, т. XI, 236—242.

3) *Современникъ* 1854 *(Всѣ эти четыре примѣчанія принадлежатъ Бестужеву-Рюмину.* Е. Ш.).

4) *Москов. Вѣд.* 1855, № 70, стр. 281.

5) *Москов. Вѣд.* 1856, № 32.

6) Редакція снабдила рецензію Бестужева-Рюмина слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Въ послѣдніе три мѣсяца наши журналы представили нѣсколько замѣчательныхъ статей по русской исторіи. Мы будемъ говорить о нихъ подробнѣе въ слѣдующей статьѣ. Теперь остановимся только на статьѣ г. Чичерина: *Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи.* Статья эта, помѣщенная въ Русскомъ Вѣстникѣ, возбудила много толковъ pro и contra. Мы получили до-

сама по себѣ, не тѣмъ, что̀ именно ея авторъ считалъ правильнымъ, что̀ ошибочнымъ, — она заслуживаетъ интереса, какъ первый опытъ серьезной исторической работы будущаго историка. Вотъ что говорилъ молодой авторъ:

„Число дѣятелей на поприщѣ русской исторіи растетъ съ каждымъ годомъ — явленіе въ высшей степени утѣшительное; но успѣхъ не въ одномъ числѣ: успѣхъ и въ самомъ направленіи. Давно ли подъ именемъ изслѣдованій о русской исторіи читали мы разныя фантасмагоріи, созданія досужаго воображенія. Теперь не то: фантастическое и относится къ области фантазіи; строгая наука вступаетъ въ свои права, и требованія ея непреложны, отъ нихъ нельзя избавиться ни блестящимъ талантомъ, ни даже блескомъ многочисленныхъ цитатъ. Все изобличается и выводится на свѣжую воду. Въ послѣднее время многія условія благопріятствовали изслѣдователямъ: матеріалы изданы и издаются безпрестанно, метода выработалась. Все это сдѣлано въ немного лѣтъ; давно ли новое историческое направленіе должно было отстаивать себя, а теперь кто не за него, тотъ противъ истины. Кто же произвелъ такой переворотъ? Чьи имена должны мы произносить съ благоговѣніемъ? На этотъ вопросъ отвѣчать излишне: имена начальниковъ новой науки у всѣхъ въ памяти, заслуги ихъ всѣми поняты, всѣмъ извѣстны.

„Имя г. Чичерина еще ново, но пріемы его тверды; это не пріемы начинающаго. Прежде всего намъ пріятно отдать справедливость г. Чичерину въ томъ отношеніи, что методъ его вѣренъ и ведетъ прямо къ дѣлу. Вопросъ, поднятый имъ, до сихъ поръ не составлялъ еще предмета особаго изслѣдованія, какъ множество другихъ юридическихъ вопросовъ, да и не однихъ юридическихъ. Конечно, его касались изслѣдователи, но мимоходомъ, между другими вопросами. Въ двухъ важнѣйшихъ трудахъ послѣдняго времени: Исторіи Россіи, г. Соловьева, и Исторіи гражданскихъ законовъ, г. Неволина, есть указанія и на него, но никѣмъ

вольно большую статью г-на Б.-Р., вызванную прекраснымъ трудомъ г. Чичерина. Сообщаемъ отрывокъ изъ нея, въ которомъ авторъ предполагаетъ уже извѣстнымъ содержаніе статьи г. Чичерина". Такимъ образомъ первый историческій опытъ Бестужева-Рюмина, къ сожалѣнію, дошелъ до насъ въ неполномъ, урѣзанномъ видѣ.

еще не былъ онъ изслѣдованъ отдѣльно. Полнаго изслѣдованія не представилъ и г. Чичеринъ, опираясь на то, что фактовъ собрано еще мало. Но иногда поставленіе вопроса, обзоръ его также важны, какъ и полное изслѣдованіе, тѣмъ болѣе, что вопросъ новый. Вѣроятно, статья г. Чичерина вызоветъ толки и разсужденія, которыя всегда приводятъ къ открытію истины. Мы съ своей стороны предложимъ скорѣе въ видѣ вопроса, чѣмъ въ видѣ возраженія, наши сомнѣнія въ нѣкоторыхъ пунктахъ.

„Статья г. Чичерина вызвана желаніемъ опровергнуть многими принятое мнѣніе, будто община у насъ существовала всегда въ томъ видѣ, въ которомъ существуетъ въ настоящее время. Мнѣніе это высказано было яснѣе всѣмъ [1]) извѣстнымъ путешественникомъ барономъ Гакстгаузеномъ, который сближаетъ ее съ подобными же учрежденіями у другихъ славянскихъ народовъ. Оно было принято на вѣру и отразилось въ сочиненіи г. Тенгоборскаго. Оно стало общимъ мѣстомъ: но пора присмотрѣться къ нему поближе.

„Вполнѣ признавая основную мысль г. Чичерина, мы однако не можемъ согласиться съ нѣкоторыми изъ его положеній. Прежде всего насъ останавливаетъ то, что онъ не обратилъ вниманія на первый періодъ русской исторіи, не отдѣлилъ его отъ второго; изъ словъ его читатель въ правѣ заключить, что явленія вотчиннаго періода существовали въ томъ же видѣ и въ періодѣ родовыхъ отношеній между князьями. Такому мнѣнію противорѣчитъ самый характеръ перваго періода: у князей все вниманіе обращено было не на земельные, а на личные интересы. Въ этомъ отношеніи мы совершенно согласны съ слѣдующими прекрасными словами г. Кавелина: „Характеръ постояннаго, наслѣдственнаго господства надъ владѣніями, когда оно было пріобрѣтено (авторъ говоритъ даже о XIII вѣкѣ) и установилось, долго оставался тотъ же, что и прежде: онъ продолжалъ быть личнымъ, не территоріальнымъ, т. е. князья управляли жителями своихъ волостей сами или чрезъ приближенныхъ своихъ, брали съ нихъ дань, сбирали войско и т. д. Князь называлъ свое владѣніе вотчиной, потому

1) Всѣхъ?

что былъ надъ ними наслѣдственный господинъ“ [1]). Да иначе и быть не могло даже въ началѣ вотчиннаго періода. Припомнимъ себѣ главныя черты перваго періода, и тогда дѣло станетъ яснымъ. Варяги нашли землю въ обладаніи родовъ и общинъ, обложили эту землю данью и оставили за собою право суда. Ни одно положительное свидѣтельство не позволяетъ намъ заключать, чтобы они взяли себѣ часть земли занятой; напротивъ, мы видимъ, что колонизація (разумѣется, не для земледѣлія, а для защиты) была важною заботою князей. Всѣ они строятъ города (не забудемъ, что городъ и село почти ничѣмъ не различаются въ древней Руси), населяютъ ихъ колонистами изъ разныхъ мѣстъ. Эти-то колоніи и составляютъ ихъ владѣнія только тогда, когда хоть нѣсколько выработалось понятіе о принадлежности земли князю; можно допустить, что онъ стоялъ вотчинникомъ въ собственномъ смыслѣ, никакъ не прежде. Вспомнимъ, что на Руси въ первый періодъ было гораздо болѣе городскихъ общинъ, чѣмъ предполагаетъ ихъ г. Чичеринъ. Развѣ Полоцкъ, Смоленскъ, до извѣстной степени Кіевъ, а еще болѣе Ростовъ, изъявлявшій при выборѣ Ростиславичей такія притязанія на первенство въ Суздальской землѣ, не такія же общины, какъ Новгородъ въ ту эпоху? Разницы между ними не было. Нельзя сказать, чтобы всѣ города были владѣльческими; всѣ новые такъ; а неужели не было различія между старымъ и новымъ городомъ? Неужели Кіевъ, не хотѣвшій переходить по наслѣдству къ Ольговичамъ [2]), такой же владѣльческій городъ, какъ Боголюбовъ или хоть и самъ Владиміръ? То ли было въ позднѣйшихъ городахъ, мы знаемъ изъ примѣра св. Ѳеодора Ярославскаго [3]). Тутъ уже ясное преобладаніе вотчиннаго начала, и въ этомъ періодѣ о немъ спорить нельзя. Не можетъ же быть, чтобы тотчасъ при появленіи Варяжской

---

1) *Современникъ* 1848, т. X, стр. 66 (Разборъ книги: „О вотчинахъ и помѣстьяхъ“).

2) Пол. Собр. Русск. Лѣтоп. т. II, стр. 23. Томъ мѣстѣ пріѣхаша отъ Кіянъ мужи, нарекуче: „Ты нашь князь, поѣди, Олговичь не хочемъ быти акы въ задничи“.

3) Женившись на дочери Василія Всеволодовича Ярославскаго, Ѳеодоръ Ростиславичъ Смоленскій получилъ во владѣніе Ярославль. Ник. III, 62. Степ. Книга I, 392.

дружины старый порядокъ вещей уступилъ мѣсто новому. Мнѣніе о томъ, что князь былъ главнымъ собственникомъ земли съ самыхъ древнихъ временъ, не ново въ нашей литературѣ. Его держался г. Полевой [1]), но г. Неволинъ справедливо замѣтилъ, что оно не основано ни на какихъ фактахъ [2]). Къ этому онъ прибавляетъ совершенно справедливо: „но какъ кромѣ земель, которыя находились въ дѣйствительномъ обладаніи и пользованіи общинъ, родовъ или отдѣльныхъ лицъ, было множество еще земель свободныхъ, никѣмъ не занятыхъ, то ничто не препятствовало князьямъ занимать эти земли и усвоять ихъ себѣ [3]). Мнѣнія г. Полевого и г. Лакіера [4]), по словамъ его, достаточно опровергнуты г. Кавелинымъ [5]). Интересно бы знать: считались ли по крайней мѣрѣ пустопорожнія земли княжескими? По общему ходу русской исторіи можно бы отвѣтить отрицательно, и г. Кавелинъ замѣтилъ то обстоятельство, что въ Уложеніи даже такія земли называются ничьими. Однако Печерскій монастырь проситъ у Изяслава горы въ собственность [6]). Не дѣлалось ли это съ цѣлію обезопасить себя отъ всякихъ притязаній? Не будемъ слишкомъ вдаваться въ опроверженіе, держась предѣловъ частной статьи, но укажемъ еще на мнѣніе г. Соловьева, который, говоря о собственности первыхъ поселенцевъ на какой-нибудь землѣ, продолжаетъ: „Остаются обширныя, ненаселенныя пространства, никому не принадлежащія, т. е. принадлежащія городу Ростову (авторъ говоритъ о землѣ Суздальской), и въ Ростовѣ находится высшее правительственное лице, князь, который управляетъ всею областію посредствомъ своихъ чиновниковъ, волостелей, слѣдовательно, никакая дальнѣйщая перемѣна, никакія новыя права и отношенія не могутъ произойти безъ вѣдома, безъ распоряженія княжескаго; положимъ, что сначала князь распоряжается въ области не безъ вѣдома и участія старшаго города, но, конечно, мы не имѣемъ никакого права думать, чтобы послѣ Андрея Боголюбскаго и

1) Исторія русск. народа, т. I, стр. 70—75.
2) Ист. Р. Гос. Законовъ, т. II, стр. 127.
3) loco citato.
4) О вотчинахъ и помѣстьяхъ, passim.
5) loco citato.
6) Ист. Р. Гос. Законовъ, т. II, стр. 2.

Всеволода III князья распоряжались чѣмъ бы то ни было съ вѣдома и согласія Ростовцевъ"[1]). Изъ этихъ-то земель, по мнѣнію г. Соловьева, и образовались черныя земли; слѣдовательно, онъ признаетъ самовольное распоряженіе даже пустыми землями скорѣе въ періодъ вотчинный. Итакъ, нейдя вдаль, заключимъ, что въ этомъ случаѣ и факты, и мнѣнія ученыхъ не за г. Чичерина.

„Мы не согласны съ нимъ также въ томъ, чтобы переходъ къ вотчинному періоду совершился подъ вліяніемъ дружиннаго начала. До сихъ поръ мы знаемъ одно почти удовлетворительное мнѣніе, высказанное г. Соловьевымъ еще въ его магистерской диссертаціи. Чтобы вотчинный порядокъ вещей произошелъ отъ бродячаго населенія, какъ въ другомъ мѣстѣ увѣряетъ г. Чичеринъ, этому еще менѣе можно повѣрить[2]). Отчего же произошло бродячее населеніе?

„Наконецъ, мы не совсѣмъ согласны съ мнѣніемъ г. Чичерина о племенныхъ старшинахъ. Положимъ даже, что они не владѣли цѣлымъ племенемъ, и древлянскіе князья были современники (какъ думаетъ г. Соловьевъ), а не рядъ князей (какъ думаетъ г. Калачевъ), — все же они были не простыми родовыми старшинами, а уже общинными, и, слѣдовательно, имѣли болѣе общественный характеръ, чѣмъ предполагаетъ г. Чичеринъ. Припомнимъ при томъ Гостомысла (если онъ вымышленъ, то все же, значитъ, возможенъ былъ общинный начальникъ). Не забудемъ и аналогіи другихъ славянскихъ народовъ, и рода Кія, владѣвшаго Кіевомъ до Оскольда".

Стòитъ вниманія и рецензія Бестужева на VI т. „Исторіи Россіи" Соловьева[3]). Она начинается съ общей характеристики труда и отношеній московскаго историка къ его предшественникамъ. Критикъ горячо отстаиваетъ необходимость выработать въ наукѣ русской исторіи общіе взгляды, ради успѣшнаго развитія самой науки; и хотя слышатся голоса объ исключительной пользѣ въ данное время работъ монографическихъ, хотя „есть даже ученые, думающіе, что

---

1) Исторія Россіи, т. IV, стр. 242.

2) Стр. 392 (*Всѣ эти 11 примѣчаній принадлежатъ Бестужеву-Рюмину.* Е. Ш.).

3) *Москов. Вѣд.* 1856, №№ 46, 54, 59.

пора общихъ взглядовъ не пришла"[1]); но этотъ вопросъ можно уже считать рѣшеннымъ „блестящею діалектикою г. Кавелина, вполнѣ оправданною временемъ". Болѣе спорнымъ остается вопросъ о полныхъ исторіяхъ; Кавелинъ настаиваетъ на изложеніи критическомъ, другіе идутъ еще далѣе, требуя вообще, чтобъ критическая разработка предшествовала догматическому изложенію. „Мнѣніе абсолютно, пожалуй, и справедливо, но на дѣлѣ мало примѣнимо. Конечно, ни свойство обнародованныхъ источниковъ, ни самая ихъ разработка не позволяютъ думать о полной, цѣльной, всесторонней исторіи прожитаго русскимъ народомъ. Въ этомъ серьезная часть возраженія; съ другой стороны, можно сказать, что занятіе исторіей такъ еще ново для насъ, матеріалъ такъ громаденъ, что необходима Аріаднина нить; а такою-то нитью бываютъ полныя исторіи: онѣ излагаютъ то, что уже выработано наукой, то, что можно считать рѣшеннымъ, указываютъ въ то же время и на темныя пространства, которыя остается наполнить новымъ дѣятелямъ; къ тому же онѣ должны вызывать критику, полемику, интересъ къ труду, потому что, при готовомъ общемъ, всякій начинающій трудиться знаетъ, куда нести свои силы, куда приладить добытый имъ результатъ. Вотъ заслуга и достоинство полныхъ исторій. Таково же значеніе и „Исторіи" г. Соловьева. Въ ряду русскихъ историковъ г. Соловьевъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ, по тому отношенію, въ которое онъ сталъ къ историческому матеріалу"[2]).

Въ обѣихъ рецензіяхъ замѣтно слышится голосъ вѣрнаго ученика и послѣдователя тѣхъ „вождей новаго движенія въ области русской исторіи"[3]), какъ назвалъ Бестужевъ Кавелина и Соловьева, и о комъ онъ, какъ мы видѣли, съ такимъ сочувствіемъ упоминалъ еще въ первой своей рецензіи на книгу г. Чичерина. Бестужева очаровала стройность построенія, глубина ихъ анализа. Съ полнымъ одобреніемъ встрѣтилъ онъ и характеристику Іоанна Грознаго, сдѣланную Соловьевымъ въ VI томѣ своей Исторіи. Какъ ни прекрасенъ взглядъ Кавелина на Іоанна, но все же въ

1) № 46, стр. 181. Явный намекъ на Погодина.
2) № 46, стр. 181.
3) № 59, стр. 235.

немъ есть „нѣкоторая односторонность“, понятная, какъ „реакція“ прежнимъ взглядамъ, обрисовавшимъ столь мрачно фигуру перваго русскаго царя. Въ докторской диссертаціи Соловьевъ высказалъ то же, что и Кавелинъ, лишь съ большею доказательностію, обставивъ свою мысль „текстами источниковъ, всѣмъ тѣмъ, что не могло имѣть мѣста въ небольшой журнальной статьѣ“; но въ новомъ трудѣ основной взглядъ, не мѣняясь по существу, является однако нѣсколько смягченнымъ: принята во вниманіе нравственная сторона дѣла и нравственный вопросъ объ Іоаннѣ рѣшенъ судомъ его же времени. Сужденіе Соловьева поэтому „окончательно рѣшаетъ вопросъ объ этомъ загадочномъ лицѣ“. Однако мы знаемъ, что позже обликъ Іоанна будетъ рисоваться нашему автору съ оттѣнками скорѣе Кавелинскими, чѣмъ Соловьевскими, и даже болѣе: положительныя стороны будутъ подчеркнуты, можетъ быть, еще сильнѣе, и рядомъ съ осужденіемъ найдется мѣсто и бо́льшему сочувствію трагической личности новаго Гамлета на русскомъ престолѣ.

Выше указывалось, что уже въ первой чисто-исторической работѣ Бестужева выступаетъ его начитанность и хорошее знакомство съ литературой предмета; въ рецензіи на книгу Соловьева эта начитанность проявляется въ формѣ, оставшейся и въ теченіе всей послѣдующей литературной дѣятельности Бестужева однимъ изъ наиболѣе характерныхъ и отличительныхъ ея признаковъ: къ оцѣнкѣ даннаго явленія онъ подходитъ путемъ исторіографическимъ[1]). Излагая взглядъ Кавелина и Соловьева на личность Грознаго, онъ обставляетъ его предварительнымъ обзоромъ ранѣе высказанныхъ воззрѣній и въ подробномъ анализѣ сужденій на эту тему Щербатова, Карамзина, Погодина и Полевого находитъ новую и твердую опору своимъ выводамъ.

Весною 1858 г. университетскій товарищъ Бестужева, Н. В. Альбертини, и бывшій сослуживецъ по московскому III-му корпусу, А. Н. Лаксъ, задумали изданіе библіографическаго журнала. Бестужевъ, большой поклонникъ англійскихъ reviews, убѣдилъ придать изданію характеръ этихъ послѣднихъ. Отсюда и названіе появившагося журнала: „Мос-

1) Тотъ же пріемъ можно прослѣдить и въ болѣе ранней статьѣ — въ рецензіи на книгу Булича.

ковское Обозрѣніе". Выработанная втроемъ программа намѣчала общій обзоръ современныхъ научныхъ вопросовъ, подробный отчетъ о замѣчательныхъ русскихъ и иностранныхъ книгахъ и возможно полную библіографію, тоже русскую и иностранную. Къ предпріятію примкнули А. К. Корсакъ и докторъ Я. А. Розенблатъ.

Въ началѣ 1859 г. вышла первая книжка. Къ сожалѣнію, сохранивъ особенность англійскихъ обозрѣній въ содержаніи, молодая редакція сохранила и другую, въ данномъ случаѣ мало пригодную: анонимность статей, что̀ въ соединеніи съ исключительно серьезнымъ ихъ содержаніемъ и полнымъ отсутствіемъ беллетристики неминуемо привело къ быстрому паденію журнала. „Московское Обозрѣніе" прекратилось на 2-мъ №. Подписчиковъ оказалось всего 200 человѣкъ. Среди тогдашнихъ журналистовъ къ новому собрату отнеслись довольно безучастно. Впослѣдствіи, вспоминая о лопнувшемъ предпріятіи, К. Н. писалъ: „Помню только сочувственную статью въ „Русскомъ Мірѣ", издававшемся тогда В. Я. Стоюнинымъ, да довольно сочувственную статью А. А. Григорьева (въ „Русскомъ Словѣ"), упрекавшаго, впрочемъ, насъ въ какомъ-то кружковомъ іерействѣ, что̀ доставило обильную пищу тогдашнимъ шутникамъ; въ „Спб. Вѣд." П. И. Вейнбергъ посмѣялся надъ тѣмъ, что журналъ нашъ палъ въ „борьбѣ съ равнодушіемъ публики": это было примѣненіе къ намъ фразы изъ объявленія о прекращеніи „Атенея" [1]).

Работа, однако, не пропала для Бестужева даромъ. Въ 1-мъ № „Московскаго Обозрѣнія" появилась обширная статья его: „Современное состояніе русской исторіи, какъ науки". Она писалась лѣтомъ 1858 г. въ деревнѣ у графини Толстой, гдѣ въ теченіе мѣсяца Бестужевъ былъ ея гостемъ. Онъ взялъ съ собою Карамзина, Щербатова и Арцыбышева, по утру занимался, дѣлая выписки, а вечеромъ отдыхалъ за умной оживленной бесѣдой, и вернулся въ Москву съ настолько уже готовымъ и разработаннымъ матеріаломъ, что оставалось лишь придать ему соотвѣтственную литературную форму. Такимъ образомъ статья сложилась очень легко [2]).

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Московское Обозрѣніе. *Библіографъ* 1893, вып. I, стр. 42—45.

2) Кстати объ Арцыбышевѣ, теперь уже почти забытомъ. Бесту-

Написанная въ видѣ разбора первыхъ восьми томовъ „Исторіи Россіи“ Соловьева, она въ сущности была изложеніемъ русской исторіографіи, сжато и обстоятельно намѣчая главнѣйшіе моменты въ развитіи нашего историческаго знанія. Послѣ аналогичнаго, хотя далеко не одинаковаго по пріемамъ труда Соловьева: „Писатели русской исторіи XVIII вѣка“ [1]) это была первая серьезная и вполнѣ удовлетворительная попытка намѣтить основныя вѣхи научнаго нашего движенія въ изученіи своего прошлаго, разобраться въ главныхъ именахъ, заглянуть, такъ сказать, въ душу исторической науки, и при томъ доведя анализъ явленій до самыхъ послѣднихъ моментовъ.

Выступленіе Бестужева на поприще научной дѣятельности съ трудомъ историографическимъ отнюдь не случайность. Разнорѣчивыя положенія, выставляемыя въ тогдашней наукѣ, несомнѣнно вызывали потребность разобраться среди нихъ и отыскать болѣе твердую точку опоры для собственнаго сужденія. Историографическій пріемъ изученія мы имѣли случай отмѣтить еще раньше, въ самыхъ первыхъ работахъ Бестужева, посвященныхъ русской исторіи; этотъ пріемъ и позже останется у него однимъ изъ самыхъ любимыхъ. Въ упомянутой статьѣ авторъ не задавался цѣлью дать полный очеркъ развитія русской исторіографіи или хотя бы даже просто обозрѣть всѣ существовавшія въ его время мнѣнія; но и то, что онъ далъ — указаніе на „существенныя фазы развитія науки русской исторіи, съ тѣхъ поръ какъ она стала наукою“ [2]), анализъ и оцѣнка современнаго ея направленія — было цѣннымъ вкладомъ въ тогдашнюю литературу. Статья обратила на себя вниманіе. Въ научномъ мірѣ о Бестужевѣ заговорили, а самому автору она послужила сильнымъ толчкомъ къ дальнѣйшей работѣ въ указанномъ направленіи.

жевъ очень цѣнилъ его трудъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи С. М. Соловьеву, который, идя на лекцію, имѣлъ обыкновеніе прочитывать соотвѣтственныя страницы Арцыбышева, извлекая оттуда необходимые факты, въ противоположность Н. А. Иванову, предпочитавшему Карамзина, изъ желанія проникнуться и блеснуть его слогомъ.

1) *Лекціи историко-юридич. свѣдѣній*, изд. Калачева, 1855 года.

2) *Бестужевъ-Рюминъ*, Современное состояніе русской исторіи, какъ науки. *Москов. Обозрѣніе* 1859, кн. I, стр. 132.

2840

Въ этой статьѣ передъ нами послѣдовательно проходятъ Щербатовъ, Карамзинъ, Полевой [1]), скептическая и славянская школы; но бо̀льшая половина удѣлена новому историческому направленію, поскольку оно выразилось въ трудахъ Соловьева, Кавелина и Б. Н. Чичерина, при чемъ путеводною нитью при изложеніи автору служила „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ". Нельзя не видѣть, что воззрѣнія Кавелина на общій ходъ развитія русскаго государства пользуются, сравнительно съ Соловьевымъ, бо̀льшими симпатіями критика: хотя по вопросу о родѣ онъ полностію не раздѣляетъ мнѣній ни того, ни другого, но въ то время какъ кавелинскій „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи" признается „первымъ вполнѣ цѣльнымъ и почти вездѣ вѣрнымъ взглядомъ на русскую исторію" [2]), Соловьеву ставится въ упрекъ изображеніе родового быта „какъ чего-то даннаго, а не органическаго", безъ того „движенія", которое отмѣчено другимъ историкомъ [3]). Не считаетъ Бестужевъ-Рюминъ правильнымъ и нежеланія Соловьева дѣлить исторію на періоды: надо лишь „умѣть связать періоды развитіемъ движущихъ началъ", тѣмъ болѣе что каждый изъ нихъ „имѣетъ свои отличительныя черты, носитъ свою печать; указывать на извѣстную ступень, останавливать вниманіе на томъ, что въ такое-то время преобладало такое-то начало — вовсе не значитъ изучать предметъ только анатомически" [4]). Далѣе Бестужевъ полемизируетъ съ Соловьевымъ относительно вліянія татарскаго ига, которое авторъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ", какъ извѣстно, сводилъ почти къ нулю [5]); указываетъ на излишній догматизмъ въ изложеніи спорныхъ вопросовъ, неотчетливость, съ какою раздѣлены черты различ-

---

1) „Еще и теперь статья эта читается съ интересомъ, и теперь не потеряли всего своего значенія страницы, посвященныя „Исторіи русскаго народа" Полевого и направленныя къ тому, чтобы отдать должное уваженіе попыткѣ Н. Полевого. Только статья о Полевомъ въ новомъ, еще незаконченномъ обзорѣ нашей исторіографіи П. Н. Милюкова можетъ замѣнить собою давнишнія строки о Полевомъ К. Н-ча" (*С. Ѳ. Платоновъ*, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1897, № 2, стр. 169—170).

2) „Современное состояніе", стр. 67.

3) Стр. 76.

4) Стр. 59—60.

5) Стр. 61.

ныхъ эпохъ, невыясненность такихъ явленій, какъ образованіе племенъ и развитіе родового начала въ племени [1]). Теорія новыхъ городовъ, равно и изображеніе московскихъ князей-собирателей въ видѣ монотоннаго ряда „безстрастныхъ ликовъ", также не пользуются сочувствіемъ критика [2]).

Вообще, отдавая полную справедливость Соловьеву, какъ одному изъ главныхъ основателей новаго плодотворнаго направленія въ русской исторической наукѣ, охотно признавая за нимъ „добросовѣстное пользованіе источниками, точность въ передачѣ ихъ словъ, внесеніе аналогіи съ исторіей западныхъ славянъ, введеніе въ исторію природныхъ условій страны и, наконецъ, что̀ всего важнѣе, внесеніе нѣкоторыхъ руководящихъ началъ" [3]), — Бестужевъ-Рюминъ все же находитъ, что трудъ московскаго профессора еще не есть „окончательное слово науки, требованія которой въ наше время значительно возросли" [4]). Самый же главный недостатокъ — „онъ вѣритъ въ непогрѣшимость факта, въ его фаталистическое значеніе: побѣда есть право въ глазахъ г. Соловьева"; между тѣмъ обязанность историка не сосредоточивать своего вниманія исключительно на явленіяхъ, одержавшихъ верхъ въ жизненной борьбѣ, а съ одинаковымъ вниманіемъ присматриваться и къ учрежденіямъ задавленнымъ, остановленнымъ въ своемъ развитіи, потому что, зная происхожденіе подобнаго явленія, мы можемъ иной разъ получить ключъ къ объясненію цѣлаго ряда другихъ очень цѣнныхъ явленій [5]).

Послѣ неудачи со своимъ журналомъ, Бестужевъ бросилъ „Московскія Вѣдомости" и осенью 1859 г. [6]) переѣхалъ на постоянное жительство въ Петербургъ, принявъ дѣятельное участіе въ „Отечественныхъ Запискахъ" Краевскаго, въ качествѣ постояннаго сотрудника и сочлена [7]) редакціи. Матеріальныя условія заставили его однако искать сверхъ того еще и другой работы. Въ 1860 г. онъ взялся завѣдывать

---

1) Стр. 77. Срав. 125.

2) Стр. 91, 93.

3) Стр. 130.

4) Стр. 130.

5) Стр. 130—131.

6) *Бестужевъ-Рюминъ*, П. И. Мельниковъ [Некрологъ]. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1883, № 3, стр. 47.

7) Срав. редакціонную замѣтку въ отдѣлѣ „Русская литература" въ февральской книжкѣ *Отеч. Записокъ* за 1861 г., т. 134, стр. 84.

отдѣломъ русской и славянской исторіи въ задуманномъ тогда цѣлымъ кружкомъ ученыхъ и литераторовъ изданіи „Энциклопедическаго словаря". По русской исторіи онъ помѣстилъ тамъ много мелкихъ статей, но по славянской чувствовалъ себя слабымъ и потому обратился за содѣйствіемъ къ А. Ѳ. Гильфердингу, что̀ послужило поводомъ сперва къ знакомству, а затѣмъ и къ тѣсной дружбѣ съ этимъ послѣднимъ [1]). Кромѣ того, вступивъ съ 9 января 1863 г. [2]) въ число членовъ Русскаго Географическаго Общества, Бестужевъ-Рюминъ въ теченіе двухъ лѣтъ (1863—1864) редактировалъ его „Записки", помѣстивъ въ нихъ нѣсколько рецензій и статей компилятивнаго характера [3]).

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, А. Ѳ. Гильфердингъ. *Славянское Обозрѣніе* 1892, кн. 9, стр. 7.

2) *Записки Имп. Русск. Географ. Общества* 1863, кн. I, стр. 102.

3) Таковы двѣ рецензіи (мѣстами — сплошной переводъ) нѣмецкихъ сочиненій Лапинскаго и Бушена. Кромѣ того Бестужеву-Рюмину принадлежитъ особый отдѣлъ „Географическихъ Извѣстій". Подъ этимъ заголовкомъ въ „Запискахъ" помѣщено (1863 г., №№ 2, 3, 4; 1864 г., № № 1, 2, 3) шесть статей, въ формѣ географической лѣтописи о новинкахъ (преимущественно) изъ области открытій и изслѣдованій новыхъ или малоизвѣстныхъ странъ: когда пересказъ, когда выдержка, а когда и просто переводъ свѣдѣній, заимствованныхъ изъ текущей географической литературы, — словомъ, работа исключительно компилятивная. Матеріаломъ для статей Бестужеву служили журналы: „Mittheilungen" Петермана, „Proceedings of the Royal geographical Society of London", „Globus", „Zeitschrift der allgem. Erdkunde", „Revue maritime et coloniale". Подписи автора подъ „Географическими Извѣстіями" не проставлено, однако несомнѣнно, что они писались Бестужевымъ-Рюминымъ: сохранились оригиналы четырехъ статей, писанные рукою самого К. Н. (1863 г., № 3; 1864 г., №№ 1, 2, 3). Что и остальныя двѣ произведенія того же пера, можно видѣть изъ слѣдующаго: статья въ № 3 за 1863 г. начинается словами: „Мы сообщили уже нашимъ читателямъ краткое извѣстіе объ открытіи капитаномъ Спекомъ и капитаномъ Грантомъ источниковъ Нила" — и при этомъ ссылка на № 2 за 1863 г., гдѣ, дѣйствительно, рѣчь идетъ объ открытіяхъ Спика и Гранта; что же до статьи въ № 4 за 1863 г., отъ которой рукописи не сохранилось, то ея принадлежность Бестужеву-Рюмину вытекаетъ сколько изъ того, что и предыдущая, и послѣдующая статьи „Географическихъ Извѣстій" (№ 3 за 1863 и № 1 за 1864) несомнѣнно Бестужевскія; столько же изъ того что въ № 3 за 1864 г., стр. 10, говоря о Лежанѣ, авторъ замѣчаетъ, что раньше, именно въ № 4 за 1863 г., онъ уже говорилъ объ этомъ этнографѣ, — что̀, дѣйствительно, вполнѣ совпадаетъ съ содержаніемъ статьи упомянутаго №.

И работы по „Словарю“, и редакція „Записокъ“, а еще болѣе сотрудничество въ „Отечественныхъ Запискахъ“ отнимали много времени, требовали большого умственнаго напряженія; однако они не остановили ни усиленнаго чтенія, ни тѣхъ чисто-научныхъ занятій, начало которымъ положено было еще въ Москвѣ. Словарная работа во всякомъ случаѣ не выводила Бестужева изъ круга вопросовъ его спеціальности; къ участію въ Географическомъ обществѣ его привлекалъ, помимо соображеній матеріальныхъ, интересъ къ этнографіи и то значеніе, какое придавалъ онъ особенно въ ту пору *народному* элементу въ исторіи; наконецъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ онъ помѣстилъ рядъ выдающихся статей, обратившихъ на себя еще большее вниманіе, чѣмъ прежняя статья въ „Московскомъ Обозрѣніи“, а, главное, опредѣлившихъ окончательно послѣдующую дѣятельность его, какъ русскаго историка. Главнѣйшія изъ нихъ были: разборъ „Сочиненій“ К. Д. Кавелина [1]), разборъ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева [2]), „Славянофильское ученіе и его судьбы въ русской литературѣ“ [3]) и нѣк. др.

Вчитываясь въ эти работы, нельзя не замѣтить, что пять-шесть лѣтъ, отдѣляющихъ ихъ отъ первыхъ историческихъ опытовъ Бестужева, не прошли для послѣдняго безслѣдно. Тамъ, раньше — онъ безусловный ученикъ Кавелина и Соловьева, вѣрный послѣдователь „исторической“ школы; теперь, ни на іоту не уменьшая ученыхъ заслугъ того и другого ученаго, онъ видитъ въ названной школѣ явленіе уже историческое, на смѣну которому пришла другая школа, — „народнаго прогресса“ [4]), и къ этой-то школѣ лежатъ теперь всѣ симпатіи Бестужева-Рюмина. Это новое направленіе выросло изъ того движенія, что̀ съ особою силою стало проявляться въ 50-хъ г. г. и сказалось въ усиленномъ интересѣ къ этнографіи, въ изученіи народныхъ вѣрованій, обычаевъ, вообще народнаго міровоззрѣнія во всей его совокупности, и въ то же время въ оживленномъ протестѣ противъ историческаго фатализма, противъ той „фи-

---

1) *Отеч. Записки* 1860, №№ 4, 5, 8.

2) *Отеч. Записки* 1860, № 9; 1861, № 1.

3) *Отеч. Записки* 1862, №№ 2, 3, 5.

4) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Сочиненія К. Кавелина“. Статья I. *Отеч. Записки* 1860, № 4, стр. 75—76.

лософской необходимости", какую, наоборотъ, выдвигала школа историческая [1]).

Подъ вліяніемъ этого направленія Бестужевъ пишетъ статью, „Различныя направленія въ изученіи русской народности", подчеркивая всю неправильность игнорированія проявленій жизни народнаго духа [2]); даетъ обстоятельный разборъ пѣсень, собранныхъ Рыбниковымъ, П. Кирѣевскимъ, Шейномъ и Безсоновымъ [3]), съ полнымъ сочувствіемъ встрѣчаетъ статью Костомарова, „Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси" [4]), — статью, „любопытную въ особенности какъ программу будущихъ историко-этнографическихъ изслѣдованій, которыя, рано или поздно, а должны лечь въ основаніе изученія русской исторіи" [5]). Въ разборѣ „Сочиненій" Кавелина Бестужевъ-Рюминъ остановился на типичнѣйшихъ пунктахъ ученія этого историка: на послѣдовательной замѣнѣ родового и вотчиннаго принципа государственнымъ и на пониманіи имъ народности. Частью видоизмѣняя сказанное раньше въ „Московскомъ Обозрѣніи", частью полнѣе развивая положенія этой статьи, онъ опредѣляетъ и оцѣниваетъ то высокое мѣсто, какое занимаетъ Кавелинъ въ ряду своихъ предшественниковъ и современныхъ работниковъ на поприщѣ изученія родного прошлаго.

То же „Московское Обозрѣніе" легло въ основу теперешнихъ статей Бестужева и о Соловьевѣ, съ тѣмъ лишь развѣ отличіемъ, что, выступивъ изъ рядовъ „исторической школы", онъ къ ея представителю относится теперь значительно строже прежняго. Еще въ 1858 г., на страницахъ тѣхъ-же „Отечественныхъ Записокъ", Бестужевъ-Рюминъ, по поводу выхода VIII т. „Исторіи Россіи", защищалъ московскаго историка отъ „странныхъ нареканій", которымъ подвергался въ ту пору его трудъ. Въ ту пору Бестужевъ указывалъ на „поразительную" научность изложенія Соловьева, „строгую точность и отчетливость его выводовъ, логическую вѣрность общаго построенія", тѣмъ самымъ какъ бы

---

1) Ibidem, стр. 75.
2) *Отеч. Записки* 1860, № 3.
3) *Отеч. Записки* 1861, №№ 6, 7.
4) *Отеч. Записки* 1861, № 2.
5) Стр. 57.

заранѣе признавая неизбѣжность не только „строгой простоты“, но „даже сухости“ въ передачѣ своей мысли, тѣмъ болѣе что и самые источники мало даютъ матеріала „для украшенія разсказа“. Свойство таланта, преимущественно аналитическаго и положительнаго, особенности принятаго метода — не позволили историку „уснащать свою рѣчь безполезными фразами“; „немудрено, что многое осталось недосказаннымъ, неопредѣленнымъ. Въ томъ-то и состоитъ великая заслуга ученаго историка, что онъ не старался освѣщать произвольными догадками и предположеніями этихъ темныхъ мѣстъ, и гдѣ пускалъ въ ходъ свои догадки, тамъ не выдавалъ ихъ за неопровержимую истину, а только выставлялъ вѣроятнымъ“. Польза отъ метода, имъ приложеннаго, громадна. Мало того; онъ „ввелъ въ область русской исторіи явленія, которыя прежде въ нее не входили, и тѣмъ бросилъ неожиданный свѣтъ на то, что всѣ знали. Такъ онъ заговорилъ о характерѣ сѣвернаго русскаго человѣка, великороссіянина въ отличіе отъ южнаго, объяснилъ политику сѣверныхъ князей и такимъ образомъ не выдѣлилъ, а вдвинулъ въ общія рамы Ивана III. Вопросы внутренняго быта, преимущественно литературные, которымъ прежде болѣе изъ приличія отводился скромный уголъ въ политической исторіи, отъ которыхъ отдѣлывались нѣсколькими словами, онъ ввелъ въ общую связь и, съ помощію ихъ, объяснилъ характеръ той или другой эпохи; такъ „Домострой“ во многомъ послужилъ для уясненія нравственнаго состоянія русскаго общества въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Опредѣленіе же нравственнаго состоянія этого общества, основанное на изученіи разнообразныхъ данныхъ, повело къ уясненію политическихъ событій эпохи; причины волненій смутнаго времени найдены имъ въ нравственномъ настроеніи общества. То, что прежде было смутно, таинственно, чему искали мистическія причины, удовлетворяющія только трагическихъ поэтовъ, теперь объяснилось просто и легко. Говоря о заслугахъ г. Соловьева, мы не можемъ умолчать еще объ одномъ важномъ обстоятельствѣ: въ русскую исторію онъ ввелъ и исторію Западной Руси, важную преимущественно по отношенію къ внутреннему быту“ [1]).

---

1) *К. Б.-Р.*, „Исторія Россіи, т. VIII“. *Отеч. Записки* 1858, № 8, стр. 54.

Такъ отзывался о Соловьевѣ Бестужевъ-Рюминъ въ 1858 г. Но едва минуло два года, какъ онъ спѣшитъ заявить, что „не принадлежитъ къ числу почитателей г. Соловьева“ [1]). Положимъ, и тогда уже онъ предупреждалъ, что современемъ на многое будутъ смотрѣть не такъ, какъ смотрятъ теперь, „ближе познакомятся съ развитіемъ русскаго права, съ первобытною миѳологіею славянъ, узнаютъ подробнѣе и ближе бытъ нашихъ предковъ въ разныя эпохи; многое объяснится помощью аналогіи съ исторіею и бытомъ другихъ славянскихъ племенъ“ [2]); положимъ также, что уже и въ статьѣ „Московскаго Обозрѣнія“ Соловьеву ставилось въ упрекъ преклоненіе передъ исторической необходимостью; но теперь эта послѣдняя черта подчеркивается съ особою силою. Къ тому же, какъ разъ въ это время, въ литературѣ явился новый и, можетъ быть, наиболѣе крайній представитель этого направленія, Ѳ. М. Дмитріевъ. Бестужевъ обрушивается на него со всею силою убѣжденія [3]); вмѣсто холоднаго преклоненія передъ успѣхомъ, вмѣсто безжалостнаго vae victis по адресу побѣжденныхъ, онъ требуетъ уваженія къ падшему, вспоминаетъ, что это чувство „было въ высшей степени развито въ поэтической натурѣ Грановскаго“, и добавляетъ, что „этотъ неизмѣнный тактъ составляетъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ качествъ историка“ [4]). Но этимъ свойствомъ не обладаетъ Соловьевъ; вотъ почему его „книга — умная, добросовѣстная, свидѣтельствующая о трудолюбіи, знаніи и серьезной подготовкѣ своего автора; но это не исторія. Авторъ съ своей стороны сдѣлалъ все, чтобъ придать ей этотъ характеръ: онъ построилъ ее на одной мысли, свелъ въ одно цѣлое всѣ стороны жизни; передалъ все, что нашелъ въ источникахъ о древней Руси. Казалось бы чего болѣе? но на дѣлѣ вышло, что не достаетъ самаго су-

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Исторія Россіи, т. I—IX. Т. X“. Статья I. *Отеч. Записки* 1860, № 9, стр. 2.

2) *К. Б.-Р.*, „Исторія Россіи, т. VIII“. *Отеч. Записки* 1858, № 8, стр. 55.

3) Полемика съ Дмитріевымъ ведется при разборѣ „Исторіи Россіи“ Соловьева, статья I. *Отеч. Записки* 1860, № 9, и въ отдѣльной статьѣ: „Философія исторіи и Московское государство“, *тамъ же*, 1860, № 11.

4) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Исторія Россіи, т. I—IX. Т. X“ Статья I. *Отеч. Записки* 1860, № 9, стр. 11.

щественнаго: не видать жизни и духа народнаго" [1]). „Вся книга проникнута стремленіемъ доказать, что настоящее есть плодъ прошедшаго, результатъ всѣхъ условій, лежащихъ въ природѣ страны, характерѣ народа и. т. д. Но такъ какъ самыя условія еще не подвергнуты достаточному обслѣдованію, то и за точность выведеннаго результата мудрено поручиться. Такой способъ историческаго изслѣдованія имѣетъ одно важное неудобство: смотря на причины съ точки зрѣнія результата, мы невольно, безсознательно переносимъ на эти причины несвойственный имъ характеръ: мы смотримъ на нихъ, какъ на средство и не понимаемъ того, что предки наши жили для себя, а не для насъ, и что преднамѣреннаго плана никто не задаетъ исторіи" [2]).

Итакъ главный недостатокъ книги Соловьева „въ возведеніи историческаго хода событій въ философски-необходимый, въ подчиненіи русской исторіи и русской жизни гегелевской отвлеченной схемѣ. Другой, столь же важный недостатокъ заключается въ томъ, что такъ какъ эта схема есть нѣчто внѣшнее, пришитое къ событіямъ, а не изъ нихъ самихъ истекающее, то все изложеніе не проникнуто живою разумною мыслію; книга является какимъ-то сборникомъ свѣдѣній, соединенныхъ между собою чисто внѣшнею связью" [3]). Повторивъ старый упрекъ въ излишнемъ догматизмѣ, Бестужевъ-Рюминъ присоединяетъ новые: искусственную группировку матеріала [4]), неудовлетворительную систему примѣчаній [5]). Полное отсутствіе примѣчаній въ XII т. наводитъ его, въ связи съ другими недостатками, даже на мысль, пригоденъ ли вообще на что-нибудь объемистый трудъ Соловьева? И вотъ какой рѣзкій приговоръ высказываетъ онъ: эта книга „должна дать понять людямъ, занимающимся исторіею, какъ много матеріаловъ, повидимому очень любопытныхъ, хранится въ архивахъ. Другой пользы отъ нея ожи-

---

1) Ibidem, стр. 16.

2) Ibidem, стр. 20–21.

3) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Исторія Россіи. Т. I—IX. Т. X". Статья II. *Отеч. Записки* 1861, № 1, стр. 28—29.

4) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Исторія Россіи". Статья I. *Отеч. Записки* 1860, № 9, стр. 23.

5) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Исторія Россіи". Статья II. *Отеч. Записки* 1861, № 1, стр. 31—32.

дать нельзя: какъ указаніе матеріаловъ, она неудовлетворительна, по системѣ примѣчаній, принятой авторомъ; какъ извлеченіе изъ нихъ, она также не можетъ служить, ибо мы ничѣмъ не обезпечены, что извлечено самое интересное; даже сдѣланными выписками нельзя пользоваться, потому что авторъ почти всегда переводитъ ихъ на новый языкъ; объ ученой обработкѣ мы уже не говоримъ: кому не извѣстна система изложенія исторіи, принятая г. Соловьевымъ. Итакъ все назначеніе книги только пробуждать любознательность, нисколько ее не удовлетворяя. Намъ кажется, что съ каждымъ новымъ томомъ ученый историкъ все болѣе и болѣе приближается къ своей цѣли: съ каждымъ томомъ трудъ его все болѣе и болѣе получаетъ характеръ черновыхъ записныхъ тетрадей, надъ которыми предстоитъ много предварительной работы, прежде чѣмъ онѣ сдѣлаются дѣйствительно ученымъ трудомъ"[1]). Мало того. Когда будутъ изданы соотвѣтственные матеріалы, то „Исторія Россіи" потеряетъ свое послѣднее значеніе — возбуждать любознательность: она уже будетъ возбуждена. Намъ только горько думать, что будущій изслѣдователь даже и не помянетъ о книгѣ г. Соловьева, развѣ только для счета, а вѣчно будетъ въ рукахъ изслѣдователя трудъ Карамзина, достоинства котораго особенно рельефны, если его сравнить" съ „Исторіею Россіи", и не по однимъ достоинствамъ художественнымъ, но и по системѣ примѣчаній, по критикѣ источниковъ[2]).

Какъ ни отличны сами по себѣ сужденія, высказанныя Бестужевымъ о Соловьевѣ на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ" въ 1858 и въ 1860—1861 г. г., но противорѣчивыми назвать ихъ все же нельзя. Насъ не долженъ смущать боевой тонъ этихъ рецензій, нѣкоторая горячность выраженій: и то, и другое въ характерѣ журнальной полемики; но если отбросить эти случайные аксессуары, то мы увидимъ лишь, что раньше вниманіе критика было обращено преимущественно на положительныя стороны труда, теперь же онъ охотнѣе подчеркиваетъ отрицательныя. Кромѣ того не надо забывать, что и въ 1858 г., въ „Московскомъ Обозрѣніи", основныя изъ этихъ отрицательныхъ сторонъ уже были имъ

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Исторія Россіи, т. XII". *Отеч. Записки* 1862, № 12, стр. 180—181.

2) Ibidem, стр. 181.

указаны. Да и позже, когда съ появленіемъ дальнѣйшихъ томовъ положительное значеніе „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ выростетъ въ глазахъ Бестужева еще въ бо̀льшихъ размѣрахъ, слабыя стороны лишь отступятъ на задній планъ, лишь стушуются, но не исчезнутъ вполнѣ. Бестужевъ сочтетъ тогда нравственнымъ долгомъ подчеркивать именно положительныя стороны, но умолчитъ о недостаткахъ, руководясь при этомъ прежде всего желаніемъ соблюсти научную перспективу, тѣмъ болѣе что, съ дальнѣйшимъ развитіемъ исторической науки, эти недостатки, по его мнѣнію, утеряютъ свой острый характеръ и окажутся несоизмѣримыми со всѣмъ остальнымъ [1]).

Говоря о сотрудничествѣ Бестужева-Рюмина въ „Отечественныхъ Запискахъ“, намъ остается сказать лишь еще объ одной крупной его работѣ, о статьѣ: „Славянофильское ученіе и его судьбы въ русской литературѣ“. Отмѣтивъ, съ какимъ глумленіемъ произносится въ нашей литературѣ слово „славянофилъ“, авторъ предлагаетъ общую характеристику славянофильской школы и вслѣдъ за тѣмъ обстоятельно разбираетъ особенности воззрѣній каждаго изъ ея представителей: И. Кирѣевскаго, Хомякова и К. Аксакова. Онъ понимаетъ, что окончательное сужденіе о славянофилахъ

---

1) Срав. за эти же годы отзывы Бестужева объ *учебникѣ* Соловьева по русской исторіи. Первоначально, когда работа была еще только начата, онъ находилъ ее соотвѣтствующею научнымъ требованіямъ, хвалилъ за то, что удѣлено сравнительно большое мѣсто внутренней исторіи (см. отзывъ о 1-мъ выпускѣ, *Москов. Вѣд.* 1859, № 62, стр. 464); зато къ учебнику во всемъ его объемѣ Бестужевъ отнесся очень строго: какъ „сколокъ“ съ большого труда, *Учебная книга русской исторіи* вноситъ тѣ же „произвольныя, никѣмъ непризнанныя положенія“, ту же неравномѣрность въ распредѣленіи главнаго и второстепеннаго; сухость изложенія способна „привести въ ужасъ самаго трудолюбиваго и любознательнаго ученика“ (см. „Новые учебники по русской исторіи“. *Отеч. Зап.* 1861, № 1, стр. 48—51). Одновременно появившійся учебникъ по той же русской исторіи Д. И. Иловайскаго встрѣтилъ совсѣмъ иную оцѣнку: послѣднему отдано преимущество въ болѣе строгомъ выборѣ сообщаемыхъ свѣдѣній, въ заботѣ о передачѣ наиболѣе характерныхъ чертъ того, что было выбрано (*Тамъ же,* стр. 48, 51); „достоинства ея (книги) весьма значительны: живое, интересное изложеніе, отсутствіе доктринерскаго тона, вреднаго въ учебникѣ, какъ и вездѣ, осторожность въ выводахъ“ („Краткіе очерки русской исторіи. Вып. I“. *Отеч. Зап.* 1860, № 10, стр. 51).

еще рановременно: не всѣ еще ихъ сочиненія изданы; факты біографическіе — „элементъ чрезвычайно важный при оцѣнкѣ дѣятельности, которая была цѣлію и средоточіемъ всей ихъ жизни“ — извѣстны только въ самыхъ общихъ чертахъ. Славянофильство — „одно изъ самыхъ важныхъ явленій въ исторіи умственнаго развитія въ Россіи“; но самое большее, что возможно для данной поры — это попытаться объяснить его *со стороны*. Подробный историческій очеркъ повелъ бы „къ длинному перечню различныхъ воззрѣній на русскую народность и ея отношенія къ Западу, которыя эпизодически возникали въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка“, обязалъ бы „разъяснить отношеніе славянофиловъ къ общеевропейскому пробужденію народностей, извѣстному подъ именемъ романтизма, и къ философіи, тѣсно связанной съ этимъ романтизмомъ. Еслибы мы хотѣли произнести окончательный судъ надъ славянофилами, мы должны были бы сверхъ всей работы, о которой мы говорили, критически провѣрить каждое изъ главныхъ положеній разбираемыхъ нами писателей и подтвердить или опровергнуть его. Все это мы считаемъ преждевременнымъ: мы хотѣли понять ученіе славянофиловъ изъ сочиненій писателей этой школы, уловить тѣ начала, которыя общи всѣмъ имъ, и тѣ особенности, которыя принадлежатъ каждому въ отдѣльности. Это собственно черновая, приготовительная работа, которою впослѣдствіи воспользуется будущій историкъ общества“ [1]). Статья Бестужева для своего времени была замѣчательна, какъ одна изъ первыхъ, если только не самая первая по времени безпристрастная оцѣнка славянофильской школы, какъ чуждый предвзятости, спокойный анализъ положительныхъ и слабыхъ сторонъ ея воззрѣній. Авторъ несомнѣнно во многомъ сочувствуетъ славянофиламъ, но не закрываетъ глаза и на ихъ недостатки. Въ одной изъ послѣдующихъ главъ будетъ указано, сколь многимъ въ развитіи своихъ общественныхъ и политическихъ идеаловъ обязанъ былъ Бестужевъ въ эти годы А. Ѳ. Гильфердингу; вліяніе послѣдняго несомнѣнно сказалось и на этой статьѣ.

Какъ бы ни оцѣнивать дѣятельность Бестужева-Рюмина въ „Отечественныхъ Запискахъ“, но прекрасная подготовка,

---

1) *Отеч. Записки* 1862, № 3, стр. 26—27.

разносторонность образованія ставили его литературныя работы выше обычнаго журнальнаго уровня; правда, это не были статьи *ученыя* въ собственномъ смыслѣ этого слова, но все же будущій *ученый* сформировался и вышелъ именно изъ этихъ статей.

А въ то же время, по мѣрѣ возможности, Бестужевъ-Рюминъ берется и за чисто ученыя работы. Въ 1863 г. онъ побывалъ въ Москвѣ, въ Архивѣ Министерства Юстиціи, гдѣ составилъ для себя большой списокъ грамотъ за время царя Михаила Ѳеодоровича[1]), извлекъ нѣсколько документовъ[2]) и одинъ изъ нихъ тогда же напечаталъ въ только-что основанномъ сборникѣ „Русскій Архивъ“[3]). Въ результатѣ подобныя занятія мало по малу ввели его въ ученый кругъ Петербургской жизни. Въ 1864 г. онъ вступаетъ въ члены Археографической комиссіи и тогда же (17 мая) — въ члены Русскаго Археологическаго общества. Съ того-же 1864 года лекціями великому князю Александру Александровичу, будущему императору Александру III, начались для Бестужева занятія съ членами Императорской фамиліи. Въ теченіе послѣдующихъ 18 лѣтъ онъ преподавалъ русскую исторію великимъ князьямъ Владиміру, Алексѣю, Сергію и Павлу Александровичамъ, Константину и Димитрію Константиновичамъ, Петру Николаевичу, великимъ княжнамъ Маріи Александровнѣ, Вѣрѣ Константиновнѣ и герцогинѣ Лейхтенбергской Евгеніи Максимиліановнѣ.

Здѣсь же умѣстно будетъ упомянуть и о разсказахъ по русской исторіи, написанныхъ Бестужевымъ-Рюминымъ примѣнительно къ пониманію малоподготовленнаго читателя. Въ разныхъ рецензіяхъ, по поводу вновь выходящихъ историческихъ книжекъ для дѣтскаго и простонароднаго чтенія, Бестужеву-Рюмину приходилось не разъ высказывать свой взглядъ на цѣли, какія должны преслѣдовать книги подобнаго рода. Онъ возмущался поддѣлкою подъ народный языкъ, слащавостью тона, искусственностью выраженій, съ своей стороны находя, что задача историка-популяризатора — въ объек-

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Письма о Смутномъ времени, стр. 23.

2) Ibidem, 31, 64, 66.

3) Дѣло объ измѣнѣ ротмистра Хмѣлевскаго, 1614 г. *Русскій Архивъ* 1863 года.

тивной передачѣ того, что есть наиболѣе рельефнаго въ источникахъ, безъ какихъ либо толкованій отъ себя, но зато съ внесеніемъ матеріала, заимствованнаго изъ устныхъ и письменныхъ памятниковъ литературы, что̀ должно было, по его мнѣнію, особенно содѣйствовать рельефности разсказа [1]). „Начальный курсъ исторіи" — утверждалъ Бестужевъ-Рюминъ — „долженъ различаться отъ послѣдующаго не объемомъ, а самымъ свойствомъ разсказа: дѣти имѣютъ какое-то инстинктивное отвращеніе отъ сухаго изложенія, а краткое изложеніе непремѣнно должно быть сухимъ. . . Вообще мы противъ всѣхъ мнемоническихъ упражненій: заучиванья вокабулъ, таблицъ Язвинскаго и т. п., такія средства только забиваютъ память, а не развиваютъ ее. Гораздо лучше въ низшихъ классахъ читать историческіе разсказы, передавать біографіи великихъ людей. Что подобное чтеніе можетъ быть интересно для дѣтей — лучше всего доказывается тѣмъ интересомъ, съ которымъ столько поколѣній читали плутарховы „Жизнеописанія" [2]).

Примѣнительно этому взгляду составлены Бестужевымъ и его 4 книжечки по русской исторіи, представляющія изъ себя, подъ различными заголовками, послѣдовательное изложеніе событій съ возникновенія государственной жизни до смерти царя Ивана Грознаго включительно. Впослѣдствіи самъ авторъ такъ выразился о своемъ трудѣ: „Что касается до моей книги, то главное достоинство ея въ томъ, что она не моя: я выбралъ мѣста изъ источниковъ (лѣтописей, житій), перевелъ ихъ языкомъ близкимъ къ подлиннику, слѣдовательно, по возможности простодушнымъ, выкинулъ все лишнее; но сочинительства тутъ никакого не было. Мои только первыя страницы книги" [3]).

Опредѣленіе весьма точное. Я не назвалъ бы подобный пріемъ вполнѣ удачнымъ: конечно, въ немъ есть и свои выгодныя стороны, но прелесть лѣтописнаго разсказа доступна

---

1) Срав. отзывъ Бестужева-Рюмина о соч.: „Деревенскіе вечера или Исторія Россіи въ разговорахъ для простолюдиновъ. Спб. 1862". *Отеч. Записки* 1862, № 8, стр. 252. *Его-же*, отзывъ о соч.: „Разсказы изъ русской исторіи, И. Бѣляева. М. 1862", ibidem, стр. 256.

2) *К. Б.-Р.*, „Курсъ исторіи, Шульгина" и др. *Отеч. Записки* 1860, № 2, стр. 84.

3) Письмо 29 ноября 1883 г.

пониманію лишь взрослаго и образованнаго ума: мы любуемся въ немъ не фабулою, а тѣмъ, какъ она отразилась въ сознаніи народномъ или лѣтописца; дѣтскій же или простонародный умъ требуетъ прежде всего именно фабулы, между тѣмъ ее предлагаютъ ему не непосредственно, а въ извѣстной уже переработкѣ и, слѣдовательно, съ нѣкоторымъ искаженіемъ. Вотъ почему подобные пересказы, и по формѣ, и по духу — за исключеніемъ развѣ только очень яркихъ картинъ — мало говорятъ уму и сердцу такого читателя.

Впрочемъ книжки Бестужева-Рюмина выдержали нѣсколько изданій; очевидно, онѣ удовлетворяли потребности времени.

VI.

Университетская каѳедра.

Какъ ни почтенна вся только-что описанная дѣятельность, но она была лишь преддверіемъ къ другому, болѣе высокому проприцу — къ университетской профессурѣ, къ спеціальнымъ занятіямъ по русской исторіи. Бестужева давно уже тянуло въ эту сторону. Мы видѣли, что еще въ 1855 г. пытался онъ держать въ Московскомъ университетѣ экзаменъ на кандидата по историко-филологическому факультету, такъ какъ для него, окончившаго курсъ юристомъ, это былъ необходимый предварительный шагъ къ экзамену магистерскому; теперь, черезъ 8 лѣтъ, обстоятельства сложились болѣе благопріятно. Упорною, энергичной работою Бестужевъ-Рюминъ завоевалъ себѣ въ русской наукѣ если еще не имя, то по крайней мѣрѣ право на вниманіе. Съ уходомъ въ 1862 г. Н. И. Костомарова изъ Петербургскаго университета, каѳедра русской исторіи оставалась вакантною, и историко-филологическій факультетъ, ища преемника уже въ то время извѣстному и популярному историку, остановился на Бестужевѣ-Рюминѣ. Вліятельный въ факультетѣ голосъ И. И. Срезневскаго поддержалъ эту кандидатуру. Въ концѣ 1863 г. К. Н. выдержалъ магистерскій экзаменъ по русской исторіи, обойдя съ особаго разрѣшенія кандидатскій[1]), и дорога на каѳедру стала ему открытою. 2-го сентября 1865 г. онъ прочелъ вступительную лекцію и положилъ ею начало 17-лѣтней плодотворной дѣятельности въ стѣнахъ Петербургскаго университета. Кромѣ того въ теченіе четырехъ лѣтъ (1867—1871)

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Автобіографическая записка въ Словарѣ Венгерова III, 189.

читалъ Бестужевъ лекціи и въ Историко-филологическомъ институтѣ [1]), пока не передалъ ихъ Е. Е. Замысловскому [2]).

Однако, не обладая ученой степенью, Бестужевъ-Рюминъ вступалъ на университетскую каѳедру лишь въ званіи исправляющаго должность доцента. Тѣмъ съ бо̀льшею энергіею принялся онъ за выполненіе тѣхъ формальныхъ условій, которыми обусловливалось полученіе профессуры. Въ 1868 г. онъ приготовилъ диссертацію „О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка".

Основной тезисъ книги слѣдующій: наши древнія лѣтописи суть сборники, своды — мысль, высказанная впервые еще Строевымъ, въ 1820 г., но робко, безъ достаточныхъ доказательствъ. Нѣкоторыя новыя соображенія въ подтвержденіе гипотезы внесъ Срезневскій, тѣмъ не менѣе гипотеза оставалась шаткою, уже по одному тому что самый объемъ ея не былъ еще достаточно опредѣленъ и выясненъ. Однимъ словомъ, гипотезѣ не доставало ясной формулировки, безъ чего она не могла быть введена въ оборотъ научной практики, хотя бы въ видѣ даже спорнаго положенія. Заслуга окончательнаго выясненія вопроса принадлежитъ Бестужеву-Рюмину. Онъ доказалъ, что Повѣсть временныхъ лѣтъ есть лѣтописный сводъ, составленный въ началѣ XII столѣтія; что сводами были также и лѣтописи южно-русскія: Кіевская (= „южно-русскій сводъ") и Галицко-Волынская. Далѣе онъ доказалъ, что составъ лѣтописныхъ сводовъ двоякій: отдѣльныя сказанія и погодныя записи. Тщательно отдѣляя въ своемъ анализѣ одинъ разрядъ лѣтописныхъ источниковъ отъ другого, онъ тѣмъ самымъ точнѣе опредѣлилъ кругъ и объемъ лѣтописанія въ данный періодъ времени, т. е. совершилъ работу, составлявшую насущную потребность времени, но крайне трудную и требовавшую большого критическаго таланта. Наконецъ, въ своей книгѣ Бестужеву удалось опредѣлить и даже въ значительной степени выдѣлить тѣ письменные источники, что̀ легли въ основу разсмотрѣнныхъ имъ сводовъ.

---

1) Сперва въ званіи экстраординарнаго, а съ 1869 г. — ординарнаго профессора.

2) *Бестужевъ-Рюминъ,* Автобіографическая записка въ Словарѣ Венгерова III, 189.

2840

Замѣчательная тщательность въ обработкѣ предмета, большая осторожность въ приговорахъ, чувство мѣры въ опредѣленіяхъ, тонкій анализъ, обусловленный даромъ критическимъ — сдѣлали выводы автора настолько вѣскими и солидными, что сразу пріобрѣли вниманіе ученаго міра. Трудъ, написанный какъ диссертація на степень магистра, былъ признанъ настолько цѣннымъ вкладомъ въ научную литературу, что Петербургскій университетъ удостоилъ автора прямо степени доктора русской исторіи, на основаніи лестнаго отзыва декана историко-филологическаго факультета И. И. Срезневскаго [1]). За докторскимъ дипломомъ не замедлила и экстра-

---

1) Вотъ что писалъ тогда Срезневскій въ своей запискѣ, представленной въ совѣтъ университета: „Это — тщательное, подробное и разностороннее разсмотрѣніе вопроса, изъ какихъ именно лѣтописныхъ записокъ и сказаній составлены были тѣ русскія лѣтописи, которыя дошли до насъ, гдѣ были ведены эти записки и чѣмъ однѣ отъ другихъ отличаются. Въ этомъ критическомъ трудѣ, гдѣ каждая строка стоила работы, иная тяжелой и долгой работы, не знаешь, чему болѣе радоваться, безпристрастію ли къ заслугамъ другихъ, а изъ нихъ не забыта ни одна, ни самая малѣйшая, множеству ли новыхъ изысканій и выводовъ и стройности соображеній, или тому разнообразію критическихъ пріемовъ, которые изслѣдователь употреблялъ для того, чтобы раздѣлить нынѣ существующія древнія лѣтописи на ихъ первоначальныя составныя части и пріурочить каждую своему времени и мѣсту. Этотъ трудъ г. Бестужева-Рюмина есть не только превосходное рѣшеніе задачи о мѣстномъ разнообразіи первоначальныхъ, нынѣ утраченныхъ русскихъ лѣтописей, необходимое для правильной постановки хода событій въ отношеніи къ взглядамъ на нихъ современниковъ, но и образецъ для будущихъ изслѣдователей, — образецъ, какого не было ни въ нашей литературѣ, ни, сколько мнѣ извѣстно, въ литературѣ западно-европейской. . . Никогда не позволяетъ онъ себѣ увлекаться никакою новизною вывода, ни подъискивать доказательствъ для подтвержденія впередъ задуманной мысли, ни ограничиваться произвольно въ маломъ кругѣ показаній и соображеній, если строгая требовательность исторической логики этого не допускаетъ; никогда не искалъ онъ проводить своихъ убѣжденій, имѣя всегда въ виду не личную силу свою, а силу научной правды. О самостоятельной учености этого писателя-критика я уже не говорю: она сама собою разумѣется. Дѣятелей по русской исторіи мы имѣемъ не мало: такихъ дѣятелей, какъ г. Бестужевъ-Рюминъ, по внутреннему достоинству его научнаго направленія, мало и у насъ, и вездѣ". Баллотировка въ совѣтѣ дала 25 голосовъ положительныхъ противъ 2 отрицательныхъ (*Журн. М. Нар. Пр.* 1868, № 7, отдѣлъ: Университеты, стр. 40—41).

ординатура (въ томъ же 1868 г., въ декабрѣ)[1]), а нѣсколько мѣсяцевъ спустя Бестужевъ былъ избранъ и въ ординарные[2]).

Но авторъ „Состава русскихъ лѣтописей" съ гордостью могъ указать, что книга дала ему большее, чѣмъ ученую степень и чѣмъ званіе профессора: ея выводы всецѣло вошли въ круговоротъ ученой мысли, и вотъ уже въ теченіе 30 лѣтъ, какъ составляютъ достояніе русской исторической науки. Широко поставивъ и правильно разрѣшивъ вопросъ, Бестужевъ-Рюминъ тѣмъ самымъ на долго исчерпалъ его содержаніе. Работы, посвященныя лѣтописямъ послѣ 1868 г., касались болѣе или менѣе частныхъ сторонъ или же выходили за рамки изслѣдованія Бестужева. Лишь въ 1889 г. Е. Е. Замысловскій затронулъ было нѣкоторыя изъ положеній Бестужева и счелъ возможнымъ рѣшить ихъ нѣсколько иначе. Новые крупные выводы касательно лѣтописи русская историческая наука пріобрѣла лишь очень недавно, такъ сказать, на-дняхъ, въ работахъ акад. Шахматова, но онѣ явились уже по смерти К. Н.[3]).

Въ 1865 г., когда Бестужевъ поступалъ въ Петербургскій университетъ, каѳедра русской исторіи была явленіемъ сравнительно еще новымъ вообще во всѣхъ русскихъ университетахъ. Хотя уже уставъ 1804 г. учреждалъ каѳедру „исторіи, статистики и географіи Россійскаго государства"[4]); но, какъ видимъ, исторія не была предметомъ самостоятельнымъ, а входила въ составъ нѣкоего сложнаго

1) *Григорьевъ*, С.-Петерб. университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія, 372.

2) 11 апрѣля 1869 г. См. Протоколы засѣданій совѣта Спб. универ. Спб. 1870 (№ 1), стр. 13. Срав. Автобіографическую записку К. Н. въ Словарѣ Венгерова, т. III, стр. 189.

3) Позже Бестужевъ-Рюминъ неоднократно возвращался къ занятіямъ лѣтописями. Таковъ, напримѣръ, его разборъ французскаго перевода Несторовой лѣтописи, сдѣланный г. Леже: „Chronique dite de Nestor, traudite par L. Leger. Paris 1884" (*Ж. М. Н. Пр.* 1884, № 10, 367—380), — обстоятельный и поучительный перечень неточностей, промаховъ и ошибокъ, сдѣланный рукою мастера и знатока своего дѣла. Въ Энциклопед. Словарѣ *Березина* помѣщена небольшая статья Бестужева вообще о русскихъ лѣтописяхъ (отд. III, т. I, стр. 547—549), и наконецъ, въ недавнее время другая, болѣе обширная статья на ту же тему въ Энциклопед. Словарѣ *Брокгауза* и *Эфрона*, т. XVIII, стр. 192—197).

4) *Иконниковъ*, Русскіе университеты. *Вѣстникъ Европы* 1876, № 10, стр. 531.

цѣлаго, механически составленнаго изъ нѣсколькихъ, и притомъ далеко не однородныхъ между собою, частей. Кромѣ того, подобно тому какъ это было съ другими предметами, долгое время самостоятельная разработка русской исторіи на университетскихъ каѳедрахъ отсутствовала совершенно; профессоръ излагалъ ее не на основаніи собственныхъ свѣдѣній, не по тому, какъ онъ самъ ее представлялъ себѣ, а „*по*“ свѣдѣніямъ и мнѣніямъ другихъ. И хорошо, если еще эти „другіе“ были Карамзинъ или Эверсъ [1]), а то нерѣдко бывали случаи, что руководствомъ служилъ какой-нибудь ничего не стоющій учебникъ [2]). Отдѣльные курсы русской исторіи въ Московскомъ университетѣ стали читаться, кажется, не раньше 180⁸/₉ года (Каченовскимъ) [3]), да и то далеко не изъ года въ годъ [4]). Систематическое преподаваніе началось не раньше 1835 г., съ введеніемъ новаго устава и съ выдѣленіемъ каждаго предмета въ самостоятельную науку, не смѣшиваемую въ преподаваніи съ другими.

При такихъ условіяхъ, разумѣется, трудно было говорить о выработкѣ какой-либо школы, направленія, научныхъ традицій. При всемъ томъ университетъ Московскій стоялъ много въ лучшемъ положеніи. Крупный талантъ Каченовскаго и Погодина помогъ этимъ послѣднимъ, даже и слѣдуя „по“ тому или иному указанному пути, выбраться на самостоятельную дорогу и выработать собственные пріемы и направленіе, придать оригинальность и самостоятельную физіономію своему университетскому преподаванію. Этимъ они расчистили дорогу и подготовили почву своему великому преемнику на каѳедрѣ русской исторіи — С. М. Соловьеву. Послѣдній, начавъ профессорскую дѣятельность въ 1845 г., успѣлъ къ 1865 г. не только выработать извѣстное опредѣленное міровоззрѣніе, но и создать цѣлую школу, группу послѣдователей и учениковъ.

Иначе обстояло дѣло въ болѣе молодомъ университетѣ Петербургскомъ. Какого-нибудь *направленія* здѣсь не было

---

1) Такъ въ Московскомъ университетѣ Каченовскій читалъ въ 182⁶/₇ г. „по учебной книгѣ Эверса“; Погодинъ въ 1831—1833 г.г. „по Карамзину“ (*Шевыревъ*, Исторія Московскаго университета, 552, 545).

2) *Иконниковъ*, Русскіе университеты. *Вѣстникъ Европы* 1876 г., № 11, стр. 84.

3) *Шевыревъ*, Исторія Московскаго университета, 396.

4) Сравн. Ibidem, 448—449.

и слѣда. Первые годы существованія Петербургскаго университета совпали съ тяжелой порою господства Магницкаго и Рунича. Русскую исторію въ 20-хъ г.г. тамъ читалъ нѣкій Роговъ сперва „по учебнику, изданному отъ главнаго правленія училищъ", потомъ, съ 1827 г., по учебнику Константинова, а съ 1830 г. по учебнику Кайданова. Хотя профессоръ и дополнялъ свои лекціи „изъ Карамзина и другихъ источниковъ" [1]), но позволительно сомнѣваться, чтобы эти добавленія въ его передачѣ сколько-нибудь существенно способствовали оживленію преподаванія: одновременно съ русской исторіей Роговъ читалъ „по Коху" всеобщую исторію новыхъ временъ; не зная нѣмецкаго языка, онъ ухитрялся дополнять Кайданова и Коха аббатомъ Миллотомъ и Гиббономъ [2]). Все это лишаетъ возможности предполагать какую-либо самостоятельность въ его лекціяхъ.

Роговъ умеръ въ холеру 1831 г., и его замѣнилъ Н. Г. Устряловъ, читавшій сперва кромѣ русской исторіи исторію древнюю и средневѣковую и только съ 1834 г. исключительно сосредоточившійся на исторіи отечественной [3]). Устряловъ, разумѣется, стоялъ неизмѣримо выше своего предшественника уже по одному тому, что первый началъ собою въ Петербургскомъ университетѣ рядъ историковъ-спеціалистовъ, и при томъ научно обработывавшихъ свой предметъ. Устряловъ вноситъ извѣстную систему въ представленіе русскаго прошлаго, даетъ новое освѣщеніе удѣльному періоду, указываетъ на исторію Литвы, какъ на неотъемлемую часть русской исторіи; но прагматизмъ Устрялова слишкомъ внѣшній, его система органически не вытекаетъ изъ общаго взгляда на исторію, — болѣе того: у него нѣтъ никакого органическаго взгляда на исторію. Проповѣдникъ оффиціально заявленной въ ту пору доктрины: „самодержавіе, православіе и народность", Устряловъ и не могъ внести *научнаго* пониманія въ оцѣнку явленій прошлаго времени. Вотъ почему, не смотря на рядъ очень почтенныхъ трудовъ, сколько-нибудь замѣтнаго слѣда въ отечественной исторіографіи Устряловъ не оставилъ, и 25-лѣтняя дѣятельность его на каѳедрѣ

---

1) *Григорьевъ*, С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія, 51, 57.

2) Ibidem, 57, 72.

3) Ibidem, 91.

русской исторіи (1834—1859), можно сказать, осталась пустымъ мѣстомъ въ развитіи нашей научной мысли.

Устрялова смѣнилъ Н. И. Костомаровъ [1]) и, конечно, слѣдъ въ смыслѣ *школы*, направленія, могъ бы оставить въ Петербургскомъ университетѣ глубокій, но его появленіе тамъ было слишкомъ для этого мимолетнымъ: онъ числился профессоромъ всего три года (1859—1862), да и въ этотъ краткій періодъ читалъ немного, съ перерывами, всего три полугодія (семестра), и въ маѣ 1862 г. вышелъ въ отставку [2]). Затѣмъ каѳедра пустовала три года, пока весною 1865 г. не былъ избранъ на нее исправляющимъ должность доцента [3]) К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Такимъ образомъ послѣдній, вступая на каѳедру, нашелъ ее, дѣйствительно, свободною: не только вакантною, но и свободною отъ какихъ либо традицій; ему не пришлось поэтому считаться въ той или иной формѣ съ прежними воззрѣніями; онъ не долженъ былъ ни принимать, ни отвергать ихъ. Ничѣмъ не связанный съ прошлымъ, работая, такъ сказать, на „пустомъ мѣстѣ", онъ тѣмъ свободнѣе поэтому могъ слѣдовать своему взгляду и пропагандировать его среди своихъ слушателей.

Какія же положенія онъ выставитъ? Какъ теоретически обоснуетъ свою предстоящую дѣятельность профессора?

Въ историческихъ статьяхъ Бестужева второй половины пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ всего болѣе подходящаго матеріала для оцѣнки собственныхъ его взглядовъ на исторію и на задачи историка. Мы воспользуемся ими, не игнорируя, конечно, и позднѣйшихъ работъ. А такъ какъ въ изученіи любого вопроса К. Н. и теперь, и позже обыкновенно подходилъ къ нему *исторически*, т. е. предварительно изслѣдуя условія и обстановку его историческаго роста, то съ очерка русской исторіографіи, *какою послѣдняя представлялась Бестужеву*, начну и я.

---

1) Это указаніе оффиціальнаго историка С.-Петербургскаго университета не совсѣмъ согласуется съ слѣдующими словами Бестужева: „Онъ (Устряловъ) былъ забаллотированъ въ 1858 г. Послѣ него до утвержденія Костомарова читалъ Касторскій" (*Бестужевъ-Рюминъ*, Исторія русской этнографіи А. Н. Пыпина. Рецензія. Спб. 1892, стр. 22—23).

2) *Григорьевъ*, С.-Петерб. университетъ, 225, 227, 317.

3) *Григорьевъ*, 328, 371.

VII

Русская исторіографія въ оцѣнкѣ Бестужева-Рюмина.

Писать русскую исторію въ XVIII столѣтіи было еще рано. Это понялъ Татищевъ; это же поняли Миллеръ и Шлецеръ, — всѣ трое неутомимые работники на поприщѣ собиранія и изслѣдованія матеріала, на поприщѣ единственно въ ту пору плодотворномъ. Съ другой стороны, потребность въ исторіи уже чувствовалась; но вызванныя ею попытки, въ силу вышеизложеннаго, заранѣе были обречены на неудачу. Наиболѣе замѣчательнымъ изъ такихъ неудачныхъ опытовъ былъ трудъ *кн. М. М. Щербатова* [1]).

На „Исторіи" Щербатова всецѣло отразились взгляды и убѣжденія его времени. Всеобщимъ вѣрованіемъ той эпохи была мысль о возможности учрежденія, полезныя гдѣ-бы то ни было, даже въ древности, легко пересаживать, съ тѣми же результатами, на всякую иную почву. Исторія при такомъ взглядѣ становилась не столько наукой, сколько сборникомъ поучительныхъ примѣровъ, назначенныхъ для воспитанія въ обществѣ отвлеченнаго нравственнаго чувства, для поученія людей государственныхъ, для уроковъ въ частной жизни. Такимъ образомъ, связь между явленіями терялась; различіе въ характерахъ разныхъ эпохъ пропадало; при оцѣнкѣ явленій принимались условія современныя не событію, а историку; внѣшній фактъ, случай считался достаточнымъ объясненіемъ, а „непониманіе общаго хода событій открывало обширное поле произвольнымъ догадкамъ и предположеніямъ". Вотъ почему для Щербатова исторія пред-

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, Современное состояніе русской исторіи какъ науки. *Москов. Обозрѣніе* 1859, кн. I, стр 11.

ставлялась простою цѣпью причинъ и слѣдствій, т. е. внѣшне-прагматически; причина событія отыскивалась всегда въ событіи, ближайшемъ по времени, безъ яснаго представленія условій эпохи. Если субъективная оцѣнка, моральный критерій и „способствовали развитію нравственнаго чувства въ читателѣ, то ни на волосъ не увеличивали въ немъ историческихъ свѣдѣній и не пробуждали историческаго такта", который въ XVIII столѣтіи вообще признавался излишнимъ [1]).

„Историческіе пріемы *Карамзина* немногимъ отличаются отъ пріемовъ Щербатова: оба историка смотрятъ на событія съ точки зрѣнія своего времени, оба пересыпаютъ разсказы нравственными сентенціями" [2]), оба „представляли себѣ ростъ русскаго народа самымъ неестественнымъ образомъ: вначалѣ они видѣли могущественное государство, обладавшее значительною степенью просвѣщенія, съ населеніемъ, ведущимъ обширную торговлю, съ богатыми городами и т. д. Потомъ, по прихоти великихъ князей, государство это распалось на части; пришли степные варвары, овладѣли имъ, отодвинули его отъ Европы, уничтожили всякій слѣдъ просвѣщенія, внесли степные обычаи. Спасителями отъ ига являются князья московскіе, которые, накопивъ денегъ хитростію, силою и т. п., соединяютъ въ своихъ рукахъ русскую землю. Тогда Россія снова является государствомъ могущественнымъ: заводитъ дипломатическія сношенія съ Европою, воюетъ съ Польшею и Швеціею; снова случайность: пресѣченіе династіи поднимаетъ новыя смуты. Наконецъ, все успокоивается, и является Петръ: какъ Ярославъ раздѣлилъ Россію, такъ теперь Петръ далъ ей европейскую форму — и Россія шла туда, куда ее вели. Собственной инициативѣ общества не оставалось ничего дѣлать: общество въ глазахъ историковъ прежняго времени — масса, лишенная самодѣятельности, матеріалъ, изъ котораго каждый герой или полубогъ можетъ вылѣпливать все, что ему угодно" [3]).

Тѣмъ не менѣе, при всемъ сходствѣ Карамзина съ Щербатовымъ въ непониманіи тѣмъ и другимъ общаго хода событій и въ объясненіи ихъ чисто внѣшними факторами, исто-

---

1) Ibidem, 1--3, 11—18, 31.

2) Ibidem, 19.

3) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Сочиненія К. Кавелина". Статья I. *Отеч. Записки* 1860, № 4, стр. 83.

рикъ XIX вѣка имѣетъ одно большое преимущество передъ своимъ предшественникомъ: „онъ болѣе созналъ и осмыслилъ событія русской исторіи“ [1]). Не говоря про художественность, трудъ Карамзина обладаетъ цѣлостностью, единствомъ. „Исторія *государства* — вотъ главный предметъ этого труда. Государственное единство, по Карамзину, ключъ ко всей русской исторіи“; собираніе русской земли — жизненный нервъ всего нашего прошлаго. Ярко выставить эту сторону было большою заслугою передъ наукой [2]).

Поколѣніе, слѣдовавшее за Карамзинымъ, выросло уже въ новыхъ понятіяхъ. Надъ ихъ умами царилъ „великій критикъ, разрушившій древнюю римскую исторію, поразившій смѣлостью своихъ выводовъ“ одинаково и западно-европейскихъ, и русскихъ ученыхъ [3]): Нибуръ поднялъ вопросъ о достовѣрности источниковъ, о томъ, какимъ образомъ событія историческія находятъ свое отраженіе въ сознаніи народномъ, и что можетъ извлечь для себя историкъ изъ народнаго представленія. Попытка Нибура отыскать въ образахъ народной фантазіи зерно исторической правды, создать дѣйствительную исторію изъ миѳовъ, возстановить древнія времена, хотя и безъ лицъ, но съ дѣйствительными обычаями, въ живой реальной одеждѣ своего времени, — попытка эта открывала изслѣдователямъ XIX в. цѣлый новый міръ, вскрывая глубокій смыслъ тамъ, гдѣ до сихъ поръ ничего не видѣли, кромѣ однихъ простыхъ фактовъ [4]).

Параллельно Нибуру, во французской литературѣ возникаетъ другое теченіе — историческая школа, выдвинувшая блестящія имена Тьерри и Гизо. Одинъ (Тьерри) художественнымъ возсозданіемъ старины, облекая былое въ блестящую одежду, старается уразумѣть смыслъ всей исторіи французскаго народа, сводя ее на борьбу туземнаго и пришлаго элементовъ, галловъ и франковъ, и въ торжествѣ низшаго населенія видя торжество кореннаго. Другой (Гизо) видитъ историческое движеніе въ смѣнѣ идей, въ процессѣ умствен-

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, Совр. сост. рус. исторіи. *Москов. Обозрѣніе* 1859, кн. I, стр. 18—20.

2) *Бестужевъ-Рюминъ*, Біографіи и Характеристики, 223—224.

3) *Бестужевъ-Рюминъ*, Совр. сост. рус. исторіи, стр. 30.

4) *Бестужевъ-Рюминъ*, Литогр. лекціи по исторіографіи, курсъ 1881—1882 г., стр. 87—88.

наго развитія — съ одной стороны, и въ послѣдовательной смѣнѣ общественныхъ учрежденій — съ другой. Гизо первый понялъ, что прогрессъ не во внѣшней смѣнѣ явленій, что исторія даннаго общества есть выраженіе его внутренняго развитія. Важное значеніе французскихъ историковъ, при всѣхъ частныхъ отличіяхъ ихъ другъ отъ друга, — въ признаніи за каждою эпохою отличительныхъ, ей только свойственныхъ чертъ и особенностей [1]). Благодаря новому принципу, случайность историческихъ явленій, внѣшняя связь событій потеряли всякое значеніе, смѣнившись представленіемъ о разумномъ ходѣ исторіи и о необходимости опредѣлять значеніе каждой эпохи, одинаково какъ ради нея самой, такъ и для правильнаго пониманія всей совокупности историческихъ явленій. Кромѣ того на первый планъ выдвинута была исторія учрежденій и нравовъ, взамѣнъ преобладавшей дотолѣ исторіи военной, придворной и дипломатической. Признаніе же за каждой эпохою своихъ особенностей неизбѣжно отнимало какую-либо возможность смотрѣть на исторію, какъ на науку опыта, какъ на собраніе поучительныхъ примѣровъ [2]).

Это новое движеніе отразилось у насъ появленіемъ скептической школы, съ *Каченовскимъ* во главѣ, и „Исторіи русскаго народа“ *Полевого* [3]). „Какъ ни враждебно смотрѣли другъ на друга Каченовскій и Полевой, какъ ни расходятся они, повидимому, въ своихъ пріемахъ и цѣляхъ, въ сущности между ними существуетъ тѣсное сродство. Намъ мало дѣла теперь до того, что одинъ велъ Русь съ Чернаго, а другой — съ Балтійскаго моря, что одинъ отвергалъ Нестора и „Правду“, а другой признавалъ ихъ. Дѣло въ томъ, что оба хотѣли понять органическое развитіе Руси; оба не вѣрили въ тождество человѣка и народа IX и XIX вѣковъ; оба понимали, что не только внѣшность, форма различаютъ людей разныхъ поколѣній. Этимъ-то воззрѣніемъ сильны они оба; за это-то давно пора отдать полную честь и тому, и другому“ [4]).

---

1) Ibidem, 88—90.

2) *Бестужевъ-Рюминъ*, Совр. сост. рус. исторіи, стр. 30—31.

3) Ibidem, 31.

4) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Сочиненія Кавелина“. Статья I. *Отеч. Записки* 1860, № 4, стр. 77.

Полевой первый изъ русскихъ историковъ старался отмѣтить въ каждой эпохѣ присущій ей колоритъ [1]), первый пытался установить общій взглядъ на русскую исторію [2]). Для Полевого, въ противоположность Щербатову и Карамзину, исторія представлялась „изученіемъ настоящаго въ связи съ прошлымъ, въ его корняхъ, въ его основахъ", а отнюдь не простою хронологическою смѣною фактовъ. Нельзя однако не видѣть, что уже въ самой широтѣ намѣченной задачи таилась, особенно для того времени, причина неуспѣшнаго ея выполненія. Дѣло въ томъ, что въ ту пору матеріалы далеко еще не были собраны и провѣрены критически; преобладало изученіе однихъ внѣшнихъ фактовъ. Приступать къ исторіи внутренней было еще рано: не была изучена, какъ слѣдуетъ, даже исторія внѣшняя [3]).

Съ другой стороны трудность лежала и въ самомъ Полевомъ. При томъ взглядѣ, который онъ высказалъ, „историкъ долженъ быть человѣкомъ, глубоко образованнымъ, вполнѣ знакомымъ со всѣми вопросами наукъ политическихъ, съ исторіею и бытомъ другихъ народовъ и т. д.; ясное пониманіе условій той или другой эпохи возможно только при сравнительномъ изученіи разныхъ эпохъ, иначе характеристическія черты, которыя надо уловить, останутся незамѣченными, и историкъ будетъ стоять лицомъ къ лицу съ фактомъ, значеніе котораго не понимаетъ. Не даромъ Гротъ, чтобы уяснить себѣ аѳинскую демократію, обращался за аналогіями къ исторіи европейскихъ народовъ, не даромъ Нибуръ такъ любитъ этотъ методъ, не даромъ Гизо для болѣе яснаго пониманія исторіи Франціи представилъ параллельное изображеніе начала англійской исторіи" [4]). Полевому же именно и не доставало полнаго пониманія одинаково и западно-европейской, и древне-русской жизни. Труды Гизо и Тьерри въ сущности были ему болѣе знакомы, чѣмъ русскіе источники. Задавшись мыслью отыскать въ русской жизни то, что имѣлось на Западѣ, онъ началъ удѣльный пе-

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, Русская Исторія. Литографированныя лекціи 186³/₄ г., стр. 154.

2) *Бестужевъ-Рюминъ*, Совр. сост. рус. исторіи, какъ науки, стр. 38. Ср. *Его-же* „Сочиненія К. Кавелина". Статья первая, стр. 79.

3) *Бестужевъ-Рюминъ*, Литогр. лекціи 186³/₄ г., стр. 153.

4) *Бестужевъ-Рюминъ*, Совр. сост. рус. исторіи, стр. 34—35.

ріодъ сравнивать съ феодализмомъ, наши общины сближать съ коммунами. Между тѣмъ ничего подобнаго у насъ не было. Удѣльная система — строй отношеній совсѣмъ иного типа, иного характера, чѣмъ феодализмъ; древняя русская городская община есть прежде всего община всесословная; на западѣ же городъ былъ общиной мѣщанской, возникшей въ противовѣсъ и на защиту отъ дворянства: съ цѣлью самозащиты въ западно-европейскомъ городѣ образовались цехи и корпораціи; у насъ же корпорацій никогда не было [1]). Ошибка въ исходныхъ точкахъ привела къ тому, что народныя особенности русской исторіи пропали въ трудѣ Полевого; ихъ нечего искать у него, какъ впрочемъ не слѣдуетъ искать и въ великомъ трудѣ Карамзина: „тамъ, гдѣ одинъ искалъ аналогій въ духѣ XVIII стол., тамъ другой искалъ ихъ въ духѣ исторической школы начала XIX в.“ [2]).

Наконецъ, не менѣе важною причиною неуспѣха „Исторіи русскаго народа“ слѣдуетъ считать идею *фатализма*, легшую, хотя и безсознательно, въ основу общихъ представленій Полевого. Хорошо понимая результатъ извѣстнаго явленія, извѣстныхъ условій, Полевой смѣшивалъ результатъ съ конечною цѣлью, не понимая того, что событіе есть результатъ извѣстныхъ обстоятельствъ и въ то же время само условіе для созданія новыхъ [3]). Такъ, напримѣръ, удѣльный періодъ, по мнѣнію Полевого, существовалъ для того, чтобъ выработать сознаніе единства; періодъ татарскій — чтобъ укрѣпить это единство и выработать его фактически [4]). Вообще для Полевого важна была *конечная* цѣль событія, тогда какъ наше время цѣнитъ его *исходную* точку, ибо разумность общаго хода исторіи „не въ стремленіи ея къ заранѣе предназначеннымъ цѣлямъ, а въ самомъ развитіи, въ томъ, что извѣстныя обстоятельства ведутъ неизбѣжно къ извѣстнымъ результатамъ, сходнымъ впрочемъ только въ общихъ чертахъ и неизмѣримо расходящимся въ подробностяхъ“ [5]). При

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Литогр. лекціи по исторіографіи, курсъ 1881—1882 г., стр. 91.

2) *Бестужевъ-Рюминъ,* „Сочиненія К. Кавелина“. Статья первая, стр. 79.

3) *Бестужевъ-Рюминъ,* Совр. сост. русск. исторіи, стр. 37—38.

4) *Бестужевъ-Рюминъ,* Литограф. лекціи по рус. исторіографіи, 93.

5) *Бестужевъ-Рюминъ,* Совр. сост. рус. исторіи, стр. 38. Сравн. *Его-же* „Сочиненія Кавелина“. Статья первая, стр. 77—78.

всемъ томъ „книга Полевого во многихъ отношеніяхъ составляетъ важный шагъ послѣ исторіи Карамзина и представляетъ замѣчательную попытку приложить къ русской исторіи выводы европейской науки. Онъ могъ ошибаться, но самыя ошибки его поучительны. Мало того, есть такіе факты, на которые онъ посмотрѣлъ такъ вѣрно, какъ не смотрѣлъ никто ни до него, ни послѣ него“ [1]). Здѣсь умѣстно замѣтить, что Бестужеву едва-ли не первому принадлежитъ заслуга серьезнымъ образомъ подчеркнуть достоинства Полевого, какъ историка. Вниманіе къ исторіи *внутренней* и *философская* оцѣнка прошлаго — вотъ двѣ стороны, которымъ придавалъ Бестужевъ значеніе въ трудѣ Полевого, — двѣ стороны, достаточно характеризующія, въ свою очередь, и самого Бестужева.

Скептическая школа и *Каченовскій* сложились тоже подъ вліяніемъ западной науки. Болѣе пристальное и глубокое вглядываніе въ судьбы народовъ и государствъ, требованіе объясненій внутренняго смысла событій показало русскимъ ученымъ, насколько предшественники ихъ „не замѣчали развитія народной жизни и не слѣдили за нимъ, а изображали всѣ эпохи безразлично“. Въ отдаленныя времена русской исторіи имъ видѣлось развитое государство, образцы законодательной мудрости и т. п. Каченовскій не могъ не понять ложности такого преувеличенія, „но самъ онъ кинулся въ другую сторону: онъ не обратился съ своимъ обличеніемъ къ историкамъ, исказившимъ фактъ, а заподозрилъ справедливость самыхъ фактовъ, достовѣрность источниковъ. Если въ лѣтописи и Русской Правдѣ находятъ подтвержденіе мнѣнія о могущественномъ государствѣ Олеговъ и Владиміровъ, если Слово о Полку Игоревѣ точно эпопея, въ смыслѣ классическомъ, если договоръ Олега есть доказательство того, что русскіе были не варвары, если Новгородъ точно велъ значительную торговлю, — если все это есть въ источникахъ, то не слѣдуетъ ли усомниться въ самыхъ источникахъ, тѣмъ болѣе что всѣ они дошли до насъ въ спискахъ. Вотъ исходная точка воззрѣнія Каченовскаго и его школы. Путь, принятый ими, конечно, не вѣренъ, тѣмъ болѣе что всѣ ихъ сомнѣнія трудно было подкрѣпить фактами, да и фактовъ они

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, Совр. сост. рус. исторіи, стр 53.

знали не такъ-то много. Потому пришлось замѣнять ихъ гаданіями, предположеніями, аналогіями. Впрочемъ важность и значеніе скептиковъ не въ томъ, что они сдѣлали положительнаго, а въ ихъ отрицательномъ значеніи: возбудивъ потребность ближе ознакомиться съ источниками, провѣрить не только сообщаемые ими факты, но и достовѣрность самыхъ источниковъ, они, такъ сказать, подготовили появленіе здраваго взгляда на исторію" [1]).

Опаснымъ противникомъ Полевого и Каченовскаго выступилъ *Погодинъ*. Не смотря на то, что внутренняя правда была не на его сторонѣ, онъ одержалъ легкую побѣду, благодаря отсутствію научной подготовки въ томъ и другомъ и неправильной постановкѣ вопроса Каченовскимъ. Погодинъ — историкъ-экзегетъ. Много силъ и труда посвятилъ онъ на разборъ отдѣльныхъ фактовъ нашего прошлаго, на предварительныя работы, и въ этомъ заслуга его несомнѣнна. Но, „тонкій критикъ источниковъ, трудолюбивый собиратель матеріаловъ, онъ не только никогда не возвышался до широкаго общаго взгляда, но еще постоянно преслѣдовалъ рѣзкимъ и постоянно мѣткимъ сарказмомъ все, что похоже на общій взглядъ. . . Вообще онъ остановился на анализѣ отдѣльныхъ явленій, но не возвысился до синтеза, непремѣннаго условія полнаго, всесторонняго изображенія народной жизни. . . Тщательный и добросовѣстный анатомъ историческихъ событій, Погодинъ не видитъ и не признаетъ общихъ руководящихъ началъ, послѣдняго, конечнаго результата изученія прошлаго въ связи съ настоящимъ. Его выводы по большей части мертвые, потому что они дѣланы съ трупа. . . Ученая, анатомическая работа забила въ немъ живое чувство; каменьщикъ убилъ художника; разложивъ русскую жизнь, въ лѣтописномъ разсказѣ о ней, на составныя части, онъ не можетъ сложить этой части въ стройное цѣлое, ибо чувство жизни не возросло у него до сознанія, не помогло осмыслить цѣлаго, и только освѣщаетъ отдѣльныя явленія свѣтомъ, который, по отсутствію сознанія цѣлаго, нерѣдко долженъ быть по необходимости ложнымъ" [2]).

---

1) Ibidem, 54—55.

2) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Норманскій періодъ русской исторіи" Погодина. *Отеч. Записки* 1859, № 2, стр. 103, 105.

Какъ могло сложиться такое направленіе? Въ жизни бываютъ эпохи, когда чувствуется потребность подвести итоги всему, что сдѣлано раньше: это пора теоретическихъ построеній, философскихъ выводовъ. Но вотъ основное начало выяснено, изъ него сдѣлано всевозможное приложеніе; и тогда наступаетъ обратное движеніе мысли: оказывается, что начало, положенное въ основу теоріи, изношено, болѣе не удовлетворяетъ; что „найдены новые факты, требующіе себѣ объясненія, а выставленное начало этого объясненія не даетъ. Чѣмъ болѣе накопляется такихъ фактовъ, тѣмъ болѣе чувствуется надобность въ ихъ экзегетической разработкѣ. Тогда теоретическое направленіе уходитъ на второй планъ; общая мысль до тѣхъ поръ ясная, тускнѣетъ, и снова начинается кропотливая, подготовительная работа. Въ одну изъ такихъ эпохъ Погодинъ принялся за дѣло, завѣщанное Шлецеромъ. Еще болѣе укрѣпился онъ въ борьбѣ со своими противниками: Каченовскимъ и Полевымъ“ [1]). Но остановиться на одномъ анализѣ фактическаго матеріала, раболѣпно сковать свою мысль наука, разумѣется, не можетъ; рано или поздно должна подняться встрѣчная волна, требующая подсчета итоговъ всему сдѣланному, новыхъ обобщеній, иныхъ построеній. Неудивительно, если Погодинъ, въ половинѣ XIX стол. продолжавшій стоять на устарѣвшей точкѣ зрѣнія Карамзина, оказался не въ состояніи отвѣтить на новыя требованія и потому остался позади теченія. Дѣло въ томъ, что „огромное количество накопившихся матеріаловъ, ближайшее знакомство съ иностранною историческою литературою, толчокъ, данный русской мысли Бѣлинскимъ, Грановскимъ и ихъ фалангою, вызывали новое теоретическое движеніе въ русской исторіи. Дѣятели откликнулись на этотъ призывъ: съ половины сороковыхъ годовъ начали писать *Соловьевъ* и *Кавелинъ*“ [2]). Погодинъ однако остался глухъ къ новому движенію и упорно стоялъ на своемъ. „Мало того, въ это-то время онъ создалъ свой *математическій методъ*, началъ обращаться съ фактами, какъ съ цифрами, и вѣрить только тому, что записано въ лѣтописи“ [3]). Это до-

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Сочиненія К. Кавелина“. Статья I. *Отеч. Записки* 1860, № 4, стр. 80.

2) Ibidem, 82.

3) Ibidem, 81.

вѣріе лишь къ однимъ фактамъ и „нерасположеніе ко всякому разумному объясненію всего хода народнаго развитія“ [1]) и было причиною, что дальнѣйшаго движенія русской исторической науки онъ не понялъ.

А между тѣмъ новая *историческая школа* скоро высказалась вполнѣ. Уже съ первыхъ шаговъ ея стало яснымъ, что она становится въ рѣзкую противоположность съ тою, которая стояла въ то время на первомъ планѣ. Органическій ростъ русскаго народа, исторія, какъ „народное самосознаніе“ — вотъ знамя, выкинутое новымъ направленіемъ. А внеся идею органическаго развитія, новая школа „поставила явленія русской исторіи въ надлежащую перспективу“ [2]), что̀ уже одно составило заслугу чрезвычайно важную. Понять все значеніе этого шага можно лишь, вспомнивъ, какъ сбивчивы были до Соловьева и Кавелина представленія о связи событій вообще. Они ограничивались или одной прагматической связью, въ силу которой событія, цѣпляясь одно за другое, производятъ то или иное слѣдствіе, однако безъ объясненія, почему именно производятъ (Карамзинъ),— или связью фаталистическою, роковою, которую, хотя и можно наблюдать въ ходѣ событій, но нельзя объяснить, такъ какъ источникъ ея внѣ самыхъ событій (Полевой). „Новая школа немедленно замѣнила всѣ такія прагматическія построенія исторіи построеніемъ философскимъ“ [3]), изслѣдованія получили теперь руководящее начало, и притомъ такое, изъ котораго многое объяснялось весьма легко и просто; развитіемъ же, различными фазами и паденіемъ этого начала можно было наполнить всю исторію [4]). Наше прошлое явилось „потокомъ, ровно текущимъ по извѣстному направленію и достигающимъ своей цѣли, которая, хотя не предуставлена заранѣе, но все-таки очевидна по самому ходу дѣлъ“ [5]). Словомъ, найдено то, что

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Совр. сост. рус. исторіи, какъ науки. *Москов. Обозр.* 1895, кн. I, стр. 55.

2) *Бестужевъ-Рюминъ,* „Сочиненія К. Кавелина“. Статья первая, стр. 83.

3) *Бестужевъ-Рюминъ,* Различныя направленія въ изученіи русской народности. *Отеч. Записки* 1860, № 3, стр. 33—34.

4) *Бестужевъ-Рюминъ,* „Сочиненія К. Кавелина“. Статья первая, стр. 82.

5) *Бестужевъ-Рюминъ,* Различныя направленія въ изученіи русской народности. *Отеч. Записки* 1860, № 3, стр. 34.

на условномъ языкѣ того времени называлось „верховнымъ началомъ“ [1]). Теперь перестали работать надъ однимъ только древнимъ періодомъ, но принялись изучать за разъ все движеніе русской исторіи [2]).

Въ чемъ же состояло вышеупомянутое „начало“, въ чемъ собственно видѣли „органическій“ ростъ русскаго народа? Его опредѣляли, какъ борьбу родового, патріархальнаго быта съ государственнымъ и какъ послѣдовательную смѣну перваго вторымъ. Къ этимъ двумъ Кавелинъ внесъ еще третій, какъ промежуточное звено: бытъ вотчинный. Предполагая теорію родового быта достаточно извѣстною, я не буду излагать ея содержанія, но прямо перейду къ критикѣ ея положеній Бестужевымъ.

Исходною точкою въ процессѣ развитія родового быта и перехода его въ бытъ вотчинный (сфера государственная), или въ семью (сфера частной жизни) Кавелинъ ставитъ то положеніе, что „племена и поселенія славянскія мирно выросли изъ одного корня и суть его стволы и вѣтви; такимъ образомъ прежде всего формируется племя съ своимъ племенноначальникомъ; изъ племени отдѣляются поселенія съ своими старѣйшинами, изъ поселеній выдѣляются роды съ своими старцами, которые составляютъ сначала вѣче; затѣмъ съ выдѣленіемъ семей вѣче дѣлается общенароднымъ. Тутъ приходитъ князь съ дружиною, и Рюриковичи ославянились, развились въ родѣ, который въ свое время распался на семьи“. Такое построеніе исторіи представляется Бестужеву прежде всего „чрезвычайно-стройнымъ, а потому и очень искусственнымъ“. Со всѣмъ этимъ еще можно было бы согласиться, если бы знать навѣрное, „что племена славянскія образовались въ нынѣшней Россіи, на мѣстахъ своего жительства, что они не подвергались никакому постороннему вліянію, которое могло бы нарушить правильность діалектическаго развитія — словомъ, какъ выразился Кавелинъ, что они выросли изъ одного корня“. Но именно за это-то и нельзя никакъ поручиться: племена эти образовались въ незапамятныя времена, когда на Южной Россіи бродили разноплемен-

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Сочиненія К. Кавелина“. Статья первая, стр. 8а.

2) Ibidem, 8а.

ныя толпы; славяне не могли не приходить съ ними въ столкновеніе и, вѣроятно, смѣшивались. Не даромъ у всѣхъ первоначальныхъ народовъ замѣчается отсутствіе рѣзкихъ народныхъ отличій. Столь же неизбѣжны были столкновенія на сѣверѣ и на сѣверо-западѣ, гдѣ пришельцы, племена славянскія, нашли аборигеновъ: чудь и литву [1]).

Конечно, вопросъ о происхожденіи племенъ — вопросъ спутанный и спорный, но „можно навѣрное сказать, что самому выдѣленію племенъ предшествовалъ длинный процессъ ихъ рожденія, при чемъ роль повивальной бабки играли сосѣднія племена инородческія. Трудно повѣрить, чтобы первою формою общежитія было племя, по крайней мѣрѣ на нашей почвѣ". Бестужевъ скорѣе сдается на то мнѣніе, что оно было послѣднею. Сначала, вѣроятно, отдѣлялась толпа, потому ли что ее гнали чужеземцы, потому ли что она ссорилась съ сосѣдями; эта толпа „селилась на новомъ мѣстѣ, разросталась, число поселеній увеличивалось, число общинъ возростало, и тогда являлось племя, такъ что, собственно говоря, процессъ образованія племенъ — *завершающій* процессъ", а *не начальный*. Ко времени появленія Рюрикова рода процессъ этотъ, по всей вѣроятности, только еще начинался; будь онъ уже законченъ, то позже, „при раздѣленіи Россіи, изъ каждаго племени развилась бы самостоятельная народность; но этого не было, не смотря на множество мѣстныхъ особенностей. Вслѣдствіе этого мы заключаемъ, что процессъ развитія племенъ былъ застигнутъ въ своемъ началѣ и, стало быть, нельзя съ него начинать развитія и видѣть дальнѣйшее движеніе этого развитія въ распаденіи племени на народы и общины и, наконецъ, отдѣльныя семьи". Вотъ почему ступень, которую Кавелинъ принимаетъ за первую, слѣдуетъ переставить на мѣсто послѣдней [2]).

Переходя къ вопросу о самомъ *родѣ*, Бестужевъ замѣчаетъ, что „по естественному порядку образованія родъ не предшествуетъ семьѣ, а слѣдуетъ за нею; за родомъ слѣдуетъ община, и за общиною племя. Выдѣленіе семьи изъ рода ведетъ, при естественномъ развитіи, къ кланамъ и даже кастамъ. Ничего подобнаго мы не видимъ на Руси: у насъ

---

1) Ibidem, 89.

2) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Сочиненія К. Кавелина". Статья I. *Отеч. Записки* 1860, № 4, стр. 89—90.

родъ, не развиваясь, распался на семьи". Да и гдѣ признаки существованія рода? Чѣмъ ознаменовалъ онъ свое существованіе въ русской исторіи? Кромѣ того не надо забывать еще одного обстоятельства, одного изъ самыхъ сильныхъ доказательствъ противъ родовой теоріи: родъ держится мужчиною; при родовомъ бытѣ женщина лишена значенія; между тѣмъ въ славянскомъ быту мы видимъ какъ разъ противное, именно, вліятельное положеніе женщины. Намъ указываютъ на *княжескій родъ*. Но предварительно слѣдовало бы доказать, дѣйствительно ли княжескій родъ держался долго родовыхъ счётовъ и точно ли родовое начало, выставленное Ярославомъ Мудрымъ, есть начало туземное. Будь это порядокъ исконный, живи онъ прочно въ сознаніи современниковъ, его не нарушить бы такъ легко и скоро, по первой прихоти, ибо въ такомъ случаѣ онъ составлялъ бы религіозное вѣрованіе. Увѣрить въ существованіи родового быта, какъ основы славянства и исходной точки русской исторіи, возможно не иначе, какъ показавъ, что въ княжескомъ быту онъ держался хоть сколько-нибудь. Между тѣмъ въ чистомъ видѣ родовыхъ междукняжескихъ отношеній мы не находимъ вовсе продолженія родового періода; „уже при первомъ изъ Ярославичей они нарушаются сначала вмѣшательствомъ народа, потомъ борьбою князей, названныхъ нашими изслѣдователями *изгоями*; далѣе мы видимъ постоянное стремленіе князей занять тѣ волости, которыя занимали ихъ отцы, стремленіе, освященное постановленіемъ Любечскаго съѣзда. Такія отношенія, постоянно нарушаемыя, никакъ нельзя назвать правильными"; ихъ правильность составляла лишь идеалъ, но идеалъ никогда не достигнутый и опиравшійся на стремленіе внести хоть какой-нибудь порядокъ въ безурядицу ничѣмъ не опредѣленныхъ отношеній[1]). Въ заключеніе своего анализа родового быта и строя Бестужевъ говоритъ: „По нашему крайнему мнѣнію, семья, носящая характеръ рода — тотъ же родъ, ибо дѣло не въ количествѣ членовъ. Что же касается до междукняжескихъ отношеній, то этотъ вопросъ можно считать рѣшеннымъ", разъ всѣми признается, что принципъ старшинства составляетъ движущее начало этихъ отношеній, потому что имъ опредѣляется

---

1) Ibidem, 91—92.

и самый *характеръ* отношеній, а въ этомъ собственно все и дѣло.

Въ вопросѣ о *вотчинномъ* бытѣ, отдавая предпочтеніе Кавелину передъ Соловьевымъ, Бестужевъ въ то же время сильно обрушивался на обоихъ за преклоненіе передъ *государственнымъ* характеромъ нашей исторіи, за игнорированіе исторіи областной. Отрицать существованіе у насъ провинціализма, по его мнѣнію, ошибочно. „Существованіе мѣстныхъ особенностей, неистребленныхъ даже крутыми мѣрами „собирателей русской земли", свидѣтельствуетъ, что мѣстности имѣютъ болѣе значенія въ русской исторіи, чѣмъ можно было бы предположить" [1]). *Государственная* идея — наслѣдіе гораздо болѣе поздняго времени. Нельзя говорить ни о Кіевскомъ, ни даже о Владимірскомъ государствѣ. „Вездѣ, и тутъ, и тамъ, мы видимъ начатки особеннаго, опредѣленнаго порядка дѣлъ, но нигдѣ не видѣли самого этого порядка. Государство есть понятіе опредѣленное, подъ которое нельзя подводить явленія, ему несоотвѣтствующія: государство Рюрика или Владиміра Св. какъ-то странно звучитъ въ нашихъ ушахъ, ибо при словѣ „государство" (забывъ этимологію), мы невольно представляемъ себѣ европейское организованное общество, съ опредѣленными законами, съ нѣкоторою искусственностью въ построеніи, съ замиренными элементами, обратившимися въ членовъ одного общаго организма; здѣсь-же мы видимъ disjuncta semina rerum, элементы, неполучившіе никакого правильнаго образованія, соединенные между собою только матеріальною силою. Можно ли назвать государствомъ такое общество, которое завтра распадается на части, самыя части котораго мало знаютъ не только интересы одна другой, но даже и общіе интересы? Но что мы говоримъ! Объ этихъ общихъ интересахъ и самого представленія не существуетъ" [2]). . .

Собственный взглядъ свой на вотчинный періодъ Бестужевъ-Рюминъ резюмируетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Посреди славянскихъ племенъ, жившихъ мирнымъ сельскимъ бытомъ, появилась власть, чуждая всѣмъ этимъ племенамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, внѣшнимъ образомъ связывающая ихъ

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Сочиненія К. Кавелина". Статья II. *Отеч. Записки* 1860, № 6, стр. 29.

2) Ibidem, 32.

всѣ въ одно общее цѣлое. Сначала эта новая власть не прикрѣплялась ни къ какой отдѣльной мѣстности и существовала, какъ нѣчто чуждое. Въ условіяхъ стараго вѣчевого быта власть эта встрѣчала себѣ ограниченіе; конечно, предѣловъ между властью князя и властью вѣча не было поставлено. Борьба между ними велась подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій; тѣмъ не менѣе эти двѣ власти были живыя, дѣйствительныя власти, и ни одна не могла вполнѣ отстранить другую. Такъ продолжалось во весь кіевскій періодъ. Съ переходомъ сцены дѣйствія на сѣверо-востокъ условія измѣнились: князья усѣлись на мѣстѣ, съ ними усѣлись и дружины; вѣче замолкло, какъ потому, что вѣчевой бытъ не такъ крѣпко организовался въ Руси суздальской, такъ и потому, что не такъ часто представлялась возможность пригласить другого князя. Такая перемѣна въ главныхъ началахъ управленія сказалась и во всѣхъ условіяхъ быта: все, что было неопредѣленно въ Руси южной, получило прочный владѣльческій характеръ въ Руси сѣверо-восточной. Княжеская власть, ставъ въ болѣе опредѣленныя отношенія съ народомъ, тѣмъ не менѣе не имѣла ни времени, ни способовъ, ни даже нужды все приравнивать, сглаживать, объ искусственной централизаціи князья-вотчинники древней Руси не имѣли понятія. Вообще все что дѣлалось, не столько управлялось мыслью, сколько практическою необходимостью, чисто-частными отношеніями. Вслѣдствіе того мѣстныя различія оставались нетронутыми; посредствомъ разныхъ жалованныхъ, несудимыхъ и т. п. грамотъ, утверждались часто за какою-либо мѣстностью новыя права и привилегіи; уничтоженіе этихъ правъ и привилегій принадлежитъ уже времени полнаго утвержденія Московскаго государства, которое довело понятія, выработавшіяся въ вотчинной Руси, до послѣднихъ предѣловъ“ [1]).

Все это налагаетъ на насъ обязанности „поближе познакомиться съ тѣми учрежденіями, которыя въ періодъ Московскаго государства существовали уже, какъ блѣдныя тѣни прошлаго, но въ періодъ вотчинный, а тѣмъ болѣе вѣчевой, были сильны“. Между тѣмъ намъ говорятъ, что „эти учрежденія не имѣли собственной силы, что такъ какъ ихъ сломила

---

1) Ibidem, 46—47.

воля Москвы, то о нихъ и жалѣть нечего, ибо никому нѣтъ дѣла до тѣхъ учрежденій, которыя сами не могли постоять за себя" [1]). Если-де и существовали различія, то несущественныя, да и тѣ погибли подъ ударами „собирателей русской земли", все связавшихъ, все обезличившихъ [2]). Такимъ образомъ результатъ исторической жизни возведенъ былъ въ цѣль. Это, конечно, придало исторіи болѣе яркій колоритъ, а „безстрастнымъ ликамъ" — какую-то поэзію и величавость: „въ честь и во славу собирателей русской земли создался какой-то историческій пантеонъ славныхъ мужей". Но въ сущности это былъ тотъ-же фатализмъ, что и у Полевого, съ тѣмъ лишь различіемъ, что фраза: „такъ предуставлено свыше" замѣнена другою: „того требовала историческая необходимость" [3]).

Но „мы не можемъ принять подобнаго воззрѣнія и думаемъ, что сочувствіе къ падшему составляетъ неотъемлемую принадлежность человѣка, изученіе задавленныхъ учрежденій, особенно еще не вполнѣ развитыхъ, находившихся только въ зародышѣ — обязанность историка. Мало того, мы убѣждены, что въ обществахъ неразвитыхъ юридически — обѣ стороны, вступающія въ борьбу, легко уступаютъ только видимо; одна торжествуетъ фактически, но сила пассивная сохраняется въ другой: поэтому она имѣетъ всегда способность возстать". Вотъ почему необходимо слѣдить за историческими явленіями во всѣхъ ихъ видоизмѣненіяхъ до тѣхъ поръ, пока не теряются ихъ слѣды. Часто чрезвычайно важно знать происхожденіе того или другого отрывочнаго явленія, ибо оно даетъ ключъ къ объясненію цѣлаго ряда явленій, что можетъ имѣть важное примѣненіе не только въ наукѣ, но и въ практикѣ. Къ такимъ явленіямъ мы относимъ и русскую сельскую общину (не въ смыслѣ общаго владѣнія землею, а въ смыслѣ низшаго, такъ сказать, административнаго центра). Соловьевъ, напримѣръ, „нигдѣ подробно не останавливается на этомъ явленіи, а между тѣмъ происхожденіе его — вопросъ вовсе непраздный: создана ли она государствомъ съ цѣлью нало-

---

1) Ibidem, 47.

2) *Бестужевъ-Рюминъ,* Различныя направленія въ изученіи русской народности. *Отеч. Записки* 1860, № 3, стр. 34.

3) *Бестужевъ-Рюминъ,* „Сочиненія К. Кавелина". Статья II. *Отеч. Записки* 1860, № 6, стр. 49.

жить тягло и сдержать бродячее населеніе, или это исконное явленіе русской народной жизни? Тотъ или другой отвѣтъ совершенно измѣняетъ значеніе ея для исторіи. Соловьевъ мало останавливается на такихъ явленіяхъ, каковы зачатки самоуправленія даже въ сѣверной Руси, хоть-бы въ Москвѣ при Василіи Васильевичѣ, каково движеніе городовъ въ междуцарствіе, которое выставлено у него нерельефно. Онъ слѣдитъ за непрерывнымъ прогрессомъ и старается уяснить себѣ это начало: а то, чего стоилъ прогрессъ, онъ оставляетъ въ тѣни, почитая свое дѣло совершеннымъ однимъ обозрѣніемъ движенія прогрессивнаго начала, т.-е. государства. По его воззрѣнію, во весь тотъ періодъ, который прожитъ Россіею до конца междуцарствія, Россія была государство обширное, заботившееся о водвореніи наряда. Съ водвореніемъ же его являются другія заботы — просвѣщенія и т. д., наконецъ, народное самопознаніе. Неужели такой выводъ можетъ удовлетворить стремленію къ самопознанію? Думаемъ, что нѣтъ: будущій историкъ долженъ, по нашему мнѣнію, прослѣдить тѣ начала, которыя побѣждены московской централизаціей. Съ этой точки зрѣнія многое можетъ явиться въ другомъ видѣ, самая побѣда получитъ другой смыслъ" [1]).

Такимъ образомъ для родовой школы, и это не только для Соловьева, но одинаково и для Кавелина, Чичерина, древняя жизнь представляется только тѣми своими сторонами, которыя слѣдуетъ уничтожить. Ея приговоръ звучитъ безпощаднымъ vae victis! „Прямымъ слѣдствіемъ такого воззрѣнія является логическое, чисто-формальное пониманіе жизни, которою жили наши предки, созданіе какого-то полнаго образа, которымъ какъ-бы завершается все изученіе, но за которымъ невольно чуется присутствіе другихъ элементовъ, непринятыхъ въ соображеніе и потому неуложившихся въ рамки. Такимъ образомъ нашими историками почти обойденъ, оставленъ безъ вниманія вопросъ существеннѣйшій при объясненіи народной жизни — вопросъ *этнографическій*" [2]). Возводя обезличеніе въ систему, гордо празднуя „собираніе

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, Современное состояніе рус. исторіи, какъ науки. *Москов. Обозр.* 1859, кн. I, стр. 130—132.

2) *Бестужевъ-Рюминъ*, Различныя направленія въ изученіи русской народности. *Отеч. Записки* 1860, № 3, стр. 34.

разрозненныхъ храминъ", не замѣчали того, что осколки этихъ храминъ мѣстами еще живы и что именно въ ихъ-то изученіи и заключается главное значеніе изслѣдованій въ области русской народности" [1]).

Точка зрѣнія исторической школы глубоко несправедлива уже по одному тому, что она „опускаетъ изъ виду одну чрезвычайно важную сторону дѣла, именно то, что развитіе народовъ и обществъ совершается не по строго діалектической нормѣ, что развивается не весь организмъ за разъ, а извѣстныя его стороны, которыя въ данный моментъ получаютъ полное господство и опредѣляютъ собою весь общественный строй, заслоняя на время другія стороны народной жизни; часто даже эти стороны поражаются временной парализіей, иногда принимаютъ цвѣтъ господствующаго направленія. Мысль, рефлексія менѣе всего дѣйствуетъ въ народномъ развитіи: оно совершается какимъ-то чутьемъ, инстинктомъ, и потому не мудрено, что нерѣдко отклоняется отъ правильнаго, логическаго хода. Къ тому-же значеніе тѣхъ орудій, которыми совершается развитіе, то-есть, личностей, далеко не такъ ничтожно, какъ угодно думать историкамъ-систематикамъ. Конечно, личность не можетъ ничего сдѣлать, если среда ей сопротивляется; но, воспользовавшись извѣстными элементами, живущими и дѣйствующими въ обществѣ, человѣкъ геніальный легко можетъ на долго придать ему одностороннее развитіе, а особенно, если преемникамъ его мысли выгодно вести общество въ этомъ одностороннемъ направленіи. . . Когда намъ произносятъ громкія слова: начала, ходъ исторіи и т. п., мы невольно воображаемъ себѣ какую-то сознательность, заранѣе предуставленную цѣль, и хотя медленное, но вѣрное достиженіе этой цѣли. Такими жрецами логическаго развитія изображаетъ намъ Соловьевъ князей суздальскихъ и московскихъ: „Всѣ они походятъ другъ на друга; въ ихъ безстрастныхъ ликахъ трудно уловить историку характеристическія черты каждаго; всѣ они идутъ по одному пути, идутъ медленно, осторожно, но постоянно, неуклонно; каждый ступаетъ шагъ впередъ передъ своимъ предшественникомъ, каждый приготовляетъ для своего

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Различныя направленія въ изученіи русской народности. *Отеч. Записки* 1860, № 3, стр. 34—35.

преемника возможность ступить еще шагъ впередъ. Благодаря этой неуклонности, постоянству въ стремленіяхъ сѣверныхъ князей, великая цѣль была достигнута: родовыя княжескія отношенія рушились, смѣнились государственными: въ княжескихъ договорахъ, завѣщаніяхъ мы видимъ ясно постепенность этой смѣны". Эти величавые образы носятся передъ вашимъ воображеніемъ: представители великой идеи, они не даромъ жили на свѣтѣ и оставили по себѣ вѣчную благодарную память, ибо знали чего хотѣли и потому достигли своей цѣли. Но того-ли они хотѣли, что мы имъ приписываемъ? Изъ словъ историка можно, пожалуй, заключить, будто Всеволодъ III зналъ, что результатомъ всѣхъ его дѣйствій будетъ Московское государство и будто только обстоятельства заставляли, какъ его, такъ и другихъ князей того времени медленно подвигаться къ этой цѣли. Но далеко не такъ все это было въ дѣйствительности: то, что мы называемъ началами, есть продуктъ исторической рефлексіи; цѣли у князей сѣверо-русскихъ были другія, болѣе близкія къ нимъ, болѣе естественныя. Намъ укажутъ на титулъ великаго князя всея Руси, принятый Симеономъ Гордымъ, на постоянныя указанія: „аще Богъ освободитъ отъ орды", постоянное увеличеніе „старшаго пути" и удѣла старшаго сына; наконецъ, на то, что Донской назначилъ по себѣ наслѣдникомъ Василія Дмитріевича и обязалъ Владиміра Андреевича не вступаться въ великое княженіе. Все это шаги важные къ достиженію извѣстнаго результата, но они нисколько не свидѣтельствуютъ о полномъ сознательномъ стремленіи къ цѣли, а скорѣе о постепенномъ ростѣ самаго представленія о великокняжеской власти въ умахъ тѣхъ, которые были облечены ею: сначала московскій князь только по имени и по довѣренности къ нему хана — старшій, а потомъ за нимъ это старшинство утверждается богатствомъ, матеріальною силою и давностью. Точно также впослѣдствіи выростала государственная мысль въ государяхъ московскихъ; до сознательнаго идеала она доросла въ Грозномъ. Изъ чего впрочемъ нисколько не слѣдуетъ, чтобъ тотъ-же Грозный не былъ человѣкомъ самымъ увлекающимся, наименѣе логическимъ изъ всѣхъ государей московскихъ; у него логика никогда не переходила въ дѣйствительность, а оставалась только въ его требованіяхъ, въ идеалѣ: о Грозномъ и только о Грозномъ можно употребить это слово; идеи, идеала рѣ-

шительно не было у князей московскихъ: все это создали наши историки" [1]).

Отрицательныя стороны исторической школы, отмѣченныя Бестужевымъ, не мѣшали ему признавать, какъ это мы видѣли нѣсколько выше, и ея достоинства. Впослѣдствіи эти достоинства выступятъ передъ нимъ особенно рельефно и, въ лицѣ Соловьева, Бестужевъ при каждомъ удобномъ случаѣ будетъ охотно подчеркивать ихъ. Вотъ почему теперь, въ первый періодъ литературной дѣятельности Бестужева, когда и лицевая, и оборотная стороны исторической школы одинаково — не скажу: ярче сознавались, но ярче формулировались, когда тѣни историческаго освѣщенія распредѣлялись имъ болѣе равномѣрно, будетъ умѣстно остановиться подолѣе на сдѣланной оцѣнкѣ, по крайней мѣрѣ поскольку она относится лично къ Соловьеву.

Разбирая знаменитый трудъ московскаго профессора, Бестужевъ указываетъ на предвзятость взгляда, ярко отразившуюся на всей „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ". Это сочиненіе, по словамъ Бестужева, прежде всего „не исторія. Это книга умная, добросовѣстная, свидѣтельствующая о трудолюбіи, знаніи и серьезной подготовкѣ своего автора; но это не исторія. Авторъ съ своей стороны сдѣлалъ все, чтобъ придать ей этотъ характеръ: онъ построилъ ее на одной мысли, свелъ въ одно цѣлое всѣ стороны жизни, передалъ все, что нашелъ въ источникахъ о древней Руси. Казалось-бы, чего болѣе? Но на дѣлѣ вышло, что недостаетъ самого существеннаго: не видать жизни и духа народнаго. Этотъ недостатокъ не изглаживается никакою ученостью, никакими стремленіями. Отвлеченное представленіе борьбы разныхъ началъ не замѣнитъ изображенія живыхъ элементовъ, взаимодѣйствіе которыхъ образуетъ народную жизнь" [2]). „Вся книга проникнута стремленіемъ доказать, что настоящее есть плодъ прошедшаго, результатъ всѣхъ условій, лежащихъ въ трудѣ страны, характерѣ народа и т. д. Но такъ какъ самыя условія еще не подвергнуты достаточному обслѣдованію, то и за точность выведеннаго результата му-

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Сочиненія К. Кавелина". Статья II. *Отеч. Записки* 1860, № 6, стр. 47—49.

2) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, С. Соловьева". Статья I. *Отеч. Записки* 1860, № 9, стр. 16.

дрено поручиться. Такой способъ историческаго изслѣдованія имѣетъ одно важное неудобство: смотря на причины съ точки зрѣнія результата, мы невольно, безсознательно переносимъ на эти причины несвойственный имъ характеръ: мы смотримъ на нихъ, какъ на средство и не понимаемъ того, что предки наши жили для себя, а не для насъ, и что преднамѣреннаго плана никто не задаетъ исторіи" [1]). Глядѣть на древнюю Русь, какъ на *введеніе* къ исторіи Петра В., изображать однѣ лишь темныя стороны прошлаго — еще не значитъ дать всестороннее и объективное изображеніе жизни общества. „Пора намъ, наконецъ, понять, что не за что ни ссориться, ни дружиться съ отдаленною стариною, а что надо понять ее, и что такое полное пониманіе полезно и для настоящаго. Намъ не зачѣмъ болѣе выработывать общія нравственныя понятія, не зачѣмъ биться изъ за того, что̀ добро, и что̀ зло, особенно въ ущербъ исторіи. Намъ нужно теперь узнать причины существованія того или другого явленія въ нашемъ обществѣ, полномъ остатками временъ давно прошедшихъ" [2]).

Все это однако не должно заслонять крупныхъ достоинствъ Соловьева: „онъ освѣтилъ, осмыслилъ общій ходъ русской исторіи, онъ поставилъ ясно и просто главные вопросы, указалъ единственный приложимый къ историческимъ изслѣдованіямъ методъ, ввелъ въ область русской исторіи явленія, которыя прежде въ нее не входили, и тѣмъ бросилъ неожиданный свѣтъ на то, что всѣ знали". Наука будетъ несомнѣнно совершенствоваться; „многія эпохи русской исторіи будутъ понимаемы совсѣмъ не такъ, какъ ихъ теперь понимаютъ; многое, что еще теперь въ зародышѣ, тогда разовьется; что теперь существуетъ, какъ намекъ, будетъ отстранено или вполнѣ подтверждено; мы ближе познакомимся съ развитіемъ русскаго права, съ первобытною миѳологіею славянъ, узнаемъ подробнѣе и ближе бытъ нашихъ предковъ въ разныя эпохи; многое объяснится съ помощью аналогіи съ исторіею и бытомъ другихъ славянскихъ племенъ; будутъ подвергнуты ближайшему разсмотрѣнію и болѣе точной оцѣнкѣ памятники нашей литературы и т. п. Все это будетъ, вѣро-

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, С. Соловьева". Статья I. *Отеч. Записки* 1860, № 9, стр. 20—21.

2) Ibidem, 21.

ятно, такъ, тѣмъ не менѣе методъ и пріемы уже указаны и никогда не будутъ оставлены: мы убѣждены, что теперь и впередъ никто не будетъ признаваться историкомъ, если онъ не основываетъ своихъ выводовъ на точномъ пониманіи смысла памятниковъ, если онъ не обращаетъ преимущественнаго вниманія на внутреннее состояніе того общества, посреди котораго происходятъ извѣстныя явленія, и не въ немъ ищетъ объясненія этихъ явленій. А давно ли все это было совершенно иначе? Припомнимъ исторію нашей исторіографіи и тогда оцѣнимъ всю заслугу Соловьева" [1]).

Параллельно исторической школѣ слагалась другая: *славянофильская*. Выходя изъ совершенно различныхъ исходныхъ пунктовъ, обѣ онѣ стояли, какъ двѣ враждебныя арміи. Историческая школа въ сущности выросла изъ Бѣлинскаго. „Нетрудно указать многія положенія этой школы, которыя были ни чѣмъ инымъ, какъ дальнѣйшимъ развитіемъ мысли, высказаннымъ великимъ критикомъ иногда вскользь, мимоходомъ, иногда въ видѣ предположенія, вѣроятности и т. п. Сюда относятся прежде всего понятія Бѣлинскаго о роли Московскаго государства, о Грозномъ, Петрѣ и т. д. Исходная точка всѣхъ позднѣйшихъ толковъ такъ называемаго отрицательнаго направленія тоже въ статьяхъ Бѣлинскаго. . . Его воззрѣніе и его методъ сдѣлались методомъ и воззрѣніемъ всей школы" [2]). Славянофильство въ свою очередь выросло изъ романтизма. Романтизмъ, перенесенный съ западно-европейской почвы на нашу, породилъ уваженіе къ старинѣ и къ существующимъ чертамъ народнаго быта, прямымъ слѣдствіемъ чего была новая идеализація русской жизни — первая форма, подъ которою явилось „славянофильство" [3]). Кромѣ того славянофильство многимъ обязано гегелевской философіи, положившей въ основу ученія „примиреніе съ дѣйствительностью" [4]). Противоположное напра-

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, Соловьева, т. VIII". *Отеч. Записки* 1858, № 8, стр. 54—55.

2) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Сочиненія К. Кавелина". Статья III. *Отеч. Записки* 1860, № 8, стр. 78.

3) *Бестужевъ-Рюминъ*, Различныя направленія въ изученіи русской народности. *Отеч. Записки* 1860, № 3, стр. 28.

4) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Сочиненія К. Кавелина". Статья III. *Отеч. Записки* 1860, № 8, стр. 62.

вленіе славянофилы окрестили западническимъ, а въ примѣненіи къ русской литературѣ — отрицательнымъ. Борьба между ними, несмотря на крайности партій, а, можетъ быть, именно благодаря этимъ крайностямъ, уяснила многое, давъ „возможность иного новаго направленія, равно непричастнаго увлеченіямъ ни той, ни другой партіи. . . Спокойные зрители борьбы, мы понимаемъ теперь, что безусловной правды не было ни на той, ни на другой сторонѣ“ [1]).

Положеній своихъ школа славянофильская не доказала; ей не удалось — что̀ особенно бросается въ глаза по сравненію со школой родового быта — произвести ничего цѣльнаго, выдвинуть ни одного лица, заслуги котораго могли бы равняться съ представителями противоположнаго направленія; тѣмъ не менѣе заслуги ея въ исторической наукѣ весьма крупныя. Исходя изъ того же положенія, что исторія есть выраженіе органическаго роста народнаго, славянофилы показали, что смѣна родового начала началомъ вотчиннымъ и государственнымъ — признакъ слишкомъ внѣшній, что онъ не въ силахъ ни охватить всей совокупности явленій, ни вскрыть другихъ болѣе кардинальныхъ факторовъ русской исторіи, что удовлетвориться этимъ признакомъ невозможно, а необходимо заглянуть въ самую душу народную, вскрыть внутреннія начала, руководящія нашею жизнью, потому что сказать, что смѣна родового быта (Соловьевъ) или гражданскаго общества (въ смыслѣ отдѣльныхъ союзовъ и отдѣльныхъ лицъ: Чичеринъ) государствомъ составляетъ сущность русской исторіи — еще далеко не значитъ объяснить силы, создавшія эту исторію. Предъявляя наукѣ новыя требованія, славянофилы не ограничились выработкой одной только программы, но первые же сдѣлали опытъ объясненія прошлаго соотвѣтственно высказаннымъ требованіямъ [2]).

„Главная и основная ихъ заслуга въ томъ, что они отстаивали права жизни отъ всякой регламентаціи, права народа на своеобразное развитіе; они первые заговорили у насъ о томъ, что каждый народъ имѣетъ право посвоему

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, Различныя направленія въ изученіи русской народности. *Отеч. Записки* 1860, № 3, стр. 29, 33.

2) *Бестужевъ-Рюминъ*, Литографир. лекціи 186⁰/₀ г., стр. 244—246, 249, 250—251.

развивать и учрежденія, и даже науку[1]. . . Словомъ, славянофилы хотятъ, чтобы дали жизни свободу развиваться, какъ ей угодно, не задерживая и не понукая ее: они думаютъ, что то и другое равно вредно[2]. . . Народность вотъ главный лозунгъ славянофиловъ"[3]), подъ этимъ лозунгомъ охотно подписывается и Бестужевъ. Если начала, на которыхъ они думали построить русскую народность, и не выдерживаютъ никакой критики; если все дальнѣйшее движеніе науки и опровергаетъ ихъ, то мы должны помнить, что въ ученіи славянофиловъ важно не рѣшеніе, а поставленные вопросы: „какъ алхимики, искавшіе золота, создали химію, такъ и славянофилы сами напали на нѣсколько дѣльныхъ мыслей и другихъ побудили своею полемикою глубже вглядѣться въ предметъ"[4]). Вспомнимъ, что вѣдь и Полевой въ свое время тоже не справился съ задачей, но это не уничтожаетъ крупнаго значенія его въ развитіи нашей исторической мысли. Въ сферѣ общественной заслуга славянофиловъ еще важнѣе: „они первые указали на вопросъ, который теперь долженъ лечь во главѣ угла — они высказали необходимость искать въ народной жизни и въ до-Петровской Руси тѣхъ началъ, на которыхъ могло бы прочнѣе опереться наше общество. . . Конечно, нечего идеализировать нашу народность, нечего искать въ ней любви, смиренія и т. п. качествъ, изъ которыхъ иныя могутъ быть только принадлежностью частныхъ лицъ, другія даже въ частныхъ лицахъ составляютъ явленія ненормальныя, обусловливаемыя извѣстнымъ болѣзненнымъ состояніемъ души; но, съ другой стороны, несправедливо также мѣрить нашу народность мѣрою греческой или скандинаво-германской, особенно въ общихъ, крупныхъ чертахъ. Но, признавая въ общемъ болѣе правды за славянофилами, впрочемъ, инстинктивной, мы должны сознаться, что въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ фактахъ, правда

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Славянофильское ученіе и его судьбы въ русск. литературѣ. Статья III. *Отеч. Записки* 1862, № 5, стр. 22.

2) *Бестужевъ-Рюминъ,* Славяноф. ученіе и его судьбы въ русск. литературѣ. Статья I. *Отеч. Записки* 1862, № 2, стр. 683.

3) Ibidem, 684.

4) *Бестужевъ-Рюминъ,* Различныя направленія въ изученіи рус. народности. *Отеч. Записки* 1860, № 3, стр. 30.

была по большей части на сторонѣ ихъ противниковъ“ [1]). Какъ-бы то ни было, „будущее принадлежитъ славянофиламъ, т. е. ихъ основнымъ убѣжденіямъ, когда эти убѣжденія освободятся отъ лишней примѣси и отъ гордой замкнутости, способной погубить всякое убѣжденіе, какъ-бы оно чисто и честно ни было“ [2]).

1) Ibidem, 31, 33.

2) *Бестужевъ-Рюминъ,* Славяноф. ученіе и его судьбы въ русск. литературѣ. Статья III. *Отеч. Записки* 1862, № 5, стр. 23.

VIII.

Задачи современной исторіи.

Анализъ исторической и славянофильской школы въ оцѣнкѣ Бестужева-Рюмина достаточно уясняетъ намъ и собственные взгляды К. Н. на исторію и на ея задачи.

Бестужевъ тоже видитъ въ исторіи выраженіе органическаго роста народовъ, но, въ противоположность Соловьеву и его единомышленникамъ, не считаетъ „государство" полнымъ выраженіемъ „общества", а потому требуетъ, чтобы за жизнью народною историкъ слѣдилъ не въ однихъ только правительственныхъ или административныхъ формахъ ея бытія, но и во всѣхъ остальныхъ, во всемъ, гдѣ бы ни проявилось это бытіе. Историческую школу Бестужевъ считалъ для своего времени уже устарѣвшею; себя же онъ причислялъ къ новому направленію, „только-что (въ 1860 г.) появляющемуся", и которое „идетъ не отъ общей мысли къ факту, но отъ факта къ общей мысли" [1]). Та школа сдѣлала свое дѣло: она установила тѣсную связь между реформами Петра и предшествующимъ имъ временемъ, ввела въ оборотъ научной мысли принципъ органическаго развитія — двѣ заслуги чрезвычайно важныя; но теперь русской исторіи предстоитъ другая высокая задача: выяснить элементы нашего народнаго быта и нашего народнаго характера [2]). Вслѣдствіе этого на первый планъ выступаетъ изученіе повѣрій, преданій и поэтическихъ произведеній народныхъ, вообще всего того, въ чемъ выражается воззрѣніе народа на природу, человѣка и силы, управляющія природою и человѣкомъ.

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Различныя направленія въ изученіи рус. народности. *Отеч. Записки* 1860, № 3, стр. 35.

2) Ibidem, 35—36.

„Народная поэзія должна лечь во главѣ угла при изученіи исторіи народа, ибо въ ней хранится ключъ къ пониманію всѣхъ событій и всѣхъ переворотовъ этой исторіи“ [1]). Объектъ, подлежащій изученію историка, нѣчто болѣе сложное, чѣмъ это кажется многимъ, и ошибочно полагать, будто русскій народъ есть какая-то однородная масса [2]).

Вотъ почему, горячо полемизируя съ Дмитріевымъ на тему — выразилась ли творческая сила русскаго народа по преимуществу въ созданіи государства или въ чемъ иномъ [3]), съ увлеченіемъ возражая противъ его взгляда на Московское государство, какъ на логически-необходимую форму русской жизни, какъ на ея прямой и естественный результатъ, и вообще возставая противъ оцѣнки всѣхъ явленій русской жизни мѣриломъ отношеній каждаго изъ нихъ къ Московскому государству [4]), точно такъ же съ неменьшимъ убѣжденіемъ и страстностью высказываясь противъ Б. Н. Чичерина и его теоріи государственной централизаціи [5]), Бестужевъ въ то же время съ искреннимъ сочувствіемъ встрѣчаетъ появленіе журнала „Основа“, задавшагося цѣлью изучать *бытъ, языкъ,* исторію и *нравы* южной Руси, съ чувствомъ удовлетворенія привѣтствуетъ „замѣчательную“ [6]) статью Костомарова: „Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси“. Въ ней видитъ онъ „лучшій примѣръ того, къ какимъ удачнымъ результатамъ можетъ вести изученіе исторіи съ точки зрѣнія народной“ [7]).

Вскрыть изъ подъ видимаго однообразія русской провинціальной жизни отдѣльныя этнографическія и географическія единицы — земли, — „вотъ задача вполнѣ достойная

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* „Пѣсни изд. Рыбниковымъ, Кирѣевскимъ и др.“. Статья I. *Отеч. Записки* 1861, № 6, стр. 63.

2) *Бестужевъ-Рюминъ,* Различныя направленія, стр. 35.

3) *Бестужевъ-Рюминъ,* „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, С. Соловьева“. Статья I. *Отеч. Записки* 1860, № 9, стр. 6 и слѣд.

4) *Бестужевъ-Рюминъ,* Философія исторіи и Московское государство. *Отеч. Записки* 1860, № 11, стр. 12.

5) *Бестужевъ-Рюминъ,* Историческое и политическое доктринерство въ его практическомъ положеніи. *Отеч. Записки* 1861, № 11, стр. 1—10.

6) *Бестужевъ-Рюминъ,* Федеративное начало въ древней Руси. *Отеч. Записки* 1861, № 2, стр. 64.

7) Ibidem, 54.

2840

историка" [1]). „Въ глубинѣ народной жизни, въ той массѣ, которая свято хранитъ обычаи и преданія предковъ, живетъ нѣсколько разнообразныхъ типовъ, происхожденіе которыхъ едва-ли не восходитъ къ до-исторической древности. Доискаться до самаго источника этихъ типовъ, возстановить въ наукѣ всю ихъ судьбу — вотъ великая задача историка, къ осуществленію которой стремятся вновь создаваемыя науки: физіологія общества и психологія народовъ — великія науки, самые контуры которыхъ еще неясно представляются нашему воображенію. Братья Гриммы, Бокль и Риль — вотъ вожди на этомъ новомъ, неизвѣданномъ еще поприщѣ" [2]). Съ этой точки зрѣнія Бестужевъ ставитъ очень высоко „Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси". Статья эта, говоритъ онъ, „ставитъ самый капитальный вопросъ исторіи древней Руси совершенно новымъ образомъ. Дальнѣйшія изслѣдованія могутъ много разъяснить въ ней; полная исторія Россіи въ періодъ до-татарскій можетъ открыть новыя черты, придать образъ и краски ея контурамъ, но мысль ея глубоко вѣрна: подтвержденіемъ этой мысли служатъ тѣ этнографическія особенности, которыя до сихъ поръ еще существуютъ; подтвержденіемъ ей служатъ лѣтописныя свидѣтельства; внутренняя правда ея открыта простому здравому смыслу" [3]).

Переходя затѣмъ непосредственно къ вопросу объ исторіи, какъ наукѣ, Бестужевъ находитъ, что задачи ея весьма усложнились за послѣднее время: „чѣмъ сложнѣе дѣлается жизнь, тѣмъ съ бо̀льшимъ количествомъ вопросовъ приступаетъ она къ прошедшему, тѣмъ настоятельнѣе необходимость отвѣта со стороны науки на всѣ эти вопросы" [4]). Отъ прежнихъ историковъ „требовалось только картиннаго изображенія жизни царей и героевъ, великихъ торжествъ и великихъ бѣдствій; ихъ творенія назначены были служить „священною книгою царей и народовъ", собраніемъ поучительныхъ примѣровъ; цѣль ихъ была изобразить страсти, бѣдствія и радости, свойственныя всѣмъ людямъ, безъ различія

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Федеративное начало въ древней Руси. *Отеч. Записки* 1861, № 2, стр. 55.

2) Ibidem, 56.

3) Ibidem, 66.

4) *Бестужевъ-Рюминъ,* „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, С. Соловьева". Статья I. *Отеч. Записки* 1860, № 9, стр. 3.

2840

вѣковъ и народовъ"; нынче же отъ исторіи ждутъ „полнаго разъясненія нашего прошлаго, анализа тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ сложилось то или другое общество, разгадки причинъ преобладанія того или другаго изъ этихъ элементовъ" [1]).

Такимъ образомъ на первый планъ выступаетъ не *фактъ*, а *физіологія* и даже *патологія общества;* не отдѣльныя личности злодѣевъ или героевъ, а одно общее нравственное лицо: *общество.* „Законы, по которымъ живетъ это нравственное лицо въ общей своей сложности, въ абстрактной формулѣ, вѣроятно, такъ же просты, какъ и физическіе законы естества; но въ этомъ общемъ видѣ мы ихъ не знаемъ; передъ нашими глазами они являются въ многообразіи личностей и народностей, въ многоразличныхъ видоизмѣненіяхъ, обусловливаемыхъ мѣстными физическими причинами. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ общій ходъ исторіи мы знаемъ только гадательно, только стремимся узнать его. Всѣ приложенія философіи исторіи, которыя дѣлались до сихъ поръ, въ сущности преждевременны и болѣе или менѣе произвольны: неполное знаніе ведетъ къ обобщенію случайнаго, къ поставленію во главу угла временнаго, къ прославленію того, что было гибельно и т. д. Величайшій мыслитель всѣхъ вѣковъ, Аристотель, желая понять политическое строеніе обществъ, началъ съ описанія всѣхъ формъ правленія, которыя существовали въ его время. Собрать какъ можно болѣе фактовъ, осмыслить ихъ одинъ другимъ и только тогда выводить общія заключенія — вотъ методъ, который рекомендуетъ Бокль . . . но мы далеки еще отъ того времени, когда исполнятся ожиданія англійскаго историка" [2]).

Но доискиваясь законовъ, управляющихъ обществомъ, не слѣдуетъ забывать, что значеніе личности въ общемъ ходѣ событій очень большое, такъ какъ законы развитія человѣчества лишь формулы отношеній между различными элементами этого развитія, личность же — элементъ одинъ изъ важнѣйшихъ. Вслѣдствіе этого ходъ развитія идетъ не прямолинейно, а „прихотливыми извивами, то стремясь впередъ, то уклоняясь въ сторону, то возвращаясь назадъ, то отклоняясь вовсе отъ цѣли, или останавливаясь на извѣстной ступени. Еслибъ законы развитія были нѣчто постоянное, не-

1) Ibidem, 3.
2) Ibidem, 3—4.

преложное, заранѣе опредѣленное, тогда бы узнать ихъ было гораздо легче и легче было бы прослѣдить ихъ вліяніе на жизнь; тогда бы знали, что вотъ въ такую-то эпоху родится такой-то человѣкъ и сдѣлаетъ то и то" [1]). Такимъ образомъ *„первое условіе для историка нашего времени — понять общее въ частномъ, подглядѣть законы развитія общества въ сталкивающихся и переплетающихся случайностяхъ"* [2]).

Но выполненіе этого крайне трудно: „только многостороннее обслѣдованіе разныхъ сторонъ жизни, только сопоставленіе множества одинаковыхъ, нерѣдко самыхъ мелкихъ фактовъ даетъ право историку на общіе выводы. Замѣтимъ притомъ, что этимъ общимъ выводамъ должны еще предшествовать частные, второстепенные выводы по каждой изъ сферъ жизни въ отдѣльности" [3]). Вообще историкъ не долженъ оставаться „чуждымъ ни общему движенію жизни, ни общему движенію науки: для Грановскаго листокъ газеты, говоритъ одинъ изъ его некрологовъ, былъ такъ же любопытенъ, какъ и листокъ лѣтописи. Тотъ же Грановскій, какъ мы знаемъ изъ его „Рѣчи", изъ перевода статьи Мильнъ-Эдварса, не былъ чуждъ начавшемуся движенію въ естественныхъ наукахъ. Бокль, геніальнѣйшій историкъ нашего времени, знаетъ такъ много, что его познанія приводятъ въ изумленіе всѣхъ читавшихъ его книгу [4]). . . Чѣмъ шире понимаетъ историкъ современность, тѣмъ шире понимаетъ и прошедшее" [5]). На исторію каждый періодъ жизни народной кладетъ свой особый отпечатокъ, заявляя отъ нея свои требованія [6]).

Въ наше время считается необходимымъ въ наукахъ общественныхъ изучать „существенныя условія быта страны и ея народныя особенности — вообще изучать общество въ его дѣйствительномъ состояніи. Тотъ же самый методъ, тѣ же самыя требованія историкъ вноситъ въ прошедшее.

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* „Исторія Россіи съ древн. временъ, С. Соловьева". *Отеч. Записки* 1860, № 9, стр. 4.

2) Ibidem, 4.

3) Ibidem, 5.

4) *Бестужевъ-Рюминъ,* Федеративное начало въ древней Руси. *Отеч. Записки* 1861, № 2, стр. 64.

5) Ibidem, 65.

6) Ibidem, 64.

Здѣсь, разумѣется, картина его не будетъ такъ же полна, какъ можетъ быть полна картина современности, но тѣмъ не менѣе онъ долженъ по возможности уяснить все, что встрѣтитъ на пути своемъ. Слѣдуя по этому пути, онъ не въ правѣ пренебрегать чѣмъ-либо: литературный памятникъ нерѣдко даетъ ему такой-же матеріалъ, какъ и страница лѣтописи; фактъ изъ современной этнографіи прольетъ неожиданный свѣтъ на прошлое; выводъ современной экономической науки объяснитъ многое въ экономическомъ состояніи отдаленныхъ вѣковъ, которое, въ свою очередь, объяснитъ политическія событія того времени. Все связано въ мірѣ; только надо умѣть поймать и уловить эту связь. Не подчинять общаго движенія произвольнымъ законамъ, а искать частныхъ соотношеній долженъ на первый разъ историкъ. Только отъ этихъ частныхъ выводовъ можетъ онъ возвыситься до общихъ. Отвергать теорію, какъ теорію нельзя, но всякая теорія есть выводъ изъ извѣстнаго рода фактовъ и потому старѣется, когда окажется, что есть стороны, ею необнимаемыя или на которыя она проливаетъ ложный свѣтъ. Чѣмъ шире становится содержаніе науки, тѣмъ труднѣе совмѣстить все это содержаніе въ одну теорію, тѣмъ легче и скорѣе старѣются и ветшаютъ разныя теоріи, которыя такъ недавно еще дивили своею величавостью. Благо тому ученію, которое съумѣло въ большей своей части держаться на прочной фактической основѣ: отъ него всегда останется что-нибудь" [1]).

Фактическій матеріалъ предварительно долженъ быть достаточно накопленъ, провѣренъ, сгруппированъ и всесторонне обслѣдованъ; до тѣхъ же поръ „общіе выводы должны быть какъ можно скромнѣе: философская дѣятельность можетъ ограничиваться только частными результатами или полемическимъ отношеніемъ къ существующимъ мнѣніямъ. Итакъ, первое требованіе отъ исторіографіи, которое совершенно необходимо при настоящемъ состояніи науки, вообще, оказывается пока еще совершенно непримѣнимымъ. Вслѣдствіе чего самое существованіе исторіи, какъ науки, какъ полнаго цѣлаго, является только желательнымъ. Вотъ почему, по нашему мнѣнію, всякое догматическое изложеніе

1) Ibidem, 65.

исторіи неумѣстно въ наше время: оно явилось или слишкомъ рано или слишкомъ поздно" [1]).

Второе необходимое для историка условіе — знаніе практической жизни. „Самые великіе историки тѣ, которые много видѣли, во многомъ принимали участіе. Таковы, не говоря о Ѳукидидѣ, Гротъ, Маколей, Нибуръ, наконецъ, Гизо. Только практическая жизнь даетъ вѣрный тактъ для пониманія прошлаго, которое неразрывными узами связано съ настоящимъ. Вотъ почему великіе историки такъ любятъ подъискивать аналогическія явленія въ настоящемъ или прошедшемъ. Конечно, аналогія иногда освѣщаетъ вопросъ ложнымъ свѣтомъ, но иногда помогаетъ попасть на истину. Извѣстно, какъ случай навелъ Нибура на пониманіе аграрныхъ законовъ. Если уже для событій отдаленныхъ эпохъ и отдаленныхъ странъ нельзя ограничиваться однимъ кабинетнымъ изученіемъ письменныхъ памятниковъ, то тѣмъ менѣе возможно подобное изученіе въ исторіи своей страны, прошедшее которой живо въ настоящемъ не только въ общихъ чертахъ, но нерѣдко и въ подробностяхъ. Современные этнографическіе очерки, какъ ни мало большая часть ихъ соотвѣтствуетъ требованіямъ науки, нерѣдко объясняютъ многое въ давнопрошедшемъ; ибо въ народѣ живо не только воспоминаніе событій и лицъ временъ минувшихъ, но иногда цѣлы слѣды погибшихъ учрежденій и живы вѣрованія, идущія отъ глубокой древности. Какъ ни искажены эти слѣды, но опытный глазъ историка отличитъ въ нихъ примѣсь отъ первоначальной основы, и не только основа, но даже и примѣсь могутъ повести его къ важнымъ заключеніямъ. Вотъ гдѣ бытовая исторія вступаетъ во всѣ свои права, вотъ ея непосредственная область! Здѣсь ея точка соприкосновенія съ исторіею политическою" [2]).

Наконецъ, Бестужевъ-Рюминъ предъявляетъ къ историку еще одно требованіе: введеніе *сравнительнаго метода.* „Сравнительный методъ" — говоритъ онъ — „есть одна изъ формъ наведенія; при немъ не фактъ подводится подъ мысль, но мысль выводится изъ факта, или, еще точнѣе, изъ ряда фактовъ. Здѣсь важное значеніе имѣетъ самое сопоставленіе

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, С. Соловьева". Статья I. *Отеч. Записки* 1860, № 9, стр. 6.

2) Ibidem, 11—12.

фактовъ: фактъ повторяющійся въ разныхъ странахъ и въ разныя эпохи невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе, какъ бы мелокъ и ничтоженъ онъ ни казался въ отдѣльности". Рано или поздно наука придетъ къ сознанію, „что связь между фактами и есть ихъ внутренній смыслъ, ибо законъ открывается только въ явленіяхъ и внѣ явленій не существуетъ; законъ есть формула отношеній между извѣстными данными элементами", и слѣдовательно не есть что либо внѣшнее, одинаково приложимое къ каждому факту, „а есть, такъ сказать, отвлеченіе отъ фактовъ, или точнѣе отъ условій, при которыхъ факты существуютъ. Чѣмъ ближе мы знакомимся съ фактами, тѣмъ далѣе и далѣе идетъ это отвлеченіе: сначала мы узнаемъ условіе извѣстной группы явленій; потомъ слагаемъ нѣсколько группъ, выводимъ общій для нихъ законъ и т. д., пока не будетъ обнята мыслію вся совокупность вещей, чего, разумѣется, никогда не случится, но къ чему надо стремиться, какъ къ идеалу".

Хотя сравнительный методъ появился довольно давно: „признаки его, относительно учрежденій, есть у Аристотеля, потомъ у Монтескье, и въ наше время, хоть у Биддермана, — но онъ еще далеко не господствуетъ. Еще по прежнему одни историки довольствуются критикой фактовъ, дѣломъ безспорно полезнымъ, безъ котораго невозможно никакое движеніе впередъ: прежде чѣмъ я стану сравнивать два однородныхъ явленія, я долженъ достаточно близко знать признаки каждаго изъ нихъ. Другіе стараются подвести дѣйствительность подъ какую-нибудь заранѣе изготовленную рамку, подъ какія-нибудь готовыя опредѣленія. Этотъ разрядъ историковъ самый вредный, и чѣмъ они послѣдовательнѣе, чѣмъ вѣрнѣе своей основной мысли, тѣмъ вреднѣе. Это видоизмѣненіе стараго фаталистическаго ученія, новая попытка отыскать законы, стоящіе внѣ фактовъ, въ какой-то мистической дали. Низвергнуть это направленіе можетъ только твердая наука, которая начнетъ изученіе того, что слѣдуетъ изучать, и станетъ разсматривать факты не въ отдѣльномъ какомъ-нибудь углу, а на болѣе широкомъ полѣ. Чѣмъ болѣе оттѣнковъ найдемъ въ однородныхъ фактахъ, тѣмъ менѣе будетъ возможности криво истолковывать ихъ. На реальной почвѣ, на которую ставитъ сравнительный методъ, фантазіи нѣтъ мѣста, если мы разъ опредѣлимъ, что и съ чѣмъ надо сравнивать. Сравнительный методъ иногда имѣетъ уже слишкомъ широ-

кое приложеніе: сравниваются учрежденія народовъ совершеннно различныхъ. Такъ у Гизо проводится параллель между древними германцами и индѣйцами Сѣверной Америки. Конечно, человѣкъ вездѣ человѣкъ, между людьми въ дикомъ состояніи еще болѣе точекъ соприкосновенія; но для полной научной точности, сравненія должны начинаться съ ближайшей сферы, съ народовъ единоплеменныхъ".

Что же собственно подлежитъ сравненію? „Не личности отдѣльныхъ дѣятелей, не нравы высшихъ сословій, общіе часто многимъ странамъ, не занесенныя религіи, но исконныя вѣрованія, нравы и учрежденія, держащіеся на этихъ нравахъ и вѣрованіяхъ. При свѣтѣ, вынесенномъ изъ изученія явленій этого второго разряда, можно понять и первый, уловить на немъ черты извѣстной народности, не попадающіеся въ глаза при первомъ неподготовленномъ взглядѣ. Такъ русскій баринъ, изумлявшій Парижъ XVIII вѣка своей образованностью, вовсе не далекъ отъ польскаго магната XVII вѣка, приводившаго въ стыдъ парижанъ своимъ латинскимъ языкомъ. И то и другое явленіе, быть можетъ, имѣетъ одинъ корень; добраться до него и разъяснить дѣло принадлежитъ той будущей наукѣ, которую потомки только по старой памяти будутъ называть исторіей, но которая, вѣроятно, съ греческой музой Кліо будетъ состоять лишь въ самомъ отдаленномъ и боковомъ родствѣ" [1]).

Таковы — *научныя* требованія отъ современной исторіи. Но для того, чтобы стать историкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, необходимо быть вмѣстѣ съ тѣмъ и *художникомъ*. „Въ сущности это условіе рѣже всего исполняется въ дѣйствительности: рѣдкому дано, какъ Маколею, соединить глубокія свѣдѣнія, практическую ясность ума и громадный талантъ. Художественность въ историкѣ состоитъ въ умѣньѣ представить эпоху живо и образно", нарисовать полную картину и равномѣрно распредѣлить на ней свѣтъ и тѣни; а „для этой цѣли надо прежде всего обладать творческимъ талантомъ Вальтера-Скотта и умѣть проникнуть въ духъ и направленіе эпохи" [2]).

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Русская исторія въ связи съ исторіей другихъ славянскихъ народовъ. *С.-Петерб. Вѣд.* 1863, № 134.

2) *Бестужевъ-Рюминъ,* „Исторія Россіи, С. Соловьева". Статья I. *Отеч. Записки* 1860, № 9, стр. 12.

„Таковы двоякія требованія отъ исторіи въ наше время, неизбѣжныя по двоякому характеру исторіи, которая соединяетъ въ себѣ науку и искусство“, говоритъ Бестужевъ. „Удовлетворить тѣмъ или другимъ требованіямъ въ настоящее время чрезвычайно трудно; удовлетворить же обоимъ вмѣстѣ положительно невозможно. Вотъ почему историческія сочиненія принимаютъ одинъ изъ двухъ характеровъ: или научный, или художественный; но тѣмъ не менѣе присутствіе другого элемента, хотя и на второмъ планѣ, совершенно необходимо. Какъ непонятно намъ историческое сочиненіе въ духѣ бенедиктинцевъ, такъ-же невозможно и литературное произведеніе въ родѣ аббата Верто. Стремленіе слить обѣ формы становится все сильнѣе и сильнѣе; требованіе художественности отъ каждаго историческаго труда все болѣе и болѣе настойчиво. Причина этого явленія понятна: просвѣщеніе такъ распространено въ наше время (мы говоримъ сравнительно), что кругъ читателей чрезвычайно обширенъ и большинство, конечно, уже не спеціалисты. Стало быть, то, что нужно для спеціалистовъ, неудовлетворительно для этого большинства, которое однако имѣетъ полное право требовать удовлетворенія своей любознательности, часто даже больше чѣмъ любознательности, ибо вопросы, занимающіе историка, всѣ имѣютъ близкую и тѣсную связь съ жизнью дѣйствительною.

„Таково положеніе историка въ Европѣ; положеніе его у насъ еще затруднительнѣе: тамъ по крайней мѣрѣ трудъ зодчаго облегчается предварительными мелкими, копотливыми работами надъ матеріаломъ, который частью изданъ, частью издается, объясняется и т. д. У насъ этихъ предварительныхъ работъ почти не существуетъ: у насъ каждый долженъ начинать работу сначала: хоть и есть изданіе памятниковъ, но далеко не всѣ они удовлетворяютъ самымъ первымъ требованіямъ исторической критики; очень при немногихъ мы находимъ введенія, знакомящія съ ихъ содержаніемъ и значеніемъ; критическіе разборы памятниковъ извѣстны всѣ наперечетъ — такъ ихъ мало. Есть замѣтки о лѣтописяхъ, преимущественно о Несторовой, о которой написана цѣлая библіотека, но которая до сихъ поръ не объяснена вполнѣ. Всѣ эти замѣтки не только не приведены въ связь, но еще до сихъ поръ не подкрѣплены достаточнымъ количествомъ доказательствъ. Особенный характеръ нашихъ лѣтописей,

которыя всѣ, болѣе или менѣе, представляютъ сходство между собою и въ сущности суть ничто иное, какъ лѣтописные сборники разныхъ редакцій, налагаетъ на изслѣдователя особенную обязанность, которой еще до сихъ поръ никто не исполнилъ, хотя начало и положено Погодинымъ. Эта работа, скучная и кропотливая, состоитъ въ опредѣленіи состава лѣтописей и ихъ взаимнаго отношенія. При способѣ изданія, принятомъ Археографическою комиссіей, то есть, сводѣ, тщательное изслѣдованіе можетъ быть произведено только по рукописямъ. Далѣе, у насъ есть вопросы совершенно нетронутые и есть вопросы, о которыхъ написаны цѣлыя библіотеки; потомъ въ разныхъ журналахъ, сборникахъ, спеціальныхъ сочиненіяхъ разбросано множество замѣтокъ важныхъ и неважныхъ, дѣльныхъ и пустыхъ; все это не только не оцѣнено критически, но и не приведено въ извѣстность. Человѣкъ, начинающій знакомиться съ русскою исторіею, если онъ не имѣлъ счастья войти въ близкія отношенія съ какимъ-нибудь спеціалистомъ, посвятившимъ много лѣтъ изученію библіографіи своего предмета, бродитъ долго, какъ въ темномъ лѣсу. Оттого у насъ являются только спеціалисты по отдѣльнымъ вопросамъ, или люди, обладающіе общимъ взглядомъ, нерѣдко лишеннымъ всякаго положительнаго содержанія. Оттого намъ часто случается слышать такія мнѣнія, которыя были бы невозможны при болѣе нормальномъ состояніи литературы. Иногда вдругъ, ни съ того, ни съ сего, поднимаются вопросы старые, забытые и совершенно безполезные, каковъ, напримѣръ, знаменитый вопросъ о варягахъ. При такомъ состояніи науки всего полезнѣе было бы критическое изложеніе русской исторіи, то-есть, оцѣнка всѣхъ извѣстій лѣтописныхъ, всѣхъ оставшихся памятниковъ и, наконецъ, повѣрка всѣхъ ходячихъ мнѣній. Трудъ тяжелый, невидный и на первый взглядъ неблагодарный, можетъ быть, даже превышающій силы одного человѣка, но трудъ положительно необходимый, безъ котораго русская исторія созидается на пескѣ. Всякая попытка догматическаго изложенія русской исторіи не въ формѣ учебника, или небольшой популярной книги (какой еще, къ сожалѣнію, нѣтъ у насъ) не радуетъ, а скорѣе печалитъ насъ, ибо прибавляетъ новое мнѣніе къ массѣ непровѣренныхъ, несведенныхъ ни къ чему общему, мнѣній, прибавляется еще взглядъ на весь ходъ русской жизни ко множеству взгля-

довъ, оказавшихся ни на чемъ не основанными, ни къ чему не приложимыми" [1]).

Вотъ въ общемъ взглядъ Бестужева на задачи современной исторіи. Вступительная лекція его въ Петербургскомъ университетѣ, какъ увидимъ ниже, будетъ посвящена именно доказательству необходимости исторіи научно-критической, гдѣ воспроизведенію прошлаго предшествуетъ строгое и внимательное изученіе источниковъ, разборъ чужихъ, особенно спорныхъ мнѣній. Вотъ почему въ основу изученія прошлаго Бестужевъ считалъ необходимымъ положить *научную критику*. Этому положенію онъ остался вѣренъ навсегда, одинаково какъ на каѳедрѣ, такъ и въ работахъ литературныхъ.

Но научная критика будучи conditio sine qua non серьезной работы, еще не есть цѣль сама по себѣ; идеаломъ историка должно быть *художественное* воспроизведеніе прошлаго. Въ этомъ отношеніи любопытны слѣдующія слова Бестужева, сказанныя по поводу только-что тогда появившейся „Древней русской исторіи" Погодина. „Художественно-популярная исторія — вотъ послѣдняя цѣль, къ которой стремится историческая наука: для нея собираются матеріалы, копятся изслѣдованія, пишутся монографіи. Она должна облечь плотью скелеты, добытые анатомическимъ ножемъ изслѣдователей, должна въ живыхъ образахъ представить всю прошлую жизнь народа во всѣхъ отношеніяхъ, и живыми же образами пояснить взаимнодѣйствіе различныхъ стихій давно минувшихъ эпохъ: говоря уму читателя, она въ то же время, и еще болѣе, должна говорить его воображенію, ибо она должна быть доступна всѣмъ грамотнымъ людямъ и, слѣдовательно, художественный ея элементъ, понятный всѣмъ равно и тѣмъ болѣе понятный, чѣмъ болѣе силенъ, долженъ выходить на первый планъ. Чѣмъ менѣе разсуждаетъ историкъ отъ себя, чѣмъ болѣе говоритъ сопоставленіемъ фактовъ, тѣмъ сильнѣе его дѣйствіе, тѣмъ выше его талантъ. Гомеръ и Шекспиръ должны быть всегда передъ глазами такого историка: не даромъ одинъ изъ величайшихъ художниковъ-историковъ нашего времени, Прескотъ, сравниваетъ предметъ одного изъ своихъ сочиненій — завоеваніе Мексики — съ правильною эпопеею. Историки

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Исторія Россіи съ древн. временъ, С. Соловьева". Статья I. *Отеч. Записки* 1860, № 9, стр. 13—15.

древности считали нужнымъ свои соображенія о мотивахъ дѣйствій выражать рѣчами, которыя они влагали въ уста своихъ героевъ. Въ наше время подобный пріемъ не мыслимъ, но съ нимъ художественная исторія теряетъ одно изъ могущественныхъ средствъ дѣйствія, которое только отчасти замѣняется искусствомъ быть образнымъ даже въ разсужденіи отъ своего имени" [1]).

Воззрѣніямъ на художественную исторію и на роль научной критики Бестужевъ оставался вѣренъ въ теченіе всей свой дѣятельности. Зато въ позднѣйшихъ своихъ представленіяхъ объ обществѣ и народности онъ отказался отъ прежней исключительно отвлеченной и теоретической оцѣнки и внесъ туда черты болѣе реальныя, съ болѣе индивидуальнымъ характеромъ. Для указанія воспользуемся собственными его словами. Говоря о воззрѣніяхъ, господствовавшихъ въ наукѣ 30 лѣтъ передъ тѣмъ (писано въ 1889 г.), Бестужевъ замѣчаетъ: „А. А. Григорьевъ въ частномъ разговорѣ замѣтилъ одному изъ молодыхъ людей того времени [2]): „для васъ русская народность то же самое, какъ и всѣ другія народности". По чувству, можетъ быть, каждый изъ тогдашнихъ молодыхъ людей болѣе былъ русскимъ, чѣмъ это казалось, но въ воззрѣніяхъ народность далеко не играла такой роли, которая ей принадлежитъ въ дѣйствительности. То была отвлеченная обще-арійская народность, изъ которой возникло обще-европейское просвѣщеніе, долженствующее стать общимъ достояніемъ всѣхъ народовъ. Такая точка зрѣнія поддерживалась съ одной стороны — нерасположеніемъ къ оффиціальной народности, съ которою мѣшались и славянофилы, съ другой стороны — результатами сравнительнаго историческаго изученія народной поэзіи, изученія, въ кругъ котораго Ѳ. И. Буслаевъ внесъ и русскій языкъ, и русскую народную поэзію. Этой стороною молодыя напра-

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Древняя русская исторія, соч. Погодина". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1872, № 5, стр. 135—136.

2) Если сопоставить другую фразу Бестужева: „А. А. Григорьевъ замѣтилъ мнѣ разъ, что въ моей статьѣ: „Современное состояніе русской исторіи, какъ науки" я смотрю на русскую народность очень объективно" (*Бестужевъ-Рюминъ*, А. Ѳ. Гильфердингъ. *Слав. Обозрѣніе* 1892, кн. 9, стр. 7) — то можно почти съ увѣренностью сказать, что подъ „молодымъ человѣкомъ" Бестужевъ подразумѣвалъ самого себя.

вленія конца пятидесятыхъ годовъ отличались отъ воззрѣній Бѣлинскаго и его современниковъ" [1]).

Вообще позже Бестужевъ-Рюминъ уже не противоставлялъ съ такою рѣзкостью *общества государству:* онъ старается скорѣе слить ихъ, связать воедино. Онъ прямо заявлялъ: „кто вчитается въ труды Ѳ. И. Буслаева, тотъ пойметъ, почему народившееся тогда стремленіе къ замѣнѣ исторіей народа исторіи государственной, представителемъ которой являлся тогда С. М. Соловьевъ, нашло себѣ опору въ трудахъ Ѳ. И. Буслаева. *Мы теперь ясно видимъ, что конечная цѣль исторической науки — не замѣна второго понятія первымъ, а ихъ сліяніе и взаимное дополненіе*" [2]). Тѣмъ не менѣе и въ первоначальный, и въ позднѣйшій періоды своихъ научныхъ работъ Бестужевъ-Рюминъ всегда отдавалъ предпочтеніе „обществу", неуклонно продолжалъ держаться взгляда, „что внесеніе народнаго элемента объяснитъ и самый характеръ исторіи государственной, и ея ходъ" [3]).

Какое значеніе придавалъ онъ этому элементу, какъ серьезно и широко ставилъ онъ задачу его изученія, можно видѣть изъ той бѣглой программы, какую онъ въ случайной критической замѣткѣ ставитъ, какъ необходимое требованіе для тѣхъ, кто берется за „воспроизведеніе народнаго типа". „Для полнаго разрѣшенія подобной задачи" — говоритъ Бестужевъ-Рюминъ — „нужно весьма много условій: сверхъ обстоятельнаго и близкаго знакомства съ источниками, сверхъ врожденнаго инстинкта народной жизни, способствующаго пониманію многихъ сторонъ, неподдающихся научному анализу и ускользающихъ отъ взгляда посторонняго человѣка, нужно еще сравнительное изученіе разныхъ народныхъ типовъ, требующее знакомства съ разными сторонами жизни, составляющими въ настоящее время предметъ отдѣльныхъ наукъ (политическая экономія, науки юридическія, исторія литературы, исторія искусства, исторія религій и т. д.). Извѣстно, что нѣтъ народности, которая не была бы смѣшанною изъ разныхъ этнографическихъ особей, нѣтъ народа, который въ теченіе своей исторической жизни жилъ бы внѣ

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* „Сочиненія А. А. Котляревскаго. т. I". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1889, № 7, стр. 162.

2) Ibidem, 161.

3) Ibidem.

сношеній съ другими народами, сношеній, которыя приводили бы въ столкновеніе съ общественными, политическими, литературными и т. п. идеалами другихъ народовъ. Если нельзя смотрѣть на народность, какъ на листъ бѣлой бумаги, на которой все написанное принадлежитъ другимъ, то съ другой стороны нельзя полагать, что существуютъ китайскія стѣны, отдѣляющія какой-нибудь народъ отъ общенія съ другими народами. Вотъ почему въ высшей степени важно опредѣлить взаимное дѣйствіе одного народа на другой, сказывающееся не только въ заимствованіи внѣшнемъ (костюмъ, мода и т. п.), начавшемся не со вчерашняго дня (Европа носила то итальянскій, то испанскій, то французскій костюмъ), но и въ заимствованіи идей, взглядовъ, политическихъ и общественныхъ идеаловъ. Здѣсь историку предстоитъ отдѣлить сходство, объясняемое человѣческою природою или географическими условіями, отъ сходства, порожденнаго общимъ племеннымъ происхожденіемъ, и отъ заимствованій, сдѣланныхъ въ историческое время. Такъ широка задача историка бытового, такъ много требуетъ она подготовки" [1]).

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* „Исторія русской жизни, соч. Забѣлина". *Древ. Нов. Россія* 1876, № 8, стр. 386—387.

IX.

Профессура.

Мы видѣли, что научныя воззрѣнія Бестужева формировались въ ту пору, когда въ наукѣ происходила борьба противоположныхъ направленій, когда Погодинъ ревниво отстаивалъ свои тезисы отъ Соловьева и Кавелина, когда съ другой стороны школа историческая ожесточенно боролась со славянофилами. Бестужевъ вступилъ въ жизнь въ самый разгаръ этой борьбы, когда противники уже успѣли выработать и выставить вполнѣ сложившіяся формулы, вполнѣ опредѣленныя положенія; самому Бестужеву уже не пришлось участвовать въ развитіи этихъ формулъ; онъ ихъ нашелъ готовыми, а потому могъ подойти къ нимъ со стороны, въ качествѣ вполнѣ объективнаго наблюдателя. Анализъ далъ ему знакомство съ явленіями: разносторонность образованія — возможность остаться внѣ научныхъ партій и не примыкать непремѣнно къ той или другой школѣ. Сознательное нежеланіе видѣть свѣтъ въ окнѣ одного только направленія, каково бы оно ни было, воспитало его въ духѣ научной терпимости — съ одной, и въ духѣ осторожности въ выводахъ — съ другой стороны. Не примыкая ни къ какому направленію, онъ легче видѣлъ односторонности каждаго изъ нихъ; но въ то же время, и, конечно, *въ силу именно* этого, онъ имѣлъ возможность лучше оцѣнить и положительныя ихъ стороны. Вотъ почему онъ свободно беретъ одинаково и у Соловьева и у Аксакова, у Кавелина и у Погодина то, что было въ нихъ дѣйствительно правильнымъ, дѣйствительно вѣрнымъ.

Родовой теоріи Соловьева, напримѣръ, Бестужевъ не раздѣлялъ; однако онъ не считалъ возможнымъ всецѣло принять и гипотезу общинно-семейнаго быта: высказанная

нѣсколько позже примиряющая теорія Иречка о бытѣ задружномъ оказалась ему болѣе по сердцу. „Государственная“ точка зрѣнія Соловьева для живого ума и впечатлительной натуры Бестужева была слишкомъ сухою формулою, слишкомъ тѣсными и узкими рамками; Бестужевъ упрекалъ московскаго историка въ томъ, что онъ оставилъ въ тѣни другіе важные факторы русской народной жизни, — главнымъ образомъ *общество;* но тотъ же Бестужевъ, подчеркивая, въ противоположность Соловьеву, областную самостоятельность древней Руси, никогда не думалъ пренебрегать и „государственной“ стороною русской исторіи, вполнѣ признавая ее за важный и крупный историческій факторъ.

Съ перваго раза можетъ казаться противорѣчіемъ высокая оцѣнка Бестужевымъ преобразовательной дѣятельности Петра Перваго, на ряду съ симпатіями къ древней Руси, симпатіями, въ глазахъ иныхъ носившими славянофильскій характеръ. На дѣлѣ „славянофильство“ Бестужева нисколько не мѣшало ему признавать необходимость и пользу Петровской реформы. Отъ Хомякова и Аксакова онъ беретъ не ихъ нападки на Западъ, а призывъ къ духовной самостоятельности, къ внутренней самобытности и оригинальности, — а это, разумѣется, не исключаетъ ни „необходимости“ появленія Петра, ни того плюса (по существу), который внесъ онъ своею реформой.

„Не будьте односторонними“, постоянно проповѣдовалъ Бестужевъ съ университетской ли каѳедры, въ частной ли бесѣдѣ. Высшую справедливость, истинно научное пониманіе онъ видѣлъ въ признаніи за каждымъ искренно и серьезно продуманнымъ взглядомъ извѣстной доли истины. „Justitia est constans et perpetua voluntas suum cuique tribuere — вотъ мой девизъ“, сказалъ онъ однажды въ отвѣтъ на просьбу одного близкаго къ нему человѣка назвать свой любимый афоризмъ.

Вышесказанное даетъ ключъ къ пониманію той profession de foi, съ какою выступилъ Бестужевъ въ своей первой вступительной лекціи въ Петербургскомъ университетѣ. Формы историческаго изложенія, заявилъ онъ, можно подвести подъ 4 группы: исторію художественную, субъективную, философскую и научно-критическую. Форма *художественная* — самая привлекательная, но ея цѣнность обусловлена предварительной критикою. Кромѣ того исключительно художествен-

ное представленіе исторіи ставитъ на первый планъ изображеніе характеровъ, событій и фактовъ переходящихъ, такъ сказать, внѣшнихъ, и относитъ на второй планъ болѣе постоянныя явленія, каковы: учрежденія, вѣрованія, бытъ. Что касается до исторіи *субъективной*, то она, пожалуй, была еще умѣстна въ ту пору, когда объясненіе событій обыкновенно искали въ личной волѣ, въ случайностяхъ, не сознавали ни исторической преемственности, ни присутствія въ каждой эпохѣ отличительныхъ чертъ, ей только и присущихъ; теперь же, когда къ исторіи предъявляются прежде всего научно-объективныя требованія, субъективизмъ историческій окончательно потерялъ подъ собою почву. Что же касается до *философской* исторіи, то писать ее еще рано. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли заключить все движеніе историческое въ немногія формулы, найти верховное начало, изъ котораго истекали бы всѣ эти формулы, заранѣе опредѣлить все будущее развитіе — когда открытія въ области знанія постоянно указываютъ намъ на новые міры исторической жизни и дѣлаютъ крайне шаткими выводы, сдѣланные прежде фактовъ? . . .

Такимъ образомъ выборъ Бестужева падаетъ на исторію *научную, научно-критическую,* гдѣ воспроизведенію прошлаго предшествуетъ строгое и внимательное изученіе источниковъ, гдѣ разборъ чужихъ мнѣній, особенно спорныхъ, осторожное взвѣшиваніе противоположныхъ теорій и воззрѣній составляетъ необходимую принадлежность научнаго изложенія. Этимъ характеромъ, дѣйствительно, и было всегда проникнуто не только университетское преподаваніе Бестужева, но и всѣ его вообще литературныя работы. Дальнѣйшее изложеніе, надѣюсь, вполнѣ подтвердитъ только-что сказанное.

Бестужевъ велъ въ университетѣ обыкновенно два курса: общій и спеціальный; если такое распредѣленіе и совпадало съ программой, то оно еще болѣе совпадало съ личными вкусами и взглядами самого профессора. „Научные спеціальные курсы хороши“ — читаемъ мы въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ Бестужева — „но въ помощь общимъ, которые необходимы въ высшемъ преподаваніи, ибо если бы даже въ гимназіи и хорошо учили исторіи (чего, вы знаете, нѣтъ), то и тогда нужно было бы осмыслить факты. Таково назначеніе общихъ курсовъ; а спеціальныя изслѣдованія о раз-

ныхъ эпохахъ или разныхъ источниковъ должны служить для спеціалистовъ, какъ образецъ изслѣдованія и пособія при изученіи. Поэтому я и въ университетѣ, и въ институтѣ считалъ нужнымъ общіе курсы и спеціальные" [1]). Изложеніе общаго курса Бестужевъ-Рюминъ доводилъ до половины или до конца XVIII-го ст., предварительно обставляя его обширнымъ введеніемъ, гдѣ знакомилъ съ современнымъ состояніемъ исторической науки и устанавливалъ основныя точки зрѣнія на свой предметъ. Первоначально приходилось читать въ два пріема одновременно двумъ младшимъ курсамъ: первому — древній, второму — новый періодъ. Но съ 1871 г. Бестужевъ получилъ себѣ помощника въ лицѣ Е. Е. Замысловскаго и проходилъ всю русскую исторію, хотя тоже въ два года, но съ однимъ и тѣмъ же составомъ слушателей. Что до спеціальныхъ курсовъ, то за все время своей профессуры К. Н. велъ ихъ исключительно одинъ. Онъ посвящалъ ихъ обозрѣнію лѣтописей, памятниковъ быта, мемуарамъ или исторіографіи [2]); отдѣльные же періоды, какъ тема самостоятельнаго курса, излагались сравнительно рѣдко, кажется, всего только одинъ разъ [3]). Исторіографію Бестужевъ особенно любилъ: она давала ему точку опоры въ критикѣ сошедшихъ со сцены или еще господствующихъ теорій; она оправдывала его научный скепсисъ и недовѣрчивое отношеніе къ теоріямъ вообще.

Его изложеніе, обыкновенно неровное, нервное, всегда живое, полное огня, было не столько лекціею, сколько бе-

---

1) Письмо 3 декабря 1883 г.

2) Такъ, напримѣръ, въ $18^{69}/_{70}$ г. — чтеніе и разборъ лѣтописей; въ $187^{0}/_{1}$ г. — обозрѣніе литературы русской исторіи; въ $187^{1}/_{2}$, $187^{2}/_{3}$ и $187^{3}/_{4}$ г.г.— обозрѣніе памятниковъ древне-русскаго государственнаго и юридическаго быта; въ $187^{4}/_{5}$ г. — исторіографія; въ $187^{5}/_{6}$, $187^{6}/_{7}$ и $187^{7}/_{8}$ гг. — обозрѣніе мемуаровъ XVIII в.; въ $187^{8}/_{9}$ и $18^{79}/_{80}$ гг. — обозрѣніе иностранныхъ писателей о Россіи съ XVI в.; въ $188^{0}/_{1}$ г. — исторіографія; въ $188^{1}/_{2}$ г. — записки русскихъ людей (Протоколы засѣданій совѣта Имп. С.-Петерб. университета: № 1, стр. 77, 119; № 3, стр. 147; № 4, стр. 138; № 6, стр. 114; № 9, стр. 112; № 11, стр. 66; № 13, стр. 125; № 15, стр. 54; № 16, стр. 84; № 18, стр. 85; № 21, стр. 8; № 22, стр. 93—94; № 24, стр. 117).

3) Таковъ былъ курсъ русской исторіи XVI в. въ $186^{7}/_{8}$ и $186^{8}/_{9}$ гг. (Обозрѣніе преподаванія наукъ въ Имп. С-Петерб. университетѣ на 1867—68 г. и на 1868—69 г.).

сѣдою. Этому изложенію нерѣдко можно было сдѣлать упрекъ въ отсутствіи внѣшней стройности и послѣдовательности; въ умѣ молодого слушателя, можетъ быть, не всегда легко и не всегда сразу укладывалась связь между отдѣльными частями лекціи, но зато слушатель всегда уходилъ съ богатымъ запасомъ мыслей, пытливыхъ запросовъ, съ пробудившимся интересомъ, всегда подъ впечатлѣніемъ благороднаго воодушевленія, которымъ полонъ былъ обыкновенно самъ лекторъ. Содержанію соотвѣтствовала и внѣшняя форма. Манера говорить — начиная лекцію нерѣдко еще на ходу, не усѣвшись въ кресло, всегда на память, безъ тетрадокъ и конспектовъ, съ нервной торопливостію человѣка, желающаго поскорѣе подѣлиться своею мыслью; впалые, воспламененные глаза, худое изможденное лицо — все это также дѣйствовало возбуждающимъ образомъ и невольно приковывало слушателя. По крайней мѣрѣ таковы были наши собственныя впечатлѣнія въ студенческую пору середины 70-хъ годовъ.

Въ сущности однородны были они и у другихъ. Вотъ какъ вспоминаютъ о лекціяхъ Бестужева тѣ, кто слушалъ его въ самые послѣдніе годы профессорской дѣятельности: „Передъ нами былъ не лекторъ, не учитель, а собесѣдникъ, простой, изящный, остроумный и серьезный; онъ не „читалъ", а просто разговаривалъ о своемъ дѣлѣ, какъ говорятъ съ равными и близкими людьми. Чтобы понимать его быструю и живую рѣчь, съ отступленіями отъ главной темы, съ личными воспоминаніями, съ живыми характеристиками кружковъ и лицъ, съ мѣткими оцѣнками трудовъ, о которыхъ заходила рѣчь, — надобно было нѣкоторое напряженіе и нѣкоторая подготовленность; ее давала „Русская исторія", которая въ свою очередь становилась доступнѣе послѣ лекцій. Казалось страннымъ, какъ мало соотвѣтствовалъ спокойный и сдержанный тонъ книги живости и субъективности устнаго изложенія, но тѣмъ привлекательнѣе и цѣннѣе казалось это изложеніе. Оно вводило слушателей въ самую жизнь ученыхъ круговъ и кружковъ, давало плоть и кровь каждому лицу, упомянутому въ бесѣдѣ, каждое ученое мнѣніе ставило въ ту жизненную обстановку, которая его воспитала и направила. Это умѣнье, даже, можно сказать, потребность К. Н. излагать каждый вопросъ исторіографически, пользуясь при этомъ не одною книжною справкою, но и личными воспоминаніями, сочеталась съ чрезвы-

чайною живостью рѣчи, блиставшей умомъ и въ то же время изящною простотою, и производила поистинѣ огромное впечатлѣніе. Если припомнить, что самое построеніе курса съ широкимъ руководящимъ введеніемъ вызывало особый къ нему интересъ, то можно объяснить себѣ секретъ того обаянія, которое умѣлъ производить этотъ болѣзненный человѣкъ съ слабымъ голосомъ и худымъ смуглымъ лицомъ" [1]).

А вотъ съ другой стороны отзывъ слушателя Бестужева за первые годы его профессорской дѣятельности: „Аудиторія сразу полюбила К. Н.; не смотря на свою огромную эрудицію, это не былъ человѣкъ съ готовыми отвѣтами на всѣ вопросы, напротивъ, онъ каждый разъ искалъ отвѣта по источникамъ и старался къ этому исканію привлечь и аудиторію, сдѣлавъ ее какъ бы участницею своей работы. Въ своихъ слушателяхъ онъ возбуждалъ твердую увѣренность, что при такомъ исканіи для него существуетъ единственный предѣлъ — истина. Хилый, истощенный, съ голосомъ глухимъ, вырывавшимся съ усиліемъ и перерывами изъ слабой груди, онъ на лекціи скоро измѣнялся, голосъ его получалъ силу и чарующую мягкость, вся фигура — энергію. Впрочемъ никакихъ порывовъ къ цвѣтамъ краснорѣчія мы никогда у него не замѣчали. Рѣчь его всегда была проста, это было разсужденіе вслухъ, разборъ фактовъ и выводъ изъ нихъ. Анализъ въ немъ преобладалъ. И по построенію лекціи, и по своей изможденной фигурѣ, воодушевлявшейся духовными интересами, онъ напоминалъ намъ средневѣковаго монаха-отшельника, стремившагося къ познанію и способнаго до фанатизма жертвовать собою. Для насъ это былъ Несторъ, писавшій на каѳедрѣ свою Повѣсть временныхъ лѣтъ. . .

„Та пора, 1865—1868 годы, для молодежи была порою политическихъ увлеченій, и злоба жизни имѣла для насъ первенствующее значеніе. К. Н. всегда стоялъ отъ нея далеко, и потому вліянія на массы, широкой популярности онъ имѣть не могъ (да и не искалъ онъ этого). Однако, тогда безсознательно для насъ, какъ бы невольно, мы испытывали огромное его на себя вліяніе. Его лекціи, чуждыя мелкихъ

---

1) *С. Ѳ. Платоновъ,* К. Н. Бестужевъ-Рюминъ [Некрологъ]. *Жур. Мин. Нар. Пр.* 1897, № 2, стр. 165.

вопросовъ минуты, заставляли забывать злобу дня и дѣйствовали на аудиторію успокоительно. Нѣчто подобное я испытывалъ много лѣтъ спустя, бывая на Евгеніи Онѣгинѣ Чайковскаго. Прибавьте къ этому, что лекціи его никогда не были сухими. Увлеченіе лектора и высокое качество умственнаго, скажу болѣе — духовнаго процесса, въ каждой лекціи проявлявшагося, сообщали имъ чарующую свѣжесть.

„Въ ту пору мнѣ неоднократно приходилось, по составленію литографическихъ записокъ по его курсу, бывать у К. Н. на дому. Само собою, я его всегда заставалъ окруженнымъ книгами и рукописями, и всегда за работой. Въ памяти моей твердо осталось воспоминаніе о его крайней, изысканной деликатности и о простотѣ его обращенія. Онъ держалъ себя со студентами, какъ товарищъ по умственному труду, старался даже смягчить, что онъ старшій товарищъ, живо интересовался умственнымъ настроеніемъ Петербургскаго студенчества, тогда еще ему мало извѣстнаго, и занимавшими насъ вопросами, нашимъ образомъ жизни, складомъ нашей общественности и т. под.“ [1]).

Изъ своихъ личныхъ воспоминаній позволю себѣ остановиться еще на одномъ эпизодѣ, достаточно характеризующемъ манеру Бестужева, какъ профессора. Однажды, излагая спеціальный курсъ исторіографіи, онъ говорилъ о научныхъ направленіяхъ въ Александровскую эпоху и въ заключеніе бесѣды остановился на Эверсѣ. Можетъ быть, на этотъ разъ двухчасовая лекція болѣе обычнаго утомила лектора, но только аудиторія чувствовала, что профессоръ сегодня не въ ударѣ и говоритъ вяло. Это обстоятельство, въ связи съ недостаткомъ времени, придало отдѣлу объ Эверсѣ нѣкоторую скомканность, такъ что впечатлѣніе получилось блѣдное. На слѣдующій разъ, входя на каѳедру, Бестужевъ обращается къ намъ, студентамъ, съ вопросомъ: „Не помните ли, на чемъ я остановился въ послѣдній разъ? Говорилъ я объ Эверсѣ или нѣтъ?“ — Мы нѣсколько замялись; приходилось отвѣчать утвердительно, а между тѣмъ самимъ хотѣлось, чтобъ Эверсъ былъ изложенъ еще разъ. Но пока мы колебались, Бестужевъ, особенно, кажется, и не обращая вниманія на это колебаніе, тотчасъ же добавилъ: „Ну, да все равно, я сегодня начну съ него“, — и цѣлый часъ до звонка говорилъ

1) Изъ письма И. Я. Фойницкаго.

о знаменитомъ провозвѣстникѣ родовой теоріи. На этотъ разъ откуда у него брались слова, выраженія! . . . Передъ нами Эверсъ, вчера еще совершенно неясный, блѣдный, въ туманѣ, — сегодня стоялъ, какъ живой, со всѣми своими индивидуальными особенностями. Характеристика вышла такая блестящая и яркая, что не хотѣлось записывать словъ профессора, а только слушать ихъ. Такъ, незаписанная, она и пропала . . .

Журнальныя статьи 1858—1862 г.г. сослужили прекрасную службу Бестужеву при вступленіи на каѳедру: онѣ легли въ основу того курса, которымъ онъ началъ свою университетскую дѣятельность. Первая половина этого курса [1]) вся посвящена исторіографіи. Но въ то время какъ въ статьяхъ „Московскаго Обозрѣнія" и „Отечественныхъ Записокъ" авторъ намѣчалъ лишь главные моменты въ развитіи нашей исторической науки, здѣсь онъ подробно слѣдитъ за всѣмъ ея ходомъ, начиная съ первыхъ представителей ея въ концѣ XVII стол.; въ университетскихъ лекціяхъ онъ проводитъ послѣдовательную нить и устанавливаетъ связь не только между главными, но и второстепенными дѣятелями. Насколько въ журнальныхъ статьяхъ рѣзко выдѣлялась общая концепція исторіографическихъ представленій автора, убѣжденность въ той точки зрѣнія, съ которой онъ разсматривалъ процессъ исторической мысли и критиковалъ современные ему тезисы исторической и славянофильской школы, — настолько въ первыхъ университетскихъ лекціяхъ Бестужева бросается въ глаза обширная эрудиція и знакомство съ литературою предмета. Исторіографія 1865—1866 г.г. есть плодъ тщательнѣйшей работы, вдумчиваго чтенія, богатаго запаса пріобрѣтенныхъ данныхъ. Въ этомъ отношеніи задачу, В. О. Ключевскимъ по справедливости названную дѣломъ „самымъ труднымъ въ ученой жизни профессора" — чтеніе перваго своего курса въ университетѣ [2]) — Бестужевъ разрѣшилъ вполнѣ удовлетво-

---

1) Русская исторія. Лекціи, читанныя г. профессоромъ *Бестужевымъ-Рюминымъ* въ 186⁵/₆ академич. году для г.г. студентовъ Спб. ун—та, составленныя подъ редакціей профессора студентомъ Фойницкимъ (2-й выпускъ совмѣстно съ студентомъ Исполатовымъ). 2 выпуска, 260 + 309 стр. (литографированныя).

2) *В. О. Ключевскій,* С. М. Соловьевъ. Рѣчь и отчетъ, читанные въ торжеств. собраніи Московскаго университета 12-го января 1880 года (М. 1880), стр. 53.

рительно. Но если по исторіографіи существенную помощь оказывали ему предыдущія статьи, то работу собственно по исторіи Россіи приходилось продѣлать всю впервые, и здѣсь опять выступаетъ на первый планъ та же эрудиція, то же обширное знакомство съ литературой. Курсъ Бестужева носитъ вполнѣ самостоятельный характеръ. Насколько онъ былъ обработанъ, можно судить по тому, что и содержаніемъ, и группировкою матеріала онъ легъ въ основу его позднѣйшей „Русской исторіи".

Подобно „Русской исторіи", курсъ 186⁵/₆ г. открывается „разселеніемъ славянъ", религіей (= „миѳологіей"), продолжается семейнымъ и общественнымъ (= „политическимъ") бытомъ, матеріальной обстановкою, инородцами и т. д. Новаго въ этомъ отдѣлѣ въ печатномъ изданіи пришлось внести лишь географическій очеркъ древней Руси, да обзоръ исторіи отдѣльныхъ княжествъ [1]). Можно сказать, что всѣ примѣчанія и ссылки съ выдержками изъ источниковъ (ср. особенно параграфы: „разселеніе" и „религія древнихъ славянъ") находились уже теперь на лицо, — пожалуй, выдержекъ было еще больше. Вообще печатный текстъ болѣе сжатъ и скупѣе на изложеніе. Сравнительно съ литографированнымъ текстомъ, въ немъ недостаетъ параграфа: „О вліяніи варяговъ на Русь и значеніе варяжскаго элемента" [2]), гдѣ подробно переданы мнѣнія Круга, Погодина, Срезневскаго, Булгарина-Иванова [3]) и Артемьева. Въ числѣ слушателей Бестужева въ эти годы былъ нынѣшній профессоръ Петербургскаго университета И. Я. Фойницкій, тогда же издавшій литографированный курсъ его лекцій. „К. Н. Бестужевъ-Рюминъ"— говоритъ онъ — „читая намъ лекціи въ 1865 г., не приготовлялъ ихъ предварительно на письмѣ и даже не имѣлъ передъ собою конспекта лекціи; но у него всегда была масса отмѣтокъ — цитатъ изъ источниковъ, записанныхъ на отдѣльныхъ четвертушкахъ. Больше ничего, но зато этотъ матеріалъ былъ крайне богатъ, и онъ не отказывалъ мнѣ въ пользованіи имъ при составленіи записокъ по его лекціямъ" [4]).

---

1) Русская исторія, т. I, стр. 145—151, 162—192.

2) Лекціи, стр. 154—164.

3) „Россія въ историч., географич., статистич. и литер. отношеніяхъ".

4) Изъ письма И. Я. Фойницкаго.

Названный курсъ, будучи предпринятъ въ весьма широкихъ размѣрахъ, къ тому же съ обширнымъ введеніемъ — исторіографіей — которое одно потребовало цѣлаго полугодія, былъ доведенъ всего лишь до татарскаго ига. Прямыхъ указаній на то, какъ продолжалъ далѣе разработывать свои лекціи Бестужевъ не сохранилось. Вышеупомянутый курсъ 1867 г. (186⁶/₇ года?), спеціально о XVI вѣкѣ, можно разсматривать, какъ вѣроятное продолженіе первыхъ чтеній. На третій годъ, жертвуя исторіографіей, Бестужевъ былъ въ состояніи дать своимъ слушателямъ уже гораздо болѣе законченный очеркъ русскаго прошлаго [1]). Изложеніе ведется по тому же плану, но болѣе сжато; выписокъ меньше; впрочемъ, если записки составлены — что̀ всего вѣроятнѣе — не профессоромъ, а слушателями, то по нимъ еще не всегда возможно получить полное представленіе о размѣрахъ и о внѣшнихъ аксессуарахъ самаго курса. Любопытно замѣтить, что первыя лекціи въ этомъ литографированномъ изданіи посвящены „источникамъ и пособіямъ для русской исторіи до XVII вѣка"; судя по содержанію, это первый набросокъ будущаго „Введенія" въ приготовляемую „Русскую исторію".

Черезъ шесть лѣтъ профессорской дѣятельности (предисловіе къ книгѣ помѣчено ноябремъ 1871 года) готовъ былъ и первый томъ этой „Исторіи" [2]), доведенный до времени Ивана III. Одновременно была готова и глава о Литвѣ въ XIV и началѣ XV в., но она не вошла въ этотъ томъ по его объему. „Стараясь дать читателю", — говоритъ авторъ въ предисловіи — „поболѣе матеріаловъ и указаній для образованія собственнаго сужденія и приговора, я сжималъ изложеніе моихъ взглядовъ и старался собрать столько фактовъ, сколько позволялъ мой планъ. Несмотря

---

1) Русская исторія. Лекціи, читанныя проф. *К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ* въ 18⁶⁷/₆₈ г. для гг. студентовъ Петербургскаго университета. Литографія Пазовскаго. Большая Мѣщанская, д. № 22—45. Изданіе студента С. Рабиновича. 8⁰. 237 стр. Изложеніе оканчивается царствованіемъ Алексѣя Михайловича. Было и продолженіе, что̀ можно заключить изъ послѣднихъ строкъ страницы 237-й: „Конецъ древней исторіи. Продолженіе Русской исторіи можно получить у издателя записокъ по юридическому факультету Спб. ун—та, студ. С. Рабиновича" (тамъ то). Въ указателѣ И. А. Козеко эти лекціи не указаны.

2) *Бестужевъ-Рюминъ*, Русская исторія, томъ I. Изданіе Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1872. 246 + 480 стр.

на всѣ усилія быть краткимъ, книга такъ разрослась, что вмѣсто предположенныхъ двухъ томовъ, приходится выдавать три". Предисловіе дышетъ бодрой увѣренностью въ успѣхъ начатаго дѣла. Дѣйствительно, печатаніе 2-го тома, кромѣ уже готовой главы о Литвѣ, продолжалось; но, дойдя до 15-го листа (до Ливонской войны), сразу пріостановилось: работа съ этихъ поръ пошла гораздо медленнѣе. „Ливонская война" отдѣльной статьею появилась только въ 1880 г. въ „Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія" [1]), самый же 2-й томъ, и то лишь первая его половина, увидѣлъ свѣтъ не раньше 1885 г.[2]). Онъ доведенъ былъ всего до смерти царя Ивана Васильевича Грознаго. Въ 1885 г. Бестужевъ уже былъ не тѣмъ, полнымъ силъ и энергіи человѣкомъ, какъ 20 лѣтъ назадъ: здоровье его было подорвано, и надежда окончить свой трудъ осталась невыполненною. Въ 1887 г. онъ еще приготовилъ одну новую главу, посвященную событіямъ Смутнаго времени[3]), но далѣе „Русская Исторія" уже не двигалась. Правда, время отъ времени Бестужевъ возвращался къ ней, вносилъ на бѣлые листы, вклеенные въ авторскій экземпляръ, дополненія, мысли, поправки, указанія на новѣйшую литературу, одно время даже планировалъ приступить ко второму изданію перваго тома; но все окончилось одними намѣреніями и пожеланіями, что тѣмъ болѣе достойно сожаленія, такъ какъ „Русская Исторія" одно изъ самыхъ крупныхъ произведеній пера Бестужева-Рюмина.

Его книга имѣетъ полное право на вниманіе біографа, и въ слѣдующей главѣ я попытаюсь дать посильный анализъ этого сочиненія.

---

1) Еще раньше, въ 1876 г., для сборника „Братская помощь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины", Бестужевъ далъ отрывокъ изъ напечатанныхъ, но пока еще неизданныхъ въ свѣтъ страницъ 2-го тома, подъ названіемъ: „Нравственное и матеріальное состояніе общества западно-русскаго до Сигизмунда-Августа", стр. 365—384, соотвѣтствующія стр. 118—141 2-го тома „Русской исторіи".

2) Русская исторія. Томъ второй. Выпускъ первый. Спб. 1885 г. 319 стр..

3) Обзоръ событій отъ смерти царя Іоанна Васильевича до избранія на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1887, №№ 7, 8.

X.

„Русская Исторія“. — Итоги университетской дѣятельности.

Мы уже видѣли, что „Русская Исторія“ сложилась изъ университетскихъ лекцій, переработанныхъ, измѣненныхъ, улучшенныхъ, но сохранившихъ и первоначальный планъ, и основной характеръ, и прежнюю манеру изложенія. „Цѣль этой книги“ — говоритъ самъ авторъ въ предисловіи — „представить *результаты,* добытые русскою историческою наукою въ полтораста лѣтъ ея развитія, *указать на пути,* которыми добывались и добываются эти результаты, и вмѣстѣ съ тѣмъ *ввести въ кругъ источниковъ,* доступныхъ въ настоящее время ученой дѣятельности“. Такимъ образомъ Бестужевъ остался вѣренъ мысли, высказанной въ 1865 г. на вступительной лекціи, о необходимости научно-критическаго изученія исторіи. Онъ предназначаетъ свой трудъ „для приступающихъ *къ самостоятельному* изученію исторіи и не желающихъ jurare in verba magistri“. И его книга, дѣйствительно, можно сказать, сплошь пропитана критическимъ духомъ; ни одинъ фактъ не передается, ни одинъ вопросъ не излагается догматически. Любой маломальски спорный тезисъ, высказанный въ исторической литературѣ, въ книгѣ Бестужева обставленъ мнѣніями тѣхъ ученыхъ, которые подавали о немъ свой голосъ, и студентъ, въ руки котораго главнымъ образомъ и предназначалась „Русская Исторія“, пріобрѣталъ полную возможность представить себѣ, какъ судятъ другіе о томъ или другомъ явленіи русской исторіи. Издавая свою книгу, Бестужевъ руководился желаніемъ дать занимающемуся руководящую нить, возможность осмотрѣться среди различныхъ направленій и желалъ, такъ сказать, поставить его лицомъ къ лицу съ вопросомъ и съ имѣющимися на

лицо у современной науки средствами для отвѣта на этотъ вопросъ.

По мнѣнію Бестужева, первая обязанность историка — понять, какими идеями жило извѣстное время, иначе всѣ вѣка смѣшаются, и судъ нашъ будетъ неправиленъ. Развѣ суду обыкновенно не предшествуетъ слѣдствіе? Развѣ слѣдователь не допрашиваетъ свидѣтелей, прежде чѣмъ представитъ дѣло на судъ? . . . „Такъ поступаетъ и изслѣдователь историческій, имѣющій передъ собою обыкновенно очень запутанныя дѣла; чтобы оглядѣться, ему необходимо знать, изучалъ ли кто-нибудь до него занимающій его вопросъ и какъ изучалъ; для него важно имѣть, такъ сказать, инвентарь наличнаго состоянія науки. Такой инвентарь" — замѣчаетъ онъ при этомъ — „я и стараюсь дать въ своей книгѣ: цѣль ея была не проведеніе какихъ либо новыхъ взглядовъ, а просто перечень того, что уже есть, съ посильными указаніями на бо̀льшую или меньшую пригодность наличнаго" [1]). Авторомъ руководитъ идея исторической справедливости. Правильное сужденіе немыслимо безъ умѣнья войдти въ чужую жизнь и понять ее. Внушить читателямъ высокое правило римскихъ юристовъ: justitia est constans et perpetua voluntas suum cuique tribuere, „дать указаніе, гдѣ и чего искать, чтобы собрать элементы для полнаго и вѣрнаго приговора" — вотъ цѣль моей книги — говоритъ въ заключеніе Бестужевъ [2]). И этой цѣли онъ достигъ вполнѣ, давъ прекрасное руководство для тѣхъ, кто приступаетъ къ серьезному изученію русской исторіи. Цѣль эта была осуществлена путемъ тщательнаго пересмотра текста и строгаго подбора данныхъ. Иногда событія, сами по себѣ, пожалуй, имѣвшія полное право быть отмѣченными въ любой другой „исторіи", здѣсь отбрасывались единственно лишь потому, что носили характеръ простого голаго факта, ничего не разъясняющаго, ни на что не наводящаго; и въ то же время книга старательно подчеркивала малѣйшую деталь, если она, наоборотъ, способствовала критической работѣ мысли, уясненію того или иного тезиса.

---

1) См. отзывъ Бестужева-Рюмина о соч. М. Кояловича, „Исторія русскаго самосознанія". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1885, № 1, стр. 99.

2) Ibidem.

Поэтому въ „Русской Исторіи“ не могло быть и рѣчи о какомъ либо художественномъ изображеніи или о литературной отдѣлкѣ языка. Изложеніе сухое, сжатое, мѣстами лаконическое до лапидарности. Авторъ въ сущности нигдѣ не *разсказываетъ;* его вниманіе сосредоточено исключительно на томъ, чтобы — путемъ ли выдержекъ изъ источниковъ, путемъ ли свода разныхъ мнѣній, выборки фактическихъ данныхъ и соотвѣтственной ихъ группировки — дать читателю извѣстную сумму свѣдѣній, навести его на рядъ умозаключеній — и только. „Стараясь дать читателю поболѣе *матеріаловъ* и *указаній* для образованія собственнаго сужденія и приговора“, авторъ не только каждый фактъ, каждое мнѣніе подтверждаетъ ссылкою на тотъ источникъ, откуда онъ ихъ заимствовалъ, но въ обильныхъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, кромѣ простой ссылки сплошь и рядомъ говоритъ подлинными словами памятника; наконецъ сюда же, въ примѣчанія, переноситъ онъ и тѣ соображенія, мнѣнія или сопоставленія, которыя, какъ второстепенныя и дополнительныя, мѣшали бы изложенію главной мысли и потому не нашли себѣ мѣста въ текстѣ надъ чертою. Въ этомъ отношеніи „примѣчанія“ „Русской Исторіи“ органически связаны съ текстомъ, составляя дальнѣйшее развитіе мысли автора и служа необходимымъ дополненіемъ этому тексту.

Какъ ни оригинально задумана была „Русская Исторія“, какъ ни новъ былъ пріемъ, выбранный авторомъ — составить исторію Россіи путемъ критическаго сопоставленія фактовъ и мнѣній — но въ книгѣ есть еще другая характерная и цѣнная особенность — ея „Введеніе“, особенность, стоящая въ тѣсной органической связи съ научно-критическимъ характеромъ всего сочиненія. По содержанію[1]) его можно было бы обозначить нѣмецкимъ терминомъ „Quellenkunde“. Вѣрный своей задачѣ — поставить читателя въ положеніе самостоятельнаго изслѣдователя и обезпечить ему возможность выводовъ, не взятыхъ на вѣру, а прошедшихъ чрезъ

---

1) I. Понятіе объ исторіи. II. Историческая критика. III. Источники лѣтописи. IV. Отдѣльныя сказанія. Житія святыхъ. V. Записки (mémoirs). Письма. VI. Памятники юридическіе и акты государственные. VII. Памятники словесности: а) устной, б) письменной. VIII. Памятники вещественные. IX. Сказанія иностранцевъ. X. Научная обработка исторіи.

собственное его сознаніе — авторъ указываетъ наличный матеріалъ, съ помощью котораго историкъ производитъ свою работу. Этотъ матеріалъ, т. е. такъ называемые „источники и пособія", можно было бы размѣстить въ самомъ текстѣ книги по соотвѣтствующимъ страницамъ, но авторъ сознательно уклонился отъ такого пріема, вполнѣ правильно разсуждая, что въ *руководствѣ,* какимъ была и какимъ онъ самъ считалъ свою книгу, очень важно „указать начинающимъ на все богатство исторической науки и дать удобное средство для справокъ". Перечни и обзоры каждаго отдѣла, какъ ни обильны количественными указаніями, однако отнюдь не претендуютъ на библіографическую полноту. Не библіографія была цѣлью „Введенія": помѣщеніе того или иного имѣло ввиду обратить на него вниманіе („не безъ причины оно упомянуто") и тѣмъ самымъ вызвать ту же творческую работу мысли, какъ и на страницахъ, посвященныхъ собственно исторіи нашего прошлаго [1]).

Подобнаго Quellenkunde русская исторіографія до тѣхъ поръ еще не имѣла. Обзоръ каждой группы ведется хронологически; почти каждый памятникъ характеризованъ сжато, но содержательно. Кромѣ того по каждому отдѣлу читатель находитъ общую характеристику группы памятниковъ и теоретическія правила, какихъ долженъ держаться историкъ, пользуясь ими. Страницы, посвященныя „Запискамъ" и „Сказаніямъ иностранцевъ", по полнотѣ указаній и до сихъ поръ единственное въ нашей литературѣ. Не меньшей цѣнности и послѣдняя глава: „Научная обработка исторіи". При всей своей сжатости (стр. 208—246), это былъ прежде всего *полный* обзоръ движенія русской исторической науки, взятой въ ея цѣломъ — именно то, что такъ необходимо было начинающему студенту; послѣдній находилъ здѣсь и получалъ возможность мысленно окинуть взоромъ весь ходъ развитія русской исторической науки отъ ея начала до самаго конца, и въ то же время, благодаря сдѣланной оцѣнкѣ и характеристикамъ прежнихъ ученыхъ, не только усвоить внѣшній порядокъ смѣнъ, но уразумѣть и внутренній причинный процессъ развитія научной исторической мысли. Исторіографи-

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* „Исторія русскаго самосознанія, М. Кояловича". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1885, № 1, стр. 96.

ческія работы болѣе ранней поры, вродѣ Старчевскаго, Зиновьева, Ѳедорова и др., или устарѣли, или вообще стояли ниже критики; отдѣльныя же монографіи, вродѣ Соловьева (о „Миллерѣ“ и „Писателяхъ XVIII стол.“), при всемъ ихъ значеніи, были именно *монографіями* и цѣлаго представленія о ходѣ историческаго развитія не давали; книга Кояловича во многомъ осталась неудовлетворительною и послѣ Бестужева, а замѣчательная попытка П. Н. Милюкова появилась лишь недавно, да и то еще не вполнѣ доведенная до конца.

Результатъ громадной эрудиціи, „Русская Исторія“ своимъ появленіемъ всецѣло обязана той страшно кропотливой и усидчивой работѣ, которую не убоялся продѣлать авторъ. Не требуется особаго вниманія, чтобы видѣть, какихъ усилій стоила она ему, и при томъ не одного только напряженія умственнаго. Если мы вспомнимъ, что обобщеніемъ Бестужевъ дорожилъ гораздо болѣе, чѣмъ анализомъ, что Essays Маколея служили ему образцомъ историческаго сочиненія, что художественное изображеніе исторіи онъ предпочиталъ всякому иному: философскому, критическому; то не будетъ ошибкою сказать, что „Исторію“ Бестужевъ писалъ не по призванію, а по долгу. Эта книга въ сущности всегда тяготила его. Кропотливая экзегетика была ему не по душѣ; мысленно онъ рисовалъ совсѣмъ иные планы своихъ работъ; но онъ былъ глубоко убѣжденъ, что въ данное время такая „Исторія“, какъ его, необходима, и этого для него было достаточно, чтобы приложить всѣ усилія для ея осуществленія. Это былъ его *долгъ профессора,* и онъ безпрекословно подчинился требованіямъ этого долга.

Сказаннаго однако еще недостаточно для полной характеристики разбираемой книги. До сихъ поръ мы говорили собственно только о пріемахъ, о *методѣ* изученія русскаго прошлаго. Но что же должно было, по мнѣнію Бестужева, составить *предметъ* этого изученія? Каково будетъ *содержаніе* его книги? Отвѣтъ на этотъ вопросъ обусловливался тѣмъ опредѣленіемъ исторіи, какого держался Бестужевъ. „Исторія есть народное самосознаніе“, говорилъ онъ вслѣдъ за Соловьевымъ, предметомъ же народнаго самосознанія можетъ быть только болѣе постоянное, болѣе прочное; „только въ немъ выражается народная физіономія, только его движенія, измѣненія составляютъ сущность народной жизни, опредѣляютъ ея ростъ и развитіе; все же случайное, личное,

какъ обусловливаемое общимъ, можетъ входить только эпизодически и должно отойти на второй планъ . . . на первый должны выступить вѣрованія, учрежденія, бытъ — то, чѣмъ преимущественно характеризуется общество, народъ" [1]). Такимъ образомъ лица и вся, такъ называемая, внѣшняя исторія, по плану Бестужева, должны занять второстепенное мѣсто.

Эту мысль, первоначально высказанную во вступительной лекціи въ 1865 г., Бестужевъ впослѣдствіи дополнилъ и развилъ обстоятельнѣе въ „Русской Исторіи", гдѣ онъ формулировалъ ее въ слѣдующихъ словахъ: „Присматриваясь внимательнѣе къ каждой личности, нельзя не видѣть, какъ много ея дѣятельность обусловлена состояніемъ общества, посреди котораго она дѣйствуетъ, и соединеніемъ разныхъ обстоятельствъ, при которыхъ она дѣйствуетъ. Значеніе личности состоитъ въ томъ, чтобы умѣть воспользоваться обстоятельствами, подчинить ихъ своей цѣли и устранить тѣ, которыя могутъ быть вредны для этой цѣли. Кто же ставитъ эту цѣль? Сама ли дѣйствующая личность? . . . Цѣли коренятся въ общественномъ сознаніи . . . лицу принадлежитъ болѣе или менѣе удачное формулированіе ихъ и — только. Словомъ, лицо можетъ понять, угадать; но ничего не можетъ создать. Вполнѣ ясное сознаніе этой мысли совершенно измѣняетъ воззрѣніе на исторію: на первый планъ выступаетъ сложное явленіе, называющееся *обществомъ*. Его-то изученіе и должно составлять серьезный предметъ науки, называемой исторіею, при чемъ дѣятельность лицъ не можетъ тоже быть опущена изъ виду; ибо преимущественно въ этой дѣятельности мы видимъ проявленіе общественной жизни" [2]).

Ставя общество во главѣ угла своего историческаго зданія, Бестужевъ, очевидно, тѣмъ самымъ признавалъ неизбѣжность логически вытекающихъ отсюда посылокъ. Если общество есть „сложное явленіе", если оно есть результатъ взаимодѣйствія разнообразныхъ факторовъ, то столь же сложны, столь же разнообразны должны быть и тѣ данныя, съ помощью которыхъ историкъ познаетъ жизнь этого об-

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, Вступительная лекція въ курсъ русской исторіи. *Отеч. Записки* 1865, сент., кн. 2, стр. 252.

2) „Русская Исторія". Введеніе. Глава I: понятіе объ исторіи, стр. 6—7.

щества. Кромѣ того, чѣмъ сложнѣе явленіе, тѣмъ труднѣе выдѣлить созидающіе его факторы, тѣмъ рискованнѣе будетъ всякая попытка опредѣлить относительную ихъ цѣнность. *Не о дѣленіи матеріала на главный и второстепенный долженъ заботиться историкъ, а о томъ, чтобы не упустить изъ виду и малѣйшій факторъ, участвовавшій въ созданіи даннаго явленія.* Картина только тогда выйдетъ полною и правильною, если мы примемъ во вниманіе всѣ элементы, изъ которыхъ она возникла, отчетливо помня, что эти элементы дѣйствуютъ всегда во *взаимодѣйствіи* другъ съ другомъ.

И дѣйствительно, Бестужевъ являлся всегда энергическимъ противникомъ мнѣній, готовыхъ при изученіи прошлаго сознательно предпочесть одну сторону, болѣе или менѣе игнорируя другую. Такъ еще могутъ поступить, говорилъ онъ, историкъ права, историкъ церкви, историкъ литературы: ихъ положеніе иное; они въ правѣ сосредоточить свое вниманіе исключительно на выбранномъ предметѣ — таковы уже условія ихъ спеціальности; но историкъ общества, если послѣдуетъ ихъ примѣру, рискуетъ дать весьма неполное понятіе о своемъ предметѣ, такъ какъ жизнь народная слагается изъ взаимодѣйствія *всѣхъ* сторонъ: и церковной, и литературной, и правовой, и многихъ иныхъ [1]). Нечего и говорить, что при такомъ пониманіи дѣла, объемъ историческаго знанія чрезвычайно расширялся, но зато и самое знаніе несомнѣнно получало бо̀льшую устойчивость и жизненность. Однако Бестужевъ прямо даже высказалъ, что, по его мнѣнію, „исторія литературы и исторія права вовсе не отдѣльныя знанія, а части исторіи, обработываемыя монографически“, что равно и исторія христіанской церкви, исторія языческихъ религій суть „точно также вѣтви историческаго знанія“ [2]). Прекраснымъ выраженіемъ только-что высказанныхъ положеній служитъ „Русская Исторія“, гдѣ авторъ уже въ предисловіи заявлялъ, что „старался выдвинуть на первый планъ государственный и общественный *бытъ, вѣрованія* и *умственное развитіе* каждой эпохи и сократить изложеніе событій“.

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Вступительная лекція въ курсъ русской исторіи. *Отеч. Записки* 1865, сент., кн. 2, стр. 243—255.

2) *Бестужевъ-Рюминъ,* „Опытъ русской исторіографіи, В. Иконникова“. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1892, № 9, стр. 183.

Такимъ образомъ книга Бестужева-Рюмина является серьезною, а по времени, можно сказать, первою попыткою изобразить *культурную* исторію Россіи во всемъ ея объемѣ [1]).

Сказавъ о разселеніи славянскихъ племенъ, т. е. очертивъ ихъ внѣшнюю судьбу до момента появленія отдѣльныхъ народностей, русской и др., иначе говоря, указавъ исходный моментъ русской исторіи и давъ возможность видѣть, что было и до того, авторъ всецѣло сосредоточиваетъ наше вниманіе на бытѣ славянъ. Онъ начинаетъ съ религіи, такъ какъ „характеръ народа болѣе всего познается изъ его вѣрованій". Анализъ славянской миѳологіи приводитъ къ выводу — мы имѣемъ дѣло съ народомъ осѣдлымъ, земледѣльческимъ; выводъ этотъ подкрѣпляется разсмотрѣніемъ и другихъ сторонъ быта славянскихъ племенъ. Строй семейный выразился въ такъ называемой задругѣ, а задруга явилась основою общественнаго развитія; союзъ нѣсколькихъ семейныхъ общинъ создалъ новый видъ союза, болѣе обширный — жупу — иначе волость или погостъ, и, наконецъ, въ дальнѣйшемъ развитіи — племена.

Таково содержаніе первыхъ главъ „Русской Исторіи": Разселеніе славянъ — Религія славянъ — Бытъ семейный — Бытъ общественный. Не трудно видѣть, насколько органически тѣсно связаны онѣ между собою.

Дальнѣйшій процессъ въ развитіи русскаго общества — переходъ изъ быта племеннаго въ бытъ государственный. Первымъ толчкомъ послужило объединеніе разрозненныхъ племенъ въ одно цѣлое властью варяго-русскихъ князей, — и вотъ почему „Русская Исторія" въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи останавливается на вопросѣ о происхожденіи Варяговъ-Руси. Тотъ или иной отвѣтъ существенно важенъ: если варяги отдѣльная народность — они должны были внести въ русскую жизнь новый этнографическій элементъ, и потому не безразлично знать, какой именно. Но авторъ, согласно съ Соловьевымъ, полагаетъ, что пришедшая „дружина была разноплеменная и потому не внесла какого-либо племеннаго начала, а внесла только связь между разрозненными племенами". Этимъ устраняется вопросъ собственно о *вліяніи,*

---

1) Срав. *Ав. Ѳ. Бычковъ,* Записка объ ученыхъ трудахъ К. Н. Бестужева-Рюмина. *Сборникъ отд. р. яз. и слов. И. Ак. Наукъ,* т. 52, стр. 32.

и теперь намъ становится понятнымъ, почему авторъ, въ лекціяхъ 1865 г. посвятившій было нѣсколько страницъ „Вліянію варяговъ на Русь и значенію варяжскаго элемента“ [1]), теперь счелъ болѣе умѣстнымъ совершенно ихъ выкинуть.

Первые князья „внесли связь между племенами“ — и вотъ авторъ, вкратцѣ разсказавъ ихъ внѣшнюю дѣятельность, въ слѣдующей главѣ: „Состояніе общества при варяжскихъ князьяхъ“ подробнѣе слѣдитъ за тѣмъ, въ чемъ проявлялась, какъ крѣпла и росла эта связь; съ одной стороны онъ указываетъ элементы, какіе князья нашли уже готовыми, съ другой — отмѣчаетъ, что было сдѣлано непосредственно самими князьями для созданія связи между отдѣльными племенными группами.

Но одновременно съ зарожденіемъ государственной жизни совершается другой крупнѣйшій фактъ этой эпохи — принятіе христіанства. Хотя оно тѣсно связано съ именемъ Владиміра святого, но коренилось въ потребности общества и есть главнымъ образомъ его дѣло. Послѣднюю мысль въ такой формѣ авторъ прямо не выражаетъ, но ее можно понять изъ словъ: „Христіанство не было новымъ явленіемъ для русской земли въ то время, какъ Володиміръ крестился въ Корсуни“ (I, 122). Христіанство повело за собою вліяніе Византіи, наложившее сильную окраску на наше міросозерцаніе, на наши воззрѣнія государственныя, юридическія, опредѣлило направленіе и вкусы литературные. Неудивительно, что этому вопросу книга удѣляетъ сравнительно много мѣста.

Со смертью Ярослава I мы вступаемъ въ удѣльный періодъ. И здѣсь на первомъ планѣ — Общество, его жизнь, его судьбы. Главы, носящія названіе: „князь“, „вѣче съ дружиной и людьми“, „судъ“, „церковь“, „литература“, „матеріальное состояніе общества“ — имѣютъ цѣлью исчерпать содержаніе этой жизни. Вѣрный тѣмъ взглядамъ, во имя которыхъ нѣкогда оспаривалъ „государственныя“ увлеченія Соловьева, г. Чичерина и Дмитріева, централизовавшихъ древнюю исторію сперва въ Кіевѣ, а позже въ Москвѣ, Бестужевъ выполняетъ теперь на практикѣ то, что раньше отстаивалъ теоретически: онъ слѣдитъ за судьбою каждаго

1) См. выше, въ главѣ IX, стр. 142.

княжества въ отдѣльности, не сливая, не смѣшивая ихъ въ общекіевскомъ руслѣ. Мѣстная жизнь каждаго удѣльнаго центра выступаетъ, благодаря этому, гораздо рельефнѣе, и то *многообразіе* жизни, которое составляетъ характерную черту этой эпохи, становится для читателя вслѣдствіе этого не одной только голою фразой. Исторію вѣчевыхъ общинъ — Новгорода, Пскова, Вятки — онъ разсказываетъ не только отдѣльно, но и особенно подробно, вдаваясь въ спеціальный анализъ ихъ бытовыхъ отличій. Точно также и въ дальнѣйшемъ изложеніи Москва не поглотила ни Твери, ни Суздаля, ни Рязани, ни Смоленска. Теоріи исторической необходимости, безжалостнаго vae victis авторъ не примѣнилъ къ этимъ областямъ и постарался сберечь и старательно выдѣлить ихъ характерныя черты. Бестужевъ всегда ставилъ Устрялову въ большую заслугу указаніе на ошибку прежнихъ историковъ, сливавшихъ исторію Литовской Руси съ исторіею Руси Московской. Поэтому самъ онъ удѣлилъ Литвѣ очень видное мѣсто, вставивъ даже „Очеркъ исторіи Польши", по тѣсной связи судебъ родственнаго намъ славянскаго племени съ русской исторіей.

Сказаннаго, полагаю, достаточно, чтобы составить понятіе о характерѣ всего сочиненія, признать его цѣлостность и вѣрность автора своей задачѣ, старавшагося прежде всего уловить жизнь общества во всемъ ея многообразіи. Отдѣльныя части органически связаны между собою; все разсмотрѣно одинаково внимательно, ничто — съ намѣреннымъ пренебреженіемъ.

Съ этой точки зрѣнія книгу можно было бы упрекнуть развѣ въ одномъ. Главы, носящія названіе: „Матеріальное состояніе общества", отличаются, въ противоположность всему остальному, именно характеромъ придатка, явленій, связанныхъ чисто внѣшне съ обзоромъ остальныхъ сторонъ жизни общественной. Авторъ говоритъ о торговлѣ, ремеслахъ, о промыслахъ, но все это какъ будто между прочимъ, какъ будто лишь для того, чтобы пополнить соотвѣтствующія рубрики, точно не чувствуя или, по крайней мѣрѣ, не проявляя своего сознанія, даже въ главѣ о Новгородѣ, насколько подчасъ бываетъ сильна зависимость всего общественнаго строя отъ условій его экономическаго существованія. Причина понятна: Бестужевъ въ соотвѣтствіи той эпохи, когда

сложились его убѣжденія, глубоко вѣрилъ, что „міромъ управляютъ идеи“ и только однѣ идеи[1]). Нынѣшняго „экономическаго“ направленія въ исторіи — даже безъ его крайностей и угловатостей — онъ не только не признавалъ, но едва ли даже вполнѣ правильно представлялъ себѣ историческія условія его возникновенія и послѣдовательнаго роста.

Такова „Русская Исторія“ — это капитальнѣйшее произведеніе пера Бестужева-Рюмина. Не трудно видѣть, что черезъ всю книгу проходятъ три основныхъ элемента, опредѣляющихъ физіономію всего произведенія: строгая, объективная *критика,* какъ главное средство подойти ближе къ истинѣ; *исторіографическое* знакомство съ своей дисциплиной, какъ твердая база для этой объективной критики; и, наконецъ, возможно полное и всестороннее изученіе жизни *общества,* какъ единственно достойная цѣль историка, при чемъ, въ послѣднемъ случаѣ, *личности* отводилось почетное мѣсто, однако не какъ силѣ, создающей общество, а какъ одному изъ наиболѣе яркихъ выраженій этого общества.

Эти три направленія, составляя особенность „Русской Исторіи“, въ то же время проходятъ красной нитью и чрезъ всѣ остальные труды Бестужева-Рюмина. Любой изъ нихъ можно отнести къ одной изъ этихъ научныхъ категорій, при чемъ слѣдуетъ отмѣтить, что мысль нашего историка работала въ этихъ трехъ направленіяхъ не только въ силу субъективнаго интереса, какой она питала къ нимъ, но и потому, что находила себѣ оправданіе въ той *органической* связи, какая существовала между этими направленіями. *Исторіографія* давала базу для *критики,* будучи въ то же время сама результатомъ критической работы и анализа; она же, исторіографія, въ силу основного взгляда Бестужева на исторію, какъ народное самосознаніе, вскрывала процессъ развитія общественной мысли, являясь показательницей тѣхъ умственныхъ интересовъ, какими жило въ данную эпоху русское общество, — и такимъ образомъ этою стороною являлась страницею изъ жизни того *общества,* кое, какъ мы сейчасъ ви-

---

1) „Міромъ управляютъ идеи: въ нихъ выражается сознаніе человѣкомъ и обществомъ окружающей ихъ дѣйствительности“. *Бестужевъ-Рюминъ,* „Исторія русскаго самосознанія, М. Кояловича“. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1885, № 1, стр. 98.

дѣли, и должно было стать главнымъ объектомъ изученія; эта же самая исторіографія находила свое выраженіе въ томъ или иномъ дѣятелѣ, и чѣмъ крупнѣе была личность ученаго, тѣмъ болѣе глубокій слѣдъ оставляла она въ наукѣ. А мы тоже сейчасъ видѣли, въ какое соотношеніе ставилъ Бестужевъ личность съ обществомъ. Такимъ образомъ методъ критическій, исторіографія и общество съ его яркимъ выразителемъ — личностью въ сознаніи К. Н. переплетались между собою настолько тѣсно, что составляли одно цѣлое. Нерѣдко всѣ эти черты не трудно прослѣдить у него въ одномъ и томъ же трудѣ.

Подводя итоги университетской дѣятельности Бестужева-Рюмина, невольно задаешься вопросомъ: каковы были ея результаты? какой слѣдъ оставилъ по себѣ К. Н., какъ профессоръ и какъ ученый? какова степень его вліянія на исторіографію вообще? Въ этомъ отношеніи нельзя не признать, что *видимые, осязательные* результаты сравнительно не велики. О *школѣ* Бестужева, подобно тому какъ мы примѣняемъ это выраженіе къ именамъ С. М. Соловьева, В. О. Ключевскаго, говорить нельзя. Число *учениковъ* Бестужева — „учениковъ" въ тѣсномъ значеніи слова — не велико[1]); указать на *послѣдователей* было бы, пожалуй, еще труднѣе. Причинъ этому слѣдуетъ искать сколько въ характерѣ пре-

---

1) Вотъ перечень лицъ, *оставленныхъ при университетѣ* для приготовленія къ степени магистра русской исторіи за время профессорской дѣятельности Бестужева: въ 1871 г. — *И. Галактіоновъ* и *Ѳ. Успенскій* (Протоколы засѣданій совѣта С.-Петерб. унив., № 5, стр. 80); въ 1872 г. — *В. Семевскій* и *А. Экземплярскій* (Прот. № 7, стр. 60; ср. № 10, стр. 15); въ 1875 г. — *М. Бережковъ* (Прот. № 12, стр. 55); въ 1877 г. — *И. Козеко* (Прот. № 16, стр. 14); въ 1878 г. — *П. Моравекъ* и *Е. Шмурло* (Прот. № 18, стр. 35); въ 1879 г. — *И. Филевичъ* (Прот. № 20, стр. 66); въ 1880 г. — *А. Павловскій* и *А. Ляхницкій* (Прот. № 22, стр. 78); въ 1881 г. — *А. Барбашевъ* (Прот. № 24, стр. 107) и *А. Петровъ* (Прот. № 25, стр. 88); въ 1882 г. — *С. Платоновъ* (Прот. № 26, стр. 61). Конечно, быть „оставленнымъ при университетѣ" и стать „ученикомъ" далеко еще не всегда одно и то же. Въ дневникѣ Бестужева-Рюмина, подъ 31 мая 1875 г., записано: „При университетѣ остались по русской исторіи Казанскій и Бережковъ". Имени *Казанскаго* я однако въ „Протоколахъ" не отыскалъ.

подавательской дѣятельности Бестужева, столько же и въ характерѣ того направленія, какое онъ выражалъ собою.

Выше мы видѣли, въ чемъ состояло обаяніе Бестужева, какъ профессора. Онъ привлекалъ къ себѣ живостью изложенія, увлеченіемъ, которое передавалось слушателю, образными концепціями, руководящею нитью, объединявшей отдѣльныя части лекціи, тѣмъ обобщительнымъ и построительнымъ характеромъ, какимъ отличалась вообще вся его бесѣда. Бестужевъ силенъ былъ именно какъ лекторъ-собесѣдникъ, какъ проповѣдникъ извѣстныхъ идей, положеній. Но на профессорѣ лежатъ еще и другія задачи: на старшихъ курсахъ, въ тѣсномъ кругу спеціалистовъ, на его долю выпадаетъ роль *учителя* по преимуществу: онъ долженъ научить студента, какъ подойти къ источнику, какъ пользоваться имъ, какъ вообще изучать его. Профессоръ университета долженъ не только возбудить интересъ студента къ своей наукѣ, но и помочь ему встать на твердую почву, необходимую для удовлетворенія новыхъ запросовъ, порожденныхъ этимъ интересомъ; онъ долженъ не только указать ему путь, но и научить, какъ пройти по нему; не только ознакомить съ источниками, но и помочь оріентироваться среди нихъ для того, чтобы дать ему возможность стать болѣе или менѣе хозяиномъ въ своемъ дѣлѣ. Къ такого рода руководству у Бестужева никогда не лежало сердце, и онъ обыкновенно устранялъ его отъ себя, по крайней мѣрѣ, во вторую половину своей университетской дѣятельности.

Спѣшу однако оговориться, чтобы быть правильно понятымъ. Охарактеризовать памятникъ или цѣлую категорію памятниковъ, указать *общія* правила критики и анализа историческихъ источниковъ, предостеречь отъ увлеченій, отмѣтить субъективный характеръ мемуара, крупное значеніе какого либо документа и т. п. — все это Бестужевъ выполнялъ мастерски; но онъ не любилъ и не умѣлъ вводить студента въ лабораторію исторической работы, руководить его занятіями. Подобно тому, какъ самъ онъ обыкновенно спѣшилъ покончить докучный процессъ черновой работы съ тѣмъ, чтобы по возможности скорѣе перейти къ процессу творчества и созиданія; такъ и по отношенію студентовъ-слушателей онъ ограничивался лишь общими указаніями, не вдаваясь въ подробности и предоставляя разрѣшеніе ихъ собственному чутью и пониманію работающаго. Короче го-

воря, такъ называемыя въ германскихъ университетахъ „историческія семинаріи“ были не въ духѣ Бестужева, какъ бы высоко (теоретически) онъ ни ставилъ ихъ [1]).

Вотъ что самъ говоритъ онъ по этому поводу: „Французы замѣняютъ семинарію особою школою высшихъ знаній, которую посѣщаютъ люди, кончившіе курсъ въ университетѣ. У насъ нѣтъ ни того ни другого, и вообще *школы* въ смыслѣ европейскомъ, за немногими исключеніями (Ламанскій, Васильевскій, Замысловскій), нѣтъ. Я самъ самоучка, а оттого и не умѣю готовить другихъ [2])“. Бестужевъ вообще не скрывалъ, что въ передачѣ техники историческаго знанія онъ не силенъ, и впослѣдствіи охотно признавалъ преимущество такого рода за своими болѣе молодыми преемниками по каѳедрѣ.

Въ своихъ вкусахъ Бестужевъ въ сущности былъ лишь вѣрнымъ ученикомъ своихъ учителей. Его идеаломъ былъ Грановскій, какъ вдохновенный лекторъ, профессоръ-*воспитатель*, покорявшій сердца слушателей, плѣнявшій воображеніе и могучимъ словомъ двигавшій молодую душу по пути истины и свѣта. Соловьевъ и Кавелинъ дѣйствовали тоже „бли-

---

1) Едвали въ противорѣчіи съ только-что сказаннымъ окажутся нижеслѣдующія данныя. Въ 1870 г. „подъ руководствомъ проф. Бестужева-Рюмина одинъ студентъ разбиралъ духовныя грамоты московскихъ князей; другой разбираетъ польскіе источники для Смутнаго времени; третій переводитъ и комментируетъ Одерборна; четвертый разбираетъ договорныя грамоты литовскихъ князей“ (Протоколы засѣданій совѣта Имп. Спб. универс., № 3, стр. 43; ср. стр. 117 и 39—42). Въ 1872 г. подали свои работы студенты Экземплярскій и Семевскій. (Протоколы, № 7, стр. 85). Въ 1874 г. студенты занимались у Бестужева изученіемъ источниковъ. „Одинъ изъ его слушателей готовитъ обозрѣніе актовъ, касающихся Ливонской войны, другой — отношеній Константинопольскаго патріарха къ русской церкви“ (Проток., № 11, стр. 91). Въ 1878 г. „слушатели проф. Бестужева-Рюмина занимались, по его непосредственнымъ указаніямъ, изученіемъ разныхъ памятниковъ, представили ему одобренные имъ труды по обозрѣнію актовъ, изданныхъ Кіевскою археографическою комиссіею (Проток., № 19, стр. 87—88). Въ 1879 г. слушатели Бестужева подъ его руководствомъ занимались „критическимъ разборомъ источниковъ для русской исторіи“ (Проток., № 21, стр. 114), а въ 1880 г.— „разборомъ и изученіемъ источниковъ“ (Проток., № 23, стр. 84). Наконецъ, въ 1881 г. Бестужевъ руководилъ занятіями студентовъ 4-го курса по изученію источниковъ русской исторіи (Проток., № 25, стр. 90).

2) Письмо 27 марта 1884 г.

стательными *обобщеніями*": „одинъ" — привожу позднѣйшую оцѣнку самого Бестужева — „по изложенію" (Кавелинъ), „другой — по цѣльности и стройности воззрѣнія" (Соловьевъ) [1]).

Поэтому то „неумѣнье", о которомъ шла сейчасъ рѣчь, какъ нельзя болѣе согласовалось съ самыми воззрѣніями Бестужева на методъ университетскаго преподаванія: онъ заботливо остерегался, какъ бы не оказать на своихъ учениковъ давленія собственнымъ взглядомъ на дѣло, намѣренно предоставляя имъ самимъ отыскивать правильный путь. Поощряя изученіе памятниковъ, онъ предоставлялъ полную свободу въ ихъ выборѣ и дорожилъ тѣмъ, чтобы студентъ, ознакомившись посильно съ нимъ, могъ бы дать отвѣтъ о немъ на экзаменѣ, говорить о немъ *своимъ* словомъ, на основаніи *личнаго* впечатлѣнія. Онъ всегда боялся, какъ бы указка профессора не заслонила первыхъ проблесковъ самостоятельной работы молодого ума. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ авторитетное указаніе или

---

1) Сравн. *Бестужевъ-Рюминъ*, „Жизнь и труды М. П. Погодина, соч. Н. Барсукова, кн. IX". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1895, № 3, стр. 227. Бестужевъ самъ свидѣтельствуетъ, что Соловьевъ передъ своими студентами являлся „только профессоромъ: на нашемъ курсѣ (1848—1849) онъ разъ только обратился съ вопросами къ аудиторіи, спрашивая слушателей, что каждый изъ нихъ прочелъ, но убѣдившись, что большинство читало мало, онъ не принялъ никакихъ мѣръ, чтобы они ближе познакомились съ основными источниками" (ibidem). Кавелинъ, хотя и комментировалъ со студентами Русскую Правду, но не долго, такъ какъ вскорѣ оставилъ совсѣмъ университетъ. Этотъ пробѣлъ Бестужевъ могъ бы пополнить съ помощью Погодина. Онъ говоритъ, что „Погодинъ былъ учитель: онъ вводилъ учениковъ, такъ сказать, въ свою ученую лабораторію, знакомилъ ихъ съ источниками и со способомъ ихъ объясненія; бесѣдовалъ съ ними лично, открывалъ доступъ къ сокровищамъ своей библіотеки" (ibidem); но если Бестужевъ и воспользовался совѣтами Погодина, то еще неизвѣстно, въ какой мѣрѣ; вспомнимъ, что работа надъ лѣтописью, начатая по указанію того же Погодина, „оказалась неудовлетворительною", такъ какъ „самые пріемы были неясны". (Біогр. и Характеристики, 299); что, по собственному признанію Бестужева, онъ не особенно-то ревностно шелъ на встрѣчу указаній Погодина, какъ человѣка, принадлежавшаго къ иному направленію, чѣмъ то, подъ вліяніемъ котораго находился тогда Бестужевъ (см. отзывъ о соч. Барсукова: „Жизнь и труды Погодина, кн. III". *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1890, № 3, стр. 234). Да и вообще, даже допуская извѣстное воздѣйствіе въ прошломъ, все же придется признать, что самъ-то Бестужевъ, какъ профессоръ, не имѣлъ никакой склонности наставлять въ исторической экзегетикѣ.

совѣтъ профессора были бы особенно кстати и полезны, онъ иногда все-таки устранялся и предоставлялъ молодымъ силамъ самостоятельно отыскивать дорогу, — единственно изъ опасенія, какъ бы не начали онѣ „jurare in verba magistri", смотрѣть его глазами. Я могъ бы привести не одинъ примѣръ подобнаго отношенія, но ограничусь однимъ. Однажды, съ университетской каѳедры, онъ объяснялъ студентамъ тему, предложенную на соисканіе золотой медали: „О заслугахъ канцлера графа Н. П. Румянцова для научнаго изученія прошедшаго Россіи". Вступительныя слова его я записалъ тогда же, во время лекціи, почти дословно и приведу ихъ здѣсь цѣликомъ. Вотъ они: „Прежде чѣмъ объяснять самую тему и указывать ея литературу, хочу предупредить васъ, господа, чтобы вы не ждали отъ меня выраженія моего взгляда на дѣятельность Румянцова, его значеніе въ исторіографіи, характеръ его дѣятельности и т. п. Навязывать своего мнѣнія я не буду. Каждый долженъ имѣть свой взглядъ. Всякій взглядъ, какъ-бы ни былъ онъ рѣзокъ, крайній, будетъ принятъ, только бы основывался онъ на строгихъ данныхъ и на серьезномъ изученіи предмета. Я буду радъ встрѣтить новый взглядъ, несогласный съ моимъ: онъ дастъ лучшее освѣщеніе моему; взглядъ, схожій съ моимъ, будетъ тѣмъ пріятнѣе для меня. Я не могу при изложеніи темы кой-гдѣ не намѣтить своего отношенія, своего пониманія какого либо факта, но опять таки прошу это принимать за мой личный взглядъ, который я невольно высказалъ, но который отнюдь не навязываю вамъ". Такой пріемъ профессора по отношенію своихъ учениковъ тоже, если хотите, направленіе, система, но уже совсѣмъ иного рода. Это была также и деликатность натуры, — черта, столь характерная въ К. Н.

Мы видѣли также, что основной характеръ и лекцій, и литературныхъ работъ Бестужева былъ — *критическій*. Но критическій методъ изученія самъ по себѣ еще не заключаетъ ничего положительнаго. Въ этомъ методѣ больше скепсиса, больше отрицанія, чѣмъ творчества. Чтобы создать школу, необходимо . . . я опасаюсь, какъ бы слова мои не показались парадоксомъ, необходимо быть *односторонним*, смотрѣть болѣе или менѣе въ одинъ уголъ. Школа въ лицѣ своего представителя всегда предполагаетъ не только ясное, отчетливое сознаніе данной идеи, но также извѣстное пренебреженіе къ другимъ, — предполагаетъ не только твер-

дую но и исключительную вѣру въ свой собственный тезисъ. Она не признаетъ иного пути кромѣ того, по которому сама идетъ. Мало того. Свое убѣжденіе школа горячо пропагандируетъ, споритъ, доказываетъ, оберегаетъ своихъ послѣдователей отъ зла. Чтобы создать школу, необходимо стать извѣстнаго рода фанатикомъ и свой фанатизмъ прививать ученикамъ.

Ни на что подобное не способенъ былъ Бестужевъ, ни по характеру своей натуры, ни по характеру своихъ научныхъ взглядовъ. Вотъ почему школы въ смыслѣ ученія, которое освѣтило бы извѣстнымъ свѣтомъ всю совокупность явленій прошлаго, — основной нити, въ родѣ той, что̀ далъ С. М. Соловьевъ, нити, которую можно было бы провести чрезъ всю русскую исторію — Бестужевъ не открылъ и не создалъ, собственнаго цѣльнаго міровоззрѣнія онъ не далъ.

Причину, помимо сказаннаго, слѣдуетъ искать также и въ слишкомъ ощутительной близости и вліяніи Соловьева, можно сказать, современника. Теорія московскаго профессора была слишкомъ стройна, логична, ярко выражена, послѣдовательно проведена чрезъ всю исторію, для того чтобы легко было тотчасъ же замѣнить ее другою. Эту теорію приходилось или принимать цѣликомъ, или отвергать, но во всякомъ случаѣ считаться съ нею. И тѣмъ не менѣе, не создавъ ничего такого, что могло бы равняться съ теоріей родового и государственнаго быта, К. Н. все же не былъ поглощенъ Соловьевымъ: онъ съумѣлъ и смогъ самостоятельно отнестись къ нему, а во взглядахъ на значеніе „внутренней“ исторіи, въ требованіяхъ бо̀льшей соразмѣрности и стройности въ изученіи отдѣльныхъ частей, пойти даже дальше его.

Научное значеніе К. Н. слѣдуетъ искать не въ положительной разработкѣ русской исторіи, не въ созданіи „школы“ — оно опредѣляется инымъ признакомъ. Мнѣ думается, никто другой изъ нашихъ ученыхъ такъ ярко не выражалъ и не проводилъ столь глубоко въ сознаніе идею необходимости *всесторонняго* изученія явленій прошлаго, какъ онъ, — необходимости привлечь на помощь исторіи *всѣ* отрасли гуманитарнаго знанія. Никто иной не воспиталъ своихъ слушателей и читателей и не заставилъ ихъ проникнуться мыслью о необходимости самаго строгаго изученія фактовъ, самаго *тщательнаго анализа* ихъ, самаго осторожнаго обращенія съ

ними. Никто, наконецъ, изъ нашихъ историковъ не проникся убѣжденіемъ въ необходимости полной *объективности* въ изученіи явленій, именно проникся: всѣмъ сердцемъ, всѣмъ помышленіемъ своимъ, а не то чтобы принялъ, какъ отвлеченіе холоднаго ума.

Вотъ эта-то *широта* въ постановкѣ вопроса, этотъ *критицизмъ,* эта научная *объективность* — и есть то, что составляетъ *направленіе* К. Н., его характерную особенность, какъ историка, — то, что онъ передалъ другимъ болѣе, чѣмъ кто иной. Такимъ образомъ его значеніе въ идеальныхъ требованіяхъ къ исторіи, какъ наукѣ, — къ историку, какъ ученому, — и требованій этихъ онъ никогда не понижалъ! — его значеніе въ той научной высотѣ, на какой онъ неизмѣнно держалъ себя и другихъ. Разумѣется, это еще не школа въ смыслѣ исключительности научнаго направленія, но отказывать такого рода дѣятельности въ громадномъ воспитательномъ значеніи едва ли было бы справедливо.

Заранѣе согласенъ, указанное направленіе по существу есть лишь программа, не болѣе, и при томъ программа, далеко не составлявшая принадлежности исключительно одного Бестужева; но зато, для многихъ другихъ являясь простою теоріей, мыслью, которою *руководятся* въ жизни — для Бестужева эта программа была то, чѣмъ онъ *жилъ,* была самой жизнью. У другихъ это сознаніе заслонялось, смѣшивалось вмѣстѣ съ другими — для К. Н. оно всегда горѣло яркимъ свѣточемъ; наконецъ, другіе, кто дошелъ до этого убѣжденія, руководились имъ болѣе или менѣе безсознательно, въ ихъ работахъ оно не было такъ замѣтно — въ Константинѣ же Николаевичѣ, наоборотъ, служило отличительнымъ признакомъ. Это-то убѣжденіе главнымъ образомъ такъ могущественно и вліяло на умы его учениковъ, оно-то собственно глубоко и запало имъ въ душу, оно-то именно и стало руководящимъ началомъ въ ихъ собственныхъ работахъ.

XI.

Литературная дѣятельность въ университетскую пору.

Расцвѣтомъ научной дѣятельности Бестужева-Рюмина, самой блестящей порою его жизни были семидесятые годы. Мы видѣли, что судьба вообще мало баловала его. Званіе профессора далось не сразу; забота о матеріальномъ существованіи долгіе годы отвлекала въ сторону отъ настоящей дороги, пришлось размѣниваться на мелкую газетную и журнальную работу; еще бо̀льшаго напряженія стоило создать себѣ имя въ наукѣ. Тѣмъ законнѣе и естественнѣе теперь было чувство удовлетворенія, въ свою очередь будившее новыя силы, рождавшее увѣренность въ дальнѣйшихъ успѣхахъ.

Въ эти годы Бестужевъ почти безвыѣздно жилъ въ Петербургѣ. Лишь лѣтомъ 1869 г., совмѣстно съ своимъ бывшимъ учителемъ, П. И. Мельниковымъ, совершилъ онъ „прелестную поѣздку“ на Уралъ, черезъ Семеновъ, Варнавинъ на Вятку и Пермь до Екатеринбурга. Особенно понравилось К. Н. пребываніе въ раскольничьихъ скитахъ Семеновскаго уѣзда, гдѣ авторъ „Въ Лѣсахъ“ былъ свой человѣкъ и гдѣ передъ нашимъ историкомъ возстала, какъ живая, картина того быта, которую онъ зналъ доселѣ лишь по памятникамъ литературнымъ [1]). Въ Екатеринбургѣ познакомился Бестужевъ съ мѣстнымъ ученымъ Н. К. Чупинымъ. Большой оригиналъ въ домашней жизни, всецѣло погрузившійся въ

---

1) См. объ этой поѣздкѣ воспоминанія самого К. Н. въ некрологѣ Мельникова (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1883, № 3, стр. 48—49); кромѣ того статью *Усова:* Этнографъ-Беллетристъ (*Истор. Вѣстникъ* 1884, № 12, стр. 568).

свои книги, это былъ своего рода научный самородокъ, смѣшной и не всегда удобный въ общежитіи, но вызывавшій чувство глубокаго къ себѣ уваженія той самоотверженной преданностью, съ какою отдался онъ на изученіе исторіи, географіи, природныхъ богатствъ и этнографіи Пермскаго края. Впослѣдствіи Бестужевъ помянулъ Чупина добрымъ словомъ въ одной изъ своихъ статей [1]).

Кромѣ поѣздки на Уралъ, можно отмѣтить еще участіе Бестужева-Рюмина на археологическихъ съѣздахъ въ Кіевѣ (1874 г.), въ Казани (1877 г.) и Тифлисѣ (1881). Впрочемъ на Тифлисскій съѣздъ онъ былъ, помнится, только командированъ университетомъ, но туда не ѣздилъ [2]). Въ общемъ же всѣ такія поѣздки дѣлались на короткое время; немного времени понадобилось и на поѣздку въ Псковъ, Новгородъ, на Валаамъ и въ Петрозаводскъ, въ іюлѣ 1878 г., въ свитѣ Великихъ князей Сергія Александровича, Павла Александровича, Константина Константиновича и Димитрія Константиновича [3]).

Самая же жизнь въ Петербургѣ протекала въ постоянномъ и широкомъ общеніи съ людьми интеллигентнаго круга. Къ этой порѣ относятся знаменитые въ своемъ родѣ *вторники* Бестужева, на которыхъ сходились люди самыхъ разнообразныхъ направленій, толковъ и спеціальностей, соприкасаясь другъ съ другомъ прежде всего на почвѣ общаго интереса и уваженія къ серьезному знанію, духовному развитію вообще. Разностороннее образованіе хозяина, прекрасное знакомство его съ исторіей и литературой, искусствомъ, вопросами религіозными и юридическими; его отзывчивость, въ соединеніи съ деликатностью душевной, вполнѣ и надолго обезпечили успѣхъ этихъ еженедѣльныхъ собраній.

Здѣсь лилась обыкновенно непринужденная бесѣда: въ былые годы О. Ѳ. Миллеръ громилъ здѣсь Екатерину II, а хозяинъ дома, не вступая въ прямой споръ, замѣчалъ: „Такъ-то

---

1) Біографіи и Характеристики, стр. 6, прим.

2) Протоколы засѣданій совѣта Спб. унив., № 10, стр. 11; № 15, стр. 50; № 24, стр. 39, 45.

3) Кромѣ того можно упомянуть еще поѣздку въ Финляндію, въ 1881 г., и короткіе заѣзды въ Нижній-Новгородъ, въ родныя мѣста, и въ Тулу, тоже къ роднымъ.

такъ, но вѣдь умна-то была она очень"[1]); здѣсь, наѣзжая въ Петербургъ, блисталъ своимъ остроуміемъ П. И. Мельниковъ, съ добродушнымъ юморомъ рисуя эпическія картины раскольничьяго быта, а Д. И. Иловайскій читалъ отрывки изъ своей „Исторіи Россіи": художественное описаніе Царьграда и перваго нашествія на него Кіевской Руси; здѣсь М. П. Соловьевъ показывалъ свои миніатюры къ евангельской исторіи, къ Данту и А. Толстому; здѣсь обсуждалась всякая интересная литературная новинка, толковали о славянскомъ движеніи на Балканскомъ полуостровѣ, съ живымъ интересомъ слѣдили за ходомъ и перемѣнами русско-турецкой войны, вели бесѣды на темы политическія, о злобѣ дня, о всемъ, что способно было волновать и близко затронуть; здѣсь же, нѣсколько позже, Аполлонъ Майковъ читалъ свои „Два міра", „Княжну", Достоевскій — Фонъ-Визинскаго „Бригадира", а Вл. С. Соловьевъ — отрывки изъ „Фауста" въ переводѣ Фета.

Общественнымъ дѣятелемъ въ прямомъ значеніи слова Бестужевъ никогда не былъ; но онъ не былъ также и тѣмъ кабинетнымъ ученымъ, что̀ изъ-за книгъ не видитъ окружающей жизни, индифферентно относясь ко всему, что не соприкасается съ его наукою. Отъ этого онъ былъ навсегда застрахованъ и своимъ природнымъ дарованіемъ, и широтою того образованія, какое получилъ онъ въ дѣтскую и юношескую пору своей жизни.

Въ эти же семидесятые годы, рядомъ съ книгой и университетомъ, онъ удѣляетъ не мало вниманія и вопросамъ чисто общественнымъ: интересуясь задачами Славянскаго Благотворительнаго общества, онъ принимаетъ въ его работахъ съ каждымъ годомъ все болѣе дѣятельное участіе, а съ 1880 г. становится и его предсѣдателемъ. Сербская война и болгарскіе ужасы, предшествовавшіе русско-турецкой войнѣ, находятъ въ немъ живой откликъ[2]). Наконецъ, къ этому же

---

1) Бестужевъ-Рюминъ всегда очень высоко ставилъ императрицу Екатерину II. „Мы знаемъ наперечетъ всѣхъ ея фаворитовъ, а не знаемъ ея царствованія, — не стыдно ли намъ, господа?" съ укоризною говаривалъ онъ на своихъ лекціяхъ.

2) Къ этому времени относится переводъ Бестужева совмѣстно съ К. П. Побѣдоносцевымъ брошюры Гладстона: „Болгарскіе ужасы и восточный вопросъ. Спб. 1876".

времени главнымъ образомъ относится и блестящая дѣятельность Бестужева въ области женскаго образованія. Тому и другому будутъ посвящены особыя страницы, пока же я хотѣлъ бы остановиться на литературныхъ работахъ, вышедшихъ изъ-подъ пера Бестужева-Рюмина за это время.

Мы уже видѣли, съ какою энергіей, съ какимъ увлеченіемъ принялся Бестужевъ за работу, лишь только вступилъ на университетскую каѳедру. Въ теченіе первыхъ же шести лѣтъ онъ приготовилъ законченные, вполнѣ обработанные курсы по своему предмету, написалъ обширную диссертацію и выпустилъ объемистый томъ „Русской Исторіи". Обѣ книги, „Исторія" вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ „О составѣ русскихъ лѣтописей", не только выдвинули ихъ автора, но сразу дали ему научное имя, поставили въ первые ряды знатоковъ русскаго прошлаго. Зато, несомнѣнно, такая напряженная дѣятельность пагубно отразилась на здоровьѣ Бестужева, надорвавъ и безъ того непрочный организмъ его и въ значительной степени обусловивъ позднѣйшую хилость, рановременную потерю силъ.

Продуктивнымъ Бестужевъ впрочемъ не пересталъ быть; литературный багажъ его продолжалъ неукоснительно пополняться въ теченіе не только этихъ первыхъ шести лѣтъ, но и за весь 17-лѣтній періодъ службы въ Петербургскомъ университетѣ, и можно безъ труда указать на цѣлый рядъ работъ, полныхъ той же серьезной эрудиціи, того же внимательнаго отношенія, вдумчиваго анализа, какъ и тѣ два только-что упомянутыхъ капитальныхъ труда. Однако именно чего-либо *капитальнаго* Бестужевъ-Рюминъ болѣе уже не далъ. *Большая* работа требовала бо̀льшей сосредоточенности, бо̀льшаго постоянства, просто, наконецъ, бо̀льшаго запаса физическихъ силъ. Кромѣ того изъ дальнѣйшаго изложенія мы увидимъ, что Бестужева не мало должна была отвлекать также дѣятельность въ Славянскомъ обществѣ и то широкое участіе, какое принялъ онъ въ веденіи Высшихъ Женскихъ курсовъ за первые годы ихъ существованія. Такимъ образомъ другого *крупнаго* произведенія, послѣ „Лѣтописи" и „Исторіи" Бестужевъ болѣе не написалъ, и слѣдя за его послѣдующей литературною дѣятельностью, приходится обратить вниманіе на отдѣльные этюды и тѣ многочисленныя статьи, что̀ разсѣяны въ разныхъ журналахъ и сборникахъ.

Въ декабрѣ 1866 г. Петербургскій университетъ въ торжественномъ собраніи чествовалъ память Карамзина, по случаю столѣтней годовщины дня рожденія знаменитаго историка, и Бестужеву поручено было произнести рѣчь. Своей темою Бестужевъ взялъ оцѣнку Карамзина, какъ историка[1]). Литературный языкъ Бестужева обыкновенно лишенъ той образности и яркости, какимъ, наоборотъ, обиловала его устная бесѣда. Строгія рамки, въ какія обыкновенно укладывалъ онъ свою мысль, ея философскій, обобщительный характеръ подчасъ дѣлали литературныя работы Бестужева сухими, холодными. Не то его „Карамзинъ". Воодушевленіе, съ какимъ авторъ отнесся къ своему любимому историку, благодарное чувство къ писателю, оставившему такой глубокій слѣдъ въ нравственномъ развитіи оратора — сдѣлалъ настоящую рѣчь по истинѣ блестящей и изящною. Широкими штрихами и въ яркихъ образахъ изобразилъ авторъ положеніе русской исторической науки въ XVIII ст. до появленія Карамзина, условія, при какихъ работалъ послѣдній, и значеніе „Исторіи Государства Россійскаго" со стороны нравственной, художественной (цѣльность и планъ сочиненія) и, наконецъ, со стороны научной.

Въ смыслѣ отдѣлки и яркости впечатлѣнія лучше всего удавались Бестужеву статьи, непосредственно выливавшіяся подъ впечатлѣніемъ охватившаго настроенія, тѣ, гдѣ предварительной черновой работы требовалось возможно меньше. Таковы его лекціи о Погодинѣ и С. М. Соловьевѣ, сказанныя по поводу смерти этихъ ученыхъ; такова и его настоящая рѣчь о Карамзинѣ. Это прежде всего дань сердца и благодарной памяти. Образъ Карамзина — учителя и воспитателя — Бестужевъ до конца дней своихъ благоговѣйно хранилъ въ своей душѣ. Въ послѣдніе годы жизни онъ снова посвятитъ ему свое время, но съ тѣмъ чтобы уже не ограничиться одной „рѣчью", а нарисовать его фигуру во весь ея ростъ.

Въ 1870 г. въ Москвѣ издано было собраніе сочиненій С. В. Ешевскаго; къ изданію приложенъ былъ біографическій очеркъ автора, составленный Бестужевымъ. Кромѣ анализа научной дѣятельности рано умершаго историка Бе-

---

1) Карамзинъ, какъ историкъ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1867, № 1. Перепечатано въ „Біографіяхъ и Характеристикахъ", стр. 205—230.

стужевъ знакомитъ читателя и съ годами ученія Ешевскаго: онъ развертываетъ передъ нами картину школьной жизни въ гимназіи и университетѣ 40-хъ годовъ, а если вспомнить, что Бестужевъ и Ешевскій воспитывались вмѣстѣ, были друзьями, то неудивительно, что настоящія страницы — матеріалъ для біографіи сколько одного, столько же и другого. Говоря о своемъ товарищѣ, Бестужевъ не ограничился тѣсно біографическими данными: его статья, дѣйствительно, какъ я выразился, картина школьной жизни: передъ нами провинціальная гимназія съ ея порядками и переходнымъ временемъ: университетъ Московскій въ одну изъ лучшихъ эпохъ своего существованія, — и намъ становится одинаково понятнымъ, какъ направленіе, изъ котораго вышелъ Ешевскій, такъ и почва, на которой выросли и сложились литературные вкусы и научные интересы самого Бестужева-Рюмина [1]).

Три года спустя пришлось Бестужеву почтить память другого близкаго человѣка, Гильфердинга [2]). Исторіографіею интересовался Бестужевъ сызначала; статья въ „Московскомъ Обозрѣніи" можетъ служить тому доказательствомъ. Но съ годами этотъ интересъ росъ все замѣтнѣе. Чѣмъ старше становился К. Н., чѣмъ болѣе длинная цѣпь именъ связывала настоящее съ прошедшимъ, тѣмъ глубже залегала въ его сознаніи мысль о тѣсной связи и зависимости настоящаго съ прошлымъ, тѣмъ неотложнѣе представлялась ему необходимость изучать это настоящее посредствомъ прошлаго: наконецъ, тѣмъ съ болѣе благодарнымъ чувствомъ смотрѣлъ онъ и на это прошлое, — виновника тѣхъ благъ, какими пользуется современное поколѣніе. На этой почвѣ, кромѣ біографіи Ешевскаго и характеристики Гильфердинга, сложились біографіи и двухъ другихъ русскихъ историковъ: Татищева и Шлецера. Послѣдняя — собственно краткій очеркъ жизни съ указаніемъ наиболѣе характерныхъ и выпуклыхъ событій въ дѣятельности знаменитаго критика и особенно важнаго не прибавила къ тому, что имѣлось уже раньше въ нашей литературѣ [3]). Зато біографія Татищева — обширный очеркъ, съ новыми и

---

1) Статья о Ешевскомъ перепечатана въ „Біографіяхъ и Характеристикахъ", стр. 273—350.

2) А. Ѳ. Гильфердингъ. Біографіи и Характеристики, 351—358

3) Августъ Людвигъ Шлецеръ. *Историч. Вѣстникъ* 1881, № 1, стр. 117—134. Перепеч. въ „Біогр. и Характеристикахъ", стр. 177—203.

2840

дотолѣ неизвѣстными данными. Въ этой біографіи [1]) на первомъ планѣ личность и служебная дѣятельность Татищева; оцѣнкѣ его, какъ историка, удѣлено не много мѣста; повторять стараго авторъ, разумѣется, не хотѣлъ; дѣлать же новый пересмотръ его ученой дѣятельности онъ не имѣлъ въ виду. Эта точка зрѣнія находитъ свое оправданіе въ томъ, что центръ тяжести обширной монографіи лежитъ въ впервые опубликованныхъ свѣдѣніяхъ о неизвѣстномъ дотолѣ трудѣ Татищева: „Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ науки и училищъ", каковымъ Бестужевъ-Рюминъ пользовался по рукописи Императорской Публичной Библіотеки. „Разговоръ", замѣчаетъ Бестужевъ, „долженъ отнынѣ, по моему крайнему убѣжденію, стать центромъ, около котораго будетъ группироваться вся ученая и литературная дѣятельность Татищева. Здѣсь онъ обсуждаетъ вполнѣ всѣ волновавшіе его вопросы изъ высшихъ сферъ вѣдѣнія; здѣсь онъ отстраняетъ недоумѣнія, могшія возродиться и несомнѣнно возрождавшіяся въ окружающемъ его обществѣ; здѣсь онъ дѣлаетъ практическія указанія на тѣ мѣры, посредствомъ которыхъ просвѣщеніе должно водвориться въ Русской землѣ [2])". Важное значеніе памятника и побудило Бестужева дать его обстоятельное изложеніе. Личность Татищева, послѣ статьи К. Н., безспорно получила бо̀льшую чѣмъ прежде отчетливость и опредѣленность [3]).

Мы видѣли, что уже въ первыхъ своихъ критическихъ опытахъ, расходясь съ Соловьевымъ въ пониманіи хода русской исторической жизни, Бестужевъ-Рюминъ тѣмъ не менѣе при всякомъ удобномъ случаѣ старательно подчеркивалъ достоинства его монументальнаго труда, особенно выдвигая тотъ фактъ, что Соловьевъ первый осмыслилъ общій ходъ русской исторіи, объединивъ отдѣльные моменты и событія одною общею связью. По мѣрѣ того, какъ изъ

---

1) В. Н. Татищевъ. Администраторъ и историкъ начала XVIII вѣка. *Древ. Нов. Россія* 1875 г. Перепеч. въ „Біогр. и Характеристикахъ", стр. 1—175.

2) Біографіи и Характеристики, 99—100.

3) Статьи о Карамзинѣ, Ешевскомъ, Гильфердингѣ, Шлецерѣ и Татищевѣ, вмѣстѣ съ характеристиками, посвященными памяти Соловьева и Погодина, были впослѣдствіи собраны въ одну книгу и изданы подъ заглавіемъ: „Біографіи и Характеристики" (Спб. 1882. 8°. 358 стр.).

года въ годъ съ математическою точностью наростало число томовъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ", по мѣрѣ того какъ трудъ этотъ все шире и полнѣе вскрывалъ процессъ развитія русской жизни, — въ той же мѣрѣ росло въ глазахъ и Бестужева значеніе московскаго профессора. Отрицательныя, слабыя стороны труда, оставаясь сами по себѣ тѣми же безъ измѣненія, теперь неизбѣжно должны были потускнѣть въ представленіи, потому что все ощутительнѣе давала себя знать положительная сторона работы. Дѣло было не въ объясненіи факта: то, которое предлагалось, можно было, пожалуй, и не принимать, но Соловьевъ указалъ направленіе, въ какомъ должны были работать русскіе историки, а главное установилъ исходныя точки изученія нашего прошлаго. Въ наукѣ русской исторіи, говоритъ Бестужевъ-Рюминъ, не успѣли еще высказать никакой теоріи, когда появилась теорія, представителемъ которой былъ и остался Соловьевъ: Татищевъ лишь собиралъ матерьялы; что хотѣлъ сказать Щербатовъ — можно только догадываться; Карамзина занимала въ сущности драма людскихъ отношеній, мысль о нравственной проповѣди; попытка Полевого приложить къ русской исторіи теорію западно-европейской науки была преждевременна и не зрѣла; скепсисъ Каченовскаго исключалъ всякую возможность теоріи; наконецъ, Погодинъ, „человѣкъ инстинкта", уже по одному этому былъ всегда противникомъ какихъ бы то ни было теорій [1]), до общихъ воззрѣній онъ не только не возвысился, но и чувствовалъ къ нимъ какой-то ужасъ [2]).

Между тѣмъ „точку опоры умственное развитіе находитъ въ теоріяхъ"; таковую опору и далъ Соловьевъ. „Школа, однимъ изъ главныхъ представителей которой былъ С. М. Соловьевъ, . . . внесла съ собою понятіе о *развитіи*, о постепенной смѣнѣ умственныхъ и нравственныхъ понятій, о постепенномъ ростѣ народномъ. Народы, по ученію школы, постепенно переходятъ отъ рода къ государству. Этою теоріею дана была точка опоры сознанію; стало яснымъ, что перемѣняются не только костюмы и обычаи, но измѣняются воззрѣнія, основа всякаго общественнаго состоянія . . .

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, Двадцатипятилѣтіе „Исторіи Россіи" С. М. Соловьева. *Русск. Старина* 1876, № 3, стр. 682.

2) *Бестужевъ-Рюминъ*, Біографіи и Характеристики, стр. 289.

Въ проведеніи нити развитія черезъ всю русскую исторію заключается одна изъ важнѣйшихъ заслугъ его громаднаго труда"[1]). Вотъ почему „имя Соловьева знаменуетъ собою цѣлую эпоху въ развитіи русской исторической науки"[2]).

Указывалъ Бестужевъ также и на другія достоинства въ трудѣ Соловьева: явленія русской жизни у него постоянно освѣщаются аналогіями изъ жизни другихъ народовъ, преимущественно славянскихъ; широкій взглядъ, обширное знакомство съ европейскою наукою не позволили историку ограничиться изложеніемъ однихъ только *событій*, но побудили дать равное значеніе также *былевой* и *бытовой* исторіи. Обширные очерки, касающіеся вѣрованій, отношеній сословныхъ, права, литературы и просвѣщенія, можетъ быть, и не всѣ обработаны съ одинаковой полнотою и вниманіемъ; но историкъ, цѣлью котораго была не монографія, а трудъ, охватывающій совокупность всей народной жизни, стоялъ въ зависимости отъ развитія въ отечественной литературѣ той или оной отрасли знанія. Важно уже и то, что Соловьевъ „далекъ въ своемъ трудѣ отъ старанія скрыть пробѣлы науки произвольными соображеніями и догадками. Это очень важное достоинство его книги, ибо такимъ образомъ яснымъ оказывается, куда должны направить свои работы новые дѣятели". Многое сдѣлалъ Соловьевъ также и для критики источниковъ[3]). Цѣннымъ достоинствомъ труда является, наконецъ, тотъ новый матерьялъ, который вносится авторомъ съ IX-го тома. Послѣднее обстоятельство дѣлаетъ книгу „лучшимъ указателемъ богатства нашихъ архивовъ", опорою первыхъ шаговъ изслѣдователя. Наступитъ время, говоритъ Бестужевъ, „когда рамка, указанная нынѣ „Исторіею Россіи", будетъ наполнена трудами издателей и изслѣдователей; тогда явится возможность полной, всесторонней исторіи Росіси. . . Но когда явится эта исторія, автору ея придется отнестись къ Соловьеву съ тѣмъ-же

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Двадцатипятилѣтіе „Исторіи Россіи" С. М. Соловьева. *Русск. Старина* 1876, № 3, стр. 682–683.

2) *Бестужевъ-Рюминъ,* „Сочиненія С. М. Соловьева". *Истор. Вѣстникъ* 1882, № 6, стр. 670.

3) *Бестужевъ-Рюминъ,* Двадцатипятилѣтіе „Исторіи Россіи" С. М. Соловьева. *Русск. Старина* 1876, № 3, стр. 684–685.

чувствомъ благоговѣнія, съ которымъ онъ самъ отнесся къ Татищеву" [1]).

„Исторія есть народное самосознаніе" — вотъ девизъ Соловьева, девизъ, полностью усвоенный и Бестужевымъ-Рюминымъ. Но „если исторія народа есть его самосознаніе, то, слѣдовательно, народъ въ своей исторической жизни постепенно раскрываетъ свои нравственныя свойства" [2]), а трудъ историка становится какъ-бы зеркаломъ, отражающимъ духовный обликъ націи, ея помыслы, идеалы, тѣ чаянія и надежды, какими она живетъ въ данную эпоху, ту программу и тѣ цѣли, какія преслѣдуетъ, при томъ преслѣдуетъ большею частью безсознательно, инстинктивно. Въ исторіи, какъ въ фокусѣ, сходятся лучи этихъ идей и желаній, потому-то ихъ легче и уразумѣть этимъ путемъ. Нельзя не видѣть, что при такихъ условіяхъ исторія пріобрѣтаетъ воспитательное значеніе въ жизни общества; но это не то вліяніе, которое оказываетъ книга Карамзина: вліяніе не проповѣди или морали, а того, что присуще всякому широкому знанію; вліяніе не слова, а факта. Такимъ образомъ между исторіей, какъ наукой, и обществомъ, гдѣ эта наука живетъ и совершенствуется, возникаетъ и утверждается тѣсная связь, взаимодѣйствіе, тѣмъ болѣе прочное и глубокое, чѣмъ выше въ культурномъ отношеніи стоятъ обѣ взаимодѣйствующія силы.

Внеся недостававшую намъ ясность въ пониманіе русской жизни, освѣтивъ однимъ общимъ свѣтомъ наше прошлое на всемъ его громадномъ пространствѣ, Соловьевъ далъ русскому обществу возможность *познать самого себя* и тѣмъ самымъ найти болѣе твердую точку опоры въ своей дальнѣйшей дѣятельности. Это заслуга, уже выходящая за предѣлы исключительно научной сферы [3]), заслуга, дающая право видѣть въ „Исторіи Россіи" подвигъ патріотическій. „Мы

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* „Исторіи Россіи съ др. врем., т. XXIII, соч. Соловьева". *Сборникъ государ. знаній,* т. I, стр. 41.

2) *Бестужевъ-Рюминъ,* Двадцатипятилѣтіе „Исторіи Россіи". *Р. Старина* 1876, № 3, стр. 682.

3) Ibidem, стр. 680. Въ другомъ мѣстѣ Бестужевъ замѣчаетъ, что Соловьевъ „34 года ревностно и неутомимо работалъ надъ осуществленіемъ своего идеала исторіи, надъ насажденіемъ и укрѣпленіемъ его среди общества" (отзывъ о „Сочиненіяхъ С. М. Соловьева". *Истор. Вѣстникъ* 1882, № 6, стр. 670).

легко впадаемъ въ уныніе, сравнивая успѣхи цивилизаціи у насъ съ успѣхами цивилизаціи на Западѣ, иногда даже преувеличивая процвѣтаніе Запада и всегда почти принимая на вѣру то, что говорятъ на Западѣ о себѣ и о насъ; въ такомъ настроеніи мы начинаемъ обличать въ безсиліи не только наше прошлое, но и все наше племя, осужденное будто-бы на вѣчное подражаніе самоновѣйшимъ европейскимъ образцамъ; иногда и представители исторической науки (или почитаемые за таковыхъ) поддерживаютъ въ обществѣ это минорное настроеніе; указывая на дурныя стороны прошлаго, они слишкомъ долго останавливаются на нихъ, выдвигаютъ ихъ на первый планъ и забываютъ дать имъ надлежащее объясненіе; въ научной сферѣ вѣра въ показаніе иностранцевъ также вредно дѣйствуетъ, какъ и въ средѣ общественной: наука и общество поддерживаютъ другъ друга. Заслуга С. М. Соловьева состоитъ именно въ томъ, что не покидая почвы дѣйствительности, не входя въ область мечтаній, онъ изображаетъ намъ постепенные успѣхи гражданственности въ русской землѣ, постоянную, упорную борьбу нашихъ предковъ съ невыгодными физическими и экономическими условіями, съ одной стороны, и съ враждебными сосѣдями съ другой; такимъ образомъ то, что является въ страстномъ эффектномъ разсказѣ обличеніемъ и лицъ, и племени, въ покойномъ, научномъ изложеніи служитъ къ лучшему пониманію прошлаго и укрѣпляетъ надежду на будущее" [1]).

Вотъ почему съ такой симпатіею привѣтствуетъ Бестужевъ-Рюминъ двадцатипятилѣтіе монументальнаго труда московскаго историка, пишетъ по этому поводу статью [2]), проводитъ мысль о чествованіи славнаго ученаго адресомъ отъ имени Петербургскаго университета [3]).

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Исторія Россіи, соч. Соловьева, т. XXVI". *Сборникъ Госуд. Знаній*, т. IV, стр. 39.

2) *Русская Старина* 1876, № 3.

3) Хотя въ „Протоколахъ" С.-Петербургскаго университета этого и не сказано, но, конечно, естественнѣе всего предположить иниціативу въ такого рода вопросахъ со стороны спеціалиста-представителя соотвѣтственной каѳедры. Соловьевъ, въ отвѣтъ на посланный ему адресъ, благодаря за сочувствіе, добавляетъ: „Что касается лично меня, то я держу постоянно въ памяти сердца, что Петербургскій университетъ взялъ починъ въ выраженіи сочувствія къ моимъ посильнымъ

Но патріотическій подвигъ, тридцатичетырех-лѣтнее неуклонное служеніе добровольно принятому на себя долгу требуетъ силъ, и силъ очень большихъ. Эти силы, по мнѣнію Бестужева-Рюмина, Соловьеву дало его глубокое и твердое религіозное чувство. „Въ молодые годы поражаетъ уже въ Соловьевѣ крѣпость его религіозныхъ убѣжденій; этой основною чертою опредѣляется твердость и неуклонность его взглядовъ, которые такъ характеризуютъ всю его дѣятельность: только тотъ, кто знаетъ, куда идетъ, кто глубоко вѣруетъ въ то, что создаетъ, — только тотъ и можетъ создавать“ [1]). Религіозное же начало, замѣчаетъ Бестужевъ, чрезвычайно важно для русскаго историка: „это существенный пунктъ, въ которомъ онъ за одно съ своимъ народомъ любитъ и цѣнитъ то же, что и онъ“ [2]).

Итакъ въ религіозномъ чувствѣ нашелъ Соловьевъ источникъ своихъ силъ и энергію для неуклонной работы надъ выполненіемъ намѣченной цѣли. „Оттого-то онъ и сталъ Соловьевымъ, что работалъ неуклонно, всю жизнь и умеръ за работой; онъ зналъ свое дѣло, любилъ его, любилъ науку и Россію, которой служилъ своею дѣятельностію... Человѣкъ неуклоннаго образа мыслей, человѣкъ дѣла, Соловьевъ послужилъ русскому національному развитію“ [3]). За эту-то неизмѣнность своему долгу такъ сильно и чтилъ Бестужевъ Соловьева, и некрологъ, написанный имъ по поводу смерти своего учителя [4]), дышетъ искренностью чувства и благоговѣніемъ къ памяти великаго историка.

Изложеніе взглядовъ Бестужева о Соловьевѣ закончу еще одной выдержкой, на этотъ разъ изъ частнаго его письма. „По моему, Соловьевъ правѣе ихъ всѣхъ (вопросъ шелъ о взглядахъ на происхожденіе варяговъ). Знаю, что онъ не чуждъ былъ высокомѣрія; но изъ современныхъ историковъ по уму и образованію ближе всѣхъ къ нему Никитскій, да и

трудамъ: онъ первый избралъ меня въ свои почетные члены, онъ первый и теперь почтилъ меня своимъ привѣтомъ“ (Протоколы засѣданій совѣта Спб. Унив. за первую половину 1876—1877 г., № 15, стр. 431.

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Литографированныя лекціи по исторіографіи, курсъ 1881—1882 г., стр. 153.

2) Ibidem, 152.

3) Ibidem, 176—177.

4) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1880, № 2; перепечатано въ „Біографіяхъ и Характеристикахъ“.

тому далеко до него. NN — очень даровитъ, но слишкомъ субъективенъ; N* — тоже очень даровитъ, но мало образованъ; остальнымъ до Соловьева, „какъ до звѣзды небесной далеко". Вотъ почему слѣдуетъ постоянно обращать вниманіе на его мнѣнія: онъ даромъ слова не скажетъ. Мы люди ординарные, можемъ иногда судить его, но всегда должны его выслушивать. Только въ послѣдніе годы всталъ онъ передо мною во всемъ своемъ величіи, и я смирился передъ нимъ. Не забудьте, что этотъ человѣкъ первый понялъ Русскую исторію въ связи. Онъ умнѣе даже Карамзина, который былъ не философъ, а художникъ и ученый. Соловьевъ первый внесъ взглядъ философа въ Русскую исторію. Въ молодости я возставалъ противъ него, и каюсь: онъ побѣдилъ меня. Въ настоящее время мнѣ грустно, что Иловайскій не видитъ его настоящаго значенія. Я хорошо знаю, что мнѣ нельзя соперничать ни съ тѣмъ, ни съ другимъ: у меня нѣтъ ни знаній Соловьева, ни таланта Иловайскаго или Забѣлина. Потому, какъ зритель, я могу спокойно судить ихъ всѣхъ трехъ" [1]).

Преклонялся же Бестужевъ передъ Соловьевымъ прежде всего потому, что самъ предъявлялъ очень высокія требованія къ профессору и ученому. Въ его глазахъ профессура, вообще занятія научныя, являлись не столько правомъ, сколько обязанностью, разъ человѣкъ одаренъ былъ соотвѣтственными способностями. Взглядъ К. Н. прекрасно иллюстрируется горькимъ сожалѣніемъ, высказаннымъ по поводу ухода Кавелина изъ Московскаго университета въ 1848 г. Въ этомъ сожалѣніи слышится скрытый упрекъ. Съ уходомъ Кавелина изъ университета, говоритъ Бестужевъ-Рюминъ, „окончилась одна изъ самыхъ блестящихъ профессорскихъ карьеръ, окончилась такъ, какъ нежелательно было, чтобы она оканчивалась. Кавелинъ могъ бы остаться профессоромъ, учиться, работать; онъ нашелъ бы сочувствующую среду: около него начинали уже группироваться ученики; . . . онъ бы выросъ на каѳедрѣ, выработался бы въ обществѣ Соловьева и Грановскаго, оправдалъ бы блестящія надежды, которыя подавалъ: вліяніемъ, любовью, которыми онъ былъ окруженъ, никто не могъ тогда съ нимъ сравниться. . . Прелестный профессоръ, умный человѣкъ, онъ не выдержалъ до конца. . .

1) Письмо 2 февраля 1883 г.

Конечно, виноватъ не онъ, виновато русское общество, но удаляться ему все же не слѣдовало" [1]). Вотъ почему вліяніе, слѣдъ, оставленный Соловьевымъ, неизмѣримо глубже и прочнѣе. Съ неменьшимъ сожалѣніемъ и съ тѣмъ-же невольнымъ укоромъ говорилъ Бестужевъ (не въ печати, а въ устной бесѣдѣ) и о П. Г. Рѣдкинѣ: „Когда Боткинъ [2]) выслушалъ его и сказалъ, что состояніе здоровья ставитъ вопросъ о выборѣ между каѳедрою и Государственнымъ совѣтомъ, то — увы! — Петръ Григорьевичъ выбралъ послѣдній и пожертвовалъ каѳедрою!"

И для Бестужева это не была фраза. Впослѣдствіи, когда болѣзнь оторвала его отъ прежней упорной работы, самымъ мучительнымъ сознаніемъ для него была невозможность докончить дѣло, къ которому онъ себя чувствовалъ призваннымъ и на которое смотрѣлъ, какъ на свой нравственный долгъ. Когда, вернувшись осенью 1884 г. изъ Рима, съ плохо возстановленными силами, и не принимаясь еще за лекціи, волнуемый смутнымъ сознаніемъ надвигающейся опасности быть вынужденнымъ покинуть любимое дѣло, и все еще колеблясь, дѣлать-ли послѣдній рѣшительный шагъ — подавать въ отставку или еще помедлить, все еще старательно отгоняя отъ себя эту мучительную мысль, — когда, говорю я, въ это время при свиданіи съ графомъ Деляновымъ онъ услышалъ завѣренія, что какіе-нибудь два года, недостающіе до пенсіи, не составятъ затрудненія, что заслуги его слишкомъ цѣнятъ, чтобъ долго задумываться надъ устраненіемъ такого рода препятствія, — то слова эти разстроили К. Н. еще больше: ему казалось, что отъ него уже торопятся освободиться — такъ трудно было самому ему примириться съ уходомъ изъ университета, такъ тяжело было отказаться отъ исполненія того, что считалъ онъ своимъ долгомъ и призваніемъ.

Высоко цѣня Соловьева, Бестужевъ совершенно иначе относился къ другому знаменитому историку своего времени, Костомарову. Исторія есть народное самосонаніе, говорилъ Бестужевъ, а историкъ есть какъ-бы выразитель этого самосознанія. Но чтобы стать на высотѣ своего положенія, историку необходимо не только широта взгляда, не только полная

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Литографированныя лекціи по исторіографіи, курсъ 1881—1882 г., стр. 176—177.

2) Знаменитый нашъ клиницистъ.

независимость въ сужденіи, строгая научная объективность, но и *любовь* къ своему дѣлу. Подъ любовью же Бестужевъ-Рюминъ понималъ не одно влеченіе и интересъ, но и ту нравственную силу, которая не позволитъ вторгаться въ науку личнымъ симпатіямъ, которая обезпечитъ хладнокровіе при анализѣ, все равно, симпатичныхъ ли или антипатичныхъ явленій. По мнѣнію Бестужева, только охваченный такою любовью съумѣетъ историкъ отнестись съ уваженіемъ къ созидающей работѣ предшествовавшихъ поколѣній, чьи труды пожинаемъ мы, ихъ потомки, и воздать имъ за это должную хвалу.

Этихъ качествъ Бестужевъ-Рюминъ не признавалъ за Костомаровымъ. Я не имѣю возможности разбирать дѣло по существу: у меня для этого нѣтъ достаточно данныхъ, и потому я ограничусь простой передачею содержанія одной лекціи Бестужева, которую онъ однажды, въ мартѣ 1875 г., ведя курсъ исторіографіи, прочелъ своимъ университетскимъ слушателямъ. Я присутствовалъ на этой лекціи, и мнѣ удалось тогда же записать основныя ея положенія, большей частью въ собственныхъ выраженіяхъ лектора. Добавлю, что лекція была изъ числа тѣхъ, которыя Бестужевъ произносилъ съ особымъ воодушевленіемъ и огнемъ, оставляя сильное впечатлѣніе въ слушателѣ. Въ моей записи все это, конечно, пропало безслѣдно.

„По глубинѣ мысли — такъ началъ Бестужевъ-Рюминъ — С. М. Соловьевъ выше Костомарова; по инстинкту пониманія русской исторіи выше Костомарова стоятъ Забѣлинъ и Погодинъ. Костомаровъ стоитъ одинокимъ развѣ по изложенію содержанія, по способу передачи своей мысли или даннаго факта. Съ именемъ Костомарова связывается тотчасъ же понятіе о партіи, чего нельзя сказать ни объ одномъ нашемъ историкѣ; этимъ въ особенности объясняется его извѣстность, популярность. Объясненіе этому находится въ томъ, что во всѣхъ произведеніяхъ Костомарова сказывается отрицательное отношеніе его къ нашей старинѣ, къ древней русской исторіи, что̀ въ значительной степени соотвѣтствуетъ направленію и личнымъ симпатіямъ современнаго нашего общества. Я весьма желалъ бы подробнѣе остановить ваше вниманіе на этомъ фактѣ, но это вопросъ современной политики, вопросъ слишкомъ жгучій, а потому оставимъ его. За это отрицательное направленіе я не стану порицать Костомарова такъ, какъ дѣлаетъ Погодинъ, но не могу не сказать,

что, порицая дѣйствительно дурныя стороны въ нашей русской исторіи, въ то же время мы должны цѣнить и гордиться тѣмъ, что составляетъ нашу дѣйствительную славу. Величайшій изъ современныхъ народовъ — англичане — представляютъ намъ въ томъ поучительный примѣръ: никто больше ихъ не караетъ и не бичуетъ себя, но зато все, что составляетъ гордость ихъ страны, то стоитъ высоко и бережно охраняется отъ всякаго легкомысленнаго отношенія. Неужли же въ самомъ дѣлѣ вѣренъ тотъ взглядъ, который во всей нашей исторіи ничего не видитъ иного, кромѣ однихъ смутъ, безпорядковъ, личнаго произвола и господства грубой силы? . . . По Костомарову выходитъ, наши первые князья были шайкой разбойниковъ; московскій періодъ — временемъ грубаго насилія; война Грознаго съ Ливоніей объясняется честолюбивымъ желаніемъ правительства, одержавшаго побѣду на востокѣ, попытать счастья и на западѣ . . . Развѣ подобныя отношенія истиннаго историка къ своему дѣлу возможны? Борьба съ Ливоніей сложилась не изъ личныхъ мотивовъ! она есть выраженіе борьбы двухъ элементовъ, славянскаго и германскаго, борьбы, продолжающейся съ тѣхъ поръ вотъ уже болѣе трехъ вѣковъ, незаконченной и по сіе время! И эту-то войну намъ объясняютъ, какъ фантазію, какъ капризъ одного человѣка! . . .

„Не малороссъ по происхожденію, Костомаровъ малороссъ по симпатіямъ, и этимъ объясняется, что все хорошее имъ удѣлено малорусской народности, все дурное — великорусской. Къ чему это обидное дѣленіе на двѣ народности? . . .

„Костомарова считаютъ художникомъ — едвали по праву. Я съ своей стороны призналъ бы талантъ художественнаго изложенія своихъ мыслей — быть можетъ, далеко не всѣ со мной согласятся — скорѣе за Д. И. Иловайскимъ, но послѣдній пока еще не далъ намъ того, что мы вправѣ ожидать отъ него [1]). Костомаровъ лишенъ того, что есть у Огюстьена Тьерри, Пресскота, Маколея, Кароля Шайнохи — этихъ настоящихъ художниковъ-историковъ — даже того, что есть у Карамзина. Типы, образы, картины, представленные въ сочиненіяхъ только-что названныхъ писателей, всегда

1) Напомню, что слова эти были сказаны въ 1875 г., т. е. до появленія въ свѣтъ „Исторіи Россіи“ г. Иловайскаго. См. ниже оцѣнку этого труда Бестужевымъ-Рюминымъ.

выношены, продуманы, составлены на основаніи продолжительнаго, глубокаго и серьезнаго изученія документовъ. Этого нѣтъ у Костомарова. Онъ признается за художника потому развѣ, что лучшаго мы не имѣемъ".

Далѣе Бестужевъ-Рюминъ перешелъ къ краткой оцѣнкѣ трудовъ Костомарова, но изъ всего имъ сказаннаго въ записи моей сохранилось лишь слѣдующее:

„Магистерская диссертація Костомарова — „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи" — чуть-ли не лучшее его произведеніе: указано значеніе былинъ и пр. Его „Славянская миѳологія" — плохая вещь: все сводится къ единобожію и православію . . . Введеніе къ третьему изданію „Богдана Хмельницкаго" многое испортило . . . „Сѣверно-русскія народоправства" — странное заглавіе и еще болѣе странное содержаніе: паденіе Новгорода Костомаровъ объясняетъ борьбою боярскихъ партій; сословная вражда, положеніе черныхъ людей обставлены такъ, какъ будто народъ не имѣлъ никакого участія въ этомъ фактѣ. Да самая-то борьба бояръ изъ чего произошла? . . . На статьяхъ Костомарова по исторіи Смутнаго времени останавливаться не буду: на этотъ счетъ существуетъ превосходная критика Забѣлина. Я пропускаю и статьи, помѣщенныя въ „Вѣстникѣ Европы" — это дѣло личнаго вкуса и личныхъ взглядовъ. Его послѣдній трудъ — „Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ" — явленіе весьма печальное, представляющее собою какъ-бы сборъ, сумму всѣхъ взглядовъ Костомарова на разныя явленія и эпохи русской исторіи".

Припоминается мнѣ и другой, еще болѣе рѣзкій отзывъ Бестужева: однажды, осенью 1874 г., въ личной бесѣдѣ онъ выразился такъ: „Костомаровъ, извините за выраженіе, опошляетъ исторію своимъ легкомысленнымъ и не строго критическимъ отношеніемъ къ источникамъ".

Трудно представить себѣ двѣ столь противоположныхъ фигуры, какъ Соловьевъ и Погодинъ: одинъ систематикъ, человѣкъ школы, опредѣленнаго направленія; другой — полный безсистемникъ, „съ ужасомъ" говорившій о любой школѣ, о любой теоріи [1]); одинъ — представитель разсудочной силы, отчет-

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* „Жизнь и труды Погодина, кн. VIII". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1894, № 9, стр. 212. То же о кн. I. Ibidem, 1888, № 4, стр. 2 отд. отт.

ливо понимавшій, куда онъ идетъ; другой — человѣкъ инстинкта и непосредственнаго чувства. Съ перваго раза можетъ показаться страннымъ, какъ это, высоко ставя Соловьева, Бестужевъ въ то же время глубоко цѣнилъ и Погодина. А между тѣмъ тутъ не было никакого противорѣчія. Мы видѣли выше, что въ пятидесятыхъ годахъ, оцѣнивая благотворную роль, какую сыграло въ развитіи научной нашей мысли цѣльное міровоззрѣніе С. М. Соловьева, Бестужевъ въ дѣятельности Погодина преимущественно подчеркивалъ стороны отрицательныя. Правда, оцѣнка его недостатковъ останется таковою-же и теперь [1]); но нынѣ рядомъ съ недостатками выступятъ и достоинства. Пусть, какъ мы уже видѣли, Погодинъ не признавалъ общихъ руководящихъ началъ, пусть „ученая", анатомическая работа забила въ немъ живое чувство, каменьщикъ убилъ художника; пусть, по мнѣнію Бестужева, „онъ даже какъ будто намѣренно отстранялся отъ выводовъ"; пусть „сознаніе въ томъ, что подведеніе накопившихся фактовъ подъ одно общее начало есть, даже въ качествѣ временной остановки, неизбѣжное требованіе человѣческаго духа — всегда было чуждо ему" [2]) — зато Погодинъ былъ типъ истинно русскаго человѣка со всѣми его достоинствами и недостатками [3]), чутьемъ умѣвшій многое понять тамъ, гдѣ ничего не сдѣлалъ бы теоретикъ. Погодинъ „представитель здраваго смысла русскаго народа" [4]); этотъ-то смыслъ прежде всего и оградилъ его отъ крайностей и одностороннихъ воззрѣній. Врагъ всего узкаго, Погодинъ „не принадлежалъ ни къ одной изъ нашихъ литературныхъ партій, не представлялъ никакой исключительной доктрины" [5]), — послѣдняя же черта, какъ знаемъ, особенно сродни Бесту-

---

1) Сравн. отзывъ Бестужева о соч. Погодина: „Древняя русская исторія до Монгольскаго ига" (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1872, № 5). Какъ ни мягка по формѣ сдѣланная оцѣнка, она убійственна по содержанію.

2) *Бестужевъ-Рюминъ*, М. П. Погодинъ. *Славян. Обозрѣніе* 1892, № 1, стр. 1—2 отд. отт.

3) *Бестужевъ-Рюминъ*, Біографіи и Характеристики, 234. Ср. *его-же* отзывъ о соч. Н. Барсукова: „Жизнь и труды Погодина, кн. I". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1888, № 4, стр. 3 отд. отт.

4) Ibidem, 233.

5) *Бестужевъ-Рюминъ*, М. П. Погодинъ. *Слав. Обозрѣніе* 1892, № 1, стр. 1 отд. отт.

жеву. Погодинъ, замѣчаетъ К. Н., *„не могъ допустить объясненія всѣхъ явленій жизни изъ одного начала, ибо умѣлъ уважать жизнь и понимать ея сложность и многообразіе“*[1]). Въ послѣднихъ словахъ, можетъ быть, лучшая разгадка симпатій Бестужева-Рюмина къ „сердитому стоятелю за народъ, за Москву, за Русскую землю“.

Въ дѣятельности Погодина наталкиваемся еще на одну черту, роднившую его съ Бестужевымъ: Погодинъ „внесъ въ науку требованіе строгой шлецеровской документальности“[2]), — неизмѣннымъ поборникомъ этихъ правилъ былъ и нашъ историкъ во всѣхъ своихъ ученыхъ трудахъ[3]).

Вообще нельзя не замѣтить, что, оцѣнивая литературныхъ дѣятелей въ пятидесятые годы, Бестужевъ выходитъ изъ иныхъ основаній, чѣмъ въ послѣднія 25—30 лѣтъ своей жизни. Раньше его вниманіе сосредоточено всецѣло на защитѣ своихъ положеній: это, значитъ, борьба и полемика. Теперь — онъ уже произноситъ историческій судъ надъ людьми, завершившими свою дѣятельность; полемическій задоръ угасъ, фигура противника вырисовывается въ полный ростъ и ее можно спокойно разсматривать со всѣхъ сторонъ, безъ увлеченій и безъ страсти, „добру и злу внимая равнодушно“. Это вообще та пора, когда наступаетъ возможность „отречься отъ предубѣжденій, оставленныхъ полемикою старыхъ годовъ, и безпристрастно отнестись къ той и другой изъ боровшихся сторонъ“[4]), тѣмъ болѣе, что „очищеніе памяти замѣчательныхъ людей — подвигъ гражданскій, ибо все мелкое и посредственное всегда радуется пятнамъ на именахъ лучшихъ людей, наслаждаясь случаемъ стащить этихъ людей въ море грязи и тѣмъ возвысить себя“[5]).

Съ большимъ сочувствіемъ встрѣтилъ Бестужевъ-Рюминъ появленіе „Русской Исторіи“ Д. И. Иловайскаго. Онъ признавалъ за авторомъ большое мастерство въ худо-

---

1) Ibidem, 1—2.

2) *Бестужевъ-Рюминъ,* Біографіи и Характеристики, 238.

3) „Изученіе „Изслѣдованій“ Погодина многое уяснило для меня въ древней Руси“, замѣтилъ онъ однажды (М. П. Погодинъ. *Слав. Обозрѣніе* 1892, № 1, стр. 3 отд. отт.).

4) *Бестужевъ-Рюминъ,* „Жизнь и труды Погодина, кн. I“. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1888, № 4, стр. 4 отд. отт.

5) *Его-же* отзывъ о томъ-же сочиненіи, кн. IV. Ibidem, 1891, № 5, стр. 199—200.

жественномъ изображеніи прошлаго. „Изъ всѣхъ писателей“ — говоритъ Бестужевъ въ одной изъ своихъ рецензій — „послѣ Карамзина никто ближе г. Иловайскаго не подходилъ“ къ тому „художественному идеалу, къ которому долженъ стремиться историческій писатель“ [1]). Бестужеву особенно нравились: картина Царьграда при первомъ нашествіи варяговъ; изображеніе походовъ русскихъ князей противъ кочевниковъ; характеристики Всеволода Большое Гнѣздо, Даніила Романовича, которыя онъ ставилъ въ параллель съ болѣе ранней характеристикой Олега Ивановича (въ „Исторіи Рязанскаго княжества“); далѣе, картина Припонтійскихъ и Прикаспійскихъ степей; но чѣмъ всего болѣе восхищался Бестужевъ — это разсказомъ о Куликовской битвѣ. „Счастливо, говорилъ онъ, будетъ поколѣніе, воспитавшееся на такихъ изящныхъ образцахъ“ [2]). „Кто изъ людей, понимающихъ изящное“ — замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ — „не приходилъ въ восторгъ отъ многихъ страницъ этой книги, которая, къ сожалѣнію, еще мало оцѣнена публикою“ [3]). Впрочемъ съ теченіемъ времени Бестужевъ замѣтно охладѣлъ: третій томъ „Исторіи“ г. Иловайскаго его уже во многомъ не удовлетворялъ, и онъ сознавался, что раньше „нѣсколько увлекался“. Всего болѣе, конечно, онъ расходился съ авторомъ въ оцѣнкѣ Грознаго; разошелся съ нимъ и въ оцѣнкѣ послѣдующей эпохи. „Думаю“ — писалъ онъ въ маѣ 1894 г. — „что и „Смутное время“ не много внесетъ въ науку, ибо самая мысль о западно-русскомъ шляхтичѣ (какимъ г. Иловайскій считаетъ перваго Самозванца) не новая“ [4]).

Одновременно съ перечисленными работами исторіографическаго характера не игнорировалъ Бестужевъ-Рюминъ и другихъ явленій прошлой жизни русскаго народа. Таковы его статьи о колонизаціи великоруссовъ, о Грозномъ, о

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Исторія Россіи, Д. И. Иловойскаго, ч. I“. *Древ. Нов. Россія* 1876, № 6, стр. 193. Сравн. *его-же* отзывъ о второй части перваго тома въ *Истор. Вѣстникѣ* 1880, № 10, стр. 399—401.

2) *Его-же* отзывъ о второмъ томѣ той же книги. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1884, № 11, стр. 177.

3) *Бестужевъ-Рюминъ*, Біографіи и Характеристики, стр. 253, примѣч.

4) Письма К. Н. Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени, стр. 50.

Петрѣ В. Первая[1]) еще вполнѣ отражаетъ на себѣ ту пору, когда Бестужевъ особенно настоятельно выдвигалъ необходимость изученія *общества* по сравненію съ *государствомъ*, и, конечно, статья эта выросла главнымъ образомъ на почвѣ того интереса, съ какимъ авторъ наблюдалъ проявленія *народной* жизни. „Колонизація великорусскаго племени" особенно подчеркиваетъ ту мысль, что успѣхъ созиданія Московскаго, а чрезъ него и всего Русскаго государства былъ обезпеченъ тѣмъ обстоятельствомъ, что „князь и народъ и хотѣли одного, и думали одинаково", что „народъ инстинктивно понялъ дѣло объединенія своимъ собственнымъ дѣломъ", понялъ же такъ, „потому что князья приняли это дѣло изъ рукъ народа"; починъ въ заселеніи сѣверо-востока принадлежитъ народу, князья же явились лишь вѣрными истолкователями его желаній и потребностей.

Иванъ Грозный всегда привлекалъ вниманіе нашего историка. Мало того. Эта личность едва ли не сильнѣе всѣхъ остальныхъ влекла его къ себѣ, манила на трудную задачу разгадать ея сложный характеръ, заглянуть въ ея душу и оцѣнить государственную дѣятельность. Мы знаемъ, что еще на гимназической скамьѣ услышалъ Бестужевъ сочувственную характеристику создателя опричнины; въ университетѣ на лекціяхъ Соловьева онъ также встрѣтился съ оцѣнкой, построенной на желаніи освободиться отъ впечатлѣній исключительно субъективныхъ, и руководящейся исключительно требованіями серьезной, научной критики. Въ духѣ Соловьева, даже еще ярче, рисовалъ Грознаго и Кавелинъ.

Всего этого однако было бы еще недостаточно для объясненія симпатій Бестужева къ царю Ивану. А это именно были симпатіи, сочувствіе. Если Мельниковъ съ Соловьевымъ и предохранили Бестужева отъ того, чтобы видѣть въ Иванѣ Грозномъ исключительно одно второе изданіе Калигулы или Нерона, зато ихъ домыслы и соображенія стали впослѣдствіи въ рукахъ К. Н. не только точкой опоры при возраженіяхъ Карамзину, Костомарову и др., но и базою для дальнѣйшей реабилитаціи царя. Для Бестужева-Рюмина Грозный былъ не только крупный государственный дѣятель, имѣющій право

---

1) О колонизаціи великорусскаго племени. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1867, № 6, стр. 776—784.

на извиненіе своихъ недостатковъ и пороковъ, какъ бы крупны они были: нѣтъ, въ этомъ „тиранѣ“ Бестужевъ видѣлъ еще и страдальца, большой умъ и слабую волю, нѣчто гамлетовское, — послѣдняя же черта для К. Н. всегда звучала чѣмъ-то сроднымъ и близкимъ. Вотъ почему *психологическій* анализъ царя стоялъ въ изученіи Бестужева обыкновенно на первомъ планѣ. Съ теченіемъ времени передъ историкомъ все отчетливѣе и отчетливѣе слагался трагическій образъ человѣка, по природѣ скорѣе созерцательнаго, склоннаго болѣе къ отвлеченному мышленію, но силою обстоятельствъ призваннаго дѣйствовать на практическомъ поприщѣ. „Оттого онъ то довѣряетъ другимъ, то вдругъ заподозрѣваетъ и никогда не дѣйствуетъ самъ“ [1]); „задавшись мыслью, онъ искалъ исполнителей и довѣрялся имъ до перваго подозрѣнія: легко вѣря, онъ легко и разувѣрялся и страшно мстилъ тѣмъ, въ комъ видѣлъ нарушеніе довѣрія“ [2]).

Психологическій анализъ, правильный самъ по себѣ, но взятый въ отдѣльности, не достаточенъ однако для оцѣнки эпохи Грознаго во всей ея совокупности; вотъ почему современная исторіографія все болѣе и болѣе обращаетъ вниманіе на уясненіе той почвы, на которой выросъ, и той среды, въ какой дѣйствовалъ царь Иванъ; но въ то же время эта же самая исторіографія все болѣе подтверждаетъ правильность основного взгляда Бестужева на Грознаго, какъ на крупную государственную личность своего времени и какъ на человѣка съ большимъ прозорливымъ умомъ, не только не „разрушавшаго“ основы государственной жизни Россіи, но, наоборотъ, какъ на одного изъ такихъ же „строителей“ Русской земли, что̀ и его предшественники. Самая опричнина, это, повидимому, наиболѣе экстравагантное произведеніе Ивана Грознаго, эта прихоть капризнаго ума, по соображеніямъ новѣйшихъ изслѣдователей, становится одною изъ наиболѣе серьезныхъ и продуманныхъ политическихъ мѣръ царя. Бестужевъ чувствовалъ это, но ему не удалось обставить свое положеніе достаточными доказательствами [3]).

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Русская Исторія, т. II, вып. 1, стр. 318.

2) Энцикл. словарь *Брокгауза* и *Эфрона,* т. XIII[a], стр. 691.

3) Оцѣнку личности и дѣятельности Грознаго Бестужевъ-Рюминъ далъ въ статьѣ: „Нѣсколько словъ по поводу поэтическихъ воспроизведеній характера Іоанна Грознаго“ (*Заря* 1871, № 3), въ своей

На ряду съ Грознымъ другая фигура — Петра Великаго — одинаково живо интересовала нашего историка. Свой взглядъ на Петра Бестужевъ-Рюминъ высказывалъ по частямъ, или полемизируя, или, въ силу спеціальныхъ задачъ, выставляя особенно рельефно какую-либо одну сторону дѣятельности царя-преобразователя. Но во всѣхъ своихъ статьяхъ, и болѣе раннихъ, и болѣе позднихъ, Бестужевъ одинаково неизмѣнный поклонникъ этой геніальной личности.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, знакомя русскую публику съ воззрѣніями славянофиловъ, онъ высказывается противъ ихъ оцѣнки реформы. Правда, онъ не смотритъ на нее и глазами тогдашнихъ западниковъ, отнюдь не считаетъ сомнѣніе въ ея пользѣ какимъ-либо страшнымъ преступленіемъ [1]), готовъ находить ее поспѣшной и вполнѣ допускаетъ вопросъ „о законности и цѣлесообразности того пути, которымъ она произведена“ [2]), но въ то же время рѣшительно отказывается идеализировать, подобно К. Аксакову, бытъ и строй московской Руси. „Любовное согласіе государства и земли“ были далеки отъ осуществленія. Чѣмъ болѣе крѣпла политическая централизація, тѣмъ болѣе отступала Москва отъ прежней политики сохраненія мѣстныхъ особенностей; государство оставляло мѣстное самоуправленіе пока лишь само было слабо, но, разъ окрѣпнувъ, тотчасъ же подчинило его себѣ. Нужды нѣтъ, что въ московскій періодъ централизаціонная дѣятельность выступаетъ не ярко, закрытая или старыми учрежденіями, или же новыми, созданными государствомъ вслѣдствіе сознанія своей слабости, — тѣмъ не менѣе эта дѣятельность существуетъ; въ трудахъ Чичерина, Дмитріева и Соловьева тщательно собраны всѣ слѣды таковой. Можно не раздѣлять удовольствія названныхъ историковъ, вызваннаго въ нихъ ростомъ этой централизаціи, но это еще не даетъ права от-

---

„Русской Исторіи“, т. II, вып. 1 и въ біографическомъ очеркѣ, написанномъ для Энциклопед. словаря *Брокгауза* и *Эфрона*, т. XIII[a]. Одно время (въ шестидесятыхъ годахъ?) онъ началъ готовиться къ большому труду о Грозномъ, разнесъ было на отдѣльныя карточки свѣдѣнія изъ большого числа документовъ, но дальше этого не пошелъ. Работа пріостановилась въ самомъ началѣ. Сохранилось начало подобнаго же рода работы и о Петрѣ Великомъ.

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Сочиненія К. Кавелина“, статья III. *Отеч. Записки* 1860, № 8, стр. 77.

2) Ibidem, 77.

рицать самыхъ фактовъ, ими указанныхъ: слишкомъ уже они ясны[1]).

„Петръ не былъ неожиданностью для Россіи, его дѣятельность опиралась на элементы, уже существовавшіе въ обществѣ; иначе онъ долженъ бы былъ встрѣтить такое противодѣйствіе, котораго даже ему не удалось бы сломить. Нѣтъ, слѣды старинныхъ учрежденій, которыя могли бы служить твердою точкою отправленія для Россіи нашего времени, въ сущности желающей того же, что отличало древнюю Русь, только съ нѣкоторыми новѣйшими видоизмѣненіями, необходимость которыхъ засвидѣтельствовалъ многовѣковой опытъ свой и чужой — слѣды эти погибли не отъ одного только петровскаго произвола; этому мы не повѣримъ, какъ ни картинно рисуютъ намъ Петра наши новѣйшіе историки, какъ ни горько жалуются на него славянофилы. Воля Петра была достаточно сильна, чтобы, опершись на готовые элементы, создать свой порядокъ; но изъ ничего кромѣ Бога никто творить не можетъ: люди всегда находятъ готовое. У Петра было сильное орудіе: служилое сословіе, приказные люди — словомъ, готовая администрація; а гдѣ администрація не служила цѣлямъ натуръ, подобныхъ натурѣ Петра? Положимъ, что она служила не всегда хорошо; положимъ, что кара царскаго гнѣва нерѣдко разражалась надъ косными и своекорыстными администраторами; но гдѣ администраторы, непоставленные подъ бдительный надзоръ общественнаго мнѣнія, огражденнаго прочными правами и учрежденіями, не были косны и своекорыстны? Теперь мы въ правѣ спросить: Петръ ли создалъ это орудіе? Страшно петровское „слово и дѣло“ — эта лучшая ограда всѣхъ его дѣйствій; но развѣ мы не знаемъ подобныхъ же процессовъ изъ временъ благодушнаго царя Алексѣя Михайловича? развѣ невѣрно слово Морошкина, назвавшаго „Уложеніе“ кровавымъ подножіемъ послѣдующаго законодательства? Нѣтъ, и у старой Руси были свои темныя стороны, послѣдствія которыхъ чувствуемъ на себѣ мы, отдаленные потомки“[2])!

Реформа въ концѣ XVII столѣтія была необходима, и передовые люди того времени хорошо понимали это: весь

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Славянофильское ученіе и его судьбы въ русской литературѣ. Статья III. *Отеч. Записки* 1862, № 5, стр. 11.

2) Ibidem, 11—12.

ходъ исторіи велъ къ сознанію этой необходимости. „Еще задолго до Петра русская исторія вступила на путь крутыхъ переворотовъ; дѣло Петра было только смѣлѣе дѣйствій его предшественниковъ; но это потому, что онъ былъ не первый на этомъ пути: онъ переступилъ порогъ частнаго дома; онъ произвелъ переворотъ въ той сферѣ, гдѣ перевороты чувствуются всего болѣзненнѣе . . . [1]). Вотъ почему нельзя безусловно принять всего того, что говоритъ о московскомъ періодѣ К. С. Аксаковъ, для котораго періодъ послѣ-петровскій является только эпизодомъ, т. е. чѣмъ-то случайнымъ, несвязаннымъ съ предыдущимъ ходомъ событій, хотя связь между ними чрезвычайно ясна. Мы даже не считаемъ возможнымъ прямое возвращеніе къ началамъ Руси до-петровской; мы думаемъ, что эти полтораста лѣтъ не даромъ прошли для Россіи, что они создали новое положеніе и указали новыя потребности. Одна изъ самыхъ умныхъ статей „Дня“ оканчивается замѣчательными словами: „Спасеніе наше въ наукѣ, въ *нѣмецкой* работѣ мысли, въ трудовомъ изученіи дѣла, въ наиподробнѣйшемъ изслѣдованіи нашего прошедшаго и нашего настоящаго быта, въ трезвой, въ строгой, въ послѣдовательной наукѣ. Изъ-за науки мы расходились съ народомъ, съ наукою должны придти къ нему, чтобы слиться съ нимъ“. Все отрицать во имя давнопрошедшаго такъ-же опасно, какъ и отрицать все во имя неизвѣстнаго будущаго и невыяснившихся идеаловъ; все изучить, все понять — вотъ задача науки; всѣмъ воспользоваться, ничего не упустить изъ виду — вотъ задача практическаго дѣятеля. Историческія эпохи кладутъ неизгладимый слѣдъ на все общество и бываютъ минуты, когда непониманіе того, что именно важно, ведетъ къ печальнымъ послѣдствіямъ. Мы охотно вѣримъ, что петровская реформа была во многихъ отношеніяхъ отклоненіемъ отъ правильнаго пути развитія; но это отклоненіе началось не съ Петра и не безслѣдно прошло для русскаго общества; мы даже думаемъ, что и не безполезно. Конечно, главная польза отрицательная: мы знаемъ, какимъ путемъ общество не должно идти, чего именно надо избѣгать; но между плодами петровской реформы не всѣ и горьки:

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Сочиненія К. Кавелина“, статья III. *Отеч. Записки* 1860, № 8, стр. 77.

европейское просвѣщеніе принесло намъ гуманность, принесло опытъ тысячелѣтней жизни, который служитъ лучшею опорою нашего собственнаго опыта. Теперь, кажется, пора выступить въ новый путь, и мы надѣемся, что, выступая, мы не кинемъ, какъ лишнее, все, что куплено дорогой цѣною"[1]).

Самый характеръ Петра Бестужевъ рисуетъ слѣдующими штрихами: „Безустанная дѣятельность, энергическое стремленіе къ цѣли, разъ поставленной, вѣра въ себя, въ свое призваніе, въ возможность все видѣть, все обсудить, за всѣмъ наблюдать самому — вотъ отличительныя черты характера Петра. Эти-то черты поражаютъ преимущественно потомство: онѣ-то воспѣваются прозою Ломоносова, Голикова и Устрялова, стихами Ломоносова и Пушкина. Величіе результатовъ, достигнутыхъ въ тридцатишестилѣтіе правленія Петра поистинѣ изумительно, особенно, если вспомнимъ, что сотрудники его были только исполнителями его воли, что послѣ его смерти не нашлось людей, которые могли бы продолжать его замыслы, что онъ встрѣчалъ, если не явное сопротивленіе, то глухой ропотъ во всѣхъ слояхъ общества. Но въ самыхъ-то этихъ блестящихъ качествахъ таилась одна изъ главныхъ причинъ слабыхъ сторонъ дѣятельности Петровой: вѣря только самому себѣ, онъ не приготовилъ себѣ наслѣдника, да и не готовилъ его; самъ неутомимо-дѣятельный, онъ требовалъ отъ всѣхъ подобной же дѣятельности, но дѣятельности по приказу, по наряду, то-есть, именно той дѣятельности, къ которой у человѣка менѣе всего лежитъ сердце. Слишкомъ обширная и усиленная дѣятельность мѣшала ему вникать въ причины встрѣчаемаго сопротивленія и изыскивать вѣрнѣйшія средства къ отстраненію его: торопясь къ цѣли, онъ прибѣгалъ къ самымъ энергическимъ мѣрамъ для уничтоженія препятствій. При такомъ взглядѣ, онъ, конечно, не могъ дорожить жизнью человѣческою, и казни и пытки были его главнымъ орудіемъ въ достиженіи цѣлей. Намъ скажутъ: время было жестоко; потребность въ реформѣ ощутительно-необходима. Все такъ; но и въ это время не всѣ правители лично присутствовали въ застѣнкахъ, и чтобъ найти подобное любопытство въ русской

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, Славянофильское ученіе. Статья III. *Отеч. Записки* 1862, № 5, стр. 12—13.

исторіи, мы должны обратиться къ временамъ Грознаго. Да, не даромъ Петръ видѣлъ въ Грозномъ своего предшественника: въ характерѣ ихъ много сходнаго; можетъ быть, самая разница въ результатахъ объясняется тѣмъ, что между ними лежитъ пространство двухъ столѣтій, и что Петръ нашелъ уже подготовленную почву для преобразованій, къ которымъ и самъ былъ больше подготовленъ. Впрочемъ, есть разница и въ самыхъ характерахъ: Иванъ былъ болѣе мечтатель: натура Петра была реальнѣе" [1]).

Считаясь съ славянофилами, Бестужеву приходилось защищать Петра отъ несправедливыхъ нападокъ, а потому въ вышеприведенныхъ словахъ слышится голосъ апологета, сознательно подчеркивающаго положительныя стороны. Такимъ же остается Бестужевъ и десять лѣтъ спустя въ рѣчи, произнесенной по поводу 200-лѣтняго юбилея дня рожденія Петра В. Не отрицая, что въ возраженіяхъ славянофиловъ есть доля справедливаго, онъ указываетъ однако, что таковыя большею частью касаются *„послѣдствій* дѣятельности Петра, отъ него независѣвшихъ и имъ не предвидѣнныхъ: мало ли сколько постороннихъ элементовъ примѣшалось къ великому подвигу Петра уже тогда, когда дѣло его досталось продолжать другимъ, часто далеко уступавшимъ ему людямъ? Частью же эти возраженія касаются пріемовъ Петра и его средствъ. Его же средства и пріемы заимствованы имъ изъ прошедшаго Московскаго государства или даже изъ примѣровъ тогдашней Европы, переживавшей эпоху Лудовика XIV" [2]).

Однимъ словомъ реформа была необходима; она совершилась при условіяхъ и средствами своего времени; восторжествуй вмѣсто Петра Софія и Голицынъ, реформа все равно была бы проведена, „хотя, можетъ быть, нѣсколько въ иномъ направленіи: вмѣсто примѣра протестантскихъ странъ, Россія могла быть увлечена примѣромъ католическихъ. Было ли бы лучше — это еще вопросъ" [3]).

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* „Исторія царствованія Петра В., Устрялова, т. VI". *Отеч. Записки* 1859, № 2, стр. 71—72.

2) *Бестужевъ-Рюминъ,* Причины различныхъ взглядовъ на Петра В. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1872, № 6, стр. 155.

3) *Бестужевъ-Рюминъ,* И. С. Аксаковъ. Послѣднія 10 лѣтъ перваго 25-лѣтія существованія Славянскаго благотворит. Общества, стр. 202.

Итакъ споръ о *необходимости* реформы теперь, по мнѣнію Бестужева, споръ запоздалый. Нынѣ наступила пора выдвинуть другой вопросъ: не слѣдуетъ ли „исправить то, что было невѣрно поставлено въ жару понятнаго увлеченія, при условіяхъ, не похожихъ на тѣ, въ которыхъ мы живемъ въ настоящее время“? а для этого прежде всего необходимо уяснить себѣ, чѣмъ была древняя Русь, „что̀ въ ней было хорошаго и заслуживающаго развитія, что̀ было временнымъ отклоненіемъ, что̀ слѣдовало исправить, что̀ слѣдовало оставить и очистить и чему слѣдовало намъ научиться. Прежде говаривали, что реформа Петра оставила въ цѣлости главныя основы: религію, государственный строй въ его важнѣйшей чертѣ, народное чувство. Въ это сужденіе приходится теперь внести значительную поправку: правда, что православіе осталось господствующей религіей, правда, что многія темныя стороны въ нравахъ духовенства и въ вѣрованіяхъ общества, замѣчавшіяся въ XVII столѣтіи, теперь отошли въ область преданій; но развѣ на богословахъ нашихъ XVIII вѣка не замѣтно не всегда желательнаго вліянія католическаго и протестантскаго богословія, да и отчасти просвѣтительнаго вѣка, — что̀ такъ хвалила Екатерина? Развѣ въ обществѣ часто можно встрѣтить живое религіозное чувство, сознательное убѣжденіе въ превосходствѣ своего исповѣданія? Развѣ часто живое учительное слово? Развѣ не видали мы многихъ примѣровъ обращенія въ католицизмъ? Развѣ не было въ началѣ настоящаго вѣка мистическаго движенія, которое едва ли кто-либо сблизитъ съ духомъ православія?“ [1])

Въ этомъ отношеніи мы несемъ послѣдствія того удара, какой нанесъ царь-преобразователь русской церкви. „Говорятъ обыкновенно, что свѣтская власть должна подчинять себѣ церковь въ свѣтскихъ ея отношеніяхъ, но можно ли опредѣлить, гдѣ ихъ начало и гдѣ ихъ предѣлъ? Можно ли сказать, гдѣ именно эта грань? Государство Петра лишило церковь ея живаго духа, подчинило ее прокурорамъ, пользующимся слишкомъ большою властью, и отдало ее такимъ образомъ въ управленіе казеннымъ чиновникамъ“ [2]).

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Европеизованіе Россіи“, сочиненіе профессора Брикнера. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1888, № 8, стр. 416.

2) *Бестужевъ-Рюминъ*, Литографир. лекціи по русской исторіи на В. Ж. Курсахъ. Курсъ 1880—1881 г., стр. 25—26.

Съ другой стороны, замѣчаетъ Бестужевъ, если государственный строй Россіи и остался прежній, то развѣ нѣмецкій канцеляризмъ и французскія бюрократическія понятія не усилили приказный порядокъ московской поры, когда послѣдній слѣдовало не поддерживать, а, какъ разъ наоборотъ, ослаблять и бороться съ нимъ? Послѣ Петра бюрократія была „возведена на высшую степень европейскимъ вліяніемъ. Окончательное созданіе сословій и развитіе аристократическихъ идеаловъ — тоже плоды знакомства съ Европою, хотя послѣднее началось еще раньше подъ польскимъ вліяніемъ и т. д. Народное чувство, конечно, сохранилось: въ патріотизмѣ не было недостатка ни въ XVIII, ни въ XIX вѣкѣ, но какъ часто на мѣсто живого чувства народности ставился политическій патріотизмъ, который такъ мѣтко и вѣрно осудилъ Данилевскій въ „Россіи и Европѣ"! Конечно, политическій патріотизмъ лучше космополитизма, но едва ли оба они не родня другъ другу" [1]). При всемъ томъ положительное значеніе Петра В., какъ государственнаго дѣятеля несомнѣнно. Царственный реформаторъ, въ глазахъ Бестужева, былъ „величайшимъ представителемъ русскаго духа", „честью и гордостью русскаго народа", его „славой предъ всѣми народами міра" [2]).

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Европеизованіе Россіи", сочиненіе профессора Брикнера. *Журн. Мин. Нар. Прос.* 1888, № 8, стр. 416—417.

2) *Бестужевъ-Рюминъ*, Чему учитъ русская исторія. *Древняя и Нов. Россія* 1877, № 1, стр. 20.

XII.

Женскіе курсы.

Въ предыдущей главѣ было сказано, что „общественнымъ дѣятелемъ въ прямомъ значеніи слова Бестужевъ никогда не былъ, но онъ не былъ также и тѣмъ кабинетнымъ ученымъ, что̀ изъ-за книгъ не видитъ окружающей жизни, индифферентно относясь ко всему, что̀ не соприкасается съ его наукою". Дѣйствительно, *книга* отнюдь не заслоняла передъ нимъ *человѣка*. Болѣе того: въ глазахъ Бестужева знаніе пріобрѣтало свой смыслъ прежде всего, поскольку оно служило отвѣтомъ на запросы человѣческаго духа. Жизнь и наука стояли поэтому въ тѣсной связи и взаимодѣйствіи, при чемъ наука получила свое оправданіе не только въ удовлетвореніи жаждущаго ума, но и въ томъ содѣйствіи, которое онъ оказывалъ на выработку характера, этики, всего нравственнаго міросозерцанія человѣка.

Вотъ почему вопросъ образованія и, *неразрывно съ нимъ*, воспитанія всегда былъ однимъ изъ самыхъ жгучихъ въ глазахъ Бестужева. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за школьной реформой, за настроеніемъ и смѣною идеаловъ молодежи. Подобно тому какъ наука въ ея широкомъ значеніи для него самого служила нравственнымъ свѣточемъ и путеводною нитью въ его собственной жизни, такъ и для подростающаго поколѣнія онъ не видѣлъ большой пользы безъ правильныхъ основъ воспитанія. „Шатость чувствъ и мыслей" — читаемъ мы въ одномъ изъ его писемъ — „всегда и во всѣ времена признакъ молодости; но въ другія времена и въ другихъ обществахъ молодежь сдерживается авторитетомъ семейнымъ, авторитетомъ литературнымъ, авторитетомъ профессоровъ. У насъ теперешняя литература сама больна шатостью: ей ли сдерживать! Между профессо-

рами тоже многіе заражены; да и сами не учились порядочно, и даже при спеціальныхъ знаніяхъ поражаютъ отсутствіемъ общаго образованія, а вслѣдствіе того и въ своей спеціальности не всегда ищутъ, чего слѣдуетъ и гдѣ слѣдуетъ. Иные же держатъ себя далеко отъ молодежи и часто высказываютъ такіе взгляды, которымъ мѣсто въ архивѣ. Эти особенно дорожатъ начальствомъ, и — увы! — иногда и начальство, къ невыгодѣ дѣла, дорожитъ ими. Сами вспомните, много ли профессоровъ стояло такъ, чтобы молодежь могла относиться къ нимъ съ уваженіемъ и довѣріемъ? О семьѣ и говорить не хочется. Въ гимназіи преподаваніе слишкомъ формально, направлено на мелочи, и выгодъ классицизма мы не видимъ. Отсюда дурацкіе толки о томъ, что слѣдуетъ замѣнить древніе языки новыми, т. е. навѣкъ остаться на запяткахъ у Европы. Слѣдуетъ усилить чтеніе классиковъ и уменьшить никому ненужныя тонкости, усилить чтенія по русской литературѣ: мы Пушкина начинаемъ забывать, не то что Державина или Карамзина. Вѣдь это — срамъ! Теперь, кажется, преподается опять логика. Надо усилить это преподаваніе въ VIII-мъ классѣ и внести основы всѣхъ философскихъ наукъ (энциклопедіи или пропедевтику), гдѣ указаны были бы вопросы знанія, бытія, нравственности и т. д.“ [1]).

Вторично возвращаясь къ той же темѣ, Бестужевъ-Рюминъ говоритъ: „Молодежь, если мы не будемъ ее направлять и воспитывать, повторитъ собою нашу исторію: мы проходили плохую нравственную школу, и слѣды ея лежатъ на нашей жизни. Не только люди вашихъ лѣтъ, но и люди моихъ лѣтъ испытываютъ то колебаніе, о которомъ вы говорите, и нерѣдко и на дѣлѣ показываются колеблющимися, нерѣшительными. Въ вашихъ „обнаженіяхъ“ мнѣ все знакомо. Вы напрасно обвиняете себя за „обнаженіе“: поговорить о томъ, что мучитъ и грызетъ, и поговорить при томъ съ близкимъ человѣкомъ — потребность. Зачѣмъ въ этомъ стѣснять себя? Минуты такихъ сомнѣній законны даже и въ нашемъ обществѣ, гдѣ уничтожили единственную школу, выработавшую характеръ, — старую семинарію, какъ она ни сурова была. „Имѣемъ ли мы право воспитывать другихъ?“ По моему, имѣемъ не только право, но и обязанность, тѣмъ

1) Письмо 18 сентября 1883 г.

болѣе, что при томъ перевоспитываемъ, совершенствуемъ самихъ себя, а это другая нравственная обязанность человѣка. Съ одной стороны онъ долженъ дѣйствовать на другихъ, съ другой — самъ становиться все болѣе и болѣе достойнымъ быть дѣятелемъ [1]).

Изъ вышесказаннаго не трудно видѣть, какимъ убѣжденнымъ поборникомъ классицизма былъ Бестужевъ-Рюминъ, но именно классицизма, а не системы, что̀ введена у насъ съ начала семидесятыхъ годовъ. Въ слѣдующемъ письмѣ находимъ несомнѣнныя на то доказательства. „Мнѣ кажется, что почти исключительное грамматическое ученіе не должно способствовать образованію хорошихъ учителей древнихъ языковъ; и они будутъ сидѣть на грамматикѣ, и классицизмъ, основа серьезнаго образованія, такъ и не привьется къ намъ. Можно писать цѣлые тома объ ut или ἄν и т. п. и быть глубокимъ невѣждою, — примѣровъ много. Грамматикою и одною грамматикою души не образовать, а это первая задача воспитанія. Мало ли что дѣлаютъ нѣмцы: они намъ не указъ; а у французовъ происходитъ нѣчто другое: тамъ сплошь да рядомъ какой-нибудь фельетонистъ, хотя бы С. Викторъ, недавно умершій и написавшій превосходную книгу объ Эсхилѣ (кажется, вышелъ и Софоклъ его, но я этого не знаю), отлично знаетъ классиковъ; Тэнъ для удовольствія беретъ съ собою въ Римъ греческихъ поэтовъ, — это не мѣшаетъ имъ быть очень образованными. Тамъ французская литература изучается наравнѣ съ классическими, и философія проходится въ гимназіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ гимназіи учатся они физикѣ и химіи, двумъ основамъ естествознанія“ [2]).

Итакъ серьезное гуманитарное образованіе на почвѣ правильнаго воспитанія — вотъ какое требованіе предъявлялъ къ школѣ Бестужевъ-Рюминъ. Знаніе, какъ знаніе, несогрѣтое любовью, безъ воспитательнаго вліянія, еще не идеалъ. Поэтому рука объ руку со школой должна работать семья. Отсюда то высокое значеніе, какое придавалъ Бестужевъ женщинѣ. „Получи у насъ женщина“ — писалъ онъ — „*серьезное* образованіе, оно станетъ на прочную ногу въ странѣ. Тогда будущность русскаго просвѣщенія обезпечена. Я стою

---

1) Письмо 29 сентября 1883 г.
2) Письмо 3 декабря 1883 г.

на одномъ: нужно серьезное образованіе женщины"[1]). „Вы знаете" — читаемъ мы въ другомъ письмѣ К. Н. — „какъ высоко я ставлю роль женщины въ обществѣ и какъ дорожу правильнымъ развитіемъ женщины. Я вѣрю въ то, что каковы женщины, таковы и мужчины"[2]).

При такихъ взглядахъ Бестужевъ-Рюминъ не могъ остаться въ сторонѣ отъ того движенія, что̀ въ семидесятые годы особенно сильно овладѣло русскимъ интеллигентнымъ обществомъ. 25 лѣтъ тому назадъ потребность въ высшемъ женскомъ образованіи почувствовалась съ особенною силою. Первоначально она выразилась въ созданіи т. наз. Аларчинскихъ, позже Владимірскихъ курсовъ, и Бестужевъ тогда же примкнулъ къ этому движенію, читая на Владимірскихъ курсахъ лекціи по русской исторіи[3]). Между тѣмъ движеніе въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи привело къ проекту правильно организованнаго университета; названо было имя Бестужева, какъ учредителя, и 20 сентября 1878 г. открылись *Высшіе Женскіе Курсы,* тогда же получившіе прозваніе „Бестужевскихъ". К. Н. всецѣло предался новому дѣлу, вложивъ въ него всю силу увлеченія и сознательнаго убѣжденія въ его пользѣ и правотѣ.

Проникнутый вѣрою въ могучее воспитательное вліяніе женщины въ семьѣ и въ обществѣ, онъ особенно заботился о томъ, чтобы Высшіе курсы дѣйствительно стали *высшею* образовательною школой для женщины. Современныя гимназіи его не удовлетворяли; его „идеаломъ" было „серьезное, т. е. классическое образованіе"; „когда будутъ классическія гимназіи, тогда только онѣ однѣ могутъ давать право поступать на Курсы". Такимъ образомъ контингентъ лицъ, вполнѣ подготовленныхъ къ поступленію на Курсы, собственно,

---

1) Письмо 21 марта 1883 г.

2) Письмо изъ Рима въ октябрѣ 1883 г.

3) Въ 1869—1871 г.г. Бестужевъ-Рюминъ, совмѣстно съ другими профессорами Петербургскаго университета, читалъ лекціи въ зданіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (Протоколы засѣданій Спб. Унив., № 1, стр. 97; № 3, стр. 117; № 4, стр. 22); съ 1871 же года лекціи, и при томъ „преимущественно для лицъ женскаго пола", переносятся во Владимірское уѣздное училище. Объ этихъ лекціяхъ Бестужева сохранились указанія за 1871, 1875 и 1876 г.г. (Протоколы, № 5, стр. 94; № 13, стр. 76; № 15, стр. 71). Въ курсахъ 1872 г. участія онъ не принималъ (тамъ-же, № 7, стр. 84).

могъ бы образоваться не ранѣе, какъ черезъ 8 лѣтъ. Усиленныя требованія строго-классической программы однако не пугали Бестужева: онъ былъ увѣренъ, что трудъ этотъ по силамъ русской дѣвушкѣ. „Пусть же видятъ" — говорилъ онъ — „что женщина можетъ учиться, какъ мужчина, и будетъ, конечно, учиться лучше. Въ этомъ я убѣжденъ". Не всѣмъ однако „доступно и не всѣмъ нужно серьезное образованіе. Есть такія, которыя, не удовлетворяясь курсомъ городскихъ училищъ (даже и высшихъ, въ родѣ того, что на Васильевскомъ острову), или профессіональныхъ школъ, не будутъ всетаки въ состояніи слѣдить за курсомъ классическихъ гимназій; для нихъ нужно создать особый типъ (нѣчто въ родѣ теперешней гимназіи или даже просто оставить ее); для нихъ недурны будутъ и Педагогическіе курсы, которые такимъ образомъ будутъ выпускать учительницъ для городскихъ профессіональныхъ школъ и даже для гимназій второго разряда, епархіальныхъ училищъ и т. д.; эти заведенія (т. е. епархіальныя училища) надо сравнять съ гимназіей второго разряда и открыть имъ доступъ на Педагогическіе курсы. Высшіе курсы съ ихъ гимназіями дадутъ воспитаніе только избраннымъ по способностямъ. Это было бы и правильно, и умно"[1]).

Ожиданія, съ которыми открывались Курсы, не замедлили оправдаться: наплывъ слушательницъ былъ громадный, сочувствіе въ лучшей части общества полное; подборъ профессоровъ обезпечивалъ серьезное, строго научное отношеніе къ дѣлу; а самоотверженность, какую проявило тогда же возникшее „Общество для доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ", въ особенности дамскіе его члены, обезпечило и матеріальную сторону существованія новаго учрежденія. Курсы росли, и на жизненное поприще выступала женщина, несомнѣнно, съ гораздо болѣе широкимъ горизонтомъ и знаніями, чѣмъ прежняя гимназистка. Оставаясь частнымъ предпріятіемъ, Курсы своимъ успѣхомъ завоевывали однако нравственное право на вниманіе къ себѣ не только общества, но и правительства. Предоставить окончившимъ курсъ право преподаванія въ женскихъ гимназіяхъ казалось Бестужеву-Рюмину лишь исполненіемъ простой

1) Письмо 2 іюля 1885 г.

справедливости. Онъ впрочемъ не торопился, дожидаясь осязательныхъ результатовъ дѣятельности Курсовъ. Зато послѣ перваго выпуска, въ 1882 г., воспользовавшись запросомъ, обращеннымъ къ нему изъ Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, онъ высказалъ и развилъ свою мысль въ особой запискѣ.

Въ ней онъ исходитъ изъ того взгляда, что для обученія дѣтей, не только дѣвочекъ, но и мальчиковъ, до извѣстнаго возраста, женщина способнѣе мущины; между тѣмъ хорошихъ заведеній, подготовляющихъ вполнѣ образованныхъ учительницъ, у насъ, можно сказать, еще не существуетъ. За исключеніемъ развѣ окончившихъ Педагогическіе курсы, „мѣста преподавательницъ и классныхъ дамъ заняты воспитанницами гимназій и институтовъ, конечно, по своему образованію стоящихъ не много выше ввѣренныхъ ихъ попеченію воспитанницъ". Не даромъ же многія изъ петербургскихъ преподавательницъ поступили въ вольныя или даже въ постоянныя слушательницы Высшихъ курсовъ; бывшія педагогички тоже доставили значительный контингентъ. . . „Въ разговорахъ съ этими лицами" — свидѣтельствуетъ Бестужевъ-Рюминъ — „я вполнѣ убѣдился въ томъ, что курсъ, который онѣ слушали вновь, былъ для нихъ очень полезенъ. . . Четыре года, проведенные въ умственныхъ занятіяхъ, въ кругѣ людей, живущихъ умственными интересами, не могли остаться безплодными. Первымъ результатомъ такой жизни было сознаніе, что наука ограниченна, и, стало быть, гордость легко и поверхностно нахватанными свѣдѣніями есть глупость, — результатъ, который мнѣ лично приходилось наблюдать между наиболѣе умными изъ слушательницъ. Самодовольная ограниченность не ими будетъ внесена въ преподаваніе, въ этомъ я глубоко убѣжденъ. Во всякомъ случаѣ онѣ болѣе способны преподавать, чѣмъ воспитанницы институтовъ или гимназій. Уже по самому возрасту, не только по степени образованія и вдумчивости онѣ должны стоять выше".

Эти соображенія указываютъ и ту точку зрѣнія, какую должно занять Министерство относительно Курсовъ. „Преимущества, данныя высшему образованію, были бы, по моему мнѣнію" — говоритъ Бестужевъ — „лишь законнымъ удовлетвореніемъ требованіямъ и общества, и правительства. Предстоитъ два пути для дарованія этихъ преимуществъ: или правомъ

учить во всѣхъ классахъ женскихъ заведеній пользуются всѣ лица, получившія свидѣтельство объ успѣшномъ окончаніи ученія на Высшихъ курсахъ, или онѣ допускаются къ особому сокращенному экзамену на званіе учителя гимназіи. Возможны и тотъ, и другой путь". Въ послѣднемъ случаѣ уровень экзамена слѣдуетъ подымать постепенно: „такъ при требованіи знаній изъ латинскаго языка пока можно ограничиться существующими требованіями . . . что касается до языка греческаго, то если введеніе его сочтутъ нужнымъ, то слѣдуетъ заранѣе объявить минимумъ и подымать его постепенно". Во всякомъ случаѣ надлежащаго уровня образованіе женщины достигнетъ только тогда, когда измѣнится и расширится программа среднихъ учебныхъ заведеній. „Пока же уровень окончившихъ ученіе на Курсахъ самый высшій. Появленіе этого уровня заставитъ поднять уровень гимназій, а затѣмъ поднимутся и самые Курсы. Правъ былъ Петръ В., когда на замѣчаніе, что напрасно основана академія ранѣе первоначальныхъ школъ, сказалъ: *Я построилъ мельницу, а воду проведутъ къ ней мои наслѣдники*".

Фактическая работа Бестужева-Рюмина на Курсахъ была прервана почти въ самомъ началѣ. Какихъ-нибудь полгода послѣ открытія Курсовъ воспаленіе легкихъ, чрезвычайно въ острой и тяжелой формѣ, чуть не свело его въ могилу. Поѣздка въ Крымъ лѣтомъ 1879 г., хотя и подѣйствовала благотворно, но прежнихъ силъ не вернула: онѣ были подкошены. Здоровье расшатывалось все сильнѣе, а тутъ пошли еще непріятности и столкновенія. Женскій университетъ былъ явленіемъ новымъ, въ глазахъ многихъ не только небывалымъ, но и прямо нежелательнымъ; недостатка въ голосахъ, кричавшихъ противъ учрежденія Курсовъ, не оказалось; печальное событіе 1-го марта 1881 г., въ связи съ предшествовавшими фактами, давало видимое оправданіе этимъ голосамъ; приходилось бороться, отстаивать [1]).

---

1) Опасаться за Курсы и ожидать нападенія приходилось со стороны даже тѣхъ, кто, казалось, имѣлъ не мало общихъ точекъ соприкосновенія съ Бестужевымъ-Рюминымъ. Беремъ для примѣра слѣдующее письмо послѣдняго: „Вы, конечно, читали послѣдній № „Руси". Тамъ помѣщается переводъ прекрасныхъ разсказовъ Вогюэ, которыми вообще я доволенъ; но послѣдній изъ разсказовъ — исторія, какъ говорится, медички — меня очень обезпокоилъ. Это, очевидно, частный

А одновременно пришлось вести и другую борьбу, — но уже не съ противниками Курсовъ, а съ горячими ихъ сторонниками, съ тѣми лицами, среди которыхъ главнымъ образомъ и выросла идея организаціи Курсовъ: съ Комитетомъ общества для доставленія средствъ В. Ж. Курсамъ. Трудно судить, какъ это вышло, еще труднѣе произнести правильный, объективный приговоръ. Кажется, обѣ стороны должны нести долю отвѣтственности за произшедшее столкновеніе, хотя, внѣ всякаго сомнѣнія, обѣ онѣ одушевлены были самымъ благороднымъ, самымъ возвышеннымъ рвеніемъ на пользу одинаково имъ близкаго и дорогого дѣла.

20 сентября 1882 г. состоялся первый выпускъ курсистокъ, а недѣлю спустя Бестужевъ уѣзжалъ, и надолго, въ Италію: вторичное воспаленіе легкихъ, вынесенное весною этого года, требовало безусловной перемѣны климата. К. Н. пробылъ за-границею полтора года, но южный климатъ здоровья не возстановилъ. Болѣзни преслѣдовли и тамъ (кровоизліяніе изъ легкихъ, гастрическая лихорадка). Вернувшись, Бестужевъ увидѣлъ себя вынужденнымъ отказаться и отъ Курсовъ, и отъ Университета.

Однако роль его въ исторіи Высшихъ курсовъ никоимъ образомъ нельзя измѣрять временемъ непосредственнаго участія въ жизни этого учрежденія. Бестужевъ не только далъ Курсамъ свое имя, но и самъ отдался имъ всею душею, такъ что даже другіе интересы какъ бы отодвинулись у него на второй планъ. Тѣсное, неразрывное соотношеніе, какое, по его мнѣнію, должно существовать между образованіемъ и воспитаніемъ, не позволило ему оставаться лишь „лекторомъ", читающимъ въ опредѣленный часъ передъ аудиторіей, лишь

случай и на Медицинскихъ курсахъ, но по русскому обычаю обобщенія, онъ можетъ быть перенесенъ съ Медицинскихъ курсовъ и на наши. Аксаковъ уже и прежде высказывалъ неблагосклонное расположеніе къ Курсамъ (о нашихъ онъ не упоминалъ, но говорилъ о Медицинскихъ). Мнѣ хотѣлось послать къ нему опроверженіе: разсказать вліяніе Соловьева, указать направленіе тѣхъ курсистокъ, которыхъ я знаю; но потомъ одумался: могли бы сказать, что я прославляю себя, а этого мнѣ не хочется. Если бы дѣло шло обо мнѣ, то я не сталъ бы вступаться, не въ первый разъ мнѣ встрѣчаться съ осужденіемъ меня или совершеннымъ незнаніемъ, да и самъ я не себѣ приписываю — вы знаете это — все, что есть хорошаго: дѣло идетъ о Курсахъ, объ ихъ будущности ." (письмо 22 марта 1884 г).

„завѣдывающимъ“ Курсами, — онъ былъ также и ихъ *руководителемъ*. Онъ стремился дать Курсамъ опредѣленное направленіе, воспитать слушательницъ въ извѣстномъ духѣ, въ извѣстныхъ идеяхъ. Здѣсь, можетъ быть, отчасти объясненіе того разлада, о которомъ упоминалось выше; но здѣсь же и объясненіе того вліянія, которымъ пользовался К. Н. среди слушательницъ. Это вліяніе на однихъ сказалось глубже, на другихъ слабѣе, нѣкоторыхъ, можетъ быть, даже и совсѣмъ не коснулось — иначе и быть не можетъ въ полуторатысячной толпѣ — но въ общемъ оно было весьма сильное. Нравственный авторитетъ Бестужева стоялъ очень высоко; молодежь вѣрила ему. Чуткой душею она поняла, что этотъ человѣкъ популярности у нея не ищетъ, не боится даже возстановить ее противъ себя, останавливая отъ необдуманнаго рѣшенія, опасныхъ увлеченій, опрометчиваго шага; но въ то же время все сердце свое отдалъ на служеніе дорогого ему дѣла. Къ нему шли, зная, что найдутъ у него указаніе не на одну только книжку какую-нибудь, а отвѣтъ вообще на все, что могло интересовать и волновать молодую душу. Если единицы бесѣдовали съ нимъ, какъ съ профессоромъ русской исторіи, обогащая свои свѣдѣнія съ помощью его обширныхъ и многообразныхъ указаній, то десятки курсистокъ шли поговорить просто какъ съ человѣкомъ, подѣлиться своими мыслями, повѣдать свое горе или радость, въ увѣренности, что ихъ поймутъ и — что̀ еще дороже — откликнутся и посочувствуютъ. Одинъ разъ въ недѣлю Бестужевъ проводилъ время на Курсахъ съ ранняго утра, главнымъ образомъ для того, чтобы дать слушательницамъ возможность бесѣдовать съ нимъ не урывками и безъ помѣхи. Онъ всего себя отдавалъ въ ихъ распоряженіе, переходилъ отъ одной группы къ другой, вставлялъ замѣчаніе, наводилъ на ту или иную тему, давалъ указанія, отвѣчалъ на распросы. Серьезное иной разъ чередовалось съ шуткою, и оживленная бесѣда лилась до тѣхъ поръ, пока, въ зимній вечеръ, скучающая фигура сторожа, ожидающаго минуты гасить лампы, не напоминала о томъ, что пора расходиться. Для курсистокъ были открыты и двери собственной квартиры Бестужева. Къ нему шли опять таки всѣ, кто хотѣлъ. Онъ охотно привлекалъ слушательницъ на свои вторники, оказывалась надобность — „приходилъ на помощь не только совѣтомъ, но и дѣломъ“, велъ съ ними переписку, никогда

не оставляя безъ отвѣта получаемыхъ отъ нихъ писемъ, „входилъ съ ними въ ихъ интересы, слѣдилъ за ихъ судьбою, старался удовлетворить ихъ запросы“[1]).

Эта роль педагога-воспитателя нашла у Бестужева дальнѣйшее выраженіе въ дѣятельности его, собственно какъ профессора. Общій характеръ лекцій К. Н. намъ уже извѣстенъ по университету. Но едва ли будетъ ошибкою сказать, что на Курсахъ эти лекціи читались еще оживленнѣе, получили еще болѣе характеръ увлекательной импровизаціи, непринужденнаго изложенія мыслей. Сочувствіе увлекаетъ и вдохновляетъ; а аудиторія Бестужева сразу почувствовала влеченіе къ своему профессору. Между лекторомъ и слушательницами съ первыхъ же дней установилось взаимное пониманіе и симпатія. Лекціи К. Н., богатыя разнообразнымъ и внутреннимъ содержаніемъ, велись то въ формѣ бесѣды, изобиловавшей тонкими характеристиками, остроумными сближеніями, неожиданными отступленіями; то въ формѣ тщательнаго анализа источниковъ, ученыхъ теорій. Ни на минуту не сходя съ серьезной, научной почвы, лекторъ умѣлъ связать явленія отдаленной старины съ запросами современной жизни и въ этомъ случаѣ являлся передъ своими слушательницами тѣмъ же наставникомъ и учителемъ, какимъ онѣ привыкли видѣть его и внѣ своей аудиторіи.

Дѣйствительно, Бестужевъ-Рюминъ какъ нельзя болѣе вѣрно понялъ роль профессора и одинаково, въ частномъ ли разговорѣ, на каѳедрѣ ли, старался не только *научить*, но и *воспитать* въ духѣ тѣхъ гуманныхъ идей, какія самъ нѣкогда вынесъ изъ Московскаго университета въ пору собственнаго студенчества. „Вы не ограничивались преподаваніемъ исторіи“ — говорили ему впослѣдствіи его бывшія слушательницы, подносившія адресъ — „но на своихъ лекціяхъ касались самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, полныхъ общечеловѣческаго интереса. Вы учили насъ, что вліяніе женщины громадно, какъ въ семьѣ, такъ и вездѣ, гдѣ ей приходится дѣйствовать, что отъ насъ зависитъ, будетъ ли это вліяніе благотворно или нѣтъ; чѣмъ больше мы будемъ заботиться о развитіи всѣхъ нашихъ умственныхъ и нрав-

1) *Бывшая слушательница*, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (Изъ воспоминаній). *Новое Время* 1897, 10 февраля, № 7528.

ственныхъ способностей, тѣмъ скорѣе приблизимся къ идеалу, который вы намъ ставили — не въ узкой спеціализаціи, но въ общемъ всестороннемъ образованіи личности"[1]).

И, въ самомъ дѣлѣ, отвлеченные вопросы знанія и насущные запросы жизни шли у Бестужева-Рюмина неразрывно рука объ руку, сливаясь въ одно гармоничное цѣлое: онъ и съ каѳедры училъ своихъ слушательницъ, какъ жить; онъ и въ простой частной бесѣдѣ вводилъ въ область серьезнаго знанія. Молодой умъ подкупала та искренность рѣчи, та горячность убѣжденія, то чисто юношеское увлеченіе, съ какимъ относился онъ къ любому обсуждаемому вопросу. Во время лекціи, характеризуя историческихъ дѣятелей, онъ волновался, входилъ въ ихъ интересы, сочувствовалъ или негодовалъ и свое сочувствіе или негодованіе передавалъ также и аудиторіи. Любовью къ человѣчеству, страданьями за человѣка проникнута была его рѣчь; та же любовь къ ближнему слышалась и въ бесѣдѣ, которую велъ онъ послѣ лекціи въ рекреаціонномъ залѣ или у себя на дому, все равно, на тему ли о злобѣ дня, о вѣчныхъ ли вопросахъ жизни.

Вотъ, напримѣръ, небольшой отрывокъ изъ письма, писаннаго послѣ одной такой бесѣды. „Сегодня мы много говорили о вѣрѣ и значеніи христіанства, о свободѣ воли. Начали мы объ NN, затѣмъ я вспомнила его лекцію на второмъ курсѣ послѣ болѣзни. . . Заговоривъ о Римѣ, онъ великолѣпно, блистательно обрисовалъ его значеніе. Спросивъ меня о С., онъ много говорилъ о томъ, какъ тяжело приходится ей, какъ часто мелкое постороннее впутывается въ жизнь, губитъ ее. Но есть утѣшеніе: сѣмя брошенное произрастетъ, не смотря на погоду, въ какую зерно брошено; случая не можетъ быть, и безвѣстный трудъ дастъ плоды. Для вашего поколѣнія, сказалъ онъ, вопросъ личнаго счастья отошелъ совсѣмъ на второй планъ. Христіанство стучится. По поводу стихотворенія Тургенева, гдѣ авторъ говоритъ о на-

---

1) Адресъ этотъ, за подписью 261 слушательницы всѣхъ выпусковъ, былъ поданъ Бестужеву-Рюмину въ маѣ 1889 г.: Курсы заканчивали свое существованіе на прежнихъ основаніяхъ, пріемъ на нихъ былъ прекращенъ, и вскорѣ предстоялъ послѣдній выпускъ. Въ такую тяжелую минуту, прощаясь съ своими Курсами, слушательницамъ естественно было вспомнить добрымъ словомъ тѣхъ, кто такъ много сдѣлалъ для нихъ.

слажденіи презрѣнія, К. Н. замѣтилъ, что Тургеневъ не зналъ всепрощающей, всеобъемлющей любви... Но мнѣ невозможно больше писать, торопятъ. Еще одна его фраза: „Нужно учиться, дѣло дѣлать прежде всего; дѣлать спокойно, всю жизнь, для вѣчной истины, для того вѣчнаго, что есть въ душѣ". Еще многое, многое говорилъ онъ; я вамъ скажу, когда увидимся; но писать объ этомъ торопясь не могу. И этотъ человѣкъ еще благодаритъ, когда къ нему приходятъ!"

А вотъ еще другой отрывокъ, другого автора: „Онъ говорилъ о служеніи идеѣ, о томъ, чего онъ ожидаетъ отъ насъ; что мы должны любить и уважать свой народъ, любить свою исторію, свое прошлое, вѣрить въ Бога и любить Его и въ этомъ духѣ воспитывать грядущее поколѣніе. „Это ваше назначеніе" — сказалъ онъ — „не старайтесь двигать науку, это не для васъ; на это есть другіе (и при этомъ онъ назвалъ имена лучшихъ нашихъ профессоровъ); не того я жду отъ васъ. Не думайте перестроивать исторію, старайтесь воспитать людей. И я надѣюсь, вы это сдѣлаете. Я вѣрю въ васъ. Положимъ, теперь такихъ, какъ вы, 20 (мы возмутились), — ну, 40, и если черезъ десять лѣтъ каждая изъ васъ будетъ имѣть за собою 10 ученицъ или учениковъ, то, подумайте, 400 хорошихъ людей будетъ! И если я узнаю это, какъ я буду радъ". И много, много еще говорилъ онъ. Потомъ взялъ мое Евангеліе и на оборотѣ написалъ стихи:

Возстань, о Боже, не для нихъ,
Рабовъ грѣха, жрецовъ кумира, —
Но для отпадшихъ и больныхъ,
Томимыхъ жаждой чадъ Твоихъ;
Возстань, явися съ словомъ мира!
Тебя искать пошли они
Путемъ страданія и жажды,
Какъ Ты, — „Лима савахѳани"
Они взывали не однажды. . .

И подумайте, когда я пришла домой и открыла Евангеліе, то глаза мои остановились на словахъ: „Претерпѣвшій до конца спасется" (Матѳ. гл. 24). Найдите и прочтите стихъ, который передъ этимъ и послѣ него. И какъ это странно, что именно это попалось на глаза!"

Наконецъ, вотъ еще третій отрывокъ, новаго автора: „Что Константинъ Николаевичъ? Я ему все это время не

могла написать, но какая сильная потребность его видѣть, слушать, слышать о немъ! Напишите о немъ, ради Христа, хотя бы два, три слова. Передайте ему отъ меня тысячу пожеланій, искреннихъ привѣтовъ. Если бы онъ зналъ только, какъ я его полюбила! Какъ сильно поддерживало меня его вліяніе во время тяжелыхъ минутъ болѣзни Лиды! Какъ хорошо мнѣ бываетъ сознавать его окрыляющее вліяніе. Словомъ, К. Н. это — человѣкъ въ полномъ и идеальномъ значеніи слова. Онъ показалъ намъ всѣмъ, чѣмъ *можетъ быть* человѣкъ, не взирая на всю пошлость и грязь окружающей среды и жизни. Любя его сердцемъ, всею душею, я сознаю, что должна быть тоже *человѣкомъ* — это возможно — намъ доказалъ это нашъ дорогой учитель. Передайте К. Н., что вспоминаю его ежедневно и благодарю Провидѣніе за случай, познакомившій меня съ нимъ. Какъ рада я, что я кончила курсъ: я не могла бы этотъ годъ посѣщать Курсы, которые потеряли душу въ лицѣ К. Н. . . Дорогой К. Н. былъ нашею душею, нашею путеводною звѣздою. Не вѣрю, чтобы преемникъ его, кто бы онъ ни былъ, былъ тѣмъ же для Курсовъ. К. Н. былъ вѣдь человѣкъ и женскіе интересы, женскую будущность понималъ душею и отстаивалъ всѣмъ своимъ существомъ. . . Я живу на Удѣльной, вижусь съ Л. А. и душу отвожу съ нею воспоминаніями о К. Н. . . Она его беззавѣтно тоже любитъ и цѣнитъ".

Читая всѣ эти строки, невольно спрашиваешь себя: что за магической силою обладалъ этотъ человѣкъ? Въ чемъ тайна того обаянія, какое онъ имѣлъ на молодые умы? Не потому ли что онъ умѣлъ пробудить лучшія струны человѣческой души, удовлетворить самымъ возвышеннымъ и благороднымъ ея стремленіямъ, заглянуть въ самые отдаленные ея тайники, освѣтить ихъ лучемъ надежды и сознанія? Не потому ли что онъ протянулъ молодому существу, полному запросовъ, руку помощи и съумѣлъ, дѣйствительно, раскрыть глаза на „возможность быть человѣкомъ" даже и среди пошлости окружающей жизни?... Но если это такъ, то удивляться ли восторженному къ нему отношенію? И, право, хотя бы ему удалось заронить доброе сѣмя, допустимъ, не болѣе какъ только въ тѣ 20 или 40 сердецъ, о которыхъ шла рѣчь выше, то и въ этомъ случаѣ всякій охотно признаетъ, что дѣятельность его на Курсахъ дала хорошіе и завидные результаты. Его личность являлась мѣриломъ добра и зла. Въ немъ

искали примѣра, почерпали свои силы. Одна изъ слушательницъ еще на Курсахъ вышла замужъ. У нея родилась дочь, и молодая мать сосредоточила на ребенкѣ всю свою нѣжность, всю свою любовь и заботу. Но дѣвочка умираетъ — и счастье смѣняется безграничнымъ отчаяніемъ. Первымъ движеніемъ К. Н. было ѣхать къ бѣдной женщинѣ со словомъ утѣшенія, но онъ былъ въ это время боленъ, не могъ выходить и былъ вынужденъ прибѣгнуть къ посредству третьяго лица. „Скажите ему“ — отвѣчала несчастная мать — „скажите непремѣнно, что на краю могилы моей дѣвочки удержали меня отъ смерти не мать, не мужъ, а только мысль о немъ, его завѣты . . .“ Позже, въ одномъ изъ писемъ она такъ писала о К. Н.: „Удивительное вліяніе имѣетъ онъ на меня. Его кроткіе глаза всегда передо мною и помогаютъ чище чувствовать и думать“.

Съ цѣлью возможно полнѣе обрисовать вліяніе Бестужева-Рюмина на курсистокъ, то безусловное довѣріе, какимъ пользовался онъ среди нихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы нагляднѣе представить ту почву, на которой возникала и крѣпла духовная связь между обѣими сторонами, я остановлюсь нѣсколько подробнѣе на нѣкоторыхъ фактахъ изъ жизни Курсовъ за это время. Вотъ что, напримѣръ, мы читаемъ въ запискахъ одной тогдашней курсистки:

„Зимою 1880 г. (въ половинѣ декабря) появилась въ „Минутѣ“ довольно пошлая статья, рѣзко и обидно говорившая объ учащихся женщинахъ. Сколько помнится, наши Курсы не были, кажется, прямо затронуты, но по прозрачнымъ намекамъ не трудно было понять, что дѣло идетъ именно о нихъ. Говорилось о новыхъ учрежденіяхъ, гдѣ женщины получаютъ высшее образованіе, о томъ, что образованіе это имъ совсѣмъ не нужно, а нужна одна бѣготня по улицѣ, новыя знакомства, новыя развлеченія; если же кто изъ учащихся и занимается серьезно, то тѣхъ все равно никто не видитъ и не цѣнитъ: на виду находятся тѣ, кто съ тетрадками подъ мышкой, вертится въ залѣ около профессоровъ, разспрашивая ихъ о разномъ вздорѣ и показывая видъ, будто онѣ интересуются серьезными вопросами. Вотъ эти-то болтающія „сороки“ (подлинное выраженіе статьи) и представляютъ собою новый и наиболѣе распространенный типъ учащихся женщинъ. Приблизительно таково было содержаніе статьи, и какъ она ни была глупа, но она одинаково

задѣвала и слушательницъ, и профессоровъ, и самое учрежденіе. Принесъ кто-то эту газету на Курсы, и поднялся шумъ. Статья была безъ подписи, но почему-то установилась увѣренность (это говорилось другъ другу на ухо), что она составлена не безъ участія одной слушательницы, отъ которой многимъ уже раньше приходилось слышать подобныя рѣчи. Прямо о ней никто не говорилъ, но кричали о необходимости потребовать, чтобы редакторъ назвалъ автора или же самъ написалъ опроверженіе, а для этого отправить къ нему депутацію, и т. д. Чуть не половина Курсовъ собиралась заявить формальный протестъ, по адресу же никѣмъ неназывавшагося автора газетной замѣтки выражалось озлобленіе не на шутку, озлобленіе, грозившее самыми печальными послѣдствіями.

„Въ это время К. Н. собирался отправиться въ Нижній къ своей матери, которая тогда была больна, и еще наканунѣ, уходя изъ Курсовъ, сообщилъ, что разсчитываетъ ѣхать на другой день, т. е. сегодня. Пока продолжался шумъ, кто-то изъ слушательницъ, — я даже не знаю, кто именно: не изъ нашей компаніи и не изъ близкихъ къ ней — надумалъ съѣздить къ К. Н. и разсказать ему про случившееся и просить его помочь, если бы онъ, по счастью, оказалось, еще не уѣхалъ. Мало кто надѣялся, что онъ еще въ Петербургѣ, но когда сказали, что за нимъ поѣхали, то стали ждать, съ чѣмъ вернутся поѣхавшія. А шумъ между тѣмъ все продолжался: спорили уже между собою тѣ, кто хотѣлъ потребовать удовлетворенія отъ редактора, съ тѣми, кто убѣждалъ не дѣлать шума и не осложнять дѣла, такъ какъ „Минуту“ читаютъ весьма немногіе, между тѣмъ поднимать исторію — она попадетъ и въ другія газеты. Вообще говорилось многое, и чего, чего тутъ не приплели; шумъ стоялъ страшный; толпа волновалась и въ большой аудиторіи, и въ залѣ, и на площадкѣ лѣстницы. Н. В. Стасова взошла было на каѳедру, пробовала что-то говорить, но безуспѣшно: за шумомъ ее совсѣмъ не было слышно.

„Вдругъ съ лѣстницы кто-то крикнулъ, что К. Н. пріѣхалъ. Это извѣстіе въ минуту облетѣло всю толпу, всѣ вдругъ притихли, многія съ увѣренностью заявили: „теперь онъ скажетъ“, и всѣ какъ-то поняли, что онъ скажетъ именно то, что нужно, что конецъ безпорядку, что выходъ, наконецъ, найденъ. Это убѣжденіе въ ту минуту было общимъ; по-

томъ еще много объ этомъ говорили. Вся толпа не то что двинулась или направилась (тѣснота не позволяла этого), а какъ-то колыхнулась въ сторону лѣстницы; ближайшія къ двери радостно и довѣрчиво смотрѣли въ лицо К. Н., ожидая, что-то онъ скажетъ . . . Онъ же, немного озабоченный, но видимо стараясь скрыть это, улыбаясь своею милою улыбкой, съ трудомъ проходилъ сквозь толпу къ аудиторіи, говоря отъ времени до времени: „ну, постойте, пропустите же меня, если хотите меня слышать". Онъ подошелъ къ каѳедрѣ, поднялся на первую ступеньку, да такъ и не пошелъ дальше, съ нея и началъ говорить. Все такъ затихло, что не только въ аудиторіи, но и въ залѣ былъ слышенъ его слабый голосъ. Онъ говорилъ съ нами не какъ профессоръ или начальникъ, отвѣтственный за учрежденіе, но какъ старшій ласковый и добрый другъ, къ которому молодежь обратилась за помощью въ бѣдѣ. Онъ сказалъ, что пошлая статья, помѣщенная въ маленькой газетѣ, не стоитъ такой чести, чтобы на нее обращать вниманіе; да если бы она встрѣтилась и въ болѣе серьезномъ органѣ, такъ не словами нужно оправдываться отъ такихъ обвиненій — слова тутъ не помогутъ — а дѣломъ: будущее за нами, и мы еще успѣемъ показать, какъ и чему мы учились, и какую пользу можемъ принести обществу. Въ мелкой газетной прессѣ всегда найдется какой-нибудь Тряпичкинъ, готовый бросить грязью изъ-за угла: не съ нами одними это бывало. Но нужно помнить, что у насъ въ рукахъ серьезное дѣло, и готовимся мы къ большой работѣ, а потому слѣдуетъ беречь свои силы на дѣло и не растрачивать ихъ по пустякамъ на безцѣльные споры и взрывы негодованія. Презрѣніе — вотъ все, чего заслуживаютъ подобные Тряпичкины. К. Н. говорилъ не особенно долго, а когда кончилъ, то толпа стала расходиться совсѣмъ уже въ иномъ настроеніи, подшучивая, подсмѣиваясь и надъ статьею, и надъ самими собой.

„Вотъ и вся исторія; какъ мимолетный эпизодъ въ жизни Курсовъ, она, пожалуй, сама по себѣ и не стоила бы большого вниманія; но тутъ дѣло было именно въ одномъ моментѣ, когда всѣ чувствовали, что нѣтъ выхода, и когда всѣ разомъ поняли, кто̀ можетъ помочь и поправить все дѣло".

Удивляться ли послѣ этого, встрѣчая въ письмахъ, которыя писались Бестужеву-Рюмину въ Италію, послѣ того какъ здоровье вынудило его отказаться отъ завѣдыванія

Курсами, строки вродѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: „Многія молятся за васъ. Слышали ли вы, что говорилось во время нашего отъѣзда: „мы провожаемъ лучшіе годы нашей молодости, лучшее время нашей жизни“; „душа Курсовъ уходитъ“. И это говорили не тѣ, которыя были близки къ вамъ, а совершенно постороннія“.

• А вотъ и другая, не менѣе характерная, страница изъ внутренней жизни Курсовъ: здѣсь выступаетъ вліяніе Бестужева и какъ человѣка, и какъ профессора.

15 марта 1879 г. въ зданіи Александровской гимназіи, что̀ на Гороховой, слушательницами женскихъ Педагогическихъ курсовъ устроенъ былъ литературный вечеръ въ пользу недостаточныхъ сотоварокъ. На вечерѣ обѣщался читать гостившій тогда въ Петербургѣ Тургеневъ, что̀ придавало вечеру особенный интересъ. Высшіе женскіе курсы помѣщались тогда въ той же Александровской гимназіи (по той же лѣстницѣ что̀ и Курсы педагогическіе); нѣкоторыя лекціи читались даже въ ихъ аудиторіяхъ. Педагогички уходили въ 5 час., а Высшіе курсы собирались къ 6 час. вечера. Не обходилось, конечно, при этомъ безъ толкотни и шума, но ничего серьезнаго никогда не было да и не могло быть. Тогдашній начальникъ женскихъ гимназій, Осининъ, самъ допустилъ Курсы въ помѣщеніе гимназіи, всегда былъ очень расположенъ къ Бестужеву, а К. Н. очень цѣнилъ это расположеніе и съ своей стороны всячески старался, чтобы курсистки не обманули его довѣрія. Тургеневскій вечеръ долженъ былъ происходить въ той же залѣ, гдѣ и лекціи бестужевокъ, которыхъ въ этотъ день помѣстили въ другомъ этажѣ, по той же лѣстницѣ, и распустили часомъ раньше. Желающихъ попасть на вечеръ, конечно, было много: многимъ курсисткамъ удалось заблаговременно запастись билетами и занять свои мѣста въ залѣ, но многія остались безъ билетовъ. Между тѣмъ желаніе послушать Тургенева, хотя бы даже просто взглянуть на него, когда онъ пройдетъ по лѣстницѣ, было очень сильное; являлась мысль выразить ему свое сочувствіе, тѣмъ болѣе, что стало извѣстно о поднесеніи ему педагогичками адреса и вѣнка. Непопавшія толпились на лѣстницѣ, публика между тѣмъ начала собираться и съ трудомъ находила себѣ дорогу. Осининъ, ожидавшій на вечеръ высокопоставленныхъ посѣтителей, уговаривалъ разойтись, но это ему не удалось: никому уходить

не хотѣлось. Тогда онъ обратился за содѣйствіемъ къ Бестужеву, и тотъ долго и горячо убѣждалъ своихъ курсистокъ, объясняя, что нельзя устраивать оваціи на лѣстницѣ въ чужомъ помѣщеніи, гдѣ ихъ присутствіе прямо стѣснительно, потому что и ждать-то приходилось до полуночи, до окончанія вечера, буквально загораживая всю лѣстницу; что, наконецъ, учащіеся и права не имѣютъ устраивать въ стѣнахъ учебнаго заведенія адресы и подношенія, неразрѣшенные начальствомъ; при этомъ указывалъ на педагогичекъ, которыя сами устроили этотъ вечеръ и приготовили заранѣе и адресъ, и вѣнокъ, и даже говорилъ о возможности устроить подобные вечера и для своихъ слушательницъ [1]). Ему удалось уговорить разойтись. Слушательницы ушли, обѣщая ничего не устраивать, и сдержали слово. Бестужевъ успокоилъ Осинина, завѣривъ его, что ничего „неразрѣшеннаго" не будетъ, и самъ уѣхалъ домой. Ему надо было отдохнуть отъ только-что пережитыхъ волненій: въ своемъ дневникѣ онъ записалъ подъ 15 марта: „шумъ желающихъ ворваться на чтеніе Тургенева. Усталъ, уговаривавши". Между тѣмъ курсистки, сидѣвшія въ залѣ, ничего не зная о томъ, что произошло на лѣстницѣ, тоже возымѣли мысль о чествованіи знаменитаго писателя: примѣръ педагогичекъ дѣйствовалъ заразительно. Тутъ же собрали деньги, въ ближайшемъ цвѣточномъ магазинѣ заказали вѣнокъ, достали листъ бумаги и тутъ же въ залѣ написали адресъ, къ слову сказать, составленный очень умно и литературно. Къ изумленію Осинина, вслѣдъ за депутаціей педагогичекъ выступила на эстраду и депутація отъ Бестужевскихъ курсовъ, прочитала свое привѣтствіе и поднесла Тургеневу вѣнокъ. К. Н. узналъ обо всемъ этомъ уже на другой день утромъ, узналъ съ прикрасами, какъ о своеволіи и самоуправствѣ въ стѣнахъ чужого заведенія. Онъ почувствовалъ себя обиженнымъ за то, что его, какъ онъ думалъ, обманули и заставили обмануть Осинина, который ему повѣрилъ, а главное ему горько было

---

1) Дѣйствительно, меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ въ этой же залѣ былъ устроенъ вечеръ въ пользу Бестужевскихъ курсовъ, и на немъ читалъ Достоевскій (Тургенева тогда уже не было въ Петербургѣ), а на другую зиму въ залѣ, кажется, Благороднаго собранія читали и Тургеневъ, и Достоевскій.

сознавать, что курсистки заставили о себѣ говорить и подали поводъ осудить себя.

К. Н. пріѣхалъ на курсы взволнованный и огорченный. Какъ это?! Обѣщать и не сдержать слова!... А онъ, полагаясь на ихъ обѣщаніе, еще такъ увѣрялъ Осинина, что не будетъ ни адреса, ни вѣнка! И зачѣмъ было скрывать?... Съ горячими упреками обратился онъ къ первой встрѣчной группѣ слушательницъ, другія сейчасъ подошли, и съ первыхъ же словъ все объяснилось: подносившія вѣнокъ съ адресомъ и не подозрѣвали, что кто-то обѣщалъ не подносить, точно также и тѣ, кто ушелъ послѣ разговора съ Бестужевымъ съ лѣстницы, ничего не знали о состоявшемся чествованіи Тургенева. Объяснившись со слушательницами, К. Н. пошелъ читать лекцію.

Но самую лекцію — темою ея было царствованіе Ивана Грознаго — я предпочитаю изложить словами одной слушательницы: свѣжесть и непосредственность ихъ впечатлѣнія лучше всего вскроютъ передъ нами то настроеніе, что̀ пережила за этотъ часъ аудиторія.

Успокоившись въ томъ отношеніи, что со стороны слушательницъ не было намѣреннаго обмана, но все еще взволнованный отъ перенесеннаго огорченія, К. Н. взошелъ на каѳедру и началъ лекцію. Я гляжу теперь на первыя, ясно и четко написанныя строки, и точно слышу, какъ мѣрно и отчетливо раздаются въ притихшей аудиторіи первыя слова:

„Со времени московскаго пожара начинается новая эпоха въ жизни Іоанна, эпоха, ознаменованная страшною перемѣной въ его характерѣ. Жена его, которая одна могла сдерживать его страсти, жила не долго. „Аще бы не убили моей юницы, не было бы кроновой жертвы“, дрогнувшимъ голосомъ произноситъ К. Н. „Вообще для такихъ личностей, какъ Іоаннъ, необходимо какое-нибудь сдерживающее вліяніе, и на немъ это оправдалось болѣе, чѣмъ на комъ-нибудь“, говоритъ онъ все быстрѣе, все болѣе увлекаясь. „Вліяніе женщины страшное въ его жизни“ — раздается надъ нашими склоненными головами такимъ голосомъ, что хочется непремѣнно взглянуть на К. Н., а онъ продолжаетъ горячо и быстро доказывать, что вліяніе дикой черкешенки Марьи

Темрюковны совпадаетъ съ ужасною эпохою казней. И все это говорится точно о живомъ человѣкѣ, всѣмъ намъ близкомъ, и всѣхъ насъ невольно захватываетъ то же чувство. А онъ уже доказываетъ, что Сильвестръ и Адашевъ не могли быть друзьями Анастасіи или совѣтниками ея, а скорѣе были во враждебной партіи. И съ негодованіемъ начинаетъ опровергать предположеніе, что Сильвестръ и Адашевъ могли имѣть хорошее вліяніе на самого царя.

„Онъ въ умственномъ отношеніи стоялъ головою выше всѣхъ своихъ совѣтниковъ. Да и какое вліяніе на Ивана Васильевича могъ имѣть человѣкъ, написавшій *кухонную* книгу Домострой?“ слышится ироническій вопросъ. „Всѣ высокія мысли, которыхъ не мало въ „Домостроѣ“, принадлежатъ или Св. Писанію, или книгамъ отеческимъ: остальное большею частію сводится къ знаменитой плеткѣ или къ разсужденіямъ вродѣ того, „сколько отъ одного барана можетъ быть прохлады человѣку“. „Домострой“, въ эту эпоху, явленіе далеко не единичное и нисколько не показываетъ особенной грубости нашихъ нравовъ“, — сейчасъ же оговаривается К. Н.: „подобныя произведенія встрѣчаются и въ Западной Европѣ и по духу не отличаются отъ русскаго. Нельзя особенно ужасаться и нашей плетки, если вспомнить хотя бы „Укрощеніе строптивой“. Рядъ доказательствъ заканчивается опять вопросомъ: „Невольно является недоумѣніе: какое же сдерживающее вліяніе на Іоанна могло быть со стороны творца „Домостроя“? Единственное, что могло еще сдерживать эту страстную натуру, было умиротворяющее семейное вліяніе, олицетвореніемъ котораго была Анастасія. А Сильвестръ и его кружокъ даже не понимали идей Іоанна“. И опять слышится намъ въ этихъ словахъ такое искреннее сожалѣніе, такая досада на окружающихъ его. . .

„Въ это время особенно возвышается митрополитъ Макарій, про вліяніе котораго, если оно и было, какъ-то не принято у насъ упоминать“ — говоритъ К. Н. тѣмъ особеннымъ осторожнымъ и мягкимъ тономъ, какимъ онъ обыкновенно опровергалъ чужое мнѣніе — „но, очевидно, онъ имѣлъ значеніе: въ современныхъ источникахъ часто упоминается „отецъ митрополитъ“, и не для формы только. Вліяніе такого человѣка, какъ Макарій, еще могло быть, но вліяніе Сильвестра сильно подвергается сомнѣнію, потому что онъ, какъ мелкая натура, вездѣ впутывается, вездѣ съ своими

увѣщаніями и наставленіями, а Иванъ Васильевичъ этого долго терпѣть и допускать не могъ" — заканчиваетъ онъ уже совершенно раздраженнымъ голосомъ.

Затѣмъ характеристика Адашева:

„Адашевъ появляется въ первый разъ съ знаменитою рѣчью 1550 г., сказанной съ Краснаго крыльца. Эта рѣчь — всенародное извиненіе Ивана Васильевича въ прежнихъ безпорядкахъ и обѣщаніе лучшаго впередъ. Нѣкоторые изъ нашихъ историковъ того мнѣнія, что эта рѣчь, какъ и многія дѣйствія Ивана Васильевича, какъ и казни послѣдующихъ годовъ, ничто иное, какъ театральность, актерство. Эта несчастная мысль впервые была пущена Петровымъ, и съ тѣхъ поръ пошла въ ходъ. Но это неправда" — и быстро, быстро льется возбужденная рѣчь, горячее оправданіе Іоанна. Гдѣ же тутъ записывать? Всѣ насторожились, многія давно уже бросили писать, иныя изрѣдка, нехотя и неглядя, дѣлаютъ замѣтки въ тетрадяхъ.

„Иванъ Васильевичъ былъ самымъ образованнымъ человѣкомъ своего времени. Его читать, правда, теперь трудно, но онъ писалъ такъ, какъ писали тогда образованные люди. . . Онъ способенъ былъ преувеличивать трудности, какъ бѣлоручка. . . Но у него были мысли, какихъ никому не приходило въ то время. Онъ повѣрялъ свои мысли другимъ, но кто его окружалъ? . . . Не Сильвестру и Адашеву принадлежитъ мысль собрать выборныхъ земли. И это не есть обычай вѣча. На вѣчахъ не было представительства, потому что всякій заботился о себѣ. У этой мысли долженъ быть другой источникъ. . . Первый русскій царь собираетъ первый земскій соборъ".

Далѣе въ немногихъ словахъ отмѣчено покореніе Казани, Астрахани, распространеніе русскаго вліянія на юго-востокѣ, по Тереку; приглашеніе въ Россію иностранныхъ мастеровъ, неудача, первый англійскій корабль на Бѣломъ морѣ, попытки завязать торговыя сношенія — и вотъ передъ нами развертывается грандіозная картина широкихъ замысловъ Іоанна относительно Балтійскаго моря. . . Блестящая параллель съ Петромъ Великимъ. . . И опять неудачи. . . Полное непониманіе со стороны окружающихъ, тупое противодѣйствіе, и при этомъ несчастная неувѣренность въ себѣ, слабость воли, недостатокъ вѣры въ свой народъ. . . И все это говорится горячо, живо, съ полнымъ сочувствіемъ, какъ

о человѣкѣ, жившемъ только вчера, всѣмъ извѣстномъ и близкомъ. И страннымъ образомъ, онъ намъ становится тоже близокъ, этотъ человѣкъ, котораго недавно еще считали кровожаднымъ тираномъ, чуть ли не дикимъ звѣремъ, полусъумасшедшимъ извергомъ; и глубоко жаль становится его несбывшихся надеждъ, рухнувшихъ великихъ замысловъ, его самодержавнаго безсилія въ этой тупой и равнодушной средѣ. Я не помню, что изъ всего этого было прослушано, что только передумано, потому что все это шло такъ быстро, быстро. . .

Дальше въ моей тетрадкѣ идутъ однѣ лишь отрывочныя замѣтки о Ливонской войнѣ, о поѣздкѣ въ Кирило-Бѣлозерскій монастырь, о смерти Анастасіи, объ отъѣздѣ царя въ Александровскую слободу. . . Тутъ было уже не до записыванія; но зато твердо помнится, что наряду съ темными и страшными дѣлами, о которыхъ намъ теперь говорилось, шла горячая, убѣдительная защита Іоанна, продолжалась параллель съ Петромъ, предшественникомъ котораго онъ являлся. Вотъ послѣднія заключительныя слова лекціи:

„Въ основѣ всего этого (т. е. раздѣленія государства на опричнину и земщину) не лежитъ нелѣпая мысль. И Петръ тоже выбиралъ себѣ людей, но онъ ихъ не оставлялъ у себя, а разсылалъ вездѣ, гдѣ ихъ работа была нужна. Даже въ самомъ раздѣленіи земли высказывается петровское раздѣленіе на государственную и государеву“.

Я не помню, было ли сказано еще что-нибудь, вѣрнѣе, что нѣтъ; но помню, что мы расходились восхищенныя, пораженныя тѣмъ, что пришлось намъ слышать. Мы всегда любили лекціи К. Н., всегда слушали ихъ съ особеннымъ чувствомъ, но такой никогда еще не было — это говорили всѣ — и его самого видѣть такимъ не случалось. Онъ былъ возбужденъ, глаза горѣли, голосъ какъ-то окрѣпъ и усилился. На другой день, въ субботу, К. Н. не былъ на Курсахъ, въ понедѣльникъ тоже. Появилось объявленіе, что онъ, по болѣзни, не принимаетъ у себя по дѣламъ Курсовъ (это обыкновенно бывало по вторникамъ утромъ). Кто-то изъ профессоровъ сказалъ, что К. Н. серьезно болѣнъ. Потомъ пошли вѣсти все тревожнѣе и тревожнѣе: заговорили о большой опасности . . . Это было на Вербной недѣлѣ. Лекціи кончились, и больше ничего нельзя было узнавать. Но такъ уже дорогъ былъ намъ К. Н., что не долго думая

мы поѣхали узнавать о его здоровьѣ къ нему на квартиру. Не особенно трудно было рѣшиться поѣхать, но гораздо труднѣе оказалось позвонить и спрашивать незнакомыхъ людей, которымъ не до насъ, конечно, было и не до нашего безпокойства. Но мы оказались не однѣ: при насъ приходили и уходили знакомыя и незнакомыя намъ слушательницы (то же, говорятъ, было и на черной лѣстницѣ). Отвѣты были все тревожнѣе и тревожнѣе. Мы подолгу просиживали на лѣстницѣ, боясь позвонить лишній разъ, спрашивая у выходящихъ изъ квартиры, нѣтъ ли перемѣны. Одинъ день — Вербное воскресенье — былъ особенно мучителенъ. „Все то же, почти нѣтъ надежды, все то же", говорили намъ. Ждать съ каждымъ днемъ становилось все мучительнѣе, боязнь овладѣвала все сильнѣе . . . Медленно проходили эти томительные дни. Наконецъ, на Страстной, намъ сказали, что наступила перемѣна къ лучшему. Теперь только вздохнули мы спокойно . . .

Сложивъ съ себя управленіе Курсами, Бестужевъ-Рюминъ не переставалъ внимательно слѣдить за судьбою дорогого ему учрежденія. А между тѣмъ для Курсовъ наступали трудные годы. Въ 1886 г. пріемъ на нихъ, въ связи съ начатымъ въ ту пору пересмотромъ вообще уставовъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, былъ прекращенъ; весною 1889 г. долженъ былъ состояться послѣдній выпускъ слушательницъ, что̀ неизбѣжно вело къ закрытію Курсовъ путемъ постепеннаго вымиранія. Старанія, прилагавшіяся къ тому, чтобы добиться разрѣшенія на возобновленіе пріема, казалось, имѣли мало шансовъ на удачу: у Курсовъ было довольно противниковъ, явныхъ и сокрытыхъ. Тогда-то Бестужевъ-Рюминъ рѣшился ходатайствовать непосредственно передъ Государемъ Императоромъ. Въ началѣ марта 1889 г. онъ написалъ прошеніе на Высочайшее имя, но болѣзненное состояніе и тѣ усилія, съ какими писалось письмо (оно было собственноручное), нѣсколько замедлили его изготовленіе. Чуть ли не въ тотъ же день какъ Бестужевъ собирался отправить его, пришло извѣстіе, что новый пріемъ на Курсы уже разрѣшили. Прошеніе осталось непосланнымъ, тѣмъ не менѣе, думается, оно вполнѣ заслуживаетъ появленія на этихъ страницахъ. Вотъ его текстъ:

Ваше Императорское Величество!

Дерзаю повергнуть къ подножію престола Вашего всеподданнѣйшую свою просьбу по дѣлу, съ которымъ связано мое имя, и въ заботы о которомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, я клалъ всю свою душу съ единственною цѣлію способствовать удовлетворенію одной изъ насущнѣйшихъ потребностей русскаго общества — поднятію уровня женскаго образованія. Въ 1878 году Министромъ Народнаго Просвѣщенія дано было мнѣ разрѣшеніе открыть на свое имя „Высшіе Женскіе Курсы", а Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшено было учрежденіе Общества для пособія симъ Курсамъ. Въ 1885 году Общество это построило для Высшихъ курсовъ домъ, въ которомъ они и помѣстились.

Но въ то же время въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія возникла мысль о пересмотрѣ устава высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, и въ 1886 году была образована съ этою цѣлію особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ товарища Министра Народнаго Просвѣщенія, князя Волконскаго; пріемъ же слушательницъ на Высшіе женскіе курсы, въ ожиданіи окончанія трудовъ означенной коммиссіи, прекращенъ по распоряженію правительства. Въ текущемъ году предстоитъ послѣдній выпускъ слушательницъ этихъ Курсовъ, а такъ какъ труды коммиссіи князя Волконскаго не могутъ въ этомъ году получить законодательной санкціи, то разрѣшенному Правительствомъ Обществу пособія женскимъ курсамъ придется ликвидировать свои дѣла, Курсамъ же прекратить на неопредѣленное время свое существованіе, при чемъ потребность въ высшемъ образованіи, сознаваемая и самимъ Правительствомъ, останется неудовлетворенною для многихъ и многихъ женщинъ, видящихъ въ этомъ образованіи не только средства къ честному заработку для содержанія себя и своего семейства, но и къ лучшему выполненію даннаго женщинѣ самою природою призванія — быть разумной помощницей своего мужа и наставницей своихъ дѣтей.

Ваше Императорское Величество! Эта потребность въ нѣкоторыхъ русскихъ женщинахъ такъ сильна, что, несмотря ни на какія препятствія, онѣ будутъ всѣми силами стремиться удовлетворить ее. Но что же имъ останется дѣлать? имъ останется или искать этого образованія за-границею, въ средѣ, совершенно чуждой дорогимъ всѣмъ намъ религіознымъ, нравственнымъ и политическимъ началамъ, или здѣсь,

на родинѣ искать себѣ случайныхъ наставниковъ и учебныхъ руководствъ безъ всякаго разбора, безъ строгой системы, безъ компетентнаго надзора со стороны правильно организованнаго ученаго института. Оставленныя на произволъ случая, онѣ могутъ подпасть самымъ нежелательнымъ вліяніямъ и усвоить себѣ вредныя для семейной жизни и общественнаго строя направленія.

Ничего подобнаго въ такомъ заведеніи, какъ Высшіе женскіе курсы, гдѣ преподаваніе поручено извѣстнымъ профессорамъ и академикамъ, быть не можетъ. Мнѣ извѣстны нареканія на эти Курсы, но я, съ полною отвѣтственностію за высказанныя мною мысли, дерзаю увѣрить Ваше Величество, что замѣчавшееся въ послѣдніе годы въ нѣкоторыхъ изъ слушательницъ Высшихъ курсовъ прискорбное направленіе мыслей объясняется не тѣмъ, что онѣ пріобрѣли эти мысли на Курсахъ, а тѣмъ, что онѣ мысли эти принесли съ собою на Курсы изъ среды общества, гдѣ шатаніе мысли и отсутствіе твердыхъ нравственныхъ началъ были наслѣдіемъ недоброй памяти двухъ послѣднихъ десятилѣтій. На Курсахъ же онѣ постоянно встрѣчали въ лекціяхъ преподавателей энергическій отпоръ своимъ безразсуднымъ, а подчасъ и лишеннымъ нравственныхъ началъ стремленіямъ, и мнѣ извѣстны примѣры лицъ, поступившихъ на Курсы съ весьма шаткими нравственными понятіями, а по окончаніи курса ставшихъ полезными дѣятелями, съ полнымъ успѣхомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ примѣняющими полученныя на Курсахъ познанія въ семьѣ и школѣ. Теперь же, когда въ настроеніи самого общества замѣчается значительное улучшеніе въ направленіи мыслей — теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, есть полное основаніе ожидать, что прискорбныя явленія, замѣчавшіяся въ средѣ бывшихъ слушательницъ Высшихъ женскихъ курсовъ, не повторятся болѣе, или станутъ столь рѣдкими и исключительными случаями, каковые всегда и вездѣ неизбѣжны при слабости и ограниченности человѣческой натуры.

При такомъ положеніи дѣла я, хотя уже нѣсколько лѣтъ по болѣзни не участвую въ управленіи Курсовъ, осмѣливаюсь присоединиться къ всеподданнѣйшему прошенію Общества пособія Курсамъ и повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества свое всеподданнѣйшее ходатайство не прерывать дѣятельности Курсовъ, пока не будетъ

окончательно выработанъ и утвержденъ Правительствомъ планъ высшаго женскаго образованія, и съ этою цѣлію дозволить временный пріемъ на эти Курсы слушательницъ на прежнихъ основаніяхъ, съ тѣми измѣненіями въ самомъ устройствѣ Курсовъ, которыя Правительство со своей стороны признало бы необходимыми.

Въ твердомъ упованіи на мудрость и милосердіе Вашего Императорскаго Величества, я съ благоговѣніемъ повергаю свою просьбу на Высочайшее Ваше благоусмотрѣніе, заключая ее тѣми же словами, какими наши предки заключали свои просьбы Августѣйшимъ Предкамъ Вашего Величества: „Великій Государь, смилуйся, пожалуй“.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный

Константинъ Бестужевъ-Рюминъ.

Этимъ прошеніемъ я и закончу настоящую главу. Полную исторію дѣятельности Бестужева-Рюмина на Высшихъ женскихъ курсахъ писать еще рано; но и теперь уже несомнѣнно, что эта дѣятельность оставила по себѣ прочный, благотворный слѣдъ и что многіе всегда помянутъ ее теплымъ, признательнымъ словомъ.

XIII.

Славянофильскія теченія.

Мы уже имѣли случай упоминать о дѣятельномъ участіи Бестужева-Рюмина въ работѣ Петербургскаго Славянскаго общества. Интересъ къ славянству, неутраченный до послѣднихъ дней, сталъ проявляться у нашего историка едвали еще не съ конца пятидесятыхъ годовъ. Раньше этого времени, въ особенности въ студенческіе годы, симпатіи Бестужева безусловно принадлежали западническому направленію, что̀ и естественно было для члена кружка Грановскаго и графини Саліасъ. Однако съ теченіемъ времени Бестужевъ все болѣе и болѣе идетъ на встрѣчу воззрѣніямъ противоположнаго лагеря. Какъ и когда собственно совершился этотъ переломъ въ убѣжденіяхъ, установить съ точностью мы лишены возможности; во всякомъ случаѣ переломъ совершался медленно и постепенно, путемъ долгой борьбы [1]) и какъ результатъ вдумчивой работы пытливаго ума.

Быть можетъ, извѣстную долю участія имѣло здѣсь новое направленіе въ нашей наукѣ, яркимъ выразителемъ котораго явился въ пятидесятые годы Ѳ. И. Буслаевъ: изученіе эпическаго творчества, духовныхъ проявленій народной жизни, тотъ интересъ, съ какимъ стали въ ту пору присматриваться къ „оттѣнкахъ областной литературы, важнымъ для пониманія общаго облика русскаго народа“, въ противоположность тому преимущественно „государственному“ изученію русской исторіи, какое нашло своихъ выразителей въ лицѣ Соловьева, Кавелина, Б. Н. Чичерина и др. „Кто вчитается въ труды Ѳ. И. Буслаева“ — говорилъ

---

1) Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Бестужевъ-Рюминъ. См. ниже.

впослѣдствіи Бестужевъ-Рюминъ — „тотъ пойметъ, почему народившееся тогда стремленіе къ замѣнѣ исторіей народа исторіи государственной нашло себѣ опору“ въ работахъ этого ученаго[1]). А Бестужевъ, какъ было отмѣчено на своемъ мѣстѣ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ именно отстаивалъ *народную* исторію.

Во всякомъ случаѣ главный толчокъ въ развитіи славянофильскихъ симпатій данъ былъ не съ этой стороны. Выше я указывалъ, что занятія по „Энциклопедическому словарю“ привели Бестужева въ 1860 г. къ знакомству съ А. Ѳ. Гильфердингомъ. Мало по малу дѣловыя отношенія перешли въ тѣсную дружескую связь. „Для меня“ — вспоминалъ впослѣдствіи Бестужевъ Рюминъ — „сближеніе съ Гильфердингомъ было очень важно: это былъ первый изъ славянофиловъ, съ которымъ я сходился не мимолетно. Разговоръ его заставилъ меня вникнуть въ ученіе славянофиловъ, на которое дотолѣ я смотрѣлъ съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, вынесеннымъ изъ московскихъ литературныхъ кружковъ. Вотъ почему А. А. Григорьевъ замѣтилъ мнѣ разъ, что въ моей статьѣ: „Современное состояніе русской исторіи, какъ науки“ я смотрю на русскую народность очень объективно. Со времени знакомства съ Гильфердингомъ, а въ особенности, съ изученія славянофиловъ (признаюсь, не сразу) я сталъ на значительно иную точку зрѣнія и почувствовалъ, что въ славянской природѣ есть нѣчто новое, своеобычное, что измѣнило въ значительной степени и мой взглядъ на русскую исторію. Разговоръ и сочиненія Гильфердинга много помогли мнѣ въ пониманіи особенностей славянскаго міра“[2]). Гильфердингъ видѣлъ въ славянскомъ мірѣ одно связное органическое цѣлое, какъ бы разнообразна ни была судьба составляющихъ его народовъ: и прежде всего единство этого міра представлялось ему покоящимся на коренномъ единствѣ взглядовъ, понятій: въ этомъ единеніи никакой роли не играли причины механическія, внѣшнія, тѣмъ менѣе насильственныя и завоевательныя[3]).

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, „Сочиненія А. А. Котляревскаго, т I“. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1889, № 7, стр. 160—161.

2) *К. Бестужевъ-Рюминъ*, А. Ѳ. Гильфердингъ. *Славянское Обозрѣніе* 1892, т. III. кн. 9, стр. 7—8.

3) *Бестужевъ-Рюминъ*, А. Ѳ. Гильфердингъ, какъ историкъ. Біографіи и Характеристики, 352.

Эту самую точку зрѣнія усвоиваетъ позже и Бестужевъ-Рюминъ; но пока, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, къ славянофиламъ онъ только еще подходитъ, будучи все еще далекъ отъ того, чтобъ всецѣло принять ихъ доктрину. Къ славянофиламъ онъ относится очень сочувственно, но изъ всѣхъ ихъ положеній принимаетъ пока лишь одно: требованіе самобытности и уваженія къ началамъ, выработаннымъ народною жизнью. Я уже упоминалъ [1]), что въ 1862 г. въ „Отечественныхъ Запискахъ" появилась статья Бестужева о славянофилахъ, замѣчательная, „какъ одна изъ первыхъ, если только не самая первая по времени безпристрастная оцѣнка славянофильской школы, какъ чуждый предвзятости спокойный анализъ положительныхъ и слабыхъ сторонъ ея воззрѣній". Признавая крупныя заслуги бр. Кирѣевскихъ, Хомякова, К. Аксакова, авторъ статьи однако еще оспариваетъ большинство ихъ положеній. Основными факторами, опредѣлившими ходъ и характеръ всей послѣдующей исторіи русскаго народа, славянофилы считали православіе съ его соборнымъ началомъ, какъ исключительное достояніе славянскаго племени; любовь и смиреніе, любовный союзъ правительства съ обществомъ, единогласіе, всесословность и общинное владѣніе землею [2]). Эти тезисы кажутся Бестужеву далеко не безупречными. И позже онъ не станетъ считать любовь и смиреніе прирожденной чертою русской народности; и позже на любовный союзъ правительства съ землею онъ взглянетъ какъ на идеалъ, а не какъ на явленіе, которое удалось когда либо осуществить; зато главное положеніе славянофильской школы — значеніе православія — впослѣдствіи онъ приметъ всецѣло. Тѣмъ любопытнѣе ознакомиться съ болѣе раннею точкою зрѣнія Бестужева на этотъ предметъ. Вотъ что говорилъ онъ въ это время:

„Православіе, какъ религія заимствованная, не можетъ служить отличительнымъ признакомъ народа. Конечно, религія первоначальная, созданная самимъ народомъ, то-есть, миѳологія, выражаетъ многія характеристическія черты народа, наконецъ, она ростетъ и развивается съ самимъ наро-

---

1) См. выше, стр. 82—83.

2) *Бестужевъ-Рюминъ,* Литографир. лекціи по русской исторіи, курсъ 186⁵/₆ г., стр. 243—244, 245, 250. *Его-же,* Различныя направленія въ изученіи русской народности. *Отеч. Записки* 1860, № 3, стр. 29.

домъ; потому греческій Олимпъ съ выросшею на его развалинахъ философіею служитъ выраженіемъ народнаго характера; то же можно сказать и о римскомъ Пантеонѣ, но никакъ нельзя того же сказать о православіи, которое принято нашимъ народомъ вполнѣ готовое. Конечно, многое онъ принялъ посвоему: много ходитъ въ народѣ повѣрій и преданій, созданныхъ его умомъ и его фантазіей, которыхъ вовсе не признаетъ церковь. Народъ считаетъ себя православнымъ, и онъ совершенно правъ въ томъ смыслѣ, что всѣ эти повѣрья, всѣ наивныя вѣрованія, къ которымъ съ такою любовью прислушивается историкъ и этнографъ, созданы въ простотѣ младенческаго вѣрованія, а вовсе не по суемудрію; но въ глазахъ церкви, особенно въ томъ видѣ, какъ ее представляетъ себѣ самый идеальный изъ славянофиловъ, покойный Кирѣевскій, всѣ эти повѣрья не свидѣтельствуютъ о православіи народа, а скорѣе о томъ, что народъ не развился до той высоты пониманія, которая доступна была отцамъ церкви. Вопросъ о томъ, что существенныя религіозныя истины, нужныя для спасенія человѣка, доступнѣе младенцамъ и людямъ простымъ, здѣсь вопросъ посторонній, ибо мы говоримъ преимущественно о томъ, можетъ ли православіе служить характеристикою народа — и отвѣчаемъ: нѣтъ, ибо если вѣра и существуетъ въ сердцѣ, то въ сознаніи она мѣшается съ вещами, совершенно ей чуждыми. Словомъ, употребляя терминъ, вошедшій уже въ науку, русскій народъ до сихъ поръ живетъ въ періодѣ двоевѣрномъ, . . . мы говоримъ не только о раскольникахъ, но даже и о православныхъ. Характеръ этого двоевѣрія чрезвычайно любопытенъ: на немъ отразилась вся исторія народа отъ той эпохи, когда славянскія племена начали поклоняться силамъ природы, необлеченнымъ въ опредѣленный образъ, и до нашихъ дней. Но двоевѣріе — не православіе, хотя элементъ христіанскій въ немъ чрезвычайно силенъ. Духовные стихи и легенды служатъ лучшимъ доказательствомъ такого состоянія народнаго сознанія. Слѣдственно, можетъ ли служить отличіемъ народнымъ то, что невполнѣ господствуетъ въ его сознаніи?“ [1]).

„Новѣйшая наука до очевидности доказала намъ, что

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Славянофильское ученіе и его судьбы въ рус. литературѣ. Статья I. *Отеч. Записки* 1862, № 2, стр. 685.

если христіанство легко принялось на русской землѣ, если оно не встрѣтило сильнаго, открытаго сопротивленія, то оно чрезвычайно мало укоренилось въ нравахъ и понятіяхъ. Даже безъ подробныхъ изслѣдованій можно было a priori понять всю странность подобной мысли: развѣ есть необразованный народъ въ мірѣ, который отрекся бы совершенно отъ своихъ миѳическихъ повѣрій, отказался бы отъ своихъ русалокъ или ундинъ, гномовъ, лѣшихъ и т. п.?" [1]). Да и вообще трудно представить себѣ такой быстрый переходъ отъ прежнихъ вѣрованій къ новымъ, чтобы сразу явилось желаніе принять христіанскую религію, чтобы сразу понять ее, тѣмъ, кто еще вчера поклонялся своему Перуну, Мокошу, Симу и Реглѣ. Ссылка на мягкія черты въ характерѣ нѣкоторыхъ богатырей Владимірова цикла мало убѣдительна, такъ какъ богатырскія пѣсни слагались въ теченіе многихъ столѣтій и отразили на себѣ много различныхъ наслоеній. Изъ самыхъ источниковъ извѣстно, что христіанство утвердилось на Руси не безъ борьбы [2]).

Ученіе о любви и смиреніи Хомяковъ проводилъ и въ прозѣ, и въ стихахъ. Въ молчальникѣ Ѳеодорѣ, ради его монашескихъ добродѣтелей, онъ видѣлъ царя болѣе достойнаго памяти исторіи, чѣмъ въ отцѣ его Іоаннѣ Грозномъ; величіе послано Россіи

За то, что ты смиренна,
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаньи сердца, сокровенно
Завѣтъ Творца пріяла ты.

Кротостью объясняли славянофилы отсутствіе правильныхъ формъ устройства въ нашихъ древнихъ вѣчахъ, въ ней же видѣли причину подпаденія подъ власть нѣмцевъ, турокъ и т. п. „Заблужденіе, легшее въ основаніи этой теоріи, очевидно; очевидно также и то, что теорія-то составилась еще до изученія фактовъ. Въ этомъ, впрочемъ, нельзя винить славянофиловъ: факты въ той области, къ которой они обратили свою дѣятельность, въ области бытовой, еще не только не были сличены и провѣрены, но даже не вполнѣ

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Различныя направленія въ изученіи русской народности. *Отеч. Записки* 1860 г., № 3, стр. 29.

2) *Бестужевъ-Рюминъ,* Литограф. лекціи 1865—1866 г., стр. 246.

были собраны; потому они подвели все, что знали къ готовой, чисто-нѣмецкой теоріи, пошли избитымъ путемъ германофиловъ; и какъ тѣ доказывали преимущество племени тевтонскаго, такъ эти пустились доказывать преимущество племени славянскаго" [1]).

„Любовный союзъ между властью и обществомъ" въ древней Руси также отнюдь нельзя назвать явленіемъ реальнымъ. Если въ критическіе моменты, какъ въ 1612 г., во время нашествія поляковъ, и въ послѣдующіе годы, и замѣчается болѣе или менѣе взаимное согласіе между всѣми сословіями, если и собирались почасту земскіе соборы и долго не расходились, то это не болѣе какъ отрадныя исключенія. А можно ли о соборахъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича говорить, что они основывались на взаимной любви? Когда, напримѣръ, присоединеніе Малороссіи было рѣшено, правительство желало получить санкцію своему рѣшенію и созвало соборъ, который въ силу этого отнюдь не имѣлъ совѣщательнаго и рѣшающаго значенія, а долженъ былъ лишь закрѣпить и оформить постановленіе верховной власти. Въ сущности это даже и не былъ „соборъ". Если Иванъ Грозный выходилъ на площадь каяться народу въ проступкахъ своего правительства, то это было лишь результатомъ минутнаго увлеченія, охватившаго молодого царя — не болѣе. Спору нѣтъ, въ древности у народовъ славянскихъ вообще, и у русскихъ въ особенности, обѣ власти: *князь* и *вѣче* были равно самодержавны; разница лишь въ томъ, что князь дѣйствовалъ постоянно, а вѣче — изрѣдка, въ торжественныя минуты. Но едва ли такой порядокъ можно считать идеальнымъ. К. Аксаковъ вѣрно отмѣтилъ существованіе у славянъ стремленія къ единогласію, отсутствія рѣшеній по большинству голосовъ; дѣйствительно, это черта общая и новгородскому вѣчу, и польскому сейму, но видѣть въ ней что-то хорошее, рѣшительно непонятно. „Похвальное" стремленіе „скорѣе дать изрубить себя въ куски, чѣмъ подчиниться большинству" не разъ приводило новгородцевъ къ открытой междоусобицѣ, а польское „nie pozwaliam" порождало неоднократныя схватки на сеймахъ [2]).

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ*, Различныя направленія въ изученіи рус. народности. *Отеч. Записки* 1860, № 3, стр. 29—30.

2) *Бестужевъ-Рюминъ*, Литограф. лекціи 186⁵/₆ г., стр. 244—245.

Вообще эти пункты славянофильскаго ученія одни изъ самыхъ слабыхъ. Они суть выраженіе болѣе высокочеловѣчнаго и высоконравственнаго идеала, чѣмъ реальной правды. Положимъ, „бываютъ и въ жизни народа, и въ жизни отдѣльнаго человѣка минуты, когда этотъ нравственный идеалъ осуществляется; но, къ сожалѣнію, жизнь состоитъ не изъ однѣхъ такихъ торжественныхъ минутъ... Высокое свойство— любовь; но на ней одной не строятся общества гражданскія, хотя и горе тѣмъ обществамъ, въ которыхъ ея нѣтъ, точно такъ-же, какъ тѣмъ, гдѣ внѣшняя формальная правда подавила внутреннюю; безъ ихъ соединенія общество становится шаткимъ, и только возстановленіе равновѣсія можетъ спасти его отъ гибели. Но полнаго торжества правды на землѣ, полнаго равновѣсія еще нигдѣ не было; будемъ надѣяться, что оно придетъ тогда, когда настанетъ полное торжество сознанія. Въ этомъ великомъ словѣ вся будущность человѣчества. Мы глубоко уважаемъ славянофиловъ именно за то, что они признаютъ верховное значеніе сознанія и первымъ условіемъ поступательнаго движенія ставятъ свободу совѣсти и свободу слова, вслѣдствіе чего и возстаютъ противъ всякаго насилія, откуда бы оно ни шло; но торжество сознанія медленно: вотъ гдѣ подводный камень ученія объ единогласіи, одного изъ основныхъ началъ славянофильской доктрины. Положимъ, что въ тѣсномъ кругѣ дѣлъ „міра" возможно довести всѣхъ до соглашенія потому, что въ русскомъ человѣкѣ крѣпко убѣжденіе въ правотѣ міра и интересы такъ просты, что нетрудно довести виновнаго въ отступленіи до сознанія своей неправды, но перенесите то же начало на болѣе широкую сцену, въ среду интересовъ, болѣе сложныхъ и разнообразныхъ, помирите торіевъ съ вигами — что тогда будетъ? Гражданское общество должно умереть, ибо безъ борьбы мнѣній нѣтъ жизни: борьба мнѣній, борьба партій не есть вражда, а только различное отношеніе къ одному общему сознанію, къ одной почвѣ. Вы допускаете свободу совѣсти и слова, вы даже требуете ихъ, слѣдовательно, узаконяете разногласіе во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ; слѣдовательно, невольно должны допустить большинство и меньшинство, ибо въ вопросахъ, составляющихъ сущность гражданской жизни, у всякаго слагается свой взглядъ, который отражается на всемъ, что онъ говоритъ; онъ можетъ сдѣлать уступку въ извѣстномъ пунктѣ, т. е. по большей части, при-

бѣгнуть къ практической сдѣлкѣ, слѣдовательно, удалиться на время отъ внутренней правды и водворить правду внѣшнюю. Пока мы съ вами въ идеалѣ, нельзя не уважать вашего твердаго убѣжденія въ необходимости одной правды внутренней; но помните, что вѣчная правда принимаетъ временныя формы: ихъ-то и не слѣдуетъ забывать. Вообще воззрѣніе славянофильское слишкомъ цѣлостно, слишкомъ идеально и потому вполнѣ вѣрно только въ крупныхъ чертахъ: исторія для нихъ является едва-ли не чѣмъ-то внѣшнимъ; внутренняя же сущность остается неизмѣнна: оттого они относятся къ богатырямъ временъ Владиміра, какъ къ героямъ современной жизни, а къ общинѣ дорюриковской, какъ къ міру XIX вѣка, оттого земскіе соборы являются у нихъ вѣчемъ всей русской земли. Практическихъ нуждъ, вызывавшихъ это учрежденіе, представляющее скорѣе зачатки будущаго, чѣмъ остатки прошлаго, они знать не хотятъ" [1]).

Тогда же, въ началѣ 60-хъ г.г., Бестужевъ-Рюминъ имѣлъ случай высказаться на тему о „Русской исторіи въ связи съ исторіей другихъ славянскихъ народовъ" [2]). Ученикъ Гильфердинга слышится въ самомъ тезисѣ, какой выставленъ въ этой статьѣ: русская исторія будетъ непонятна безъ изученія славянскаго міра. „Мы слишкомъ мало знаемъ славянскіе народы" — говоритъ авторъ — „слишкомъ горды своей вчерашней образованностію, слишкомъ вѣримъ въ приговоры европейской науки и стараемся смыть съ себя въ глазахъ Европы позоръ нашего славянскаго происхожденія; но этого не смоешь: на каждой страницѣ нашей исторіи, въ каждой подробности нашего народнаго быта яркими красками написано, что мы не нѣмцы и не французы". Между тѣмъ русскіе историки продолжаютъ игнорировать славянскую исторію, а если когда и заглядываютъ въ нее, „то лишь затѣмъ, чтобы подтвердить любимую мысль, узнать, въ какомъ положеніи находится у нихъ общинное начало". Но исторія вообще, а наша въ частности, никогда не заслужитъ названія науки, если не озаботится возможно полнѣе раскрыть основы жизни славянскаго міра. „Узко-односторонняя замкнутость европей-

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Славянофильское ученіе и его судьбы. Статья I. *Отеч. Записки* 1862, № 2, стр. 689–691.

2) *С.-Петерб. Вѣдомости* 1863, № 134.

скаго міра, непризнающая не только другой цивилизаціи, но даже и другихъ основъ цивилизаціи, кромѣ тѣхъ, которыми онъ живетъ столько вѣковъ, должна будетъ пасть передъ очевидностью, добытой средствами европейской науки, но не подъ условнымъ, привилегированнымъ западнымъ угломъ зрѣнія".

Такъ мало по малу подходилъ къ воззрѣніямъ славянофиловъ Бестужевъ-Рюминъ. Въ 1867 г. въ Москвѣ состоялся знаменитый съѣздъ представителей славянскаго міра. Онъ послужилъ немалымъ толчкомъ развитію славянофильскихъ теченій вообще въ русскомъ обществѣ. Однимъ изъ отголосковъ съѣзда можно считать возникновеніе въ Петербургѣ, въ 1868 г., Отдѣла Славянскаго Благотворительнаго комитета, позже преобразованнаго въ самостоятельное общество. Въ его члены съ самаго же начала вступилъ Бестужевъ-Рюминъ, и тогда же сталъ дѣятельнымъ участникомъ въ его работахъ [1]). Уже въ первомъ годичномъ торжественномъ засѣданіи, 11 мая 1869 г., онъ читаетъ рѣчь, посвященную характеристикѣ Галицкой Руси до ея присоединенія къ Польшѣ [2]).

Задачи Комитета — сближеніе съ славянскими народами на почвѣ духовнаго общенія — Бестужевъ принялъ очень горячо къ сердцу. Съ 1869 по 1874 г. онъ состоялъ членомъ т. наз. Издательской комиссіи, поставившей цѣлью взаимное ознакомленіе Россіи и славянскаго міра путемъ литературнаго общенія [3]). Вотъ что говоритъ по поводу этого одинъ изъ позднѣйшихъ участниковъ въ совмѣстной съ Бестужевымъ работѣ въ Славянскомъ обществѣ: „Дѣятельность Комитета была тогда скромна и мало замѣтна, хотя и плодотворна. К. Н. впрочемъ не признавалъ, что можетъ быть скромная дѣятельность. Внесите въ ваше дѣло душу, жизнь, оно никогда мало не будетъ. Въ Славянскомъ обществѣ онъ видѣлъ возможность внести „душу живу" въ дѣло служенія высшимъ духовнымъ интересамъ, будить ихъ въ людяхъ, указывать имъ высокую цѣль. Славянское движеніе . . . выдвинуло на первый планъ и Славянское общество. Организуются вечера, издается сборникъ, широкой волной при-

1) Сравн. Первыя 15 лѣтъ существованія Спб. Славянск. Благотвор. общества, стр. 16, 147.

2) Ibidem, 19.

3) Ibidem, 830, 832.

ливаютъ пожертвованія отъ всего народа русскаго — К. Н. принимаетъ ближайшее участіе въ дѣлахъ, сперва, какъ одинъ изъ членовъ, а потомъ, какъ предсѣдатель комиссіи по сбору пожертвованій. . . . Это время . . . Бестужевъ считалъ лучшимъ временемъ жизни Славянскаго общества, вспоминалъ о немъ всегда съ восторгомъ, радовался нравственному подъему народа русскаго, жилъ съ нимъ одною жизнью и гордился, что принималъ живое участіе въ этомъ движеніи"[1]).

Первоначально какъ товарищъ предсѣдателя (въ 1877—1878 г.г.)[2]), Бестужевъ-Рюминъ съ 3 февраля 1880 г. становится предсѣдателемъ Славянскаго общества[3]) и стоитъ во главѣ его 2 $^1/_2$ года; онъ устраиваетъ литературные вечера, организуетъ разсылку въ славянскія земли книгъ, справедливо видя въ этомъ одно изъ орудій культурнаго сближенія Россіи съ славянами. Въ этомъ случаѣ онъ расходился съ Данилевскимъ, который литературное освобожденіе не считалъ возможнымъ безъ предварительнаго политическаго: „начали же нѣмцы съ литературнаго, а кончили политическимъ!" возражалъ на это Бестужевъ. Не знаю, явилась ли у К. Н. мысль о торжественныхъ засѣданіяхъ Общества съ рѣчами самостоятельно, но разработана и осуществлена на практикѣ была она имъ, въ періодъ его предсѣдательства. Таковы были собранія послѣ взрыва 5 февраля 1880 г. въ Зимнемъ Дворцѣ, по поводу 500-лѣтія Куликовской битвы, въ память Достоевскаго, наконецъ, въ память императора Александра II. Потомъ такія собранія стали устраиваться уже періодически. Въ своихъ рѣчахъ, читавшихся на засѣданіяхъ Общества, Бестужевъ „изложилъ свои окончательные взгляды на славянство и его судьбы, на значеніе Славянскаго общества, на задачи всего русскаго образованнаго общества"[4]), и ниже мы воспользуемся ими для знакомства съ міровоззрѣніемъ К. Н.

Во главѣ Общества Бестужевъ-Рюминъ стоялъ недолго. Несогласія среди членовъ совѣта, чисто внѣшнія условія, въ связи съ труднымъ временемъ, какое переживало тогдашнее русское общество вообще (1880—1882 г.г.), но всего бо-

---

1) *П. Г. Моравекъ,* К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Протоколъ торжеств. собранія Спб. Слав. Благ. Общ. 14 февр. 1897 г., стр. 20—21.

2) Первыя 15 лѣтъ, стр. 862.

3) Ibidem, стр. 616, 861.

4) *Моравекъ,* 22.

лѣе тяжелая болѣзнь вынудили Бестужева сложить съ себя званіе предсѣдателя (осенью 1882 г.)[1]). Болѣзнь однако не помѣшала ему и позже посильно работать на пользу Славянскаго общества. Въ 1885 г., совмѣстно съ П. Г. Моравекомъ, онъ принялъ на себя редактированіе „Извѣстій" Общества. „Время было тяжелое, русское общество не интересовалось славянами. Событія въ Болгаріи и Сербіи съ перваго взгляда оправдывали недовѣріе и холодное отношеніе. „Извѣстія" были въ положеніи тяжеломъ и ненормальномъ: они не могли высказывать того, чего хотѣли; не могли перепечатывать статей изъ другихъ русскихъ, не только свѣтскихъ, но и духовныхъ, журналовъ; не могли даже поручиться, что будутъ выходить въ срокъ"[2]). Въ Азіатскомъ департаментѣ, цензурѣ котораго были подчинены „Извѣстія", корректуру держали по недѣлямъ; все, что сколько-нибудь могло быть непріятно Австрійскому и Прусскому правительствамъ, тщательно вычеркивалось; запрещались перепечатки даже изъ „Московскихъ Вѣдомостей"; не дозволено было перепечатать рѣчи митрополита Іоанникія, которою онъ привѣтствовалъ императора Александра III въ Москвѣ, по возвращеніи Государя изъ Крыма, гдѣ въ ту пору было положено основаніе Черноморскому флоту, и т. п. „Читатели и общество, конечно, не знали всѣхъ этихъ обстоятельствъ и, не находя въ журналѣ того, что въ правѣ были ожидать, были недовольны редакторомъ. Сочувствія и поддержки не было, и К. Н. оставилъ редакцію, сознавая, что теперь не можетъ быть полезенъ. Но въ славянскомъ дѣлѣ онъ не разочаровался; неудачи временныя не заглушили въ немъ вѣры въ славянскую идею, въ великую судьбу славянства, не заглушили вѣры въ великое значеніе идеи въ жизни человѣка, общества, народа"[3]).

Говоря объ участіи Бестужева-Рюмина въ Славянскомъ обществѣ, я сознательно предпочелъ, тамъ гдѣ это возможно, предоставить слово лицамъ, ближе меня наблюдавшимъ эту сторону дѣятельности К. Н.: для полной оцѣнки не наступило еще время; кромѣ того для нея необходимъ и болѣе обширный матеріалъ, чѣмъ какой находится въ моемъ распоряженіи. Во

1) Первыя 15 лѣтъ, стр. 731.
2) *Моравекъ,* стр. 23—24.
3) *Моравекъ,* стр. 24.

всякомъ случаѣ въ семидесятые годы „славянофильскія“ воззрѣнія Бестужева опредѣлились уже окончательно. Теперь онъ уже болѣе не оспариваетъ религіозныхъ положеній Хомякова и Кирѣевскаго, а вмѣстѣ съ ними видитъ существо славянской идеи именно въ православіи. „Я не вдругъ пришелъ къ этому заключенію“ — говоритъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей; — „какъ человѣку, воспитанному по европейски, мнѣ долго приходилось бороться съ собою, пока я убѣдился, что основа нашей исторіи — въ православіи. Православіе, какъ понимаетъ его нашъ народъ, это отсутствіе духовнаго единовластительства, полная вѣротерпимость, соединенная съ уваженіемъ къ чужой вѣрѣ. Какъ такое, православіе не только не можетъ служить къ разобщенію между отдѣльными славянскими племенами, но даже облегчаетъ ихъ объединеніе. Характеръ нашего православія стоитъ въ полной гармоніи съ другими основами русской исторіи. Эти основы въ области политической жизни — безсословность, въ области хозяйственной — общинность и, главнымъ образомъ, общинное землевладѣніе“ [1]).

Вмѣстѣ съ славянофилами Бестужевъ вѣритъ въ высокое призваніе русскаго народа, въ его великую историческую миссію и вѣритъ, что выполненіе этой миссіи не мыслимо безъ тѣснаго общенія съ остальнымъ міромъ славянскимъ; онъ горячо взываетъ къ необходимости проникнуться такою вѣрою и скорбитъ на недостатокъ ея въ современномъ обществѣ. Онъ скорбитъ о томъ, что забыты простыя, но глубоко вѣрныя слова Достоевскаго: „Всякій великій народъ вѣритъ и долженъ вѣрить, если только хочетъ быть долго живъ, что въ немъ-то и только въ немъ одномъ и заключается спасеніе міра, что живетъ онъ на то, чтобы стоять во главѣ народовъ, пріобщить ихъ всѣхъ къ себѣ воедино и вести ихъ, въ согласномъ хорѣ, къ окончательной цѣли, всѣмъ имъ предназначенной“. Вотъ это-то условіе великаго народа, постоянно забываемое просвѣщенными людьми, живетъ безсознательно въ народномъ духѣ; наше же дѣло состоитъ въ томъ, чтобы привести его въ сознаніе и всегда постоянно имѣть его передъ собою“ [2]).

---

1) Первыя 15 лѣтъ существованія Слав. Благ. Общ., стр. 475.
2) Первыя 15 лѣтъ, стр. 710.

Едва ли Бестужевъ могъ оспаривать, что въ вышеприведенныхъ словахъ великаго русскаго писателя, при поверхностномъ пониманіи ихъ, есть нѣкоторый рискъ спуститься по наклонной плоскости самомнѣнія и презрительнаго отношенія къ другимъ народностямъ; но нашъ историкъ въ данномъ случаѣ имѣлъ въ виду вѣру въ тѣ силы, которыя есть, но которыхъ не видятъ и не признаютъ, — вѣру въ осмысленность и правду своего дѣла. Онъ говорилъ, что славянское дѣло есть наше историческое призваніе, и не въ нашей волѣ дѣлать или не дѣлать его. Можно отсрочивать его, временами можно бездѣйствовать; но все это въ счетъ не идетъ, все это существенной задержки на развитіе дѣла не окажетъ. „Нужно только привести въ ясное сознаніе свою задачу; кто ясно ее понимаетъ, тотъ пойдетъ твердыми шагами. Вспомнимъ нашихъ предковъ, вспомнимъ, какъ медленно, постепенно шли московскіе государи къ своей цѣли и какъ зато прочно и твердо поставили они свое дѣло: развѣ соединеніе Руси Восточной съ Западною совершилось обыденкою? развѣ еще Грозный не зналъ того, что оно должно совершиться? развѣ Михаилъ не готовилъ въ тайнѣ того, что Алексѣй совершилъ явно? Кликъ Переяславской рады: „Волимъ бѣлаго царя, православнаго" былъ только явнымъ выраженіемъ того, что приготовлено было заранѣе. Задача новая мудренѣе и сложнѣе, какъ мудренѣе и сложнѣе весь бытъ нашего времени, которое, допуская въ значительной степени инстинктивныя движенія, требуетъ однако сознанія и прежде всего сознанія; но и мы должны съумѣть стать въ уровень съ наросшими требованіями. Въ наше время мало инстинктивныхъ движеній и дипломатіи; требуется просвѣщеніе общаго сознанія, требуется развитіе духа, раскрытіе того, что таится въ инстинктѣ. Это раскрытіе есть обязанность людей мысли, оно есть въ значительной степени наша обязанность" [1]).

Далекій, въ силу только-что сказаннаго, отъ мысли отождествлять будущее торжество русскихъ началъ съ завоеваніемъ и порабощеніемъ [2]), — вѣру свою въ конечное торжество славянской идеи, въ призваніе Россіи нѣкогда произнести „новое слово" Бестужевъ-Рюминъ черпаетъ въ сознаніи

1) Ibidem, 710.

2) Срави. Послѣднія 10 лѣтъ перваго 25-лѣтія существованія Спб. Слав. Благотвор. Общ., стр. 57.

молодости русскаго народа. „Бога благодаря, мы еще молоды, врожденныя силы не улеглись еще въ законченный, а слѣдственно и узкій строй, народъ русскій еще не вошелъ въ свои географическія границы, еще не вполнѣ освоилъ занятую территорію; передъ нимъ великое будущее; но мы вѣримъ и надѣемся, что, вступая въ свой зрѣлый періодъ, къ которому готовился многовѣковыми трудами и тяжкими испытаніями, народъ русскій не растратитъ, но сохранитъ и сторицею умножитъ тѣ силы, которыя проявилъ онъ въ годы своей юности, продолжавшейся долго, думаемъ, потому, что дологъ долженъ быть его вѣкъ: не одинъ срокъ положенъ росту сельной травы и могучаго дуба“ [1]).

Конечно, „будущность Россіи . . . еще впереди, и правъ Ешевскій, который говорилъ, что мы ляжемъ въ бутъ (т. е. подъ фундаментъ)“; но что за бѣда? . . . „Лишь бы выстроили надъ нами прочное зданіе, которое надолго пріютило бы въ себѣ человѣчество“ [2]), тѣмъ болѣе что времени впереди довольно: намъ суждено жить долго, и до сихъ поръ мы, въ сущности, лишь готовились къ жизни. Бестужевъ приводитъ свидѣтельство Меровиля, историка римскаго народа, который сказалъ: „съ учрежденіями человѣческими бываетъ какъ съ произведеніямн природы: ихъ сила и жизненность измѣряются временемъ, употребляемымъ ими на возрастаніе и созрѣваніе“. „Вотъ отвѣтъ тѣмъ“ — замѣчаетъ на это Бестужевъ — „которые, кидая въ глаза нашу тысячелѣтнюю исторію, увѣряютъ, что мы ничего не сдѣлали. Какъ ничего! Росли, ростемъ, а когда выростемъ, то чѣмъ будемъ!“ [3]). Да, онъ твердо вѣрилъ въ великое будущее русскаго народа, вѣрилъ, не смотря на разочарованія, на колебанія въ общественномъ развитіи и отступленія съ прямаго пути. Изъ-подъ его пера выливались одушевленныя рѣчи, призывавшія русскихъ людей къ пробужденію, къ духовному обновленію. „Духа не угашайте“, напоминалъ онъ въ своихъ рѣчахъ, и въ этой твердой вѣрѣ почерпалъ онъ силы для борьбы и распространенія своихъ идей. „Духа не угашайте“ — такъ озаглавлена прочувствованная и восторженная рѣчь его, посвященная памяти Достоевскаго, котораго вмѣстѣ съ Хомя-

1) Послѣднія 10 лѣтъ, стр. 107.
2) Письмо 9 февраля 1884 г.
3) Письмо 20 октября 1883 г.

ковымъ Бестужевъ-Рюминъ особенно высоко ставилъ, какъ носителя славянской идеи, видя въ обоихъ нихъ настоящихъ духовныхъ вождей своего народа, учителей въ истинномъ значеніи этого слова.

Выбранный въ почетные члены Славянскаго общества, Бестужевъ-Рюминъ въ благодарственномъ письмѣ (1884 г.) въ слѣдующихъ словахъ очертилъ свои убѣжденія: „Я давно усвоилъ себѣ мысль о высокомъ призваніи нашего славянскаго племени и о преимущественномъ значеніи среди его русской его вѣтви, явно созналъ, что наступающая эпоха всемірной исторіи будетъ по преимуществу эпохою славянскою, какъ народа, который усвоилъ себѣ истину христіанства въ самомъ чистомъ ея видѣ, сохранилъ въ нѣдрахъ своихъ много такого, что утрачено другими народами и что можетъ послужить исходною точкою новаго развитія, принялъ по географическому своему положенію и историческимъ судьбамъ вліяніе и Востока, и Запада, можетъ явить грядущимъ поколѣніямъ нѣчто новое, и не Востокъ, и не Западъ, а иное, новое, соединяющее и Западъ, и Востокъ. Всѣ свои слабыя силы употребилъ я на то, чтобы проводить это сознаніе въ массы и посредствомъ устнаго слова, и посредствомъ слова печатнаго"[1]).

Подобно основателямъ славянофильской школы, и по мнѣнію Бестужева-Рюмина, возможность для Россіи произнести новое слово обусловлена православіемъ. И минута, когда это слово будетъ произнесено, уже не далека, потому что религіозное чувство на Западѣ доживаетъ послѣдніе дни. „Помните, что часъ для Россіи стать великимъ всемірнымъ народомъ близится, что ни одинъ народъ не можетъ быть великимъ безъ религіознаго начала, безъ сознанія своей народности, безъ сознанія чувства долга; выше же всего стоитъ религіозное начало; оно выжито уже народами Европы въ двухъ существующихъ у нихъ формахъ: одни пошли во внѣшность и, признавъ человѣка одного непогрѣшимымъ, погрѣшили противъ Бога и подорвали сами себя. Остался одинъ іезуитизмъ и суевѣріе массъ. Іезуитизмъ подорвалъ своими попытками исказить науку и мысль — самую вѣру въ людяхъ мысли, какъ онъ же исказилъ искусство своею

1) Послѣднія 10 лѣтъ, стр. 26.

погонею за эффектами и своею сентиментальностью. Протестантизмъ съ одной стороны, прогнавъ искусство, изгналъ чувство изящнаго и тѣмъ изсушилъ вѣрованія; а признавъ личный разумъ мѣриломъ, открылъ путь безвѣрію. Западъ вымираетъ умственно и нравственно: онъ или замретъ въ буржуазной ничтожности, какъ Голландія, или переживетъ страшный переворотъ. На сцену должны выступить мы и каждый изъ насъ долженъ работать во имя этого будущаго"[1]).

Эти строки писались въ ту пору, когда готовилась къ печати статья Влад. С. Соловьева: „Великій споръ и христіанская политика", — талантливая попытка уяснить основанія возможности примиренія Запада съ Востокомъ на почвѣ религіозной. Статья появилась на страницахъ „Руси" въ 1883 г.[2]). Бестужевъ-Рюминъ жилъ въ это время заграницей, въ Италіи, и съ содержаніемъ первыхъ главъ, гдѣ рѣчь шла о національности въ противоположность націонализму и разъяснялась идея всечеловѣчества, познакомился первоначально лишь изъ вторыхъ рукъ. Вл. С. Соловьева Бестужевъ Рюминъ ставилъ, особенно въ эту пору, очень высоко. Онъ гордился тѣмъ, что ему удалось такой выдающійся талантъ, человѣка съ такимъ обширнымъ и глубокимъ образованіемъ привлечь на Высшіе женскіе курсы и убѣдить его читать тамъ лекціи по философіи; съ полнымъ сочувствіемъ слѣдилъ онъ за развитіемъ его дарованій и возлагалъ на него большія надежды. „Вспомните" — пишетъ онъ въ эту пору — „что въ числѣ профессоровъ (В. Ж. Курсовъ) былъ человѣкъ, которому я не *въ версту* (говоря языкомъ мѣстничества), которому, вѣроятно, суждено имѣть еще огромное вліяніе, а, можетъ быть, если онъ не собьется, историческое значеніе"[3]).

Тѣмъ съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ теперь Бестужевъ возможности непосредственно ознакомиться со статьею „Руси". „Соловьева еще не читалъ" — пишетъ онъ въ январѣ 1883 г. — „По всѣмъ отзывамъ вижу, что статья блистательная, но она ставитъ недостижимый идеалъ. Пока человѣчество несовершенно, т. е. пока міръ стоитъ, идея будетъ выражаться въ неполныхъ, нецѣлыхъ формахъ, въ лицахъ и народностяхъ. Всечеловѣчество возможно только

1) Письмо 2 ноября 1882 г.
2) №№ 1, 2, 3, 14, 15, 18, 19.
3) Письмо 12 января 1883 г.

въ будущемъ мірѣ, т. е. уже неземномъ, а здѣсь необходимо разнообразіе, а при разнообразіи неизбѣжна и борьба. Въ ней до сихъ поръ состояла исторія. Можетъ измѣниться форма борьбы, но борьба останется. Бо́льшая или меньшая примѣсь зла къ добру есть необходимое слѣдствіе несовершенства и необходимое побужденіе къ развитію, совершенствованію. Я вѣрю, что наступающій историческій періодъ нашъ; но не думаю, чтобы имъ завершилась исторія. Нами должно только кончиться преобладаніе арійскаго племени. Не думаю, чтобы всѣ другія племена созданы были только служить этнографическимъ матеріаломъ. Мы не можемъ предугадывать за нѣсколько столѣтій впередъ, и пути Провидѣнія, ведущаго міръ, для насъ неисповѣдимы. Знаемъ только, что Евангеліе указываетъ въ самомъ концѣ міра великую борьбу добра со зломъ, и даже временное торжество зла. Война — по ученію Евангелія — не прекратится, стало быть, до кончины міра"[1]).

Первыя главы статьи г. Соловьева привели Бестужева въ восторгъ; онъ нашелъ ихъ еще лучше, чѣмъ ожидалъ по чужому пересказу. „Только-что отправивъ письмо къ вамъ, получилъ я два №№-„Руси" и съ восторгомъ прочелъ статью Соловьева. Прочитавъ, я узналъ, что изъ чужихъ изложеній я неясно понялъ ея содержаніе, и потому мои замѣчанія считайте небывшими. Онъ совсѣмъ не такъ абсолютенъ, какъ я подумалъ, и не отрицаетъ того, что, мнѣ казалось, онъ отрицаетъ. Онъ допускаетъ даже разныя возможности. Такъ онъ допускаетъ въ будущемъ возможность физическаго преобладанія Китая. Мнѣ всегда казалось, что этому народу, когда онъ познакомится съ техническою стороною цивилизаціи европейской, принадлежитъ страшная роль въ будущемъ. Онъ народъ матеріалистъ, народъ безъ вѣры и безъ совѣсти. Мнѣ чудится въ немъ войско Антихриста. Впрочемъ это опять область гаданій. Жду съ нетерпѣніемъ № 3, чтобы видѣть какъ Соловьевъ свяжетъ Византію съ Востокомъ. Связь новаго Рима (и всей Западной Европы) со старымъ Римомъ ясна. Мнѣ ясно, что многое въ Византіи есть продолженіе Востока; но тамъ есть и вліяніе Рима, и Аѳинъ. Какъ онъ это все объяснитъ — очень интересно.

1) Письмо въ январѣ 1883 г.

Примирительный третій Римъ — мысль хорошая. Какъ-то онъ ее разовьетъ. Къ сожалѣнію, онъ разсыпаетъ по статьямъ то, что должно было составить содержаніе книги, а статьи могли бы быть лекціями. . . Онъ положительно растетъ. Талантъ изумительный!" [1]).

Печатаніе послѣдующихъ главъ затянулось, и Бестужевъ возвращается къ статьѣ г. Соловьева только въ августовскихъ письмахъ. „Какое впечатлѣніе произвели на васъ послѣднія статьи Соловьева? Я читалъ ихъ съ восторгомъ; да, давно было пора сказать многое, что онъ сказалъ. То же, но менѣе ярко, у Хомякова (въ спорѣ съ Кирѣевскимъ) и менѣе точно и основательно у Миллера. Если хотите, Хомяковъ сказалъ то же и въ стихахъ:

За вѣру безвѣрную, за лесть и развратъ,
За гордость Царьграда слѣпую. . .;

но я всетаки не знаю, кто такъ ярко и отчетливо выставилъ бы и правду и неправду обѣихъ сторонъ. Когда кончатся эти статьи, если онѣ будутъ выдержаны, ихъ можно считать его chef d'oeuvre'омъ, хотя все желалось бы бо́льшаго развитія, бо́льшихъ подробностей. Когда онъ перейдетъ къ книгамъ: до сихъ поръ написана только одна, да и та безъ конца; эстетика за нимъ" [2]).

Продолженіе статьи талантливаго философа-публициста далеко однако не удовлетворило ожиданія тѣхъ, кто съ такимъ восторгомъ встрѣчалъ ея начало. Редакторъ „Руси" даже урѣзалъ ее и счелъ нужнымъ снабдить критическими замѣчаніями проф. Иванцова-Платонова. Автора винили въ католическихъ симпатіяхъ, находя, что онъ зашелъ слишкомъ далеко въ указаніи ошибокъ православной церкви и правильныхъ поступковъ церкви католической. Къ сожалѣнію, письма Бестужева-Рюмина, находящіяся въ моемъ распоряженіи, молчатъ объ этомъ и прямыхъ указаній на то, какъ онъ принялъ конечные выводы, „Великаго спора и христіанской политики", не даютъ; конечно, соглашенія на этой почвѣ послѣдовать не могло. Вотъ одна выдержка изъ писемъ Бестужева за послѣдующіе мѣсяцы, когда прежнія надежды смѣнились уже тревогой и сомнѣніемъ: „Онъ [3]), говорятъ, прислалъ статью

1) Другое письмо въ январѣ 1883 г.
2) Письмо 7 августа 1883 г.
3) т. е. Вл. С. Соловьевъ.

въ Славянское общество, гдѣ указываетъ два момента Русской исторіи: призваніе варяговъ и реформу Петра и ждетъ третьяго — признанія папы. . . Онъ на ложной дорогѣ и ни Хомяковъ, ни Достоевскій не одобрили бы его . . . Хомяковъ! Да знаете ли вы, что стыдъ и срамъ Русской землѣ, что до сихъ поръ въ Москвѣ Собачья Площадка не зовется Хомяковской, и не стоитъ на ней его статуя. Хомяковъ! да у насъ въ умственной сферѣ равны съ нимъ только Ломоносовъ и Пушкинъ! Думалъ я когда-то, что скоро прибавится еще одно имя, да боюсь, что ожиданія мои напрасны. Да, въ Русской землѣ великіе люди или рано умираютъ, или сами себя хоронятъ. Впрочемъ изъ великихъ очень этотъ былъ бы первый, авось-либо съ нимъ этого не случится. Вы не повѣрите, какъ мнѣ больно было видѣть, въ какую односторонность онъ вдался, и когда-же? Тогда, когда его слово наиболѣе было бы нужно. Отсылая васъ къ Хомякову, я убѣжденъ, что не скажу ничего лучше того, какъ у него сказано: основы всѣ имъ положены; вести дальше могъ бы только человѣкъ ему равный; а такой хотя и есть, да не сбился ли? Какой страшный это урокъ человѣческой гордости и самомнѣнію, когда видишь такую силу на невѣрной дорогѣ, идущую мимо цѣли и другихъ ведущую за собою. Неужели и этотъ повторитъ Толстого? но вѣдь тотъ поэтъ, а этотъ философъ" [1]).

---

1) Письмо 26 января 1884 г. Спустя два мѣсяца, все еще продолжая жить въ Римѣ, Бестужевъ-Рюминъ снова возвращается къ той же темѣ: „Я уже зналъ, что „Новости" приняли Соловьева подъ свою защиту, и глубоко пожалѣлъ обо всемъ этомъ дѣлѣ. Соловьеву снится и абстрактный католицизмъ, и абстрактный папа; съ дѣйствительностью онъ какъ-то не считается, а ее то и слѣдуетъ принимать во вниманіе. Не этими средствами слѣдуетъ исправлять то, что вкралось вслѣдствіе реформъ Петра, а частію и прежде, по разнымъ причинамъ. Средство указываетъ духъ церкви — соборность и выборное начало — вотъ что слѣдуетъ возстановить, или, по крайней мѣрѣ, къ чему слѣдуетъ стремиться. Вы, вѣроятно, помните превосходныя статьи Платонова въ „Руси" 1882 г., въ которыхъ развивался цѣлый планъ устройства церковнаго. Не стану стоять за частности, которыхъ я хорошо не помню, но общія основы мнѣ нравятся. Пріятно слышать, что низшее духовенство все чаще и чаще проявляетъ свою дѣятельность. Въ средѣ его всегда были истинные пастыри; то же можно сказать и о высшемъ, въ рядахъ котораго встрѣчаются и встрѣчались замѣчательные люди. Не постоянно читая русскія газеты, я только недавно

Новая работа Вл. С. Соловьева, казалось, готова была снова создать точки сближенія. Въ іюнѣ 1884 г. Бестужевъ-Рюминъ пишетъ: „Читали ли вы книгу Соловьева: „Религіозныя основы жизни“? Въ ней много глубокаго, хотя это опять конспектъ. Католицизма тутъ и помина нѣтъ, и слава Богу. Изложеніе необыкновенно просто и въ высокой степени изящно“. Однако окончательный разрывъ въ воззрѣніяхъ между тѣмъ и другимъ былъ неизбѣженъ. Въ послѣдующіе годы, въ пору журнальной полемики Вл. С. Соловьева съ Н. Н. Страховымъ, Бестужевъ-Рюминъ уже безусловно стоялъ на сторонѣ послѣдняго.

Сохранилось еще одно письмо, все изъ той же поры начинавшагося разлада между двумя мыслителями, любопытное по тому, въ какомъ видѣ рисовалось нашему историку будущее славянства и характеръ той грядущей расы, что̀ выступитъ, по его мнѣнію, на смѣну славянскихъ принциповъ и идеаловъ. Я привожу это письмо почти все цѣликомъ.

„Что вамъ сказать о Соловьевѣ? Въ существенномъ вопросѣ, въ вопросѣ о папствѣ, я не могу съ нимъ согласиться: не забудьте, что я въ Римѣ и натыкаюсь на каждомъ шагу на памятники папской гордости (хотя бы каѳедра св. Петра въ базиликѣ Ватиканской и т. п.), знаю всю непримиримость іезуитовъ и читаю о томъ, что дѣлается въ Галичинѣ. Въ этомъ отношеніи правъ Кояловичъ (№ 5 „Изв. Сл. Общ.“). Коснувшись невѣрныхъ струнъ, Соловьевъ, конечно, оказался ниже себя самого. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что въ первыхъ статьяхъ этой серіи, характеризуя Востокъ и Западъ, онъ поднялся на большую высоту; хорошо также сопоставленіе Византіи съ старообрядствомъ; но это уже значительно одностороннѣе; слѣдовало оттѣнить высшія стороны христіанской правды, которыя всетаки сохранила Византія.

За вѣру безвѣрную, лесть и развратъ
За гордость Царьграда слѣпую

и случайно узналъ о кончинѣ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ пастырей, глубоко симпатичнаго мнѣ Хрисанѳа. Такой талантъ, такая ширина ума и образованія, и все такъ долго гибло подъ гнетомъ тяжелой болѣзни! Не всѣмъ, видно, дано даромъ подниматься на такую высоту“. (Письмо 9 марта 1884 г. Упомянутый епископъ Хрисанѳъ — извѣстный авторъ книги „Религіи древняго міра и ихъ отношеніе къ христіанству“).

Осману Я далъ сокрушительный млатъ,
И силу коварную, злую.

Быть можетъ, въ томъ же смыслѣ въ планъ Провидѣнія входятъ и китайцы. Если есть въ желтой расѣ отдѣльныя лица, принимающія христіанство, то едва ли вся раса когда-либо приметъ его. Если семитизмъ выродился въ раціонализмъ монотеистическій (въ еврействѣ послѣдней формаціи и мухамеданствѣ), то раціонализмъ позитивистическій есть, кажется, послѣднее слово монгольской расы. Въ Евангеліи говорится о проповѣди Евангелія по всему міру, но нигдѣ не говорится о всеобщемъ его принятіи. Зло и неправда должны сохраниться до „исполненія временъ", какъ плевелы, о которыхъ говоритъ притча Христова, до времени жатвы. Вы знаете, что передъ самымъ концомъ зло должно временно восторжествовать. Я глубоко вѣрю тому, что за преобладаніемъ истины, которая представляется мнѣ въ видѣ торжества славянской идеи въ ея чистомъ видѣ, т. е. православія, — ибо мнѣ думается, что только въ славянскомъ мірѣ явится во всей своей чистотѣ православіе, какъ оно чуется нашимъ великимъ учителямъ, Хомякову, Самарину, Достоевскому, Соловьеву (заблужденія этого временное дѣло, а въ сущности онъ долженъ стать наряду съ величайшимъ учителемъ, т. е. Хомяковымъ, и продолжать его дѣло), за преобладаніемъ истины, говорю я, должно послѣдовать преобладаніе лжи — китайскій позитивизмъ, царство Антихриста, — и тогда наступитъ кончина міра. Можетъ быть, вы скажете, что я слишкомъ мрачно смотрю на китайцевъ; но такъ мнѣ кажется, насколько я знаю Китай — по трудамъ русскихъ синологовъ и по разсказамъ о китайцахъ въ Калифорніи (Бретъ-Гарта). Это народъ выносливый, трудолюбивый, но лишенный и идеала и внутренняго нравственнаго чувства; ихъ нравственность, какъ и ихъ ученость — внѣшняя. Вспомните сочувствіе XVIII в. къ Китаю: оно плодъ не незнанія, какъ думаютъ, но сродства: энциклопедисты инстинктивно почувствовали родственное себѣ начало въ этомъ далекомъ народѣ; мандаринскій взглядъ на жизнь, наслѣдіе Вольтера, живъ еще до сихъ поръ въ мечтахъ Ренана объ ученыхъ, которые практическими изобрѣтеніями будутъ господствовать въ мірѣ. Это не философы Платона и не теократія Соловьева, это просто мандарины. Если этотъ взглядъ пробиваетъ себѣ дорогу теперь (его не чуждъ Контъ) въ концѣ романо-гер-

манской цивилизаціи, то еще съ большею силою онъ выступитъ тогда, когда новое начало, въ силу закона о бренности и несовершенства проявленія въ человѣчествѣ божественнаго, дойдетъ до конца. Таково мое убѣжденіе: я не могу думать, чтобы въ человѣчествѣ въ его земномъ поприщѣ что-нибудь было вѣчно и потому я повторю съ Карамзинымъ: „пусть она (Россія) живетъ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой". Вѣрю, что намъ придется жить долго: до сихъ поръ мы только готовились къ жизни, ибо жизнь великаго народа есть исполненіе его всемірно-историческаго призванія. Призваніе наше — соединить Востокъ и Западъ въ высшемъ началѣ — православіи, въ проведеніи этого высшаго начала во всѣ сферы жизни. Но дѣло наше, благословенное (я вѣрю въ это) Богомъ, всетаки дѣло человѣческое, и Св. Писаніе насъ учитъ тому, что въ концѣ міра, хотя и не надолго, но всюду восторжествуетъ зло и только тогда, но уже безъ дѣйствія человѣческаго, погибнетъ и на вѣки" [1]).

Славянофильскій оттѣнокъ въ воззрѣніяхъ Бестужева-Рюмина несомнѣненъ, тѣмъ не менѣе „славянофильство" К. Н. требуетъ большихъ оговорокъ. Конечно, симпатіи нашего историка были направлены не въ сторону Запада; послѣдній, по его мнѣнію, весь ушелъ въ погоню за матеріальными благами, принизивъ свои духовные помыслы. Правда и то, что теорію культурно-историческихъ типовъ, высказанную Данилевскимъ, — теорію, подъ которою едва ли подпишется кто-либо изъ западниковъ, — Бестужевъ-Рюминъ не только усвоилъ, но и горячо пропагандировалъ [2]), находя, что „Россіи и Европѣ" давно слѣдовало бы стать „настольною книгою всякаго русскаго человѣка" [3]), — и тѣмъ не менѣе, повторяю, „славянофильство" Бестужева требуетъ большихъ оговорокъ.

Съ кличками „славянофилъ", „западникъ" слишкомъ ужъ много связывается разныхъ представленій, то опредѣ-

---

1) Письмо 16 января 1884 г.

2) См. статью его въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1888, № 5.

3) *Бестужевъ-Рюминъ*, Н. Н. Страховъ [Некрологъ]. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1896, № 2, стр. 117.

ленно узкихъ, то неопредѣленно широкихъ; на этихъ терминахъ столько густыхъ наслоеній, — результатъ послѣдовательной смѣны идей и представленій въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ жизни русскаго общества, — что въ сущности, слѣдовало бы прежде всего условиться, какъ понимать самыя выраженія.

Конечно, если западничество заключается въ отрицаніи теоріи культурно-историческихъ типовъ; въ признаніи неослабной мощи духовныхъ силъ Запада; въ убѣжденіи, что Западъ далеко еще не сказалъ послѣдняго слова, что славянскій Востокъ не только матеріально, но и духовно долго еще будетъ нуждаться въ немъ — то, разумѣется, Бестужевъ-Рюминъ не западникъ, а славянофилъ. Съ другой стороны, если славянофильство опредѣляется отрицаніемъ линейно-прогрессивной культуры и, взамѣнъ ея, признаніемъ культуры радіусной; въ признаніи за православіемъ одного изъ отличительнѣйшихъ признаковъ русской народности; въ вѣрѣ въ грядущее величіе славянства, призваннаго сказать новое слово; въ мечтахъ о федеративномъ союзѣ славянскихъ племенъ подъ главенствомъ Россіи — то, конечно, Бестужевъ славянофилъ.

Но исчерпываются-ли однимъ этимъ ходячія представленія о „славянофильствѣ“ и „западничествѣ“, или, вѣрнѣе говоря, не существуетъ ли признаковъ общихъ одинаково обоимъ лагерямъ? Была пора, когда это были именно *лагери,* опредѣлявшіеся признаками исключительно противоположными; нынѣ не то. Неужели это особенность спеціально славянофильская: проповѣдовать и желать видѣть мысль русскую самостоятельною, общество русское — проникнутымъ чувствомъ самоуваженія? питать вѣру (именно: вѣру, а не кичливый задоръ) въ народныя силы? горячо ратовать противъ слѣпого подражанія и настаивать на томъ, что рядомъ съ чертами, такъ сказать, общечеловѣческими, присущими всѣмъ временамъ и народамъ, есть и черты національныя, имѣющія такое же право на жизнь? наконецъ, мечтать о томъ времени, когда Россія займетъ равноправное мѣсто среди европейскихъ народовъ, опираясь не на внѣшнюю мощь, а въ силу большей духовной зрѣлости, благодаря болѣе полному и болѣе сознательному выраженію своихъ индивидуальныхъ особенностей? — а это все Бестужевъ-Рюминъ исповѣдовалъ. Съ другой стороны, неужели это при-

знакъ все еще исключительно западническій — видѣть въ реформѣ Петра Великаго неотразимый, исторически сложившійся процессъ, необходимый для блага Россіи? признавать, что Россія обязана Европѣ не одною техникою, но и знаніемъ духовнымъ, наукою, развитіемъ литературнымъ, просвѣщеніемъ, расширеніемъ умственныхъ горизонтовъ? — а между тѣмъ и эти положенія Бестужевъ раздѣлялъ всецѣло.

Почему же одна категорія понятій обыкновенно заносится подъ рубрику славянофильскихъ, другая — подъ рубрику западническихъ? Не оттого ли, что одни выработывались, уяснялись, проводились въ жизнь главнымъ образомъ славянофилами, а другія — главнымъ образомъ западниками? Но какъ ни различенъ источникъ, въ сущности давно уже и то, и другое стало общимъ достояніемъ всего мыслящаго общества. Разница можетъ быть лишь въ оттѣнкахъ, въ томъ, что̀ больше подчеркивается, что̀ меньше. К. Н. охотнѣе подчеркивалъ первую группу понятій, тѣ идеи, что шли главнымъ образомъ изъ круга славянофиловъ; но это лишь потому, что онъ считалъ проведеніе названныхъ положеній болѣе настоятельнымъ, для данной минуты болѣе очереднымъ; потому что вторая группа, по его мнѣнію, и безъ того достаточно прочно окрѣпла въ сознаніи мыслящаго общества, а потому уже и не требуетъ такой усиленной проповѣди и распространенія.

Вотъ на основаніи чего, думается мнѣ, необходимы оговорки, когда говоришь о славянофильствѣ Бестужева-Рюмина. Но оговорки нужны еще и по другимъ основаніямъ. Идея славянской федераціи никогда не была для него пустою фразою. Ставя Россію во главѣ славянства, онъ всегда отстаивалъ право свободнаго развитія индивидуальныхъ особенностей остальныхъ народностей славянскаго міра. Въ вопросѣ о русско-польскихъ отношеніяхъ — а это оселокъ, на которомъ сплошь и рядомъ вскрывается истинное содержаніе современнаго „славянофильства“ — онъ никогда не впадалъ въ воинствующій задоръ, никогда не проявлялъ жесткости торжествующаго побѣдителя. Поляки были для него всегда не на словахъ только, но и на дѣлѣ *братьями, роднымъ* племенемъ. Конечно, это былъ „домашній споръ славянъ между собою“; этнографическія границы Западной Руси Бестужевъ отстаивалъ всегда очень энергично, и одна уже мысль о возстановленіи Польши въ предѣлахъ 1772 года приводила его

въ раздраженіе своею несправедливостью; но въ то же время для него этотъ „домашній“ споръ являлся споромъ, гдѣ виноватою была не одна только противная сторона.

Основательное знакомство съ польской исторіей и литературою вытекало не изъ желанія найти въ нихъ матеріалъ для возраженій и полемики, а въ силу потребности этого пытливаго, жаждущаго ума насладиться тѣмъ *положительнымъ* богатствомъ, что народила и накопила вѣками польская мысль. Онъ „упивался“, читая Красиньскаго и польскихъ мессіанистовъ; лица, имѣющія право быть особенно строгими судьями, свидѣтельствуютъ, что своихъ любимцевъ польской литературы, Скаргу и Мицкевича, онъ зналъ такъ, какъ рѣдко кто изъ образованныхъ поляковъ, цитировалъ ихъ на память, хотя и съ акцентомъ, но дословно [1]). Далѣе мы имѣемъ свидѣтельство того же, въ данномъ случаѣ вполнѣ авторитетнаго лица, что, какъ профессоръ на Высшихъ женскихъ курсахъ, онъ не только никогда не задѣвалъ національнаго чувства своихъ слушательницъ-полекъ, но и съ деликатной предупредительностью выбиралъ для практическихъ работъ по русской исторіи темы, которыя могли бы особенно интересовать ихъ по своей связи съ исторіею польскою. Мало того, что желавшія работать подъ его руководствомъ имѣли возможность обогатить себя широкими и основательными познаніями по польской исторіи, онъ умѣлъ вдохнуть въ нихъ любовь и охоту заниматься этою исторіею [2]). Люди могли расходиться на почвѣ политическихъ воззрѣній, но справедливость — именно та справедливость, что составляетъ удѣлъ истиннаго образованія и истинной свободы духа — была положена въ основу всего. Въ этомъ отношеніи, можно смѣло сказать, деликатность и уваженіе Бестужева къ личности, къ цѣлымъ народностямъ были поистинѣ идеальными. А про многихъ ли изъ нашихъ „славянофиловъ“ можно сказать то же самое? Подъ вывѣской этого направленія сплошь и рядомъ встрѣчаешь столько высокомѣрнаго отношенія къ иноземной культурѣ, столько кичливой самоувѣренности, такой духъ партійности и національной непріязни — все это, конечно, въ модернизированныхъ формахъ примѣнительно

1) *R. Baudouin de Courtenay,* K. N. Bestużew-Riumin. *Kraj* 1897, № 6, str. 60.

2) Ibidem.

къ новымъ условіямъ текущей жизни — что, право, какъ-то странно и неловко ставить рядомъ съ такими „славянофилами“ и Бестужева-Рюмина.

Только-что указанный типъ, конечно, всего болѣе способствовалъ тому, что кличка *славянофилъ* въ глазахъ многихъ продолжаетъ все еще оставаться синонимомъ чуть не ретрограда, гасильника просвѣщенія, вообще противника умственнаго прогресса. Между тѣмъ въ лицѣ Бестужева мы видимъ одного изъ самыхъ убѣжденныхъ сторонниковъ самаго широкаго знанія и просвѣщенія. И если ужъ сопоставлять, изъ вышеназванныхъ двухъ категорій, тѣ черты, которыми онъ приближался къ западникамъ, съ тѣми, кои роднятъ его съ славянофилами, то окажется, что первыя воплотились въ Бестужевѣ гораздо ярче вторыхъ. Славянофильскую доктрину Бестужевъ-Рюминъ принималъ именно какъ *доктрину,* какъ извѣстный тезисъ, теоретическій постулатъ. Правда, онъ выходилъ изъ нея въ своихъ дѣйствіяхъ и разсужденіяхъ, но самая доктрина оставалась для него чѣмъ-то умственнымъ, отвлеченнымъ, какъ бы горячо онъ за нее ни ратовалъ. Если онъ и отстаивалъ ее, то здѣсь говорилъ прежде всего голосъ *разума.* Къ славянофильству Бестужевъ подошелъ *разсудкомъ,* и разсудкомъ же освѣтилъ и оцѣнилъ его положенія; онъ воспринялъ данную теорію, потому что *убѣдился* въ ея справедливости. . . Между тѣмъ черты, сближавшія его съ западниками, были въ немъ *воспитаны* всѣмъ его прошлымъ; онъ подошелъ къ нимъ *не умственно,* а *безсознательно, самою жизнію,* всѣмъ существомъ своимъ. Вотъ почему и въ обстановкѣ славянофильства эти черты по прежнему продолжали звучать ему близкимъ и роднымъ. Это-то и даетъ право утверждать, что знаніе и просвѣщеніе, свободный духъ и гуманизмъ были настоящею, реальною областью его жизни, — тою областью, гдѣ ему дышалось всегда такъ легко и свободно. Поэтому-то, сторонникъ теоріи Данилевскаго, онъ никогда въ сущности не переставалъ быть ученикомъ Грановскаго и Бѣлинскаго, поклонникомъ ихъ просвѣтительныхъ идей. Въ зрѣлую пору жизни онъ могъ отрицательно относиться къ „отрицательному“ направленію Бѣлинскаго, находить у него недостатокъ критическаго чутья въ оцѣнкѣ Гоголя, какъ автора „Переписки съ друзьями“; но въ сущности Бестужевъ никогда не переставалъ быть тѣмъ же пламеннымъ защитникомъ правды,

свободы, просвѣщенія, какъ и знаменитый нашъ критикъ. Закваска молодыхъ лѣтъ осталась въ немъ навсегда.

Стоитъ лишь вспомнить, какимъ прочувствованнымъ словомъ почтилъ тотъ же Бестужевъ память Грановскаго въ 1879 г., въ самый разгаръ своей дѣятельности въ славянскомъ обществѣ, чтобъ убѣдиться въ крѣпости духовно-просвѣтительныхъ связей его съ западниками, какъ бы ни расходился онъ съ ними въ эту пору по вопросамъ общественной и политической жизни. Здѣсь, между прочимъ, объясненіе и тѣхъ прочныхъ духовныхъ узъ, что соединяли Бестужева со многими изъ тѣхъ близкихъ ему людей, которые не раздѣляли ни его увлеченій теоріею Данилевскаго, ни его нѣсколько мрачнаго взгляда на современный Западъ.

Повторяю: съ кличками „славянофилъ", „западникъ" приходится или разстаться, или тщательно пересмотрѣть ихъ содержаніе. Новымъ примѣромъ того, насколько необходимо осторожное обращеніе съ ходячими эпитетами, можетъ служить личность другого ученаго, С. М. Соловьева. Полагаю, въ славянофильской ереси московскаго историка никто не заподозритъ: это — фигура несомнѣннаго „западника"; а между тѣмъ взгляды Соловьева на православіе и протестантизмъ — совсѣмъ въ духѣ Хомякова; въ любви къ Россіи онъ сходится съ славянофилами и, подобно имъ, вѣритъ въ историческое призваніе русскаго народа [1]).

Итакъ, пускай *приближеніе* къ славянофиламъ или *отдаленіе* Бестужева-Рюмина отъ западниковъ было сильнѣе, и то и другое, а все же мрачныя формы, въ какихъ рисовалась ему духовная жизнь современнаго Запада, отнюдь не мѣшали ему видѣть тамъ и много положительнаго и полезнаго для усвоенія. Рѣдкій западникъ относился съ такимъ серьезнымъ уваженіемъ къ западно-европейской культурѣ и считалъ нужнымъ, выражаясь его словами, „отдавать полную справедливость нравственному характеру западниковъ, ихъ идеализму, заслугамъ въ укрѣпленіи въ обществѣ европейской науки" [2]).

Западъ совсѣмъ не былъ такъ далекъ отъ Бестужева, какъ это, можетъ быть, думаютъ многіе изъ тѣхъ, кто за-

---

1) *Бестужевъ-Рюминъ,* Біографіи и Характеристики, стр. 271.

2) Отзывъ о соч. *Колюпанова:* „Біографія А. И. Кошелева. Т. II". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1893, № 5, стр. 233.

числялъ себя въ противоположный съ нимъ лагерь, какъ это представлялъ, можетъ быть, самъ онъ себѣ [1]). Да и могъ ли онъ быть далекъ тому, кто съ такимъ восхищеніемъ читалъ Ренана, Тэна, С. Бева; кто искалъ художественныхъ образцовъ у Тьерри, Прескотта и Маколея; на чьихъ работахъ сказалось вліяніе Ранке, Фримана, Вайтца, Мэна, Тайлора, Стебса; кто съ такимъ жаднымъ интересомъ слѣдилъ за успѣхами современной египтологіи и ассирологіи; тому, кто учился у Запада, какъ надо изучать Шекспира, понимать Гетевскаго Фауста, комментировать Данта; кто учился у Рёскина, Румора и Пассавана возсоздавать художественные типы итальянскаго Ренессанса; тому, кто такъ восторгался археологическими трудами Росси, посвященными древне-христіанскому Риму; кто, наконецъ, умѣлъ цѣнить игру Рашель и Сальвини? . . .

Правда, современные славянофилы охотнѣе причисляютъ Бестужева-Рюмина къ числу своихъ, съ ними у него и связей было болѣе; западники же скорѣе готовы видѣть въ немъ чужого. Но *правовѣрный* славянофилъ — позволяю себѣ такъ думать — въ душѣ, вѣроятно, не разъ называлъ его *плохимъ* славянофиломъ. Врагъ „ярлыковъ", откуда бы они ни шли, К. Н., на сколько я помню, никогда не признавалъ и даже мысленно не подписывался подъ пресловутой формулою: „православіе, самодержавіе, народность". Думаю, что относительно этой формулы К. Н. и тѣ, кто выражалъ или принималъ ее, вкладывали далеко не одно и то же содержаніе. Онъ даже прямо сѣтуетъ на смѣшеніе славянофиловъ съ представителями оффиціальной народности [2]). Глубоко вѣрующій сынъ православной церкви, безусловный сторонникъ исконныхъ началъ нашего государственнаго строя,

---

1) Въ одной изъ своихъ статей, излагая теорію Данилевскаго, К. Н. говоритъ: „Чтобы стать европейцами, намъ предлагаютъ (такова была мысль Чаадаева) отречься отъ всей прошлой нашей жизни, отъ всѣхъ народныхъ началъ. *Таково мнѣніе нашихъ западниковъ*" (Теорія культурно-историческихъ типовъ. *Русск. Вѣстн.* 1888, № 5, стр. 220). Очевидно, это сказано заднимъ числомъ. Для западниковъ конца XIX стол. Чаадаевъ, конечно, явленіе лишь историческое, не болѣе, и едва ли кто изъ нихъ станетъ нынче серьезно настаивать на отреченіи „отъ всей прошлой нашей жизни, отъ всѣхъ народныхъ началъ".

2) Отзывъ о кн.: „Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. I". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1889, № 7, стр. 159.

Бестужевъ-Рюминъ въ то же время больше всего боялся оффиціальнаго благочестія и оффиціальной государственности. Очень чуткій къ разницѣ между церковью, какъ ее понимаетъ православное ученіе, и церковью современной, онъ не разъ указывалъ (мы это видѣли въ одной изъ предыдущихъ главъ), что послѣдняя, со временъ Петра Великаго, весьма и весьма отдалилась отъ своего идеала . . . И тѣмъ не менѣе, какъ ни тяжелы послѣдствія того удара, какой реформа Петра, по мнѣнію Бестужева, нанесла русской церкви, — на самого реформатора онъ смотрѣлъ, какъ на одно изъ самыхъ свѣтлыхъ явленій русской жизни.

Зачислять Бестужева-Рюмина всецѣло въ категорію славянофиловъ не хотѣлось бы еще по одному соображенію. „Славянофильство", равно какъ и „западничество", неразрывно съ понятіемъ *партіи*, — а это менѣе всего подходитъ къ духу и характеру нашего историка. Разносторонняя образованность, широкое міросозерцаніе всего менѣе уживаются съ духомъ партійности, всего менѣе выносятъ какую-либо крайность и угловатость. Бестужевъ слишкомъ привыкъ ко всему относиться критически, слишкомъ былъ чутокъ къ гармоніи, къ духовной свободѣ, слишкомъ, наконецъ, уважалъ чужое мнѣніе, разъ оно было честно и прочувствовано. Широта умственныхъ горизонтовъ, критическая недовѣрчивость ко всему абсолютному, рѣзко отмежеванному, глубокое пониманіе того, что общество есть сложный *многогранникъ* съ безконечно громаднымъ числомъ сторонъ,— сторонъ, которыя не только слѣдуетъ *всѣ* изучать, если хочешь составить правильное представленіе о цѣломъ, но которыя одинаково *всѣ* имѣютъ право на существованіе, какъ бы ни противорѣчили онѣ личнымъ вкусамъ и убѣжденіямъ, — все это и обусловило то, что человѣкомъ партіи Бестужевъ-Рюминъ никогда не былъ, никогда не могъ свѣтъ истины видѣть въ одномъ только опредѣленномъ окнѣ. Недаромъ же столь высоко цѣнилъ онъ Достоевскаго, того писателя, что такъ ярко обрисовалъ всю узость и односторонность „прямолинейныхъ" людей . . .

Въ этой безпартійности, если угодно, — и сила, и слабость К. Н. Принадлежать къ партіи, опредѣленно заявить свое направленіе — до извѣстной степени почти то же, что создать законченный образъ, ярко и рѣзко очерченный, не вызывающій ни недоумѣній, ни сомнѣнія. Но мы видѣли,

что яркаго, такъ сказать, осязательнаго направленія Бестужевъ не выработалъ даже въ наукѣ; тѣмъ въ болѣе мягкихъ, неопредѣленно-широкихъ формахъ слагались его воззрѣнія на жизнь политическую и общественную. Разумѣется, послѣднее обстоятельство дѣлаетъ физіономію Бестужева нѣсколько блѣдною, не столь ясною, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ, кто не хотѣлъ или лишенъ былъ возможности пристальнѣе всмотрѣться въ нее. Личность Бестужева-Рюмина *съ перваго раза* отвѣта не даетъ. На картинѣ, которую онъ рисовалъ совокупностью всей своей жизни и дѣятельности, нѣтъ ни густыхъ мазковъ, ни кричащихъ красокъ, ни рѣзкихъ линій. Но развѣ яркость впечатлѣнія достигается однимъ только этимъ путемъ? Развѣ глубокое убѣжденіе въ томъ, что густой мазокъ есть въ сущности грубое насиліе надъ дѣйствительностью, что истина — лишь въ правильной группировкѣ линій, въ осторожномъ сочетаніи тоновъ, въ заботливомъ расположеніи свѣтотѣни, — развѣ подобная мысль не есть сама по себѣ уже яркій тезисъ, образъ съ вполнѣ опредѣленною и законченною обрисовкой даже въ деталяхъ? А вѣдь убѣжденіе въ этомъ и составляло *душу* физіономіи К. Н. Картина послѣдней категоріи, конечно, сама о себѣ не кричитъ, и за десять верстъ ея не увидишь; но вѣдь филигранную работу всегда разсматриваютъ, подойдя къ ней по возможности ближе.

Вотъ почему Бестужева-Рюмина нельзя отнести ни къ одному изъ существующихъ „направленій“ съ той безпощадной категоричностью, какъ это обыкновенно дѣлается въ подобныхъ случаяхъ. „Ярлыка“ онъ не выносилъ, потому что тотъ стѣснилъ бы его, насильственно втискивая въ опредѣленныя (и для него всегда узкія) рамки, навязывая извѣстныя обязательства, мѣшая движенію, прогрессу, дальнѣйшему развитію. Выработавъ вполнѣ опредѣленную profession de foi, Бестужевъ-Рюминъ всегда старательно избѣгалъ подводить ее подъ формулу, частью изъ-за сложности этой profession de foi — она служила помѣхой для болѣе или менѣе точной формулировки — частью же, и притомъ главнымъ образомъ, потому что формула, какъ обязательный ярлыкъ, сковывала мысль, лишала ее свободнаго полета, была для него синонимомъ омертвенія, мѣшала полностью, всецѣло воспринять идеалъ.

Въ данномъ направленіи, все равно какомъ, какъ бы

само по себѣ ни было оно симпатично, Бестужевъ-Рюминъ всегда находилъ стороны сомнительныя, а то и прямо слабыя, *отрицательныя,* и тѣмъ скорѣе, чѣмъ сложнѣе было это направленіе. Это-то и служило преградой принять его *во всемъ объемѣ.* Но зато Бестужеву дорога была въ немъ *положительная* сторона; ее-то онъ и бралъ, ее-то ярко и подчеркивалъ, какъ бы игнорируя сторону отрицательную.

Таковъ былъ этотъ человѣкъ. Зовите его славянофиломъ или не зовите,—это, пожалуй, безразлично: то и другое будетъ и правдой, и ошибкой, смотря по тому, какъ подойти къ этой личности: сложная и многогранная фигура Бестужева-Рюмина умѣщала въ себѣ черты и того, и другого направленія, но умѣщала ихъ не путемъ механической разстановки, а путемъ гармоническаго сочетанія, и что бы ни говорили, но одно несомнѣнно въ этой фигурѣ: и какъ ученый, и какъ публицистъ, въ кабинетѣ ли или на каѳедрѣ въ общественномъ собраніи, Бестужевъ-Рюминъ вездѣ неизмѣнно оставался идеалистомъ въ лучшемъ значеніи этого слова. „Не будьте односторонними", обыкновенно говаривалъ онъ, и это требованіе прежде всего прилагалъ къ себѣ. Ревниво старался онъ пробудить въ русскомъ обществѣ національное самосознаніе, горячо настаивалъ на необходимости научиться уважать самихъ себя; но въ то же время съ полнымъ уваженіемъ относился онъ и къ другимъ народностямъ; онъ мечталъ о благѣ Россіи, но никогда не строилъ его на чужой счетъ, и, подобно тому, какъ въ своей наукѣ — исторіи — онъ защищалъ „побѣжденныя" народности отъ пренебрежительнаго игнорированія ихъ судьбы, такъ и къ народностямъ, подвизающимся на жизненномъ поприщѣ, но политически уже сломленнымъ, онъ никогда не примѣнялъ жестокаго „vae victis". Онъ хотѣлъ жить, но давалъ жить и другимъ.

XIV.

Итальянскія впечатлѣнія.

Годы, проведенные Бестужевымъ-Рюминымъ въ Италіи — характерная страница его біографіи. Раньше К. Н. никогда не бывалъ за-границей, да его не особенно и тянуло туда. Помню, какъ недовѣрчиво и нѣсколько пугливо относился онъ къ самой мысли о такой поѣздкѣ, и это еще когда не возникало и вопроса о необходимости ѣхать лѣчиться. Быть можетъ, его тревожила предстоящая встрѣча за предѣлами Россіи съ инымъ укладомъ жизни, съ мало ему симпатичными формами и характеромъ общественнаго и политическаго строя? Позже онъ болѣе освоился съ новой обстановкой, но на первый разъ, конечно, онъ могъ только радоваться, что условія заставляютъ его ѣхать не въ какую иную страну, какъ въ Италію. На классической почвѣ Апеннинскаго полуострова, подъ этимъ благодатнымъ небомъ онъ могъ найти не только выздоровленіе, но и обильную пищу своему пытливому, разностороннему уму въ направленіи, наиболѣе для него привлекательномъ. И дѣйствительно, попавши въ Италію, Бестужевъ-Рюминъ посколько позволяло ему здоровье, всецѣло уходитъ въ исторію древняго Рима, въ изученіе археологическихъ памятниковъ, перечитываетъ классиковъ, наслаждается въ музеяхъ произведеніями искусства. Его итальянскія письма полны благороднаго восторга и восхищенія передъ тѣмъ, что удалось ему увидать, и я воспользуюсь ими [1]), для передачи по возможности собственными словами К. Н. того, что онъ пережилъ и передумалъ за эти годы.

Выѣхавъ изъ Петербурга въ сентябрѣ 1882 г., Бестужевъ-Рюминъ черезъ Берлинъ, Дрезденъ и Цюрихъ проѣхалъ

---

1) За время первой поѣздки, съ сентября 1882 по іюнь 1884 г.

въ Римъ и устроился тамъ на зиму. Конечно, главный интересъ представляла для него не новая столица итальянскаго королевства, не Римъ нашихъ дней: слишкомъ ужъ онъ мелокъ и мизеренъ съ Римомъ классической поры или средневѣковаго папства. Западная Европа выросла изъ *стараго* Рима, и какъ же было не всмотрѣться въ него поближе тому, кто считалъ себя послѣдователемъ Хомякова и Данилевскаго? Бестужевъ ѣхалъ съ готовыми положеніями, и то, что ему пришлось увидать, лишь подкрѣпило его въ прежнихъ взглядахъ. Разница между „Западомъ" и „Востокомъ" подчеркнута была теперь еще ярче. Тамъ, гдѣ выросло внѣшнее право государства, гдѣ папствомъ были заявлены притязанія на абсолютное господство, онъ почувствовалъ еще сильнѣе особенности православно-славянскаго строя, какъ они представлялись вообще ему совмѣстно съ славянофилами.

„Что вамъ сказать о себѣ?" — пишетъ Бестужевъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Италію — „смотрю Римъ, читаю о Римѣ. Чѣмъ ближе, по моему мнѣнію, послѣднее слово, которое должна сказать западная цивилизація, рожденная и воспитанная Римомъ, тѣмъ интереснѣе изученіе самаго Рима, представившаго два раза апоѳеозъ человѣка: разъ въ цезаряхъ, и другой въ папствѣ. Гордость папства здѣсь положила свою печать на каждомъ шагу: въ пышныхъ надписяхъ, въ громадныхъ мавзолеяхъ, въ каѳедрѣ св. Петра, поддерживаемой учителями Церкви и вѣнчанной ангелами, держащими тіару и книги. Все это въ главномъ алтарѣ св. Петра надъ престоломъ, сзади раки апостоловъ. Папа представитель Христа — авторитетъ человѣка выше Церкви. Не есть ли это прямое продолженіе цезаря, который объявилъ себя богомъ? Внѣшняя іерархія, внѣшняя связь — вотъ что держитъ эту церковь и это западное государство. Они одного происхожденія. Выходъ изъ нихъ показанъ исторіею: реформація и революція. Мы начинаемъ новую эпоху; мы должны стать на внутренней правдѣ. Изъ этого не слѣдуетъ однако, чтобы мы воплотили эту правду; нѣтъ, въ человѣчествѣ не можетъ быть полнаго совершенства. Вотъ что я думаю" [1]).

Эту связь настоящаго съ прошедшимъ Бестужевъ-Рю-

1) Письмо въ январѣ 1883 г.

минъ, какъ истый историкъ, отыскиваетъ и слѣдитъ за нею повсюду. „Въ городкахъ около Рима еще не былъ. Дома читаю о Римѣ и объ его исторіи. Это самая любопытная исторія: идея Рима — идея внѣшней правды и разсудочнаго порядка, на которой зиждется и римское право, и римское государство, и, въ значительной степени, право и государство Западной Европы. Не только итальянцы и французы наслѣдовали идею Рима, но и англичане и нѣмцы: самъ Бисмаркъ братъ Фабіевъ и Аппіевъ, а англійскіе лорды — имъ только бы засѣдать въ римскомъ сенатѣ. Теперь, кажется, кругъ этой идеи совершился, или, по крайней мѣрѣ, совершается, близокъ день другой идеи. Но посмотрите — самъ католицизмъ есть *римское* христіанство. Замѣчательно, что въ нашемъ просвѣщеніи вообще не идеальное, подчасъ скептическое начало Греціи (или Платона), а практическое начало Рима взяло верхъ. Общество римское послѣднихъ временъ блеска сильно напоминаетъ общество XIX в., не только въ общемъ (преобладаніе матеріальнаго комфорта), но даже въ подробностяхъ. Христіанство еще слишкомъ мало вошло въ наши нравы: надо было пережить Римъ. Вотъ теперь, когда онъ почти пережитъ, интереснѣе чѣмъ когда либо исторія Рима. Теперь, читая классиковъ, археологовъ, новыхъ историковъ (Момзена, Ампера, Дюрюи), я переживаю многое; а тутъ еще памятники, если не передъ глазами, то въ памяти. Поработаю и лѣто и зиму, и хочется по пріѣздѣ прочесть курсъ, который, если удастся, напечатаю; но это секретъ пока. . .“ [1]).

Въ февралѣ 1883 г. Бестужевъ-Рюминъ серьезно захворалъ. Пошла кровь горломъ, и это обстоятельство надолго приковало его къ постели, отнявъ даже книгу, столь ему необходимую. Въ маѣ онъ началъ поправляться, дѣлалъ загородныя поѣздки. Природа на время смѣнила исторію и ея творца — человѣка, что особенно бросается въ глаза, потому что раньше, да и послѣ, природы какъ бы не существовало для Бестужева: онъ какъ-то не замѣчалъ ея. Чувствовалъ онъ красоту едва ли не одного лишь Царскосельскаго парка, „этой старой полузабытой волшебной сказки“, какъ онъ говорилъ; да любилъ еще вспоминать старыя ели подъ

1) Письмо 18 мая 1883 г.

снѣгомъ на берегу Оки — ихъ видѣлъ онъ еще въ молодости. . . Но теперь въ немъ заговорила и эта сторона.

„Я поправляюсь“ — пишетъ онъ незадолго передъ отъѣздомъ изъ Рима — „каждый день ѣзжу въ Кампанію, которая прелестна: эти горы синія, синія передъ вами; это обиліе цвѣтовъ, особенно краснаго, ярко краснаго мака по дорогѣ, эти зеленыя деревья, пиніи, платаны. Вчера, когда я переѣзжалъ по боковой дорогѣ съ via Appia на via Ostiensis изъ-за заборовъ открывался роскошный видъ на Римъ, который съ этой стороны тонетъ въ зелени. А линія водопроводовъ, которые частью обросли зеленью! а скалы, которыя какъ-то неожиданно выростаютъ передъ вами (напр. на via Flaminia или на via di Paradisi)!“ [1]).

На лѣто Бестужевъ переѣхалъ въ Кастелламаре, повидавъ Неаполь лишь мелькомъ. И здѣсь онъ восхищается великолѣпнымъ видомъ на Везувій, на море, массою зелени, обиліемъ садовъ. „У насъ тоже садъ съ крытыми аллеями и массою цвѣтовъ, особенно розы. Здѣсь настоящій рай“. Но, съ возвратомъ силъ, Бестужевъ спѣшитъ пользоваться этимъ „раемъ“ не для одного только эстетическаго наслажденія: онъ опять за своими книгами. „Читаю я много, и все пока на террасѣ или у окна. Читаю и Момзена, и Дюрюи, перебираю классиковъ и старика Роллена, громадный репертуаръ фактовъ съ наивными сентенціями и безъ всякой критики; а кромѣ того перечитываю то тотъ, то другой діалогъ Платона. Живу, видите, въ древности, преимущественно римской. Кромѣ историческихъ книгъ, — источниковъ и пособій, у меня есть нѣсколько хорошихъ археологическихъ книгъ о Римѣ. Въ Римѣ еще почитаю кое-что, кромѣ того, что читаю здѣсь, но и въ Римъ пріѣду съ лучшею подготовкою, когда прочту и перечту все, что у меня есть. Такъ какъ я уже видѣлъ кое-что въ Римѣ, то и это пойдетъ въ ходъ. Кое-что (форумъ, Палатинъ, катакомбы) я видѣлъ хорошо, ходя съ Великимъ Княземъ. Если буду здоровъ и все пойдетъ, какъ мнѣ хочется, то изъ Рима надѣюсь кое-что вывезти для той цѣли, о которой я вамъ писалъ въ послѣднемъ письмѣ. Хотѣлось бы болѣе знать о Россіи. Пишите чаще“ [2]).

---

1) Письмо 18 мая 1883 г.
2) Письмо 29 мая 1883 г.

„Цѣль, о которой я вамъ писалъ въ послѣднемъ письмѣ“ — это будущій университетскій курсъ по исторіи Рима. Мысль о немъ лучше всего показываетъ, какъ сильно захватила собою Бестужева западно-европейская культура, съ которою онъ лишь теперь впервые соприкасался непосредственно. Сложившаяся и вполнѣ готовая точка зрѣнія, серьезныя познанія, громадная начитанность обусловили обычное въ подобныхъ случаяхъ явленіе: при осмотрѣ памятниковъ Бестужевъ никогда не остается простымъ *зрителемъ* или наблюдателемъ; еще болѣе онъ *мыслитель,* которому довольно слабаго намека, бѣглой черты для новой мысли и новыхъ выводовъ. Изъ Кастелламаре поѣхалъ онъ въ Помпею, и впечатлѣнія, ранѣе вынесеннныя изъ Рима, помогли ему легче оріентироваться въ теперешнихъ наблюденіяхъ; а Помпея въ свою очередь дала объясненія тому, что оставалось еще неяснымъ въ самомъ Римѣ. Вотъ что читаемъ мы въ письмѣ, посвященномъ описанію этой поѣздки.

„Вчера, наконецъ, удалось мнѣ быть въ Помпеѣ, и хоть ходилъ я недолго, чтобы не устать, но мнѣ всетаки удалось видѣть много любопытнаго. Помпея — живой комментарій къ Риму. Въ Римѣ полторы тысячи лѣтъ люди пользуются старыми зданіями или разрушаютъ ихъ изъ разныхъ причинъ: то изъ религіозной ревности, то просто для удобства сообщенія (какъ папы ломали тріумфальныя арки на Корсо, да еще хвалились этимъ), колонны берутъ для украшенія новыхъ зданій: такъ прелестныя колонны форума Нервы взяты къ фонтану у С. Піетро in Montorio; послѣдняя колонна базилики Константина (т. е. не храма, а языческой базилики) взята къ S. Maria Maggiore; иногда мраморъ просто пережигаютъ на известь и т. д. Въ Помпеѣ же, что сохранилось отъ разрушенія природою, то стоитъ (хотя и тамъ были похищенія вещей вскорѣ послѣ изверженія, и тамъ многое взято въ музеи, что впрочемъ отчасти способствуетъ сохраненію). Вчера базилика Помпейская помогла мнѣ лучше понять базилику Юлія, которая открыта на римскомъ форумѣ (базилика Константина или правильнѣе Максенція нѣсколько иная: она ближе къ типу христіанскихъ базиликъ: Климента, Павла и т. д., онѣ послужили имъ первообразомъ). Форумъ помпейскій уяснилъ много форумъ римскій, а бани дали смыслъ громаднымъ, но обнаженнымъ остаткамъ римскихъ бань. Такъ фригидарій (холодныя ванны) помпейскій до очевид-

ности уяснилъ не только круглую залу бань Калигулы, но такъ наз. Минерву Медику (остатки бань Галліена) и даже Пантеонъ, который, если и былъ храмомъ, то послѣ. Въ Римѣ храмовъ не сохранилось (кромѣ такъ наз. храма Весты, круглаго; отъ другихъ только колонны); въ Помпеѣ отъ нихъ осталось много: вчера я видѣлъ ихъ нѣсколько; не видѣлъ только храма Изиды. Частные дома цѣлы въ Помпеѣ (я видѣлъ только такіе, гдѣ сохранился только одинъ этажъ, но планъ цѣлъ); интересны лавки у домовъ. Планы домовъ дополняютъ то, что я видѣлъ въ оффиціальномъ дворцѣ цезарей на Палатинѣ и въ домѣ Тиверія, и даютъ болѣе ясное понятіе о римскомъ домѣ. Но самое любопытное для меня были театры: въ Римѣ театровъ нѣтъ: театръ Марцелла сохранилъ только внѣшнюю стѣну, внутри все застроено; можетъ быть, когда очистятъ, окажется что-нибудь любопытное. Видѣлъ я театръ въ Фіезоле (близъ Флоренціи); но тотъ очень разрушенъ. Амфитеатра я не видѣлъ; любопытно было бы сравнить его съ Колоссеемъ; кажется, что мѣста для зрителей въ Помпеѣ цѣлѣе. Идя по улицамъ, на которыхъ сохранились слѣды колесъ, испытываешь какое-то особенное чувство, подобное тому, какое я испыталъ, идя по улицамъ Чуфутъ-Кале, гдѣ впрочемъ былъ и обитаемый домъ, и жители котораго ушли еще недавно; но въ Чуфутъ-Кале, хотя и менѣе интереснаго археологически, есть то, чего въ Помпеѣ нѣтъ: городъ выстроенъ на скалѣ, а улицы не мощены, а вырыты, и кромѣ того внизу подъ городомъ, сравнительно новымъ, пещерный городъ.

„Еще не разъ буду въ Помпеѣ, надѣюсь съѣздить и въ Геркуланъ. Праздника Рафаэля я не видалъ: еще лежалъ тогда въ постели, не попалъ и въ Фарнезину, которую открыли только для праздника, и гдѣ Психея и Галатея Рафаэля. Книгу, изданную для праздника, купилъ: рѣчь о Рафаэлѣ — риторика, а кой-какіе стишки — плохи“ [1]).

Съ тѣмъ богатымъ запасомъ свѣдѣній и съ той наблюдательностью, какою обладалъ Бестужевъ, достаточно иногда было одного внѣшняго повода, чтобъ навести его на любопытныя сопоставленія, сравненія или выводы. Заходитъ рѣчь о школьныхъ книгахъ; онъ вспоминаетъ, что „въ маленькой

1) Письмо 13 іюня 1883 г.

книжкѣ Д. П. Соколова (какъ она называется — забылъ) очень хорошій переводъ молитвъ и толкованіе на нихъ", и тутъ же добавляетъ: „осмыслить молитвы надо ранѣе. Я помню, что долго я не зналъ, что такое: „не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна". Я по своему объяснилъ: не слушай клеветы на друга. Да и послѣ мнѣ только перевели, хотя въ гимназіи уже слѣдовало бы дать понятіе о послухѣ: исторически это очень важное понятіе. Дѣтямъ, конечно, не слѣдуетъ различать свидѣтеля отъ послуха — это ихъ только собьетъ — но въ гимназіи необходимо".

И вотъ достаточно было заговорить о послухахъ, чтобы вызвать слѣдующія строки: „Съ этимъ понятіемъ [1]) связаны суды на площади-форумѣ, гдѣ въ Римѣ постоянно оставались базилики, а въ базиликѣ и судили и совершали сдѣлки, отъ послуховъ дуэль и т. д. — цѣлая картина жизни, непохожей на нашу, встаетъ передъ вами. Какъ часто, бродя по форуму, представлялъ я себѣ эту жизнь; Помпея еще болѣе иллюстрировала ее, а дополнила теперешняя Италія: все на улицѣ, все на виду, и сосѣди могутъ все знать, — вотъ и повальный обыскъ, опросъ окольныхъ людей. Долго живетъ обычай и глубоки его корни. Кстати, какъ много въ обрядахъ народной вѣры объясняется стариною: моютъ и одѣваютъ статуи святыхъ, какъ мыли и одѣвали статуи боговъ; эти раскрашенныя статуи, которыми полны католическіе храмы, такъ близки къ статуямъ древнихъ (конечно, не тѣмъ, которыми мы любуемся, но и онѣ бывали раскрашены). Бамбино даже нѣкоторыми преданіями напоминаетъ древность. Бамбино въ С. Маріа Арачели (тамъ гдѣ, вѣроятно, стоялъ храмъ Юпитера) вырѣзанъ, говорятъ, изъ кипариса монахомъ въ Палестинѣ. Его возятъ къ больнымъ въ особой каретѣ. Прежде его и оставляли у нихъ, но одна старуха вздумала его подмѣнить. Обмана не замѣтили; вдругъ ночью послышался въ монастырѣ у церкви звонъ: монахи выбѣжали и увидѣли настоящаго Бамбино, лишеннаго украшеній. Самозванецъ былъ изгнанъ. На Рождество строятъ вертепы (въ церквахъ и даже домахъ). Самый лучшій вертепъ въ Арачели съ Бамбино. Я ходилъ смотрѣть его. Раз-

1) Послухъ.

сказъ о возвращеніи Бамбино имѣетъ, помнится, языческую параллель; многое еще живетъ. Многое не только въ народной обстановкѣ католицизма, но и въ самомъ устройствѣ еще дышетъ древностью. Не даромъ папа Pontifex Maximus, наслѣдникъ цезарей, которые присвоили себѣ этотъ титулъ. Связь древняго Рима съ теперешнимъ, а черезъ него и со всею Европою (конечно, иныя связи идутъ и путемъ вліянія провинціи на варваровъ, и путемъ науки, и черезъ юристовъ; но все же вліяніе самого Рима преобладаетъ) весьма важна. Весь жесткій, эгоистическій, практическій характеръ Европы отъ Рима; такъ называемый классицизмъ (въ литературѣ) нашъ, хотя мы послѣ романтическаго движенія не признаемъ, всетаки положилъ печать на все наше образованіе, самый этотъ классицизмъ — римскій. До сихъ поръ въ образованіи преобладаетъ латинскій языкъ; а, конечно, лучшіе, болѣе широкіе, болѣе возвышенные взгляды идутъ изъ Греціи, и грековъ вообще образованные люди знаютъ хуже. Мы впрочемъ въ большинствѣ и Римъ-то знаемъ изъ вторыхъ рукъ и выслушиваемъ за новость то, что давно извѣстно: въ сущности матеріализмъ не пошелъ дальше Лукреція, да и не могъ пойдти дальше. Въ высокой степени поучительно то, что величайшій поэтъ Рима былъ матеріалистъ. Религіи Виргилія (котораго я теперь перечитываю) и Овидія — оффиціальныя. Хотѣлось бы мнѣ все, что надумалось здѣсь, облечь въ стройную форму; но не знаю, удастся ли это, и боюсь, что выйдетъ только неладное и нескладное повтореніе извѣстнаго, связанное недодуманными намеками. Голова у меня слабѣетъ замѣтно, и память измѣняетъ“ [1]).

Не смотря на эти жалобы Бестужевъ не переставалъ читать, вообще работать. Въ Кастелламаре онъ принялся за переводы латинскихъ писателей. „Читаю довольно много и перевожу, хотя и не каждый день; кончилъ Катилину Саллюстія, а теперь работаю надъ рѣчью Цицерона противъ Катилины. Перечелъ недавно всего Платона: что это за человѣкъ! откуда берутся такіе гиганты!“ [2]). Кромѣ Катилины переведенъ былъ также и „Югурта“, и еще Веллій Патеркуллъ, — оба автора вполнѣ обработанные для печати;

1) Письмо 4 іюля 1883 г.
2) Письмо 4 іюля 1883 г.

но изданіе не состоялось, такъ какъ не нашлось издателя. К. Н. мечталъ потомъ о переводѣ и Юлія Цезаря.

Убѣжденнымъ классикомъ Бестужевъ-Рюминъ былъ уже давно; основательное знакомство съ древнимъ міромъ онъ ставилъ очень высоко. Въ данномъ случаѣ главною цѣлью его было ознакомить читателя съ характеромъ латинскаго автора, ввести въ его міросозерцаніе, — дать не подстрочникъ, куда тайкомъ заглядываютъ ученики при переводѣ классиковъ, а переводъ съ сохраненіемъ стиля и духа оригинала, при возможно дословной точности въ передачѣ. Бестужевъ считалъ полезнымъ такимъ образомъ знакомить съ классиками, хотя еще большее значеніе придавалъ чтенію въ оригиналѣ, сожалѣя лишь, что возможность послѣдняго наступаетъ у большинства обыкновенно довольно поздно. Онъ разсказывалъ про себя, что чуть не профессоромъ уже прочиталъ въ подлинникѣ Юлія Цезаря — о Галльской войнѣ — и былъ восхищенъ книгою, не только ея языкомъ, но и содержаніемъ, и прямо пораженъ тѣмъ, что чтеніе ея доставило ему такое удовольствіе, чего онъ именно никакъ не ожидалъ послѣ гимназическаго изученія классиковъ.

Вернувшись осенью 1883 г. въ Римъ, Бестужевъ снова очутился въ обстановкѣ языческихъ и христіанскихъ древностей, въ сферѣ искусства и исторіи. Здѣсь онъ слѣдитъ за работами Росси въ римскихъ катакомбахъ, за раскопками храма Весты на Форумѣ, ходитъ по музеямъ, перечитываетъ старыхъ писателей, знакомится съ новыми. И когда наступитъ время возвращаться въ Россію къ прежнимъ занятіямъ (въ Италіи онъ еще думалъ, что это возможно для него), то окажется, что новые интересы значительно оттѣснили прежніе: раздумывая, какой курсъ объявить въ университетѣ, новой ли Русской исторіи или исторіографіи, Бестужевъ признается, что всего болѣе ему хочется читать исторію Римскую; его останавливаетъ лишь сознаніе, что новая работа теперь труднѣе для него, чѣмъ когда либо прежде, жалуется на ослабленіе памяти и на утомленіе [1]).

Въ современной жизни итальянскаго общества всего болѣе интересовали Бестужева явленія изъ міра культурно-религіознаго. За эволюціей католическихъ идей онъ слѣдилъ

1) Письмо 29 октября 1883 г.

тѣмъ охотнѣе, чѣмъ непоколебимѣе была собственная вѣра его въ истину и торжество православія. Вотъ между прочимъ что читаемъ мы въ одномъ изъ мартовскихъ его писемъ за 1884 г.: „Статью Аксакова[1]) читалъ и, конечно, вполнѣ согласенъ съ нимъ. Нельзя же не видѣть вины католицизма, и надо быть предубѣжденнымъ, чтобы не понять, что папа не отречется отъ вѣковыхъ преданій. Стало быть надо идти къ нему, — зачѣмъ? надо жертвовать ему истиною, тогда какое же это будетъ примиреніе? Если католицизмъ когда либо сознаетъ свою ложь, что, можетъ быть, и будетъ (но не въ большинствѣ вождей), тогда дѣло иное. Здѣсь есть партія, подходящая къ старо-католикамъ: у нихъ свой журналъ (Laboro), свои церкви, и они читаютъ лекціи. Такъ недавно одинъ изъ нихъ читалъ объ церковныхъ имуществахъ, разумѣется, въ смыслѣ противномъ. Мнѣ не удалось быть на лекціи, но по статьямъ Laboro, который иногда покупаю, я знакомъ съ ними. Едва ли впрочемъ это движеніе приведетъ къ намъ. Послѣдователей у нихъ немного; сами они едва ли пожелаютъ сблизиться съ Восточною церковью, на которую на Западѣ какъ-то привыкли смотрѣть свысока; масса же или невѣжественно-фанатична, или индифферентна (въ среднемъ классѣ между мужчинами такихъ много); эта послѣдняя часть не любитъ поповъ и всего скорѣе пойдетъ если не въ позитивизмъ или атеизмъ, то въ протестантизмъ. Соединеніе церквей еще далеко. Когда мы ясно выступимъ всемірно-культурною силою, что должно быть, тогда будетъ дѣло другое; это, конечно, будетъ, но когда? Мы до этого едва ли доживемъ, хотя только вѣрою въ это поддерживается жизнь. Иногда представится вдругъ, что мы сами разрушаемъ то, что должны были бы сдѣлать, и станетъ страшно. Достоевскій говорилъ мнѣ разъ: „Православіе драгоцѣнная жидкость въ скудельномъ сосудѣ. Если мы разобьемъ сосудъ, протестантизмъ подберетъ черенками капли и будетъ жить этими каплями“. Тяжело это думать, и Богъ этого не допуститъ. Провидѣніе руководитъ міровою жизнью по предназначенному пути. Вотъ почему и думается: зачѣмъ же

---

1) Передовая въ № 6 „Руси“ за 1884 г. Авторъ полемизируетъ въ ней съ Вл. С. Соловьевымъ, по поводу статьи послѣдняго: „О народности и народныхъ дѣлахъ Россіи“, помѣщенной въ „Извѣстіяхъ Спб. Славянск. Благотворит. Общества“ 1884, февраль.

такъ много дано нашему народу, зачѣмъ такою долгою и трудною дорогою онъ шелъ? вѣроятно, затѣмъ, что его призваніе велико, что ему суждено умственно преобладать въ извѣстную эпоху въ мірѣ; вѣроятно, что эта эпоха не очень отдаленная: приближеніе ея чуется" [1]).

Между тѣмъ наступала пора собираться обратно въ Россію. Съ грустью покидалъ К. Н. вѣчный городъ, съ которымъ онъ сжился и сроднился. „Разстаюсь съ Римомъ" — пишетъ онъ — „не безъ горя: очень я его люблю и всетаки не хорошо знаю" [2]). Дѣлая „частыя прогулки" — пишетъ онъ въ другомъ письмѣ — „всякій разъ увидишь что-нибудь новое: Римъ неисчерпаемъ. Даже и тамъ, гдѣ, кажется, все уже видѣлъ, если пойти во второй и даже третій разъ, увидишь невиданное или незамѣченное прежде; потомъ просмотрѣвъ что-нибудь, заглянешь туда, сюда, и опять оказывается, что видѣлъ или не все, или не вполнѣ. Совершенно раздѣляю мнѣніе тѣхъ, которые говорятъ, что чѣмъ дольше живешь въ Римѣ, тѣмъ болѣе любишь его. Папа Григорій XVI говорилъ тѣмъ, кто уѣзжалъ, не долго проживъ, „прощайте", а тѣмъ, кто жилъ долго, „до свиданія". . .[3]). Бестужевъ пользуется оставшимся временемъ и торопится осмотрѣть что еще не видалъ, пересмотрѣть что видѣлъ раньше. Письма, посвященныя впечатлѣніямъ видѣннаго, интересны прежде всего тѣмъ, что наглядно знакомятъ насъ, какъ подходилъ К. Н. къ тому или иному памятнику, на какую сторону обращалъ вниманіе, чѣмъ главнымъ образомъ интересовался.

„Сегодня ѣздилъ на Монте Маріо, гдѣ уже былъ; но въ тотъ разъ не проникъ на террассу виллы Мелини, что удалось сегодня. Видъ изумительный! Передъ зрителемъ весь Римъ: на первомъ планѣ Тибръ съ Мильвійскимъ мостомъ, гдѣ Константинъ разбилъ Максенція (помните картину въ Станцахъ, рисованную ученикомъ Рафаэля по его эскизу?); направо Ватиканъ. Ѣхавши сегодня по аллеѣ вдоль Тибра, мы проѣхали мимо Ватикана, который возвышался надъ нами всею своею массою и выдавался своими садами, гдѣ прежде всего поражаетъ дерево, покрытое мелкимъ лиловымъ цвѣ-

1) Письмо 26 марта 1884 г.
2) Письмо 5 апрѣля 1884 г.
3) Письмо 3 марта 1884 г.

томъ, что здѣсь зовутъ — говорятъ — іудинымъ деревомъ; за Ватиканомъ виднѣется Петръ; налѣво возвышается Тринита дель Монте, а съ нею рядомъ вилла Медичи (Французская академія, гдѣ чудный садъ въ итальянскомъ вкусѣ, съ аллеями, статуями, саркофагами, бесѣдками, съ видомъ вдаль и т. д.) и Пинчіо. Вдали подымаются два купола С. Марія-Маджіоре съ прелестною колокольнею XIII в. С. Марія-Маджіоре — цѣлый архитектурный музей: подъ фасадами Возрожденія — старая церковь и тутъ же средневѣковая колокольня. Фасадовъ два: это страсть Возрожденія — и фасады, и колокольня, и внутренность церкви не согласуются между собою; а все вмѣстѣ производитъ какое-то смѣшанное впечатлѣніе. Въ Римѣ часты такія странности; зданія носятъ печать всѣхъ эпохъ исторіи, и едва ли хоть одно вышло цѣлостнымъ, а какую-то особенную цѣлость придало имъ время. Таковъ характеръ Рима! Любопытно, напр., взглянуть на фонтанъ Треве: это архитектурное безобразіе: этотъ фасадъ несуществующаго дома, наполненный статуями; этотъ лжеклассическій Нептунъ и такіе же тритоны. Здравый смыслъ осуждаетъ все это; но вода бѣжитъ такими разнообразными каскадами, по мѣстамъ проступаетъ зелень между камнями; но воды такъ много въ водоемѣ, что не только миришься съ Треве, но еще приходишь имъ любоваться, особенно когда солнце играетъ въ водѣ. Уѣзжающіе изъ Рима ходятъ пить туда воду, чтобы опять возвратиться. Несмотря на то, что я былъ у Треве въ прошломъ году въ тотъ самый день, когда захворалъ, я не могу достаточно налюбоваться имъ, когда его вижу. Думаю до отъѣзда видѣть замокъ Св. Ангела (гробницу Адріана), куда имѣю позволеніе" [1]).

Осмотръ катакомбъ оставилъ по себѣ глубокое впечатлѣніе; дѣлясь имъ въ письмѣ, Бестужевъ останавливается на разныхъ деталяхъ, вспоминаетъ мелкія подробности. Катакомбы — одна изъ дивныхъ страницъ христіанской исторіи, и онъ съ волненіемъ глубоко религіознаго человѣка развертываетъ и читаетъ эту страницу. „Завтра ѣду изъ Рима" — пишетъ онъ — „и, признаюсь, не безъ сожалѣнія: такъ многаго я еще не видѣлъ. Сегодня ѣздилъ въ катакомбы Домициллы, гдѣ древняя (разрушенная и только съ надстроен-

1) Письмо 25 апрѣля 1884 г.

ною крышею и что подъ крышею) базилика св. Петрониллы, въ которой сохраняется и алтарный абсидъ, и ряды колоннъ, и капелла Петрониллы съ древними барельефами, и древніе саркофаги; катакомбы почти не видѣлъ; только въ подземельѣ, спускаясь къ капеллѣ, видѣлъ нѣсколько алтарей съ арками надъ ними — мѣста погребенія уважаемыхъ мучениковъ, въ такомъ родѣ [1]). На аркѣ надъ алтаремъ бываетъ изображеніе (какъ у св. Каликста) и локулусы (отверстіе въ стѣнѣ для положенія тѣлъ) [2]). Эти локулусы всегда были заложены плитами, иногда съ надписью, или эмблемою (голубь, якорь, пальмовая вѣтвь и т. п.), иногда съ прибитымъ маленькимъ сосудомъ, въ которомъ, говорятъ, хранится кровь мучениковъ. На дняхъ видѣлъ, подлѣ гробницы на Латинской дорогѣ, тоже старую базилику. У арки Тита видѣлъ тоже развалины церкви Санта Марія Антика. Глубокое чувство овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ входитъ въ катакомбы и эти старыя оставленныя церкви, — здѣсь росло христіанство, не то христіанство, которое въ противность словъ Христа возвысило папу (окруживъ архангелами каѳедру св. Петра въ С. Піетро) превыше всего; не то христіанство, которое въ іезуитской церкви грубымъ, безвкуснымъ великолѣпіемъ стремится подчинить себѣ массы; а то христіанство, которое вело людей изъ катакомбъ въ церкви и амфитеатры, которое давало возможность отвѣчать и Нерону, и Домиціану. Вчера, ходя по Палатину вслѣдъ за археологомъ Капонари, который безплатно объясняетъ массѣ римлянъ и иностранцевъ древности Рима, снова видѣлъ я во дворцѣ Домиціана базилику (мѣсто суда) Палатинскую, въ которой Лаврентій предсталъ передъ цезаря. Въ такой же базиликѣ, теперь несуществующей, апостолъ Павелъ стоялъ передъ Нерономъ. Капонари не орелъ; но нельзя не позавидовать этимъ странствующимъ профессорамъ, которые массѣ объясняютъ древности родной страны. Скоро ли будутъ такіе же въ Москвѣ, Новгородѣ, Кіевѣ? Дождемся ли до того, что вполнѣ откроется Московскій музей и представимъ опытныхъ и благосклонныхъ проводниковъ? Какъ это должно поднимать и смыслъ, и патріотизмъ массъ! Пріятно

---

1) Здѣсь въ текстѣ письма находится рисунокъ, сдѣланный отъ руки.

2) Тоже.

было вчера видѣть (то же я видѣлъ раза два на форумѣ, тоже съ Капонари) толпу, тихо слушающую слова профессора и съ любопытствомъ слѣдующую за нимъ. Доступъ въ университетъ открытъ также всѣмъ; къ сожалѣнію, мнѣ не удалось быть на лекціяхъ о римской топографіи Ланчіани, но я былъ на лекціяхъ о Берлинскомъ конгрессѣ: лекціи мѣднаго гроша не стоятъ (имени профессора я не помню); я былъ на двухъ и далѣе не пошелъ; но мнѣ понравилось и настроеніе аудиторіи, тихое и серьезное, и то, что всѣ могутъ ходить" [1]).

Изъ этихъ писемъ лучше всѣхъ объясненій, какъ живая, возстаетъ передъ нами разносторонне образованная, чуткая, даровитая натура ихъ автора. Эти письма — точно умная, изящная бесѣда образованнаго человѣка, съ неистощимымъ запасомъ мысли, готовыхъ сопоставленій, мѣткихъ наблюденій. Собесѣднику остается лишь затронуть тему, да намѣтить направленіе, въ какомъ дѣлать эти сопоставленія — больше ему не о чемъ заботиться. Что иностранецъ восторгается дивными памятниками старины — это неудивительно, особенно если онъ очутился на благодатной почвѣ Италіи, гдѣ каждый камень дышетъ и рисуетъ яркими чертами образы прошлаго; гораздо труднѣе *разобраться* въ своемъ восхищеніи, отдать себѣ въ немъ отчетъ, уяснить, что̀ именно привлекаетъ васъ въ каждомъ данномъ случаѣ. Для этого необходимо прежде всего широкое образованіе, способность къ анализу, чуткое пониманіе красоты. Всѣмъ этимъ Бестужевъ обладалъ въ достаточной степени, и вотъ почему видѣнная картина, статуя или архитектурное зданіе обыкновенно вызывали въ его памяти то блестящую мысль, вычитанную у какого либо писателя, то мѣткую характеристику, вели, наконецъ, къ сопоставленію и собственному разсужденію. Часы, проведенные К. Н. въ римскихъ музеяхъ и галлереяхъ, не были простымъ, такъ сказать, пассивнымъ наслажденіемъ, воспринятіемъ чего-либо готоваго, — это были моменты творческой работы ума, который не только беретъ, но и созидаетъ. Удивительно ли, что такія минуты были для него поистинѣ минутами высокаго эстетическаго наслажденія? . . .

---

1) Письмо 29 апрѣля 1884 г.

Но если мы хотимъ уловить основную черту въ многообразіи тѣхъ впечатлѣній, что̀ вынесъ Бестужевъ-Рюминъ изъ своего пребыванія въ Италіи, намъ слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду, что это наблюденія не эстетика и не ученаго археолога, хотя эстетическое чувство, пониманіе красоты было, какъ я сейчасъ замѣтилъ, вообще довольно сильно развито въ К. Н., археологическая же подготовка, несомнѣнно, тоже была далеко не заурядна. Но то, къ чему онъ подходилъ, освѣщалось въ его глазахъ преимущественно свѣтомъ этики, насущныхъ запросовъ жизни. Въ археологической подробности, въ изящномъ образѣ онъ ищетъ главнымъ образомъ отвѣта на тѣ же вопросы, что̀ волновали его одинаково и въ Россіи, и за-границей, на каѳедрѣ и за рабочимъ столомъ. Человѣческое общество никогда не было для него отвлеченною схемой, сухимъ матеріаломъ для теоретическихъ построеній. Наслажденіе красотою, наслажденіе знаніемъ, — все это лишь отголосокъ другихъ, болѣе высокихъ запросовъ мыслящаго ума. Катакомбы, развалины церкви, остатки языческой колонны, скульптурный обломокъ — все это будитъ въ немъ мысль о томъ, какъ *жили* люди прежде, какъ *надо* жить теперь и какъ подойти къ отвѣту на мучительный, неотступный вопросъ: „Въ чемъ же истина?“

Только когда наступило время отъѣзда, понялъ Бестужевъ, какъ дорогъ сталъ ему Вѣчный городъ. Онъ признается, что его удерживаетъ на мѣстѣ не столько плохая погода, не столько художникъ, рисовавшій съ него портретъ, сколько самъ онъ, этотъ Римъ. Съ каждымъ новымъ днемъ К. Н. все болѣе проникается горькою мыслью, какъ много остается еще такого, чего онъ не видалъ, какъ мало знаетъ онъ даже и то, что уже видѣлъ. „На страстной, напримѣръ“ — пишетъ онъ въ новомъ письмѣ — „былъ я въ Сикстинской капеллѣ и Станцахъ, въ который разъ уже, не знаю, но все мало. Сегодня съѣздилъ въ Ватиканскій музей скульптуры: сколько̀ тамъ сокровищъ, и сколько лѣтъ занятій, труда и изученія нужно, чтобъ все усвоить или хотя бы понять смыслъ той великой цивилизаціи, передъ жалкими остатками которой останавливаешься въ Ватиканѣ! Сколько же еще погибло отъ варваровъ настоящихъ и варваровъ цивилизованныхъ! Въ одномъ изъ писемъ я передавалъ свои впечатлѣнія отъ термъ Діоклетіана. Весь цивилизованный міръ полонъ остатковъ этой цивилизаціи: ихъ собираютъ

въ музеяхъ, ихъ изучаютъ, имъ подражаютъ, а точно ли ихъ вполнѣ знаютъ! о подражаніи я уже не говорю: какъ бѣдна скульптура новаго времени (за исключеніемъ Микель Анджело, въ которомъ жилъ духъ древнихъ, поддержанный еще мощнымъ дыханіемъ Данта), если сравнить ее съ древнею! До сихъ поръ еще трудно описать всѣ эти остатки по школамъ и эпохамъ, до сихъ поръ еще трудно отличить копію отъ подлинника, а между тѣмъ сколько сдѣлали Винкельманъ и его школа! Кстати о Винкельманѣ, что за прелесть вилла Альбани, имъ устроенная, и сколько сокровищъ въ ней! Сады въ строгомъ итальянскомъ вкусѣ (что мы зовемъ французскимъ), прямыя аллеи, массы цвѣтовъ и такое обиліе свѣта — какъ все это гармонируетъ съ произведеніями скульптуры, собранными такимъ знатокомъ, какъ Винкельманъ! А Ватиканскіе музеи! Зала Греческаго креста напоминаетъ тепидарію бань (Каракаллы, Діоклетіана, изъ которой Микель-Анджело устроилъ церковь С. Марія ди Анджели), и круглая зала — Пантеонъ: посреди великолѣпная мозаика; на ней громадная чаша, сверху своды Пантеона, а по бокамъ въ нишахъ такія дива, какъ голова Зевса, достойнаго супруга Юноны Людовизи, передъ которою ежедневно молился язычникъ Гете и которая потому только не всѣхъ поражаетъ, что на виллѣ Людовизи поставили ее слишкомъ низко для ея колоссальныхъ размѣровъ (существуетъ только голова), Антиной и т. д. и т. д. Былъ на дняхъ въ Капитолійскомъ музеѣ и смотрѣлъ „умирающаго гладіатора", Праксителева фавна и чудные ряды императорскихъ бюстовъ, на основаніи которыхъ Амперъ создавалъ свои блистательныя и остроумныя, хотя и легкія, характеристики: строгіе историки, какъ Дюрюи, противъ него, какъ многіе были противъ Мишлэ, которому, какъ въ романѣ Бальзаку, хотѣлось опредѣлить лица по обстановкѣ; но и то и другое болѣе возможно, чѣмъ снится строгимъ историкамъ, хотя и требуетъ значительной степени сдержанности при сильномъ развитіи фантазіи — задача очень трудная! Говоря объ обстановкѣ, не могу не пожалѣть, что не былъ еще на виллѣ Адріана (близъ Тиволи), одно описаніе которой (напр. у Буасье) возбуждаетъ въ самой сильной степени любопытство.

„Да одно искусство сколько времени требуетъ для своего изученія; здѣсь и греко-римская скульптура, и египетская, и римская архитектуры (совершенно оригинальная) и живо-

пись, и архитектура поздняго Возрожденія, и древне-христіанское искусство, и манерное искусство временъ паденія (іезуитская церковь, произведенія Бернини, Марроти, а отчасти и Гвидо). Сколько вопросовъ: почему и отчего? встаетъ и точнаго разрѣшенія не получаетъ. Тэнъ со своею философіею искусства дѣлаетъ много намековъ, вы соглашаетесь съ нимъ, что вся обстановка, весь складъ жизни стоитъ въ связи съ искусствомъ, что національность тутъ играетъ большую роль, а далѣе . . . далѣе все темно. Мнѣ кажется, что только съ просвѣтлѣніемъ въ области метафизики, съ сознаніемъ истиннаго смысла міровой жизни (насколько оно доступно человѣку), съ сознаніемъ служебнаго значенія всѣхъ проявленій духа человѣческаго — всѣхъ народностей, служебнаго значенія въ виду одной свыше предназначенной цѣли — можетъ и наука объ искусствѣ, какъ всякая другая наука, стать на надлежащее мѣсто: вѣдь все, начиная отъ религій и государствъ древности до искусства ея служило школою человѣчеству и служитъ до сихъ поръ. Чѣмъ болѣе расширяется школа, тѣмъ выше требуется духъ народа, который могъ бы совмѣстить въ себѣ предыдущее и создать нѣчто новое. Много нужно было силы для этого творческаго подвига въ древнемъ мірѣ, когда они даже своихъ предшественниковъ знали не всѣхъ (Римъ взялъ Грецію, Египетъ, переднюю Азію; Евреевъ до христіанства презрѣлъ; Вавилона и Ниневіи не зналъ, а карѳагенскую цивилизацію задавилъ). Что же нужно теперь, когда мы близко знаемъ цивилизаціи предшествовавшія классической, заглянули въ такую глубь вѣковъ, о которой баснословили только прежде, когда передъ нами еще христіанская цивилизація Востока и Запада и позитивизмъ новаго времени, который (въ своей ограниченной сферѣ) тоже играетъ роль во всемірномъ развитіи? Я понимаю, почему то, что легко было Данту, не удалось Гете: поле шире, а центральной идеи нѣтъ! Въ позитивизмѣ вымираетъ часть міра, колыбель котораго здѣсь въ Римѣ и двойная колыбель: новый міръ выросъ на римской цивилизаціи и доживаетъ идеи, впервые выразившіяся въ Возрожденіи XVI в., попробовавшемъ сдѣлать синтезъ языческой и христіанской цивилизаціи и охромѣвшемъ (вспомните Пушкина: Байронъ въ Манфредѣ боролся съ великаномъ романтической поэзіи (т. е. Гете) и остался хромъ, какъ Іаковъ) въ этомъ синтезѣ; грозно встали противъ него въ

протестантизмѣ силы анализа и узкое нравственное чувство, какъ бы въ наказаніе за то, что Римъ Возрожденія забылъ о нравственномъ чувствѣ, весь погрузясь въ наслажденія жизни и искусства. Этимъ началомъ живетъ міръ; стремленіе подчинить первое второму есть плодъ движенія и конца XVIII в. и начало конца, ибо первое выше второго и можетъ и должно подчиниться высшему, а высшее есть религіозное, конечно, не узко понятое, какъ понимали средніе вѣка.

„Если обо многомъ, о чемъ говорю теперь" — пишетъ К. Н. въ припискѣ — „я говорилъ уже въ письмахъ, то простите за повтореніе: въ Римѣ всѣ эти мысли не отступаютъ отъ меня. Сколько бы хотѣлось сказать еще, но до другого раза" [1]).

30 апрѣля 1884 г. Бестужевъ-Рюминъ покинулъ Римъ съ тѣмъ, чтобы ѣхать въ Россію. „Очень хотѣлось" ему попасть въ Парижъ: „не видать Парижа нельзя, хотя и можно быть въ Римѣ и не видать папы, что̀ я и сдѣлалъ, не смотря на представлявшіеся случаи" [2]), но этому желанію не суждено было осуществиться: К. Н. поѣхалъ прямо домой. По дорогѣ онъ останавливался, отдыхалъ, и первою большою остановкою была крошечная республика С. Марино.

Государственный строй ея, столь мало похожій на политическія формы Западной Европы, восхитилъ Бестужева. Съ настроеніемъ и впечатлѣніями, какія вынесъ К. Н., посѣтивши этотъ оригинальный уголокъ, хорошо знакомитъ насъ письмо его, писанное оттуда же. „Сегодня у васъ большой праздникъ [3]), а я не вижу его, какъ не видѣлъ праздниковъ прошлаго мая [4]). Сегодня не разъ мыслью былъ я дома и душею желалъ намъ видѣть русскій горизонтъ очищеннымъ отъ всякихъ наносныхъ тучъ, въ старыхъ московскихъ преданіяхъ. Пожеланія, которыми я привѣтствовалъ въ адресѣ нынѣ царствующаго государя [5]), снова приходятъ мнѣ на

---

1) Письмо 20 апрѣля 1884 г.

2) Письмо 9 апрѣля 1884 г.

3) 6 мая 1884 г. въ Россіи праздновалось совершеннолѣтіе Наслѣдника Цесаревича — нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора.

4) Коронаціонныхъ.

5) К-ну Н-чу принадлежалъ собственно первоначальный проектъ этого адреса; но въ дальнѣйшей редакціи его принимали участіе и

умъ, и все мнѣ кажется, что слова пословъ московскихъ старицѣ Марѳѣ: „Московскіе люди понаказались и въ единеніе пришли“ скоро должны повториться. Здѣсь, въ этой землѣ тысячелѣтнихъ преданій, имѣющей такъ мало общаго съ государствами новой Европы и немного общаго съ Швейцаріей, какъ-то лучше еще чувствуется вся тщета политическихъ похотей XIX-го в. Вчера я былъ у капитана (одного изъ двухъ капитановъ-президентовъ республики; другой не живетъ въ городѣ). Я разсказывалъ ему освобожденіе крестьянъ, на что онъ сказалъ: „Государь самодержавный, если онъ настоящій государь, всегда лучше конституціоннаго короля“. Конституція, по мнѣнію капитана, есть правленіе главнымъ образомъ аферистовъ, стремящихся набить карманъ; на что сидѣвшій тутъ же начальникъ милиціи указалъ на примѣръ желѣзнодорожныхъ вопросовъ въ итальянскомъ парламентѣ. Домъ капитана старый, мебель простая (проще даже моего кабинета), но единственное украшеніе: довольно большая библіотека старыхъ юридическихъ книгъ и римскихъ классиковъ и прекрасное изображеніе св. Марина. Когда мы вышли съ начальникомъ милиціи, я хвалилъ простоту жизни капитана, такъ тотъ сказалъ: „Роскошь губитъ республики; если мы не живемъ роскошно, мы не возбуждаемъ зависти“. И дѣйствительно, простота жизни доведена у сановниковъ С.-Маринскихъ до высшей степени: капитанъ сидитъ въ сюртучкѣ въ родѣ того, въ которомъ я ходилъ на лекціи, и въ ермолкѣ; гости сидятъ въ шляпахъ. Уваженіе къ правительству полное; но это правительство не демократія новѣйшая: главная власть — совѣтъ изъ 60 членовъ (20 дворянъ, 20 горожанъ и 20 крестьянъ домовладѣльцевъ). Члены эти пожизненные и сами выбираютъ на мѣсто выбывшихъ; они же избираютъ капитановъ на полгода (капитанъ получаетъ 180 фр., т. е. по нашему курсу 60 руб. въ полгода; за эту цѣну въ Петербургѣ повара не найти) и судей; судьи должны быть не изъ С. Марино, чтобы никому не дружили. Это тоже очень умная мѣра для такой неболь-

---

другіе члены Славянскаго общества, отъ имени котораго онъ подавался. Окончательную же руку къ этому адресу приложилъ тогдашній (1881 г.) петербургскій градоначальникъ. Адресъ напечатанъ въ сборникѣ: „Первыя 15 лѣтъ существованія Спб. Славянскаго Благотвор. Общества“, стр. 669.

шой земли (ихъ всего 8000 жителей, а въ городѣ съ предмѣстіемъ 1500 чел.). Вообще земля преинтересная, о которой стоитъ даже написать" [1]).

И Бестужевъ, дѣйствительно, первое время по возвращеніи въ Россію носился съ мыслью дать очеркъ жизни и устройства маленькой республики. Его прельстила идиллическая простота ея быта, патріархальные нравы; въ этомъ мирномъ уголкѣ съ нѣсколько сентиментальной обстановкой онъ испыталъ тотъ душевный отдыхъ, который вообще такъ мало зналъ въ своей жизни; но когда прошло первое впечатлѣніе, то, разумѣется, онъ не могъ не почувствовать, насколько эта идиллія, прекрасная для крошечнаго С. Марино, мало пригодна къ большимъ обществамъ. Однако на всю жизнь въ душѣ К. Н. залегъ симпатичный ему образъ миніатюрнаго государства.

Отдохнувъ въ Венеціи, Бестужевъ черезъ Мюнхенъ и Берлинъ вернулся въ половинѣ іюня 1884 г. въ Россію, послѣ болѣе чѣмъ полуторагодичнаго пребыванія за-границей. Вотъ какъ самъ онъ резюмировалъ результаты своей поѣздки: „Путешествіе дало мнѣ много впечатлѣній и много знанія: присматриваясь и прислушиваясь къ жизни Запада, я еще болѣе укрѣпился въ вѣрѣ въ будущность нашего племени; но лично для меня эти впечатлѣнія приходилось часто схватывать на лету, что̀ въ мои годы очень тяжело; многаго я не видѣлъ; въ многое не успѣлъ вникнуть, и то почувствовалъ страшное утомленіе. Все болѣе и болѣе прихожу къ убѣжденію, что мнѣ нужно спокойствіе, а какъ его достигнуть? очень жалѣю часто, что не попалъ ранѣе, когда чувства были живѣе, и мысль подвижнѣе. Впрочемъ будетъ то, что Богу угодно. На этой мысли можно успокоиться. Богъ явилъ мнѣ много милости и, вѣрю, не оставитъ меня" [2]).

1) Письмо 6 мая 1883 г.
2) Письмо 4 іюня 1884 г.

XV.

Интересы литературные.

Въ главахъ, посвященныхъ собственно научной дѣятельности Бестужева-Рюмина, мы уже имѣли случай видѣть, какими широкими рамками опредѣлялъ онъ содержаніе исторіи. Не довольствуясь обязанностью историка охватить въ своемъ изученіи *всѣ* стороны развитія жизни даннаго общества, Бестужевъ-Рюминъ даже отказывалъ въ самостоятельномъ значеніи такимъ дисциплинамъ, какъ исторія литературы, исторія церкви или исторія права, видя въ нихъ не болѣе, какъ частные побѣги, развѣтвленія одной основной дисциплины — собственно исторіи. И такой взглядъ не былъ для него однимъ теоретическимъ положеніемъ: онъ постоянно примѣнялъ его на практикѣ. Церкви, праву и литературѣ удѣлено очень видное мѣсто въ его „Русской Исторіи"; внимательно слѣдитъ онъ за ними и въ болѣе мелкихъ работахъ; да и въ собственной библіотекѣ Бестужева эти отдѣлы были представлены весьма обстоятельно.

Всего больше однако изъ этихъ „развѣтвленій" интересовался Бестужевъ *литературой;* послѣдняя, помимо соображеній чисто научныхъ, дорога была ему еще и по тому художественному наслажденію, какое онъ получалъ, занимаясь ею. Въ особенности въ послѣднія десятилѣтія, послѣ отставки, любилъ К. Н. искать эстетическаго отдыха за чтеніемъ русскихъ и иностранныхъ писателей, которыхъ зналъ, особенно выдающихся, превосходно. Множество статей, библіографическихъ замѣтокъ и рецензій, написанныхъ имъ въ разное время, могутъ служить доказательствомъ сказаннаго. Да и въ дружеской бесѣдѣ онъ зачастую пересыпалъ свою рѣчь выраженіями, заимствованными изъ того или другого писа-

теля, любилъ извлекать *прекрасное,* въ особенности изъ забытыхъ уголковъ литературнаго міра.

Съ своими любимыми авторами мысленно, кажется, онъ никогда и не разставался. Достаточно было одного слова, намека, и К. Н. уже оживлялся, стремительно доставалъ книгу и начиналъ читать. Читалъ онъ вообще хорошо, немножко нараспѣвъ, по старинному, обыкновенно весь уходя въ чтеніе, съ нѣсколько торжественной декламаціей, слегка скандируя и подчеркивая не слова, какъ дѣлаютъ новѣйшіе чтецы, а цѣлыя фразы. На него вообще дѣйствовалъ самый ритмъ стиха, и онъ иногда сопровождалъ свое чтеніе невольнымъ красивымъ жестомъ руки, соотвѣтствующимъ этому ритму. Умѣнье оттѣнить самое прекрасное во всякомъ поэтѣ, выдвинуть индивидуальность писателя иногда прямо поражало. Глубокое пониманіе поэзіи и проникновеніе ею составляло одно изъ отличительныхъ свойствъ Бестужева-Рюмина; въ поэзіи онъ находилъ неисчерпаемый для себя источникъ наслажденій, въ нее онъ уходилъ отъ мірской суеты и охотно дѣлился сокровищами своихъ знаній и чувствъ съ окружающими близкими. Самъ никогда неписавшій стиховъ, онъ *чувствовалъ* ихъ красоту, всецѣло проникался ею. Однажды въ одномъ изъ своихъ писемъ К. Н. назвалъ себя романтикомъ. „Вы можете сказать: заговорилъ старый романтикъ! Что же съ этимъ дѣлать? романтикомъ я выросъ, романтикомъ и останусь до могилы". Конечно, на этомъ „романтизмѣ" лежатъ слѣды той эпохи, подъ вліяніемъ которой прошла молодость К. Н.; но въ то же время, несомнѣнно, онъ былъ принадлежностью и его утонченной души, выраженіемъ тѣхъ неясныхъ, но возвышенныхъ стремленій человѣческаго духа, которымъ нѣтъ названія на человѣческомъ языкѣ и отзвукомъ которыхъ служатъ не исключительно только одно содержаніе поэтическаго произведенія, но также и таинственная прелесть гармоніи стиха.

Мы видѣли выше, что еще студентомъ знакомъ былъ Бестужевъ съ произведеніями *Ж. Зандъ.* Французская писательница составляла для него цѣлую эпоху, и увлеченіе ею совпадало съ дорогими годами юности. Любопытно, что одинъ изъ новѣйшихъ романовъ Ж. Занда [1]) К. Н. не захо-

---

1) *Flamarande.*

тѣлъ дочитать до конца, единственно потому что самая постановка, развитіе дѣйствія претило его нравственному чувству [1]).

Бальзакъ увлекалъ тонкимъ психологическимъ анализомъ людей и явленій своего времени. Бестужевъ разсказывалъ, что однажды заперся у себя дома и въ теченіе мѣсяца читалъ одного Бальзака: впечатлѣніе, разумѣется, было самое тяжелое. Особенно цѣнилъ онъ его „Les illusions perdues".

Тревогу безпокойнаго сердца, болѣзненную нервность и раздвоенность XIX вѣка хорошо передалъ *А. де Мюссе,* особенно въ своемъ романѣ: „Confession d'un enfant de siècle". Кромѣ этого произведенія, любилъ Бестужевъ и его поэтическія „Ночи" и съ увлеченіемъ читалъ „Введеніе" къ „Rolla", гдѣ съ особою силой выражена тоска безвѣрья, страданія души, утратившей вѣру и томящейся безъ нея.

Въ болѣе спокойномъ настроеніи Бестужевъ охотно прислушивался къ разсказу *Вальтера-Скотта,* котораго сравнивалъ съ Плутархомъ (послѣдняго онъ называлъ Херонейскимъ Вальтеръ-Скоттомъ) или перечитывалъ *Теккерея,* по силѣ таланта ставя его гораздо выше *Диккенса,* а *Фильдинга* еще выше Теккерея. *Шиллеровскіе* „Боги Греціи" переносили его въ столь любимый имъ свѣтлый греческій міръ, а на изящную прозу *Вольтера* онъ любилъ указывать, какъ на образецъ, отъ котораго весьма далека современная литература. Отдавалъ К. Н. должное и глубинѣ поэтическаго чувства у *Лонгфелло.* Изъ современныхъ романистовъ выше всѣхъ ставилъ онъ *Дж. Элліота,* особенно превознося ея „Ромола", — эту блестящую картину эпохи Возрожденія, изображеніе такого исключительнаго по замыслу и исполненію характера, какъ самъ герой романа.

Однако всѣ перечисленные писатели отступали на задній планъ и совершенно стушевывались въ глазахъ Бестужева передъ двумя гигантами западноевропейской художественной мысли — *Дантомъ* и, особенно, Шекспиромъ. Какъ въ Гомерѣ и Виргиліи нашелъ свое выраженіе древній міръ, какъ вторая часть Фауста пыталась, правда, далеко не съ тѣмъ совершенствомъ (меньшая опредѣленность эпохи служила помѣхою), достигнуть того же для новаго времени, такъ и въ

---

1) Разсказъ ведется отъ лица лакея, подсматривающаго за своими господами.

„Божественной комедіи“ геніально воплотилось все міросозерцаніе средневѣковья. Особенно цѣнилъ К. Н. послѣднюю часть — „Рай“, а въ ней характеристику Франциска Ассизскаго. Съ восторгомъ прочитывалъ онъ заключительныя строфы поэмы, гдѣ поэтъ смолкаетъ въ благоговѣйномъ созерцаніи сіянія Пресвятой Троицы. Помнится также и то особенное выраженіе, съ какимъ читалъ онъ то мѣсто изъ „Ада“, гдѣ Дантъ описываетъ свою встрѣчу съ душами, что̀ были на землѣ ни холодными, ни горячими. „Взгляни и пройди мимо“, — и холодомъ вѣяло отъ звука этихъ словъ въ чтеніи Бестужева. Для него, дѣйствительно, ничто не могло быть отвратительнѣе равнодушія, мѣщанскаго самодовольства. „Толпа стучится“, съ болью замѣчалъ онъ, опасаясь, какъ бы современныя газеты, популярныя изданія не убили серьезной книги, а фотографія и литографія — живописи. Его пугалъ примѣръ Америки, гдѣ нѣтъ ни ученыхъ, ни преданій. Вообще онъ боязливо смотрѣлъ на демократизацію современнаго общества, лелѣя мысль объ умственной аристократіи съ вождями, способными направлять толпу. Желая широкаго распространенія образованности, онъ боялся полуобразованія съ его неизбѣжнымъ спутникомъ — тщеславіемъ; вмѣстѣ съ Б. Н. Чичеринымъ ему хотѣлось вѣрить въ наступленіе эпохи синтетической, гдѣ свобода соединена съ порядкомъ, а искусство съ демократизаціей, безъ упадка самого искусства.

Настоящимъ эрудистомъ въ области западноевропейской литературы проявилъ себя Бестужевъ-Рюминъ въ *Шекспирѣ*. Онъ давно уже изучалъ его, внимательно слѣдя за всѣми вновь выходящими комментаріями, старательно подбирая всѣ сколько-нибудь выдающіяся монографіи и критики, посвященныя англійскому драматургу. Обширная коллекція (едва ли не полностью) изданій „великаго сердцевѣдца“ составляла одну изъ драгоцѣнныхъ составныхъ частей обширной библіотеки Бестужева-Рюмина. Изящное изданіе Шекспира въ нѣсколько миніатюрныхъ томиковъ никогда не покидало К. Н.: онъ не разставался съ нимъ и въ своихъ поѣздкахъ въ Италію или Крымъ. Не даромъ Бестужевъ считалъ себя однимъ изъ первыхъ шекспиристовъ въ Россіи. Выше себя онъ ставилъ проф. Стороженка. Разумѣется, деликатная натура К. Н. никогда не позволяла ему этимъ кичиться; никогда не выставлялъ онъ познаній своихъ на видъ, а исклю-

чительно развѣ въ кругу близкихъ людей; но по совѣсти знатокомъ Шекспира онъ себя считалъ и принималъ какъ должное, когда къ нему обращались за совѣтомъ, за справкою или указаніемъ. Новѣйшіе переводчики „Гамлета“ — имена ихъ хорошо извѣстны любителямъ изящной литературы — охотно прислушивались къ голосу Бестужева и пользовались его свѣдѣніями. Стоитъ прочитать разборъ, сдѣланный Бестужевымъ, перевода г. Кускова шекспировской „Ромео и Юліи“ [1]), чтобы судить о тонкомъ вкусѣ критика и его обстоятельномъ знакомствѣ съ особенностями шекспировской рѣчи. Хорошо обрисовываютъ Бестужева, какъ „шекспириста“, двѣ его чисто случайныя замѣтки: одна по поводу новой репродукціи знаменитаго folio шекспировскихъ драмъ, 1623 года [2]); другая по поводу „Перикла“ [3]). И въ той, и другой видно такое же недюжинное знакомство съ знаменитымъ драматургомъ [4]).

Въ Шекспирѣ наиболѣе близки были К. Н. нѣжные и граціозные женскіе образы, а также сильные и смѣлые, тоже женскіе, характеры, особенно женщины, самоотверженно любящія (Порція). Какъ ни восхищался онъ Гамлетомъ вообще, какъ ни любовался Офеліей, а все же Дездемона была ему куда болѣе по душѣ, именно въ сравненіи съ Офеліей. Въ числѣ многочисленныхъ иллюстрацій къ Шекспиру у К. Н. былъ прелестный альбомъ „Героини Шекспира“ [5]) — его онъ особенно часто перелистывалъ, также какъ и иллюстрированное изданіе „Сна въ лѣтнюю ночь“. Не запомню, чтобъ онъ когда особенно восхищался Лиромъ, зато Корделіей любовался часто. Впрочемъ въ произведеніяхъ Шекспира у него не было дѣленія на главныя и второстепенныя, не было такого дѣленія и между героями. Онъ всѣхъ ихъ зналъ одинаково хорошо, и всѣ они, даже тѣ, которые характеризуютъ себя лишь немногими фразами, для него были близ-

---

1) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1892, № 11, стр. 190—203.

2) Письмо въ редакцію. *Библіогр. Записки* 1892, № 3, стр. 247.

3) Письма К. Н. Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени, стр. 43.

4) Ср. также одно его замѣчаніе въ предисловіи къ т. 38-му „Сборника Русск. Истор. Общества“.

5) Les héroïnes de Shakspeare ou portraits des plus belles créations du grand poète, dessinés et gravés sous la direction de M. *Charles Heath.* Le texte explicatif par M. *Benjamin Laroche.* Paris. H. Mandeville. 17, rue Guénégaud.

кими, понятными и живыми людьми. Часто, перебирая шекспировскія иллюстраціи, при видѣ лица или какой-нибудь сцены, К. Н. совершенно невольно, даже какъ будто незамѣтно для самого себя, произносилъ нѣсколько словъ или цѣлую фразу, сказанную этимъ лицомъ, — какъ разъ то, что выражало сущность характера этого послѣдняго. Трудно сказать, какая трагедія была его любимою. „Гамлета", пожалуй, любилъ онъ больше всего: съ героемъ этого произведенія у К. Н. было родство душъ; но тутъ же просятся быть названными „Сонъ въ лѣтнюю ночь", „Буря"; за ними сейчасъ же придутъ на память „Отелло", „Венеціанскій купецъ", „Ромео и Юлія", „Антоній и Клеопатра", въ особенности „Зимняя сказка" съ ея граціозной героиней, потомъ „Цимбелинъ", „Какъ вамъ будетъ угодно" и т. д., и т. д. — чуть не все, что писалъ великій драматургъ.

Въ области русской литературы Бестужева-Рюмина можно смѣло назвать однимъ изъ самыхъ тонкихъ ея знатоковъ и цѣнителей. На первомъ планѣ здѣсь стоялъ, разумѣется, *Пушкинъ*. Передъ нимъ К. Н. преклонялся, относился съ восторженнымъ благоговѣніемъ. Въ великомъ поэтѣ для Бестужева соединялись пластика Батюшкова, музыкальность Жуковскаго, высота Державина, какъ бы воплотилась сама поэзія, идеальная красота во всей своей полнотѣ.

Ты любишь съ высоты
Скрываться въ тѣнь долины малой;
Ты любишь громъ небесъ
И также внемлешь ты
Журчанью пчелъ надъ розой алой.

Обѣ эти стороны — и торжественная, и нѣжная — чарующимъ образомъ, по мнѣнію К. Н., сливались въ авторѣ „Евгенія Онѣгина". . . Во всякомъ настроеніи находилъ К. Н. въ Пушкинѣ отвѣтъ на запросы своей души. Пушкинъ всегда его радовалъ, оживлялъ, служилъ неизсякаемымъ источникомъ наслажденія; Бестужевъ зналъ произведенія геніальнаго поэта въ совершенствѣ, чуть не всѣ наизусть, постоянно читалъ ихъ, а сверхъ того каждое лѣто перечитывалъ вообще всего сполна. Онъ отлично помнилъ, въ какомъ году написано какое стихотвореніе, гдѣ оно въ первый разъ появилось, и не только произведенія болѣе за-

мѣчательныя, но даже и второстепенныя. „Puschkin und kein Ende“ — могъ бы сказать въ примѣненіи къ себѣ К. Н. .·.

Бестужевымъ было сдѣлано сличеніе „Евгенія Онѣгина“ по разнымъ изданіямъ [1]), написано нѣсколько критическихъ статей. Обладая „большимъ критическимъ чутьемъ и несомнѣннымъ талантомъ литературнаго критика“ [2]), онъ, между прочимъ, „превосходно намѣтилъ задачу, предстоящую біографіи Пушкина, которая должна изобразить его, какъ представителя русскаго самосознанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ, какъ трудно это исполнить“ [3]). Не съумѣю сказать, что особенно цѣнилъ К. Н. у Пушкина; должно быть, „Евгенія Онѣгина“; впрочемъ онъ восхищался рѣшительно всѣмъ. Въ близкомъ кругу онъ любилъ читать вслухъ того или другого поэта или самому слушать чужое чтеніе. Единственнымъ исключеніемъ былъ, кажется, Пушкинъ: потому ли что самъ онъ хорошо зналъ его, потому ли что не ожидалъ хорошаго чтенія, но только онъ никогда, помнится, не предлагалъ читать ему этого поэта. И самъ его другимъ не читалъ: онъ берегъ его для себя.

Бестужевъ-Рюминъ настолько трогательно относился къ Пушкину, что оскорбленіе памяти поэта возмущало его, какъ обида, нанесенная кому-нибудь изъ близкихъ, дорогихъ ему людей. Онъ негодовалъ на сына Пушкина, по его мнѣнію, недостаточно чтившаго память отца; не могъ спокойно говорить о Н. Н. Пушкиной, непонявшей своего мужа, и долго волновался, прочтя въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ воспоминанія одной современницы, сочувственно отзывавшейся о тѣхъ лицахъ и средѣ, которыя сгубили его любимаго поэта [4]). Зато его трогало малѣйшее проявленіе благоговѣнія къ поэту. Княгиня Воронцова (та, которой посвященъ „Талисманъ“) постоянно перечитывала сочиненія Пушкина; она уже перестала видѣть; ей читали вслухъ, — ничто не могло помѣшать ей нарушить вѣрность памяти своего любимаго писателя. „Теперь начнемъ сначала“, говаривала она, когда чтецъ

---

1) *Л. Н. Майковъ,* Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина. Рѣчь, стр. 5.
2) Ibidem.
3) Ibidem, 6.
4) Пушкинъ и Дантесъ-Гекернъ (изъ неизданнаго дневника). *Русскій Вѣстникъ* 1893, № 3.

доходилъ до конца. Это былъ своего рода культъ, который восхищалъ Бестужева, и онъ самъ поступалъ, какъ княгиня.

Изъ послѣдующихъ поэтовъ, по мнѣнію Бестужева, ближе всѣхъ подходилъ къ Пушкину *А. Н. Майковъ.* Нашъ историкъ цѣнилъ его за поэтическое чутье, за чувство мѣры, охотно читалъ и особенно высоко ставилъ его сказанія изъ скандинавскаго эпоса; съ наслажденіемъ декламировалъ „Брингильду"; плѣняла его и суровая красота „Бальдура". Послѣдняго онъ ставилъ даже выше первой, находя въ немъ еще бо́льшую выдержанность и въ стилѣ, и въ духѣ. Чтеніе Майкова естественно наводило на сравненіе съ двумя другими однородными ему поэтами: Полонскимъ и Фетомъ. *Полонскаго* Бестужевъ считалъ за самаго умнаго, но наименѣе надѣленнаго поэтическимъ даромъ изъ всѣхъ трехъ поэтовъ; наиболѣе поэтичнымъ — *Фета,* именно въ мелкихъ лирическихъ стихотвореніяхъ, что̀ такъ хорошо рисуютъ мимолетное чувство, неуловимые оттѣнки душевнаго настроенія; зато чего недостовало ему, по мнѣнію К. Н., это именно ума. Когда Бестужеву указывали, что Фетъ со своими полувысказанными вздохами, съ своимъ изображеніемъ отдѣльныхъ моментовъ, какъ ни далекъ отъ нынѣшнихъ декадентовъ, а все же стоитъ на пути отъ Пушкина къ нимъ, К. Н. морщился, но соглашался: очень ужъ ему не хотѣлось признавать за Фетомъ какое-нибудь отношеніе къ декадентству, котораго онъ не выносилъ.

Отношеніе къ поэзіи *Алексѣя Толстого* было болѣе сдержанное. Въ „Князѣ Серебряномъ" К. Н. находилъ искаженіе Іоанна Грознаго, говоря, что „это точно обиженный потомокъ удѣльныхъ князей писалъ; подъ этимъ романомъ и самъ князь Курбскій могъ бы подписаться". Выше ставилъ онъ „Драматическую трилогію", особенно „Царя Бориса"; еще выше — баллады Толстого. Насколько въ „Серебряномъ" К. Н. находилъ отступленіе отъ исторической правды, настолько въ балладахъ цѣнилъ выдержанность стиля, вѣрность историческихъ типовъ. „Донъ Жуанъ" не нравился изъ-за дешевыхъ эффектовъ и остротъ сатаны, изъ-за ходульности пролога, напоминавшаго ему балаганъ и театръ маріонетокъ, — пролога, гдѣ „птицы говорятъ, цвѣты живутъ, ангелы поютъ, облака тоже поютъ — все это и безжизненно, и не сценично". Красивыя описанія, разнообразіе и выразительность размѣра „Іоанна Дамаскина"

подкупали больше, чѣмъ пышныя и звучныя строфы „Грѣшницы“, хотя и въ „Дамаскинѣ“ для Бестужева диссонансомъ звучали слова:

Воспой же, страдалецъ, воскресную пѣснь,
Возрадуйся жизнію новой!
Исчезла коснѣнія долгая плѣснь,
Воскресло свободное слово!

Въ этихъ стихахъ ему слышались, не знаю, насколько основательно, намеки на цензуру и ея строгости, а такихъ намековъ на вопросы дня К. Н. въ поэзіи допускалъ не иначе, какъ только въ сатирѣ. Зато именно сатиры А. Толстого, извѣстныя своимъ остроуміемъ („Сонъ Попова“, „Русская исторія“), онъ очень любилъ и охотно читалъ ихъ наизусть. Вообще въ А. Толстомъ Бестужевъ видѣлъ, кажется, болѣе придворнаго, чѣмъ поэта, серьезнымъ человѣкомъ его не считалъ и на стихахъ его любилъ отдохнуть въ тѣ минуты, когда чувствовалъ себя усталымъ, но нравственно спокойнымъ.

Зато въ болѣе мрачныя минуты К. Н. любилъ перебирать *Баратынскаго,* останавливаясь чаще всего на стихотвореніяхъ или грустныхъ, или мрачно разочарованныхъ [1]). Баратынскій былъ ему дорогъ, какъ воспоминаніе молодости, и въ такомъ духѣ были всѣ его разговоры о немъ. Изъ его произведеній Бестужевъ перечитывалъ всего охотнѣе „Истину“, какъ бы находя въ ней отголосокъ тому, что было самому ему близко и понятно:

О счастіи съ младенчества тоскуя,
Все счастьемъ бѣденъ я;
Или во вѣкъ его не обрѣту я
Въ пустынѣ бытія? . . .

Въ послѣдніе годы у Бестужева хранился завѣтный экземпляръ стихотвореній Баратынскаго, когда-то имъ же подаренный своей матери.

Искренность и задушевность чувства всегда подкупали нашего историка; вотъ почему съ большимъ сочувствіемъ слѣдилъ онъ за поэтическимъ творчествомъ современнаго

---

1) Книжку произведеній этого поэта мы, напримѣръ, видимъ въ его рукахъ въ тѣ мучительные дни, которые онъ проводитъ у постели умирающей матери, и когда въ его дневникѣ встрѣчаются отмѣтки такого рода: „страшно“, „ужасно“, „день тяжелый“ (декабрь 1880 г.).

поэта, произведенія котораго появляются въ печати за подписью *К. Р.* Онъ ихъ охотно перечитывалъ, любуясь изяществомъ картинъ и мысли; особенно нравились ему: „Будда", „Св. Себастіанъ", „Венеція", „Мостъ вздоховъ", „Мертвое море", „Сфинксъ", и др.

Въ *Языковѣ* и *Батюшковѣ* К. Н. любилъ красоту, пластичность стиха и яркость картинъ. Пластичность Батюшковскаго стиха онъ противоставлялъ музыкальности Жуковскаго, а у Языкова любилъ его стихотворенія, посвященныя морю, такія яркія и дающія мощные величавые образы: „Изъ бездны морской бѣлоглавая встала", „Буря на морѣ", „Пловецъ" и т. д.

Въ *Вяземскомъ* болѣе всего Бестужевъ цѣнилъ тонкій изящный аристократизмъ ума, воспитаннаго на блестящей эпохѣ 20-хъ г.г., защитника литературныхъ и общественныхъ преданій. К. Н. всегда съ горькимъ чувствомъ смотрѣлъ, какъ мало связи у современнаго поколѣнія съ прошлымъ, и когда это горькое сознаніе давало себя чувствовать особенно сильно, то любилъ вмѣстѣ съ Вяземскимъ повторять:

Нашъ міръ — имъ храмъ опустошенный,
Имъ баснословье — наша быль,
И то, что пепелъ намъ священный —
Для нихъ одна нѣмая пыль.

Въ устахъ К. Н. слова эти были жалобой наболѣвшей души, которую глубоко оскорбляло неосторожное прикосновеніе къ тому, что для него составляло, можно сказать, настоящій культъ. Память Вяземскаго Бестужевъ-Рюминъ почтилъ публичною рѣчью, въ которой особенно подчеркнулъ уваженіе поэта къ традиціямъ прошлаго, къ старинѣ [1]). Но одного этого уваженія, вмѣстѣ съ тонкимъ и изящнымъ умомъ, конечно, еще недостаточно было, чтобы стать крупнымъ талантомъ. Бестужевъ хорошо чувствовалъ это; въ одномъ изъ его писемъ находимъ слѣдующую сжатую и мѣткую характеристику поэта: „О Вяземскомъ скажу, что, во-первыхъ, онъ парадоксаленъ (таково его предпочтеніе Дмитріеву передъ Крыловымъ), во-вторыхъ, въ его взглядахъ (не 1848 г.,

1) Публичное засѣданіе Имп. Академіи Наукъ 19 октября 1892 г. Спб. 1892.

потому что Фонвизинъ написанъ въ 30-хъ) отразились пренія Пушкинской партіи съ Полевымъ, Надеждинымъ, которыхъ Бѣлинскій считался преемникомъ, къ чему присоединилось личное нерасположеніе къ Полевому (вначалѣ вѣдь они работали вмѣстѣ); затѣмъ Вяземскій вообще человѣкъ болѣе остроумный, чѣмъ глубокій, и образованіе его свѣтское; не въ іезуитскомъ же пансіонѣ могъ онъ получить серьезное образованіе; наконецъ, онъ долго жилъ съ корифеями нашей литературы и такъ подчинился имъ, что всякое сужденіе о нихъ считалъ невѣжествомъ и даже святотатствомъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ послѣдователемъ французскихъ критиковъ классическаго періода, которые жили преданіями XVII-го вѣка. Это не мѣшаетъ ему быть умнымъ человѣкомъ" [1]).

Бестужевъ всегда сожалѣлъ о томъ, что у насъ мало цѣнятъ и почти забыли старика *Державина*. Онъ считалъ его однимъ изъ величайшихъ поэтовъ по силѣ таланта, искренно восхищаясь метафизической высотою оды „Богъ", съ увлеченіемъ читая „Вельможу", „Властителямъ и судіямъ".

Жуковскаго онъ любилъ, но въ общемъ читалъ мало, хотя всегда охотно. Жуковскій, особенно если рѣчь заходила о его балладахъ, напоминалъ Бестужеву его дѣтство. Самъ для себя Бестужевъ охотнѣе перечитывалъ письма поэта, чѣмъ его стихотворенія. Повидимому, великій романтикъ интересовалъ К. Н., болѣе какъ человѣкъ, нежели какъ художникъ. Бестужевъ вообще не приписывалъ ему большого ума, но зато умилялся предъ чистотою души этого, по его выраженію, „хрустальнаго человѣка", чья религіозность напоминала ему піэтическое настроеніе его отца. Выше[2]) я упоминалъ о вліяніи Жуковскаго на складъ нравственныхъ понятій Бестужева въ его дѣтскіе годы. Эта духовная связь не порывалась никогда, нося характеръ дружбы и сердечности. Помню, какъ лѣтомъ 1879 г., собираясь, больной, ѣхать въ Крымъ и запасаясь книгами, онъ заботливо откладывалъ собраніе сочиненій Жуковскаго. Десять лѣтъ спустя, также въ Крыму, онъ снова за тѣмъ же чтеніемъ. „Въ послѣдніе дни" — сообщаетъ онъ — „читалъ Жуковскаго. Какое вы-

1) Письмо 1 декабря 1889 г.
2) См., въ главѣ I, стр. 4.

сокое настроеніе и какъ одинаково это настроеніе во всю его жизнь! Давно я не читалъ сряду Жуковскаго. Перечитывать его мнѣ потому пріятно, что онъ былъ (вмѣстѣ съ Карамзинымъ) моимъ первымъ учителемъ нравственности. Знаю, что оба они нынче не въ „авантажѣ обрѣтаются", но для меня это все равно: старые друзья всегда ближе новыхъ, а это очень старые друзья: я сблизился съ ними еще до поступленія въ гимназію (т. е. до 1840 г.). Вотъ почему и теперь я читаю ихъ съ одинаковымъ восторгомъ. Мы романтики, а въ новомъ поколѣніи почти все реалисты. Въ романтизмѣ есть особое сладостное чувство. Меня Жуковскій переноситъ въ старые годы; кажется, видишь то мѣсто, на которомъ читалъ ту или другую пьесу. Послѣднія произведенія Жуковскаго, писанныя въ позднѣйшіе годы, не имѣютъ того вліянія, которое имѣютъ старыя. Вотъ почему *Одиссею* я люблю менѣе, чѣмъ *Орлеанскую Дѣву*" [1]).

Бестужевъ-Рюминъ не признавалъ въ Жуковскомъ чистаго романтика, хотя указывалъ на оттѣнки романтизма даже въ „Одиссеѣ". Истинными же представителями русскаго романтизма онъ считалъ *Бестужева-Марлинскаго* и *Полевого* (Московскій Телеграфъ); отъ Марлинскаго онъ велъ и *Лермонтова* въ изображеніи бурной страсти. Послѣдняго изъ только-что названныхъ поэтовъ Бестужевъ читалъ едва ли не рѣже всего. Зналъ онъ его прекрасно и помнилъ отчетливо, когда и гдѣ было напечатано какое произведеніе. Время славы Лермонтова совпадало съ его юностью, и эти воспоминанія остались навсегда свѣжи и ярки. Всего болѣе любилъ онъ „Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ": это были воспоминанія дорогого дѣтства, воспоминанія о тѣхъ сильныхъ впечатлѣніяхъ, что̀ вынесъ онъ когда-то изъ чтенія этого произведенія, и о тѣхъ разговорахъ, какіе тогда велись въ его присутствіи. Больше всего читалъ онъ Лермонтова въ юбилейный годъ, когда замѣчалъ и сравнивалъ всѣ варіанты и охотно толковалъ о сравнительныхъ достоинствахъ разныхъ изданій; но, насколько помнится, въ разговорѣ Лермонтова Бестужевъ никогда не цитовалъ.

Умѣлъ цѣнить Бестужевъ остроумныя эпиграммы и граціозныя картины *Щербины;* не прочь былъ позабавиться и

---

1) Письмо 7 ноября 1889 г.

шуткою *Мятлева, Давыдова,* „Свистопляской“ *Добролюбова*... *Кольцова* признавалъ писателемъ талантливымъ, пріобрѣталъ новыя изданія, но читалъ его вообще рѣдко. Еще рѣже (въ послѣдніе годы, кажется, даже никогда) читалъ онъ *Некрасова;* впрочемъ ему нравился „Рыцарь на часъ“: онъ находилъ его „трогательнымъ“.

Во время болѣзни, въ минуты утомленія, онъ любилъ перечитывать стариковъ-романтиковъ: *Загоскина, Вельтмана* и др.; онъ читалъ ихъ поочередно, одного за другимъ, а то доставалъ свою завѣтную тетрадь-альбомъ и перелистывалъ ее... Вообще „старина“ была окружена въ глазахъ Бестужева постояннымъ ореоломъ; онъ часто любилъ уходить въ нее мыслями и въ этихъ безмолвныхъ воспоминаніяхъ черпать, если не новыя силы, то по крайней мѣрѣ отраду и минутный отдыхъ, которыхъ было такъ мало въ послѣдніе годы и дни его потухающей жизни.

Особую категорію поэтовъ составляли *Тютчевъ* и *Хомяковъ*. Въ нихъ поэзія сочеталась съ направленіемъ, сочувственнымъ Бестужеву. Онъ цитовалъ ихъ, особенно перваго, постоянно, и не только въ бесѣдѣ устной, но и въ статьяхъ. Въ Хомяковѣ выше всего цѣнилъ онъ религіозныя идеи, патріотизмъ и, конечно, идею славянскую, но собственно литературныя и поэтическія его достоинства ставилъ не особенно высоко. Оно и понятно: мыслитель заслонялъ въ Хомяковѣ поэта.

Тютчева Бестужевъ-Рюминъ тоже ставилъ высоко, и какъ поэта, и какъ поборника славянской идеи. По художественности формы, онъ предпочиталъ его и Хомякову, но какъ мыслителю отводилъ ему, конечно, болѣе скромное мѣсто. Хомякова можно цитовать относительно только большими отрывками, мысль же Тютчева ясно и ярко выражается зачастую въ какихъ-нибудь двухъ-трехъ строкахъ. Поэтому Тютчева К. Н. нерѣдко цитовалъ не только въ статьяхъ или торжественныхъ рѣчахъ, произносимыхъ въ Славянскомъ обществѣ, но и въ устной бесѣдѣ, въ дружескомъ разговорѣ. Въ минуты подъема духа онъ искалъ въ немъ поэтическаго выраженія своихъ историческихъ надеждъ, политическихъ чаяній; стихотворенія Тютчева служили отголоскомъ и его патріотическому чувству, и идеямъ общечеловѣческаго характера. Кромѣ того любилъ онъ у Тютчева и его изящныя, граціозныя описанія природы.

Въ своемъ мѣстѣ было указано, что Хомякова Бестужевъ ставилъ наравнѣ съ Ломоносовымъ и Пушкинымъ; добавлю къ этому, что онъ не могъ удержаться отъ осужденія, когда по смерти *Тургенева,* послѣднему нѣкоторые изъ его почитателей присвоивали названіе учителя. „Какой онъ учитель?“ — возражалъ на это К. Н. — „вотъ учитель — Хомяковъ, этотъ, по слову Самарина, „отецъ церкви“; учитель — Достоевскій, а остальные могутъ назваться только въ субъективномъ смыслѣ, какъ я говорю: „мой учитель П. И. Мельниковъ“, а какой же онъ учитель? . . . Хомяковъ же учитель въ высшемъ и серьезномъ смыслѣ этого слова“ [1]). Едва ли надо оговариваться, что вышеприведенныя слова никоимъ образомъ не могутъ служить характеристикою взгляда Бестужева-Рюмина на Тургенева. Эти слова лишь показатель того, какой высокій смыслъ соединялъ онъ со словомъ „учитель“, — не болѣе. Конечно, К. Н. не такъ любилъ Тургенева, какъ Достоевскаго, не съ такимъ живымъ и горячимъ интересомъ относился къ нему, какъ къ Толстому; особыхъ симпатій къ автору „Дыма“ онъ, поклонникъ старыхъ славянофиловъ, понятно, чувствовать не могъ, но онъ цѣнилъ его и не закрывалъ глаза на его положительную роль въ исторіи развитія русской общественной мысли. Въ устной бесѣдѣ онъ часто признавалъ, что наше, младшее, поколѣніе имѣетъ всѣ основанія любить Тургенева, потому что воспиталось на немъ, на его изящной, художественной прозѣ, точно такъ, какъ его, Бестужева, поколѣніе воспиталось на прозѣ Карамзина и стихахъ Жуковскаго.

Изъ представителей изящной прозы предпочтеніе передъ всѣми Бестужевъ отдавалъ *Гоголю.* Онъ цѣнилъ не только его поэтическія произведенія, но и „Переписку“, а лекцію „О среднихъ вѣкахъ“ считалъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ изображеній этой эпохи. Въ критическихъ замѣткахъ Бестужева не мало указаній на то, какъ тонко понималъ онъ сложный характеръ и внутренній міръ этого писателя. Въ этомъ отношеніи авторъ „Мертвыхъ Душъ“ привлекалъ его, какъ неразгаданная тайна, а по авторитетному замѣчанію Л. Н. Майкова, „загадочная личность Гоголя объяснена К. Н. едва ли не вѣрнѣе, чѣмъ всѣми другими, писавшими“о немъ [2]).

---

1) Письмо 15 сентября 1883 г.

2) *Л. Н. Майковъ,* Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина. Рѣчь, стр. 6.

Отъ Гоголя Бестужевъ велъ *Достоевскаго,* передъ которымъ преклонялся, какъ передъ духовнымъ вождемъ. Достоевскій увлекалъ его глубиной своего психологическаго анализа. У меня подъ рукою нѣсколько писемъ К. Н., въ которыхъ рѣчь идетъ о Достоевскомъ, любопытныхъ въ особенности по сопоставленіямъ съ другимъ гигантомъ нашей литературы, — *гр. Л. Н. Толстымъ.* Я воспользуюсь этими письмами, чтобы подробнѣе ознакомиться со взглядами Бестужева на этихъ двухъ писателей.

Зимою 1889—1890 г., живя въ Ялтѣ, за чтеніемъ Карамзина, С. Симона, Mme Sévigné, въ промежутокъ между работой надъ мелкими рецензіями и замѣтками для „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія" и „Русскаго Вѣстника", онъ, въ видѣ отдыха, читаетъ „Карамазовыхъ", „Преступленіе и Наказаніе", „Анну Каренину". Авторъ „Бѣсовъ" ему симпатичнѣе. Еще въ 1882 г., посѣтивъ, передъ поѣздкой за-границу, гр. Л. Н. Толстого въ его усадьбѣ Ясная Поляна, Бестужевъ пишетъ: „Видѣлъ Толстого; онъ произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе: онъ до сихъ поръ все ищетъ и по моему стоитъ не на прямой дорогѣ. Достоевскій мнѣ болѣе по сердцу" [1]).

Теперь, окончивъ „Карамазовыхъ" и принимаясь за „Войну и Миръ", онъ говоритъ: „Толстой послѣ Достоевскаго производитъ особое впечатлѣніе, которое я себѣ еще не вполнѣ осмыслилъ: мнѣ кажется, что Толстой какъ-то идетъ отъ общества къ человѣку, т. е. изучаетъ человѣка въ обществѣ; Достоевскій идетъ отъ человѣка. Кромѣ того у Толстого не слышится, или если и слышится, то какъ-то неопредѣленно, присутствіе чего-то высшаго, онъ ищетъ его и не находитъ, и, по моему, и до сихъ поръ не нашелъ. Достоевскій же знаетъ, гдѣ это высшее и въ него вѣритъ глубоко. Словомъ, Толстой эпическій поэтъ, или еще болѣе мемуаристъ въ родѣ Сенъ-Симона, глубокій наблюдатель общества и человѣка въ обществѣ. Достоевскій — моралистъ. Толстой теперь вообразилъ себя учителемъ и совершенно напрасно: онъ художникъ, живописецъ. Еще замѣчаніе: у Толстого, кажется, нѣтъ любви къ людямъ; Достоевскій любилъ всѣхъ, а въ особенности слабыхъ. Къ народу, несмо-

1) Письмо 4 іюля 1882 г.

тря ни на Каратаева, ни на севастопольскихъ солдатъ, Толстой все таки относится, какъ баринъ. Достоевскій же прямо и просто любитъ народъ. Страховъ сказалъ правду, когда говорилъ, что „Бѣдные люди“ поправка „Шинели“. Вотъ что надумалось при этомъ чтеніи, но выдавать этого за готовое рѣшеніе не могу, это личное впечатлѣніе“ [1]).

Черезъ полгода, въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ, находимъ слѣдующія строки: „Читаю все Достоевскаго. Тяжело такъ же à la longue, какъ нѣкогда, когда я болѣе мѣсяца читалъ только Бальзака, котораго не даромъ Достоевскій такъ любилъ. Конечно, Достоевскій выше, но сходство (въ впечатлѣніи) все же есть. Теперь читаю „Преступленіе и Наказаніе“ и только-что кончилъ „Униженныхъ“. Прочелъ всѣ повѣсти, „Дневникъ“ и еще въ Алуштѣ „Карамазовыхъ“. Сколько глубины, сколько ума, сколько любви, а читать тяжело, особенно чувствуется это на „Преступленіи и Наказаніи“ (болѣе даже чѣмъ на „Мертвомъ домѣ“), можетъ быть, потому что я читаю его, не знаю, въ который разъ. Помню, когда читалъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, я оставался дома одинъ и пошелъ въ кухню, чтобы видѣть живое лицо. Увлекся имъ, а слѣдовало бы читать Сенъ-Симона“ [2]).

Читать Достоевскаго „очень мучительно“; онъ „какъ-то держитъ“, „разстраиваетъ нервы“. Достоевскій „разсказываетъ, какъ будто самъ очевидецъ и безъ всякихъ эпическихъ пріемовъ. У него и невѣроятному вѣришь и въ самомъ неожиданномъ мѣстѣ нападешь на такое глубокое замѣчаніе, которое такъ и рѣзнетъ по сердцу. Невозможный, единственный талантъ! На Бальзака онъ только нѣсколько похожъ, но какъ-то внѣшне“ [3]).

Въ концѣ мая Бестужевъ дочелъ Достоевскаго и взялся за Толстого. „Читаю Каренину: какая эпичность разсказа, какая ширина рамы! [4]) сравненіе невольно напрашивается: этотъ великій талантъ, такъ ярко рисующій общество, стоитъ вдали отъ его интересовъ (настоящихъ) и даже не понимаетъ

---

1) Письмо 20 октября 1889 г.

2) Письмо 20 мая 1890.

3) Письмо 25 мая 1890 г.

4) Въ дневникѣ 1875 г., подъ 3 апрѣля, записано: „Прочелъ Анну Каренину. Сколько простоты и вмѣстѣ съ тѣмъ тонкости наблюденія!“ Подъ 5 мая: „Анна Каренина — роскошь“.

ихъ; онъ одобряетъ только интересы ближайшіе. Собственно какъ ни тяжело читать Достоевскаго, какъ ни мучатъ его герои, какъ ни мало у него эпическаго спокойствія, нельзя не сознаться, что Достоевскій глубже, человѣчнѣе, выше, состраданіемъ дышетъ каждая его страница, а у Толстого слышится строгій приговоръ моралиста и никакого сожалѣнія. Это странно, но это такъ. Кажется, что-то подобное я уже писалъ" [1]).

Эта сравнительная оцѣнка двухъ писателей съ достаточною ясностію вскрываетъ намъ, почему одинъ изъ нихъ завоевалъ себѣ бо́льшія симпатіи: къ Достоевскому у Бестужева больше лежало сердце, такъ какъ въ немъ онъ видѣлъ больше любви и состраданія — мотивъ, находящійся въ полной гармоніи со всѣмъ міросозерцаніемъ К. Н. Онъ вѣдь и самъ съ любовью подмѣчалъ въ другихъ малѣйшее проявленіе хорошихъ сторонъ человѣческой натуры; онъ вѣдь и самъ охотно прощалъ недостатки ближняго. Дурное, какъ бы оно ни велико было, не въ состояніи было затемнить, въ глазахъ К. Н., и самый слабый лучъ свѣта. Едва ли не больше всего изъ произведеній Достоевскаго нравились ему „Братья Карамазовы", — именно личность Зосимы. „Какъ кстати" — говорилъ Бестужевъ — „въ этой грустной эпопеѣ разврата вставленъ эпизодъ отца Зосимы — сколько любви, глубокаго проникновенія въ душу человѣческую, сколько утѣшительныхъ надеждъ! Да, великъ тотъ духъ, который создалъ старца Зосиму и умѣлъ найти просвѣтъ въ загрязненной душѣ Дмитрія Карамазова. Вотъ что надо читать, перечитывать, изучать. Вѣры, больше вѣры надо человѣку: вѣра родитъ и бодрость, и радость, о которой говоритъ отецъ Зосима. Вотъ о чемъ надо молиться и къ чему надо стремиться. Прочелъ я статью Страхова объ Аѳонѣ. Хорошо тамъ для души утомленной. Правда, говорятъ, что онъ черезъ чуръ раскрасилъ монашество, скрывъ его дурныя стороны, о которыхъ Достоевскій вспомнилъ. Правда; но хорошія стороны существуютъ, и ихъ онъ изобразилъ" [2]).

---

1) Письмо 31 мая 1890 г.
2) Письмо 16 октября 1889 г.

XVI.

Религіозныя воззрѣнія.

Разносторонній ученый, тонкій эстетикъ, горячій патріотъ — Бестужевъ-Рюминъ былъ въ то же время и глубоко религіознымъ человѣкомъ. Въ наше время подобныя сочетанія не только рѣдки, но для большинства отзываются противорѣчіемъ, порождаютъ недоумѣніе: столь трудною оказывается попытка примирить область „знанія" съ областью „вѣры". Между тѣмъ Бестужевъ для себя нашелъ такое примиреніе. Вѣра поддерживала К. Н., просвѣтляла внутренній міръ его; она же вносила свѣтъ и въ самое знаніе. Религія никогда не была внѣшнимъ, случайнымъ придаткомъ для него; болѣе того: она являлась однимъ изъ главныхъ, если не самымъ главнымъ устоемъ всей его жизни. „Я глубоко убѣжденъ" — замѣтилъ онъ какъ-то — „что безъ вѣры ничто въ мірѣ не совершается благого, и въ томъ, что горе постигаетъ то общество, отъ кого Богъ во гнѣвѣ отводитъ свою охраняющую десницу" [1]). Такимъ образомъ религія, какъ понималъ ее Бестужевъ-Рюминъ, отнюдь не была для него однимъ простымъ теоретическимъ положеніемъ: голосъ разума говорилъ въ унисонъ съ голосомъ сердца.

„Истины, нужныя для души, всѣ въ Св. Книгѣ" — писалъ и повторялъ онъ не разъ — „читайте эту книгу и молите Бога, чтобы онъ указалъ вамъ, какъ при свѣтѣ ея понимать дѣла людскія. Вспомните „Звѣзды" Хомякова. Вспомните, что самый сильный умомъ и характеромъ изъ тѣхъ, кто занимался русскою исторіею, всегда стоялъ на религіозной почвѣ. Вѣра и дала силу и крѣпость его историческимъ

---

1) Письмо 4 іюля 1882 г.

взглядамъ“ [1]). Такая же вѣра, твердая, ясная, жила въ душѣ и К. Н. Онъ рѣдко обнаруживалъ эту сторону своего внутренняго міра: это была для него святая святыхъ, и посторонній могъ войти туда только въ исключительныхъ случаяхъ.

Въ глазахъ Бестужева религія пріобрѣла такое значеніе собственно лишь во вторую, зрѣлую половину его жизни; раньше, въ періодъ умственныхъ скитаній, онъ увлекался идеализмомъ (съ удовольствіемъ замѣчая, что позитивистомъ все же не былъ никогда), и только позже сталъ все болѣе и болѣе проникаться сознаніемъ, что къ вѣрѣ можно и слѣдуетъ подходить путемъ одного только чувства, отнюдь не разума. Усилія послѣдняго могутъ не только остаться безплодными, но и оказаться помѣхою въ достиженіи намѣченной цѣли. „Вы напрасно думаете“ — писалъ онъ — „что единственный путь къ вѣрѣ есть философія: едва ли это такъ. Философія можетъ и должна привести къ идеализму, ибо только идеализмъ есть настоящая философія. Матеріализмъ и спиритизмъ слишкомъ односторонни, а позитивизмъ — совсѣмъ не философія; но и отъ идеализма до вѣры еще далеко. Вспомните, что и Ренанъ идеалистъ. Конечно, есть природы, которыя доходятъ до вѣры разумомъ, признавъ непрочность всѣхъ другихъ началъ, кромѣ Бога; но это только начало религіознаго процесса, совершающагося въ душѣ, и притомъ весьма исключительное. Большинство же или сохраняетъ наивную вѣру дѣтства, или возвращается къ вѣрѣ черезъ чувство. Философія необходима, какъ огражденіе отъ одностороннихъ ученій, какъ орудіе противъ матеріализма и позитивизма, но она можетъ быть опасна, когда, не дойдя до конца разсужденія, умъ успокоивается на промежуточныхъ ступеняхъ и скептически относится къ тому, что еще не понялъ“ [2]).

Религія — область чувства, въ чувствѣ же она и должна выражаться, и при томъ въ чувствѣ простомъ, непосредственномъ, ясномъ. Поэтому для Бестужева понятнѣе, ближе всего была ясность настроенія и трезвость религіознаго пониманія такихъ подвижниковъ, какъ Ѳеодосій Печерскій или Сергій Радонежскій. Наоборотъ, всякая приподнятость и искусствен-

---

1) Письмо 9 августа 1882 г.
2) Письмо въ октябрѣ (?) 1882 г

ность, всякая религіозная напыщенность, витіеватость въ выраженіи чувства были К. Н. столь же противны, какъ оффиціальная религіозность или сентиментальное суевѣріе. Чувство — источникъ религіи — должно быть просто, и мѣры искусственныя породятъ лишь внѣшнюю, обрядовую религіозность. Чуткій къ такому грубому смѣшенію, Бестужевъ-Рюминъ всегда возмущался тѣмъ, что нравственность и религію „у насъ считаютъ возможнымъ водворять дисциплиной и принужденіемъ“ [1]), и въ преподаваніи Закона Божія допускалъ лишь „свободные курсы, безъ балловъ и обязательности“ [2]). „Я боюсь“ — говорилъ онъ — „*обязательнаго* богословія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ съ экзаменами и баллами, ибо подобное преподаваніе только вредитъ религіи; но чрезмѣрно радъ *необязательному*. Такому невѣжеству, какъ у насъ въ дѣлѣ религіи, трудно повѣрить. Оттого у насъ такъ скоро обращаются въ католицизмъ души религіозныя и такъ сильно прививается матеріализмъ. Дѣтей *нужно* учить Закону Божію; но учить *умѣючи*“ [3]). Не трудно понять, что обязательности въ религіи, внѣшней прививки ея не могъ допустить тотъ, кто въ религіи искалъ душевнаго успокоенія и прибѣжища своему уму, всегда напряженному, вѣчно тревожному, неудовлетворенному ни въ жизни, ни въ сферѣ знанія. Не даромъ же въ теченіе всей жизни звучалъ въ его душѣ кроткій призывъ Спасителя: „Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ“, — призывъ, впервые услышанный (или, вѣрнѣе, прочтенный) имъ еще ребенкомъ, въ сельской церкви, гдѣ стоялъ образъ Христа съ этими словами [4]).

Что же говоритъ религія искреннему непосредственному чувству? Прежде всего то, что спасеніе возможно лишь черезъ борьбу, и притомъ борьбу, въ которую человѣкъ вступаетъ не по принужденію, а добровольно, по собственному влеченію. Горькое заблужденіе думать, что можно спастись принудительнымъ путемъ. Пассивно ничего не достигается. Надо идти на встрѣчу блаженства, самому хотѣть достигнуть его. Человѣкъ долженъ быть свободенъ въ исканіи блажен-

---

1) Письмо 2 ноября 1882 г.
2) Письмо 7 сентября 1883 г.
3) Письмо въ октябрѣ 1883 г.
4) См. выше, въ главѣ I, стр. 2—3, примѣчаніе.

ства. Иначе „въ чемъ бы заключалась заслуга человѣка, если бы онъ былъ поставленъ въ невозможность отклониться отъ истины, и было ли бы тогда возможно и умственное, и нравственное развитіе? люди оставались бы дѣтьми хорошаго семейства и никогда не выходили бы изъ дѣтскаго состоянія. Если для того, чтобы дѣлать чисто человѣческія дѣла, намъ нужны усилія, нужно много готовиться, много думать, много учиться и много бороться, то тѣмъ болѣе это необходимо для того, чтобы пересоздать все свое нравственное существо: „Царство небесное нудится". Это совершенно вѣрно: надо стать достойнымъ его, надо родиться вновь, какъ Христосъ сказалъ Никодиму" [1]).

Итакъ въ основу всего должна быть положена борьба со зломъ, которое есть послѣдствіе нашей ограниченности, нравственной и умственной. „Весь міръ во злѣ лежитъ" сказано недаромъ [2]). Поэтому нечего мечтать о полной побѣдѣ надъ зломъ: „Требовать, чтобы въ нашемъ мірѣ водворилась полная нравственная правда, все равно что требовать, чтобы мы знали полную истину. . . Моисею послѣ его бесѣды съ Господомъ пришлось закрыть лицо свое: блескъ его былъ нестерпимъ для окружающихъ; одно прикосновеніе къ Кивоту Завѣта убивало людей, къ тому непризванныхъ; длинное приготовленіе нужно было человѣчеству къ принятію Бога-Слова. . . Апостолъ Павелъ говоритъ, что прежде чѣмъ давать твердую пищу, людей кормятъ молокомъ" [3]). Но если полное раскрытіе истины и окончательное торжество добра надъ зломъ не по силамъ и не по средствамъ человѣка, то это отнюдь не избавляетъ насъ отъ обязанности посильно раскрывать эту истину, посильно бороться съ этимъ зломъ: чѣмъ больше усилій, тѣмъ бо́льшихъ результатовъ можно достигнуть. „Да, царствіе Божіе нудится — всегда и вездѣ; даромъ ничего не дается на свѣтѣ, да и полученному даромъ мало цѣны даютъ люди" [4]).

Такимъ образомъ первое сознаніе, съ какимъ должны мы выходить на жизненное поприще, должно быть сознаніемъ нашей ограниченности, безсилія нашего ума „перехо-

1) Письмо 11 февраля 1884 г.
2) Тамъ же.
3) Тамъ же.
4) Тамъ же.

дить извѣстный предѣлъ". Нужно ли однако поэтому отчаяваться? Значитъ ли это, что міръ, въ цѣломъ, лишенъ смысла существованія? Нисколько. Въ мірѣ существуетъ руководящая мысль и воля; и эта мысль, эта воля есть Богъ. Разъ мы это признаемъ, намъ остается лишь „подчиниться Божіей волѣ и не искушать ее. Тогда является опора въ нашей борьбѣ съ самимъ собою, а впослѣдствіи и со злымъ началомъ, господствующимъ въ мірѣ, съ „княземъ міра". Эта борьба и есть идейная борьба. Цѣль борьбы помочь себѣ и другимъ „спастись и въ разумъ истины придти" [1]). Иные, видя зло, господствующее въ мірѣ, пугаются предстоящей борьбы и, чтобъ избѣжать ее, готовы покинуть міръ. „Бѣжать изъ міра я не совѣтую, хотя и думаю, что отшельники были правы, уходя отъ него, чтобы усовершенствоваться; но правъ былъ и міръ, приходя къ нимъ за наставленіемъ и внушеніемъ. . ."

Правда, не каждый призванъ стать учителемъ: „апостолъ Павелъ признаетъ разные виды призванія: пророкъ, учитель, говорящій языками". Однако каждый человѣкъ, на какой бы ступени познанія правды ни стоялъ онъ, долженъ по мѣрѣ силъ совершенствовать, какъ самого себя, такъ и другихъ; тѣ поступаютъ несправедливо, кто высокомѣрно смотритъ на стоящихъ ниже себя. „Всякій человѣкъ имѣетъ свое призваніе и прежде всего свою обязанность: воспитать въ себѣ правду и послужить ею другимъ, въ семьѣ ли, въ обществѣ, словомъ или дѣломъ. Въ совершенство тѣхъ людей, которые, считая себя чистыми, пренебрегаютъ другими и для другихъ ничего не дѣлаютъ, или дѣлая кичатся своимъ дѣломъ, я мало вѣрю. „Всѣ мы неключимы, всѣ до единаго". Сознавать это мы должны для того, чтобы работать надъ собою и служить другимъ. Если у меня найдется слово полезное для другого, я долженъ послужить ему этимъ словомъ, хотя бы и сознавалъ за собою много грѣховъ и недостатковъ. Впрочемъ успокоиваться на этой мысли не слѣдуетъ, а слѣдуетъ все болѣе и болѣе стремиться къ совершенству" [2]).

Это самоусовершенствованіе имѣетъ въ виду не одно только земное поприще человѣка: Бестужевъ-Рюминъ твердо

---

1) Тамъ же.
2) Тамъ же.

вѣрилъ и въ загробную жизнь. „Я вѣрю въ будущую жизнь“ — писалъ онъ однажды по этому поводу — „вѣрю, что души сохраняютъ свою личность; въ этой вѣрѣ подкрѣпляетъ меня притча о богатомъ и Лазарѣ“ [1]). „Мнѣ сдается“, — читаемъ мы въ другомъ письмѣ — „что лучшая наша сторона должна сохраниться и *тамъ*. Если мы сохраняемъ личность, то не можетъ не сохраниться и нѣкоторая связь съ близкими, — въ какой впрочемъ формѣ и насколько мы не знаемъ. Мысль о томъ, что не навѣки прервана эта связь, утѣшительна. Конечно, въ новомъ бытіи тѣ, кто его удостоятся, должны будутъ поглотиться этимъ новымъ, но всетаки не до Нирваны, иначе личность пропадетъ, да и нѣтъ безсмертія души“ [2]). Какъ ни заманчиво было узнать тайну будущаго, К. Н. полагалъ, „что съ нашей стороны не слѣдуетъ подымать (или искать возможности поднять) покровъ съ того, что закрыто. Въ гордости человѣческаго разума спиритизмъ силится поднять этотъ покровъ, и въ этомъ величайшій грѣхъ спиритизма. Помните, какъ часто Христосъ предупреждалъ учениковъ своихъ о томъ, что положены предѣлы вѣдѣнію не только человѣковъ, но и ангеловъ. Представленія о будущей жизни мы не можемъ и составить себѣ, потому что тамъ условія жизни не тѣ, что здѣсь. Оттого такъ грубо матеріальны всѣ наши представленія объ этомъ предметѣ. Вѣрьте, молитесь — вотъ все, что предоставлено человѣку“ [3]).

---

1) Письмо 16 мая 1885 г.

2) Письмо 10 іюня 1890 г.

3) Письмо 16 мая 1885 г. Вотъ еще одна выписка на ту же тему: „Читая письмо митр. Филарета къ Муравьеву, напалъ я на любопытное обстоятельство: Ал. Муравьевъ, братъ Андрея, съ которымъ велась переписка, по смерти жены своей, увлекся мыслію, что будто бы — такъ говоритъ братъ его въ примѣчаніи къ письму — черезъ нѣкоторое вещественное очищеніе можно достигнуть духовнаго видѣнія усопшихъ. Вотъ что пишетъ по этому случаю Филаретъ: „Есть люди, которые силою воли сдѣлали, такъ сказать, проломъ въ духовный міръ, или думаютъ, что сдѣлали. Надобно ли? Въ порядкѣ ли? Не скромнѣе ли оставаться въ ожиданіи и надеждѣ передъ затворенными дверями града въ ожиданіи, когда отверзетъ ихъ *имѣяй ключъ Давидовъ?*“ Не подойдутъ ли эти слова и къ тому вопросу, который вы дѣлали въ прошломъ письмѣ? Если намъ не открытъ образъ сохраненія личности въ будущей жизни, не слѣдуетъ ли и намъ ждать у дверей града, пока отомкнетъ ихъ *имѣяй ключъ Давидовъ?* Кажется, лучше“. (Письмо 18 мая 1885 г.).

Выяснить свои обязанности — еще только половина дѣла: возникаетъ новая задача — отыскать вѣрный критерій своихъ поступковъ. Таковой же никоимъ образомъ нельзя создавать на субъективномъ началѣ, хотя бы и проникнутомъ самыми возвышенными стремленіями. Руководящее начало слѣдуетъ искать внѣ себя, а именно, *въ Церкви*. Вотъ почему въ религіи есть мѣсто и субъективной, и объективной сторонѣ. „Субъективная сторона — стремленіе отдѣльнаго человѣка къ мистическому единенію съ Богомъ и къ нравственному развитію и совершенствованію; объективная же — церковь, таинства, обряды. Въ Церкви основа личнаго совершенствованія, ибо человѣкъ можетъ жить только въ обществѣ другихъ; Церковь есть хранилище преданій, связь между живыми и мертвыми, коллективное единеніе съ Богомъ. Церковь есть общество, въ обществѣ необходима власть; власть въ Церкви имѣетъ духовный, семейный характеръ: священники — отцы. Въ старину власть духовная была выборная, и это основательно, ибо поручая власть надъ собою и давая право не только внѣшнее, но и внутреннее, я долженъ знать, кому даю. Священникъ долженъ быть человѣкъ чистый нравственно и возвышенный умомъ (такого требуютъ каноны): не всегда такъ бываетъ, но слѣдуетъ смотрѣть не на лицо, на санъ. Въ древней церкви каялись въ грѣхахъ общинѣ, и къ общинѣ обращается и Христосъ: „повѣждь Церкви"; то же дѣлаетъ и ап. Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ. Теперь Церковь представляется священниками, посредствомъ рукоположенія таинственно наслѣдовавшими власть апостоловъ вязать и разрѣшать. Впрочемъ даже послѣ разрѣшенія священника мы молимъ, чтобы намъ принять св. Причастіе „не въ судъ или во осужденіе", „ядый же и піяй недостойно, судъ себѣ ястъ и піетъ, не разсуждая тѣла Господня". Стало быть мало одного отпущенія священника — индульгенцій мы не знаемъ. Прибавлю еще то, что отсутствіе исповѣди потому не желательно, что человѣкъ самъ себѣ плохой судья: къ себѣ всякій снисходителенъ, и я не вѣрю тѣмъ, которые говорятъ, что строгость къ другимъ — залогъ строгости къ себѣ. Почти всегда бываетъ наоборотъ. Вспомните у Толстого строгаго судью Дамаскина, развѣ онъ не страдалъ духовною гордостью и этого порока не замѣтилъ въ себѣ. Такимъ образомъ священникъ (умный и

сердечный) можетъ растолковать человѣку, въ чемъ его грѣхъ и отчего онъ грѣхъ"[1]).

Слѣдя далѣе за взглядами Бестужева-Рюмина, мы легко поймемъ, почему придавалъ онъ въ религіи значеніе также и обрядности. Внѣшняя форма, разумѣется, не должна затмѣвать внутренняго содержанія, но и взятая въ отдѣльности она сохраняетъ свой смыслъ: она есть посильное стараніе идти по пути совершенствованія, по мѣрѣ силъ бороться со зломъ. Въ крестьянскомъ быту, замѣчаетъ Бестужевъ, есть не мало такихъ, для кого „все дѣло во внѣшнихъ обрядахъ: постѣ, свѣчахъ, поклонахъ; другіе стараются выразить вѣру свою добрыми дѣлами. Здѣсь тоже бываетъ борьба, и побѣда въ такой борьбѣ, конечно, угодна Господу, это опять лепта вдовицы"[2]). Вотъ почему самъ онъ съ чувствомъ искренно вѣрующаго обыкновенно исполнялъ предписанія православной церкви. Дни Великаго поста и особенно Страстной недѣли обыкновенно глубоко запечатлѣвались въ душѣ К. Н.; онъ перечитывалъ тогда проповѣди преосв. Иннокентія и „Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа" (того же автора). Этотъ человѣкъ, такой блестящій и остроумный, съ такимъ разностороннимъ умомъ, никогда не обнаруживавшій своего благочестія, готовился къ исповѣди и причастію съ такимъ сердечнымъ сокрушеніемъ о своихъ грѣхахъ, что невольно вызывалъ въ памяти отдаленную и забытую современнымъ нашимъ обществомъ эпоху первыхъ вѣковъ христіанства.

Изъ вышесказаннаго не трудно видѣть, насколько близкой, *своею* была для Бестужева-Рюмина сфера религіозныхъ вопросовъ, насколько вдумчиво относился онъ къ нимъ, насколько начитанъ былъ въ Св. Писаніи. Не скажу, чтобы онъ постоянно и аккуратно слѣдилъ за богословскою литературою, но во всякомъ случаѣ онъ не пропускалъ ничего выдающагося изъ того, что появлялось на страницахъ нашихъ духовныхъ журналовъ, съ живымъ интересомъ отмѣчая свѣжую мысль, оригинальное построеніе. Иной разъ, слушая его комментаріи къ какому-нибудь библейскому тексту или анализъ отвлеченнаго богословскаго трактата, невольно

---

1) Письмо 20 іюля 1883 г.
2) Письмо 11 февраля 1884 г

приходилось удивляться гибкости и разносторонности этого, казалось, всеобъемлющаго ума, которому одинаково доступны были, стройное построеніе и глубокій анализъ, конкретное воплощеніе идеи въ художественномъ образѣ и отвлеченная философская мысль. Въ умственной жизни Бестужева-Рюмина вопросы религіозные занимали всегда очень видное и важное мѣсто, и мы легко поймемъ почему: онъ искалъ въ нихъ не только знанія, но и отвѣта, какъ и на чемъ построить свой нравственный міръ.

Въ моемъ распоряженіи есть, напримѣръ, обширная и любопытная переписка К. Н. на тему о значеніи *долга и любви въ религіи.* Письма эти стоютъ нашего вниманія, и я позволю себѣ нѣсколько остановиться на нихъ. Одному изъ корреспондентовъ Бестужева показалось, что тотъ приписываетъ слишкомъ большое значеніе долгу въ религіи и отдѣляетъ его отъ любви, вмѣсто того чтобъ въ такъ называемомъ долгѣ и видѣть именно христіанскую любовь. Въ отвѣтъ на эту мысль, признавая любовь высшею силою по слову Апостола (Богъ есть любовь), К. Н. утверждаетъ, что въ человѣческомъ обществѣ всетаки на одной любви нельзя основывать религіи. Любовь есть чувство, значитъ, можетъ наклоняться то въ ту, то въ другую сторону. На шаткомъ основаніи неяснаго чувства и самая вѣра колеблется: сегодня вѣрятъ, а завтра сомнѣваются: откуда зло? зачѣмъ не всѣ люди счастливы? и т. п. Такая любовь далека отъ той, о которой говорятъ апостолы, и которая есть духовное совершенство. Къ этому совершенству религія должна стремиться, но основываться на немъ не можетъ. Апостолы, говоря о любви, противопоставляли его буквальной строгости Моисеева закона и жесткости племени къ племени, человѣка къ человѣку. „Если бы они жили въ наше время, они указали бы на возможность злоупотребленія ею [1]). Значеніе разума въ религіи выяснилось тоже позднѣе, а во времена апостоловъ приходилось бороться только противъ „эллинской мудрости“.

Религія, продолжаетъ далѣе развивать свою мысль Бестужевъ, дѣло и частное, и общественное, она не на любви

1) Подъ злоупотребленіемъ К. Н. разумѣетъ то, что у большинства людей любовь переходитъ въ т. наз. филантропію и въ извиненіе не человѣка, а самаго грѣха, который, конечно, слѣдуетъ осуждать.

основывается; не на ней основывается и долгъ — отношеніе человѣка къ другимъ и къ Богу. „Долгъ имѣетъ основу внѣ человѣка, и она есть въ ясно выраженной волѣ Божіей (въ Писаніи) и въ совѣсти, Богомъ вложенной въ каждаго человѣка". Когда говоримъ о чувствѣ долга, то разумѣемъ чуткость къ велѣніямъ совѣсти, т. е. чувство, только отчасти субъективное. Любовь же во всякомъ случаѣ есть субъективное состояніе, какъ въ своемъ Источникѣ, такъ и въ каждомъ человѣкѣ. Въ высшемъ же своемъ выраженіи (нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ. Іоан. XV, 13) любовь больше основана на долгѣ, чѣмъ долгъ на любви. Долгъ безъ любви, конечно, не имѣетъ никакого значенія: настоящій человѣкъ, въ высшемъ, христіанскомъ смыслѣ, не можетъ быть безъ любви, но одною любовью руководствоваться тоже не слѣдуетъ; ею можетъ только смягчаться строгость долга (въ примѣненіи къ другимъ). Въ будущей жизни любовь будетъ пребывать вѣчно, тогда какъ вѣра перейдетъ въ знаніе, и надежда осуществится, но здѣсь человѣку нужна и вѣра, и на вѣрѣ основанный долгъ, начало котораго заповѣдь Божія и голосъ совѣсти. „Страхъ Божій есть начало премудрости — въ этомъ смыслѣ страхъ граничитъ съ любовію, но не отожествляется. Разграниченіе этихъ понятій необходимо. Человѣку, въ его настоящемъ несовершенномъ состояніи, нужна внѣшняя сдержка, и этою сдержкою служитъ законъ". Хотя, по словамъ ап. Павла, благодать упраздняетъ законъ, „но не для всѣхъ; иначе не нужна была бы Церковь, а и ее установилъ Христосъ. Церковь есть общеніе людей, и въ этомъ смыслѣ соотвѣтствуетъ той сторонѣ человѣка, на которую указалъ Аристотель, говоря, что человѣкъ — животное общественное. Пустынники, въ своемъ уединеніи, уходя отъ міра, не укрывались отъ требованій людей, ищущихъ у нихъ себѣ удовлетворенія, успокоенія совѣсти и т. п. Нельзя уйдти отъ людей, и людей нельзя сдержать однимъ чувствомъ. Самая ограниченность нашего пониманія заставляетъ насъ держаться за что-нибудь положительное. Въ этомъ вѣра, какъ превосходно доказалъ Соловьевъ, въ своей, хотя и сжатой, но полной мысли статьѣ" [1]).

---

1) Письма 4, 18, 26 іюля, 14 августа 1883 г.

Выше было отмѣчено, что Библія для Бестужева являлась источникомъ вдохновенія и утѣшенія, источникомъ самыхъ чистыхъ наслажденій. Мало по малу Книга книгъ стала неразлучною спутницею его жизни. К. Н. плѣняла величественная простота разсказа книги Бытія; его воодушевляли пламенныя пророчества пророка Исаіи; съ умиленіемъ внималъ онъ покаяннымъ воздыханіямъ царя Давида, очень любилъ вдохновенную рѣчь Аввакума; всей душою отзывался на любвеобильныя слова ап. Іоанна, на глубокую мудрость ап. Павла. Въ теченіе многихъ лѣтъ Бестужевъ-Рюминъ имѣлъ обыкновеніе каждый вечеръ, передъ сномъ, читать нѣсколько главъ изъ Библіи. Онъ дѣлалъ это неуклонно, какъ бы ни былъ нездоровъ. Если когда по слабости (особенно часто это бывало въ послѣднюю пору) онъ не въ силахъ былъ держать книгу въ рукахъ и сидѣть у стола, то просилъ читать кого-нибудь изъ близкихъ. Этотъ обычай строго соблюдался до самой смерти и былъ нарушенъ всего лишь за 4 дня до кончины. Чтеніе велось съ такимъ разсчетомъ, чтобы закончить Библію къ концу года и снова начать ее съ начала съ наступленіемъ января. Читать Библію пославянски Бестужевъ не любилъ и читалъ ее въ русскомъ переводѣ по синодальному изданію. Раньше же онъ пользовался англійскимъ текстомъ съ примѣчаніями, такъ какъ русскій переводъ Библейскаго общества его не удовлетворялъ, по своей неполнотѣ[1]). У Бестужева было и распредѣленіе библейскихъ чтеній англійское — съ чтеніемъ на каждый день изъ книгъ историческихъ, учительныхъ и пророческихъ, — но потомъ это стѣсняло его, и съ выходомъ синодальнаго изданія онъ предпочелъ послѣднее, читая Библію просто подрядъ, сколько вздумается; а когда доходилъ до Евангелія, то читалъ его по греческому тексту. Церковнымъ распредѣленіемъ, по зачаламъ и пареміямъ, Бестужевъ обыкновенно не пользовался, главнымъ образомъ потому, что оно не обнимаетъ собою всей Библіи: какъ извѣстно, чуть не девять десятыхъ Ветхаго Завѣта не входятъ въ па-

1) Какъ извѣстно, въ немъ недостаетъ нѣкоторыхъ книгъ: второй и третьей кн. Ездры, кн. Іудиѳь, трехъ книгъ Маккавейскихъ, кн. Премудрости Соломона, Премудрости Іисуса сына Сирахова и кн. посланія Іереміи.

реміи, а изъ Новаго не входитъ въ церковныя чтенія весь Апокалипсисъ и часть Дѣяній и посланій.

Но Бестужевъ не только *читалъ* Библію: онъ также *изучалъ* ее съ помощью научныхъ комментаріевъ, ища въ ней отвѣтовъ не на одни запросы спеціально религіозные. Библія, въ особенности Ветхій Завѣтъ, въ глазахъ Бестужева, имѣла цѣну, какъ великая историческая книга, раскрывавшая пытливому уму, въ связи съ современными успѣхами по изученію древняго Востока, широкое поле для историческихъ домысловъ и соображеній. Чтобъ насладиться Евангеліемъ въ подлинникѣ, онъ, уже на закатѣ дней, выучился по-гречески. Вообще онъ внимательно слѣдилъ за каждымъ изданіемъ Библіи, наиболѣе выдающимися толкованіями ея и, не будучи присяжнымъ знатокомъ библейской литературы, однако зналъ послѣднюю довольно основательно[1]).

„Разносторонній ученый, тонкій эстетикъ, горячій патріотъ, — Бестужевъ-Рюминъ былъ въ то же время и глубоко религіознымъ человѣкомъ“ — такими словами началъ я эту главу. Чувство религіозное, дѣйствительно, было въ немъ очень развито: иному могло даже казаться, что и наука, и наслажденіе прекраснымъ, и патріотизмъ — все это въ сознаніи Бестужева проникнуто и одухотворено этимъ чувствомъ. Однако было бы ошибочно думать, что, при всей религіозности К. Н., основою его міросозерцанія была именно религія. Если она и одухотворяла для него многое такое, до чего у другихъ и не касается, то все же самъ по себѣ слишкомъ ко многому относился онъ критически, чтобы все принимать одною только вѣрою. Это критическое отношеніе однако

---

1) Однажды досталась ему на нѣсколько дней копія Евангелія съ рукописнаго перевода В. А. Жуковскаго, и онъ тотчасъ же принялся за ея чтеніе и сличеніе. Этотъ любопытный переводъ, по словамъ лицъ, читавшихъ его, мало разнится отъ синодальнаго, а гдѣ расходится съ нимъ, то тамъ почти всегда ближе къ греческому тексту. Главное отличіе его, при полномъ соблюденіи точности, бо̀льшее изящество выраженій, въ одномъ случаѣ отъ иной разстановки словъ, въ другомъ — отъ замѣны однихъ словъ другими. Переводъ Жуковскаго, по своему характеру и стилю, напоминаетъ французскій переводъ Евангелія Боссюэта.

не мѣшало ему вѣрить, хотя бы по одному тому, что онъ *хотѣлъ* вѣрить и сознавалъ необходимость вѣры. Это желаніе вѣрить и быть истиннымъ сыномъ Церкви заставляло его мириться съ существованіемъ, напримѣръ, „политическихъ святыхъ" и вообще со многимъ такимъ, что мѣшаетъ вѣровать инымъ людямъ науки. Онъ вѣрилъ, какъ умѣлъ и какъ могъ, но при этомъ хотѣлъ вѣрить, какъ вѣруетъ вся Церковь, ни одной минуты не допуская въ себѣ сомнѣнія, чтобы въ Церкви могла быть какая-нибудь погрѣшность въ основѣ ея вѣры. Онъ допускалъ возможность только временной ошибки и, когда видѣлъ ее, то не отрицалъ, не боялся признать, не закрывалъ ея передъ другими, — но только такая ошибка не могла помѣшать ему вѣрить.

Вообще Бестужевъ-Рюминъ никогда не думалъ, что религію можно и слѣдуетъ противопоставлять чему-то другому: религія для него была органическою частью того цѣлаго, которымъ живетъ или долженъ жить человѣкъ. Вотъ почему знаніе и поэзія, общественная жизнь и вѣра, какъ ни мало однороднаго въ этихъ областяхъ, въ сознаніи К. Н. обыкновенно мирно уживались, и это главнымъ образомъ потому, что всѣ онѣ *не подлѣ* одна другой стояли, а взаимно дополняли другъ друга, сливались въ одно гармоничное цѣлое. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ высшая степень поэзіи не есть религія? Развѣ знаніе не прибѣгаетъ за помощью къ религіи тамъ, гдѣ безсильно само раскрыть тайну мірозданія? . . . Вотъ что говорилъ и думалъ на этотъ счетъ Бестужевъ-Рюминъ. Съ другой стороны его отзывчивость на явленія общественной жизни прямо вытекала изъ сознанія тѣхъ нравственныхъ обязанностей, которыя несетъ на себѣ каждая личность во имя высшихъ духовныхъ принциповъ.

Вотъ какимъ представляется намъ духовный обликъ К. Н. со стороны его религіозныхъ воззрѣній. Онъ, можетъ быть, еще неясенъ и неполонъ главнымъ образомъ потому, что покойный историкъ рѣдко и мало кого допускалъ заглянуть въ этотъ сокровенный тайникъ своей души. Тѣмъ дороже намъ тѣ немногія черточки, которыя могли сохраниться въ его письмахъ и въ памяти близкихъ людей: онѣ обрисовываютъ фигуру К. Н. съ новыхъ сторонъ и потому самъ онъ выступаетъ передъ нами болѣе ярко и полно, чѣмъ прежде. Дѣло не въ той или иной *оцѣнкѣ* воззрѣній Бестужева, не въ томъ, возможно или невозможно то соче-

таніе вѣры и знанія, какое допускалъ онъ, и то примиреніе, какое онъ находилъ для нихъ. Дѣло не въ этомъ. . . Но если мы хотимъ понять человѣка такимъ, каковъ онъ есть, опредѣлить, какія силы двигаютъ „горами", намъ слѣдуетъ прежде всего *понять* эти силы и съумѣть стать на точку зрѣнія этого человѣка. Только тогда окажемся мы въ состояніи хоть сколько-нибудь приблизиться къ пониманію духовнаго облика во всей его полнотѣ, а въ примѣненіи къ Бестужеву-Рюмину добавлю: только тогда станутъ намъ понятны чарующая прелесть его изящнаго ума, возвышенные порывы его благороднаго сердца.

XVII.

Послѣдніе годы.

Мы уже видѣли печальные результаты того недуга, что̀ сразилъ Бестужева-Рюмина: тяжелая болѣзнь и сопровождавшій ее упадокъ силъ, пребываніе заграницей и связанный съ нимъ продолжительный перерывъ въ занятіяхъ — все это привело въ концѣ 1884 г. къ необходимости оставить и Университетъ, и Женскіе курсы. А между тѣмъ и съ Университетомъ, и съ Курсами у него было связано столько дорогихъ воспоминаній, онъ вложилъ туда столько энергіи, работа эта настолько осмысливала для него самую жизнь и существованіе, что необходимость порвать свои прежнія связи, сказалась на К. Н. тяжелымъ нравственнымъ ударомъ, обозначилась рѣзкимъ поворотнымъ пунктомъ во всей его жизни. Не будучи никогда „кабинетнымъ ученымъ", Бестужевъ-Рюминъ нуждался въ каѳедрѣ, нуждался въ живомъ общеніи съ людьми, въ аудиторіи, съ которой могъ бы дѣлиться своими мыслями и находить въ ней источникъ для освѣщенія своихъ силъ. Теперь все это оставалось въ одномъ прошломъ; впереди же — однѣ разбитыя надежды, неосуществленные мечты и планы. Первое время по крайней мѣрѣ еще была надежда на работу кабинетную, но и здѣсь разочарованія слѣдовали одно за другимъ: здоровье потребовало новой поѣздки заграницу; лѣтомъ 1885 г. К. Н. вторично съѣздилъ въ Италію; поѣздка нѣсколько пріободрила его, но не надолго. Въ ноябрѣ 1888 г. брюшной тифъ снова уложилъ его въ постель. Поправившись, около года прожилъ Бестужевъ-Рюминъ въ Крыму (1889—1890), но въ ноябрѣ 1890 г. новое кровоизліяніе, на этотъ разъ уже окончательно, подкосило его и безъ того слабое здоровье. Послѣ этой болѣзни Бестужевъ, соб-

ственно говоря, до самой уже смерти не могъ, какъ слѣдуетъ, поправиться, хотя временами ему и бывало лучше.

Такимъ образомъ приходилось окончательно распроститься съ надеждой на дальнѣйшую дѣятельность въ прежнихъ крупныхъ размѣрахъ. Какъ я уже сказалъ, для К. Н. это было тяжелымъ нравственнымъ ударомъ, который пригнулъ и добилъ его едва ли не сильнѣе, чѣмъ собственно физическія страданія и немощь: впереди предстояла одна лишь борьба съ тѣлесными недугами, — борьба, лишенная теперь и смысла, и оправданія. А между тѣмъ духовныя силы требовали привычной себѣ работы, и вотъ сперва — тревожное чувство опасенія и неувѣренности, позже — горькое сознаніе своей безпомощности отравляютъ послѣдніе годы жизни Бестужева-Рюмина. Еще заграницей, еще въ первую поѣздку въ Италію онъ говоритъ о себѣ: „Здоровье мое недурно; только по временамъ преслѣдуютъ меня призраки прошлаго и опасеніе за то, что наступившая старость отниметъ и послѣднія силы, а сдѣлано такъ мало, такъ мало“! [1]). Контрастъ между прошлымъ и предстоящимъ получаетъ въ воображеніи Бестужева каждый разъ все болѣе рѣзкія формы: „Простите меня“ — пишетъ онъ — „что я такъ часто огорчаю васъ своимъ тяжелымъ настроеніемъ; что же дѣлать? Старое съ своими слабостями и недочетами здѣсь, въ удаленіи отъ дѣлъ и отъ столькихъ близкихъ людей, которыхъ оставилъ далеко, встаетъ передо мною часто; будущее уже не рисуется въ привлекательныхъ краскахъ: если до сихъ поръ сдѣлано мало, то что же можетъ быть сдѣлано послѣ, когда ждутъ только немногіе годы, и тѣ, вѣроятно, въ слабости и болѣзняхъ. Если бы всегда работалъ какъ слѣдуетъ, то могъ бы уже кое-что оставить по себѣ и даже продолжать еще и теперь плодотворную работу. Вѣдь Ранке и Кантю, изъ которыхъ каждому по 80 лѣтъ, все еще работаютъ; вѣдь Погодинъ работалъ до смерти. Но они всю жизнь свою отдали труду и береглись отъ многаго, отъ чего я не сберегъ себя. Сколько укоровъ совѣсти, сколько сознанія даромъ погибшихъ годовъ!“ [2]).

Мыслями Бестужевъ-Рюминъ на своей любимой каѳедрѣ,

---

1) Письмо 21 сентября 1883 г.
2) Письмо 29 октября 1883 г.

планируетъ о предстоящихъ лекціяхъ, а печальная дѣйствительность грубо напоминаетъ ему о „слабѣющей памяти“, о „старости“, которая „вступила во всѣ свои права“, — и вотъ онъ невольно добавляетъ: „Грустно, что такъ неожиданно“ [1]).

„Наконецъ-то я дождался письма отъ васъ“ — пишетъ онъ изъ Рима въ ноябрѣ 1883 г. — „какъ-то ужъ очень скучно становится мнѣ въ послѣднее время, хотя и есть здѣсь люди, съ которыми мнѣ пріятно, и книги есть, и видѣть есть что, и погода стоитъ по большей части хорошая, а что-то щемитъ и давитъ. Будетъ ли лучше дома? — не знаю, а хочется домой, можетъ быть, на Грибоѣдовскомъ основаніи:

Гдѣ-жъ лучше?
Гдѣ насъ нѣтъ.

Въ такія-то минуты и ходишь около своего прошлаго, и разбираешь его, и, конечно, остаешься имъ недовольнымъ. Пишу къ вамъ не потому, чтобы желалъ услышать разувѣренія. Я достаточно старъ для того, чтобы голосъ собственной совѣсти и разсудка считать болѣе рѣшительнымъ. Посмотрите въ послѣднемъ № „Руси“ некрологъ Викторова: вотъ какъ нужно было относиться, а я? болталъ-то только. Развѣ этого довольно? Тяжело бываетъ заглянуть въ себя, и правъ былъ Герценъ, когда увѣрялъ, что люди готовы на все: пойти въ театръ, играть въ карты, заняться сплетнями, чтобы только не оставаться наединѣ съ самимъ собою: страшенъ бываетъ этотъ tête-à-tête. Ученымъ я не былъ, хорошимъ администраторомъ тоже; по лѣни я мягкій человѣкъ и болѣе ничего; читалъ довольно, это правда, и знаю библіографію; но ни самъ новаго ничего не создалъ, ни учениковъ не образовалъ. Кто выходитъ самъ (NN* подалъ Замысловскому начало диссертаціи, очень, говорятъ, хорошее), или выходитъ съ помощью Замысловскаго, какъ Z*, который обѣщаетъ быть замѣчательнымъ человѣкомъ и трудомъ, упорнымъ и настойчивымъ, достигнетъ этого. А много ли я работалъ? Посмотрите на Ламанскаго, на Иловайскаго. Это самые *новые* примѣры. Развѣ я могу стать съ ними на ряду? А Васильевскій, который и теперь уже первостепенный ученый!“ [2]).

---

1) Письмо 29 октября 1883 г.
2) Письмо 16 ноября 1883 г.

Болѣзненно отзывалось въ сердцѣ Бестужева сознаніе, что его пѣсня спѣта, что онъ болѣе не нуженъ. Не то что бы онъ извѣрился въ свою пригодность; нѣтъ, самъ онъ думалъ, что могъ бы быть еще полезенъ: но его бередила горькая мысль, что отъ него уходятъ, сдаютъ его въ архивъ, какъ что-то лишнее и отжившее, что къ его мнѣнію не считаютъ болѣе нужнымъ прислушиваться. Въ наукѣ русской исторіи обозначилось новое направленіе, по многимъ пунктамъ шедшее въ разрѣзъ съ основными взглядами К. Н.; полностію онъ не могъ принять этого направленія, между тѣмъ оно все болѣе и болѣе завоевывало себѣ почву, привлекало сторонниковъ, создавалось въ цѣлую школу. Бестужевъ-Рюминъ не могъ не понимать, что законъ развитія идей вездѣ одинъ и тотъ же: старое смѣняется новымъ; но отъ этого сознанія *лично* ему было не легче.

Съ кѣмъ онъ привыкъ быть откровеннымъ, онъ говоритъ, напримѣръ, такимъ языкомъ: „Выростаютъ другіе люди, и отъ меня уже нечего ждать. Конечно, и прежде были люди и выше, и лучше меня, но и мнѣ было кое-какое мѣсто, а теперь, кажется, и этого мѣста не будетъ. Само по себѣ это очень законно и понятно:

И наши внуки въ добрый часъ
Изъ міра вытѣснятъ и насъ! . . .

Изъ стариковъ важны тѣ, которые, какъ Ламанскій, показали новые пути, или, какъ Иловайскій, съумѣли заинтересовать своимъ дѣломъ, художественною струею. Смотрите, даже заблужденія Иловайскаго нравятся. Его привѣтствуютъ именно за то, за что слѣдовало бы порицать. Нѣтъ, мое время прошло, если только когда-нибудь и на что-нибудь я имѣлъ право. Повѣрьте, что я не завидую имъ и самъ хорошо знаю, что ни на что больше никогда не имѣлъ права, что все, что кое-кто приписывалъ мнѣ, только заблужденіе. Все это правда, какъ мнѣ ни больно сознавать правду этого“ [1]).

Старость наводитъ на мысль о смерти; о предстоящемъ разсчетѣ съ жизнью напоминаетъ и смерть сверстниковъ. Въ самые послѣдніе годы жизни Бестужеву-Рюмину пришлось хоронить одного за другимъ близкихъ людей или вообще тѣхъ, за чьею дѣятельностью онъ привыкъ слѣдить, кто вы-

1) Письмо 10 декабря 1883 г.

ступилъ на общественное или литературное поприще одновременно съ нимъ, и съ каждой такою смертью — К. Н. чувствовалъ это — порывалась у него связь съ прошлымъ, отдаваясь жгучею болью въ его сердцѣ. Подобныя утраты Бестужеву пришлось начать подсчитывать довольно рано. Сидя въ Венеціи, гдѣ „подъ вліяніемъ дурной погоды я расклеился“ (пишетъ онъ), онъ получаетъ „извѣстія по большей части все тяжелыя, и“ — прибавляетъ К. Н. — „самымъ тяжелымъ было для меня мимоходомъ въ письмѣ сообщенное извѣстіе о смерти Лохвицкаго: мы рѣдко видѣлись, имѣли мало общаго, и хотя я до конца любовался его живымъ умомъ, но думалъ о немъ мало. Вдругъ узнаю, что онъ умеръ, и передо мной стоитъ тотъ Лохвицкій, съ которымъ слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ жили мы въ одной комнатѣ, и мнѣ стало невѣроятно грустно: закрылась еще страница изъ прошлаго, и еще какъ-то сильнѣе чувствуешь, что состарился, и что обстановка вокругъ вся измѣнилась: другое время, другіе люди, другія мысли и требованія. Не хорошо долго жить: голова и сердце обращаются въ какой-то некрополь, городъ мертвыхъ, нѣкогда близкихъ и дорогихъ людей, и живешь съ этими мертвыми старою жизнью, и не хочется оторваться. Кому-то писалъ я зимою поразившее меня выраженіе Флобера изъ письма его къ Жоржъ Зандъ: chacun de nous porte en soi son nécropole, и мнѣ все хочется прибавить, что этотъ некрополь населенъ не только когда-то жившими людьми, но и погибшими мечтами и надеждами, и нѣкогда существовавшими мѣстностями, въ которыхъ проходила жизнь. Впрочемъ иногда (это мнѣ случалось испытывать) видъ мѣста, напоминающаго что-нибудь бывшее, если онъ не измѣнился, наводитъ глубокую грусть на душу: вотъ цѣла аллея, а людей, съ которыми ходилъ по ней, нѣтъ болѣе. Въ послѣдній разъ бывши въ Москвѣ и только-что передъ тѣмъ узнавши о смерти лица, довольно близкаго ко мнѣ, шелъ я мимо сада Купеческаго клуба и увидѣлъ крытую аллею и вспомнились мнѣ бывшіе передъ тѣмъ лѣтъ за тридцать почти разговоры съ этимъ лицомъ, въ этой аллеѣ. Какъ тяжко стало, а былъ хорошій день, а день разговоровъ былъ, можетъ быть, и еще лучше. Будетъ однако“. . .[1]).

---

1) Письмо 20 мая 1884.

Не легче живется и думается Бестужеву-Рюмину и въ Москвѣ, куда было первоначально проѣхалъ онъ изъ заграницы. „Скучно здѣсь мнѣ страшно; будетъ ли веселѣе въ Петербургѣ? Не думаю. Вообще не знаю, какъ я промаячу зиму и что меня ожидаетъ впереди: боюсь и утомленія, боюсь и климата, боюсь и петербургской дороговизны: такъ какъ полученіе мое сократилось. Словомъ, со всѣхъ сторонъ стоишь передъ сфинксомъ, а въ 55 лѣтъ это совсѣмъ не весело, особенно когда разбитъ окончательно физически. Скучно, скучно“ [1]).

Черезъ три дня въ новомъ письмѣ находимъ такія строки: „Казалось бы все хорошо, а скучно, и тоска гложетъ меня такъ, что даже читать нужнаго ничего не могу; отчасти это дорога, которая меня разстроила, а отчасти забота о будущей зимѣ. . . Къ 8-му августа надѣюсь быть дома, если къ тому времени пріищутъ квартиру. Авось-либо тамъ, послѣ всякихъ бивуаковъ, успокоятся мои нервы. Ужъ надоѣло мнѣ кочеванье. Меня часто утомляетъ даже то, что въ тѣсныхъ комнатахъ слышу около себя говоръ, а самому говорить бываетъ еще тяжело. Беру книгу, и если она требуетъ мысли, я безнадежно закрываю ее. Прочелъ за все пребываніе здѣсь одну путную книгу — Соловьева, о которой и писалъ вамъ“. Заговоривъ о работахъ одного ученаго, Бестужевъ замѣчаетъ: „Онъ бодръ, свѣжъ, почти молодъ, даже завидно смотрѣть на него, и въ себя вѣритъ безмѣрно, что для меня еще завиднѣе, ибо недовѣріе къ себѣ подкашиваетъ меня болѣе всего. Сознаніе своего недостоинства самая худшая вещь, а такому смиренію, которое мирилось бы съ этимъ, я еще не научился“ [2]).

Эту минорную ноту можно прослѣдить у К. Н. и въ письмахъ, и въ устной бесѣдѣ на протяженіи всѣхъ послѣдующихъ лѣтъ. Она не покидала его вплоть до самой смерти. Приведенныхъ выдержекъ, полагаю, достаточно, чтобы судить о томъ сѣромъ, печальномъ колоритѣ, въ какой были окрашены впечатлѣнія послѣднихъ лѣтъ жизни Бестужева-Рюмина. При такихъ условіяхъ спориться научная работа, разумѣется, не могла.

---

1) Письмо 23 іюня 1884 г

2) Письмо 26 іюня 1884 г.

Тѣмъ не менѣе посильно работать Бестужевъ не пересталъ. Выше мы видѣли, что въ 1885 г. былъ выпущенъ 2-й томъ его „Русской Исторіи", а въ началѣ 1887 г. написана глава о Смутномъ времени. Правда, на этомъ книга и оборвалась. Да и вообще, если Бестужевъ продолжалъ слѣдить за движеніемъ научной литературы, то все же прежняго участія въ ея развитіи онъ уже не могъ проявить. Работу своего пера онъ все болѣе и болѣе сосредоточиваетъ на рецензіяхъ вновь выходящихъ книгъ, на случайныхъ замѣткахъ, пишетъ некрологи почившихъ дѣятелей, почему либо близкихъ или вообще симпатичныхъ, пишетъ „визитныя карточки", какъ онъ смѣясь называлъ свои коротенькія рецензіи, требовавшія всего получасовой работы и которыми онъ въ этой формѣ отплачивалъ за вниманіе, оказанное ему авторами присылкою своихъ трудовъ. Но какъ ни мало напоминаютъ всѣ эти бѣглыя, коротенькія статейки крупныя произведенія болѣе раннихъ лѣтъ, повсюду въ нихъ разсѣяна масса мѣткихъ замѣчаній, остроумныхъ сближеній, цѣнныхъ указаній. „Подъ перомъ К. Н." — справедливо замѣчаетъ Л. Н. Майковъ — „даже тѣ статьи, поводомъ къ которымъ служило чье-либо чужое сочиненіе, получали значеніе самостоятельнаго труда. Разсѣянныя въ нихъ замѣчанія критика глубоко продуманы и нерѣдко важнѣе, чѣмъ самыя мнѣнія разбираемаго автора. . . Въ этихъ мастерскихъ этюдахъ, притомъ написанныхъ со строгою и изящною простотой, онъ является однимъ изъ немногихъ русскихъ эссеистовъ въ родѣ тѣхъ, какими такъ богаты англійская и французская литература; и если за этюдами Маколея и Карлейля, Сентъ-Бёва и Ренана признается такое же научное значеніе, какъ за ихъ крупными учеными трудами, то несомнѣнно мы имѣемъ право дать ту же цѣну богатымъ и по мысли, и по фактическому содержанію историко-литературнымъ очеркамъ Бестужева-Рюмина" [1]).

Послѣ тифа Бестужевъ пишетъ почти исключительно съ помощію другихъ, диктуя, полулежа на диванѣ — и при всемъ томъ какая ясность ума, какая сила мысли и памяти! Его диктовки всегда безъ помарокъ, на-бѣло, и рѣчь, разъ она была обдумана, лилась безъ затрудненія. Иногда нельзя

---

1) *Л. Н. Майковъ,* Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина. Рѣчь, стр. 6.

было безъ улыбки слушать его жалобъ на слабѣющую память. Въ болѣе ранніе годы послѣдняя была, дѣйствительно, свѣжѣе и крѣпче; но какой запасъ ея былъ еще и на закатѣ дней! Напримѣръ, рецензію на книгу Колюпанова: „Біографія Кошелева“ [1]) онъ пишетъ въ Ялтѣ, въ полномъ смыслѣ на память, почти безъ всякихъ справокъ, а между тѣмъ какая въ ней масса указаній, литературныхъ именъ, фактическихъ поправокъ! . . .[2]).

Карамзинъ и въ эту пору не потерялъ для Бестужева своего интереса. Пожалуй даже болѣе. „У меня культъ Карамзина“, пишетъ К. Н. незадолго до своей смерти [3]). Дѣйствительно, Карамзинъ снова овладѣваетъ его вниманіемъ, снова становится любимою темою его разговоровъ и занятій. Бестужевъ мечталъ о книгѣ средней величины, прежде всего интересной по изложенію, и гдѣ изображеніе духовнаго развитія Карамзина стояло бы на первомъ планѣ. „Исторіи Государства Россійскаго“ отводилось тоже видное мѣсто, но не главное. Больше же всего хотѣлось Бестужеву-Рюмину представить нравственный обликъ Карамзина, процессъ его духовнаго роста. Книги, которыя онъ собирался прочесть (въ Крыму, въ 1889—1890 г.) и частью уже прочелъ по этому поводу, составили бы цѣлую небольшую библіотеку. Сюда должно было войти все, на чемъ воспитался Карамзинъ, что онъ перечиталъ или могъ перечитать, и по-возможности въ той же послѣдовательности. Тутъ были и Гиббонъ съ Юмомъ, Вольтеръ и энциклопедисты, нѣмецкіе философы, Іоганнъ Мюллеръ, Виландъ, Геснеровы идилліи, Гердеръ и пр. Все это перечитывалось съ цѣлью возстановленія умственной и литературной атмосферы, въ какой слагался талантъ и міросозерцаніе Карамзина [4]).

---

1) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1890, № 3.

2) Бестужевъ-Рюминъ принялся было за составленіе автобіографіи, но довелъ ее лишь до 1859 г., времени переѣзда своего на постоянное жительство въ Петербургъ. Написанныя обычнымъ бестужевскимъ языкомъ, сжатымъ и точнымъ, его „Воспоминанія“ обилуютъ любопытными подробностями. Ихъ готовитъ къ печати академикъ Л. Н. Майковъ.

3) Письма К. Н. Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени, стр. 69.

4) Въ сохранившемся наброскѣ планъ работы рисовался Бестужевымъ въ слѣдующемъ видѣ: „Главныя теченія въ умственной жизни Европы и Россіи во второй половинѣ XVIII в. — Сельское дворянство

Но съ постепенною разработкою плана раздвигались и его рамки, вслѣдствіе чего обширность замысла все менѣе и менѣе оказывалась въ соотвѣтствіи съ наличнымъ запасомъ здоровья. Подъ конецъ Бестужевъ задумывалъ уже выдѣлить беллетристическія произведенія, мечтая о совмѣстной работѣ съ однимъ изъ своихъ близкихъ друзей, знатокомъ нашей литературы; строятся планы объ академическомъ изданіи Карамзина — но все это теперь, дѣйствительно, одни лишь „планы" и „мечты", тѣмъ менѣе осуществимые, чѣмъ болѣе угасали физическія силы. Единственное что удалось Бестужеву — это дать небольшой сжатый очеркъ жизни и дѣятельности Карамзина для „Біографическаго Словаря русскихъ дѣятелей", издаваемаго Имп. Русскимъ Историческимъ Обществомъ [1]) — и только. Но въ самыхъ этихъ неосуществленныхъ мечтахъ яркою нитью проходитъ то благоговѣйное чувство благодарнаго ученика, какое неизмѣнно въ теченіе всей своей жизни продолжалъ питать Бестужевъ-Рюминъ къ знаменитому исторіографу. Это была безсознательная дань писателю за ту нравственную мощь, за тѣ свѣтлые идеалы, которые до послѣдней минуты не покидали Бестужева и служили ему руководящимъ свѣточемъ въ его жизни.

Свою „Русскую Исторію" Бестужевъ-Рюминъ закончилъ внѣшнимъ очеркомъ Смутнаго времени; далѣе, по плану, должно было слѣдовать изложеніе жизни русскаго общества за этотъ періодъ. И вотъ другою „мечтою" Бестужева стало намѣреніе нарисовать *картину* этой жизни. Нашего историка увлекалъ драматизмъ эпохи, сложныя и запутанныя отношенія, и онъ мечталъ выступить передъ публикой съ трудомъ цѣльнымъ по взгляду и изложенію. Критику спорныхъ мнѣній, т. е. то, дальше чего, собственно говоря, и не пошла наша литература, имѣлось въ виду оставить совсѣмъ въ сторонѣ или, точнѣе, продѣлать ее предварительно у себя за

въ 70-хъ годахъ. — Шаденъ и его ученіе. — Массоны. Петровъ. — Поѣздка заграницу. – Московскій журналъ и Сборники. — Вѣстникъ Европы. Старый и новый слогъ. Сентиментализмъ. — Состояніе исторической науки. — Политическія и нравственныя идеи Карамзина. — Собираніе матеріаловъ. — Историческая критика. — Свойства изложенія. — Послѣдніе годы Карамзина".

1) Соотвѣтственный томъ этого словаря вышелъ въ свѣтъ уже по смерти Бестужева-Рюмина.

рабочимъ столомъ, но ни въ какомъ случаѣ не преподносить читателю. Однако, какъ ни заманчивъ былъ этотъ планъ, Бестужевъ-Рюминъ не могъ не чувствовать, что годы, а съ нимъ и физическая возможность, безвозвратно уходятъ. „Если бы у меня были прежнія силы" — пишетъ онъ въ 1893 г. одному изъ своихъ корреспондентовъ — „я принялся бы непремѣнно за изложеніе Смутнаго времени; но мое время прошло" [1]). Да, наконецъ, его брало сомнѣніе, хватитъ ли у него и таланта [2]). И, конечно, онъ былъ правъ: сила Бестужева была не въ художественномъ изображеніи; картина Смутнаго времени, обильнаго загадочными личностями, недосказанностями, противорѣчіями, менѣе всего удалась бы этому тревожному уму, съ его привычкою ко всякому историческому извѣстію относиться съ критической осторожностью и недовѣріемъ, чуть только являлась возможность оспорить это извѣстіе или усомниться въ его достовѣрности. Такимъ образомъ помѣхою указанной „мечтѣ" явилось бы прежде всего именно критическое чутье, талантъ аналитика. Зато, не будучи въ силахъ работать самъ, тѣмъ съ бо́льшимъ сочувствіемъ и одобреніемъ слѣдилъ онъ за работами другихъ. Таковъ, напримѣръ, чрезвычайно любопытный обмѣнъ мнѣній его съ гр. С. Д. Шереметевымъ, ставшій общеизвѣстнымъ, благодаря недавно опубликованнымъ письмамъ Бестужева къ этому послѣднему [3]).

Большимъ нравственнымъ подкрѣпленіемъ явилось Бестужеву избраніе его (въ 1890 г.) въ члены Императорской Академіи Наукъ, по 2-му отдѣленію. Онъ занялъ кресло Погодина и Соловьева, дѣятельность которыхъ такъ цѣнилъ и уважалъ [4]). Новыя занятія значительно ободрили его: Академія была послѣднимъ звеномъ, связывавшимъ его съ тѣмъ міромъ, въ которомъ онъ привыкъ жить умственно. Бесту-

---

1) Письма К. Н. Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени, стр. 11.

2) „Отъ мысли о Смутномъ времени не хочется отказываться, хотя и сомнѣваюсь въ своей способности сладить съ художественнымъ изложеніемъ, котораго не пробовалъ, но которое меня сильно манитъ". (Письмо 23 января 1887 г.).

3) Письма К. Н. Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени. Спб. 1898 г. 91 письмо за 1892—1896 г.г.

4) „Я очень радъ этому выбору, потому что это отдѣленіе, гдѣ были и Погодинъ, и Соловьевъ, а прежде, въ Россійской Академіи, и Карамзинъ, и Болтинъ, и Щербатовъ" (Письмо 9 марта 1890 г.).

жевъ съ интересомъ посѣщалъ академическія засѣданія, писалъ годовые отчеты, разборы сочиненій, представленныхъ на премію, намѣчалъ новыя работы. По порученію Академіи, онъ редактировалъ второе изданіе „Онежскихъ былинъ“ Гильфердинга, успѣлъ напечатать ихъ два тома, а къ первому, кромѣ того, приложилъ и біографическій очеркъ Гильфердинга, въ которомъ встрѣтится не мало интересныхъ добавленій къ тому, что было имъ написано ранѣе объ этомъ ученомъ.

Въ отчетѣ о дѣятельности 2-го отдѣленія за 1891 г., вспоминая, по академическому обычаю, свѣжія могилы скончавшихся за годъ сочленовъ, Бестужевъ особенно остановился на характеристикѣ литературнаго таланта Гончарова. Вотъ какъ между прочимъ опредѣлялъ онъ типъ Обломова: „Обломовъ не Адуевъ „Обыкновенной исторіи“, у котораго все напускное и прививное, а потому и карикатурное; но Обломовъ и не Тентетниковъ, который ближе подходитъ къ „лишнимъ людямъ“ Тургенева, чѣмъ къ Обломову. Тентетниковъ къ чему-то стремится, чего-то ищетъ; Тентетниковъ не умѣетъ выносить мелкихъ неудачъ, не умѣетъ устраивать жизни, но передъ нимъ всетаки носится идеалъ дѣятельности, ему упрекомъ звучатъ слова его идеальнаго учителя; но, конечно, и въ Обломовѣ нельзя искать того полнаго примиренія съ жизнью, какое замѣчается въ Пушкинскомъ Бѣлкинѣ, который весь погружается въ свои литературныя работы, напоминая этимъ до нѣкоторой степени А. Т. Болотова. Обломовъ все же затронутъ цивилизаціей, все же считаетъ нужнымъ хоть иногда стыдиться своей лѣни“ [1]).

Количественно за эти годы Бестужевъ писалъ, пожалуй, не мало; но что имъ написано теперь, не можетъ идти въ сравненіе съ прежнимъ. Правда, въ „Поминкѣ“ ли по Державинѣ, въ „Чтеніи“ ли о князѣ П. А. Вяземскомъ, въ рецензіи ли труда А. Н. Пыпина, „Исторія русской этнографіи“, — вездѣ чувствуется разносторонне образованный человѣкъ, съ громаднымъ запасомъ знаній, можетъ быть, съ еще болѣе неустанной работою мысли, — ученый, который чуть не на каждомъ шагу, мимоходомъ, роняетъ серьезную мысль, дѣлаетъ интересное сопоставленіе, освѣжаетъ въ па-

---

1) Отчетъ о дѣятельности Второго отдѣленія Имп. Академіи Наукъ за 1891 годъ, составленный *К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ*, стр. 20—21.

мяти читателя давно забытый фактъ. . . Съ полной свободой и легкостью вращается онъ въ кругу самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, затрогивающихъ культурную жизнь человѣка. . . Казалось бы, всего нѣсколько вечеровъ сосредоточенной работы, какой-нибудь мѣсяцъ за подборомъ соотвѣтственныхъ данныхъ — и изъ подъ его пера самъ собою появился бы капитальный трудъ, цѣнный вкладъ въ науку. . . Но чѣмъ-нибудь капитальнымъ Бестужевъ русскую науку, увы, болѣе не подарилъ, создать что-нибудь крупное онъ оказывался уже не въ силахъ.

Свои послѣдніе годы онъ доживалъ почти постоянно больной, въ кругу немногихъ близкихъ людей и среди книгъ, оставшихся до конца его вѣрными, неизмѣнными друзьями. Вторники прекратились, смѣнившись каждодневнымъ приходомъ то того, то иного изъ близкихъ или знакомыхъ, продолжавшихъ бывать. Но при всѣхъ перемѣнахъ главное въ Бестужевѣ всетаки осталось неизмѣннымъ: тотъ же кругъ интересовъ, та же отзывчивость, тѣ же запросы пытливаго ума. Конечно, вѣчная хворость наложила свой отпечатокъ, но она заслоняла собою указанныя сейчасъ черты только въ глазахъ тѣхъ, кто стоялъ дальше отъ К. Н. и не хотѣлъ или не могъ за этой внѣшнею оболочкой разглядѣть того, что продолжало по прежнему жить въ немъ. А между тѣмъ, повторяю, Бестужевъ былъ и теперь такимъ же, что и раньше: такой же полный внутренней жизни, такой же отзывчивый, интересующійся, такъ же постоянно съ книгою въ рукѣ. Обмѣнъ мысли, бесѣды съ нимъ полны были прежней прелести; онъ раскрывалъ предъ своимъ собесѣдникомъ то страницу изъ исторіи родной земли, то знакомилъ его съ художественной картиной или отвлеченнымъ серьезнымъ трактатомъ. То уводилъ онъ своего слушателя въ прекрасную Грецію, всегда столь плѣнявшую его, то разъяснялъ аѳинскую демократію, Платона; то заводилъ рѣчь объ эпохѣ Возрожденія, — она привлекала его сложностью своего содержанія; иногда же бесѣда касалась современныхъ представителей мысли. Бестужевъ часто восхищался Ранке, особенно первымъ томомъ полнаго собранія его сочиненій, художественнымъ разсказомъ Прескотта, Маколея: въ ихъ произведеніяхъ онъ нашелъ свой идеалъ художественной исторіи. Все, въ чемъ сказалась жизнь человѣческаго духа, служило предметомъ оживленныхъ бесѣдъ. Нѣмецкая фило-

софія, Кантъ, Фихте, Гегель и Шеллингъ обрисовывались имъ мѣтко и глубоко. Особенно восхищался онъ стройностью построенія въ логикѣ Гегеля, хотя и не соглашался съ его основнымъ положеніемъ [1]); часто останавливался на томъ огромномъ вліяніи, которое этотъ философъ имѣлъ на развитіе русской мысли; изъ его позднѣйшихъ послѣдователей онъ особенно цѣнилъ Б. Н. Чичерина, который въ „Единствѣ науки" выступилъ противъ позитивизма, въ „Исторіи государственныхъ учрежденій" — противъ соціализма, а въ „Религіи и наукѣ" — противъ матеріализма.

Вернувшись изъ-заграницы, онъ былъ весь полонъ воспоминаній объ Италіи, особенно о Римѣ: Вѣчный городъ произвелъ на него сильнѣйшее впечатлѣніе. Вновь ѣдущимъ туда онъ обыкновенно совѣтовалъ прежде всякаго осмотра взобраться на Капитолійскую башню, что̀ надъ форумомъ, чтобъ сразу же перенестись мыслями въ классическій міръ древности. Онъ такъ хорошо изучилъ римскій форумъ, что могъ указать на малѣйшія его особенности, и съ добродушнымъ юморомъ вспоминалъ о томъ, какъ однажды удивилъ гида, предлагавшаго познакомить его съ форумомъ, предложеніемъ съ своей стороны поводить его. Часто бралъ К. Н. иллюстрированный планъ Рима и силою своего слова водилъ собесѣдника по его улицамъ, площадямъ, вводилъ въ его храмы и музеи. Вѣчный городъ съ его вѣковыми воспоминаніями и чудесами искусства, окрестности Рима — все оживало въ разсказѣ К. Н. Съ блестящими отъ восторга глазами вспоминалъ онъ также Венецію, С. Марко, котораго считалъ верхомъ совершенства въ искусствѣ. „Я ничего болѣе прекраснаго не видѣлъ" — сказалъ онъ однажды — „св. Петръ не можетъ съ нимъ сравниться".

У К. Н. была обширная коллекція роскошныхъ иллюстрированныхъ изданій, между прочимъ библія Бида̀, — и съ

---

1) „Это впечатлѣніе" (т. е. впечатлѣніе, производимое чтеніемъ Гегеля) — писалъ онъ 8 іюня 1890 г. — „превосходно выражено Майковымъ въ его посланіи къ Соловьеву. Философія Гегеля не вся истина и, конечно, прискорбно, что онъ собственною мыслію затмѣваетъ иногда Откровеніе; но нельзя не сказать, что эти идеи однѣ изъ величайшихъ попытокъ ума человѣческаго и что весь XIX вѣкъ, даже отвергая Гегеля, живетъ его мыслію. Такой архитектонической стройности, какъ у него, я не встрѣчалъ".

какимъ увлеченіемъ, съ какимъ проникновеніемъ объяснялъ обыкновенно онъ ея рисунки! Иной разъ этюды Иванова, которыми онъ очень дорожилъ, служили также поводомъ къ поясненіямъ, къ выраженію мѣткаго и тонкаго пониманія искусства. Онъ особенно любилъ его „Благовѣщеніе“: Божія Матерь изображена почти дѣвочкой; вся она дышетъ чистотою; большой свѣтлый архангелъ наполняетъ своимъ сіяніемъ всю комнату; контуры едва-едва обозначены. Воздушный неземной обликъ пресвятой Дѣвы напоминалъ Бестужеву мадоннъ Фра Беато Анджелико и, показывая фотографіи его картинъ, онъ любилъ останавливать вниманіе своего собесѣдника на умилительной прелести произведеній святого монаха.

15 декабря 1896 г., по случаю 50-лѣтія существованія Русскаго Археологическаго общества, Бестужевъ-Рюминъ былъ избранъ въ почетные члены Общества. Избраніе было послѣднею данью заслугамъ русскаго историка: оно застало его уже неизлѣчимо больнымъ. Воспалительный процессъ легкихъ, въ сущности давно уже ставшій хроническимъ, за послѣдніе мѣсяцы принялъ особенно угрожающіе размѣры, и вскорѣ стало яснымъ, что борьба истощеннаго организма подходитъ къ концу. Какихъ-нибудь двѣ недѣли спустя Бестужева не стало: онъ скончался 2-го января 1897 г., на 68-мъ году жизни. Его похоронили въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ Петербургѣ. . .

XVIII.

Заключеніе.

Теперь, когда передъ нами прошла вся жизнь этого человѣка, когда порывы и тревоги этой неудовлетворенной, безпокойной души смѣнились вѣчнымъ покоемъ, оглянемся нѣсколько назадъ и попытаемся разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ.

Изъ поры своего дѣтства и юности Бестужевъ взялъ все лучшее, что она могла дать ему: крѣпость семейныхъ основъ, уваженіе къ старинѣ, благоговѣйный трепетъ передъ тѣми именами и передъ той безымянною массой, что вынашивали на своихъ плечахъ всѣ невзгоды данной минуты и съумѣли взростить, укрѣпить его родину, сдѣлать ее сильною духовно и матеріально; наконецъ, изъ этой же ранней поры вынесъ Бестужевъ и тѣ облагороженные вкусы, ту возвышенность идеаловъ и духовныхъ интересовъ, ту чистоту помысловъ и неустанное рвеніе къ знанію, что сопутствовали ему неизмѣнно въ теченіи всей его жизни. Можно лишь развѣ прибавить, что впечатлѣнія дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ вдвойнѣ облагородились, стали еще свѣтлѣе, преломившись въ кристальной душѣ этого замѣчательнаго человѣка. Ранніе годы не только наложили свой отпечатокъ на личность К. Н., но и закрѣпились разъ навсегда яркимъ образомъ въ его благодарной памяти. Онъ никогда не терялъ этой связи съ прошедшимъ, выражавшейся сколько въ глубокомъ уваженіи къ традиціямъ вообще, столь же и въ благоговѣніи къ памяти отца, въ умиленномъ воспоминаніи о родительскомъ домѣ, съ которымъ такъ тяжело ему было разстаться, когда пришлось, по обстоятельствамъ, продать родовое имѣніе. Изъ старинной дворянской семьи, гдѣ онъ выросъ, Бестужевъ вынесъ утонченность, аристократизмъ въ

лучшемъ смыслѣ этого слова, то изящество манеры, ту гармонію мысли, что наложили свой отпечатокъ на самую его наружность и обхожденіе. Кто изъ знавшихъ К. Н., не помнитъ красоты его блещущихъ глазъ, благородства его порывистыхъ, но всегда мягкихъ движеній, чарующей прелести его голоса, хотя обыкновенно глухого и неяснаго?... Онъ называлъ себя бѣлоручкою, баричемъ, но это было справедливо по отношенію къ физическому труду, котораго его организмъ, дѣйствительно, не могъ бы вынести; въ сущности же его бѣлоручество сказывалось только въ отвращеніи ко всему грубому, буржуазному.

Пребываніе въ университетѣ способствовало развитію въ характерѣ Бестужева-Рюмина того идеализма, которымъ отличались лучшіе люди сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ и которое такъ отличало его самого. Онъ съ восторгомъ и благодарностью вспоминалъ своихъ учителей Московскаго университета и тѣхъ изящныхъ, просвѣщенныхъ женщинъ (гр. Саліасъ, Толстую), въ домѣ которыхъ онъ впервые поближе ознакомился съ аристократіей ума. Высоко-образованная семья Чичериныхъ, особенно старикъ-отецъ, дополнили кругъ тѣхъ вліяній, которыя воздѣйствовали на развитіе изящной и глубокой природы К. Н. Знанія его увеличивались съ каждымъ годомъ; тѣмъ не менѣе ему предстояла еще тяжелая борьба за существованіе, и только въ 1865 г. онъ получилъ возможность устойчивѣе работать и идти по тому пути, куда уже давно влекло его призваніе. Въ университетѣ онъ былъ окруженъ любовью и уваженіемъ, имѣлъ такое же вліяніе на учениковъ, какъ впослѣдствіи на Высшихъ курсахъ. Наука не изсушила его умъ, нисколько: наоборотъ, онъ почерпнулъ въ ней новыя силы своему идеализму, глубокой вѣрѣ въ добро; она дала новыя точки опоры его нравственному міру, помогла разобраться и въ явленіяхъ общественной жизни. Да, и общественной жизни. Этотъ „кабинетный ученый“, этотъ „книжникъ“, чья рабочая комната, по мѣткому опредѣленію Боткина, была въ сущности „книжнымъ шкапомъ“, — онъ съ глубокимъ волненіемъ, съ рѣдкой отзывчивостью переживалъ и радостныя, и горестныя минуты въ жизни своей родины, болѣлъ ея невзгодами, весь оживалъ и перерождался подъ живительными лучами народнаго счастья. Наука не только не закрыла ему глаза на современную *жизнь,* но еще помогла лучше осмыслить ее;

„кабинетный ученый“, онъ вышелъ на общественную арену, вступилъ въ борьбу за идею, за достоинство русскаго имени, за самостоятельность нашихъ историческихъ началъ. Онъ сталъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей по славянскому вопросу и во время славяно-турецкой войны принималъ самое горячее участіе въ работахъ Славянскаго общества, сперва какъ одинъ изъ его сотрудниковъ, позже въ качествѣ главнаго руководителя. Онъ взялся за это дѣло едва ли не въ самую тяжелую пору, пережитую этимъ обществомъ, и не побоялся сдѣлать это. Онъ радовался пробужденію національнаго самосознанія въ русскомъ обществѣ и съ своей стороны всѣми силами содѣйствовалъ ему. Дѣйствительно, счастіе Россіи, ея достоинство, духовное пробужденіе русскаго общества — вотъ къ чему постоянно стремилась его душа, вотъ что было мечтой его жизни, на служеніе чему отдалъ онъ и свою науку, и самого себя. Въ будущность Россіи, въ ея великое предназначеніе онъ вѣрилъ непоколебимо, и эта глубокая вѣра окриляла его, порождая новыя силы. Въ послѣдніе годы, прикованный къ своему кожанному дивану, больной, почти не видя людей, онъ до послѣдней минуты, какъ и раньше, съ юношескимъ жаромъ горячо отзывался на все, что волновало русское общество, и съ трепетомъ истиннаго гражданина слѣдилъ за развитіемъ дорогой ему родины. За послѣднія 10, даже 15 лѣтъ его вообще мало знали; постоянное недомоганье ограничило посѣщенія; кругъ знакомыхъ замѣтно таялъ изъ году въ годъ; молодежь университетская и Женскихъ курсовъ знала о немъ лишь по наслышкѣ, по разсказамъ другихъ; для толпы онъ уже и теперь былъ человѣкомъ прошлаго времени, о которомъ говорятъ, какъ о чемъ-то такомъ, что уже было и чего болѣе нѣтъ. А между тѣмъ, какъ я уже сказалъ, Бестужевъ до послѣдней минуты не переставалъ радоваться радостями и горевать горемъ родной земли, съ нервнымъ возбужденіемъ прислушиваться къ біенію пульса современнаго общества. Надо было видѣть, какъ онъ волновался при каждомъ новомъ назначеніи на высокій постъ, какъ толковалъ о сравнительномъ достоинствѣ кандидатовъ, горевалъ, если назначеніе, по его мнѣнію, было неподходящее, — и это безъ всякаго злорадства, безъ малѣйшей желчи или обидной насмѣшки, а лишь съ живымъ и горячимъ сожалѣніемъ. Общественное бѣдствіе могло привести его не только въ уны-

ніе, а прямо въ отчаяніе. Когда пришло извѣстіе о Ходынской катастрофѣ, онъ, уже больной тогда, пришелъ въ такой ужасъ, въ такое смятеніе, что буквально мѣста себѣ не находилъ, и это не было нервное безпокойство больного человѣка, а именно глубокое горе. При каждой студенческой исторіи, подавляемой грубыми; неловкими мѣрами, онъ страдалъ такъ, какъ будто его лично обвиняли въ этой грубости. Особенно много горькихъ минутъ пережилъ Бестужевъ-Рюминъ въ семидесятые и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда Катковъ проводилъ новый университетскій уставъ: К. Н. очень недвусмысленно и даже рѣзко держалъ себя по отношенію тогдашней комиссіи, работавшей подъ предсѣдательствомъ графа Делянова, и съ горечью замѣчалъ, что преклонились предъ умомъ Каткова, „а умъ этотъ ведетъ не къ добру: не видятъ, что кланяются идолу".

Въ Бестужевѣ-Рюминѣ ученый и человѣкъ, можно сказать, сливались нераздѣльно. Не каждому это было видно и понятно, но на дѣлѣ это было такъ. Если въ наукѣ искалъ онъ отвѣта и обоснованій по вопросамъ личной и общественной жизни, то вѣдь тотъ огонь, съ какимъ онъ отдавался самой работѣ, въ значительной степени обусловленъ замѣчательною чуткостью къ явленіямъ нравственнаго міра; если, далѣе, въ той же наукѣ онъ настойчиво проповѣдовалъ осторожность, необходимость тщательной критики, внимательнаго прислушиванія къ чужому мнѣнію, всесторонняго анализа явленій, опасаясь, иначе, скороспѣлости и шаткости выводовъ, — то и это вполнѣ согласовалось съ деликатностью его мягкой натуры, съ глубокимъ уваженіемъ къ личности вообще. Мы сейчасъ видѣли, что въ политической жизни его идеаломъ было самобытное Русское государство, равноправность его въ семьѣ европейскихъ народовъ, тѣсная духовная связь современнаго поколѣнія съ прошлымъ, — и, конечно, такая политическая программа находила себѣ точку опоры въ значительной степени въ той свободѣ духа, въ той независимости мысли, въ незыблемости тѣхъ нравственныхъ устоевъ, на какихъ была построена его личная жизнь. Въ жизни общественной это былъ истинный представитель эпохи сороковыхъ годовъ, представитель гуманизма и свободнаго, ничѣмъ нестѣсненнаго просвѣщенія, — и, конечно, прежде всего потому, что вся собственная жизнь его была посвящена неустанному служенію истинѣ и наиболѣе совершенному ея осуществленію.

Этотъ человѣкъ, въ общемъ такой мягкій и осторожный, становился горячъ, даже рѣзокъ, встрѣчаясь съ неправдою и зломъ; человѣческая тупость выводила его изъ себя: онъ не выносилъ пошлости и ограниченности, нахальства и высокомѣрія. Въ особенности чутокъ былъ онъ къ тому, что, по его мнѣнію, могло пагубно отразиться на молодомъ поколѣніи; бывало, его опасенія иной разъ принимали на этотъ счетъ даже слишкомъ преувеличенный характеръ.

Зато въ остальномъ это была натура въ высшей степени терпимая. Въ одномъ изъ некрологовъ Бестужева-Рюмина справедливо замѣчено, что онъ обладалъ „сердечной добротою, утонченной внимательной вѣжливостью, тою вѣжливостью, о которой сказано, что она есть „любовь въ самыхъ мелочахъ“ [1]). Многіе изъ посѣщавшихъ домъ К. Н., вѣроятно, хорошо помнятъ, какъ бережно, сердечно и любовно относился онъ къ одному изъ своихъ пріятелей, желчному человѣку, не всегда умѣвшему сдержать себя и не сказать лишняго, рѣзкаго слова; какъ избѣгалъ съ нѣкоторыми спорить, опасаясь, чтобы они не усмотрѣли въ этомъ желанія показать своего превосходства. Этого же онъ всегда боялся и въ разговорахъ съ молодымъ, начинающимъ ученымъ или вообще скромнымъ человѣкомъ. Поспорить — но тонко, умно, изящно — онъ позволялъ себѣ съ немногими, напримѣръ, съ покойнымъ Н. Н. Страховымъ: въ немъ онъ чувствовалъ равнаго соперника, и оба знали другъ про друга, что ни одинъ не обидится, и оба одинаково заботились не столько о торжествѣ своего убѣжденія, сколько объ уразумѣніи истины. Но и здѣсь К. Н. всегда остерегался сказать что-нибудь рѣзкое о гр. Л. Н. Толстомъ, потому что послѣдняго Страховъ очень любилъ и потому могъ огорчиться. К. Н. даже избѣгалъ говорить о Толстомъ въ присутствіи Страхова, не смотря на то, что въ цѣломъ самъ очень высоко ставилъ его, какъ поэта и художника. Очень осторожно, терпимо и безукоризненно-вѣжливо, съ полнымъ уваженіемъ относился К. Н. ко всякому скромному труженику, не мнящему много о себѣ. Онъ могъ не высоко цѣнить умъ и таланты такого человѣка, но искренно уважать его за трудолюбіе, характеръ, добросовѣстность. Надо было видѣть, съ

---

1) *М. Н. Бережковъ,* Въ память К. Н. Бестужева-Рюмина, стр. 7.

какимъ терпѣніемъ и добросердечіемъ выслушивалъ онъ подчасъ вовсе неинтересные разсказы нѣкоторыхъ изъ своихъ посѣтителей потому только, что былъ увѣренъ, что тѣ хорошо и спокойно себя у него чувствуютъ и отдыхаютъ отъ домашнихъ дрязгъ. Подобныхъ примѣровъ не оберешься. Еще вспоминается старый университетскій товарищъ К. Н., долгіе годы бывшій домашнимъ учителемъ и которому онъ потомъ досталъ мѣсто гдѣ-то въ Москвѣ. При немъ Бестужевъ всегда всякій разъ разсказывалъ о томъ, какъ тотъ прекрасно и тщательно составлялъ въ университетѣ записки профессоровъ, охотно давалъ ихъ и К. Н., и другимъ товарищамъ, и какъ всѣ они пользовались его трудами на свою пользу. Чего, дѣйствительно, не выносилъ Бестужевъ-Рюминъ, такъ это самодовольной посредственности, высокомѣрнаго отношенія къ другимъ.

Впрочемъ объ отношеніяхъ К. Н. къ людямъ можно было бы говорить безъ конца. Ни болѣзнь, ни утомленіе, ни личныя заботы — ничто не могло ослабить его отзывчивости, его живого участливаго отношенія къ людямъ. Вотъ приходитъ къ нему бывшая слушательница съ самыми животрепещущими вопросами. К. Н. совсѣмъ больной лежитъ на диванѣ, у него высокая температура, кажется, начинается тифъ, однако не пустить нельзя: узнаетъ — это его еще больше взволнуетъ. Слабымъ голосомъ, но съ горячимъ убѣжденіемъ старается онъ удержать свою собесѣдницу отъ ея увлеченій, говоритъ ей о вѣчныхъ истинахъ, и вся бесѣда, ея необычная обстановка яркими чертами навсегда запечатлѣваются въ памяти гостьи. Или — приходитъ къ нему юноша; онъ военный, но его очень занимаетъ русская литература, и ему хотѣлось бы писать сочиненіе объ одномъ изъ русскихъ авторовъ. К. Н. въ восторгѣ, широко раскрываетъ передъ нимъ двери своей библіотеки и готовъ помочь ему всѣмъ: совѣтомъ, указаніемъ, книгами. Онъ достаетъ ему рѣдкія изданія, съ свойственной ему живостью самъ старается снять книги съ верхнихъ полокъ, увлекается, входитъ въ намѣченную тему, начинаетъ говорить, разъяснять, и, слово за словомъ, незамѣтно для себя и неожиданно для собесѣдника, прочитываетъ цѣлую лекцію, живую, остроумную, увлекательную. А съ какой любовью присматривался онъ, бывало, къ своимъ университетскимъ слушателямъ, если замѣчалъ въ нихъ интересъ къ занятіямъ! какъ охотно и добродушно

шелъ на встрѣчу неопытному, робкому уму! съ какой поистинѣ отеческой заботою входилъ въ положеніе своихъ магистрантовъ, поддерживалъ ихъ, руководилъ ими! . . .

Это былъ удивительно мягкій и деликатный человѣкъ, — скажу болѣе: нѣжно заботливый въ обращеніи съ людьми. Онъ не прочь былъ иной разъ и пошутить, и посмѣяться; но шутка его была всегда граціозна, безобидна: ему страшно было обидѣть кого бы то ни было, чѣмъ-нибудь задѣть. Только нападки на уважаемыхъ имъ людей и пошлость или личные счеты, вносимые въ общее дѣло, лишали его обычнаго благодушія. Въ такихъ случаяхъ онъ возмущался, и въ его, обыкновенно мягкомъ, голосѣ слышались нотки раздраженія. Зато какъ цѣнилъ онъ малѣйшее проявленіе вниманія къ себѣ! Онъ долго чуть не со слезами на глазахъ разсказывалъ, какъ одинъ изъ его учениковъ вспомнилъ 25-лѣтіе его профессорской дѣятельности, пришелъ въ этотъ день къ нему, вспоминалъ прошлое; другой же пришелъ къ нему въ день своего рожденія, желая провести его именно съ К. Н. Любовь Бестужева къ людямъ сказывалась въ самыхъ мелочахъ, — обычная особенность рѣдкихъ, избранныхъ натуръ. Онъ наслаждался бесѣдою съ извѣстнымъ ученымъ или выдающимся художникомъ, радовался глубокой или остроумной мысли, бросавшей новый свѣтъ на научный вопросъ, привѣтствовалъ новое литературное произведеніе, замѣчательный трудъ, — и въ то же время съ неменьшимъ вниманіемъ выслушивалъ повѣсть о личныхъ невзгодахъ людей, искавшихъ у него утѣшенія, входилъ въ мельчайшія подробности, старался помочь и словомъ, и дѣломъ. Случалось, серьезная бесѣда прерывалась самымъ неожиданнымъ образомъ: дверь съ шумомъ отворялась, и въ комнату вбѣгала маленькая дочка поденщицы; съ дѣтской безцеремонностью она прижималась къ К. Н., просилась на руки, и тотъ благодушно прерывалъ бесѣду и на нѣсколько минутъ отдавалъ себя въ распоряженіе ребенка. Въ бѣдѣ онъ первый протягивалъ руку помощи: хлопоталъ, старался устроить, помочь друзьямъ или ихъ семействамъ, или же друзьямъ своихъ друзей, а друзьями были всѣ, нуждавшіеся въ его помощи. И кто бы ни приходилъ къ нему, для всѣхъ у него было теплое участливое слово, сердечный привѣтъ. Его чуткая душа страдала часто; нерѣдко онъ переживалъ минуты тяжелой тоски; но при всякомъ настроеніи, чтобы онъ самъ

ни испытывалъ, для другихъ онъ всегда умѣлъ найти свѣтлую улыбку, ясный привѣтливый взоръ, ободряющее замѣчаніе.

„Сколько разъ, бывало“ — читаемъ мы въ однихъ неизданныхъ воспоминаніяхъ — „идешь къ нему подъ гнетомъ тяжелаго чувства, все кажется мрачнымъ, искренно предаешься порыву безнадежности; звонишь, входишь, еще не успѣешь заговорить, чтобы повѣдать ему свое горе, а оно утратило свою силу, что-то свѣтлое охватывало душу, совѣстно становилось за себя; чувствовалось, что и разсказывать не стоитъ о томъ, чему за минуту еще придавала такое большое значеніе“.

А вотъ еще воспоминанія, другія, писанныя уже мужской рукою: „Въ обращеніи съ нимъ я получилъ себѣ *воспитаніе,* какого мнѣ не доставало. . . И если у меня есть что получше въ сердцѣ и въ характерѣ, то это лучшее развилось и окрѣпло въ значительной мѣрѣ при добромъ вліяніи Бестужева-Рюмина. . . Да и позже . . . онъ былъ и учителемъ, и воспитателемъ моимъ; онъ навсегда сталъ для меня судьей во всемъ, что касается науки и жизненной дѣятельности. Часто въ разныхъ случаяхъ жизни я спрашивалъ себя: „а какъ поступилъ бы *онъ,* Бестужевъ-Рюминъ? Что *онъ* сказалъ бы?“ При такихъ вопросахъ живо встаетъ въ моемъ воображеніи образъ Константина Николаевича, добрый, иногда важный, строго-озабоченный, и слышится его отвѣтъ: „Поступайте хорошо; вѣрьте, не унывайте, но не будьте самонадѣянны; учитесь, терпите, надѣйтесь“.

К. Н. щедро разсыпалъ вокругъ себя сокровища своего ума и сердца; кто имѣлъ счастливую возможность приблизиться къ нему, навѣрное, навсегда сохранитъ въ душѣ его свѣтлый образъ; этотъ человѣкъ мирилъ съ жизнью; все мелкое, житейское, обыденное въ его присутствіи какъ-то невольно отступало далеко-далеко. При немъ всякій становился лучше, и подобно тому, какъ лучъ солнца, отражаясь въ дождевой каплѣ, придаетъ ей блескъ алмаза, такъ и его прекрасная душа придавала всему, исходящему отъ него, невыразимую прелесть и привлекательность. Болѣе тѣсное общеніе съ нимъ составило эпоху въ жизни однихъ, а для нѣкоторыхъ имѣло даже рѣшающее значеніе на всю жизнь. Конечно, такихъ приходится считать далеко не сотнями, но въ данномъ случаѣ вопросъ не въ количествѣ, а въ интенсивности и прочности вліянія.

Во всѣхъ поступкахъ К. Н., въ интересахъ, какими онъ жилъ, постоянно слышится ясно сознанный, строго опредѣленный и вмѣстѣ высокій нравственный критерій. Всю жизнь его одушевляло стремленіе къ самоусовершенствованію, — то стремленіе, что̀ вытекаетъ сколько изъ сознанія своихъ недостатковъ, столько же, и даже болѣе, изъ благородной потребности духа не останавливаться на добытомъ, а вѣчно, неустанно идти впередъ. Цѣль была высокая, съ меньшимъ мириться онъ не хотѣлъ, да и не могъ. „Мы должны исполнить свой долгъ" — говорилъ онъ — „ни уныніе, ни отчаяніе не должны имѣть мѣста. Постоянная работа надъ собою состоитъ въ томъ, чтобы стараться быть завтра лучше, чѣмъ мы были сегодня. Уныніе заставляетъ опускать руки, ослабляетъ волю и дѣлаетъ невозможнымъ усовершенствованіе. Не стану обманывать васъ: уныніе часто овладѣваетъ мною; но я стараюсь бороться съ собою, стараюсь что-нибудь дѣлать. Чувствую, что я могъ бы быть лучше, могъ бы быть ближе къ тому, какимъ вы меня вообразили, но всетаки знаю, что я боролся, борюсь и буду бороться, пока живъ" [1]).

Рядомъ съ заботой о самоусовершенствованіи, въ Бестужевѣ-Рюминѣ жила другая, не менѣе сильная: не погрязнуть въ заботахъ о личномъ счастьѣ.

Non pour nous seuls,
Mais pour tous nous naissons —

любилъ повторять онъ. И этотъ человѣкъ еще постоянно сокрушался о своихъ недостаткахъ, считалъ себя недостойнымъ той любви, которою былъ окруженъ! Это сознаніе въ иныя минуты вызываетъ въ немъ мысли такого рода: „Мнѣ страшно бываетъ заглянуть въ свое прошлое: такъ много въ немъ всего недостойнаго. Ни какъ человѣкъ, ни какъ профессоръ, я далеко не сдѣлалъ того, что обязанъ былъ сдѣлать. Какъ профессоръ и ученый, я совсѣмъ не такъ много занимался, какъ занимались другіе не болѣе меня даровитые (на счетъ своихъ дарованій я не ошибаюсь: они очень малы); какъ руководитель юношества, я долженъ уступить Замысловскому, который болѣе меня работаетъ со своими учениками. Какъ человѣкъ, я много увлекался. Теперь, уже состарившись, я часто ропщу, часто прихожу въ отчаяніе:

1) Письмо 22 іюля 1885 г.

знаю, что если я вѣрю умомъ, то вѣра еще не просвѣтила и не очистила внутренняго человѣка. Нѣтъ, не таковы бываютъ люди, выдающіеся своимъ умомъ или своими нравственными достоинствами. Я не смѣю имѣть притязанія ни на то, ни на другое. По крайней мѣрѣ мой идеалъ, котораго нѣкогда (въ годы молодости) я мечталъ достигнуть, былъ иной: я никогда не думалъ, что въ умственномъ отношеніи я могу занять высшую степень, но я надѣялся нравственно сохранить себя чистымъ. Вѣрьте, что много на свѣтѣ людей лучше меня" [1]).

Въ томъ-то и была главная прелесть Бестужева-Рюмина: онъ преклонялся предъ „хрустальной душой" О. Ѳ. Миллера, И. И. Петрова, скорбѣлъ, что не въ силахъ подняться до чистоты ихъ міросозерцанія; а самъ и не подозрѣвалъ, никогда и не думалъ, насколько чиста была его собственная душа, не допускавшая въ себѣ ничего дурного, просто потому что все дурное вообще было ей не сродно. Въ тѣхъ случаяхъ, когда К. Н. приходилось слышать о чемъ-нибудь низкомъ, безчестномъ, онъ относился къ этому, помимо возмущенія, которое его охватывало въ первую минуту, скорѣе съ недоумѣніемъ и удивленіемъ, съ какимъ-то, если можно такъ выразиться, любопытствомъ: какъ это человѣкъ могъ сдѣлать такой поступокъ? что у него за душа такая? Нравственное паденіе человѣка, все, омрачающее душу человѣческую, было хотя и понятно ему, но какъ-то со стороны, теоретически что ли, и вотъ къ этому, если случалось ему что-либо подобное узнать, онъ относился не съ насмѣшкой, не съ презрѣніемъ, а съ жалостливымъ недоумѣніемъ. Уже и въ томъ выражалась нравственная чистоплотность его души, что съ нимъ можно было безъ смущенія говорить о чемъ угодно, какъ-бы подчасъ ни была щекотлива тема бесѣды.

Человѣкъ, для котораго въ опредѣленіи поступковъ нравственная мѣрка стоитъ прежде и выше всего, легко впадаетъ въ морализмъ, въ роль проповѣдника; но Бестужевъ-Рюминъ съумѣлъ избѣгнуть этого недостатка; конечно, онъ всегда дорожилъ возможностью оказать вліяніе, пріобрѣсти сторонниковъ своего взгляда и направленія; но это не было воздѣйствіе намѣренное, а то вліяніе, какое само собою ока-

1) Письмо 27 мая 1885 г.

зываетъ человѣкъ, такъ сказать, всѣмъ существомъ, всей совокупностью нравственныхъ силъ своихъ, когда ему приходится отстаивать свою мысль и оспаривать чужую. Бестужевъ никогда не проповѣдовалъ, никого никуда не велъ и своего никому не навязывалъ, даже самаго лучшаго: онъ просто свѣтилъ всѣмъ, какъ „тихій свѣтъ", и около этого свѣта не было мѣста ничему дурному. И столь велико было обаяніе, нравственное вліяніе этой свѣтлой личности, что и люди, соприкасаясь съ нимъ, поворачивались къ нему лучшею своей стороною. Общеніе съ К. Н. приподнимало и возвышало его собесѣдника, и, можетъ быть, самое лучшее во всемъ этомъ было то, что самъ онъ совсѣмъ не сознавалъ этого вліянія, а какъ мы сейчасъ видѣли, еще сокрушался о своемъ недостоинствѣ.

Въ высоконравственномъ критеріи прежде всего слѣдуетъ искать объясненія той притягательной силы, какою обладалъ этотъ рѣдкій и симпатичный человѣкъ. Обаяніе его личности коренится въ высотѣ его нравственныхъ убѣжденій. Полетъ мысли, одушевленность рѣчи, какъ профессора и писателя, вліяніе среди слушателей, очарованіе и настоящее благоговѣніе, какое онъ невольно пробуждалъ къ себѣ въ тѣхъ, кому удавалось поближе заглянуть въ его душу, — всѣмъ этимъ Бестужевъ-Рюминъ обязанъ главнымъ образомъ нравственной безупречности и чистотѣ своего сердца; обширность же образованія, нечего и говорить, удвоивала прелесть его душевныхъ качествъ и содѣйствовала болѣе полному раскрытію его благородной натуры. Къ нему вполнѣ примѣнимы прекрасныя слова: „*Человѣкъ онъ былъ!*"

XIX.

Библіографія литературныхъ трудовъ.

Еще при жизни Бестужева былъ напечатанъ подробный указатель его литературныхъ работъ. Первоначально изданный въ журналѣ „Библіографъ“ (въ приложеніи къ № 6—7 за 1889 г.), онъ тогда же выпущенъ былъ и отдѣльною брошюрою, подъ заглавіемъ: „Библіографическій списокъ литературныхъ трудовъ Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. Съ начала его дѣятельности, т. е. съ 1847 года. Составилъ И. А. Козеко. Спб. 1889. 39 стр.“. Придерживаясь хронологическаго порядка, составитель довелъ свой перечень до мая 1889 г. Въ его работѣ нѣкоторое участіе принималъ и самъ Бестужевъ, вскрывая свои псевдонимы или указывая статьи, печатавшіяся безъ подписи. Лишь по случайной ошибкѣ рѣчь, произнесенная 21 ноября 1881 г. въ засѣданіи Славянскаго Благотворительнаго общества, по поводу испытаній, постигшихъ сербскаго митрополита Михаила, была приписана [1]) Бестужеву (№ 189), о чемъ позже, по его указанію, и было печатно заявлено [2]). Однако, не смотря на непосредственное участіе К. Н. въ составленіи „Библіографическаго списка“, нѣкоторыя статьи оказались все же невнесенными; это приходится особенно сказать о работахъ, помѣщенныхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“: черезъ тридцать лѣтъ Бестужевъ, очевидно, затруднялся или, можетъ быть, даже просто не считалъ стоющимъ припоми-

---

1) Такъ она однако обозначена въ протоколахъ засѣданій этого Общества („Первыя 15 лѣтъ существ. Спб. Слав. Благотв. Общ.“, стр. 698).

2) *Венгеровъ*, Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Томъ III. Спб. 1892, стр. 187.

нать все тогда имъ написанное, — вотъ почему въ „Спискѣ“ г. Козеко, въ примѣчаніи къ № 15, которымъ помѣченъ переводъ одной повѣсти Риля, мы читаемъ такую фразу: „Кромѣ этого перевода помѣщено много другихъ переводовъ, политическихъ и литературныхъ статей въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1856—1859 г.г.“. Общее количество работъ, указанныхъ г. Козеко, сводится къ 252 №№. Эту цифру впрочемъ нельзя считать точною не только въ виду только-что указанныхъ пропусковъ, но и потому что съ одной стороны не все, нашедшее себѣ мѣсто на страницахъ „Библіографическаго списка“, можетъ быть отнесено къ разряду „литературныхъ трудовъ“, а съ другой сочиненія, выдержавшія нѣсколько изданій, но безъ всякихъ перемѣнъ, помѣщены подъ разными номерами, что̀ увеличиваетъ количество самыхъ „трудовъ“ болѣе, чѣмъ это слѣдовало бы допустить. Къ „Списку“ приложенъ алфавитный указатель именъ, а также перечень, тоже въ алфавитномъ порядкѣ, „періодическихъ изданій, сборниковъ и отдѣльныхъ сочиненій, въ которыхъ помѣщены труды проф. К. Н. Бестужева-Рюмина“.

По смерти Бестужева, въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1897, № 2, въ сборной статьѣ, носящей названіе: „Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина“, И. А. Козеко помѣстилъ „Хронологическій указатель литературныхъ трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина“, — перепечатку прежней своей работы, но съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями.

Измѣненія, главнѣйшія, состояли въ слѣдующемъ: 1) повторныя изданія одного и того же сочиненія, выходившія отдѣльными книжками, перечислены всѣ подъ однимъ и тѣмъ же номеромъ, тогда какъ въ „Библіографическомъ спискѣ“ каждому изданію присвоенъ, какъ было сейчасъ указано, свой особый номеръ. 2) Выброшены указанія на изданія литографированныя (лекціи университетскія и на Высшихъ женскихъ курсахъ). 3) Какъ участникъ въ дѣятельности Славянскаго Благотворительнаго общества, особенно по званію его предсѣдателя, Бестужевъ-Рюминъ, въ засѣданіяхъ этого Общества, нерѣдко дѣлился съ присутствующими своими мнѣніями по тому или иному вопросу, обращалъ вниманіе на то или иное близкое Обществу явленіе современной жизни, вспоминалъ о дѣятельности почившихъ сочленовъ и т. п. Въ протоколахъ засѣданій Общества эти краткія рѣчи, поминки и обращенія нашли свое печатное выраженіе и всѣ ихъ можно

читать въ сборникѣ „Первыя 15 лѣтъ существованія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества. Спб. 1883". Въ изданіи „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія" все это исключено изъ перечня, повидимому, какъ неподходящее подъ опредѣленіе „литературныхъ трудовъ" [1]). Такихъ „трудовъ" набралось числомъ 11. Въ изданіи „Библіографа" они помѣчены №№ 95, 110, 136, 137, 164, 166, 170, 171, 172, 180, 188.

Что касается *дополненій,* то указатель въ изданіи „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія" доходитъ до самаго конца литературной дѣятельности Бестужева-Рюмина и (включая сюда двѣ пропущенныхъ рецензіи, за болѣе раннее время, на книги Замысловскаго о Герберштейнѣ и Леже о лѣтописи Нестора) даетъ 54 новыхъ названія, а въ общемъ всего 266 №№ [2]).

Къ сожалѣнію, нѣкоторыя мелкія ошибки и неточности, чисто библіографическаго характера, но нежелательныя именно въ трудѣ библіографическаго рода, корректурныя опечатки въ цифровыхъ данныхъ, неполнота нѣкоторыхъ указаній — перваго изданія остались безъ исправленія и во второмъ; кромѣ того и въ этомъ послѣднемъ многія работы Бестужева-Рюмина все еще остаются неуказанными: по крайней мѣрѣ я могъ бы перечислить до 76 названій [3]), пропущенныхъ г. Козеко [4]).

Въ виду сказаннаго мнѣ казалось небезполезнымъ закончить очеркъ жизни и дѣятельности Бестужева составле-

---

1) Говорю: повидимому, такъ какъ мотивовъ такого изъятія не указано.

2) Изъ нихъ первые 214 составились изъ 252 №№, отмѣченныхъ въ изданіи „Библіографа", за исключеніемъ намѣренно опущенныхъ, и съ внесеніемъ двухъ рецензій о Замысловскомъ и Леже; остальные же 52 №№ — работы, появившіяся послѣ мая 1889 г.

3) Въ моемъ спискѣ они помѣчены №№: 1, 12, 25, 35, 49, 59, 97, 100, 109, 127, 133, 136, 138, 139, 148, 150, 153, 159, 161, 192, 193, 196, 198, 199, 200, 201, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 287, 288, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 312, 315, 317, 318, 325, 327, 337, 342, 354, 358, 368, 373, 376, 378, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 390, 393, 394, 403, 405, 406, 413, 414, 415, 418, 419, 420, 421.

4) Впрочемъ въ это число включено и то, что появилось уже послѣ выхода его указателя на страницахъ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія".

ніемъ новаго указателя его литературныхъ трудовъ. Отъ безусловной полноты впрочемъ далекъ и я. „Переводы, политическія и литературныя статьи въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1856—1859 г.г.“ остаются и теперь, за малымъ развѣ исключеніемъ, по прежнему нераскрытыми; можетъ быть, что пропущено и изъ позднѣйшихъ работъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ я лишенъ былъ возможности непосредственно самому дать описаніе статьи, я полностью заимствовалъ его у г. Козеко, съ тѣми лишь видоизмѣненіями, что вытекали изъ тѣхъ общихъ основаній, какихъ я счелъ нужнымъ придерживаться при составленіи своего списка. Прежде чѣмъ однако излагать эти основанія, остановлюсь еще на нѣкоторыхъ подробностяхъ библіографическаго характера.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и въ „Отечественныхъ Запискахъ“ нѣкоторыя рецензіи Бестужева подписаны иниціаломъ *Б.*[1]), что̀ даетъ право[2]) и въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ этой газеты и журнала, гдѣ встрѣчается такой иниціалъ, видѣть то же перо. Конечно, догадки подобнаго рода должны дѣлаться съ большою осмотрительностью. Такъ, напримѣръ, статейка „Новости естественныхъ наукъ“ въ „Москов. Вѣдомостяхъ“ 1856, № 32, хотя и подписана *Б.*, но статьи подобнаго же содержанія въ слѣдующихъ №№ (81, 95, 124) появляются уже съ иниціалами *А. Б.* и даже за полною фамиліею ихъ автора: *А. Богданова.* Точно также и относительно такихъ статей, въ тѣхъ же „Москов. Вѣдомостяхъ“ 1859 г., каковы: „О пансіонахъ для дѣвицъ въ уѣздныхъ городахъ“ (№№ 3, 6), „Праздникъ 12 января въ Одессѣ“ (№ 33) и „Объ устройствѣ желѣзной дороги отъ Перми до Тюмени“ (№ 49) — одна эта буква *Б.* не можетъ еще ничего говорить за авторство Бестужева, развѣ только то, что вообще въ эти годы въ названной газетѣ появлялись несомнѣнныя статьи Бестужева съ этимъ иниціаломъ, и что съ другой

---

1) №№ 10, 13, 14, 18, 19, 20, 22, 24, 25, 26, 31, 37, 49, по изданію „Библіографа“, или 149, 395, 289, 396, 375, 397, 369, 290, 158, 116, 370, 89 и 371 соотвѣтственно моему списку.

2) Особенно если вспомнить признаніе автора, сдѣланное устами г. Козеко, что въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* „помѣщено много“ разныхъ статей, не попавшихъ въ указатель.

стороны Бестужеву, на положеніи литературнаго поденщика, приходилось писать въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ рѣшительно *обо всемъ*.

Во всякомъ случаѣ меньше недовѣрія возбудятъ слѣдующія двѣ рецензіи, именно по характеру темъ ими затронутыхъ и однородныхъ съ тѣми, какія, несомнѣнно, приходилось трактовать Бестужеву-Рюмину въ это время:

1. *Б.* Австрійцы и Италія (по поводу книги T. de la Varenne: Les Autrichiens et l'Italie. Histoire anécdotique de l'occupation autrichienne depuis 1815. P. 1858). *Москов. Вѣд.* 1859, №№ 23, 40, 43, 66.
2. *Б.* „Лѣтописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовымъ. Т. I—II, кн. 1—4. М. 1859“. *Москов. Вѣд.* 1859, № 100.

Съ еще большею убѣдительностію назвалъ бы я:

[Библіографическое извѣстіе]. „Сказаніе о томъ, что есть и что была Россія, кто въ ней царствовалъ и что она происходила (?), князя В. В. Львова. М. 1856“. *Москов. Вѣд.* 1856, № 82, стр. 48.

Рецензія эта совсѣмъ анонимная, но напоминаетъ Бестужева ссылкою на „Пикквикскій клубъ“ и манерою отмѣчать фактическія ошибки, — манерою, сходною съ той, что̀ наблюдается въ тогдашнихъ его рецензіяхъ.

Анонимны, но, повидимому, тоже пера Бестужева рецензіи:

1. „Разсказы изъ русской исторіи. В. Водовозова. Выпускъ первый. Спб. 1861“. *Отеч. Записки* 1861, № 10, стр. 121—122.
2. „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. С. Соловьева. Т. XI. Спб. 1861“. *Отеч. Записки* 1861, № 10, стр. 123—124.

Сходство манеры и нѣкоторыхъ указаній сближаетъ послѣднюю рецензію съ другою, несомнѣнно принадлежащею Бестужеву, именно съ его отзывомъ о XII-мъ томѣ „Исторіи“ Соловьева, помѣщенной въ „Отеч. Запискахъ“ 1862, № 12, стр. 180—182 [1]). Если признать справедливость такой догадки, то, можетъ быть, правильно будетъ перу Бестужева же приписать еще и слѣдующую коротенькую рецензію:

„Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Сочиненіе Сергѣя Соловьева. Том. X. Исторія Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Спб. 1860“. *Отеч. Записки* 1860, № 7, стр. 57—58.

По поводу голода 1891—1892 г. Бестужевымъ была написана небольшая замѣтка, предназначавшаяся въ одинъ изъ сборниковъ, издаваемыхъ въ ту пору съ благотворительною цѣлью; но была ли она послана и, тѣмъ болѣе, напечатана,

---

1) См. № 74 моего списка.

этого не могу сказать. Одинъ изъ фельетоновъ въ „Спб. Вѣдомостяхъ", въ періодъ редакторства В. Г. Авсѣенка (въ № 173, но котораго года?), вызвалъ со стороны Бестужева опроверженіе въ формѣ письма къ редактору. Письмо написано въ защиту Нижегородскаго Александровскаго Дворянскаго института; но напечатано ли, — также не берусь утверждать. Можетъ быть, и то, и другое слѣдуетъ причислить къ разряду рукописей.

Что касается вообще до послѣднихъ, то мы уже знаемъ, что въ *рукописи* осталась студенческая работа по сличенію текста главнѣйшихъ лѣтописей (стр. 45); также неизданы „Воспоминанія о Нижегородскомъ Александровскомъ институтѣ, 1844—1845 г." (стр. 12); переводы: „К. Криспа Саллюстія Книга о заговорѣ Катилины"; его же „Югурта"; рѣчь Цицерона противъ Катилины и Веллей Патеркулъ (стр. 256); сличеніе „Евгенія Онѣгина" по разнымъ изданіямъ (стр. 275); наконецъ, автобіографія, доведенная до 1859 г. (стр. 307, прим.). Кромѣ того еще при жизни Бестужевъ-Рюминъ пожертвовалъ въ „Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III" свой рукописный курсъ русской исторіи, читанный имъ Августѣйшимъ Особамъ, въ томъ числѣ и императору Александру, въ бытность его великимъ княземъ (сравн. стр. 84). Сверхъ напечатаннаго въ „Біографическомъ словарѣ русскихъ дѣятелей, издав. Имп. Русскимъ Историческимъ Обществомъ", Бестужевъ приготовилъ для этого изданія біографіи еще слѣдующихъ лицъ: Андрея Боголюбскаго, Бориса Годунова, царицы Анастасіи, первой жены Ивана Грознаго, и царя Алексѣя Михайловича; если не ошибаюсь, также и слѣдующія имена, въ изложеніи Бестужева, должны появиться въ „Словарѣ": гетманъ Апостолъ; Бѣльскій, Богданъ Яковлевичъ; князья Бѣльскіе. Въ бумагахъ Бестужева нашлась очень сочувственная рецензія на сочиненіе проф. Иконникова: „Графъ Н. С. Мордвиновъ. Спб. 1875", и отзывъ о книгѣ г. Витевскаго: „И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г.". Отзывъ этотъ, обнимающій 19 страницъ почтоваго листа въ четвертку мелкаго письма, имѣетъ въ виду лишь три первыхъ выпуска книги

г. Витевскаго (Казань 1889—1891) и, очевидно, не есть то, что было представлено Бестужевымъ въ Академію Наукъ, какъ оцѣнка премируемаго труда (см. ниже мой списокъ, № 199), такъ какъ тамъ дѣло идетъ о всѣхъ пяти выпускахъ. Наконецъ, одно время Бестужевъ готовилъ рецензію о книгѣ Фримана: „The history and conquests of the Saracens, 3 edit. London 1876“, началъ писать, но почему-то оборвалъ ее на первой страницѣ.

Ко времени 1881 г. относится любопытный клочокъ бумаги съ начатой и тоже неоконченною статьей: „Нѣсколько словъ о современныхъ событіяхъ“, предназначавшеюся, повидимому, въ „Историческій Вѣстникъ“. Въ примѣчаніи къ заголовку читаемъ: „4-го и 5-го марта говорилъ я по поводу того, что дѣлается кругомъ насъ, на Высшихъ женскихъ курсахъ и въ Университетѣ. С. Н. Шубинскій желалъ, чтобы я воспроизвелъ свои рѣчи; но онѣ не были записаны и сказаны такъ, какъ каждый разъ приходило на умъ. Вотъ почему возстановить ихъ трудно, и я, взявши въ основу то, что сказано въ томъ или другомъ мѣстѣ, придалъ сказанному, быть можетъ, не тотъ видъ. Мои слушатели поймутъ, что я не могъ сохранить въ памяти того, что и какъ говорилъ“. Что касается до самаго текста статьи, то вотъ что тамъ читается: „Великое зло совершилось и совершается въ Русской землѣ. Снова, какъ въ началѣ XVII в., стоитъ передъ нами вопросъ, быть или не быть русскому обществу и Русскому государству; снова „шатость и колебаніе“ почувствовались въ воздухѣ; снова „воры“ вышли на свѣтъ Божій; снова совѣсть человѣческая раздвоилась; снова „морокъ“ овладѣлъ умами. Двадцать шесть лѣтъ тому назадъ съ восторгомъ и надеждою привѣтствовали мы вступленіе на престолъ государя, воспитанника Жуковскаго, у колыбели котораго онъ произнесъ слова, теперь оказавшіяся пророческими:

Да славнаго свидѣтель славный будетъ
И на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій — человѣкъ!

Онъ вступалъ на престолъ при громѣ иноземнаго нашествія; онъ вступалъ на престолъ при томъ состояніи общества, которое мѣтко и вѣрно охарактеризовано словами поэта:

Черна въ судахъ неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,

Безбожной лести, лжи позорной,
И лѣни мертвой и тлетворной,
И всякой мерзости полна".

На этомъ обрывается начатая статья. Ее небезынтересно сравнить съ текстомъ адреса, составленнаго въ ту пору Бестужевымъ отъ имени Славянскаго общества и поднесеннаго императору Александру III (см. мой списокъ, № 312).

Со дня кончины Бестужева-Рюмина идетъ уже третій годъ. За это время появилось нѣсколько работъ его, которыя поэтому могли бы составить категорію *посмертныхъ*. Ниже всѣ онѣ указываются, размѣщенныя по разнымъ рубрикамъ моего списка[1]). Ихъ впрочемъ пока не много: небольшая статья „Задачи популяризаціи знаній"; изданныя отдѣльною книгою письма къ графу С. Д. Шереметеву по вопросамъ, тѣсно связаннымъ съ исторіею Смутнаго времени; три академическихъ рецензіи на представленныя къ преміи книги г.г. Витевскаго, Леонтовича и Голубовскаго, при чемъ первая изъ названныхъ рецензій напечатана лишь въ коротенькомъ извлеченіи; наконецъ, двѣ небольшихъ біографіи: Камбека для „Біографическаго словаря русскихъ дѣятелей", и Видерта — для „Критико-біографическаго словаря русскихъ писателей и ученыхъ".

Разбираясь въ литературныхъ трудахъ Бестужева, невольно обращаешь вниманіе на сравнительную бѣдность собственно „книгъ" по отношенію къ статьямъ и работамъ мелкаго объема. Четыре брошюрки популярнаго изложенія русской исторіи; дѣйствительно, обширное и полновѣсное изслѣдованіе о лѣтописяхъ; два тома „Русской Исторіи", да перепечатка статей исторіографическаго содержанія („Біографіи и Характеристики") — вотъ собственно говоря и всѣ *книги* Бестужева, если не считать отдѣльныхъ оттисковъ журнальныхъ статей. Причину такого на первый взглядъ страннаго явленія однако не трудно понять: въ пятидесятые и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ литературная дѣятельность Бестужева-Рюмина носила чисто *журнальный*, т. е.

---

1) №№ 1, 49, 199, 200, 201, 245, 288.

спѣшный характеръ, срочность работы не позволяла какъ слѣдуетъ сосредоточиться на одной какой либо темѣ. Едва ли не единственною крупною работою за эти годы была статья въ „Московскомъ Обозрѣніи", но и она была *статьею;* къ тому же читающая публика прошла, почти не замѣтивъ ее.

Правда, періодъ университетской дѣятельности Бестужева сказался двумя крупными работами; но задолго до того, какъ эта дѣятельность пресѣклась, немалою помѣхою для сложныхъ и обширныхъ темъ стало участіе его въ Славянскомъ обществѣ, а затѣмъ завѣдываніе Женскими курсами. Къ тому же разносторонность интересовъ въ этомъ отношеніи не нашла себѣ противовѣса въ здоровьи, недостатокъ котораго давалъ себя чувствовать уже въ эту пору. Когда же болѣзнь сломила Бестужева, когда настала борьба съ одолѣвавшими недугами, тогда тѣмъ болѣе пришлось ограничиться статьями журнальнаго объема.

Все же, будемъ помнить, болѣзни мѣшали появленію лишь крупныхъ работъ; собственно же работать Бестужевъ не пересталъ: онъ продолжалъ писать и въ послѣдній періодъ жизни; писалъ много, печатаясь въ разныхъ журналахъ, какъ строго научныхъ, такъ и разсчитанныхъ на широкую публику. Но такая разбросанность мѣшала подведенію итоговъ, болѣе яркому опредѣленію научной физіономіи автора, — вотъ почему за послѣдніе годы Бестужевъ особенно часто возвращался къ мысли объ изданіи своихъ сочиненій. Онъ намѣтилъ до 60 статей, которыя думалъ издать въ двухъ или трехъ томахъ. Перечень этихъ статей любопытенъ, такъ какъ изъ него видно, что цѣнилъ въ своей прошлой работѣ К. Н., на что смотрѣлъ отрицательными глазами, и я считаю не лишнимъ привести его здѣсь. Вотъ онъ [1]):

1. Методы историческихъ знаній, Фримана (56).
2. Рецензія историческихъ курсовъ Шульгина и Г. Вебера (372).
3. Рецензія книги проф. Иконникова: „Опытъ русской исторіографіи" (58).

---

1) Группировка статей принадлежитъ мнѣ. Стоящія въ концѣ каждой статьи цифры въ скобкахъ означаютъ номера этихъ статей по моему списку.

4. Современное состояніе русской исторіи, какъ науки (2).
5. Различныя направленія въ изученіи русской народности (89).
6. Рецензія книги Кояловича: „Исторія русскаго самосознанія“ (57).
7. Рецензія книги акад. Пыпина: „Исторія русской этнографіи“ (193).
8. Двухсотлѣтнія поминки по В. Н. Татищевѣ (5).
9. Рецензія книги Погодина: „Древняя русская исторія до монгольскаго ига“ (80).
10. Рецензія книги Погодина: „Статьи полемическія и польскій вопросъ“ (334).
11. Рецензія книги г. Барсукова: „Жизнь и труды Погодина, кн. II“ (63).
12. Рецензія „Исторіи Россіи“ Соловьева, т. VI (71).
13. То же, т.т. I—X, статья 2-я [1]) (73).
14. То же, т. XXIII (75).
15. То же, т. XXIV (76).
16. То же, т. XXV (77).
17. То же, т. XXVI (78).
18. Двадцатипятилѣтіе „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева (17).
19. Рецензія „Сочиненій“ Соловьева (79).
20. Рецензія „Сочиненій“ А. А. Котляревскаго, т. I (141).
21—23. Три рецензіи на два первыхъ тома „Исторіи Россіи“ г. Иловайскаго (82, 83, 84).
24. Русская исторія въ связи съ исторіей другихъ славянскихъ народовъ (27).
25. Вступительная лекція, читанная въ Спб. университетѣ, 2-го сентября 1865 (28).
26. Чему учитъ русская исторія (30).
27. Рецензія книги г. Рамбо: „Histoire de la Russie“ (85).
28. Рецензія книги г. Рамбо: „La Russie épique“ (92).
29. О колонизаціи великорусскаго племени (43)
30. О характерѣ власти варяжскихъ князей (45).
31. Рецензія книги г. Брянцева: „Исторія Литовскаго государства“ (101).
32. Нѣсколько словъ по поводу поэтическихъ воспроизведеній характера Ивана Грознаго (48).

---

1) Именно только одну вторую статью, безъ первой.

33. „Европеизованіе Россіи“, сочиненіе проф. Брикнера (122).
34. Причины различныхъ взглядовъ на Петра В. (51).
35. Мартинизмъ въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка. Записки И. В. Лопухина (130).
36. Рецензія сочиненій А. Н. Попова о войнѣ 1812 г. (134).
37. Рецензія о книгѣ Безобразова: „Графъ Ѳ. П. Литке“ (137).
38—39. Двѣ рецензіи двухъ томовъ „Біографіи А. И. Кошелева“ (138, 139).
40. Рецензія книги Булича: „Сумароковъ и современная ему критика“ (170).
41. Рецензія книги г-жи Бѣлозерской: „В. Т. Нарѣжный“ (196).
42. Князь П. А. Вяземскій. Чтеніе (194).
43. Н. А. Полевой (173).
44. Рецензія „Сочиненій“ Пушкина въ изданіи Анненкова (180).
45. Рецензія книги Грота: „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“ (181).
46. Пушкинъ въ изданіи Л. И. Поливанова (182).
47. Рецензія книги г. Трубачева: „Пушкинъ въ русской критикѣ“ (184).
48. Рецензія „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями Н. Гоголя“ (169).
49. Рецензія „Сочиненій“ Гоголя, въ изданіи (10-мъ) Тихонравова (186).
50—51. Двѣ рецензіи двухъ первыхъ томовъ книги г. Шенрока: „Матеріалы для біографіи Гоголя“ (187, 188).
52. Отчетъ о дѣятельности 2-го отдѣленія Имп. Академіи Наукъ за 1891 г. (191).
53. Смыслъ и значеніе музея имени Государя Наслѣдника (339).
54. Предположеніе о составѣ музея имени Государя Наслѣдника (340).
55. Рѣчь о Достоевскомъ (310).
56. Рѣчь предъ открытіемъ засѣданія экстреннаго собранія Славянскаго Благотворительнаго Общества послѣ торжественной панихиды по государѣ императорѣ Александрѣ II (311).
57. Рѣчь 15 ноября 1884 г. по поводу тысячелѣтняго чествованія памяти св. Меѳодія (319).

58. Рѣчь 7 апрѣля 1885 г. по случаю тысячелѣтія со дня кончины св. Меѳодія (321).
59. „Духа не угашайте“ (322).
60. Рѣчь, посвященная памяти И. С. Аксакова (323).
61. Теорія культурно-историческихъ типовъ (326).
62. День 900-лѣтія крещенія Русскаго народа (341).

При жизни Бестужева-Рюмина объ *немъ самомъ* печаталось не много. Вотъ главнѣйшее, мнѣ извѣстное:

1. *Ѳ. М. Дмитріевъ.* Отвѣтъ г. Бестужеву-Рюмину. *Москов. Вѣд.* 1860, № 209.
2. (Отзывъ о вступительной лекціи 2-го сентября 1865 г., напечатанной въ *Отеч. Запискахъ* 1865 г.; см. ниже мой списокъ, № 28). *Вѣстникъ Европы* 1866, т. II, отдѣлъ: литературная хроника, стр. 32—36.
3. *Н. Второвъ* (Отзывъ о четырехъ книжкахъ по русской исторіи въ популярномъ изложеніи [№№ 31—34 моего списка], въ сравненіи ихъ съ соч. А. Петрушевскаго: „Разсказы про старое время на Руси“). *Отеч. Записки* 1867, № 13, т. 174, стр. 273—284.
4. *И. И. Срезневскій* (Записка объ ученыхъ трудахъ Бестужева-Рюмина, представленная въ совѣтъ Спб. университета). *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1868, № 7, отдѣлъ: университеты, стр. 39—41.
5. *М. О. Кояловичъ* (Отзывъ о первомъ томѣ „Русской Исторіи“). *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1872, № 10, стр. 367—380.
6. *М. О. Кояловичъ.* Разборъ критики К. Н. Бестужева-Рюмина на сочиненіе М. О. Кояловича: „Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ“. Спб. 1885. 8°. 28 стр. (Оттискъ изъ *Христ. Чтенія* 1885 г.).
7. *И. Р.* (Отзывъ о второмъ томѣ „Русской Исторіи“). *Истор. Вѣстникъ* 1886, № 2, стр. 466—470.
8. *И. А. Козеко.* Библіографическій списокъ литературныхъ трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина съ начала его дѣятельности, т. е. съ 1847 года. Спб. 1880. 8°. 39 стр. и въ приложеніи къ журналу *Библіографъ* 1889, № 6—7.
9. *А. Ѳ. Бычковъ* (Записка объ ученыхъ трудахъ Бесту-

жева, какъ члена-корреспондента Академіи Наукъ, представленная въ Академію передъ избраніемъ его въ академики). *Сборникъ отд. р. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ,* т. 52. Спб. 1891, стр. 26—33.

10. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Словарь русскихъ писателей, *Венгерова,* т. III. Спб. 1892, стр. 187—207 (стр. 187: литература по біографіи Б-ва и 44 отзыва о его сочиненіяхъ; стр. 188—189: автобіографич. записка; стр. 189—195: *С. В.,* перечень сочиненій по группамъ; стр. 195—207: *Д. А. Корсаковъ,* оцѣнка научной дѣятельности).

11. *А. Р.* Konstantin Nik. Bestužev-Rjumin (съ портретомъ). *Světozor* (v Praze), 27 dubna 1894, № 24, стр. 287.

12. *Н. М. Павловъ.* Мысли и замѣтки о русской исторіи и объ нашей исторической наукѣ. Нашъ отвѣтъ г-ну Бестужеву-Рюмину (Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и слов. Имп. Акад. Наукъ 1896, т. I, кн. 1). *Русскій Архивъ* 1897, № 1, стр. 145—175.

Изъ числа же посмертныхъ статей, посвященныхъ Бестужеву-Рюмину, назовемъ, придерживаясь хронологическаго порядка и опуская некрологи въ тѣсномъ значеніи этого слова, слѣдующія:

1. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. *Новое Время* 1897, 3 января, № 7490.

2. Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина. *Петербургская Газета* 1897, 3 января, № 2.

3. *Е. Шмурло.* Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина. *Спб. Вѣдомости* 1897, 6 января, № 5. Перепечатано въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1897, № 2, см. ниже, № 7.

4. Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина. Рѣчь, читанная академикомъ *Л. Н. Майковымъ* въ общемъ собраніи Имп. Академіи Наукъ 11 января 1897. Спб. 1897. 7 стр. 4°.: предварительный оттискъ, позже включенный въ *Извѣстія Имп. Академіи Наукъ,* т. VI, № 3. Спб. 1897, стр. XV—XIX. Перепечатано полностью въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1897, № 2 (см. ниже, № 7) и также почти полностью, лишь безъ первыхъ строкъ, въ *Правительств. Вѣстникѣ* 1897, 19 января, № 15.

5. Статья (г. *Величко?*) въ газетѣ *Кавказъ* 1897, № 7 [1]).

1) Извѣстна мнѣ лишь по чужимъ указаніямъ.

6. *М. Н. Бережковъ.* Въ память К. Н. Бестужева-Рюмина. Кіевъ 1897. 8°. 8 стр. (Рѣчь въ собраніи Нѣжинскаго Историко-Филологическаго общества, 15 января 1897 г.).
7. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. *Всемірная Иллюстрація* 1897, 25 января, № 1461, стр. 101—105 (съ портретомъ).
8. Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1897, № 2, стр. 158—207.
   I. *Л. Н. Майковъ.* Перепечатка рѣчи, указанной выше подъ № 4 (стр. 158—163).
   II. *С. Ѳ. Платоновъ.* Статья (стр. 163—177), вышедшая отдѣльною брошюрою, подъ заголовкомъ: „Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ († 2-го января 1897 г.). *С. Ѳ. Платонова.* Спб. 1897. 8°. 16 стр.".
   III. *Е. Шмурло.* Перепечатка статьи, указанной выше подъ № 3 (стр. 177—182).
   IV. *И. А. Козеко.* Хронологическій указатель литературныхъ трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина (стр. 183—207).
9. *П. Н. Полевой.* Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина (съ портретомъ). *Истор. Вѣстникъ* 1897, № 2, стр. 606—612.
10. *Baudouin de Courtenay, R.* K. M. Bestużew-Riumin (Wspomnienie pośmiertne) (съ портретомъ). *Kraj,* 7 lutego 1897, № 6, str. 58—60.
11. *Д. И. Иловайскій.* Начало моего знакомства съ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ и „Московское Обозрѣніе". *Кремль* 1897, 8 февраля, № 1. Перепечатано въ книгѣ: „Историческія сочиненія *Д. И. Иловайскаго.* Часть вторая. 1859—1897. М. 1897", стр. 377—381.
12. *Бывшая слушательница.* К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (изъ воспоминаній бывшей слушательницы). *Новое Время* 1897, 10 февраля, № 7528.
13. *П. Г. Моравекъ.* К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Въ брошюрѣ: „14 февраля 1897 г. Протоколъ торжественнаго общаго собранія г.г. членовъ Спб. Славянскаго Благотворительнаго Общества. Спб. 1897", стр. 15—25.
14. *И. П. Филевичъ.* Поминка по К. Н. Бестужевѣ-Рюминѣ. (Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Славянскаго общества въ Спб., 14 февраля 1897 г.). *Русское Обозрѣніе* 1897, май, 343—368, и отдѣльною брошюрою, подъ заголовкомъ: „Поминка по К. Н. Бесту-

жевѣ-Рюминѣ. Проф. *И. П. Филевича* (Отдѣльный оттискъ изъ *Русскаго Обозрѣнія* 1897 года). Москва 1897. 8°. 28 стр.".

15. *Е. Шмурло.* К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (Его жизнь и научная дѣятельность). *Сѣверный Вѣстникъ* 1897, апрѣль, 141—161; май, 81—88; іюнь, 23—45; августъ, 132—139.
16. *А. А. Румянцева.* К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. *Дѣтское Чтеніе* 1897, № 6, стр. 243—256.
17. *С. А. Венгеровъ.* Русскія Книги. Т. II. Спб. 1898, стр. 269—271 [1]).
18. *А. С. Суворинъ.* Маленькія письма. CCCXXVII. *Новое Время* 1898, 1 апрѣля, № 7963 [2]).
19. *С. Ѳ. Платоновъ* (Отзывъ о книгѣ: „Письма К. Н. Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени. Спб. 1898"). *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1898, май, 170—176.
20. *В. С. Иконниковъ.* Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ († 2 января 1897 г.). Кіевъ 1898. 8°. 13 стр. (оттискъ изъ *Чтеній въ истор. Обществѣ Нестора лѣтописца*", кн. XII).
21. *Е. Шмурло.* Одинъ изъ такъ-называемыхъ славянофиловъ (К. Н. Бестужевъ-Рюминъ). *С.-Петерб. Вѣдом.* 1898, 6 и 13 октября, №№ 274, 281.
22. *Е. Шмурло.* Памяти хорошаго человѣка. *С.-Петерб. Вѣдом.* 1899, 1 января, № 1.

Печатая ниже списокъ литературныхъ работъ Бестужева-Рюмина, считаю полезнымъ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній:

1) Въ виду того что списокъ литературныхъ трудовъ К. Н. издавался уже дважды въ хронологическомъ порядкѣ, я счелъ болѣе умѣстнымъ не повторяться и составить его въ порядкѣ *систематическомъ,* тѣмъ болѣе что разнообразіе вопросовъ, которыхъ касалось перо нашего историка, и безъ

---

1) Приведенъ перечень (только) книгъ Бестужева: сочиненій и переводовъ, оттисковъ журнальныхъ статей, а также литографированныхъ лекцій (35 названій подъ 31 номеромъ).

2) О „Письмахъ К. Н. Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени".

того вызываетъ потребность разобраться въ нихъ по возможности. Знаю, что всякая библіографическая система условна и каждая можетъ встрѣтить основательныя возраженія; но это неудобство все же не исключаетъ потребности въ самой системѣ. Знаю также, что ту систему, которой придерживаюсь я, можно легко упрекнуть въ непослѣдовательности, въ отсутствіи внутренняго единства; но главною задачею себѣ въ данномъ случаѣ я ставилъ не стройность архитектоническую, а удобства чисто практическія: возможно болѣе легкую оріентировку въ массѣ напечатаннаго Бестужевымъ. Въ моемъ указателѣ первый изъ отдѣловъ— „Русская исторія" — разбитъ на двѣ группы: „Книги, статьи, рѣчи" и „Рецензіи"; въ томъ и другомъ размѣщеніи я слѣдовалъ порядку хронологическому не по времени составленія статей, а по времени событій, трактуемыхъ въ этихъ статьяхъ, при чемъ отдѣльнымъ эпизодамъ и періодамъ предшествуютъ общіе обзоры, — статьи, охватывающія исторію нашего прошлаго во всей его совокупности, а тѣмъ и другимъ вмѣстѣ — статьи по исторіографіи. Въ концѣ „Рецензій" отдѣльно сгруппированы отзывы объ учебникахъ и вообще о книгахъ по начальному ознакомленію съ русской исторіей. Во второмъ отдѣлѣ — „Новая русская литература" — отдѣлѣ, не особенно обширномъ, статьи о Пушкинѣ и Гоголѣ тоже сгруппированы вмѣстѣ и тѣмъ выдѣлены отъ остальныхъ: имъ и самъ К. Н. придавалъ большее значеніе, къ тому же онѣ и сами по себѣ составляютъ выдающуюся часть этого отдѣла. Отдѣлы 3-й и 4-й — „Академія Наукъ" и „Энциклопедіи и біографическіе словари" — по содержанію могли бы войти въ первые два; но я полагалъ, что въ такомъ видѣ отчетливѣе обрисуется, какъ академическая дѣятельность К. Н., такъ и характеръ его участія въ энциклопедическихъ словаряхъ, тѣмъ болѣе что онъ сотрудничалъ почти во всѣхъ главнѣйшихъ за его время изданіяхъ этого рода. Въ пятый отдѣлъ — „Статейки, замѣтки и письма" — вошли, все изъ той же категоріи вопросовъ по русской исторіи и литературѣ, письма въ редакцію, случайныя замѣтки, поправки, вызванныя преимущественно желаніемъ поправить чью либо ошибку, внести дополненіе, разъяснить сомнѣніе и т. п. Давая шестому отдѣлу заголовокъ: „Славянскій вопросъ и славянство", я, насколько это было возможно, выдѣлилъ статьи публицистическаго характера и тѣсно связанныя съ дѣятель-

ностью Бестужева въ Славянскомъ обществѣ отъ статей, посвященныхъ собственно изученію славянскихъ народовъ, его исторіи и современному положенію. Тѣсно примыкаетъ къ этому отдѣлу и слѣдующій за нимъ — „Общественные вопросы". Выдѣленіе „Некрологовъ" въ особую группу представлялось мнѣ тоже желательнымъ: сравнительное обиліе ихъ, несомнѣнно, типичная черточка, небезполезная при опредѣленіи характера и настроеній К. Н. Необходимость остальныхъ рубрикъ, полагаю, не нуждается въ объясненіяхъ.

2) Передъ названіемъ статьи ставится фамилія автора, полностью или въ сокращеніи, смотря по тому какъ она была пропечатана при самой статьѣ, а также условный псевдонимъ; если не указано ни фамиліи, ни псевдонима, значитъ, статья появилась совсѣмъ безъ подписи. Лишь въ отдѣлѣ „Энциклопедіи и Словари" я предпочелъ, чисто для внѣшняго удобства, отступить отъ этого порядка (см. ниже).

3) Изъ числа одиннадцати вышеуказанныхъ по списку г. Козеко въ изданіи „Библіографа" и исключенныхъ изъ изданія „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія", въ моемъ спискѣ изъяты лишь пять [1]); остальные же шесть [2]), по моему мнѣнію, имѣютъ полное право на включеніе: конечно, это лишь пересказъ, резюмэ того, что излагалось устно на засѣданіяхъ Славянскаго общества; тѣмъ не менѣе содержаніе или развитіе мыслей и положеній оратора передано въ данномъ случаѣ путемъ *литературнымъ*. Къ тому же едва ли можно сомнѣваться, что всѣ подобныя резюмэ предварительно были проредактированы самимъ Бестужевымъ или по крайней мѣрѣ одобрены имъ. Иное дѣло тѣ пять номеровъ: они только указываютъ на предварительную работу съ перомъ въ рукѣ, но сама работа или не успѣла облечься въ литературную форму, или не дошла до насъ, не оставила никакихъ слѣдовъ. Не вводя ихъ въ свой списокъ, я однако отмѣчу ихъ содержаніе полностью, какъ оно читается въ названномъ сборникѣ „Первыя 15 лѣтъ суще-

---

1) 95, 110, 166, 171, 180.

2) 136, 137, 164, 170, 172, 188. См. ихъ ниже по моему списку подъ №№ 4, 10, 14, 15, 47, 309 и 313. Увеличеніе №№ на одинъ въ моемъ спискѣ произошло оттого, что № 170 г. Козеко помѣченъ мною, какъ два разныхъ „труда".

ствованія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества".

1. Засѣданіе 11 мая 1869 г. „К. Н. Бестужевъ-Рюминъ изложилъ краткую характеристику Галицкой Руси до присоединенія ея къ Польшѣ. Собраніе единодушно выразило желаніе, чтобы этотъ очеркъ былъ скорѣе напечатанъ" (стр. 19).
2. Засѣданіе 11 мая 1872 г. „К. Н. Бестужевъ-Рюминъ сообщилъ нѣсколько историческихъ соображеній по поводу остатковъ древнѣйшаго обще-арійскаго быта, учрежденій и народныхъ воззрѣній, сохранившихся у современныхъ народовъ, и, между прочимъ, слѣдовъ поземельной общины, существующихъ до нынѣ въ Англіи, что вмѣстѣ съ свѣдѣніями о существованіи этого учрежденія у древнихъ германцевъ и до нынѣ въ Индіи навело его на мысль о томъ, что община можетъ считаться общимъ арійскимъ учрежденіемъ" (стр. 206).
3. Засѣданіе 14 февраля 1879 г., подъ предсѣдательствомъ К. Н. Бестужева-Рюмина. „По открытіи засѣданія, предсѣдатель, по принятому обычаю посвящать этотъ день памяти скончавшихся въ минувшемъ году членовъ Общества, въ рѣчи своей, обращенной къ присутствующимъ, остановился на двухъ недавнихъ утратахъ, понесенныхъ Славянскимъ обществомъ: скончались М. В. Молчанъ и А. П. Струговщиковъ. М. В. Молчанъ былъ родомъ изъ Угорской Руси, той страны, въ которой особенно живутъ славянскія симпатіи. Онъ родился въ 1832 г., первоначально учился въ Галичинѣ, въ Мишкольцѣ, а затѣмъ посѣщалъ лекціи въ Пештскомъ университетѣ. Впервые онъ посѣтилъ Россію во время этнографической выставки въ 1867 г. Въ 1871 г. Молчанъ принялъ православіе. Онъ занимался работами по порученіямъ министерствъ Народнаго Просвѣщенія и Военнаго, а также переводами съ венгерскаго языка. Переходя къ А. П. Струговщикову, предсѣдатель сказалъ, что не будетъ касаться его литературной дѣятельности, которая дала ему извѣстность, какъ талантливому переводчику Шиллера и Гете, а напомнитъ присутствующимъ лишь то, что покойный былъ всегда однимъ изъ усердныхъ членовъ Славянскаго общества, живо интересовался его судьбами и всегда старался выступать въ примирительномъ духѣ" (стр. 569).
4. Засѣданіе 11 мая 1880 г., подъ предсѣдательствомъ К. Н. Бестужева-Рюмина. „По открытіи засѣданія, предсѣдатель заявилъ о выходѣ въ свѣтъ русско-сербскаго словаря, составленнаго почетнымъ членомъ Общества П. А. Лавровскимъ, и затѣмъ перешелъ къ воспоминаніямъ о почившихъ въ минувшемъ году членахъ Общества: архіепископѣ Антоніѣ, А. И. Левшинѣ, П. К. Леонтьевѣ, И. И. Срезневскомъ и А. В. Фрейгангѣ" (стр. 620).
5. Засѣданіе 30 ноября 1880 г., подъ предсѣдательствомъ К. Н. Бестужева-Рюмина. „По открытіи засѣданія, предсѣдатель обратился къ присутствующимъ съ напоминаніемъ о недавней кончинѣ одного изъ старѣйшихъ членовъ Общества, В. С. Барыкова,

ревностно посѣщавшаго всѣ собранія какъ бывшаго Отдѣла, такъ и Общества и принесшаго несомнѣнную пользу славянскому дѣлу. Такъ, по почину покойнаго, предполагалось изданіе параллельныхъ словарей славянскихъ нарѣчій и положено имъ же основаніе спеціальнаго для того капитала. Желаніе В. С. Барыкова, хотя и съ нѣкоторымъ отступленіемъ отъ первоначальнаго плана, получило уже осуществленіе изданіемъ въ нынѣшнемъ 1880 г. русско-сербскаго словаря, составленнаго П. А. Лавровскимъ, пожертвовавшимъ свой трудъ Славянскому обществу" (стр. 628).

4) Литературные труды, появлявшіеся безъ особаго заголовка (нѣкоторыя рѣчи, письма, замѣтки, преимущественно въ разныхъ сборникахъ, середи отчетовъ и протоколовъ или же въ пересказѣ), обозначены въ выраженіяхъ, хотя и заимствованныхъ по возможности изъ самаго текста, но составленныхъ по необходимости все же мною, а не авторомъ, что̀ вездѣ отмѣчено двойными круглыми скобками: (( )). При этомъ фамилія автора не ставится; она всегда была ясна, — изъ текста ли пересказа, изъ объяснительныхъ ли словъ, предшествовавшихъ статьѣ. Срав. №№ 4, 9, 10, 292, 307, 321 и др. Впрочемъ есть и отступленія небольшія. См. №№ 52—54. Къ тѣмъ же круглымъ скобкамъ прибѣгаю я и въ случаѣ, если заголовокъ есть, но мнѣ не извѣстенъ. Ср. № 35.

5) Названіе книги, вызвавшей рецензію, заключается въ ковычки: „ ". Срав. №№ 57, 58, 64 и др.

6) Если рецензія не имѣетъ самостоятельнаго заголовка, то она приводится подъ именемъ той книги, которая вызвала эту рецензію (см. предыдущій пунктъ); если же, какъ это бывало иногда, передъ названіемъ рецензируемой книги Бестужевъ придавалъ статьѣ особый заголовокъ, то въ спискѣ моемъ, вслѣдъ за этимъ заголовкомъ, названіе рецензируемой книги, помимо ковычекъ, включается еще въ прямыя скобки: [ ]. Срав. №№ 56, 119 и др.

7) Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ моемъ спискѣ названію рецензируемой книги предшествуютъ прямыя скобки, то слова, въ нихъ заключенныя, означаютъ названіе того отдѣла журнала или газеты, въ которомъ помѣщалась статья. Это главнымъ образомъ относится къ работамъ 50-хъ годовъ, когда было въ обычаѣ даже толстые ежемѣсячники дѣлить на нѣсколько отдѣловъ. Срав. №№ 367, 368, 369 и др.

8) Рецензія безъ особаго заголовка и посвященная одновременно двумъ и болѣе изданіямъ, обозначается, подобно п. 5, перечнемъ этихъ изданій, при чемъ каждое заключается

въ особыя ковычки и отдѣляется одно отъ другого раздѣлительною чертою. Срав. №№ 160, 372.

9) Выраженія: „отдѣльно“ означаютъ, что оттискъ статьи вышелъ не только съ самостоятельною пагинаціей, но и съ титульной обложкой; выраженія же: „отд. отт.“ — обозначаютъ оттискъ безъ титульнаго листа и безъ указанія года и мѣста выхода (а съ обозначеніемъ, въ большинствѣ случаевъ, лишь названія журнала и того номера, гдѣ статья появилась). Срав. №№ 7, 44, 46, 77 и др.

10) Звѣздочка при номерѣ: * № — означаетъ литературную работу, не указанную въ спискѣ г. Козеко. Таковы тѣ 76 №№, перечень коимъ данъ выше, въ примѣчаніи 3 къ стр. 327.

11) Всѣ разъясненія и дополненія, которыя я счелъ нужнымъ или возможнымъ сдѣлать отъ себя, помѣщены исключительно подъ чертой, въ примѣчаніяхъ [1]).

---

1) Избѣгая въ своемъ указателѣ излишней пестроты, отмѣчу лишь здѣсь тѣ №№ по списку г. Козеко, въ изданіи *Библіографа*, которыя мнѣ удалось передать нѣсколько точнѣе и полнѣе. Вотъ они: №№ 1, 2, 5, 6, 9, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 28, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 47, 49, 55, 69, 73, 76, 77, 81, 87, 88, 100, 103, 108, 110, 112, 119, 123, 124, 136, 137, 138, 140, 142, 150, 164, 165, 166, 169, 170, 172, 175, 176, 180, 182, 183, 185, 187, 188, 190, 195, 204, 209, 210, 213, 216, 217, 218, 225, 227, 232, 235, 240, 241, 250; кромѣ того по изданію *Журнала Мин. Нар. Просвѣщенія:* №№ 221, 222, 234, 251, 260 — всего восемьдесятъ девять названій.

Систематическій указатель литературныхъ трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина.

I. Русская Исторія.

А. Книги. Статьи. Рѣчи.

*1. Задачи популяризаціи знаній. Неизданная статья. *Историч. Вѣстникъ* 1897, № 4, стр. 44—47.

2. Современное состояніе русской исторіи, какъ науки [„Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. С. Соловьева. Т. I—VIII. М. 1851—1858"]. *Москов. Обозрѣніе* 1859, кн. I, стр. 1—132.

3. *К. Бестужевъ-Рюминъ* Василій Никитичъ Татищевъ. Администраторъ и историкъ начала XVIII вѣка (1686—1750). *Древняя и Новая Россія* 1875, № 1, стр. 8—21; № 2, стр. 126—133; № 3, стр. 252—264; № 5, стр. 33—47; № 8, стр. 313—332; № 12, стр. 349—366. Также: „Біографіи и Характеристики". Спб. 1882, стр. 1—175 [1]).

4. ((Нѣсколько словъ о содержаніи сочиненія В. Н. Татищева: „Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училищъ". Произнесено 11 мая 1875 г. въ торжеств. засѣданіи Спб. отдѣла Слав. Благ. комитета)). „Первыя 15 лѣтъ существ. Спб. Слав. Благ. Общ.". Спб. 1883, стр. 332—333.

5. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Двухсотлѣтнія поминки по В. Н. Татищевѣ (Читано въ торжественномъ собраніи Спб. Слав. Благотв. Общества, 6 апрѣля 1886 г.). *Извѣстія Спб. Славянск Благотв. Общества* 1886, №№ 4—5, стр. 154—157. Также въ сборникѣ: „Послѣднія 10 лѣтъ существ. Спб. Слав. Благотв. Общества". Спб. 1893, стр. 167—169.

---

1) О Татищевѣ см. еще №№ 4, 5, 26.

6. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Августъ Людвигъ Шлецеръ. *Истор. Вѣстникъ* 1881, № 1, стр. 117—134. Также: „Біографіи и Характеристики". Спб. 1882, стр. 177—203 [1]).
7. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Карамзинъ какъ историкъ (Рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи С.-Петербургскаго университета 2 декабря 1866 г.). *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1867, № 1, стр. 1—20. Также: 1) „Годичный торжественный актъ Имп. Спб. университета 2 декабря 1866 г.". Спб. 1867, стр. 1—20 (и отдѣльно: Спб. 1867. 8°. 20 стр.); 2) „Біографіи и Характеристики". Спб. 1882, стр. 205—230 [2]).
8. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Письмо въ редакцію о новомъ изданіи „Исторіи Государства Россійскаго", Карамзина. *Свѣтъ* 1888, № 117.
9. ((Застольная рѣчь, 29 дек. 1871 г., на юбилеѣ М. П. Погодина)). „Пятидесятилѣтіе гражданской и ученой службы М. П. Погодина (1821—1871)". М. 1872, стр. 64—65 [3]).
10. ((Нѣсколько словъ о значеніи М. П. Погодина. Произнесено 21 дек. 1875 г. въ засѣданіи Спб. отдѣла Слав. Благотв. комитета)). „Первыя 15 лѣтъ существов. Спб. Слав. Благотв. Общ.". Спб. 1883, стр. 339—340.
11. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Михаилъ Петровичъ Погодинъ. *Древняя и Новая Россія* 1876, № 2, стр. 147—158. Также: „Біографіи и Характеристики". Спб. 1882, стр. 231—254.

*12. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Михаилъ Петровичъ Погодинъ (1800—1875). *Славянское Обозрѣніе* 1892, № 1. (9 стр. въ отд. оттискѣ).

13. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Славянофильское ученіе и его судьбы въ русской литературѣ. [„Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго. 2 т. М. 1861". — „Полное собраніе сочиненій К. С. Аксакова. Т. I. Сочиненія историческія. М. 1861". — „Полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова. Т. I. Собраніе отдѣльныхъ статей и замѣтокъ разнороднаго содержанія. М. 1861"]. Статьи I—III. *Отеч. Записки* 1862, № 2, 3, 5; стр. 679—719, 26—58, 1—23 [4]).

---

1) О Шлецерѣ см. еще №№ 26, 60.

2) О Карамзинѣ см. еще №№ 8, 26, 286.

3) О Погодинѣ см. еще №№ 10, 11, 12, 26, 41, 62—70, 80, 96, 334.

4) Съ формальной точки зрѣнія статью эту, подобно отзыву о сочиненіяхъ Кавелина (см. ниже № 18), слѣдовало бы, можетъ быть, отнести подъ рубрику *„рецензій"*, но по содержанію ей умѣстнѣе находиться здѣсь.

14. ((Извлеченіе изъ рѣчи, охарактеризовавшей дѣятельность Ю. И. Венелина; произнесено 14 февраля 1880 г. въ засѣданіи Спб. Слав. Благотв. Общества)). „Первыя 15 лѣтъ существ. Спб. Слав. Благотв. Общ.". Спб. 1883, стр. 619.

15. ((Извлеченіе изъ рѣчи, посвященной памяти И. И. Срезневскаго и произнесенной 14 февраля 1880 г. въ засѣданіи Спб. Слав. Благотв. Общества)). „Первыя 15 лѣтъ существ. Спб. Слав. Благотв. Общ.". Спб. 1883, стр. 617—618.

16. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* С. М. Соловьевъ (Лекція, прочитанная въ Спб. университетѣ 3 ноября 1879 г.). *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1880, № 2, стр. 273—287 (и отд. отт.). Также: „Біографіи и Характеристики". Спб. 1882, стр. 255—272 [1]).

17. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.* XXV-лѣтіе „Исторіи Россіи", С. М. Соловьева. 1851—1876. *Русская Старина* 1876, № 3, стр. 679—686.

18. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Сочиненія К. Кавелина. Четыре тома. М. 1859". Статьи I—III. *Отеч. Записки* 1860, №№ 4, 6, 8; стр. 74—97, 28—59, 59—89 [2]).

19. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Историческое и политическое доктринерство въ его практическомъ положеніи (По поводу вступительной лекціи, читанной г. Чичеринымъ въ Московскомъ университетѣ). *Отеч. Записки* 1861, № 11, стр. 1—10 [3]).

20. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Философія исторіи и Московское государство (По поводу статьи г. Дмитріева: „Отвѣтъ г. Бестужеву-Рюмину". Москов. Вѣд., № 209). *Отеч. Записки* 1860, № 11, стр. 1—17.

21. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Нѣсколько словъ по поводу статьи: „Что иногда открывается въ либеральныхъ фразахъ!" (Современникъ 1859, кн. IX). *Отеч. Записки* 1859, № 11, стр. 37—42 [4]).

22. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* С. В. Ешевскій. Біографическій очеркъ. *Сочиненія С. В. Ешевскаго.* М. 1870, часть I, стр. III—LXXXVII (и отдѣльно: М. 1870. LXXXVII стр.).

---

1) О Соловьевѣ см. еще №№ 2, 17, 26, 71—79, 158, 160, 161.
2) Ср. выше, примѣчаніе къ № 13. О Кавелинѣ см. еще № 354.
3) О Б. Н. Чичеринѣ см. еще №№ 100, 119.
4) Защита книги Щапова: „Русскій расколъ старообрядства".

Также: „Біографіи и Характеристики". Спб. 1882, стр. 273—350 [1]).

23. *Провинціалъ.* Г. Гильфердингъ передъ судомъ русской журналистики (Письмо къ редактору С.-Петербургскихъ Вѣдомостей). *С.-Петерб. Вѣд.* 1863, № 82 [2]).

24. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* А. Ѳ. Гильфердингъ, какъ историкъ (Читано въ торжественномъ засѣданіи Петербургскаго отдѣла Славянск. Благотв. комитета 14 февраля). *Голосъ* 1873, № 54. Также: 1) „Біографіи и Характеристики". Спб. 1882, стр. 351—358; 2) „Первыя 15 лѣтъ существованія Спб. Славянск. Благ. Общества". Спб. 1883, стр. 218—222.

*25. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Александръ Ѳеодоровичъ Гильфердингъ. *Славянское Обозрѣніе* 1892, т. III, кн. 9, стр. 1—14. Перепечатано при первомъ томѣ „Онежскихъ былинъ" Гильфердинга, во 2-мъ изданіи (*Сборн. отд. р. яз. и слов. И. Ак. Н.* Т. 59. Спб. 1894, стр. VII—XXII.

26. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Біографіи и Характеристики. Татищевъ, Шлецеръ, Карамзинъ, Погодинъ, Соловьевъ, Ешевскій, Гильфердингъ. Спб. 1882. 8°. 358 стр.

---

27. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Русская исторія въ связи съ исторіей другихъ славянскихъ народовъ (Читано на литературномъ вечерѣ 6 апрѣля). *С.-Петерб. Вѣд.* 1863, № 134.

28. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Вступительная лекція въ курсъ русской исторіи, читанная въ С.-Петербургскомъ университетѣ 2 сентября 1865 г. *Отеч. Записки* 1865, № 2, стр. 243—255.

29. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Вступительная лекція въ публичный курсъ русской исторіи. Читано 24 января 1870 г. *Заря* 1870, № 2, стр. 66—74.

30. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Чему учитъ русская исторія. *Древняя и Новая Россія* 1877, № 1, стр. 1—21.

---

1) Въ объявленіяхъ за мартъ 1899 г. появилось извѣстіе, что, въ изданіи М. и С. Сабашниковыхъ, готовится къ печати собраніе сочиненій по русской исторіи Ешевскаго, „съ приложеніемъ мемуаровъ автора и біографіи его, составленной К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ". О Ешевскомъ см. еще №№ 26, 280, 292, 344.

2) Письмо датировано: „Тверь, 12 апр.". О Гильфердингѣ см. еще №№ 24, 25, 26, 277, 298, 346.

31. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Про былое на Святой Руси. О крещеніи Руси, о Владимірѣ Святомъ, о сыновьяхъ его и объ монастырѣ Печерскомъ. Изд. товарищества „Общ. Польза". Спб. 1864. 8°. 88 стр. — Изд. 2-е. Спб. 1865. 8°. 88 стр. — Изд. 3-е. Спб. 1875. 8°. 88 стр. — Изд. 4-е. Спб. 1882. 8°. 88 стр. — Изд. 5-е. Спб. 1883. 8°. 57 стр. — Изд. 6-е. Спб. 1885. 8°. 55 стр. — Изд. 7-е. Спб. 1888. 8°. 56 стр. — Изд. 8-е. Спб. 1895. 8°. 56 стр.[1]).

32. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Про былое на святой Руси. О злыхъ временахъ татарщины и о страшномъ Мамаевомъ побоищѣ. Изд. товарищества „Общ. Польза". Спб. 1864. 8°. 64 стр. — Изд. 2-е. Спб. 1865. 64 стр. — Изд. 3-е. Спб. 1891. 8°. 43 стр. — Изд. 4-е. Спб. 1896. 40 стр.[2]).

33. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Князь Володиміръ Всеволодовичъ Мономахъ и потомки его, Мономаховичи, или о временахъ княжескихъ смутъ и усобицъ[3]). Изд. товарищ. „Обществ. Польза". Спб. 1865. 8°. 68 стр. — Изд. 2-е. Спб. 1866. 8°. 68 стр. — Изд. 3-е. Спб. 1892. 8°. 36 стр. — Изд. 4-е. Спб. 1896. 8°. 36 стр.

34. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* О томъ, какъ росло Московское княжество и сдѣлалось русскимъ царствомъ. Изд. товарищ. „Обществ. Польза". Спб. 1866. 8°. 170 стр.[4]).

*35. ((По поводу рецензій на книжки по русской исторіи въ популярномъ изложеніи)). *Голосъ* 1867 ,№ 316[5]).

---

1) Можетъ быть, въ первомъ изданіи начальныхъ словъ: „Про былое на св. Руси" (которыя и въ послѣдующихъ изданіяхъ проставлены не на внѣшней обложкѣ, а на одномъ внутреннемъ заглавномъ листѣ) и вовсе нѣтъ.

2) То же примѣчаніе, что и къ № 31.

3) Таковъ заголовокъ на внутренней обложкѣ; на внѣшней же онъ читается (по крайней мѣрѣ въ 1-мъ изд.) нѣсколько иначе: „О Владимірѣ Мономахѣ и о потомкахъ его Мономаховичахъ или о временахъ княжескихъ усобицъ".

4) У Межова (Систематич. указатель русскимъ книгамъ Базунова. Спб. 1869, стр. 167) книга эта показана подъ неправильнымъ заголовкомъ: „Какъ образовалось Московское государство. К. Н. Бестужева-Рюмина. Изд. Тов. Общ. Пол. Спб. 1866. Ц. 22 к.", — ошибка тѣмъ болѣе несомнѣнная, что рыночная цѣна перваго изданія брошюры „О томъ, какъ росло Московское княжество", дѣйствительно, была въ 22 копѣйки.

5) Въ *Отеч. Зап.* 1867, т. 174, № 13, стр. 273—284 появилась статья Н. Второва, восхвалявшая книжки Бестужева (см. ихъ выше №№ 31—34) въ противоположность соч. А. Петрушевскаго: „Разсказы про старое время на Руси". Эта рецензія вызвала защиту Петрушевскаго со стороны Н. Ерма-

36. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Русская Исторія. Т. I. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1872. 8°. III + IV + 246 + 480 стр. — То же: Т. II, вып. I. Спб. 1885. 8°. 319 стр.[1]).
37. *Bestushew-Rjumin.* Geschichte Russlands. Uebersetzt von Dr. Th. Schiemann. Vom Verfasser autorisirte Ausgabe. Erster Band. Mitau. E. Behre's Verlag. 1874—1876. 8°. 367+183 стр.[2]).
38. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Нравственное и матеріальное состояніе общества западно-русскаго до Сигизмунда Августа. „Братская помощь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины". Спб. 1876, стр. 365—383[3]).
39. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Ливонская война (Отрывокъ изъ II тома Русской исторіи). *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1880, № 9, стр. 167—185[4]).
40. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Обзоръ событій отъ смерти царя Іоанна Васильевича до избранія на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова. Глава X изъ „Русской Исторіи". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1887, №№ 7, 8; стр. 49—112, 245—295.

---

41. Литературная замѣтка. *Отеч. Записки* 1860, № 4, стр. 107—108[5]).
42. Федеративное начало въ древней Руси (По поводу статьи г. Костомарова: „Мысли о федеративномъ началѣ въ древ-

---

кова въ *Отеч. Зап.* 1867, т. 174, № 14, стр. 276—278. Замѣтка Бестужева въ *Голосѣ* явилась, по словамъ Межова (Систематич. указатель русск. книгамъ Базунова. Спб. 1869, стр. 168), откуда я беру указаніе на эту статью, „протестомъ" (противъ чего?).

1) Ср. ниже замѣтку подъ № 403.

2) Предисловіе къ русскому изданію 1-го тома помѣчено авторомъ ноябремъ 1871 г.; предисловіе же къ нѣмецкому переводу, во 2-мъ выпускѣ, содержащемъ библіографическое „Введеніе" — августомъ 1875. Здѣсь между прочимъ читаемъ: „. . . andrerseits Professor Bestushew-Rjumin Gelegenheit fand, Lücken zu ergänzen, die, wie nicht anders möglich, in den ersten russischen Ausgaben vorhanden waren; kleine Versehen wurden berichtigt und durch Zuziehung der bis heute neu erschienenen historischen Arbeiten, das Ganze vervollständigt. Wer daher die russische Ausgabe mit der deutschen vergleicht, wird letztere bedeutend reicher finden, und wir hoffen daher, auch den Besitzern des russischen Textes eine nicht unangenehme Ergänzung zu liefern".

3) Вошло въ т. II, вып. 1 „Русской Исторіи". См. выше № 36.

4) Вошло въ т. II, вып. 1 „Русской Исторіи". См. выше № 36.

5) По поводу диспута Погодина съ Костомаровымъ.

ней Руси". Основа 1861, кн. 1-я). *Отеч. Записки* 1861, № 2, стр. 53—66.

43. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* О колонизаціи велико-русскаго племени (Читано 31 мая въ соединенномъ засѣданіи въ отдѣленіи Статистики и Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго общества). *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1867, № 6, стр. 776—784.

44. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка. 1. „Повѣсть временныхъ лѣтъ" и остатки лѣтописей ей современныхъ. 2. Лѣтописи южнорусскія и ихъ своды. *Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи.* Вып. 4. Спб. 1868. 8°. (Въ приложеніи: VI + 157 + 378 стр.). И отдѣльно: Спб. 1868.

45. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.* О характерѣ власти варяжскихъ князей. *Труды четвертаго археологич. съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани,* т. II Казань 1891, стр. 1—9 [1]).

46. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.* О значеніи слова „дворянинъ" по памятникамъ до 1462 г. *Труды второго археологическаго съѣзда въ С.-Петербургѣ.* Спб. 1876, вып. I, отд. IV В., стр. 121—125, и отд. отт., 5 стр. in.-4°.

47. ((Извлеченіе изъ рѣчи, произнесенной по поводу 500-лѣтія Куликовской битвы, въ засѣданіи Спб. Слав. Благотв. Общества, 8 сентября 1880 г.)). „Первыя 15 лѣтъ существ. Спб. Слав. Благотв. Общ.". Спб. 1883, стр. 626.

48. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Нѣсколько словъ по поводу поэтическихъ воспроизведеній характера Ивана Грознаго (Было сказано въ засѣданіи Славянскаго Благотворительнаго комитета). Напечатано со стенографическаго списка. *Заря* 1871, № 3, стр. 83—90. Также: „Первыя 15 лѣтъ существованія Спб. Слав. Благ. Общ.". Спб. 1883, стр. 149—152.

*49. Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени. Спб. 1898, I + 80 + I стр.

50. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.* Московскій бунтъ 23 іюня

---

1) Рефератъ, читанный въ засѣданіи 10 августа. Содержаніе преній, вызванныхъ этимъ рефератомъ, см. въ тѣхъ же „Трудахъ", т. I (Казань 1884), протоколы, стр. LXXVI—LXXVIII, а также въ статьѣ: „Четвертый археологич. съѣздъ въ Казани". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1878, мартъ, 57—62, гдѣ кромѣ преній довольно подробно изложена и сущность самого доклада.

1648 г. Разсказъ очевидца. *Истор. Вѣстникъ* 1880, № 1, стр. 68 [1]).

51. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Причины различныхъ взглядовъ на Петра Великаго въ русской наукѣ и русскомъ обществѣ. (Читано въ торжественномъ собраніи Импер. С.-Петерб. университета, 31 мая 1872 г.). *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1872, № 6, стр. 149—156.

52. ((Предисловіе къ изданію: „Письма леди Рондо, жены англійскаго резидента при русскомъ дворѣ въ царствованіе императрицы Анны Ивановны. Переводъ съ англійскаго. Редакція изданія и примѣчанія С. Н. Шубинскаго. Спб. 1874. Самое предисловіе за подписью: „К. Бестужевъ-Рюминъ")). „Записки иностранцевъ о Россіи въ XVIII столѣтіи". Томъ I, стр. XI—XXIII.

53. ((Предисловіе къ изданію: „Записки фельдмаршала графа Миниха. Переводъ съ французскаго. Редакція изданія и примѣчанія С. Н. Шубинскаго. Спб. 1874. Самое предисловіе за подписью: „К. Бестужевъ-Рюминъ")). „Записки иностранцевъ о Россіи въ XVIII столѣтіи". Т. II, стр. XIII—XXIX.

54. ((Замѣтка къ „Документамъ о восшествіи на престолъ императрицы Анны Ивановны", за подписью К. Н. Б.-Р.)). *Памятники новой русской исторіи. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ, изд. В. Кашпиревымъ.* Спб. 1871. Т. I, отд. II, стр. 1—2 [1]). Также: *Сборникъ историч. матер. и документовъ, относящихся къ новой русской исторіи XVIII и XIX вѣка, издан. Михайловымъ.* Спб. 1873, стр. 1—2 [2]).

55. *К. БестужевъР-юминъ.* Иванъ Петровичъ Кулибинъ, механикъ-самоучка. *„Нашимъ дѣтямъ"*, иллюстрированный литературно-научный сборникъ, изд. А. Н. Якоби. Спб. 1873, стр. 302—315.

Б. **Рецензіи.**

56. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Методы историческихъ занятій. [„The Methods of Historical Study. Eight Lectures read in the

---

1) Объяснительная замѣтка къ тексту „разсказа", напечат. на стр. 69—73.

2) Самые „документы" на стр. 3—16.

university of Oxford in Michaelmas term 1884 with the inaugural lecture on the office of the Historical professor by Edward A. Freeman, (Методы историческихъ занятій. Восемь лекцій, прочитанныхъ въ Оксфордскомъ университетѣ осенью 1884 г. съ прибавленіемъ вступительной лекціи объ обязанности профессора исторіи Эдуарда А. Фримана). London 1886"]. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1887, № 2, стр. 291—319 (и отд. отт. 29 стр.).

57. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ. Соч. профессора Спб. Духовной Академіи М. О. Кояловича. Спб. 1884". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1885, № 1, стр. 85—140 [1]).

58. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Опытъ русской исторіографіи В. С. Иконникова, профессора университета св. Владиміра. Томъ первый (въ двухъ книгахъ). Кіевъ 1891". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1892, № 9, стр. 179—201.

*59. *Бывшій профессоръ русской исторіи.* „В. С. Иконниковъ, проф., Опытъ русской исторіографіи. Томъ I (въ двухъ книгахъ). Кіевъ, 1892". *Славянское Обозрѣніе* 1892, кн. IX, стр. 133—135 [2]).

60. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Т. XIII (Общественная и частная жизнь Августа-Людвига Шлецера, имъ самимъ описанная. Пребываніе и служба въ Россіи, отъ 1761 до 1765 г. Извѣстія о тогдашней русской литературѣ. Переводъ съ нѣмецкаго, съ примѣчаніями и приложеніями), съ портретомъ Шлецера. Спб. 1875". *Древняя и новая Россія* 1875, № 7, стр. 288—289.

61. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Е. Шмурло. Митрополитъ Евгеній какъ ученый. Ранніе годы жизни. 1767—1804. Спб. 1888". *Русск. Вѣстникъ* 1888, № 9, стр. 311—328.

62. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Кн. I. Спб. 1888". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1888, № 4, стр. 495—501.

---

1) Отвѣтъ Кояловича на эту рецензію въ *Христ. Чтеніи* 1885 и отдѣльной брошюрою: „Разборъ критики К. Н. Бестужева-Рюмина на сочиненіе М. О. Кояловича: „Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ". М. О. Кояловича. Спб. 1885". 8⁰. 28 стр.

2) Въ дневникѣ Бестужева, подъ 27 августа 1892 г.: „Писалъ объ Иконниковѣ (для „Сл. Обозр.")".

63. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга II. Спб. 1889". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1889, № 4, стр. 383—398.
64. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга третья. Спб. 1890". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1890, № 3, стр. 233—238.
65. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга IV. Спб. 1891". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1891, № 5, стр. 199—200.
66. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. Барсукова. Кн. 6. Спб. 1892". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1892, № 9, стр. 201—202.
67. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. Барсукова. Книга седьмая. Спб. 1893". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1893, № 5, стр. 240—241.
68. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга восьмая. Спб. 1894". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1894, № 9, стр. 210—216.
69. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. Барсукова. Книга девятая. Спб. 1895". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1895, № 3, стр. 226—230.
70. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. Барсукова. Кн. X. Спб. 1896". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1896, № 6, стр. 362—366.

---

71. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, соч. С. Соловьева. Т. VI. М. 1856". *Москов. Вѣд.* (Лит. отд.) 1856, №№ 46, 54, 59; стр. 181—183, 215—217, 235—237.
72. *К. Б-Р.* „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, г. Соловьева. Т. VIII". *Отеч. Записки* 1858, № 8, стр. 53—63.
73. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. С. Соловьева. Т. I—IX. М. 1851—1859. Т. X. Спб. 1860". Статьи I—II. *Отеч. Записки* 1860, № 9, стр. 1—28; 1861, № 1, стр. 28—47.
74. „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, соч. С. Соловьева, т. XII. М. 1862". *Отеч. Записки* 1862, № 12, стр. 180—182.
75. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. С. Соловьева. Т. XXIII. Исторія Россіи въ цар-

ствованіе императрицы Елисаветы Петровны. Т. III. М. 1873". *Сборникъ Государственныхъ знаній.* Спб. 1874. Т. I, стр. 37—41.

76. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. С. Соловьева. Т. XXIV. Исторія Россіи въ царствованіе Елисаветы Петровны. Т. IV. М. 1874". *Сборникъ Государственныхъ знаній.* Спб. 1875. Т. II, стр. 167—172.

77. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. С. Соловьева. Т. XXV. М. 1875". *Сборникъ Государственныхъ знаній.* Спб. 1877. Т. III, стр. 59—64 (и отд. отт.; дозв. ценз.: Спб. 2 марта 1877. 8°. 6 стр.).

78. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. С. Соловьева. Т. XXVI. М. 1876". *Сборникъ Государственныхъ знаній.* Спб. 1877. Т. IV, стр. 39—45.

79. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Сочиненія С. М. Соловьева. Спб. 1882". *Истор. Вѣстникъ* 1882, № 6, стр. 670—672.

80. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Древняя русская исторія до Монгольскаго ига. М. Погодинъ. М. 1871. 3 тома in 4°. (третій томъ атласъ и указатели)". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1872, № 5, стр. 135—142.

81. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ, Ив. Забѣлина. Ч. I. М. 1876". *Древняя и Новая Россія* 1876, № 8, стр. 386—387 [1]).

82. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Исторія Россіи. Соч. Д. Иловайскаго. Ч. I. Кіевскій періодъ. М. 1876". — „Розысканіе о началѣ Руси. Вмѣсто введенія въ русскую исторію. Соч. Д. Иловайскаго. М. 1876". *Древняя и Новая Россія* 1876, № 6, стр. 192—194 [2]).

83. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Исторія Россіи. Соч. Д. Иловайскаго. Ч. II. Владимірскій періодъ. М. 1880". *Истор. Вѣстникъ* 1880, № 10, стр. 399—401.

84. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Исторія Россіи. Д. Иловайскаго. Т. II. Московско-литовскій періодъ или собиратели Руси. Москва 1884". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1884, № 11, стр. 174—179.

---

1) О Забѣлинѣ см. еще № 303.

2) Объ Иловайскомъ см. еще №№ 83, 84, 142, 159, 160, 161, 374.

85. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Histoire de la Russie depuis les origines jusqu'à l'année 1877, par Alfred Rambaud, professeur à la Faculté des lettres à Nancy, membre correspondant de l'Académie des sciences de Saint-Pétersbourg (Исторія Россіи отъ начала до 1877 г., соч. Альфреда Рамбо, профессора словеснаго факультета въ Нанси, члена-корреспондента С.-Петербургской Академіи Наукъ). Paris 1878". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1878, № 8, стр. 323—338 [1]).

86. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта. Соч. П. Полеваго. I. Древній періодъ. Спб. 1879. II. Періодъ XI—XIII в. Спб. 1880". *Истор. Вѣстникъ* 1880, № 10, стр. 401—403.

87. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Русская исторія отъ древнихъ временъ. Первые пять вѣковъ родной старины (862—1362 г.г.). Томъ первый. Н. М. Павловъ. Москва 1896". *Извѣстія отд. рус. яз. и слов. Импер. Акад. Наукъ* 1896, т. I, кн. 1, стр. 93—98 [2]).

88. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „И. Филевичъ. Исторія древней Руси. Т. I. Территорія и населеніе. Варшава 1896". *Извѣстія отд. рус. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ* 1896, т. I, кн. 2, стр. 393—394.

---

89. *Б.* Различныя направленія въ изученіи русской народности [„Пермскій сборникъ. Повременное изданіе. Книжка II. М. 1860". — „Лѣтописи русской литературы и древностей, изд. Н. Тихонравовымъ. Кн. I и III. 1859". — „Объ источникахъ и формахъ русскаго баснословія. Соч. Дм. Щепкина. Вып. I. М. 1859"]. Статья первая. *Отеч. Записки* 1860, № 3, стр. 24—44 [3]).

90. „Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Часть I. Народныя былины, старины и побывальщины. М. 1861". — „Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Изданы Обществомъ любителей россійской словесности. I. Пѣсни былевыя. Выпуски 1-й, 2-й и 3-й [4]). М. 1860—1861". — „Русскія на-

---

1) О Рамбо см. еще № 92.

2) Рецензія эта вызвала обширный отвѣтъ со стороны г. Павлова: *Русскій Архивъ* 1897, № 1, стр. 145—175. См. выше, стр. 337.

3) Обѣщаннаго продолженія, о журналѣ Тихонравова и книгѣ Щепкина, не было.

4) Въ № 6 упомянуты были лишь первыхъ два выпуска.

родныя былины и пѣсни, собранныя П. В. Шейномъ. М. 1859". — „Калики перехожіе. Сборникъ стиховъ и изслѣдованіе П. Безсонова. Ч. I. Вып. 1 и 2. М. 1861". Статьи I—II. *Отеч. Записки* 1861, №№ 6, 7; стр. 59—92, 1—24 [1]).

91. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Сравнительно-критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. Илья Муромецъ и богатырство Кіевское. Ор. Миллера. Спб. 1870". *Заря* 1870, № 1, стр. 178—184.

92. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „La Russie épique. Etude sur les chansons héroiques de la Russie traduites ou analysées pour la première fois par Alfred Rambaud, professeur à la Faculté des lettres de Nancy (Русскій эпосъ. Этюдъ о русскихъ героическихъ пѣсняхъ, впервые переведенныхъ или изложенныхъ въ сокращеніи Альфредомъ Рамбо, профессоромъ въ словесномъ факультетѣ въ Нанси). Paris 1876". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1876, № 9, стр. 85—89.

93. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Выпускъ I. Классическія древности южной Россіи. Съ 145 рисунками въ текстѣ. Спб. 1889". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1889, № 4, стр. 423—426.

94. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Выпускъ 2-й. Древности скиѳо-сарматскія, съ 147 рисунками въ текстѣ. Спб. 1889". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1889, № 11, стр. 249—251.

95. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Выпускъ третій. Древности временъ переселенія народовъ. Спб. 1890". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1890, № 10, стр. 416—419.

96. *К. Б.-Р.* „Норманскій періодъ русской исторіи. Сочиненіе М. Погодина. М. 1859". *Отеч. Записки* 1859, № 12, стр. 102—111.

*97. „Ѳ. Успенскій. Русь и Византія въ X вѣкѣ. Рѣчь, произнесенная 11-го мая въ торжественномъ собраніи Одесскаго славянскаго благотворительнаго общества въ память 900-

1) Статья не окончена.

лѣтняго юбилея крещенія Руси. Изданіе Кирилло-Меѳодійскаго книжнаго склада при Одесскомъ славянскомъ обществѣ. Одесса". — *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1888, № 7, стр. 198—199 (Книжныя новости) [1]).

98. „Лекціи по русской исторіи Н. И. Костомарова. Издалъ П. Гайдебуровъ. Вступительная лекція и лѣтописи. Спб. 1862". *Отеч. Записки* 1862, № 8, стр. 260—265 [2]).

99. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Историко-литературный обзоръ русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ (XI—XV в.). Андрея Попова. М. 1875". *Древняя и Новая Россія* 1876, № 1, стр. 89—90.

*100. Литературныя замѣтки. [„Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи"]. *Москов. Вѣд.* (Лит. отд.) 1856, № 32, стр. 227—228 [3]).

101. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ. П. Дм. Брянцева. Вильна 1889". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1889, № 6, стр. 492—505.

102. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе. Историческіе очерки. И. П. Филевича. Спб. 1890". *Русск. Вѣстникъ* 1890, № 5, стр. 277—280.

103. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Витовтъ и его политика до Грюнвальдской битвы (1410 г.). Соч. А. Барбашева. Спб. 1885". *Извѣстія Спб. Слав. Благотв. Общества* 1885, № 10, стр. 453—454.

104. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Великіе и удѣльные князья сѣверной Россіи въ татарскій періодъ съ 1238 по 1505 г. А. В. Экземплярскаго. Т. I. Великіе князья Владимірскіе и Владиміро-Московскіе. Изд. гр. И. И. Толстого. Спб. 1889". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1890, № 2, стр. 353—355.

105. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ съ 1238 по 1505 г.

---

1) Автора выдаютъ: языкъ, пріемы рѣчи, отдѣльныя выраженія, взгляды и весь характеръ рецензіи. Подтвержденіе находимъ и въ дневникѣ Бестужева, подъ 4 іюня 1888: „перебиралъ . . . Успенскаго: „Русь и Византія"; 15 іюня: „писалъ объ Успенскомъ" (въ промежутокъ межъ 4 и 15 іюня чтеніе и писаніе о книгахъ: Брикнера, Die Europäisierung Russlands, Безобразова о Литке и Ѳирсова о восшествіи на престолъ имп. Елизаветы Петровны).

2) О Костомаровѣ см. еще №№ 41, 116.

3) Съ предварительной редакціонной замѣткой: см. ее выше въ текстѣ, стр. 63—64, примѣч.

Біографическіе очерки по первоисточникамъ и главнѣйшимъ пособіямъ. А. В. Экземплярскаго. Т. II. Владѣтельные князья Владимірскихъ и Московскихъ удѣловъ и великіе и удѣльные владѣтельные князья суздальско-нижегородскіе, тверскіе и рязанскіе, съ одной параллельно-синхронистической и семью родословными таблицами князей. Изданіе графа И. И. Толстого". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1891, № 5, стр. 200—201.

106. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Исторія Тверскаго княжества. В. С. Борзаковскаго. Спб. 1876". *Древняя и Новая Россія* 1876, № 5, стр. 73—74.

107. ((Выдержки изъ отзыва о представленномъ на премію трудѣ *С. М. Шпилевскаго:* „Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи. Казань 1877", въ статьѣ: „Императорское Русское археологическое общество въ 1877 году". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1878, іюнь, стр. 60—63. Также въ статьѣ: „Лѣтопись Имп. Русск. Археолог. Общества". *Извѣстія И. Русск. Арх. Общ.*, т. X. Спб. 1884, стр. 70—73)).

108. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Новыя явленія провинціальной литературы. [I. „Пермская старина. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ преимущественно о Пермскомъ краѣ. А. Дмитріева. Выпускъ I. Пермь 1889". — II. „А. А. Титовъ. Лѣтопись Великоустюжская. Изданіе А. К. Трапезникова. Москва 1889". — III. „Основатель Нижняго Новгорода, великій князь Георгій (Юрій) Всеволодовичъ (1189—1889). Историческій очеркъ А. М. Меморскаго. Нижній Новгородъ 1889". — IV. „Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства. Михаила Ясинскаго. Кіевъ 1889"]. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1889, № 5, стр. 224—233.

*109. „Очерки изъ исторіи губернскаго города Перми съ основанія поселенія до 1845 г. Съ приложеніемъ лѣтописи города Перми съ 1845 до 1890 года. Первый опытъ краткаго изложенія исторіи Перми. Составилъ Ал. Дмитріевъ. Пермь 1889". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1890, апрѣль, стр. 472 (кн. новости) [1]).

1) Въ дневникѣ Бестужева-Рюмина подъ 1 марта 1890 г. записано: „Читалъ „Историч. очерки Перми" Дмитріева"; 2 марта: Писалъ о Дмитріевѣ".

110. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Власть Московскихъ государей. Историческіе очерки. М. Дьяконова. Спб. 1889". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1889, № 12, стр. 393—402.

111. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи. Сочиненіе Е. Замысловскаго. Спб. 1884". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1884, № 5, стр. 105—118.

112. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „А. Е. Прѣсняковъ. Царственная книга, ея составъ и происхожденіе. Спб. 1893". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1893, № 6, стр. 547—548.

113. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.* „Сборникъ памятниковъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи. Выпускъ I. В. Е. Румянцева". *Извѣстія Имп. Русск. Археол. Общества* 1876, т. VIII, вып. 4, столбц. 428—433.

114. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Повѣсти о Смутномъ времени. [„С. Ѳ. Платоновъ. Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени XVII в., какъ историческій источникъ. Спб. 1888"]. *Русск. Вѣстникъ* 1888, № 7, стр. 228—238.

115. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Расколъ на Дону въ концѣ XVII вѣка. В. Г. Дружининъ. Спб. 1889. 8". IX + 335 стр. Ц. 2 р". *Библіографъ* 1889, № 3, стр. 88—91.

116. *Б.* Библіографическое извѣстіе [1]). *Москов. Вѣд.* (Лит. отд.) 1859, № 92, стр. 692.

117. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Критическій разборъ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся, за время: 8-е января 1654 г. — по 30 мая 1672 г. Сочиненіе Геннадія Карпова. М. 1870". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1874, № 12, стр. 319—325.

118. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Родъ Шереметевыхъ. Александра Барсукова. Кн. V. Спб. 1888". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1888, № 3, стр. 198—201.

119. *К. Б.-Р.* Очеркъ областнаго управленія въ Россіи въ XVII вѣкѣ [„Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ. Соч. Б. Чичерина. М. 1856"]. *Москов. Вѣд.* (Лит. отд.) 1856, №№ 86, 93, 94; стр. 361—363, 393—395, 397—398 [2]).

---

1) Сочувственная замѣтка о соч. Костомарова: „Бунтъ Стеньки Разина".

2) Сравн. *Москов. Вѣд.* 1856, № 66, коротенькое „Библіографическое извѣстіе", гдѣ между прочимъ сказано: „Вышла въ свѣтъ книга г. Чичерина: „Областныя учрежденія Россіи въ XVII-мъ вѣкѣ". Мы имѣли случай прочесть эту книгу въ рукописи и, по нашему мнѣнію, она принадлежитъ къ

120. *К. Б.* „Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра Великаго. Разсужденіе А. Богдановскаго. М. 1857". *Москов. Вѣд.* (Лит. отд.) 1857, № 127, стр. 566.

121. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Е. Щепкиной. Старинные помѣщики на службѣ и дома. Изъ семейной хроники (1578—1762). Спб. 1890". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1890, № 7, стр. 163—168.

122. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Европеизованіе Россіи", сочиненіе профессора Брикнера [„Die Europäisierung Russlands. Land und Volk. Von A. Brückner. Gotha 1888"]. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1888, № 8, стр. 411—423 [1]).

123. „Исторія царствованія Петра Великаго. Соч. Н. Устрялова. Т. I, II и III. Спб. 1858". *Москов. Обозрѣніе* 1859, кн. I, стр. 203—207 [2]).

124. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Исторія царствованія Петра Великаго. Н. Устрялова. Т. VI. Царевичъ Алексѣй Петровичъ. Спб. 1859". *Отеч. Записки* 1859, № 12, стр. 70—85.

125. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Der Zarewitsch Alexei (1690—1718). von A. Brückner. Heidelberg, 1860". *Истор. Вѣстникъ* 1880, № 1, стр. 215—216 [3]).

126. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Воцареніе императрицы Анны Іоанновны. Историческій этюдъ Д. А. Корсакова. Казань 1880". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1880, № 11, стр. 217—220.

*127. „Вступленіе на престолъ имп. Елизаветы Петровны. Н. Н. Ѳирсова. Казань 1887". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1887, № 7, стр. 200 (книжн. новости) [4]).

128. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „В. А. Бильбасовъ. Исторія Екатерины II. Томъ I. Екатерина до воцаренія (1729—1762). Спб. 1890". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1890, № 4, стр. 379—384.

числу замѣчательнѣйшихъ историко-юридическихъ сочиненій въ нашей литературѣ. . . Московскія Вѣдомости дадутъ весьма скоро своимъ читателямъ полный отчетъ объ этой замѣчательной книгѣ".

1) О Брикнерѣ см. еще № 125.

2) Эти страницы составляютъ собственно введеніе къ рецензіи на книгу Устрялова, написанной М. Ѳ. де-Пуле (стр. 207 215).

3) Ср. его же письмо къ редактору. *Истор. Вѣстникъ* 1880, № 2, стр. 456 (см. ниже № 296).

4) Въ дневникѣ Бестужева, подъ 7 іюня 1888 г.: „Читалъ Ѳирсова (jun.) о восшествіи Елизаветы"; 12 іюня: „Писалъ о Ѳирсовѣ".

129. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка. Историческій очеркъ Н. Чечулина. Спб. 1889". *Русск. Вѣстникъ* 1889, № 8, стр. 279—282.

130. Мартинизмъ въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка [„Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. М. 1860"]. *Отеч. Записки* 1861, № 4, стр. 86—124.

131. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Исторія Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова. Выпускъ I. Спб. 1874". *Древняя и Новая Россія* 1875, № 2, стр. 220—221.

132. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Исторія Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова. Спб. 1875. Вып. 1 и 2". *Недѣля* 1876, № 3—5, стр. 164—167.

*133. „Русская Греко-уніатская церковь въ царствованіе императора Александра I. Историческое изслѣдованіе по архивнымъ документамъ. *П. О. Бобровскаго.* Спб.". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1890, мартъ, 261—262 (книжн. новости)[1]).

134. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.* „Сношенія Россіи съ Европейскими державами передъ войною 1812 года. Сочиненіе А. Н. Попова. Спб. 1876, стр. 425, ненум. 2". — „Москва въ 1812 году. Сочиненіе Александра Попова. М. 1875 (а на заглавномъ 1876 г.), стр. 237 и ненум. 6". — „Французы въ Москвѣ въ 1812 г. Сочиненіе Александра Попова (изъ Русскаго Архива 1876 г.). М. 1876, стр. 185 и ненум. 2". *Записки Имп. Академіи Наукъ,* т. XXIII. Спб. 1878. (Приложеніе: Отчетъ о 20-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, стр. 539—549 (и отд. отт. 12 стр.).

135. *К. Б.-Р.* „Исторія отечественной войны 1812 года, по достовѣрнымъ источникамъ. Соч. генералъ-майора М. Богдановича. Т. 1 и 2. Спб. 1859". Статьи I—II. *Отеч. Записки* 1860, №№ 1, 2; стр. 18—37, 91—117.

*136. „Исторія отечественной войны 1812 года, по достовѣрнымъ источникамъ. Сочиненіе генералъ-майора М. Богдановича. Т. III. Спб. 1860". *Отеч. Записки* 1860, № 4, стр. 104.

---

1) Въ дневникѣ Бестужева-Рюмина подъ 25 января 1890 г. записано: „Читалъ Бобровскаго объ Уніи при Александрѣ I"; 26 янв.: „Читалъ Бобровскаго"; 27 янв.: „Писалъ о Бобровскомъ".

137. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Графъ Ѳедоръ Петровичъ Литке, В. Безобразова, дѣйств. члена Императорской Академіи Наукъ. Т. I. 1797—1832. Спб. 1888". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1888, № 9, стр. 201—210.

*138. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Біографія Александра Ивановича Кошелева. Томъ I. Молодые годы Александра Ивановича. Книга I. Родъ Кошелевыхъ. — Очеркъ движенія образованія и преимущественно журналистики съ XVIII в. — Культурное значеніе Москвы. Книга II. Воспитаніе и первоначальная служба Александра Ивановича Кошелева. Изданіе О. Ф. Кошелевой. М. 1889". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1890, № 3, стр. 169—182.

*139. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Біографія Александра Ивановича Кошелева. Т. II. Возвратъ къ общественной и литературной дѣятельности (1832—1856). Москва 1892". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1893, № 5, стр. 231—240.

140. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ. Ѳ. И. Успенскаго. Одесса 1890". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1890, № 8, стр. 409—412.

141. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Сочиненія А. А. Котляревскаго. Т. I. Спб. 1889 (Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ. Т. XLVII)". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1889, № 7, стр. 157—167.

142. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Д. Иловайскій. Мелкія сочиненія, статьи и письма 1857—1887 г.г. По вопросамъ о преподаваніи исторіи. — Путевыя замѣтки и воспоминанія. — Публицистика по Восточному вопросу. — Публицистика по внутреннимъ дѣламъ. — Послѣдній фазисъ Восточнаго вопроса. М. 1888". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1888, № 3, стр. 272—274.

143. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ. Спб. 1895". *Русск. Обозрѣніе* 1895, № 7, стр. 436—443.

---

144. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Труды перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ въ 1869 году (изданы подъ редакціею графа А. С. Уварова). М. 1871. Два тома съ атласомъ". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1872, № 4, стр. 301—308.

145. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Археологическія извѣстія и замѣтки, издаваемыя Импер. Московскимъ археологическимъ

обществомъ подъ редакціей дѣйствительнаго члена А. В. Орѣшникова. № 1. М. 1893". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1893, № 3, стр. 211—213.

146. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Чтенія въ Историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Книга IV. Издана подъ редакціей Н. П. Дашкевича. Кіевъ 1890". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1890, № 10, стр. 410—412.

---

147. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Chronique dite de Nestor (Несторова или Первоначальная лѣтопись) traduite sur le texte slavon-russe par Louis Leger, professeur à l'École des langues orientales vivantes. Paris 1884". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1884, № 10, стр. 367—380 [1]).

*148. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Лѣтопись Двинская. А. А. Титовъ. Изданіе П. А. Фокина. Москва 1889". *Библіографъ* 1889, № 12, стр. 218—219.

149. *Б.* „Житія святыхъ Россійской церкви, также Иверскихъ и Славянскихъ. Мѣсяцы: сентябрь, октябрь и ноябрь. Спб. 1855—1856". *Москов. Вѣд.* (Лит. отд.) 1856, № 112, стр. 473—474.

*150. „Слово Даніила Заточника (по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ) съ предисловіемъ и примѣчаніями *И. А. Шляпкина.* Спб. 1889 (Памятники древн. письменности. LXXXI)". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1890, № 3, стр. 263—264 (книж. новости) [2]).

151. *К. Б.-Р.* „Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича, съ приложеніемъ Уложенія Сокольничья пути, съ пояснительною къ нему замѣткою С. Т. Аксакова, съ портретомъ царя и снимками его почерка, иждивеніемъ К. Т. Солдатенкова, издалъ П. Бартеневъ. М. 1856". *Москов. Вѣд.* (Лит. отд.) 1856, № 122, стр. 517—519.

152. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Разсказы Нартова о Петрѣ Великомъ. Л. Н. Майкова. Спб. 1891". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1892, № 2, стр. 491—493.

---

1) О Леже см. еще № 335.

2) Въ дневникѣ Бестужева подъ 7 февр. 1890 г. записано: „Перебиралъ Шляпкина": „Даніилъ Заточникъ"; 8 февр.: „Читалъ Дан. Заточника"; 9 февр.: „Писалъ о Шляпкинѣ".

*153. „Записки Ивана Ивановича Неплюева (1673—1773). Новое полное изданіе съ примѣчаніями. Спб. 1893". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1893, № 3, стр. 264 (книж. новости).

154. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Завѣщаніе отеческое къ сыну. Сочиненіе Ивана Посошкова. Открыто и издано Андреемъ Поповымъ. М. 1873". *Голосъ* 1873, № 192.

155. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Письма графини Е. М. Румянцевой къ ея мужу, фельдмаршалу графу П. А. Румянцеву-Задунайскому, 1762—1779 г., съ портретомъ и факсимиле. Издалъ графъ Д. А. Толстой. Спб. 1888". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1888, № 6, стр. 404—410.

156. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Записки Никиты Ивановича Толубѣева (1780—1809). Рукопись собранія А. А. Титова. Изданіе редакціи историч. журн. „Русская Старина". Спб. 1889". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1889, № 5, стр. 214—217.

157. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Записки Сергѣя Николаевича Глинки. Спб. 1895". *Русск. Обозрѣніе* 1895, № 5, стр. 500—508.

---

158. *Б.* „Учебная книга русской исторіи. Сочиненіе Сергѣя Соловьева. Вып. I. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1859 (116 стр. Цѣна 50 к.)". *Москов. Вѣд.* (Лит. отд.) 1859, № 62, стр. 464.

*159. „Краткіе очерки русской исторіи, приспособленные къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Д. Иловайскій. Вып. I. М. 1860". *Отеч. Записки* 1860, № 10, стр. 49—52.

160. Новые учебники русской исторіи. [„Учебная книга русской исторіи. Соч. С. Соловьева. Вып. 1—5. М. 1859—1860". — „Краткіе очерки русской исторіи. Состав. Д. Иловайскій. Вып. 1—2. М. 1860„]. *Отеч. Записки* 1861, № 1, стр. 47—52.

*161. Литературная замѣтка (Отвѣтъ „Русс. Слову" и „Москов. Вѣдомостямъ"). *Отеч. Записки* 1861, № 3, стр. 54—60 [1]).

162. „Деревенскіе вечера или Исторія Россіи въ разговорахъ для простолюдиновъ. 2 ч. (въ одномъ томѣ). Спб. 1862". *Отеч. Записки* 1862, № 8, стр. 247—252.

---

1) Полемика по поводу отзывовъ автора объ учебникахъ Иловайскаго и Соловьева. Сравн. 1861, № 2, отд. „Русская литература", стр. 84.

163. „Наша старина по лѣтописи и устному преданію для начинающихъ учиться русской исторіи. Составилъ Н. Чаевъ. Вып. I. М. 1862". *Отеч. Записки* 1862, № 8, стр. 252—254.

164. „Разсказы изъ Русской исторіи, сочиненіе Ивана Бѣляева. Книга I. М. 1862". *Отеч. Записки* 1862, № 8, стр. 254—259.

165. „Бесѣды о русской исторіи. Ореста Миллера. Выпускъ I. Спб. 1862". *Отеч. Записки* 1862, № 8, стр. 259.

II. Новая Русская Литература.

166. *К. Б.-Р.* „Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. Сочиненія Фонъ-Визина. Спб. 1846. Изданіе Смирдина". *Нижегор. Губ. Вѣд.* 1847, № 14.

167. *К. Б.-Р.* „Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. Сочиненія Озерова. Изданіе Смирдина". *Нижегор. Губ. Вѣд.* 1847, № 18.

168. *К. Б.-Р.* „Полное собраніе сочиненій И. А. Крылова. 3 тома съ біографіей, написанной П. А. Плетневымъ. Спб. 1847". *Нижегор. Губ. Вѣд.* 1847, № 27.

169. *К. Б.-Р.* „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями Н. Гоголя. Спб. 1847". *Нижегор. Губ. Вѣд.* 1847, №№ 30 и 31.

170. *К. Бестужевъ.* „Сумароковъ и современная ему критика, соч. Булича. Спб. 1854". Статьи I—III. *Москов. Вѣд.* (Лит. отд.) 1854, №№ 40, 47, 68; стр. 155—157, 191—193, 277—279.

171. *Z.* Русскіе поэты во французскомъ и Мицкевичъ въ русскомъ переводѣ. *Москов. Вѣд.* (Лит. отд.) 1858, № 118, стр. 478—479.

172. *К. Б.-Р.* „Сочиненія графа Соллогуба. Спб. 1855. Т. I и II". *Москов. Вѣд.* (Лит. отд.) 1856, № 12, стр. 47—48.

173. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Николай Алексѣевичъ Полевой (По поводу „Записокъ Ксенофонта Алексѣевича Полевого". Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1888. 8°. 588 стр.). *Библіографъ* 1888, № 3, стр. 117—125.

174. ((Письмо къ А. Н. Майкову по поводу его 50-лѣтняго юбилея)). *Русск. Вѣстникъ* 1888, № 6, стр. 303—304.

175. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Новая книга по исторіи литературы [„Л. Н. Майковъ. Очерки изъ исторіи литературы XVII и XVIII столѣтій. Спб. 1889"]. *Русск. Вѣстникъ* 1889, № 4, стр. 271—284.

176. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Н. Страховъ. Борьба съ западомъ въ нашей литературѣ. Историческіе и критическіе очерки. Кн. 2. Изданіе второе. Спб. 1890". *Русск. Вѣстникъ* 1890, № 6, стр. 278—281.

177. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Сочиненія М. В. Ломоносова съ объяснительными примѣчаніями академика М. И. Сухомлинова. Изд. Импер. Академіи Наукъ, т. I съ портретомъ. Спб. 1891". *Русск. Вѣстникъ* 1892, № 2, стр. 333—338.

178. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Н. Страховъ. Воспоминанія и отрывки. Спб. 1892". *Русск. Вѣстникъ* 1892, № 12, стр. 339—342.

179. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Л. Майковъ. Историко-литературные очерки. Спб. 1895". *Русское Обозрѣніе* 1894, № 11, стр. 534—539.

---

180. „Сочиненія А. С. Пушкина съ приложеніемъ матеріаловъ для его біографіи, снимковъ съ его почерка и его рисунковъ и пр., изданіе П. В. Анненкова. Спб. 1855. Т. 1, 2, 3 и 5". *Москов. Вѣд.* (Лит. отд.) 1855, №№ 42, 70; стр. 159—161, 281—282; съ предисловіемъ редактора (В. Ѳ. Корша).

181. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Нѣсколько статей Я. Грота съ присоединеніемъ и другихъ матеріаловъ. Спб. 1887". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1887, № 12, стр. 362—364.

182. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Пушкинъ въ изданіи Л. И. Поливанова [„Сочиненія А. С. Пушкина съ объясненіемъ ихъ и сводомъ отзывовъ критики. Изданіе Льва Поливанова для семьи и школы. Т. I. Лирическія стихотворенія. Т. II. Поэмы, сказки, баллады, эпическія пѣсни. Т. III. Драматическія произведенія. Т. IV. Евгеній Онѣгинъ. — Повѣсти. М. 1887"]. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1888, № 1, стр. 210—223. То же, въ извлеченіи: *Записки Импер. Академіи Наукъ.* Спб. 1889, томъ LX, стр. 43—44 (Третье присужденіе премій имени гр. Д. А. Толстого).

183. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Къ поэмѣ Пушкина „Полтава" (Замѣтка). *Библіографъ* 1888, № 12, стр. 379—380.

184. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Пушкинъ въ русской критикѣ (1820—1880). С. С. Трубачева. Спб. 1889". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1889, № 5, стр. 195—204.

185. „Послѣдніе дни жизни Н. В. Гоголя. Соч. А. Тарасенкова. Спб. 1857". *Москов. Вѣд.* (Лит. отд.) 1857, № 24, стр. 110.

186. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе десятое. Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній Николаемъ Тихонравовымъ. Томъ I, III, IV и V. М. 1889". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1890, № 4, стр. 409—414.

187. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Матеріалы для біографіи Гоголя, В. И. Шенрока. Т. I. Спб. 1892". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1892, № 3, стр. 272—275.

188. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Матеріалы для біографіи Гоголя, В. И. Шенрока. Т. II. М. 1893". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1893, № 6, стр. 544—546.

189. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Матеріалы для біографіи Гоголя. В. Шенрока. Т. III. Спб. 1895". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1895, № 4, стр. 473—477.[1]).

III. Академія Наукъ.

190. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.* Отчетъ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности за 1890 г. *Сборникъ Отд. Русск. яз. и слов. Импер. Академіи Наукъ.* Т. 52 (Спб. 1891), № 1, стр. 1—16 (и отд. отт. 16 стр.)[2]).

191. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.* Отчетъ о дѣятельности второго отдѣленія Импер. Академіи Наукъ за 1891 г. *Сборникъ Отд. Русск. яз. и слов. Импер. Академіи Наукъ.* Т. 53 (Спб. 1892), № 2, стр. 1—31 (и отдѣльно: Спб. 1892. 35 стр.)[3]).

---

1) Къ отдѣлу „Новой Русской Литературы" могла бы быть отнесена рѣчь о Достоевскомъ (№ 310), статьи о Гончаровѣ (№ 191), кн. П. А. Вяземскомъ (№ 194), Державинѣ (№ 195) и Нарѣжномъ (№ 196).

2) Между прочимъ о почившихъ сочленахъ: И. Я. Порфирьевѣ и П. А. Плетневѣ.

3) Между прочимъ о почившихъ сочленахъ: Фр. Миклошичѣ, И. А. Гончаровѣ, арх. Леонидѣ и А. А. Потебнѣ.

*192. ((Планъ изданія Онежскихъ былинъ, записанныхъ А. Ѳ. Гильфердингомъ, Академіею Наукъ)). *Сборникъ Отд. Русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ,* т. 54 (Спб. 1893), стр. III.

*193. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.* „Исторія русской этнографіи А. Н. Пыпина. Т. I—IV. Рецензія. *Отчетъ о тридцать четвертомъ присужденіи наградъ графа Уварова.* Спб. 1892, стр. 1—30. Приложеніе къ 71-му тому „Записокъ Имп. Акад. Наукъ". Спб. 1892, стр. 19—48 (и отдѣльно: Спб. 1892. 8°. 30 стр.).

194. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.* Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. Чтеніе. *Сборн. Отд. Русск. яз. и слов. Импер. Академіи Наукъ,* т. 54 (Спб. 1893), № 2, стр. 19—26. Также: 1) Публичное засѣданіе Импер. Академіи Наукъ 19 октября 1892 года. Спб. 1892, стр. 19—26; 2) *Русская Старина* 1892, декабрь, стр. 643—650.

*195. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.* Поминка о Гавріилѣ Романовичѣ Державинѣ по случаю полторавѣковаго юбилея дня его рожденія (читано орд. академикомъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ въ публичномъ засѣданіи 19-го октября 1893 г.). *Записки Имп. Акад. Наукъ,* т. 74 (Спб. 1894), приложеніе № 1: Отчетъ о 9-мъ присужденіи Пушкинскихъ премій въ 1893 г., стр. 99—106. Также: *Сборникъ Отд. Русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ,* т. 58 (Спб. 1895), стр. 99—106 (и отд. отт. 8 стр. Кромѣ того отдѣльно: „Поминка . . . рожденія. Изъ отчета о девятомъ присужденіи Пушкинскихъ премій въ 1893 году. Спб. 1893". 8 стр.).

*196. *Акад. Бестужевъ-Рюминъ.* Разборъ сочиненія Н. А. Бѣлозерской: „Василій Трофимовичъ Нарѣжный. Историко-біографическое изслѣдованіе". *Отчетъ о 35-мъ присужденіи наградъ графа Уварова* („Записки Имп. Акад. Наукъ", т. 75-й. Спб. 1895), стр. 80—89 (и отдѣльно: Спб. 1894. 10 стр.).

197. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.* Отчетъ о дѣятельности второго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1893 г. *Сборн. Отд. Русск. яз. и слов. Импер. Академіи Наукъ.* Т. 58 (Спб. 1895), № 2, стр. 1—22 (и отд. отт. 22 стр.) [1]).

---

1) Между прочимъ о почившихъ сочленахъ: Я. К. Гротѣ, Н. С. Тихонравовѣ, преосв. Амфилохіи, И. А. Чистовичѣ.

*198. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.* Отчетъ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности за 1894 г. *Извѣстія И. Акад. Наукъ,* т. II (Спб. 1895), стр. CXLIII—CLI (и отд. отт. 4°. 9 стр.).

*199. ((Краткое извлеченіе изъ отзыва о книгѣ В. Н. Витевскаго: „И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 года. Выпускъ I—V")). *Извѣстія Имп. Акад. Наукъ,* т. VII (Спб. 1897), стр. 232—233.

*200. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.* „Очерки исторіи литовско-русскаго права. Образованіе территоріи Литовскаго государства, Ѳ. И. Леонтовича, заслуж. профессора Варшавскаго университета. Спб. 1894". Рецензія. *Отчетъ о 37 присужд. наградъ гр. Уварова* (Спб. 1897), стр. 151—157 (и отд. отт. 4°. 7 стр.).

*201. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Исторія Смоленской земли до начала XV вѣка. Монографія П. В. Голубовскаго. Кіевъ 1895". Рецензія. Напечатано по распоряженію И. Акад. Наукъ (отд. отт.: мартъ 1898. 4°. 7 стр.).

IV. Энциклопедіи и біографическіе словари.

А. Энциклопедическій словарь, составленный русскими учеными и литераторами. Отдѣлъ I: Томъ I. Спб. 1861. — Т. II. Спб. 1861. — Т. III. Спб. 1861. — Т. IV. Спб. 1862. — Т. V. Спб. 1862. — Отдѣлъ II: Томъ I. Спб. 1863 [1]).

Отд. I. Т. I.

202. Або, губ. городъ въ Финляндіи; стр. 93—94 (подп.: *К. Б.-Р., Б. С.* и *Н. О.*).
203. Абракадабра; стр. 104 (подп.: *К. Б.-Р.* и *П. Л.*).
204. Августъ, самозванецъ Смутнаго времени; стр. 216.
205. Авель, монахъ Соловецкаго монастыря; стр. 225.
206. Авехесанъ; стр. 239.
207. Авраамій, муч. болгарскій, стр. 263—264.

1) Всѣ статьи Бестужева въ этомъ словарѣ помѣчены иниціалами: *К. Б.-Р.;* нѣкоторыя составлены въ сотрудничествѣ съ другими авторами, что̀ и указано при каждомъ соотвѣтственномъ номерѣ.

208. Авраамій Ростовскій; стр. 264.
209. Авсень; стр. 284.
210. Агапитъ, инокъ Кіево-Печерскаго монастыря; стр. 424.
211. Агафьи, княгини русскія; стр. 444—445.
212. Агнеса или Адельгейда; стр. 475—476.
213. Аграфена Купальница; стр. 501.
214. Агрипины, русскія княжны; стр. 521—522.

Отд. I. Т. II.

215. Адвинда, мнимая княгиня русская; стр. 1.
216. Адъ; стр. 98—107 (подп.: *П. Л.* и *К. Б.-Р.*).
217. Аепа, ханы половецкіе; стр. 108.
218. Айшонъ, вотяцкій женскій головной уборъ; стр. 225.
219. Акем-Тилеман-Лусъ, голландскій рудопромышленникъ; стр. 327—328.
220. Акинѳъ Гавриловичъ, бояринъ Ивана Даниловича Калиты; стр. 331.
221. Аксаковъ, К. С.; стр. 392—393 (подп.: *М. М.* и *К. Б.-Р.*).
222. Аксиномантія, гаданіе; стр. 396 (подп.: *П. Л.* и *К. Б.-Р.*).
223. Акулина Гречишница; стр. 431.

Отд. I. Т. III.

224. Алатырь, бѣлъ-горючъ камень; стр. 37—38.
225. Алевромантія. гаданіе; стр. 62—63.
226. Александръ, Вятскій еп.. † 1679; стр. 127—128.
227. Александръ Всеволодовичъ, князь Бѣльскій; стр. 130.
228. Александръ Михайловичъ, вел. князь Владимірскій; стр. 148—149.
229. Александръ Поповичъ, богатырь Владиміра Св.; стр. 185.
230. Александръ, посадникъ новгородскій; стр. 185.
231. Алексѣй Алексѣевичъ, царевичъ; стр. 216.
232. Алексѣй, архіепископъ новгородскій; стр. 216.
233. Алексѣй, митрополитъ кіевскій; стр. 217—218 (подп.: *П. П.* и *К. Б.-Р.*).
234. Алексѣй Михайловичъ, царь Московскій; стр. 218—236.
235. Алектріомантія, гаданіе; стр. 248.
236. Аломантія, гаданіе; стр. 369—370.
237. Альбертъ I, епископъ ливонскій; стр. 441—442.

Отд. I. Т. IV.

238. Анастасія Романовна, первая жена царя Ивана IV Грознаго; стр. 256—257.

Т. XIII[a] (1894).

*281. Іоаннъ Васильевичъ IV Грозный, стр. 681—692 (подп.: *К. Бестужевъ-Рюминъ*).

Т. XVIII (1896).

*282. Лѣтописи (русскія), стр. 192—197 (подп.: *К. Бестужевъ-Рюминъ*).

Г. Біографическій словарь русскихъ дѣятелей, издав. Имп. Русскимъ Историческимъ Обществомъ Спб. 8°.

Т. I (1896).

*283. Александръ Михаиловичъ, в. кн. Владимірскій, стр. 130—131 (подп.: *К. Б.-Р.*).

*284. Александръ Ярославичъ (Невскій), в. кн. Владимірскій, стр. 126—129 (подп.: *К. Б.-Р.*).

Т. Ибакъ-Ключаревъ (1897).

*285. Камбекъ, Л. Ѳ., стр. 409 (безъ подписи).

286. Карамзинъ, Н. М., стр. 500—514 (и отдѣльно: Николай Михайловичъ Карамзинъ. Очеркъ жизни и дѣятельности. Спб. 1895. 17 стр.). (Статья въ словарѣ за подписью: *К. Бестужевъ-Рюминъ*).

Д. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, Венгерова. Спб. 8°.

Т. III (1892).

*287. Бестужевъ-Рюминъ, К. Н., стр. 188—189 [1]).

Т. V (1897).

*288. Видертъ, фонъ, А. Ѳ., стр. 240—242.

V. Статейки, замѣтки, письма и пр. по русской исторіи и литературѣ.

289. *Б.* „Владимірскій сборникъ. Матеріалы для статистики, этнографіи, исторіи и археологіи Владимірской губерніи. Собралъ и издалъ К. Тихонравовъ. М. 1857“. *Москов. Вѣд.* 1857, № 67, стр. 578.

1) Автобіографическая записка.

290. *Б.* Этнографическія и историческія статьи Губернскихъ Вѣдомостей. *Москов. Вѣд.* (Лит. отд.) 1859, № 56, стр. 422—423.

291. ((Замѣтка къ „Дѣлу объ измѣнѣ ротмистра Хмелевскаго))". *Русскій Архивъ* 1863, изд. 2-е, стлбц. 81—82 [1]).

292. ((Письмо въ редакцію журнала „Вѣстникъ Европы" при посылкѣ туда статьи С. В. Ешевскаго „Русская колонизація Сѣверо-Восточнаго края")). *Вѣстникъ Европы* 1866, т. I, стр. 211—213 [2]).

293. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.* Библіографическія замѣтки. *Русская Старина* 1873, № 6, стр. 860 [3]).

294. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.* Письмо дѣйствительнаго члена Общества любителей Россійской Словесности, профессора русской исторіи въ Петербургскомъ университетѣ и члена Академіи Наукъ К. Н. Бестужева-Рюмина на имя Предсѣдателя по поводу 35-ти лѣтняго юбилея П. И. Мельникова. *Москов. Вѣд.* 1874, № 285.

295. ((Нѣсколько объяснительныхъ словъ къ „Письму канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина къ И. Д. Бестужеву-Рюмину, 10 іюля 1764)). *Русская Старина* 1876, № 1, стр. 211—212.

296. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Письмо къ редактору. *Истор. Вѣстникъ* 1880, № 2, стр. 456 [4]).

297. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Замѣтка о сочиненіи А. Дроздова (Письмо къ ред. „Русской Старины"). *Русская Старина* 1880, № 4, стр. 852 [5]).

298. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.* Александръ Ѳедоровичъ Гильфердингъ † 20-го іюня 1872 г. *Русская Старина* 1880, № 10, стр. 431 [6]).

299. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.* Книгопродавецъ Ротганъ. *Русская Старина* 1880, № 11, стр. 764.

---

1) Самое „Дѣло", найденное Бестужевымъ, напечатано на стлбц. 42—81.

2) Характеристика статьи и нѣсколько біографическихъ данныхъ.

3) О „Мѣшанинѣ" и „Московскомъ Журналѣ", о библіотекѣ Е. И. Якушкина и о дядѣ М. П. Бестужевѣ-Рюминѣ.

4) По поводу книги: „Die Kronprinzessin Charlotte" и имени ея автора (проф. Герье), неназваннаго при ея упоминаніи въ рецензіи на книгу Брикнера: „Der Zarewitsch Alexei" (см. выше, № 125).

5) Подъ датою: „Спб. Марта 1-го 1880 г.".

6) Замѣтка по поводу двухъ писемъ Гильфердинга къ В. И. Григоровичу (Самыя письма помѣщены *тамъ же*, стр. 432—433).

300. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Замѣтка по поводу труда г. Ровинскаго „Русскія народныя картинки". *Истор. Вѣстникъ* 1882, № 2, стр. 496.

301. ((Предисловіе къ „Памятникамъ дипломатич. сношеній Древней Россіи съ державами иностранными", т. II)). *Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ.,* т. 38. Спб. 1883, стр. I—III.

302. ((Замѣтка по поводу изданія „Журнальной записки происшествіямъ во время экспедиціи князя Ю. В. Долгорукова въ Черную Гору 1869 г." въ Русскомъ Архивѣ 1886 г., № 4)). *Извѣстія Спб. Слав. Благотв. Общества* 1886, № 6, стр. 284.

*303. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Письмо въ редакцію. *Новое Время* 1892, 18 марта, № 5766 [1]).

*304. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Письмо въ редакцію. *Библіогр. Записки* 1892, № 10, стр. 770 [2]).

*305. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Московское Обозрѣніе. *Библіографъ* 1893, вып. I, стр. 42—45.

*306. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Два слова о кн. В. В. Вяземскомъ. *Сѣвер. Вѣстникъ* 1895, № 9, стр. 86.

*307. ((Разгадка одного намека въ „Старинной сатирѣ")). *Русскій Архивъ* 1896, № 8, стр. 540 [3]).

IV. Славянскій вопросъ и Славянство.

*308. ((Рѣчь, произнесенная 11 мая 1873 г. о дѣятельности Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Благотворительнаго Комитета въ первое пятилѣтіе его существованія, съ мая 1868 г.)). „Первыя 15 лѣтъ существ. Слав. Благотв. Общ.". Спб. 1883, стр. 227—228.'

309. ((Извлеченіе изъ рѣчи, посвященной выясненію сущности славянской идеи и задачъ Славянскаго общества. Произне-

---

1) Напоминаніе о предстоящемъ 25 апр. 1892 г. пятидесятилѣтіи ученой дѣятельности И. Е. Забѣлина.

2) Объ авторѣ романа „Семейство Холмскихъ" и объ оперѣ кн. Д. П. Горчакова.

3) „Этою разгадкою мы обязаны академику К. Н. Бестужеву-Рюмину". (Примѣчаніе редакціи). Ср. также № 376.

сена въ засѣданіи Слав. Благотв. Общ. 11 мая 1878 г.)). „Первыя 15 лѣтъ существ. Спб. Слав. Благотв. Общ.“. Спб. 1883, стр. 475.

310. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.* Рѣчь о Ѳ. М. Достоевскомъ предсѣдателя С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества (произнесена въ годовомъ торжественномъ засѣданіи Слав. Благотвор. Общества, 14 февраля 1881 года). *Полярная Звѣзда.* Спб. 1881, № 2, стр. 49—52 (и отд. отт. 4 стр.). Также въ двухъ сборникахъ: 1) „Первыя 15 лѣтъ существованія Спб. Слав. Благотв. Общ.“. Спб. 1883, стр. 649—651 и 2) „Въ память Ѳ. М. Достоевскаго“. Спб. 1881.

311. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Рѣчь передъ открытіемъ засѣданія экстреннаго собранія Славянскаго Благотворительнаго общества послѣ торжественной панихиды по государѣ императорѣ Александрѣ II. *Русь* 1881, № 20.

*312. ((Адресъ Слав. Благотв. Общества государю императору Александру III, 22 марта 1881 г.)). „Первыя 15 лѣтъ существ. Спб. Слав. Благотв. Общ.“. Спб. 1883, стр. 669 [1]).

313. ((Извлеченіе изъ рѣчи, сказанной по поводу чествованія памяти св. Кирилла и Меѳодія, 11 мая 1881 г.)). „Первыя 15 лѣтъ существ. Спб. Слав. Благотв. Общ.“. Спб. 1883, стр. 684—685 [2]).

314. ((Рѣчь въ торжеств. засѣданіи Спб. Слав. Благотв. Общества, 14 февраля 1882 г., по поводу событій 1881 г.)). „Первыя 15 лѣтъ существ. Спб. Слав. Благотв. Общ.“. Спб. 1883, стр. 709—710.

*315. ((Рѣчь къ черногорскому князю Николаю, 31 августа 1882 г.)). „Первыя 15 лѣтъ существ. Спб. Слав. Благотв. Общ.“. Спб. 1883, стр. 368.

316. ((Рѣчь передъ отъѣздомъ М. Г. Черняева въ Туркестанъ, 31 августа 1882 г.)). „Первыя 15 лѣтъ существ. Спб. Слав. Благотв. Общ.“. Спб. 1883, стр. 769—770.

*317. ((Письмо о сборникѣ: „Первыя 15 лѣтъ существ. Слав. Благотв. общ. Спб. 1883“, прочитанное въ засѣданіи Слав. Благотв. общества 15 января 1884 г.)). „Послѣднія 10

---

1) Ср. выше примѣчаніе на стр. 266—267.

2) Ср. отзывъ объ этой рѣчи въ отчетѣ секретаря о дѣятельности Общества за 1881 г. Ibidem, 712.

лѣтъ перваго 25-лѣтія существ. Спб. Слав. Благотв. Общ.". Спб. 1893, стр. 26.

*318. ((Письмо по случаю избранія въ почетные члены Слав. Благотв. общества, прочитано 15 янв. 1884 г.)). „Послѣднія 10 лѣтъ перваго 25-лѣтія существ. Спб. Слав. Благотв. Общ.". Спб. 1893, стр. 26.

319. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* По поводу тысячелѣтняго чествованія памяти св. Меѳодія (Рѣчь, читанная въ засѣданіи Славянскаго Благотворительнаго Общества 15 ноября 1884 г.). *Извѣстія Спб. Слав. Благотв. Общества* 1884, № 11, стр. 2—3. Также въ сборникѣ: „Послѣднія 10 лѣтъ перваго 25-лѣтія существ. Спб. Слав. Благотв. Общ.". Спб. 1893, стр. 56—57 и въ журналѣ *Странникъ* 1885, № 1 (обзоръ журналовъ), стр. 149—152.

320. Ко дню чествованія тысячелѣтія блаженной кончины св. Меѳодія, архіепископа Моравскаго, просвѣтителя славянъ (6 апрѣля 1885 г.) (Отъ Спб. Слав. Благотв. Общества). *Извѣстія Спб. Слав. Благотв. Общества* 1885, № 1, стр. 3. Также въ „Житіи Кирилла и Меѳодія", изд. Слав. Благотв. Обществомъ.

321. ((Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Слав. Благотв. Общества 7 апрѣля 1885 г. по случаю празднованія 1000-лѣтія памяти св. Меѳодія, архіепископа Моравскаго, просвѣтителя славянъ)). *Извѣстія Спб. Слав. Благотв. Общества* 1885, № 4, стр. 206—208. Также въ сборникѣ: „Послѣднія 10 лѣтъ перваго 25-лѣтія существ. Спб. Слав. Благотв. Общества". Спб. 1893, стр. 105—108.

322. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Духа не угашайте" (Читано въ торжеств. засѣданіи Спб. Слав. Благотв. Общества, 21 ноября 1885 г.). *Извѣстія Спб. Слав. Благотв. Общества* 1885, № 10, стр. 423—425. Также въ сборникѣ: „Послѣднія 10 лѣтъ перваго 25-лѣтія существ. Спб. Слав. Благотв. Общества". Спб. 1893, стр. 126—128.

323. ((Рѣчь, посвященная памяти И. С. Аксакова. Произнесена въ торжеств. засѣданіи Слав. Благотв. Общ. 14 февраля 1886 г.)). *Извѣстія Спб. Слав. Благотв. Общества* 1886, № 2, стр. 55—57. Также въ сборникѣ: „Послѣднія 10 лѣтъ перваго 25-лѣтія существ. Спб. Слав. Благотв. Общества". Спб. 1893, стр. 144—145.

324. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* И. С. Аксаковъ (Рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи Спб. Слав. Благотвор. Общества 14 февраля 1887 г.). *Извѣстія Спб. Слав. Благотв. Общ.* 1887, № 3, стр. 137—140. Также въ сборникѣ: „Послѣднія 10 лѣтъ существованія перваго 25-лѣтія Спб. Слав. Благотв. Общ.". Спб. 1893, стр. 200—203.

*325. ((Рѣчь 11 мая 1893 г. по поводу 25-лѣтія существованія Спб. Слав. Благотв. общества)). Въ брошюрѣ: „11 мая 1893 г. Чествованіе 25-лѣтія существованія Спб. Слав. Благотв. Общества". Спб. 1893, стр. 12—15.

---

326. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Теорія культурно-историческихъ типовъ. [„Н. Я. Данилевскій. Россія и Европа. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія славянскаго міра къ германо-романскому. Изданіе третье. 1888"]. *Русск. Вѣстникъ* 1888, № 5, стр. 210—270. Перепечатано въ 4-мъ изданіи книги Данилевскаго (Спб. 1889), а также въ 5-мъ.

*327. „Н. Я. Данилевскій. Россія и Европа. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія славянскаго міра къ германо-романскому. Изд. 3-е, съ портр. и посмертн. примѣчаніями (изданіе Н. Страхова). Спб. 1888". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1888, № 4, стр. 532—533 (книж. новости) [1]).

328. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Полное собраніе сочиненій И. С. Аксакова. Томъ I. М. 1886". — „Сборникъ стихотвореній И. С. Аксакова. М. 1886". — „Сборникъ статей, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ по случаю кончины И. С. Аксакова. М. 1886". *Изв. Спб. Слав. Благотв. Общ.* 1886, № 7—8, стр. 364—365.

1) Признать въ авторѣ Бестужева-Рюмина позволяетъ не только общность взглядовъ, но и сходство отдѣльныхъ выраженій этой рецензіи съ статьею его въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1885, № 5 (см. предыдущій № 326). Наконецъ въ дневникѣ Бестужева съ 17 февраля по 8 марта 1888 г. цѣлый рядъ указаній, изъ которыхъ видно, что за это время Бестужевъ два раза перечиталъ книгу Данилевскаго. Далѣе, подъ 9 марта читаемъ: „Писалъ о Данилевскомъ (въ „Журн. Мин. Нар. Просв.")"; 10 марта: „Писалъ о Данилевскомъ (для „Русск. Вѣстн.")".

329. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Полное собраніе сочиненій И. С. Аксакова. Т. II. Славянофильство и западничество. 1860—1886. М. 1886". *Изв. Спб. Слав. Благотв. Общ.* 1886, № 10, стр. 481—482.

330. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Полное собраніе сочиненій И. С. Аксакова. Т. III. Польскій вопросъ и Западно-Русское дѣло. Еврейскій вопросъ. М. 1886". *Изв. Спб. Слав. Благотв. Общ.* 1886, № 11, стр. 545—546.

331. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Книга Н. Я. Данилевскаго. [„Н. Я. Данилевскій. Сборникъ политическихъ статей. Изд. Н. Страхова. Спб. 1890"]. *Русск. Вѣстникъ* 1890, № 3, стр. 261—270.

---

332. Польша въ 1773 году [„Борьба за польскій престолъ въ 1773 году. Историческая диссертація, составленная по архивнымъ источникамъ. В. Герье. М. 1862"]. *Отеч. Записки* 1862, № 7, стр. 81—113.

333. ((Отзывъ о сочиненіи Ѳ. И. Успенскаго: „О трехъ первыхъ попыткахъ объединенія у Западныхъ Славянъ")). „Первыя 15 лѣтъ существ. Спб. Слав. Благотв. Общ.". Спб. 1883, стр. 147.

334. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „М. П. Погодинъ. Статьи полемическія и польскій вопросъ (1856—1867). М. 1876". *Сборникъ Госуд. Знаній.* Спб. 1878, т. VI, стр. 84—89 (и отд. отт. 5 стр.).

335. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Louis Leger. Nouvelles Études Slaves. Deuxième série. Paris. 1886". *Изв. Спб. Слав. Благотв. Общ.* 1886, № 7—8, стр. 365—366.

336. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Émile de Laveleye. La Péninsule des Balkans. Vienne, Croatie, Bosnie, Serbie, Bulgarie, Roumelie, Turquie, Roumanie. Brux. 1886, 2 vols". *Изв. Спб. Слав. Благотв. Общ.* 1886, № 9, стр. 434—436.

*337. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Польскія реформы XVIII вѣка. Н. Карѣевъ. Спб. 1890". *Библіографъ* 1890, № 2, стр. 32—33.

338. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Бернгарди о Польскомъ вопросѣ. *Русск. Обозрѣніе* 1894, № 9, стр. 232—237.

VII. Общественные вопросы.

339. Смыслъ и значеніе музея имени Государя Наслѣдника. *Голосъ* 1873, 30 января, № 31 [1]).

340. Предположеніе о составѣ музея имени Государя Наслѣдника. *Голосъ* 1873, 9 февраля, № 41 [2]).

241. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* День 900-лѣтія крещенія Русскаго народа. Газета *Свѣтъ* 1888, 14 іюля, № 156 [3]).

*342. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Въ память въ Бозѣ почившаго государя Александра III. Рѣчь. — Въ брошюрѣ: „10 ноября 1894 г. Протоколъ чрезвычайнаго общаго собранія г.г. членовъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества. Спб. 1894", стр. 13—15.

VIII. Некрологи.

343. А. А. Григорьевъ. *Народное Богатство* 1864, 29 сентября, № 210 [1]).

344. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* С. В Ешевскій. *С.-Петерб. Вѣд.* 1865, № 133.

345. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* А. Н. Афанасьевъ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1871, № 10, стр. 319—321.

346. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* А. Ѳ. Гильфердингъ. *Голосъ* 1872, № 53.

347. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* М. Д. Хмыровъ. *Голосъ* 1872, № 213.

348. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.* Павелъ Михайловичъ Строевъ † 6 января 1876. *Русская Старина* 1876, № 2, стр. 426—429.

349. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* А. П. Пановъ. Запоздалый некрологъ. *Газета А. Гатцука* 1877, № 52, стр. 1007 [5]).

---

1) Передовая статья.

2) Передовая статья.

3) Передовая статья.

4) Перепечатано въ № 212 той же газеты, такъ какъ въ № 210 некрологъ оказался напечатаннымъ не совсѣмъ вѣрно.

5) По ошибкѣ напечатано: А. П. Поповъ.

350. ((Некрологъ Ал. Ник. Попова)). *Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ.*, т. 21. Спб. 1877, стр. I—VI.

351. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* П. И. Мельниковъ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1883, № 3, стр. 43—49 [1]).

352. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Письмо къ редактору „Руси" бывшаго предсѣдателя Петербургскаго Славянскаго Общества, съ приложеніемъ некролога И. И. Петрова. *Русь* 1883, № 17, стр. 56—59.

353. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Тяжелая утрата. По поводу кончины графа Алексѣя Сергѣевича Уварова. *Живописное Обозрѣніе* 1885, т. I, стр. 17—18. Также: *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1885, № 2, стр. 123—125 и брошюра: „Незабвенной памяти графа А. С. Уварова. М. 1885".

*354. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* К. Д. Кавелинъ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1885, № 6, стр. 78—80.

355. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Николай Яковлевичъ Данилевскій. *Извѣстія Спб. Слав. Благотв. Общества* 1885, № 10, стр. 457—458.

356. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ. *Извѣстія Спб. Слав. Благотв Общества* 1886, № 1, стр. 1.

357. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* А. Ѳ. Фонъ-Видертъ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1888, № 6, стр. 113—114 [2]).

*358. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* О. Ѳ. Миллеръ. Газета *Свѣтъ* 1889, 2 іюня, № 123.

359. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* О. Ѳ. Миллеръ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1889, № 7, стр. 12—15.

360. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1891, № 4, стр. 167—170.

361. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Владиміръ Павловичъ Титовъ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1891, № 12, стр. 123—126.

362. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Н. А. Поповъ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1892, № 1, стр. 73—75.

363. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Я. К. Гротъ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1893, № 7, стр. 12—17.

364. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Н. Н. Буличъ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1895, № 7, стр. 18—20.

1) О Мельниковѣ см. еще № 294.
2) О Видертѣ см. еще № 288.

365. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Е. А. Бѣловъ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1895, № 12, стр. 102—106.
366. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Н. Н. Страховъ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1896, № 2, стр. 114—117.

IX. Всеобщая Исторія.

367. *К. Б.-Р.* [Новости наукъ, искусствъ и литературы. Исторія]. „Филиппъ II-й", соч. Прескотта (на англійскомъ и русскомъ языкахъ). *Отеч. Записки* 1858, № 4, стр. 63—71.
*368. *К. Б.-Р.* [Новости наукъ, искусствъ и литературы]. Изданіе средневѣковыхъ англійскихъ хроникъ. *Отеч. Записки* 1858, № 4, стр. 77—80.
369. *Б.* [Новости наукъ, искусствъ и литературы. Исторія]. „Исторія Франціи", Мишле. *Отеч. Записки* 1858, № 6, стр. 87—98.
370. *Б.* Римская имперія и христіанство въ IV вѣкѣ [L'Église et l'Empire Romain au IV siècle, par M. Albert de Broglie. Première partie. Regne de Constantin. 2 vols. Paris. 1856. Deuxième partie. Constance et Julien. 2 vols. Paris. 1859"]. *Отеч. Записки* 1859, № 7, стр. 28—43.
371. *Б.* Послѣдніе труды во Франціи по вопросу о централизаціи [„De la centralisation et de ses effets, par Odilon Barrot. Paris. 1861". — „La province, ce qu'elle est, ce qu'elle doit être, par Elias Regnault. Paris. 1861"]. *Отеч. Записки* 1861, № 10, стр. 549—578.
372. *К. Б.-Р.* „Курсъ исторіи древняго міра, составленный В. Шульгинымъ. Кіевъ. 1859". — „Курсъ всеобщей исторіи доктора Георга Вебера, профессора въ Гейдельбергѣ, т. I. Переводъ съ нѣмецкаго Е. и В. Корша. М. 1859—1860". — „Краткій учебникъ всеобщей исторіи. Соч. доктора Георга Вебера, профессора и директора школы въ Гейдельбергѣ. Переведено съ нѣмецкаго подъ редакціею П. Соколова (съ пятаго изданія). Вып. первый: Исторія древняго міра. М. 1859". *Отеч. Записки* 1860, № 2, стр. 77—91.
*373. „Курсъ всеобщей исторіи доктора Георга Вебера, профессора въ Гейдельбергѣ. Переводъ съ нѣмецкаго Е и В. Корша. Т. II. Вып. 4-й: Исторія среднихъ вѣковъ до

крестовыхъ походовъ. М. 1860". *Отеч. Записки* 1860, № 4, стр. 104—105.

374. *К. Б.-Р.* „Руководство ко всеобщей исторіи для младшаго возраста. Д. Иловайскій. Вып. I. Древній міръ и средніе вѣка. М. 1863". *С.-Петерб. Вѣд.* 1863, № 211, стр. 859.

X. Всеобщая Литература.

375. *Б.* „Очеркъ исторіи нѣмецкой литературы съ присоединеніемъ во II-й части избранныхъ отрывковъ изъ сочиненій образцовыхъ писателей. Сост. О. Шталемъ. Ч I. М. 1858". *Москов. Вѣд.* (Лит. отд.) 1858, № 129, стр. 525—526.

*376. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Письмо въ редакцію. *Библіогр. Записки* 1892, № 3, стр. 247 [1]).

377. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „В. Шекспиръ. Ромео и Юлія. Трагедія. Переводъ П. А. Кускова. Изданіе Суворина. Спб. 1891". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1892, № 11, стр. 190—203 [2]).

*378. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Первая новелла Сервантеса. *Библіографъ* 1892, № 12, стр. 445.

XI. Географія.

379. *К. Б.-Р.* „Die Bergvölker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen. Nach eigener Anschauung geschildert von Theophil Lapinski (Tefic Bey) Oberst und Commandant einer polnischen Truppen-Abtheilung im Lande der unabhängigen Kaukasier. Erster Band. Hamburg. 1863". *Записки Имп. Русск. Геогр. Общ.* 1863, кн. I, отд. III, стр. 1—51.

380. *К. Б.-Р.* „Bevölkerung des Russischen Kaiserreichs in den wichtigsten statistischen Verhältnissen dargestellt von A. v. Bu-

---

1) Объ авторѣ „Неправдоподобныхъ разсказовъ" и о репродукціи folio шекспировскихъ драмъ 1623 г.

2) О Шекспирѣ, кромѣ № 376, см. также № 191: „Замѣтка по поводу труда Ровинскаго".

schen. Gota. 1862". *Записки Имп. Русск. Геогр. Общ.* 1863, кн. I, отд. III, стр. 51—54.

*381. *Географическія Извѣстія.* Мюнцингеръ о судьбѣ Фогеля. — Заключеніе экспедиціи Мюнцингера и Кинцельбаха; ихъ возращеніе въ Европу. — Путешествіе Гейглина, Dr. Штейднера и Шуберта по Абиссиніи въ маѣ и іюнѣ 1862 г. — Міани объ открытіяхъ на Верхнемъ Нилѣ. — Путешествіе капитана Спека во внутренность Африки; извѣстіе объ открытіи имъ верховьевъ Бѣлаго Нила. — Новѣйшія путешествія въ Африку. — Извѣстія о Дюшалльу и гориллѣ. — Путешествія по Австраліи. — Англійская колонія Квинсландъ; ея возрастаніе; открытіе въ ней двухъ новыхъ рѣкъ. — Колонизація сѣверныхъ береговъ Австраліи. — Населеніе Микронезіи. — Карло Салеріо о Новой Гвинеѣ и островахъ Чудларкѣ и Руукѣ. — Бразильская экспедиція Гонсальвесъ Діаса. — Dr. Морицъ Вагнеръ о провинціи Кирики въ Панамѣ. — Измѣреніе средневропейской дуги меридіана. — Японская колонизація острова Огасавары. — Новѣйшая карта Сербіи г. Ф. Каница. — Путешествіе г. Барта по Европейской Турціи. *Записки Имп. Русск. Геогр. Общ.* 1863, кн. 2-я, стр. 11—38.

*382. *Географическія Извѣстія.* Путешествіе Спека въ изложеніи Морчинсона. — Рудольфъ Вагнеръ о предполагаемой выставкѣ череповъ. — Изслѣдованія Ринка о гренландскихъ ледникахъ. *Записки Имп. Русск. Геогр. Общ.* 1863, кн. 3, стр. 9—26.

*383. *Географическія Извѣстія.* Послѣднія засѣданія Лондонскаго Географическаго Общества: путешествіе барона Декена. Записки г-жъ Тенэ и Тогтеръ изъ ихъ путешествія по Нилу. Записка Свинго о Формозѣ. — Валласъ о Малайскомъ архипелагѣ. — Лежанъ объ Абессиніи. — Сочиненіе Ренана о Финикіи. *Записки Имп. Русск. Геогр. Общ.* 1863, кн. 4-я, стр. 1—25.

*384. *Географическія Извѣстія.* Андрэ, о кухонныхъ остаткахъ въ разныхъ мѣстностяхъ. — Бартъ, о языкахъ и племенахъ центральной Африки. — Дюверье, о Сахарѣ. — Убійство Беурмана на границахъ Вадая. *Записки Имп. Русск. Геогр. Общ.* 1864, кн. 1-я, стр. 10—28.

*385. *Географическія Извѣстія.* Рѣка Ого-вай въ западной Африкѣ. — Швейцарскій путешественникъ Шлефли. — Погибель путешественника Говитта въ Новой Зеландіи. —

Открытіе въ Новой Зеландіи. — Неудача экспедиціи Міани. — Истребленіе бушменовъ. — Открытіе въ Австраліи. *Записки Имп. Русск. Геогр. Общ.* 1864, кн. 2-я, стр. 12—22.

*386. *Географическія Извѣстія.* Путешествіе Вамбери въ центральную Азію. — Ливингстонъ въ Африкѣ. — Французская ученая экспедиція въ Мексику. — Число индійцевъ и переселенцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ. — Французская экспедиція въ Палестину. — Новый трудъ г. Чихачева. — „Азіатское общество" въ Лагорѣ. — Лежановы планы абесинскихъ городовъ. — Геологическія изслѣдованія въ Новой Зеландіи. — „Описаніе развалинъ Паленкэ". — Изданіе трудовъ шведской экспедиціи на Шписбергенъ. — Острова Фиджи. — Жители острова Энгано. — Смерть Спика. *Записки Имп. Русск. Геогр. Общ.* 1864, кн. 3, стр. 1—15.

XII. Университетъ.

387. Нѣчто о профессорахъ. *Отеч. Записки* 1861, № 12, стр. 665—674.

388. Записка ординарнаго профессора К. Н. Бестужева-Рюмина объ ученыхъ трудахъ магистра Егора Замысловскаго. „Протоколы засѣданій совѣта Имп. Спб. университета за первую половину 1871—1872 академ. года", № 5, стр. 23—24.

389. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Записка объ ученыхъ трудахъ англійскаго историка Эдварда Фримана, избраннаго въ засѣданіи совѣта 31 января 1877 г. въ число почетныхъ членовъ С.-Петербургскаго университета. „Протоколы засѣданій совѣта Имп. Спб. университета за 2-ю половину 1876—1877 акад. года", № 16, стр. 21—23.

*390. ((Оцѣнка двухъ работъ, представленныхъ студентами Имп. Спб. университета, П. Моравекомъ и Е. Шмурло, на соисканіе наградъ медалями въ 1878 г.)). „Протоколы засѣданій совѣта Имп. Спб. унив.", № 17, стр. 71—75.

XIII. Высшіе Женскіе Курсы.

391. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Напутственное слово окончившимъ слушательницамъ Высшихъ женскихъ курсовъ (Первый публичный актъ на Высшихъ женскихъ курсахъ). *Новое Время* 1882, № 2358, 21 сентября.

392. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* По поводу статьи „Гражданина" о Высшихъ женскихъ курсахъ. *Новое Время* 1886, № 3747, 5 августа.

*393. ((Памяти Н. В. Стасовой)). Въ сборникѣ: „Памяти Надежды Васильевны Стасовой. Спб. 1896", стр. 72—74.

XIV. Смѣсь.

*394. *К. Б.-Р.* „Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго. Чудодѣй. А. Ѳ. Вельтмана. Т. I. М. 1856". *Москов. Вѣд.* 1856, № 39, стр. 155.

395. *Б.* „О распространеніи знаній въ Россіи, статья В. Ламанскаго (въ майской книжкѣ „Современника")". *Москов. Вѣд.* (Лит. отд.) 1857, № 61, стр. 279—280.

396. *Б.* „Указатель статей серьезнаго содержанія, помѣщенныхъ въ русскихъ журналахъ прежнихъ лѣтъ. Изданіе Н. Бенардаки и Ю. Богушевича. Вып. 1 и 2. Спб. 1858". *Москов. Вѣд.* (Лит. отд.) 1858, № 129, стр. 525.

397. *Б.* ((Сочувственное заявленіе о предстоящемъ появленіи новой газеты „Русскій Дневникъ", подъ редакціей П. И. Мельникова)). *Москов. Вѣд.* (Лит. отд.) 1858, № 129, стр. 526.

398. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Народное Чтеніе, составленное А. Оболенскимъ и Г. Щербачевымъ. Кн. 1, 2, 3 и 4. Спб. 1859". *Москов. Вѣд.* (Лит. отд.) 1859, № 200, стр. 1490—1492.

399. Г-жа Свѣчина и ея переписка съ Токвилемъ. Современная французская поэзія. Комедія Дюма-сына. Новая страна, которая, вѣроятно, откроется для европейцевъ. *С.-Петербург. Вѣд.* (фельетонъ) 1859, № 269.

400. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Народныя бесѣды. Изданіе Д. В. Григоровича. Спб. 1860. 10 книжекъ: 1) Описаніе земли или географія Европы (до Россіи), Азіи, Африки, Америки и Австраліи; 2) Описаніе земли или географія Россійскаго государства; 3) Разсказы о морскихъ сраженіяхъ и крушеніяхъ; 4) Нравы и обычаи разныхъ народовъ; 5) Замѣчательные русскіе простолюдины; 6) Исторія царя Петра Алексѣевича Великаго; 7) Странствіе вокругъ свѣта; 8) Рыбные промыслы на моряхъ и рѣкахъ; 9) Пѣсни и пословицы русскаго народа; 10) Жизнь и приключенія Морозова". *Отеч. Записки* 1860, № 6, стр. 75—89.

401. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Французскіе софизмы въ параллель съ русскими [„Tacite et son siècle, ou la société romaine impériale d'Auguste aux Antonins dans ses rapports avec la société moderne, par E. P. Dubois-Guchan, procureur impérial à Nantes. Paris. 1861, 2 vols (Тацитъ и его вѣкъ или общество императорскаго Рима отъ Августа до Антониновъ, по отношенію къ современному намъ обществу. Дюбуа-Гюшана)". — „О причинахъ паденія Рима. Подражаніе Монтескьё. М. Чернышевскаго („V книжка „Современника" 1861 года")"]. *Отеч. Записки* 1861, № 8, стр. 109—124.

402. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* По поводу журнала, задуманнаго г. Фэрлеемъ. *Газета А. Гатцука* 1877, № 28, стр. 508—509.

*403. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Письмо въ редакцію. *Новое Время* 1877, 22 апрѣля, № 411 [1]).

404. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* „Священная Исторія Ветхаго Завѣта, Евгеніи Туръ. М. 1888". Газета *Свѣтъ* 1888, № 218.

*405. „Библейская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій. Ветхій завѣтъ въ двухъ томахъ. Составилъ А. П. Лопухинъ. Т. II: отъ пророка Самуила до Рождества Христова. Спб. 1890". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1890, апрѣль, стр. 470 (книж. новости) [2]).

---

1) По поводу запроса, сдѣланнаго въ № 410, о времени появленія 2-го тома Русской Исторіи.

2) Въ дневникѣ Бестужева подъ 23—26 февраля 1890 находимъ: „Читалъ Лопухина: „Библейскую Исторію". — 27 февр.: „Читалъ Лопухина и писалъ о немъ".

*406. „Т. Флоринскій. Лекціи по славянскому языкознанію. Часть первая. Кіевъ. 1895. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1895, № 3, стр. 230—232 (книж. новости).

XV. Переводы.

407. Ученый, сдѣлавшійся ремесленникомъ. Повѣсть Риля[1]). *Москов. Вѣд.* (Лит. отд.) 1857, №№ 92—95; стр. 416—418, 421—422, 422—424 (д. быть: 424—426), 428—430.

408. Маколей. Полное собраніе сочиненій. Т. V. Спб. 1863. Статья „Графъ Чатамъ" (стр. 141—231) переведена подъ редакціей К. Н. Бестужева-Рюмина.

409а. Г. Т. Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Т. I (части I и II). Съ предисловіемъ „Нѣсколько словъ о Г. Т. Боклѣ" (стр. III—VII). Переводъ К. Бестужева-Рюмина. Изданіе Тиблена. Спб. 1863. 8°. XV + VI + 693 + XVI стр. — То же: Г. Т. Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Т. I (части I и II). Переводъ К. Бестужева-Рюмина и Н. Тиблена. Изд. 2-е, исправленное. Изд. Тиблена и Пантелѣева. Спб. 1864. 8°. XIV + 699 + X стр. — То же: Г. Т. Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Переводъ К. Бестужева-Рюмина и Н. Тиблена. Т. I. Третье полное изданіе безъ перемѣнъ. Изд. М. О. Вольфа. Спб. 1873. 8°. VIII + 376 стр.

409б. Г. Т. Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Т. II (части I и II). Переводъ К. Бестужева-Рюмина и Н. Тиблена. Изд. Н. Тиблена. Спб. 1864. 8°. XII + 510 стр. — То же: Г. Т. Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Т. II. Переводъ К. Бестужева-Рюмина и Н. Тиблена. Изд. 2-е, исправленное, Н. Тиблена. Спб. 1865. 8°. XII + 536 стр.

410. Болгарскіе ужасы и восточный вопросъ. Гладстонъ. Переводъ съ англійскаго К. П. Побѣдоносцева и К. Н. Бестужева-Рюмина. Спб. 1876. 8°. XIII + 48 стр.

1) Въ концѣ перевода приведено объяснительное послѣсловіе за подписью *Пер.* — Напомнимъ, что (какъ было уже выше сказано) „кромѣ этого перевода помѣщено много другихъ переводовъ, политическихъ и литературныхъ статей въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1856—1859 г.г."

XVI. Редактированныя изданія.

411. Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Спб. 1863. Кн. I—IV. — Спб. 1864. Кн. I—IV.

412. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Англіею. Томъ II (съ 1581 по 1604 годъ). Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества, т. 38. Спб. 1883 [1]).

*413. Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества. Спб. 1885, №№ 10—12. — Спб. 1886. №№ 1—12. — Спб. 1887, №№ 1—8 [2]).

*414. Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданное по В. п. Археографич. коммиссіею, т. XVI. Лѣтописный Сборникъ, именуемый лѣтописью Авраамки. Спб. 1889. 4° [3]).

*415. Онежскія былины, записанныя А. Ѳ. Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 г. Изданіе 2-е. Т. I—II. Спб. 1894—1896 (Сборникъ отд. р. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. 59 и 60) [4]).

XVII. Литографированныя лекціи.

416. Русская Исторія. Лекціи, читанныя г. профессоромъ Бестужевымъ-Рюминымъ въ 186⁵/₆ академич. году для г.г. студентовъ С.-Петербургскаго университета, составленныя подъ редакціей профессора студентомъ Фойницкимъ. Вып. I. 8°. 260 стр. — Русская Исторія. Лекціи, читанныя въ Спб. университетѣ въ 18⁶⁵/₆₆ академич. году г. профессоромъ Бестужевымъ-Рюминымъ, составленныя студентами Фойницкимъ и Исполатовымъ. Вып. II. 8°. 309 стр. [5]).

---

1) Съ предисловіемъ, стр. I—III.

2) Послѣдній номеръ въ 1887 г. былъ августовскій. Редактированіе „Извѣстій" все время велось совмѣстно съ П. Г. Моравекомъ.

3) Послѣдніе восемь листовъ.

4) „Смотрѣніе за изданіемъ поручено Отдѣленіемъ академику К. Н. Бестужеву-Рюмину".

5) Содержаніе: въ вып. I — исторіографія; въ вып. II — варяжскій и удѣльный періоды. Начиная съ листа 10-го, разрѣшительная собственноручная надпись: „На литографированіе согласенъ. К. Бестужевъ-Рюминъ"; на л. 13 и немногихъ другихъ вып. I — обозначеніе литографіи: „Сеньковскаго и К°. на Невск. пр. № 60". — Съ собственноручными поправками текста самимъ Бестужевымъ.

417. XVI вѣкъ въ русской исторіи. Спеціальныя лекціи Бестужева-Рюмина. Составилъ Галактіоновъ. Издалъ Кравченко. Спб. Литографія Кравченко. 1867. 8°. 138 стр.

*418. Русская Исторія. Лекціи, читанныя проф. К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ въ 18⁶⁷/₆₈ году для г.г. студентовъ Петербургскаго университета. Изд. студ. С. Рабиновичъ. Литографія Пазовскаго. Б. Мѣщ. д. № 22—45. 8°. 237 стр.[1]).

*419. Лекціи по русской исторіи проф. Спб. университета Бестужева-Рюмина, 1878—79 академическаго года. Литографія Гробовой. Пет. Ст., Б. Просп., д. 23. Коррект. изд. Вл. Чулицкій.

*420. Записки по русской исторіи. Курсъ 1878/79 г. 8°. 438 стр.[2]).

*421. Записки по русской исторіи. Курсъ 1879/80 г. Высшіе женскіе курсы. Спб. Литографія Курочкина, Невскій, 106, и Коплевской, Невскій, д. № 57. 8°. 156 стр.[3]).

·422. Высшіе Женскіе Курсы. Русская Исторія. Лекціи профессора К. Н. Бестужева-Рюмина. Курсъ 1880—1881 г. Изданіе Паславской. Спб. Литографія Пазовскаго. Казанская, № 18 (со стр. 161-й литографія Гробовой, Пет. Стор., Бол. Пр. д. № 23). 8°. 223 стр.[4]).

---

1) Содержаніе: древній періодъ до смерти ц. Алексѣя Михайловича. Въ концѣ стр. 237 указано, гдѣ можно получить „продолженіе". На каждомъ листѣ разрѣшительная собственноручная надпись: „На литографированіе согласенъ. К. Бестужевъ-Рюминъ".

2) Безъ обозначенія литографіи. Содержаніе: древній періодъ, оканчивающійся княженіемъ Василія III: лекціи 2—41; первая не воспроизведена. Собственно исторіи Россіи предшествуетъ (лекціи 2—12) обзоръ памятниковъ и исторіографическихъ трудовъ, т. е. то, что составляетъ такъ наз. *Введеніе* въ „Русской исторіи" Бестужева.

3) Содержаніе: съ Ивана Грознаго до смерти Петра В. (съ торопливымъ обзоромъ Петровскаго царствованія): лекціи 2- 25; первая лекція не воспроизведена. Этотъ курсъ служилъ непосредственнымъ продолженіемъ предыдущаго (№ 420). Едва ли не оба они, т. е. и № 420, и № 421, составляютъ то, что г. Козеко обозначилъ подъ № 165: „Лекціи по русской исторіи проф. К. Н. Бестужева-Рюмина, читанныя на Высш. Женск. курсахъ. Спб. Литографія Курочкина. 1879. 8°. 680 стр.". Счетъ страницъ, правда, не сходится (438 + 156 не = 680), но какъ иначе объяснить появленіе въ 1879 г. особаго курса при несомнѣнномъ существованіи указанныхъ двухъ? Къ тому же извѣстно, что одновременно двумъ группамъ (ни въ Университетѣ, ни на В. Ж. Курсахъ) Бестужевъ никогда не читалъ *одного и того же* курса.

4) Содержаніе: Исторія XVIII в. до Павла I. Непосредственное продолженіе предыдущаго курса (№ 421). Первыя лекціи посвящены преобразовательной дѣятельности Петра В.

423. Записки по древней русской исторіи. Проф. К. Н. Бестужева-Рюмина. Курсъ 1860—1861 г. Спб. 8°.

424. Высшее женское курсы. Лекціи по исторіографіи профессора Бестужева-Рюмина, читанныя въ 1861—1862 году. Спб. Литографія Гробовой. Лит. Сторона. Боль. Пр. 2 № 23. 8. 230 стр.

425. Лекціи по Русской Исторіи проф. К. Н. Бестужева-Рюмина для Высшихъ женскихъ курсовъ. Изд. 2-е. Спб. 1864. 8.

Въ дополненіе къ систематическому указателю считаемъ не лишнимъ обозначить отмѣченныя выше 425 №№ по годамъ, чтобы дать читателю представленіе о силѣ литературныхъ занятій Бестужева-Рюмина въ теченіе 25-ти лѣтняго періода:

1847 годъ №№ 166, 167, 168, 169.
1854 „ № 172.
1855 „ № 180.
1856 „ №№ 71, 100, 119, 149, 151, 172, 394.
1857 „ №№ 120, 165, 289, 395, 407.
1858 „ №№ 72, 171, 367, 368, 369, 375, 396, 397.
1859 „ №№ 2, 21, 96, 112, 123, 124, 156, 291, 371, 398, 399.
1860 „ №№ 18, 20, 41, 73, 89, 135, 136, 159, 372, 373, 400.
1861 „ №№ 19, 42, 73, 91, 130, 160, 161, 202—207, 371, 397, 401.
1862 „ №№ 13, 74, 98, 162—165, 236—254, 331.
1863 „ №№ 23, 27, 255—262, 291, 374, 375—383, 408, 409[1], 411.
1864 „ №№ 31, 32, 343, 364, 385, 386, 409[2], 409[3], 411.
1865 „ №№ 25, 31, 32, 33, 344, 409[3].
1866 „ №№ 33, 34, 292, 412.
1867 „ №№ 7, 35, 43, 417.
1868 „ №№ 44, 413.

---

1 На стр. 71 [illegible] № 125 [illegible] Бестужевъ. Русская [illegible] стр. 271—272, [illegible] на [illegible] опубликованныя „Записки по древней русской исторіи [illegible] Курсъ 1861—1862 [illegible] читанныя въ 1 курсѣ историко-филологическаго факультета Спб. Университета. Спб. 1861. 8. 327 стр.

2 Сочиненіе „Русская историческая библіографія“ [illegible] Константиновъ, К. Н. Бестужевъ-Рюмин. [illegible] Лекціи [illegible]

3 №№ [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible]

1870 годъ: №№ 22, 29, 91.
1871 „ №№ 48, 54, 345.
1872 „ №№ 9, 36, 51, 80, 144, 346, 347, (388).
1873 „ №№ 24, [54], 55, 154, 263—268, 293, 339, 340, [409a].
1874 „ №№ 37, 52, 53, 75, 117, 269—272, 294.
1875 „ №№ 2, [31], 60, 76, 131, 273.
1876 „ №№ 11, 17, 37, 38, 46, 77, 78, 81, 82, 92, 99, 106, 113, 132, 274, 275, 295, 348, 410.
1877 „ №№ 30, 349, 350, (389), 402, 403.
1878 „ №№ 85, 107, 134, 334, (390).
1879 „ №№ (419, 420).
1880 „ №№ 16, 39, 50, 83, 86, 125, 126, 276, 296—299, (421).
1881 „ №№ 6, 310, [310], 311, (422, 423).
1882 „ №№ [3, 6, 7, 11, 16, 22, 24], 26, [31], 79, 300, 391, (424).
1883 „ №№ 4, 10, 14, 15, [24, 31], 47, [48], 301, 308, 309, [310], 312—316, 333, 351, 352, 412.
1884 „ №№ 84, [107], 111, 147, 319, 425.
1885 „ №№ [31], 36, 57, 103, [319], 320, [320], 321, 322, 353, [353 bis], 354, 355, 413.
1886 „ №№ 5, 302, 323, 328, 329, 330, 335, 336, 356, 392, 413.
1887 „ №№ 40, 56, 127, 181, 324, 413.
1888 „ №№ 8, [31], 61, 62, 97, 114, 118, 122, 137, 142, 155, 173, 174, 182, 183, 326, 327, 341, 357, 404.
1889 „ №№ 63, 93, 94, 101, 108, 110, 115, 129, 141, 148, 156, 175, [182], 184, [326], 358, 359, 414.
1890 „ №№ 64, 95, 102, 104, 109, 121, 128, 133, 138, 140, 146, 150, 176, 186, 331, 337, 405.
1891 „ №№ [32], 45, 65, 105, 190, 360, 361.
1892 „ №№ 12, 25, [33], 58, 59, 66, 152, 177, 178, 187, 191, 193, 194, [194], 287, 303, 304, 362, 376, 377, 378.
1893 „ №№ [5], 67, 112, 139, 145, 153, 188, 192, [194], 195, 277, 278, 279, 305, 317, 318, [319, 321, 322, 323, 324], 325, 363.
1894 „ №№ [25], 68, 179, [195], 196, 280, 281, 338, 342, 415.
1895 „ №№ [31], 69, 143, 157, 189, [195, 196], 198, 306, 364, 365, 406.
1896 „ №№ [32, 33], 70, 87, 88, 197, 282, 283, 284, 307, 366, 393, 415.
1897 „ №№ 1, 199, 200, 285, 286, 288.
1898 „ №№ 49, 201.

Изданія, въ которыхъ помѣщены труды К. Н. Бестужева-Рюмина[1]).

А. Журналы и Газеты.

1. Библіографическія Записки *1892:* №№ 304, 376.
2. Библіографъ *1888:* №№ 173, 183. — *1889:* №№ 115, 148. — *1890:* № 337. — *1892:* № 378. — *1893:* № 305.
3. Вѣстникъ Европы *1866:* № 292.
4. Газета А. Гатцука *1877:* №№ 349, 402.
5. Голосъ *1867:* № 35. — *1872:* № 346, 347. — *1873:* № 24, 154, 339, 340.
6. Древняя и Новая Россія *1875:* №№ 3, 60, 131. — *1876:* №№ 11, 81, 82, 99, 106. — *1877:* № 30.
7. Живописное Обозрѣніе *1885:* № 353.
8. Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія *1867:* №№ 7, 43. — *1871:* № 345. — *1872:* №№ 51, 80, 144. — *1874:* № 117. — *1876:* № 92. — *1878:* № 85, 107. — *1880:* №№ 16, 39, 126. — *1883:* № 351. — *1884:* №№ 84, 111, 147. — *1885:* №№ 57, 353, 354. — *1887:* №№ 40, 56, 127, 181. — *1888:* №№ 62, 97, 118, 122, 137, 142, 155, 182, 327, 357. — *1889:* №№ 63, 93, 94, 101, 108, 110, 133, 141, 156, 184, 359. — *1890:* №№ 64, 95, 104, 109, 121, 128, 138, 140, 146, 150, 186, 405. — *1891:* №№ 65, 105, 360, 361. — *1892:* №№ 58, 66, 152, 187, 362, 377. — *1893:* №№ 67, 112, 139, 145, 153, 188, 363. — *1894:* № 68. — *1895:* №№ 69, 189, 364, 365, 406. — *1896:* №№ 70, 366.
9. Записки Имп. Русск. Геогр. Общества *1863:* №№ 379, 380, 381, 382, 383. — *1864:* №№ 384, 385, 386.
10. Заря *1870:* №№ 29, 91. — *1871:* № 48.

---

1) Переводы, изданія редактированныя и литографированныя лекціи сюда не внесены.

11. Извѣстія Имп. Русск. Археологич. Общества *1876:* № 113. — *1884:* № 107.
12. Извѣстія Отд. р. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ *1895:* № 198. — *1896:* №№ 87, 88. — *1897:* № 199.
13. Извѣстія Спб. Славянск. Благотвор. Общества *1884:* № 319. — *1885:* №№ 103, 320, 321, 322, 355. — *1886:* №№ 5, 302, 323, 328, 329, 330, 335, 336, 356. — *1887:* № 324.
14. Историческій Вѣстникъ *1880:* №№ 50, 83, 86, 125, 296. — *1881:* № 6. — *1882:* №№ 79, 300. — *1897:* № 1.
15. Московскія Вѣдомости *1854:* № 170. — *1855:* № 180. — *1856:* №№ 71, 100, 119, 149, 151, 172, 394. — *1857:* №№ 120, 185, 289, 395. — *1858:* №№ 171, 375, 396, 397. — *1859:* №№ 116, 158, 290, 398. — *1874:* № 294.
16. Московское Обозрѣніе *1859:* №№ 2, 123.
17. Народное Богатство *1864:* № 343.
18. Недѣля *1876:* № 132.
19. Нижегородскія Губ. Вѣдомости *1847:* №№ 166, 167, 168, 169.
20. Новое Время *1877:* № 411. — *1882:* № 391. — *1886:* № 392. — *1892:* № 303.
21. Отечественныя Записки *1858:* №№ 72, 367, 368, 369. — *1859:* №№ 21, 96, 124, 370. — *1860:* 18, 20, 41, 73, 89, 135, 136, 159, 372, 373, 400. — *1861:* №№ 19, 42, 73, 90, 130, 160, 161, 371, 387, 401. — *1862:* №№ 13, 74, 98, 162, 163, 164, 165, 332. — *1865:* № 28.
22. Полярная Звѣзда *1881:* № 310.
23. Русская Старина *1873:* № 293. — *1876:* №№ 17, 295, 348. — *1880:* №№ 297, 298, 299. — *1892:* № 194.
24. Русскій Архивъ *1863:* № 291. — *1896:* № 307.
25. Русскій Вѣстникъ *1888:* №№ 61, 114, 174, 326. — *1889:* №№ 129, 175. — *1890:* №№ 102, 176, 331. — *1892:* №№ 177, 178.
26. Русское Обозрѣніе *1894:* №№ 179, 338. — *1895:* №№ 143, 157.
27. Русь *1881:* № 311. — *1883:* № 352.
28. С.-Петербургскія Вѣдомости *1859:* № 399. — *1863:* №№ 23, 27, 374. — *1865:* № 344.
29. Свѣтъ *1888:* №№ 8, 341, 404. — *1889:* № 358.
30. Славянское Обозрѣніе *1892:* №№ 12, 25, 59.
31. Странникъ *1885:* № 319.
32. Сѣверный Вѣстникъ *1896:* № 306.

Б. Изданія непеpіодическія, сборники и отдѣльныя сочиненія.

1. Біографіи и Характеристики: №№ 3. 6. 7. 11. 16. 22. 24. 26.
2. Братская помощь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины: № 38.
3. Въ память Ѳ. М. Достоевскаго: № 310.
4. Годичный торжества акта Имп. Спб. Университета: № 7.
5. Н. Я. Данилевскій. Россія и Европа: № 326.
6. 10 ноября 1894 г.: № 342.
7. Жизнь Кирилла и Меѳодія: № 320.
8. Записки Имп. Академіи Наукъ: №№ 134. 182. 193. 195. 196.
9. Записки иностранцевъ о Россіи въ XVIII ст.: №№ 52. 53.
10. Лѣтопись занятій Археографич. комиссіи: № 44.
11. Нашимъ пѣтомцамъ: № 55.
12. Незабвенной памяти графа А. С. Уварова: № 353.
13. 11 мая 1893 г.: № 325.
14. Отчетъ о 37 присужд. наградъ гр. Уварова: № 200.
15. Память Н. В. Стасовой: № 393.
16. Памятники Новой Русской Исторіи. Сборникъ, изд. В. Кашпиревымъ: № 54.
17. Первыя 15 лѣтъ существ. Спб. Славянск. Благотв. Общества: №№ 4. 10. 14. 15. 24. 47. 48. 308. 309. 310. 312. 313. 314. 315. 316. 333.
18. Послѣднія 10 лѣтъ перваго 25-тилѣтія существ. Спб. Славянск. Благотвор. Общества: №№ 5. 317. 318. 319. 321. 322. 323. 324.
19. Протоколы засѣданій совѣта Импер. Спб. Университета: №№ 388. 389. 390.
20. Пятидесятилѣтіе гражданской и ученой службы М. П. Погодина: № 9.
21. Сборникъ Государственныхъ Знаній: №№ 75. 76. 77. 78. 334.
22. Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества: №№ 301. 350.
23. Сборникъ историч. матеріаловъ и документовъ, относящ. къ новой русской исторіи XVIII и XIX в., изд. Михайловымъ: № 54.
24. Сборникъ отдѣленія р. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ: №№ 25. 190. 191. 192. 194. 195. 197.

25—29. Словари:

а) Біографическій, русскихъ дѣятелей, изд. Имп. Русск. Историч. Общ.: №№ 283—286.

б) Критико-біографическій, русскихъ писателей и ученыхъ, изд. Венгеровымъ: №№ 287, 288.

в) Русскій энциклопедическій, издаваем. Березинымъ: №№ 263—276.

г) Энциклопедическій, изданіе Брокгауза и Эфрона: №№ 277—282.

д) Энциклопедическій, составл. р. учеными и литераторами: №№ 202—262.

30. Сочиненія С. В. Ешевскаго: № 22.

31. Труды 2-го археологич. съѣзда (въ Спб.): № 46.

32. Труды 4-го археологич. съѣзда (въ Казани): № 45.

Указатель.

I. Личный.

А. Р. (Světozor), 337.
Аввакумъ, пророкъ, 296.
Августъ, самозванецъ, 370.
Авель, монахъ, 370.
Авехесанъ, 370.
Авраамій, мученикъ болгарскій, 370.
Авраамій Ростовскій, 371.
Авсѣенко, В. Г., 330.
Агапитъ, инокъ, 371.
Агафьи, княгини русскія, 371.
Агнеса или Адельгейда, 371.
Агрипины, русскія княжны, 371.
Адашевъ, любимецъ Іоанна Грознаго, 211, 212.
Адвинда, мнимая княгиня русская, 371.
Аепа, ханы половецкіе, 371.
Акем-Тилеман-Лусъ, 371.
Акинѳъ Гавриловичъ, бояринъ, 371.
Аксаковъ, И. С., 199, (235), 258, 336, 378—380.
Аксаковъ, К. С., 82, 134, 135, 185, 187, 220, 346, 371.
Аксаковъ, С. Т., 364.
Александръ II, императоръ, 331, 335, 377.
Александръ III, императоръ, 84, 214—217, 228, 266, 330, 332, 377, 381.
Александръ, епископъ, 371.
Александръ, посадникъ, 371.
Александръ Всеволодовичъ, князь Бѣльскій, 371.
Александръ Михаиловичъ, вел. кн. владимірскій, 371, 374.
Александръ Поповичъ, богатырь, 371.
Александръ Ярославичъ Невскій, вел. князь, 374.
Алексѣй, архіепископъ, 371.
Алексѣй, митрополитъ, 371.
Алексѣй Александровичъ, в. кн., 84.
Алексѣй Алексѣевичъ, царевичъ, 371.
Алексѣй Михаиловичъ, царь, 143, 186, 223, 230, 330, 364, 371, 391.
Альбертини, Н. В., 70.
Альбертъ I, епископъ, 371.
Амперъ, 251, 264.
Амфилохій, преосв., 369.
Анастасія Романовна, жена Іоанна Грознаго, 210, 211, 213, 330, 371.
Андрей Александровичъ, сынъ Невскаго, 372.
Андрей Боголюбскій, 67, 330, 372.
Андрей Васильевичъ Горяй, сынъ Василія Темнаго, 372.
Андрей Владиміровичъ, сынъ Мономаха, 372.
Андрей Ярославичъ, сынъ Ярослава Всеволодовича, 372.
Андроновъ, Ѳедоръ, 372.
Андрэ, 385.
Аника воинъ, 372.
Анкудиновъ Тимошка, 372.
Анна Іоанновна, императрица, 352.
Анненковъ, П. В., 61, 62, 367.
Антоній, архіепископъ, 342.
Антоній, архіепископъ новгородскій, 372.
Антоній, основатель Кіево-Печерской лавры, 372.
Антоній Римлянинъ, 372.
Апостолъ, Д. П., гетманъ, 330, 372.
Аппіи, 251.
Аристидъ, 7.
Аристотель, 122, 126, 295.
Артемьевъ, 142.
Арцыбашевъ, Н. С., 71, 72, 372.
Аскольдъ, 372. См. Оскольдъ.
Аѳанасьевъ, А. Н., 47, 381.

Б., 328—329.
Баба-яга, 372.
Баевъ, В. Л., 13.
Байеръ, Г. З., 373.
Байронъ, 51, 265.
Бальзакъ, 51, 264, 271, 284.
Бантышъ-Каменскій, Дм. Н., 373.
Бантышъ-Каменскій, Н. Н., 373.

Баратынскіе, 51.
Баратынскій, Е. А., 51, 62, 63, 277.
Барбашевъ, А. И., 156, 358.
Barrot, Odilon, 383.
Барсуковъ, А. П., 360.
Барсуковъ, Н. П., 334, 353.
Бартеневъ, П. И., 364.
Бартъ, 385.
Барыковъ, В. С., 342—343.
Басенокъ, Ѳ. В., 373.
Батюшковъ, К. Н., 274, 278.
Безобразовъ, В. П., 335, 358, 363.
Безсоновъ, П., 77, 357.
Бережковъ, М. Н., IV, 156, 318, 338.
Бернгарди, 330.
Бернини, 265.
Бестужева Рюмина (Вѣра Николаевна), мать К. Н-ча, 2—5, 206, 277.
Бестужева-Рюмина (Надежда Николаевна), сестра К. Н-ча, 9.
Бестужева-Рюмина, Е. В., IV.
Бестужевъ-Рюминъ, А. П., графъ, 375.
Бестужевъ-Рюминъ, И. Д., 375.
Бестужевъ-Рюминъ, М. П., дядя К. Н-ча, 375.
Бестужевъ-Рюминъ, Н. П., отецъ К. Н-ча, 1—6, 8, 17, 279, 314.
Бестужевъ-Марлинскій, 280. См. Марлинскій.
Беурманъ, 385.
Бида, 312—313.
Биддерманъ, 126.
Бильбасовъ, В. А., 361.
Бисмаркъ, 251.
Бобровскій, П. О., 362.
Богдановичъ, М., 362.
Богдановскій, А., 361.
Богдановъ, А. (Б. А.), 328.
Baudouin de Courtenay, R., 242, 338.
Бодянскій, О. М., 57
Бокль, 121—123, 389.
Болотовъ, А. Т., 310.
Болтинъ, И. Н., 309.
Борзаковскій, В. С., 359.
Борисъ Годуновъ, царь, 7, 330, 373.
Боссюэтъ, 297.
Боткинъ, С. П., 176, 315.
Бретъ-Гартъ, 238.
Брикнеръ, А. Г., 335, 358, 361, 375.
Broglie, de, A., 383.
Брюлловъ, художникъ, 22.
Брянцевъ, П. Д., 334, 358.
Буасье, 264.
Булгаринъ-Ивановъ, 142.
Буличъ, Н. Н., 58—61, 63, 335, 366, 382.
Буслаевъ, Ѳ. И., 16, 31, 131—132, 218.
Бушенъ, 75.
Buschen, v., A., 384—385.
Бычковъ, А. Ѳ., 152, 336.
Бѣлинскій, В. Г., 13, 15, 17, 27, 102, 115, 243.
Бѣловъ, Е. А., 10, 383.
Бѣлозерская, Н. А., 335, 369.
Бѣльскіе, князья, 330.
Бѣльскій, Б. Я., 330.
Бѣляевъ, Иванъ, 366.

Вагнеръ, М., 385.
Вагнеръ, Р., 385.
Вайтцъ, 245.
Валласъ, 385.
Вальтеръ-Скоттъ, 7, 127, 271.
Вамбери, 386.
Василій (IV) Васильевичъ, царь, 110.
Василій Всеволодовичъ Ярославскій, 66.
Василій (I) Димитріевичъ, в. князь московскій, 112.
Василій (III) Ивановичъ, в. князь московскій, 391.
Васильевскій, В. Г 158, 302.
Веберъ, Г., 333, 383.
Вейнбергъ, П. И., 71.
Величко, 337.
Веллей Патеркулъ, 256, 330.
Вельтманъ, А. Ѳ., 281, 387.
Венгеровъ, С. А., 337, 339, 392.
Венелинъ, Ю. И., 347.
Верто, аббатъ, 128.
Видертъ, ф., А. Ѳ., 332, 374, 382.
Викторовъ, А. Е., 302.
Виландъ, 307.
Винкельманъ, 264.
Виргилій, 254, 271.
Витевскій, В. Н., 330—332, 370.
Владиміръ Александровичъ, вел. князь, 84.
Владиміръ Андреевичъ, князь старицкій, 112.
Владиміръ Мономахъ, 7, 349.
Владиміръ Святой, 100, 107, 153, 349.
Вогюэ, 198.
Водовозовъ, В. И., 329.
Волконскій, князь, 215.
Вольтеръ, 238, 271, 307.
Воронцова (Елизавета Ксаверьевна), княгиня, 275.
Всеволодъ III Большое Гнѣздо, 68, 112, 182.
Второвъ, Н., 336, 349.
Вѣра Константиновна, в. княжна, 84.
Вяземскій, В. В., князь, 376.
Вяземскій, П. А., князь, 27, 278—279, 310, 335, 368, 369.

Гаевскій, 63.
Гакстгаузенъ, баронъ, 65.
Галактіоновъ, И., 156, 391.
Галаховъ, А. Д., 58.
Гвидо, 265.

Гегель, 33, 34, 115, 312.
Гейглинъ, 385.
Герберштейнъ, 327.
Гердеръ, 307.
Герценъ, А. И., 302.
Герье, В. И., 375, 380.
Гете, 16, 17, 264, 265, 342.
Гиббонъ, 17—18, 92, 307.
Гизо, 51, 96—98, 125, 127.
Гильфердингъ, А. Ѳ. 75, 83, 168, 169, 219, 225, 310, 348, 369, 373, 375, 381, 390.
Гладстонъ, 165, 389.
Глинка, С. Н., 365.
Говиттъ, 385.
Гоголь, 4, 16, 17, 20—27, 243, 282, 283, 310, 335, 340, 366, 368.
Голиковъ, И. И., 188.
Голицынъ, В. В., князь, 189.
Голубовскій, П. В., 332, 370.
Гомеръ, 130, 271.
Гонсальвесъ Діасъ, 385.
Гончаровъ, И. А., 310, 368.
Горчаковъ, Д. П., князь, 376.
Гостомыслъ, 68.
Грановскій, Т. Н., 12, 30, 32, 36, 40—43, 44, 48, 79, 102, 123, 158, 175, 243, 244.
Грантъ, 75.
Грацинскій, 13, 14.
Грибоѣдовъ, А. С., 302.
Григорій XVI, папа, 259.
Григоровичъ, В. И., 363, 375.
Григоровичъ, Д. В., 388.
Григорьевъ, А. А., 17, 71, 131, 219, 381.
Григорьевъ, В. В., 93.
Гриммъ, учитель, 15.
Гриммы, братья, 121.
Гротъ, историкъ Греціи, 98, 125.
Гротъ, Я. К., академикъ, 335, 363, 367, 369, 382.
Гюго, Викторъ, 17.

Давидъ, царь библейскій, 296.
Давыдовъ, писатель, 281.
Данилевскій, Н. Я., 191, 227, 239, 243—245, 250, 336, 379—380, 382.
Даніилъ Заточникъ, 364.
Даніилъ Романовичъ Галицкій, 182, 373.
Дантъ, 165, 245, 264, 265, 271—272.
Декандоль, 14.
Декенъ, баронъ, 385.
Дельвигъ, поэтъ, 62.
Деляновъ, И. Д., графъ, 176, 317.
Де-Пуле, М. Ѳ., 361.
Державинъ, Г. Р., 17, 193, 274, 279, 310, 368, 369.
Дестунисъ, 6.
Дивѣевъ, Ѳ. А., 14.
Диккенсъ, 271.
Димитрій Донской, вел. князь московскій, 112, 373.
Димитрій Константиновичъ, вел. князь, 84, 164.
Диръ, 372.
Дмитріевъ, баснописецъ, 61, 278.
Дмитріевъ, Ал., 359.
Дмитріевъ, Ѳ. М., 79, 120, 153, 185, 336, 347.
Добролюбовъ, критикъ, 281.
Долгоруковъ, Ю. В., князь, 376.
Домиціанъ, императоръ, 261.
Достоевскій, Ѳ. М., 16, 23, 165, 209, 227, 229, 231, 236, 238, 246, 258, 282—285, 335, 368, 377.
Дроздовъ, А., 375.
Дружининъ, В. Г., 360.
Дьяконовъ, М. А., 360.
Дюбуа-Гюшанъ, 388.
Дюверье, 385.
Дюма-сынъ, 387.
Дюрюи, 251, 252, 264.
Дюшалльу, 385.

Евгеній Болховитиновъ, 372.
Евгенія Максимиліановна, герцогиня Лейхтенбергская, 84.
Евфросинъ преподобный, 372.
Евѳимій, архіепископъ, 372.
Егорій Храбрый, 372.
Едигеръ-Махметъ, царь, 372.
Екатерина II, императрица, 164—165.
Екатерина Алексѣевна, царевна, 372.
Елена Ивановна, в. княгиня литовская, 372.
Елецкіе, князья, 372.
Елизавета Петровна, императрица, 358.
Ермаковъ, Н., 349—350.
Ешевская, Е. В., 57.
Ешевскій, С. В., 11, 15—18, 29, 30, 47, 57, 167—169, 231, 347, 348, 373, 375, 381.

Жаворонковъ, 14.
Жоржъ Зандъ, 17, 48, 270—271, 304.
Жуковскій, В. А., 1, 4, 8, 274, 279—280, 282, 297, 331.

Забѣлинъ, И. Е., 175, 177, 179, 355, 376, 392.
Загоскинъ, романистъ, 281.
Замысловскій, Е. Е., 88, 90, 137, 158, 302, 322, 327, 360, 386.
Зиновьевъ, 149.
Зубковъ, 51.

И. Р., 336.
Ивановъ, художникъ, 25, 313.
Ивановъ, В. И., 13.

Ивановъ, Н. А., профессоръ, 13, 32, 72, 142
Иванцовъ-Платоновъ, 235, 236.
Изяславъ, вел. князь кіевскій, 67.
Иконниковъ, В. С., 330, 333, 339, 353.
Иловайскій, Д. И., 82, 166, 175, 178, 181—182, 302, 303, 334, 338, 355, 363, 365, 384, 392.
Иннокентій, архіеп., 13, 25—26, 293.
Иречекъ, 135.
Исаія, пророкъ, 296.
Исполатовъ, 141, 390.

Іаковъ, патріархъ библейскій, 265.
Іоанникій, митрополитъ 228.
Іоаннъ, апостолъ, 294—296.
Іоаннъ III Васильевичъ, царь, 7, 78, 143.
Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный, царь, 7, 19, 69, 70, 85, 112, 115, 144, 178, 182—185, 189, 210—213, 222, 223, 230, 276, 334, 351, 374, 391.
Іорданъ, граверъ, 25.

К. Р., 277—278.
Кавелинъ, К. Д., 12, 31, 32, 36—40, 42, 65, 67, 69, 70, 73, 76, 102—113, 134, 158—159, 175, 183, 218, 346—347, 382.
Казанскій, 156.
Кайдановъ, 92.
Калачевъ, Н. В., 38, 68.
Калигула, императоръ, 183.
Камбекъ, Л. Ѳ., 10, 332, 374.
Каницъ, Ф., 385.
Кантъ, 312.
Кантю, 301.
Капонари, 261—262.
Карамзинъ, Н. М., 4, 6, 7, 8, 16, 70—73, 81, 91, 92, 95, 96, 98—100, 102, 103, 167, 169, 170, 172, 175, 178, 182, 183, 193, 280, 282, 283, 307—309, 346, 348, 374.
Карлейль, 306.
Карповъ, Г. Ѳ., 360.
Карѣевъ, Н. И., 380.
Касторскій, 93.
Катенинъ, 3, 4.
Катковъ, М. Н., 31, 32, 44, 58, 317.
Каченовскій, М. Т., 91, 97, 100—102, 170.
Кинцельбахъ, 385.
Кириллъ, св. апостолъ, 377.
Кирѣевскіе, братья, 220.
Кирѣевскій, И. В., 82, 221, 229, 235, 346.
Кирѣевскій, П. В., 77, 356.
Кій, 68.
Ключевскій, В. О., 141, 156.
Козеко, И. А., 143, 156, 325, 326, 328, 336, 338, 341, 391—392.
Козловъ, поэтъ, 17.
Кольцовъ, А. В., поэтъ, 27, 281.
Колюпановъ, 307.
Кондаковъ, Н. П., 357.
Константиновъ, 92.
Константинъ В., императоръ, 259.
Константинъ Константиновичъ, вел. князь, 84, 164.
Константинъ Павловичъ, в. князь, 1.
Контъ, 238.
Корсаковъ, Д. А., 42, 43, 337, 361.
Корсакъ, А. К., 71.
Коршъ, Е. Ѳ., 383.
Коршъ, В. Ѳ., 57, 58, 63, 367, 383.
Костомаровъ, Н. И., 77, 87, 93, 120, 121, 176—179, 183, 350, 358, 360, 392.
Котляревскій, А. А., 334, 363.
Кохъ, 92.
Кошелевъ, А. И., 335, 363.
Кояловичъ, М. О., 237, 334, 336, 353.
Красиньскій, 242.
Кривцовы, 51.
Кривцовъ, Н. И., 52.
Кругъ, 142.
Крыловъ, И. А., баснописецъ, 17, 20, 278, 366.
Крыловъ, Н. И., профессоръ, 32, 34—36.
Кудрявцевъ, П. Н., 12, 31, 32, 36, 40, 41, 44, 48, 58.
Кулибинъ, И. П., 352.
Курбскій, Андрей, князь, 276.
Кусковъ, П. А., 273, 384.

Laveleye, de, Émile, 380.
Лаврентій, св., 261.
Лавровскій, П. А., 342—343.
Лакіеръ, 67.
Лаксъ, А. Н., 70.
Ламанскій, В. И., 158, 302, 303, 387.
Ланчіани, 262.
Лапинскій (Lapinski, Th.), 75, 384.
Лебланъ, 15.
Левшинъ, А. И., 342.
Лежанъ, 75, 385, 386.
Леже, Л. (L. Leger), 90, 327, 364, 380.
Леонидъ, архим., 368.
Леонтовичъ, Ѳ. И., 332, 370.
Леонтьевъ, П К., членъ Славянскаго общества, 342.
Леонтьевъ, П. М., профессоръ, 31, 44.
Лермонтовъ, поэтъ, 4, 14, 17, 27, 62, 280.
Ливингстонъ, 386.
Литке, Ѳ. П., графъ, 358, 363.
Локателли, Фр., графъ, 373.
Ломоносовъ, М. В., 17, 188, 236, 282, 367.
Лонгфелло, 271.
Лопухинъ, А. П., 388.
Лопухинъ, И. В., 335, 362.
Лохвицкій, А. В., юристъ, 304.
Лудовикъ XIV, король, 189.

Луи Бланъ, 12, 15.
Львовъ, В. В., князь, 329.
Лѣтницкій, Е. Т., 10, 13.
Ляхницкій, А., 156.

Магницкій, 92.
Майковъ, Ап. Ник., поэтъ, 165, 276, 312, 366.
Майковъ, Л. Н., академикъ, 275, 282, 306, 307 337, 338, 364, 367.
Макарій, митрополитъ, 211.
Маколей, 125, 127, 149, 178, 245, 306, 311, 389.
Максенцій, 259.
Максимовичъ, профессоръ, 32.
Марія Александровна, в. княжна, 84.
Марья Темрюковна, жена Іоанна Грознаго, 210—211.
Марлинскій, 16, 17. См. выше: Бестужевъ-Марлинскій.
Марроти, 265.
Марѳа, старица, мать царя Михаила Ѳеодоровича, 267.
Межовъ, библіографъ, 249, 350.
Мейеръ, профессоръ, 32.
Мельниковъ, П. И., 10—12, 19, 20, 29, 30, 43, 163, 165, 183, 282, 375, 382, 387.
Меморскій, А. М., 359.
Меровиль, 231.
Мессингъ, А. И., 29.
Меѳодій, св., апостолъ славянскій, 335—336, 377—378.
Микель-Анджело, 264.
Миклошичъ, Фр., 368.
Миллеръ, Г. Ф., академикъ, 94.
Миллеръ, О. Ѳ., профессоръ, 164, 235, 323, 357, 365, 382.
Миллотъ, аббатъ, 6, 92.
Миловидовъ, К. Н., 13.
Милюковъ, П. Н., 73, 149.
Мильнъ-Эдварсъ, 123.
Минихъ, графъ, 352.
Михаилъ, митрополитъ сербскій, 325.
Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь, 230, 373.
Мицкевичъ, поэтъ, 242.
Мишлэ, 4, 264, 383.
Міани, 385, 386.
Моисей, библейскій законодатель, 289, 294.
Молчанъ, М. В., 342.
Момзенъ, 251, 252.
Мономаховичи, 349.
Монтескье, 126, 388.
Моравекъ, П. Г., 156, 226, 228, 338, 386, 390.
Морозовъ, 388.
Морошкинъ, Ѳ. Л., 32, 186.
Морчинсонъ, 385.
Муравьевъ, Ал. Н., 291.
Муравьевъ, Ан. Н., 291.
Муромцевъ, С. А., 34, 35.
Мусинъ-Пушкинъ, М. Н., 18.
Мэнъ, 245.
Мюллеръ, Іоганнъ, 307.
Мюнцингеръ, 385.
Мюссе, де, А., 271.
Мятлевъ, писатель, 281.

Надеждинъ, Н. И., 13, 15, 39, 279.
Нарѣжный, В. Т., 368, 369.
Нартовъ, 364.
Неволинъ, А. А., 64, 67.
Некрасовъ, поэтъ, 23, 281.
Неплюевъ, И. И., 365, 370.
Неронъ, императоръ, 183, 261.
Несторъ, лѣтописецъ, 97, 128, 139, 327.
Нибуръ, 36, 96, 98, 125
Никитенко, А. В., 27.
Никитскій, А. И., 174.
Николай, князь черногорскій, 377.
Никольскій, учитель, 15.
Никонъ, патріархъ, 373.
Новицкій, 13.

Оболенскій, А., 387.
Овидій, 256.
Одерборнъ, 158.
Одоевскій, 17.
Озеровъ, В. А., авторъ „Дмитрія Донскаго", 17, 20, 366.
Олегъ, князь кіевскій, 7, 100.
Олегъ Ивановичъ, князь рязанскій, 182.
Ольговичи, 66.
Орнатскій, 38.
Осининъ И. Т., 208—210.
Оскольдъ, 68. См. Аскольдъ.

Павелъ, апостолъ, 261, 289, 290, 292, 295, 296.
Павелъ Александровичъ, вел. князь, 84, 164.
Павелъ I Петровичъ, императоръ, 391.
Павловскій А. А., 156.
Павловъ, 51.
Павловъ, Н. М., 337, 356.
Пановъ, А. П., 381.
Пассаванъ, 245.
Петровъ, 212.
Петровъ, А., 156.
Петровъ, И. И., 323, 382.
Петрушевскій, А., 336, 349.
Петръ Великій, императоръ, 39, 40, 95, 115, 119, 135, 183, 185, 191, 198, 212, 213, 236, 241, 335, 364, 373, 388, 391.
Петръ Николаевичъ, вел. князь, 84.
Платоновъ, С. Ѳ., 73, 139, 156, 338, 339, 360.
Платонъ, философъ, 238, 251, 252, 256, 311.

Плетневъ, П. А., 13, 27, 366, 368.
Плещеевъ, А. Н., 10.
Плутархъ, 6—8, 56, 85, 271.
Побѣдоносцевъ, К. П., 165, 389.
Погодинъ, М. П., 29, 31, 37, 38, 43, 45, 46, 69, 70, 91, 101, 102, 129, 134, 142, 159, 167, 169, 170, 177, 179, 180, 181, 301, 309, 334, 346, 348, 350, 353—355, 357, 380.
Полевой, Кс. Ал., 366.
Полевой, Н. Ал., авторъ „Исторіи русскаго народа", 67, 70, 73, 97—103, 109, 117, 170, 279, 280, 335, 366.
Полевой, П. Н., 338, 356.
Поливановъ, Л. И., 335, 367.
Полонскій, Я. П., поэтъ, 276.
Поль де Кокъ, 23.
Поповъ, Александръ Ник., 362, 382.
Поповъ, Андрей, 358, 365.
Поповъ, А. П., 381.
Поповъ, Н. А., 382.
Порфирьевъ И. Я., 368.
Посошковъ, И., 365.
Потебня, А. А., 368.
Прескоттъ, 130, 178, 245, 311, 383.
Прѣсняковъ, А. Е., 360.
Пушкина, Н. Н., жена поэта, 4, 275.
Пушкинъ, А. С., поэтъ, 3, 4, 14, 16, 17, 21, 22, 27, 51, 61—63, 188, 193, 236, 265, 274—276, 279, 282, 310, 335, 340, 367—368.
Пыпинъ, А. Н., 310, 334, 369.

Рабиновичъ, С., 143.
Рамбо, 334, 356—357.
Ранке, 245, 301, 311.
Рафаэль, 254, 259.
Рашель, 245.
Ренанъ, 238, 245, 287, 306, 385.
Regnault, E., 383.
Рёскинъ, 245.
Риль, 121, 326, 389.
Ринкъ, 385.
Ровинскій, 376.
Роговъ, Т. О., 92.
Розенблатъ, Я. А., 71.
Розовъ, Е. А., 13.
Ролленъ, 6, 252.
Рондо, лэди, 352.
Росси, археологъ, 245, 257.
Ростиславичи, 66.
Ротганъ, 375.
Руммель, М. Л., 13.
Руморъ, 245.
Румянцева, А. А., 339.
Румянцева, Е. М., графиня, 365.
Румянцевъ, В. Е., 360.
Румянцевъ-Задунайскій, П. А., графъ, 365.
Румянцевъ, Н. П., графъ, 160.
Руничъ, 92.
Рыбниковъ, П. Н., собиратель пѣсень, 77, 356.
Рѣдкинъ, П. Г., 32—34, 38, 176, 382.
Рюриковичи, 104, 107.
Рюрикъ, князь новгородскій, 107.

Сабашниковы, М. и С., 348.
Савиньи, 36.
Салеріо, К., 385.
Саліасъ, графиня, 48—50, 52, 315. См. Туръ, Е.
Саллюстій, 256, 330.
Сальвини, трагикъ, 245.
Самаринъ, Ю. Ѳ., 238, 282.
Самозванецъ, первый, 182.
Свинго, 385.
Свѣчина, 387.
Sevigné, m-me, 283.
Семевскій, В. И., 156, 158.
С. Бевъ, 245, 306.
С. Викторъ, 194.
С. Симонъ, 283, 284.
Сервантесъ, 384.
Сергѣй Александровичъ, вел. князь, 84, 164.
Сергій Радонежскій, 38, 287.
Сильвестръ, попъ, 211, 212.
Симеонъ Гордый, вел. князь московскій, 112.
Скарга, 242.
Скопинъ-Шуйскій, Михаилъ, 7.
Соколовъ, Д. П., 255.
Соколовъ, П., 383.
Соловьевъ, Вл. С., 165, 199, 233—239, 258, 295, 305, 312.
Соловьевъ, М. П., 165.
Соловьевъ, С. М., 12, 30—32, 36, 38—40, 46, 64, 67—70, 72—74, 76—82, 91, 102—116, 119, 132, 134, 135, 149, 152, 153, 156, 158—159, 161, 167, 169—177, 179, 180, 183, 185, 244, 286, 309, 329, 334, 347, 348, 354—355, 365.
Солодовниковъ, К. Н., 14.
Софія Алексѣевна, царевна, 189.
Софоклъ, 194.
Спикъ (Спекъ), 75, 385—386.
Срезневскій, И. И., 87—89, 142, 336, 342, 347.
Старчевскій, 149.
Стасова, Н. В., 206, 387.
Стебсъ, 245.
Стороженко, профессоръ, 272.
Стоюнинъ, В. Я., 71.
Страховъ, Н. Н., 237, 284, 285, 318, 367 383.
Строевъ, П. М., 88, 381.
Струговщиковъ, А. П., 342.
Суворинъ, А. С., 339.
Сумароковъ, А. П., 58—61, 63, 366.

Сухомлиновъ, М. И., 362, 367.
Сципіонъ, 7.

Тайлоръ, 245.
Тарасенко, А., 368.
Татищевъ, В. Н., 94, 168—170, 172, 334, 345, 348.
Тацитъ, 388.
Теккерей, 271.
Тенгоборскій, 65.
Тенэ, 385.
Тейс Веу, 384.
Тибленъ, Н., 389.
Титовъ, А. А., 359, 364.
Титовъ, В. П., 382
Тихонравовъ, К., 374.
Тихонравовъ, Н. С., 356, 368, 369.
Тогтеръ, 385.
Токвиль, 387.
Толстая, графиня, 49, 71, 315.
Толстая, Сарра, 31.
Толстой, Алексѣй, графъ, 165, 276, 277, 292.
Толстой, Д. А., графъ, 365.
Толстой, И. И., графъ, 357.
Толстой, Левъ Ник., графъ, 16, 236, 282—285, 318.
Толстые, графы, 49.
Толубѣевъ, Н. И., 365.
Трубачевъ, С. С., 335, 368.
Тургеневъ, И. С., 16, 63, 202—203, 208—210, 282, 310.
Туръ, Е., 388. См. Саліасъ, графиня.
Тьерри, 96—98, 178, 245.
Тьеръ, 12, 15.
Тэнъ, 194, 245, 265.
Тютчевъ, поэтъ, 281.

Уваровъ, А. С., графъ, 382.
Успенскій, Ѳ. И., 156, 357—358, 363, 380.
Устряловъ, Н. Г., 92, 93, 188, 361.

Фабіи, 251.
Фабій, 7.
Фетъ, поэтъ, 165, 276.
Филаретъ, митрополитъ московскій, 291.
Филевичъ, И. П., 156, 338, 339, 356, 358.
Фильдингъ, 271.
Фихте, 312.
Флоберъ, 304.
Флоринскій Т. Д., 389.
Фогель, 385.
Фойницкій, И. Я., IV, 140—142, 390.
Фойхтъ, К. К., 18.
Фонъ-Визинъ, 20, 366.
Фра Беато Анджелико, 313.
Фрейгангъ, А. В., 342.
Фриманъ, Эдв., 245, 331, 333, 352—353, 386.
Фэрлей, 388.

Хемницеръ, 60—61.
Херасковъ, 17.
Хмыровъ, М. Д., 381.
Хмѣлевскій, ротмистръ, 84, 375.
Хомяковъ, А. С., 82, 135, 220, 222, 229, 231—232, 235—236, 238, 244, 250, 281—282, 346.
Хрисанѳъ, епископъ, 237.

Цицеронъ, 256, 330.

Чаадаевъ, 245.
Чаевъ, Н., 366.
Черкасскій, князь, 32.
Чернышевскій, М., 388.
Черняевъ, М. Г., 377.
Чечулинъ, Н. Д., 362.
Чивилевъ, профессоръ, 32.
Чистовичъ, И. А., 369.
Чихачевъ, 386.
Чичеринъ, Б. Н., V—VII, 50—52, 63—69, 73, 110, 116, 120, 153, 185, 218, 272, 312, 347, (358), 360.
Чичеринъ, Н. В., V—VII, 50, 56, 315.
Чичерины, V—VII, 50—56, 315.
Чулицкій, Вл., 391.
Чупинъ, Н. К., 163, 164.

Шайноха, К., 178.
Шахматовъ, академикъ, 90.
Шевыревъ, С. П., 31, 32.
Шейнъ, П. В., 77, 357.
Шекспиръ, 130, 245, 271—274, 384.
Шеллингъ, 44, 312.
Шенрокъ, В. И., 335, 368.
Шереметевъ, Н. В., 12.
Шереметевъ, С. Д., графъ, 309, 332.
Шиллеръ, 15, 271, 342.
Шиманскій, учитель, 14.
Schiemann, Th., 350.
Шлефли, 385.
Шлецеръ, Авг Люд., 45, 102, 168, 169, 346, 348, 353.
Шляпкинъ, И. А., 364.
Шмурло, Е. Ф., 156, 337, 338, 353, 386.
Шпилевскій, С. М., 359.
Шталь, О., 385.
Штейднеръ, 385.
Шубертъ, 385.
Шубинскій, С. Н., 331, (361).
Шульгинъ, В., 333, 383.
Штейнъ, учитель, 15.

Щаповъ, 347.
Щепкина, Е. Н., 361.
Щепкинъ, Дм., 356.

Щербатова, княжна, 5.
Щербатовъ, М. М., князь, 5, 70, 71, 73, 94—96, 98, 170, 280, 309.
Щербачевъ, Г., 387.

Эвеніусъ, 11.
Эверсъ, 91, 140, 141.
Экземплярскій, А. В., 156, 158, 358, 359.
Элліотъ, Дж., 271.
Эсхилъ, 194.

Юлій Цезарь, 257.
Юмъ, 307.

Язвинскій, 85.
Языковъ, поэтъ, 278.
Якушкинъ, Е. И., 375.
Ярославичи, 106.
Ярославъ Мудрый, 95, 106, 153.
Ясинскій, М. Н., 359.

Ѳедоровъ, 149.
Ѳемистоклъ, 7.
Ѳеодосій Печерскій, 287.
Ѳеодоръ Іоанновичъ, царь, 222.
Ѳеодоръ Ростиславичъ Смоленскій, 66.
Ѳеодоръ, св., Ярославскій, 66.
Ѳирсовъ, Н. Н., 358, 361.
Ѳукидидъ, 125.

Барыня знакомая, 58.
Бенедиктинцы, 128.
Бывшая слушательница, 338.
Гувернантки, 3, 5.
Декаденты, 276.
Родственница, 19.
Священникъ, 2.
Старокатолики, 258.
Философы нѣмецкіе, 307.
Энциклопедисты, 307.

II. Историческій.

Астрахань (—ское царство), 372.
Боголюбово, село, 66.
Бытъ:
Вотчинный, 37, 38, 40, 63, 65, 66, 68, 104, 107—108.
Государственный, 37, 38, 104, 107, 116, 152.
Задружный, 135, 152.
Общинно-семейный, 134.
Племенной, 152.
Родовой, 37, 38, 40, 65, 73, 104—116.
Варяги, 66, 129, 142, 152, 153, 174, 236, 334.
Варяжскіе князья, 351.
Византія, 153, 234, 237.
Владиміръ (—рское княжество), 66, 107.
Войны:
Крымская, 53, 58.
Ливонская, 144, 158.
Русско-турецкая 1877 г., 58, 165.
Сербско-турецкая 1876 г., 165, 316.
Вятка (община), 154.
Галичъ (Галицкая Русь), 226, 342.
Греція, 311.
Договоръ Олега съ греками, 100.
„Домострой", 78, 211.
Западники (—чество), 185, 239—241, 243—246.
Исторіографія, 70, 72, 94—118, 137, 141, 143, 148—149, 155, 168, 177, 353, 391, 392.
а) математическій методъ, 45, 102.
б) сравнит. методъ, 125—127.
в) историческая школа, 63, 73, 76, 77, 103—116, 118, 119, 134, 141, 161, 170.
г) скептич. школа, 100—101.
д) славяноф. школа, 115—119, 134, 141.
е) школа „народнаго прогресса", 76, 77, 119—121.
Католицизмъ, 190, 237, 251, 256, 258, 288.
Кіевъ, 66, 107, 153.
Классицизмъ:
а) въ литературѣ, 256.
б) школьный, 193, 194.
Конгрессъ Берлинскій 1878 г., 262.
Куликовская битва, 182, 227, 351.
Литва (Литовская Русь), 92, 143—144, 154, 370, 373.
Лѣтописи, 45, 46, 88—90, 100, 128—129, 137, 159, 327, 359, 364, 373, 374, 390.
Любечскій съѣздъ, 106.
Малороссія, 223.
Мамаево побоище, 349.
Монастыри:
Кирилло-Бѣлозерскій, 213.
Печерскій, 349.
Москва (Московская Русь), 108—110, 153, 154, 183, 349.
Новгородъ, 66, 154, 179.

Община, 63—68, 99.
Папство, 237, 250.
Періоды:
Варяжскій, 39.
Вѣчевой, 108.
До-татарскій, 121.
Татарскій, 99.
Удѣльный, 39, 92, 98, 99.
Полоцкъ, 66.
Поляки (Польша), 223, 241, 242.
Православіе, 190, 232, 238, 258.
Припонтійскія и Прикаспійскія степи, 182.
Псковъ, 154.
Римъ (государство), 202, 234, 249—251, 253, 256, 265, 388.
Романтизмъ, 4, 115, 256, 270, 280.
Россія, 373.
Ростовъ (—ская область), 66, 67.
„Русская Правда", 37, 97, 100, 159.
Рязань (—ская область), 154.
Славянофилы (—фильство), 82, 83, 115, 117, 118, 135, 185, 186, 189, 219—225, 229, 232, 240—246, 346.
„Слово о полку Игоревѣ", 100.
Смоленскъ (княжество), 66, 154, 370.
Суздаль (—ская земля), 66, 67, 108, 154.
Татарское иго, 73.
Татарщина, 349.
Тверь (княжество), 154.
„Уложеніе царя Алексѣя Михайловича", 38, 67, 186.
Царьградъ, 165, 182.
Эпохи:
а) первыхъ князей, 39.
б) Смутнаго времени, 19, 39, 78, 144. 158, 179, 182, 306, 308—309, 331, 332.
в) царя Михаила Ѳеодоровича, 84.
г) первыхъ Романовыхъ, 39, 40.
д) Имп. Николая I, 1, 53.
е) Возрожденія (Ренессанса), 245, 265, 266, 311.

III. Литературный.

А. Сочиненія К. Н. Бестужева-Рюмина.

Автобіографія, 307, 330, 337.
Біографіи и Характеристики, 169, 332.
Болгарскіе ужасы и восточный вопросъ, 165.
Борисъ Петровичъ Шереметевъ, 18.
Воспоминанія объ Александровскомъ институтѣ, 12.
Вступительная лекція 2-го сентября 1865 г., 135, 136, 145, 150.
Задачи популяризаціи знаній, 332.
Ливонская война, 144.
Новые учебники по русской исторіи, 82.
Нѣсколько словъ по поводу поэтическихъ воспроизведеній характера Іоанна Грознаго, 184.
Обзоръ событій отъ смерти царя Іоанна Васильевича до избранія на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова, 144.
О колонизаціи великорусскаго племени, 183.
О составѣ русскихъ лѣтописей, 46, 88—90, 166, 332.
Письма К. Н. Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени, 339.
Русская Исторія, 12, 138, 142—156, 166, 269, 306, 308, 332, 336, 388, 391.
Русская исторія въ связи съ исторіей другихъ славянскихъ народовъ, 225—226.
Славянофильское ученіе и его судьбы въ русской литературѣ, 76, 82, 83.
Сличенный текстъ главнѣйшихъ лѣтописей, 45.
Современное состояніе русской исторіи, какъ науки, 71—74, 141, 219, 333.
(Четыре книжки Русской исторіи въ популярномъ изложеніи), 85—86.

Б. Сочиненія другихъ авторовъ.

Библія, 296, 297, 312, 313.
Евангеліе, 2, 165, 203, 234, 238, 297.
Анна Каренина, Л. Толстого, 283, 284.
Антоній и Клеопатра, Шекспира, 274.
Арабески, Гоголя, 22.
Бальдуръ, А. Майкова, 276.
Біографія А. И. Кошелева, Колюпанова, 307.
Богданъ Хмельницкій, Костомарова, 179.
Боги Греціи, Шиллера, 271.
Богъ, Державина, 279.
Божественная Комедія, Данта, 56, 272.
Братья Карамазовы, Достоевскаго, 283—285.
Бригадиръ, Фонъ-Визина, 165.
Брингильда, А. Майкова, 276.
Будда, стих. К. Р., 278.
Буря на морѣ, стих. Языкова, 278.
Бѣдные Люди, Достоевскаго, 284.
Valentine, Жоржъ-Занда, 48.
Введеніе въ философію, курсъ Сидонскаго, 20.
Великій споръ и христіанская политика, Вл. Соловьева, 233—236.
Вельможа, Державина, 279.
Венеція, стих. К. Р., 278.
Венеціанскій Купецъ, Шекспира, 274.
Вечера на хуторѣ близъ Диканьки, Гоголя, 16, 22.
Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи, Кавелина, 31, 37, 73.
Властителямъ и судіямъ, Державина, 279.
Война и миръ, Л. Толстого, 283.
Волинъ, Іомбургъ и Винета, Грановскаго, 30.
Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями, Гоголя, 20—27, 282.
Гамлетъ, Шекспира, 70, 274.
Героини Шекспира, Лароша, 273.
Графъ Н. С. Мордвиновъ, Иконникова, 330.
Грѣшница, Ал. Толстого, 277.
Два міра, А. Майкова, 165.
Деревенскіе вечера или Исторія Россіи, 85.
Der Zarewitsch Alexei, Брикнера, 375.
Die Kronprinzessin Charlotte, Герье, 375.
Димитрій Донской, Озерова, 17.
Дневникъ, Достоевскаго, 284.
Донъ Жуанъ, Ал. Толстого, 276.
Драматическая трилогія, Ал. Толстого, 276.
Древняя русская исторія до монгольскаго ига, Погодина, 130, 180.
Духоборцы, Новицкаго, 13.
Евгеній Онѣгинъ, Пушкина, 3, 275, 330.
Жизнеописанія, Плутарха, 85.
Замѣтка, Чичерина, V—VI.
Звѣзды, стих. Хомякова, 286.
Зимняя сказка, Шекспира, 274.
Изъ бездны морской, стих. Языкова, 278.
Изъ моихъ воспоминаній, Чичерина, V—VII, 52.
Иліада, въ переводѣ Гнѣдича, 5, 6.
Истина, стих. Баратынскаго, 277.
The history and conqnests of the saracens, Фримана, 331.
Исторія родовыхъ отношеній между князьями Рюрикова дома, Соловьева, 30, 39, 70.
Исторія государства Россійскаго, Карамзина, 6, 7, 16, 95, 96, 100, 167, 307, 346.
Исторія Россіи, Иловайскаго, 165 181—182.
Исторія Россіи, Соловьева, 64, 68, 69, 72, 73, 76, 77, 79—82, 113—115, 169—173, 329.
Исторія Россіи, Щербатова, 94—95.
Исторія русскаго народа, Полевого, 73, 97—100.
Исторія русской словесности, Шевырева, 31.
Іоаннъ Дамаскинъ, Ал. Толстого, 276—277.
Какъ вамъ будетъ угодно, Шекспира, 274.
Княжна, А. Майкова, 165.
Князь Серебряный, Ал. Толстого, 276.
Confession d'un enfant de siècle, А. де Мюссе, 271.
Краткіе очерки русской исторіи, Иловайскаго, 82.
Les illusions perdues, Бальзака, 271.
Les autrichiens et l'Italie, De la Varenne'a, 329.
Логика, Гегеля, 33.
Мертвое Море, стих. К. Р., 278.
Мертвыя души, Гоголя, 23, 284.
Миргородъ, Гоголя, 22.
Мостъ вздоховъ, стих. К. Р., 278.
Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси, Костомарова, 77, 120, 121.
Невскій проспектъ, Гоголя, 22.
И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край, Витевскаго, 330.
Ночи, Мюссе, 271.

Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи, Чичерина, 63—68.
Обломовъ, Гончарова, 310.
Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи, Костомарова, 179.
Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, Соловьева, 19, 20, 30, 68.
Обыкновенная исторія, Гончарова, 310.
О Венерѣ Милосской, Кудрявцева, 31.
Одиссея, въ переводѣ Жуковскаго, 280.
О мѣстничествѣ, Ешевскаго, 18.
Онежскія былины, Гильфердинга, 310.
О преподаваніи отечественнаго языка, Буслаева, 31.
Орлеанская Дѣва, въ переводѣ Жуковскаго, 4, 280.
О среднихъ вѣкахъ, Гоголя, 282.
Отелло, Шекспира, 274.
Пикквикскій клубъ, Диккенса, 329.
Писатели русской исторіи XVIII вѣка, Соловьева, 72.
Пловецъ, стих. Языкова, 278.
Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ, Гоголя, 22.
Полтава, Пушкина, 367.
Портретъ, Гоголя, 25.
Послѣдніе дни жизни Іисуса Христа, арх. Иннокентія, 13, 293.
Преступленіе и Наказаніе, Достоевскаго, 283, 284.
Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ, Лермонтова, 4, 280.
Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ науки и училищъ, Татищева, 169.
Разсказы изъ русской исторіи, Водовозова, 329.
Разсказы изъ русской исторіи, И. Бѣляева, 85.
Ревизоръ, Гоголя, 22—23.
Религіи древняго міра и ихъ отношеніе къ христіанству, арх. Хрисанѳа, 237.
Религіозныя основы жизни, Вл. Соловьева, 237.
Римъ, Гоголя, 24.
Rolla, А. де Мюссе. 271.
Ромео и Юлія, Шекспира, 274.
Ромео и Юлія, въ переводѣ Каткова, 31.
Ромео и Юлія, въ переводѣ Кускова, 273.
Ромола, Дж. Элліота, 271.
Россіяда, Хераскова, 17.
Россія и Европа, Данилевскаго, 191, 239.
Русская исторія, Ал. Толстого, 277.
Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, Костомарова, 179.
Рыцарь на часъ, Некрасова, 281.
Свистопляска, Добролюбова, 281.
Св. Себастіанъ, стих. К. Р., 278.
Семейство Холмскихъ, романъ (Бѣгичева), 376.
Сказаніе о томъ, что есть и что была Россія. Львова, 329.
Славянская миѳологія, Костомарова, 179.
Слово, арх. Иннокентія, 26.
Сонъ въ лѣтнюю ночь, Шекспира, 273, 274.
Сонъ Попова, Ал. Толстого, 277.
Сочиненія К. Кавелина, 76—77.
Старосвѣтскіе помѣщики, Гоголя, 22.
Страданія молодого Вертера, Гете, 16.
Сумароковъ и современная ему критика, Булича, 58—61.
Сфинксъ, стих. К. Р., 278.
Сѣверно - русскія народоправства, Костомарова, 179.
Талисманъ, стих. Пушкина, 275.
Тарасъ Бульба, Гоголя, 22.
Теорія поэзіи, Шевырева, 31.
Укрощеніе строптивой, Шекспира, 211.
Униженные и оскорбленные, Достоевскаго, 284.
Учебная книга русской исторіи, С. Соловьева, 82.
Фаустъ, Гете, 165, 245, 271.
Flamarande, Ж. Занда, 270—271.
Fragments historiques et géographiques, 13.
Цимбелинъ, Шекспира, 274.
Шинель, Гоголя, 284.

В. Періодическія изданія и сборники.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки, 363.
Атеней, 71.
Библіографъ, 325, 327, 341, 344.
Біографическій словарь русскихъ дѣятелей, 308, 330, 332.
Братская помощь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины, 144.

Всемірная Иллюстрація, 388.
Вѣстникъ Европы, 179, 336, 375.
Гражданинъ, 387.
День, 187.
Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 326, 327, 344.
Записки Имп. Русскаго Географическаго Общества, 75, 76.
Извѣстія Славянскаго Благотворительнаго Общества, 228.
Историческій Вѣстникъ, 331.
Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, 332.
Laboro, 258.
Лѣтописи русской литературы и древностей, 329.
Минута, 205—207.
Московскій Журналъ, 375.
Московскій Телеграфъ, 280.
Московскія Вѣдомости, 57, 63, 74, 228, 325, 326, 328, 329, 361, 365, 389.
Московское Обозрѣніе, 70—71, 76, 77, 79, 81, 141, 338, 376.
Мѣщанина, 375.
Нижегородскія Губернскія Вѣдомости, 19, 20.
Новое Время, 337.
Новости, 326.
Основа, 120.
Отечественныя Записки, 74, 76, 77, 81—83, 141, 220, 328.
Петербургская Газета, 337.
Русское Слово, 71, 365.
Русскій Архивъ, 52, 84.
Русскій Вѣстникъ, 284.
Русскій Дневникъ, 387.
Русскій Міръ, 71.
Русь, 198, 233, 234, 236, 382.
С.-Петербургскія Вѣдомости, IV, 71, 330.
Světozor, 337.
Сѣверный Вѣстникъ, IV.
Труды перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ, 363.
Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца, 364.
Энциклопедическій Словарь Березина, 90.
Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Эфрона, 90, 185.
Энциклопедическій Словарь, составл. русскими учеными и литераторами, 75, 76, 219.

IV. Учрежденій.

Академія Наукъ, 309, 310, 331, 335, 340.
Архивъ (Московскій) Министерства Юстиціи, 84.
Библіотека, Императорская Публичная, 6, 169.
Гимназіи:
- Александровская, 208.
- Нижегородская, 3, 4, 6, 8, 10—29, 31, 168, 280.

Институты:
- Гатчинскій, 13.
- Историко-филологическій, 88, 137.
- Нижегородскій Александровскій, 12, 13, 15, 17, 330.
- Педагогическій петербург., 12.

Комиссія археографическая (въ Спб.), 84, 129, 372.
Корпуса московскіе, 57.
Курсы:
- Аларчинскіе, 195.
- Владимірскіе, 195.
- Высшіе Женскіе, 166, 192—217, 233, 300, 315, 316, 326, 331, 333, 387, 391, 392.
- Медицинскіе, 199.
- Педагогическіе, 196, 197, 208—210.

Общества:
- Азіатское, 386.
- Для составленія средствъ Высшимъ женскимъ курсамъ, 196.
- Лондонское Географическое, 385.
- Славянское Благотворительное. 165, 166, 218, 226—228, 232, 236, 244, 267, 281, 316, 325, 326, 332, 333, 335, 341—343, 376—379.
- Ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III, 330.
- Русское Географическое, 75, 76.
- Русское Археологическое, 84, 313.

Пансіоны:
- Благородный, при Нижегородской гимназіи, 10, 12.
- Камбека, 10.
- Университетскій благородный, 1, 2.

Университеты:
Казанскій, 30, 32.
Кіевскій, 32.
Московскій, 5, 8, 20, 29—50, 55, 87, 91, 168, 175, 201, 315.
Петербургскій, 87, 89—93, 130, 135, 137, 166, 167, 173, 174, 199, 201, 300, 315, (316), 326, 331, 386, 391, 392.
Штабъ, Главный, 57.

V. Географическій.

Абиссинія, 385.
Або, 370.
Австралія, 385—386, 388.
Азія, 386, 388.
Америка, 388.
Америка (С. А. С. Штаты), 272.
Африка, 385—386, 388.
Аѳонъ, гора, 285.
Берлинъ, гор., 249, 268.
Вадай, область, 388.
Валаамъ, остр., 164.
Варнавинъ, гор., 163.
Везувій, гора, 252.
Венеція, гор., 268, 304, 312.
Владиміръ на Клязьмѣ, гор., 30.
Выкса, р. (имѣніе), 50.
Вятка, гор., 163.
Геркуланъ, гор., 254.
Голландія, 233.
Дрезденъ, гор., 249.
Европа, 388.
Екатеринбургъ, гор., 163.
Италія, (8—9), 199, 207, 233, 249—268, 272, 300, 301, 312.
Казань, гор., 12, 18, 164.
Кампанія (въ Италіи), 252.
Караулъ, имѣніе, VI, 50—52, 54, 55, 59.
Кастелламаре, гор., 252, 253, 256.
Квинсландъ, колонія, 385.
Кирики, провинція, 385.
Китай (Китайцы), 234, 238.
Кіевъ, гор., 13, 164, 261.
Кремль (московскій), 30.
Крымъ, 198, 272, 279, 300, 307.
Кудрешки, сельцо, 2, 8, 9.
Лагоръ, 386.
Любичи, имѣніе, 51.
Малайскій архипелагъ, 385.
Мара, имѣніе, 51.
Мексика, 386.
Микронезія, 385.
Москва, гор., 4, 30, 261, 304, 305.
Мюнхенъ, гор., 268.
Неаполь, гор., 252.
Нижній-Новгородъ, гор., 3, 10, 16, 17, 164, 206.
Нилъ, р., 385.
Новая Гвинея, о-въ, 385.
Новая Зеландія, о-въ, 385, 386.
Новгородъ, гор., 164, 261.
Огасавара, о-въ, 385.
Ого-вай, р., 385.
Ока, р., 252.
Оренбургскій край, 370.
Паленкэ, гор., 386.
Палестина, 255, 386.
Панама, 385.
Парижъ, гор., 266.
Пенза, гор., 16.
Пермь, гор., 163.
Петрозаводскъ, гор., 164.
Помпея, гор., 253—255.
Псковъ, гор., 164.
Римъ, гор., 176, 237, 245, 250—255, 259—262, 266, 302, 312.
Россія, 388.
Руукъ, о-въ, 385.
С.-Петербургъ, гор., 57, 163—165, 249, 267, 305, 307.
С.-Марино, республика, 266—268.
Сахара, 385.
Семеновскій уѣздъ, 163.
Семеновъ, гор., 163.
Сербія, 385.
С. А. С. Штаты, 386.
Тифлисъ, гор., 164.
Троице-Сергіева Лавра, (5), 30.
Тула, гор., 164.
Туркестанъ, 377.
Турція Европейская, 385.
Уметъ, имѣніе, 51.
Уралъ, 163, 164.
Фиджи, о-ва, 386.
Финикія, 385.
Фіезоле, гор., 254.
Формоза, о-въ, 385.
Царскосельскій паркъ, 251.
Цюрихъ, гор., 249.
Чудларкъ, о-въ, 385.
Чуфутъ-кале, гор., 254.
Швейцарія, 267.
Шпицбергенъ, о-въ, 386.
Энгано, о-въ, 386.
Ялта, гор., 283, 307.
Ясная поляна, усадьба, 283.

Замѣченныя опечатки.

Стр.:	Строка:	Напечатано:	Читай:
26	2	Харьковскаго	Херсонскаго
181	11 сн.	„Русской Исторіи“	„Исторіи Россіи“
213	5 сн.	болѣнъ	боленъ
248	4	принять	принятію
249	19	поскольку	насколько
250	4	съ	сравнительно съ
256	3—4 сн.	Веллій Патеркуллъ	Веллей Патеркулъ
258	8 сн.	черенками	черепками
261	5—6 сн.	представимъ	представитъ
274	19	съ	къ нему съ
276	6 сн.	нравился	нравился ему
276	5 сн.	ему балаганъ	балаганъ
318	20	своего превосходства	свое превосходство
349	24	Іолосъ	Голосъ
381	6	241	341.

Кромѣ того примѣчаніе 1 на стр. 344 должно читаться такъ:

Избѣгая въ своемъ указателѣ излишней пестроты, отмѣчу лишь здѣсь тѣ №№ по списку г. Козеко, въ изданіи *Библіографъ*, которыя мнѣ удалось передать нѣсколько точнѣе и полнѣе. Вотъ они: №№ 1, 2, 5, 6, 9, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 28, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 47, 49, 55, 69, 73, 76, 77, 81, 87, 88, 100, 103, 105, 108, 110, 112, 119, 123, 124, 136, 137, 138, 140, 142, 145, 147, 150, 153, 161, 164, 165, 166, 169, 170, 172, 175, 176, 180, 181, 182, 183, 185, 187, 188, 190, 195, 202, 204, 209, 210, 213, 216, 217, 218, 222, 225, 227, 230, 232, 233, 235, 237, 239, 240, 241, 247, 250, 252; кромѣ того по изданію *Журнала Мин. Нар. Просвѣщенія:* №№ 164, 165, 221, 222, 234, 251, 259, 260, 265, 266 — всего сто восемь названій.

Оглавленіе.

стр.

Предисловіе . . . . . I—VII

Глава I.

Дѣтство . . . . . 1—9

Семейная обстановка; отецъ *1.* — Первыя впечатлѣнія: Пушкинъ, Жуковскій, Лермонтовъ *3.* — Мать *5.* — Чтеніе историческое: Карамзинъ, Плутархъ *5.* — Впечатлѣнія дѣтства *7.*

Глава II.

Гимназія . . . . . 10—28

Поступленіе *10.* — Е. Т. Лѣтницкій и П. И. Мельниковъ *10.* — Годъ ученія въ Александровскомъ институтѣ *12.* — Институтскіе преподаватели *13.* — Товарищъ Дивѣевъ *14.* — Роль Института въ развитіи Бестужева *14.* — Дружба съ Ешевскимъ *15.* — Нижній-Новгородъ въ сороковые годы и Пенза въ тридцатые *16.* — Обратный переходъ въ гимназію *17.* — Литературныя чтенія *17.* — Первый историческій опытъ *18.* — Вліяніе П. И. Мельникова на развитіе историческаго вкуса *19.* — Первыя печатныя работы; разборъ „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями" Гоголя *20.*

Глава III.

Университетъ . . . . . 29—49

Рекомендація къ Мессингу и къ Погодину *29.* — Вѣяніе исторической старины *30.* — Представленія Бестужева о Московскомъ университетѣ до поступленія въ него *30.* — Профессора: П. Г. Рѣдкинъ *32.* — Н. И. Крыловъ *34.* — К. Д. Кавелинъ *36.* — С. М. Соловьевъ *38.* — Т. Н. Грановскій и П. Н. Кудрявцевъ *40.* — П. М. Леонтьевъ и М. Н. Катковъ *44.* — Знакомство съ Погодинымъ; занятія лѣтописью *45.* — Итоги университетскаго образованія *46.* — Кружокъ графини Саліасъ *48.* — Графиня Толстая *49.*

Глава IV.

Семья Чичериныхъ . . . . . 50—56

Семья Чичериныхъ; ихъ духовные интересы и идеалы *50.* — Вліяніе Чичериныхъ на Бестужева; предѣлы этого вліянія *54.*

Глава V.

стр.

Журнальная дѣятельность . . . . . 57—86

Забота о заработкѣ; сотрудничество въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ 57.* — Оцѣнка книги Булича о Сумароковѣ *58.* — Разборъ „Сочиненій" Пушкина въ изданіи Анненкова *61.* — Отзывъ о статьѣ Б. Н. Чичерина: „Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи" *63.* — Рецензія VI-го тома „Исторіи Россіи" Соловьева *68.* — Участіе въ *Московскомъ Обозрѣніи 70.* — „Современное состояніе русской исторіи, какъ науки" *71.* — Переѣздъ въ Петербургъ; сотрудничество въ *Отечественныхъ Запискахъ, Энциклопедическомъ Словарѣ* и въ *Запискахъ Русскаго Географическаго Общества 74.* — Статьи въ *Отечественныхъ Запискахъ 76.* — Оцѣнка историческихъ взглядовъ С. М. Соловьева *77.* — Оцѣнка славянофильской школы *82.* — Занятія архивныя *84.* — Преподаваніе русской исторіи Августѣйшимъ Особамъ *84.* — Популярныя книжки по русской исторіи *84.*

Глава VI.

Университетская каѳедра . . . . . 87—93

Занятіе каѳедры *87.* — Диссертація: „О составѣ русскихъ лѣтописей" *88.* — Постановка преподаванія русской исторіи въ Московскомъ университетѣ *90.* — Предшественники Бестужева въ Петербургскомъ университетѣ *91.*

Глава VII.

Русская исторіографія въ оцѣнкѣ Бестужева-Рюмина . . . . . 94—118

Щербатовъ *94.* — Карамзинъ *95.* — Вліяніе Нибура, Тьерри и Гизо *96.* — Полевой *98.* — Скептическая школа *100.* — Погодинъ *101.* — Историческая школа *103.* — Школа славянофильская *115.*

Глава VIII.

Задачи современной исторіи . . . . . 119—133

Устарѣлость исторической школы *119.* — „Общество" въ противоположность „государству", какъ главный объектъ историческаго изученія *120.* — Законы развитія общества *123.* — Знаніе практической жизни *125.* — Сравнительный методъ *125.* — Положеніе современнаго историка *128.* — Задачи художественной исторіи *130.* — Позднѣйшіе взгляды Бестужева на общество и государство *131.*

Глава IX.

Профессура . . . . . 134—144

Отношеніе Бестужева къ господствующимъ направленіямъ въ исторической наукѣ *134.* — Вступительная лекція въ Петербургскомъ университетѣ *135.* — Университетскіе курсы *136.* — Характеръ Бестужевскихъ лекцій *137.* — Обработка университетскихъ лекцій; „Русская Исторія" *141.*

Глава X.

стр.

„Русская Исторія". — Итоги университетской дѣятельности . . . . 145—162

Задача книги *145*. — Манера изложенія *147*. — Особенности „Введенія" *147*. — Основной характеръ содержанія „Русской Исторіи" *149*. — Итоги университетской дѣятельности: Бестужевъ, какъ лекторъ и какъ учитель; методъ его преподаванія; особенности научнаго направленія *158*.

Глава XI.

Литературная дѣятельность въ университетскую пору . . . . . 163—191

Поѣздки на Уралъ, на съѣзды и пр. *163*. — Вторники *164*. — Интересъ къ явленіямъ общественной жизни *165*. — Особенности литературныхъ работъ Бестужева *166*. — Рѣчь о Карамзинѣ *167*. — Біографія Ешевскаго; характеристика Гильфердинга; статьи о Татищевѣ и Шлецерѣ *167*.— Оцѣнка С. М. Соловьева *169*. — Оцѣнка Н. И. Костомарова *176*. — Оцѣнка М. П. Погодина *179*. — Отзывы объ „Исторіи Россіи" Д. И. Иловайскаго *181*. — „О колонизаціи великорусскаго племени" *183*. — Оцѣнка Ивана Грознаго *183*. — Оцѣнка Петра В. и его реформъ *185*.

Глава XII.

Высшіе женскіе курсы . . . . . 192—217

Воззрѣнія на школу и ея задачи *192*. — Потребности женскаго образованія *194*. — Записка 1882 г. *197*. — Руководительство Курсами *198*. — Вліяніе на молодежь *201*. Эпизодъ по поводу статьи въ „Минутѣ" *205*. — Случай на Тургеневскомъ вечерѣ *208*. — Лекція объ Иванѣ Грозномъ *210*. — Прошеніе на имя Государя въ 1889 г. *214*.

Глава XIII.

Славянофильскія теченія . . . . . 218—248

Вліяніе Ѳ. И. Буслаева *218*.— Вліяніе А. Ѳ. Гильфердинга *219*. — Оцѣнка славянофильскихъ взглядовъ въ шестидесятые годы *220*. — Связь русской исторіи съ исторіей другихъ славянскихъ народовъ *225*. — Участіе въ Славянскомъ обществѣ *226*.— Взгляды этой поры *229*.—Оцѣнка воззрѣній Вл. С. Соловьева *233*. — „Славянофильство" Бестужева *239*.

Глава XIV.

Итальянскія впечатлѣнія . . . . . 249—268

Римъ классическій и Римъ папскій *249*. — Помпея *253*. — Связь современности съ язычествомъ *254*. — Переводы *256*. — Культурно-религіозныя явленія современной Италіи *257*. — Наслажденіе Римомъ *259*. — С. Марино *266*. — Итоги заграничной поѣздки *268*.

PB-31345-SB
5-17
CC
B/T

Глава XV.

стр.

Интересы литературные . . . . . 269—285

Литературные вкусы Бестужева *269.* — Ж. Зандъ; Бальзакъ; А. де Мюссе *270.* — Вальтеръ-Скоттъ, Теккерей. Диккенсъ, Фильдингъ *271.* — Шиллеръ, Вольтеръ, Лонгфелло, Дж. Элліотъ *271.* — Дантъ *271.* — Шекспиръ *272.* — Пушкинъ *274.* — Майковъ, Полонскій и Фетъ *276.* — Ал. Толстой *276.* — Баратынскій *277.* — К. Р. *277.* — Языковъ и Батюшковъ *278.* — Вяземскій *278.* — Державинъ *279.* — Жуковскій *279.* — Бестужевъ-Марлинскій и Полевой *280.* — Лермонтовъ *280.* — Щербина, Мятлевъ, Давыдовъ и Добролюбовъ *281.* — Кольцовъ *281.* — Некрасовъ *281.* — Загоскинъ и Вельтманъ *281.* — Тютчевъ и Хомяковъ *281.* — Гоголь *282.* — Достоевскій и Л. Н. Толстой *283.*

Глава XVI.

Религіозныя воззрѣнія . . . . . 286—299

Вѣра и знаніе *286.* — Роль философіи *287.* — Религія *287.* — Борьба со зломъ *289.* — Ограниченность человѣческаго ума; идея самоусовершенствованія *289.* — Роль церкви *292.* — Значеніе обрядности *293.* — Значеніе долга и любви въ религіи *294.* — Библія *296.* — Религія въ общей системѣ взглядовъ Бестужева *297.*

Глава XVII.

Послѣдніе годы . . . . . 300—313

Болѣзни *300.* — Мрачное настроеніе *301.* — Мелкія литературныя работы *306.* — Карамзинъ *307.* — Смутное время *308.* — Академія Наукъ *309.* — Обмѣнъ мыслей въ болѣе тѣсномъ кругу *311.* — Избраніе въ почетные члены Русскаго Археологическаго общества *313.* — Смерть *313.*

Глава XVIII.

Заключеніе . . . . . 314—324

Обстановка духовнаго развитія Бестужева *314.* — Наука и жизнь *315.* — Ученый и человѣкъ *317.* — Черты характера *318.* — Вліяніе на окружающихъ *321.* — Нравственный критерій *322.*

Глава XIX.

Библіографія литературныхъ трудовъ . . . . . 325—344

Указатель г. Козеко *325.* — Статьи подъ иниціаломъ Б. *328.* — Рукописи *330.* — Сочиненія посмертныя *332.* — Статьи, намѣченныя Бестужевымъ для переизданія *332.* — Статьи о Бестужевѣ-Рюминѣ *336.* — Планъ систематическаго указателя *339.*

стр.

Систематическій указатель литературныхъ трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина . . . . . 345—393

I. Русская Исторія. А. Книги. Статьи. Рѣчи *345*. — Б. Рецензіи *352*. — II. Новая Русская Литература *366*. — III. Академія Наукъ *368*. — IV. Энциклопедіи и біографическіе словари *370*. — V. Статейки, замѣтки, письма и пр. по русской исторіи и литературѣ *374*. — VI. Славянскій вопросъ и Славянство *376*. — VII. Общественные вопросы *381*. — VIII. Некрологи *381*. — IX. Всеобщая Исторія *383*. — X. Всеобщая литература *384*. — XI. Географія *384*. — XII. Университетъ *386*. — XIII. Высшіе женскіе курсы *387*. — XIV. Смѣсь *387*. — XV. Переводы *389*. — XVI. Редактированныя изданія *390*. — XVII. Литографированныя лекціи *390*. — Указатель хронологическій *392*.

Изданія, въ которыхъ помѣщены труды К. Н. Бестужева-Рюмина . . 394—397

А. Журналы и газеты *394*. — Б. Изданія непеpіодическія, сборники и отдѣльныя сочиненія.

Указатель . . . . . 398—410

I. Личный *398*. — II. Историческій *405*. — III. Литературный *406*. — IV. Учрежденій *409*. — V. Географическій *410*.

Замѣченныя опечатки . . . . . 411.

444080

DK 38.7 .B4
Ocherk zhizni i nauchnoi dieia
Stanford University Libraries
3 6105 041 477 840

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

OCT 21 1991
DEC 22 1991
JAN 26 1992
FEB 29 1992